

Под редакцией Дэниела Хаусмана

Философия ЭКОНОМИКИ

Антология

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара –
крупнейший российский научно-исследовательский
и учебно-методический центр.

Институт экономической политики был учрежден Академией народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации в 1990 году. С 1992 по 2009 год он был известен как Институт экономики переходного периода, бессменным руководителем которого был Е.Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива в соответствии с Указом Президента РФ от 14 мая 2010 г. №601 Институт вернулся к исходному наименованию и ему было присвоено имя Е.Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано в 2010 году. Задачей издательства является публикация отечественных и зарубежных исследований в области экономических, социальных и гуманитарных наук, трудов классиков и современников.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА**

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ

The Philosophy of Economics

An Anthology

*Edited by
Daniel M. Hausman*

Философия ЭКОНОМИКИ

Антология

*под редакцией
Дэниела Хаусмана*

Издательство Института Гайдара
Москва / 2012

УДК 330
ББК 65.02
Ф56

Перевод с английского

*Н. Автономовой, И. Болдырева, Ю. Каптуревского,
П. Клюкина, М. Левиной, А. Фофонова, М. Шерстнева*

Философия экономики

Ф56 Антология [Текст] / под ред. Дэниела Хаусмана; пер. с англ. — М.:
Изд. Института Гайдара, 2012. — 520 с.

ISBN 978-5-93255-347-3.

Эта всеобъемлющая антология работ, посвященных природе экономики как науки, включает классические тексты и статьи, рассматривающие отдельные направления и школы экономической науки: от фрагментов работ Милля, Маркса, Вебера, Роббинса, Найта и Веблена до статей ведущих современных специалистов по методологии экономической науки, включая работы пяти Нобелевских лауреатов. Книга состоит из 22 глав, разделенных на четыре части: (I) Классические дискуссии; (II) Позитивистский и попперовский подходы; (III) Идеология и нормативная экономическая теория; (IV) Направления в экономической методологии.

Книга предназначена для студентов, изучающих экономическую теорию и методологию экономических учений, для специалистов в области экономики, а также для всех, кто интересуется историей экономической мысли, современными политэкономическими концепциями, нормативной теорией и институциональной экономикой.

УДК 330
ББК 65.02

© The Syndicate of the Press of the University of Cambridge 1984, 1994, 2008
© Издательство Института Гайдара, 2012

ISBN 978-5-93255-347-3

Содержание

Дэниел Хаусман. Предисловие · 7

ЧАСТЬ I. КЛАССИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ

1. *Джон Стюарт Милль. Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственном ей* · 55

2. *Макс Вебер. Объективность и понимание в экономике* · 77

3. *Лайонел Роббинс. Природа и значение экономической науки* · 93

4. *Фрэнк Найт. Экономика и человеческая деятельность* · 124

5. *Карл Маркс. Избранные тексты по экономике, истории и социологии* · 134

6. *Торстейн Веблен. Ограниченность теории предельной полезности* · 158

ЧАСТЬ II. ПОЗИТИВИСТСКИЕ И ПОППЕРИАНСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

7. *Милтон Фридман. Методология позитивной экономической науки* · 177

8. *Герберт Саймон. Проверяемость и приближительность* · 217

9. *Дэниел М. Хаусман. Зачем заглядывать под капот?* · 221

10. *Д. Уэйд Хэндс. Поппер и Лакатос в экономической методологии* · 227

ЧАСТЬ III. ИДЕОЛОГИЯ
И НОРМАТИВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

11. *Йозеф Шумпетер*. Наука и идеология · 247
12. *Николас Калдор*. Утверждения о благосостоянии в экономической науке и межличностные сравнения полезности · 265
13. *Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон*. Философские основания магистрального направления нормативной экономики · 269
14. *Роберт Х. Франк*. Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров? · 301
15. *Аматия Сен*. Возможности и благосостояние · 325

ЧАСТЬ IV. НАПРАВЛЕНИЯ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

16. *Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг*. Рынок как созидательный процесс · 355
17. *Джеффри Ходжсон*. В чем сущность институциональной экономики? · 381
18. *Дейдра Маккლოსки*. Риторика этой экономической науки · 399
19. *Ускали Мяки*. Реализм · 419
20. *Тони Лоусон*. Что может предложить реализм? · 429
21. *Джули Нельсон*. Феминизм и экономическая наука · 447
22. *Роберт Сагден*. Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке · 475

Предисловие

Дэниел Хаусман

Предпосылки принимались без опоры на факты или вопреки фактам, а выводы делались на основании этих предпосылок столь логичным образом, что они неизбежно должны были оказаться неверными.

Томас Лав Пикок. Замок Кротчет

С самого своего зарождения в XVIII веке экономическая наука вызывала у ученых методологические сомнения. Скептики вроде Пикока встречались даже в первой половине XVIII века, когда экономика пользовалась огромным престижем. Ибо экономическая теория — странная наука. Многие из ее предпосылок звучат крайне банально, например: «индивиды могут оценивать альтернативы» или «индивиды выбирают наиболее предпочтительное для себя». Другие предпосылки экономической науки — это упрощения вроде «товары бесконечно делимы» или «индивиды обладают совершенной информацией». На этих банальностях и упрощениях, на этих «предпосылках, принятых без опоры на факты или вопреки фактам» экономисты возвели математически сложную теоретическую доктрину, выводы которой, хотя и вовсе не «неизбежно оказываются неверными», все же бывают неверными достаточно часто. Тем не менее бизнес, профсоюзы и правительства держат на работе тысячи экономистов и доверяются их мнению относительно последствий той или иной своей политики. Так является экономической теорией наукой или нет?

Это сложный вопрос. Что вообще означает признание экономической теории наукой или, наоборот, лишение ее этого титула? Называться наукой для экономической теории, безусловно, честь, и не стоит забывать, что вместе с научным престижем дисциплины растут и заработки экономистов. Но все же о чем мы спрашиваем, когда произносим: «Является ли экономика наукой?» Спрашиваем ли мы о целях экономической теории или о ее методах, о концептуальной структуре или о том, можно ли свести эко-

---

Перевод с английского Н. В. Автономовой.

Дэниел Хаусман

номическую теорию к физике? Если экономическая теория — это все же наука, то можно ли сравнивать ее с естественными науками, или же она от них отличается?

В последние десятилетия ученые проявляют огромный интерес к философским вопросам экономической теории. Двадцать пять лет назад, когда я работал над первой редакцией этой антологии, этот интерес уже существовал. С тех пор философы, экономисты и другие представители общественных наук, равно как и простые граждане, проявляли все больший интерес к тому, что же это за интеллектуальная дисциплина — экономическая теория, и насколько она заслуживает доверия. Сомнения в ценности экономической науки в то время многих толкали к изучению соответствующей методологической литературы. В 1970-е годы, после всех экономических побед, одержанных после окончания Второй мировой войны, экономический рост замедлился и многие сомневались, что *кому-то* вообще было известно, как можно вернуть процветание, не прибегая к инфляции.

Десять лет спустя, когда выходило второе издание этой книги, экономисты находились в несколько лучшем положении, но сомнения не исчезли: как вернуть процветание, не обостряя бюджетный дефицит? Как восстановить рынки в плановых экономиках и избежать при этом экономического коллапса? Как искоренить повальную бедность в так называемых развивающихся странах? Неудивительно, что в подобной ситуации экономисты обратились к методологическим изысканиям в надежде найти какую-либо ошибку в прежних экономических исследованиях, вернее, в надежде обнаружить новые методологические указания по улучшению своей работы. Неудивительно также, что рядовые граждане, склонные оценивать экономистов исходя из текущего состояния экономики, а не из систематической оценки экономических теорий, начали сомневаться, все ли в порядке с экономической наукой.

Сегодня, в 2007 году, экономисты, напротив, на коне. Хотя за последние пятнадцать лет мир столкнулся с серьезными экономическими проблемами, например с международным финансовым кризисом 1997 года, постоянным высоким уровнем безработицы в Европе и серьезным экономическим упадком в Японии, развивающиеся страны продемонстрировали существенный экономический рост и общее улучшение состояния. В странах бывшего социалистического блока остаются весьма серьезные проблемы, но ситуация стабилизировалась и даже, по большей части, улучшилась. Кроме того, стремительный экономический рост в двух самых густонаселенных странах мира, Индии и Китае, полностью преобразил мировую экономику. Было бы чрезмерно

Предисловие

оптимистично утверждать, что основные экономические проблемы уже решены, особенно в свете катастрофического экономического положения многих беднейших стран мира. Однако сегодня подобное заявление уже не звучит так же абсурдно, как прозвучало бы поколение назад.

Сомнения в ценности экономической науки, которые в 1970-е годы помогли пробудить интерес к экономической методологии, сейчас ослабли. Однако теоретические причины интересоваться экономической методологией, наоборот, укрепились. В предыдущих изданиях этой книги я приводил три такие причины. Во-первых, не только экономисты, но и антропологи, политологи, социальные психологи и социологи, подпавшие под влияние экономистов, утверждают, что «экономический подход» — это единственный разумный подход к изучению человеческого поведения. Это провокативное убеждение — что экономическая наука задает модель, которой должны следовать все остальные общественные науки, — очевидным образом придает вес вопросам экономической методологии в глазах представителей прочих социальных наук.

В 1970-е и 1980-е годы возникла довольно парадоксальная ситуация, поскольку одни экономисты громко заявляли об универсальной ценности экономического подхода к человеческому поведению, а другие всерьез сомневались в его ценности даже для самой экономики. Однако по мере того, как сомнения улетучивались, этот парадокс сглаживался. Впрочем, примерно в тот же период выяснилось еще одно парадоксальное обстоятельство, которое как раз является второй причиной резкого повышения интереса к методологии экономической науки. Пока экономисты громко заявляли о важности экономического подхода к человеческому поведению, когнитивные психологи и экономисты, вдохновленные работой этих психологов, доказали, что многие базовые утверждения современной мейнстримовой экономической теории опровергаются в ходе экономических экспериментов.

Наконец, есть особые причины, благодаря которым философы больше, чем раньше, заинтересовались методологией экономической науки. Современные философы науки убеждены, что многое о том, как нужно заниматься наукой, можно узнать из того, как ею занимаются в реальности. Хотя большая часть философов, занимающихся наукой, изучают естественные науки, экономическая теория представляет для философов особый интерес. Дело не только в том, что ей присущи описанные выше методологические особенности, но еще и в том, что моральные философы, независимо от того, привлекает их инструментарий экономики и теории игр или отталкивает, вынуждены примириться с экономической теорией благосостояния (она обсуждается в части III данной антологии).

Дэниел Хаусман

Ввиду всех этих причин, неудивительно, что методология экономической науки вызывает сегодня такой живой интерес. В то время как торжествующие экономисты утверждают, что нашли единственно верный путь развития для всех общественных наук, психологи, специалисты по поведенческой экономике и нейроэкономисты ставят под сомнения базовые обобщения экономической науки и предлагают к ней совершенно новый подход. Возрождение интереса к теме экономической методологии произошло после нескольких десятилетий забвения, на протяжении которых философы ее в основном игнорировали, а философские изыскания экономистов — даже выдающихся — были спорадическими и зачастую носили полемический характер.

Цель этого сборника — помочь всем тем, кого интересует методология экономической науки, предложив им полное и современное введение в этот предмет. Я надеюсь, что эта книга окажется полезным инструментом как для проведения исследований, так и для преподавательской деятельности. Она знакомит читателя с обширным кругом методологических вопросов, а также с подходами разных ученых к этим вопросам.

В отличие от учебника, данная антология предлагает читателю также некоторую историческую перспективу. Методологические вопросы касательно экономической науки — цели этой науки, способы обоснования экономических утверждений, понятия экономической науки и их отношение к понятиям естественных наук и так далее — все это философские вопросы, а в философии обыкновенно не стоит пренебрегать знаниями прошлого. Мудрость прошлого нельзя заключить в учебник, а оригинальные тексты — вовсе не удел одних лишь историков-интеллектуалов. Значительная ценность философского текста заключается в той важности, которую этот текст имел в интеллектуальном контексте своего времени, а также в нюансах авторской аргументации. Я считаю, что очень многое можно узнать об экономической методологии, изучая, что думали о ней гиганты мысли вроде Джона Стюарта Милля или Карла Маркса. Тот, кто хочет всерьез разобраться в методологии экономической науки, должен разобраться сначала в ее истории.

Чтобы читателю было проще понимать тексты, из которых состоит эта книга, я предварил их некоторыми вводными материалами. Каждая часть начинается с комментария относительно ее содержания. Кроме того, оставшаяся часть настоящего введения должна сделать содержание книги более доступным для читателя: далее вы найдете краткое введение в философию науки, в экономическую теорию, а также в исторические и современные подходы к экономической методологии.

Предисловие

Введение в философию науки

Поскольку наука – это один из видов когнитивной деятельности человека, философия науки является частью эпистемологии (теории познания), хотя философы науки сталкиваются также и с вопросами из области логики, метафизики, этики и даже эстетики. Проблемы философии науки встречаются уже в работах философв-досократиков, но самостоятельной ветвью философии она была признана только в XIX веке. Развитию ранней современной философии науки в XVIII веке наиболее поспособствовали Давид Юм и Иммануил Кант, а в XIX веке – Джон Стюарт Милль и Уильям Уэвелл. В конце XIX века монографии по философии науки писали преимущественно ученые или историки науки, такие как Эрнст Мах, Пьер Дюгем и Анри Пуанкаре. В первой половине XX века течение философии науки по большей части формировали так называемые логические позитивисты (многие из которых имели естественно-научное образование), хотя немалый вес имели также воззрения Карла Поппера. Современная философия науки – арена активных исследований и споров. Хотя ученые преимущественно сходятся во мнениях относительно основных ее понятий, тонкости таких концепций, как объяснение или доказательство, вызывают у них жаркие дискуссии. Стандартной доктрины или тщательно проработанной ортодоксии в философии науки не существует.

Вопросы из области философии науки, наиболее актуальные для экономической теории, можно разделить на пять групп.

1. *Цели.* Каковы цели науки и научного теоретизирования? Является ли наука прежде всего практической деятельностью с целью выявления полезных обобщений, или же она должна заниматься поиском объяснений и истины?
2. *Объяснение.* Что такое научное объяснение?
3. *Теории.* Что такое теории, модели и законы? Как они соотносятся друг с другом? Как они открываются или строятся?
4. *Проверка, индукция и демаркация.* Как проверяются и подтверждаются (или опровергаются) научные теории, модели и законы? Как различаются установки и практики у ученых и представителей других дисциплин?
5. Одинаковы ли ответы на эти четыре вопроса в отношении всех наук во все времена? Можно ли изучать человеческие поступки и институты так же, как мы изучаем природу?

Дэниел Хаусман

Я разделил вопросы, которыми задаются философы науки, на эти пять групп только для того, чтобы структурировать свои дальнейшие рассуждения. Я опустил вопросы, касающиеся ненаблюдаемых постулатов научных теорий, которые имели огромное значение для логических позитивистов и их ближайших последователей, потому что для экономической науки они такого большого значения не имеют.

Современную философию наук проще всего понять, опираясь на позитивистскую и Попперову теории, которые, кстати говоря, до сих пор оказывают большое влияние на экономистов. Поэтому, обсуждая вышеперечисленные вопросы, я посвящу некоторое внимание предкам современных взглядов — взглядам позитивистов и попперианцев.

Цели науки

В зависимости от своего отношения к целям науки ученые делятся на две основные группы. *Научные реалисты* считают, что наука должна помогать людям делать точные предсказания, а в дополнение открывать новые истины о мире и объяснять его явления. Они считают, что цель науки — истина. Заявление об обнаружении истины должно подтверждаться достаточным количеством убедительных доказательств, хотя реалисты признают, что научные открытия и могут пересматриваться и корректироваться по мере роста и развития науки. *Антиреалисты* могут быть *инструменталистами*, то есть рассматривать цели науки как исключительно практические; либо же антиреалисты могут не соглашаться с реалистами в вопросах существования ненаблюдаемых постулатов научных теорий, в вопросах того, верны ли утверждения относительно таких постулатов, а также могут ли наблюдаемые доказательства обосновывать утверждения относительно ненаблюдаемых постулатов. Обратите внимание, что инструменталисты не отвергают теоретизирование. Они соглашаются с реалистами в том, что теории важны. Но они считают, что задача теорий — помогать людям предвосхищать и контролировать различные явления окружающего мира. Милтон Фридман в своем популярном эссе «Методология позитивной экономической науки», которое вошло и в эту антологию, поддерживает чисто инструменталистский взгляд на науку.

Кто же прав — реалисты или антиреалисты? У философов нет однозначного мнения на этот счет. Влияние реализма и антиреализма в последние несколько десятилетий существенно колеба-

Предисловие

лось². Сами ученые также не имеют единого мнения по этому поводу. Реализм прочно закрепился во многих областях: сколько найдется людей, сомневающих, что ДНК существует и является носителем генетического кода? Но зато проблемы и особенности квантовой механики сформировали у многих физиков весьма невысокое мнение о целях науки и привели их к антиреалистическому взгляду на утверждения относительно квантовых явлений. Обсуждение актуальности спора между реалистами и антиреалистами для экономической науки можно найти в эссе Ускали Мяки и Тони Лоусона в части IV данной антологии.

Тому, кто надеется, что наука может при помощи теоретизирования открывать новые истины о мире, необязательно считать теории *лишенными ценности*, даже если они оказываются неверны. Астрономическая система Птолемея, в которой Земля помещена в центр Солнечной системы, веками использовалась для навигационных целей уже после того, как была опровергнута. Нет такой причины, по которой реалист не мог бы использовать теорию Птолемея для навигации. Реалист требует от науки большего, чем лишь быть источником полезных теорий, но это не повод отказываться от удобных рабочих инструментов.

Научное объяснение

Объяснение отвечает на вопрос «почему?». Оно устраняет недоумение и обеспечивает понимание. Многие считают, что объяснение — это способ сделать непонятные явления понятными, но на деле объяснения часто звучат куда более непонятно, чем те явления, которые они призваны объяснять. Сравним, например, тот всем известный факт, что вода при комнатной температуре является текучим веществом, с тем объяснением, которое физики дают этой текучести.

Философы расходятся во мнениях относительно того, что является главным элементом научного объяснения. Логические позитивисты, как и их последователи, логические эмпиристы, считали, что научные объяснения показывают, что объясняемое

-
2. Аргументы в защиту научного реализма можно найти в: R. Boyd. On the Current Status of Scientific Realism // *Erkenntnis*. 1983. No. 19. P. 45–90; R. Miller. *Fact and Method: Explanation, Confirmation and Reality in the Natural and the Social Sciences*. Princeton: Princeton University Press, 1987. Part III. Влиятельную антиреалистическую позицию см. в: B. van Fraassen. *The Scientific Image*. Oxford: Oxford University Press, 1980.

Дэниел Хаусман

явление или закономерность являются следствием глубинной закономерности. Научное объяснение показывает, что то, что мы пытаемся объяснить, является предсказуемым явлением. Такое понимание объяснения было принято еще в Древней Греции, но наиболее систематическое развитие оно получило в XX веке, в эссе Карла Гемпеля³. Гемпель развивает две основные модели научного объяснения: дедуктивно-номологическую и индуктивно-статистическую. Последняя, как и следует из ее названия, занимается вероятностными объяснениями и стремится развить логическое понимание, присущее дедуктивно-номологической модели.

В дедуктивно-номологическом объяснении утверждение, подлежащее объяснению, логически выводится из набора истинных утверждений, среди которых обязательно должен быть хотя бы один закон. Схематически эта модель выглядит так:

Верные утверждения относительно исходных условий

Законы

Утверждение, подлежащее объяснению

Линия обозначает дедуктивный вывод. Описание события или закономерности логически выводится из законов и верных утверждений. Для этого необходим хотя бы один закон. Логический вывод о том, что яблоко красное, из истинного обобщения, что все яблоки в корзинке у Билла – красные, не объясняет, почему яблоко красное. «Случайные обобщения», в отличие от законов, не являются объяснениями.

Дедуктивно-номологическая модель – случай детерминистского, или нестатистического объяснения. Располагая только статистической закономерностью, мы не можем логически вывести из нее того утверждения, которое подлежит объяснению, но можем показать, что то, что оно утверждает, – весьма вероятно. Именно это делает индуктивно-статистическая модель Гемпеля.

Даже когда дедуктивно-номологическая модель ограничена нестатистическими объяснениями, она не решает проблемы контрпримеров. Аргумент может удовлетворять всем условиям дедуктивно-номологической модели, но не быть при этом объяснением. Например, тот факт, что кто-то регулярно принима-

---

3. См.: C. Hempel. *Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science*. New York: Free Press, 1965. Обзор полемики о научном объяснении см. в: W. Salmon. *Four Decades of Scientific Explanation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1990.

Предисловие

ет противозачаточные таблетки, не объясняет того, что этот кто-то не беременеет, если этот человек не живет половой жизнью или если это мужчина. Но при этом то, что этот человек не беременеет, все равно является следствием «закона», гласящего, что те, кто принимает противозачаточные таблетки согласно инструкции, не беременеют⁴. Можно вычислить высоту флагштока, зная длину его тени, угол подъема Солнца и закон перемещения света по прямой, но это не поможет нам объяснить высоту флагштока. Аналогичное заключение, тем не менее, может объяснить длину тени⁵.

В чем же здесь ошибка? На уровне здравого смысла нам понятно, что тот факт, что женщина принимает противозачаточные таблетки, не имеет причинного влияния на то, забеременеет ли она, если она не живет половой жизнью. Нам также понятно, что мужчина не может забеременеть, независимо от того, принимает он противозачаточные таблетки или нет. Аналогичным образом, солнечный свет и тень не имеют существенного причинного влияния на высоту флагштока. Похоже, что объяснения событий все же должны ссылаться на *причины* этих событий⁶. Однако в теории объяснения есть две проблемы, связанные с указанием причины событий. Во-первых, причинными являются большинство объяснений событий, но не все. Во-вторых, утверждение, что объяснения событий ссылаются на их причины, само по себе не слишком информативно. В отсутствие теории причинной связи причинная теория объяснения — пустышка, но даже при наличии такой теории заявление, что объяснить — значит привести причину, будет лишь поверхностным. Существование солнца имеет причинное влияние на урожай пшеницы, но не объясняет цену на зерно.

-
4. Этот пример приводится в: W. Salmon (ed.). *Statistical Explanation and Statistical Relevance*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1971. P. 34.
  5. Пример адаптирован, оригинал взят из: S. Bromberger. Why Questions // R. Colodny (ed.). *Mind and Cosmos: Essays in Contemporary Science and Philosophy*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1966. P. 86–111.
  6. В своих книгах Нэнси Картрайт убедительно отстаивает важность причинных понятий в науке, особенно в физике: Nancy Cartwright. *How the Laws of Physics Lie*. Oxford: Clarendon Press, 1983; Nancy Cartwright. *Nature's Capacities and Their Measurement*. Oxford: Clarendon Press, 1989. Очевидно причинные примеры объяснений развиваются в: D. Lewis. *Causal Explanation // Philosophical Papers*. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 214–240; R. Miller. *Fact and Method*. Part 2; W. Salmon. *Scientific Explanation and the Causal Structure of the World*. Наиболее изощренные примеры существующих сегодня причинных объяснений можно найти в: J. Woodward. *Making Things Happen*. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Дэниел Хаусман

Объяснение человеческого поведения связано с дополнительными сложностями. Большинство объяснений человеческой деятельности имеет простую форму. Можно объяснить, почему актер купил те или иные акции или сменил работу, сославшись на релевантные убеждения и желания этого актера. Когда экономисты объясняют поведение в рамках функции полезности, они приводят именно такие объяснения.

Этот способ объяснения проблематичен с философской точки зрения. Попытавшись интерпретировать подобные объяснения как неполные или небрежные дедуктивно-номологические, мы обнаруживаем, что в них трудно найти какие-либо очевидно существенные или достоверные законы. Объяснениями служат такие банальности, как «люди делают то, что является для них наиболее предпочтительным». Некоторые философы утверждают, что подобные выводы вообще не являются эмпирическими, что эти выводы следуют из самих понятий действия и предпочтения⁷. По мнению этих философов, объяснения человеческого поведения решительно отличаются от объяснений, принятых в естественных науках. Объясняя, почему кто-то поступил так, как поступил, мы не пытаемся отнести этот поступок к категории какой-то общей закономерности. Вместо этого мы ссылаемся на *мотивы*, двигавшие актером.

Действительно, объясняя поступок человека, мы приводим мотивы, побудившие его совершить этот поступок. Но по сути своей отличаются ли объяснения, ссылающиеся на мотивы, от объяснений, используемых в естественных науках? Можно ли рассматривать их как (приблизительно) дедуктивно-номологические или как причинные? Можно ли оценивать их так же, как оцениваются объяснения в естественных науках? Тут философы расходятся во мнениях. Большинство экономистов-теоретиков пытались привести объяснения экономических явлений к виду объяснений, типичных для естественных наук. Почему бы объяснениям через мотивы не быть *также* научными объяснениями через причины?⁸ Но есть и существенное меньшинство не согласных с этим экономистов, к которым принадлежит, например, такой выдающийся

---

7. См.: G. von Wright. *Explanation and Understanding*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1971; Георг Хенрик фон Вригт. Объяснение и понимание // Георг Хенрик фон Вригт. *Логико-философские исследования*. М.: Прогресс, 1986. Более простое изложение см.: A. Rosenberg. *Philosophy of Social Science*. Boulder, CO: Westview Press, 1988. Ch. 2.

8. См.: D. Davidson. Actions, Reasons and Causes // *Journal of Philosophy*. 1963. No. 60. P. 685–700; A. Rosenberg. *Microeconomic Laws: A Philosophical Analysis*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1976. Ch. 5.

Предисловие

ученый, как Фрэнк Найт (глава 4). Они утверждают, что объяснение действий через мотивы фундаментальным образом отличается от обычных научных объяснений.

Научные теории и законы

Большинство философов раньше считали, что наука развивается, когда ученые открывают новые теории и законы, но экономисты с большей охотой рассуждают о *моделях*, чем о законах и теориях. В последние двадцать лет, однако, философы изменили свою точку зрения⁹, и сегодня существуют философские исследования, которые лучше позволяют оценить теоретические построения экономистов.

Экономистам случается иногда рассуждать и о законах. В экономической науке существует понятие закона спроса, закона Сэя, закона цены и так далее. Поэтому давайте вначале скажем несколько слов о законах и той роли, которую они играют в науке. Научные законы не являются, разумеется, предписывающими законами, которые определяют, что и как должно происходить в мире (не стоит думать, что Луна хотела бы сойти со своей орбиты вращения вокруг Земли, но закон гравитации запрещает ей это делать). Научные законы – это, грубо говоря, закономерности, существующие в природе, но не просто закономерности. Рассмотрим обобщение «никакой золотой самородок не весит более тысячи тонн». Даже если это утверждение истинно всегда и везде, оно является лишь случайным обобщением и не несет объяснительной ценности. В чем же заключается разница между случайной закономерностью и настоящим законом?

Вместо того чтобы перечислять все те неудовлетворительные ответы, которые давали на этот вопрос философы разных времен, давайте вернемся на шаг назад и спросим: а есть ли в экономической науке настоящие законы? Возьмем, например, закон спроса. Он гласит, грубо говоря, что, когда цена какого-либо товара снижается, люди стремятся приобрести большее количество этого товара, а когда повышается – то меньшее. В отличие от законов физики, таких как закон Бойля, гласящий, что давление и объем газа обратно пропорциональны друг другу, «закон» спроса асимметричен: он связывает причины (изменения цены) со след-

---

9. Хотя логические позитивисты и логические эмпиристы также писали о моделях, их понимание модели относилось к области формальной логики и не имело почти ничего общего с теми моделями, которыми пользуются экономисты.

ствиями (изменениями величины спроса). Если вначале произойдет рост величины спроса, то цена скорее повысится, чем понизится. Во-вторых, «закон» спроса не является (во всяком случае, в данной формулировке) универсальной истиной. Например, если одновременно с падением цены происходит изменение во вкусах, величина спроса может и не возрасти. Таким образом, мы видим, что понятие закона не слишком подходит тем, кто интересуется экономической методологией.

Затронутая нами тема весьма сложна, поскольку в формулировках экономических утверждений, таких как «закон» спроса, возможны небольшие изменения. Можно, например, утверждать, что такие законы ограничены условием *ceteris paribus*: при прочих равных условиях, увеличение цены снижает величину спроса на продукт, а снижение цены ее увеличивает. В своих собственных исследованиях я поддерживаю именно эту идею, выдвинутую когда-то еще Джоном Стюартом Миллем (см. первый раздел этой книги). Согласно дедуктивно-номологической модели объяснения экономисты могут использовать для объяснения экономических явлений такие обобщения, как закон спроса, только если эти обобщения являются истинными законами.

Однако многое можно сказать в защиту использования откровенно причинного взгляда на объяснение, при котором не требуется ссылаться ни на какие законы; так поступает, например, Джеймс Вудворд. Независимо от того, является ли закон спроса законом в полном смысле слова, существует определенная область, в которой он почти всегда оказывается истинным, и в рамках этой области можно пользоваться им для определения причины ценовых изменений.

Интеллектуальные концепции, значение которых подчеркивали логические эмпиристы, — научные теории — также не слишком хорошо подходят для экономической науки. Одна из черт, которые позитивисты считали критической для построения теорий, — постулирование ненаблюдаемых сущностей и свойств для объяснения наблюдаемых явлений — для экономической науки нетипична. Несмотря на то что убеждения и предпочтения очевидно не поддаются наблюдению, они не являются теми новыми утверждениями, которые постулируют экономисты. Кроме того, когда экономисты говорят о теориях, то речь обычно идет об отраслях экономической науки (таких как теория игр, теория фирмы или теория монополистической конкуренции), а не об аналогах Ньютоновой теории гравитации или Максвелловой теории электромагнитного излучения.

В естественных науках теории это, как правило, наборы законообразных утверждений, которые «сообща» позволяют опи-

Предисловие

сать, предсказать и объяснить явления в какой-либо области. Логические позитивисты уточнили, как это происходит, сказав, что теории формируют дедуктивные системы. По мнению позитивистов, теории являются прежде всего «синтаксическими» объектами, термины и утверждения которых интерпретируются при помощи «правил соответствия»¹⁰. Сейчас я объясню, что это значит.

Логические позитивисты находились под сильным влиянием тех прорывов в формальной логике, которыми были отмечены конец XIX и начало XX века, и утверждали, что логическая выводимость — это *формальное* отношение между предложениями, независимое от *значений* этих предложений. Например, они считали, что можно вывести предложение «г» из предложения «s и г», ничего не зная о том, что утверждается в предложениях «s» и «г». Логика изучала возможность создания формальных языков, лишенных всех тех двусмысленностей, которые присущи обычным языкам. В этих формальных языках существовала бы четкая граница между вопросами, касающимися синтаксиса, и семантическими вопросами, касающимися значения и истины.

Логические позитивисты надеялись, что при помощи формальных языков можно будет выражать научные теории. Из аксиом теории, считали они, все теоремы будут вытекать чисто формально (так же, как «г» вытекает из «s и г»). Однако для того чтобы теория имела значение и сообщала нам что-то об окружающем мире, ее все равно требовалось истолковать. «Правила соответствия» должны были обеспечить это толкование, а также возможность проверки теории. Изначально правила соответствия задумывались как четкие дефиниции каждого из теоретических терминов, но вскоре позитивисты осознали, что недооценили сложность связи между теорией и данными наблюдений.

Научные теории обычно нельзя формализовать так, как это надеялись сделать логические позитивисты; воззрения позитивистов несправедливы по отношению к тому, как теории строятся и используются. Более того, проблемы связи теории и наблюдений в той формулировке, в которой их рассматривали позитивисты, неразрешимы, и нерешенными остаются также проблемы, связанные с классификацией законообразных утверждений. Многие философы науки сегодня согласны с более свободным и неформальным определением теории как набора истолкованных законообразных утверждений, а не с прежним ее определением как

---

10. См.: F. Suppe. *The Structure of Scientific Theories*, 2nd ed. Urbana: University of Illinois Press, 1977 (особенно p. 3–118).

Дэниел Хаусман

набора систематически связанных друг с другом неистолкованных, чисто синтаксических предложений.

По-настоящему насущная задача для всех, кто интересуется экономической наукой, — понять, что такое научная *модель*, потому что экономические теории строятся преимущественно на основании моделей. Научные модели, в отличие от научных теорий, могут быть и материальными (как уменьшенные модели самолетов, которые подвергаются испытаниям в аэродинамической трубе), и лингвистическими. Однако так же, как и законы с теориями, они репрезентативны. В отличие от законов и некоторых теорий, моделями можно манипулировать, их можно исследовать и модифицировать. Хотя иногда и стоило бы задуматься, насколько верны отдельные части экономических моделей, экономисты чаще оценивают модели с точки зрения их плодотворности или полезности.

Согласно одному из существующих мнений, которого придерживаюсь и я (и которое критикуется в эссе Сагдена, включенном в настоящую антологию), модели принадлежат к тому же логическому типу, что и предикаты типа «имеет две ноги», или к тому же типу, что и определения таких предикатов¹¹. При таком толковании модель выбора потребителя между двумя товарами не выводит никаких утверждений об окружающем мире. Она является предикатом типа «является системой потребления с двумя благами» или определением такого предиката. Конечно, экономисты все же делают утверждения о мире. Они делают их *используя* модели, предполагая, что предикаты, которые эти модели составляют или определяют, являются истинными или ложными относительно существующих в мире систем явлений.

Если мы упростим эту точку зрения до предела, то она заключается в следующем. Ученые формулируют не «теории», вроде «все тела притягивают друг друга с силой гравитации», а «модели», вроде «нечто является ньютоновской системой только в том случае, если все тела в нем притягивают друг друга с силой гравитации и...», а затем на основании этих «моделей» выводят эмпи-

---

11. Такое предикатное понимание моделей берет начало в работах: P. Suppes. *Introduction to Logic*. New York: Van Nostrand Reinhold, 1957. Ch. 12; J. Sneed. *The Logical Structure of Mathematical Physics*. Dordrecht: Reidel, 1971; W. Stegmüller. *The Structuralist View of Theories*. New York: Springer-Verlag, 1979. Введение в предмет в той терминологии, которую я предпочитаю, можно найти в: R. Giere. *Understanding Scientific Reasoning*, 2nd ed. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1982. Ch. 5. Все эти авторы развивают подобный подход как описание теорий, а не моделей. Более подробное изложение этого подхода с отсылкой к экономической науке см. в моей работе: Daniel Hausman. *The Inexact and Separate Science of Economics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. Ch. 5.

Предисловие

рические утверждения, вроде «вселенная является ньютоновской системой». В таком преувеличенно упрощенном виде эта точка зрения выглядит практически смешно, заставляя нас удивляться, что вообще заставляет серьезных философов ее защищать.

На то есть две причины. Во-первых, если мы надеемся суметь воспроизвести утверждения науки формальным образом, понимание моделей как предикатов имеет существенные технические преимущества. Во-вторых, такая точка зрения позволяет систематизировать два типа достижений, встречающихся при создании научной теории. Хотя в конечном итоге главное достижение ученых — это те утверждения о мире, которые модели позволяют им сделать, для развития науке недостаточно только подмечать связи между уже известными свойствами вещей. Совершенно необходимая часть научных исследований — это создание новых концепций, новых способов классификации явлений. Значительная часть научных усилий посвящена размышлениям об этих концепциях, поиску их связи с другими концепциями и изучению их следствий. Такие научные разработки популярны среди экономистов, которые часто изучают следствия, вытекающие из предпосылок совершенной рациональности, совершенной информации и совершенной конкуренции, не заботясь об их непосредственном эмпирическом применении или проверке.

Оценка и демаркация

Большинство людей эмпирически подходят к теории оценки: они считают, что для принятия или отвержения утверждений об окружающем мире ученым необходимы свидетельства, которые можно пронаблюдать или как-то иначе воспринять. По мнению таких эмпиристов, экономисты могут верить, что индивиды, как правило, предпочитают большее количество товаров меньшему, только в том случае, если этот вывод сделан ими на основании опыта.

Точка зрения эмпиристов не лишена некоторой противоречивости. Кант в своей «Критике чистого разума» утверждал, что существует некоторое количество «синтетических» истин о мире, вроде аксиом евклидовой геометрии, которые могут быть известны человеку *a priori*, то есть без конкретного чувственного подтверждения. Кант полагал, что эти предположения автоматически следуют из самой возможности осознанно познавать мир. Никакие наблюдения или опыт, считал он, не могут заставить нас поверить, что эти предположения неверны.

Современная физика довольно жестоко обошлась с верой Канта в то, что аксиомы евклидовой геометрии являются априорными

Дэниел Хаусман

истинами, но Кантова вера в существование синтетических априорных истин все еще имеет сторонников среди экономистов так называемой австрийской школы, особенно в лице Людвиг фон Мизеса и его последователей. Они утверждают, что основные постулаты экономической науки являются как раз синтетическими априорными истинами¹². Я не стану обсуждать здесь эпистемологические воззрения представителей австрийской школы, но читателю следует знать, что некоторые методологи сомневаются в верности эмпирического подхода к оценке утверждений о мире.

Несмотря на свою кажущуюся очевидность, эмпирический подход к оценке утверждений о мире имеет свои недостатки. Во-первых, кажется маловероятным, что истины-определения, вроде «у треугольников три угла», требуют проверки или что наша вера в такие утверждения должна основываться на результатах наблюдений. Чтобы понять, что утверждение «этот квадрат круглый» является ложным, нам также не требуются эксперименты. Логические позитивисты попытались решить эту проблему, отделив синтетические утверждения — утверждения об окружающем мире — от аналитических или противоречивых утверждений, истинность или ложность которых зависит исключительно от логики и значения терминов, используемых в этих утверждениях¹³.

Однако даже ограничившись исследованием синтетических утверждений, мы не решаем всех проблем. Как утверждал в XVIII веке Юм, наблюдение устанавливает истинность лишь отдельных утверждений о конкретных событиях либо свойствах вещей в определенное время в определенном месте. На чем же тогда основывается наша вера в обобщения или в единичные утверждения о том, чего мы еще не наблюдали? Как писал Юм: «Если нам покажут тело одинакового цвета и одинаковой плотности с тем хлебом, который мы ели раньше, то мы не задумываясь повторим опыт, с уверенностью предвидя, что этот хлеб так же насытит и поддержит нас, как и прежний; основание

---

12. См. Ludwig von Mises. *Human Action: A Treatise on Economics*. New Haven: Yale University Press, 1949; Людвиг фон Мизес. *Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории*. Челябинск: Социум, 2008.

13. Классическую критику разделения суждений на аналитические и синтетические см. в: W. V. O. Quine. *Two Dogmas of Empiricism* // *From a Logical Point of View*, 2nd ed. New York: Harper & Row, 1961. P. 20–46; Уиллард ван Орман Куайн. *Две догмы эмпиризма* // Уиллард ван Орман Куайн. *Слово и объект*. М.: Праксис, 2000. См. также: Н. Putnam. *The Analytic and the Synthetic* // Н. Feigl and G. Maxwell. *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 3. P. 350–397; С. Hempel. *A Logical Appraisal of Operationalism* // С. Hempel. *Aspects of Scientific Explanation*. P. 123–133.

Предисловие

именно этого духовного, или мыслительного, процесса мне бы и хотелось узнать»¹⁴.

Иными словами, Юм бросает нам вызов: покажите мне убедительное доказательство какого-либо обобщения или утверждения о чем-то, чего вы не наблюдали, основанное лишь на отчетах о чувственном опыте. Это доказательство не может быть дедуктивным, поскольку дедуктивные умозаключения ненадежны: каждый следующий кусок хлеба может оказаться смертельным. «Индуктивное» доказательство также не подходит, поскольку у нас есть только индуктивные, то есть сомнительные основания считать такие доказательства достаточно убедительными.

Так Юм излагает свою *проблему индукции*. Прежде всего эта проблема касается того, как и чем должны *подкрепляться* или *доказываться* единичные утверждения о вещах или обобщениях, которых человек не наблюдал на практике. Вопрос обнаружения обобщений не является в ней основным. По моему мнению, проблема индукции Юма в такой формулировке является, как он и пишет, неразрешимой.

Если эту проблему индукции нельзя решить, остается два варианта действий. Либо можно отрицать, что у нас вообще есть достаточные причины верить обобщениям о мире, независимо от того, сколько у нас имеется предполагаемых свидетельств. Именно к такому скептическому выводу пришел Юм – хотя он и признавался, что за пределами своего кабинета этим выводом руководствоваться не мог. Либо же можно раскритиковать Юмово изложение проблемы. Я предпочитаю второй подход. Ошибка Юмовой проблемы индукции связана с его представлением о том, что нужно для доказательства обобщения. Юм хочет, чтобы каждое обобщение, сделанное на основании одних лишь чувственных данных, доказывалось отдельно. Если же мы, наоборот, ослабим требования по отношению к доказательствам и позволим включить в них все предполагаемое научное знание о мире, мы столкнемся со сложной, но не неразрешимой проблемой индуктивного умозаключения, над которой и бьются ученые. Наблюдения и эксперименты играют критическую роль в росте и коррекции эмпирического знания, но людям ни к чему проследить истоки своих знаний до самой их экспериментальной основы¹⁵. Выражаясь метафорически, узнавать о мире новое – все равно что перестраивать корабль находясь на нем в открытом море. Узна-

---

14. Давид Юм. *Исследование о человеческом разуме*. М.: Прогресс, 1995. С. 28.

15. Отвергая фундаментализм, я следую примеру многих современных философов. К последним влиятельным антифундаменталистам принадлежат Уиллард Куайн с работами «Две догмы эмпиризма» и «Натурализованная эпистемология», а также Айзек Леви: I. Levi. *The Enterprise of Knowledge*.

Дэниел Хаусман

вая новое о мире, люди полагаются и на наблюдения, и на те обширные знания, которыми они считают, что уже располагают.

Этой метафорой мы обязаны Отто Нойрату, члену Венского кружка, колыбели логического позитивизма. Однако в большинстве своем логические позитивисты не одобряли подобного холистического взгляда на научное знание. Напротив, Рудольф Карнап и другие ученые прилагали значительные усилия, чтобы разработать индуктивную логику, канон мышления, согласно которому выводы можно было бы делать с определенной степенью вероятности на основании лишь базовой логики, математики и отчетов о наблюдениях¹⁶. Эти труды не увенчались успехом, но работа Карнапа указала ученым путь к более перспективным подходам, которые используются и сейчас¹⁷.

Взгляды Карла Поппера на индукцию куда более радикальны. В 1930-е годы Поппер осознал, что результаты экспериментов и наблюдений имеют отношение к истинности или ложности утверждений о мире только в контексте системы предварительно принятых убеждений¹⁸. Но на этом он не остановился. Он предположил, что такие обобщения, как «любая медь является проводником электричества», несмотря на то что не могут быть *подтверждены*, могут быть *фальсифицированы* (опровергнуты) единичными сообщениями о результатах наблюдений. В сущности, Поппер утверждал тем самым, что никаких доказательств истинности обобщений не существует! Впрочем, писал он, научные обобщения можно «подкрепить», но, по его мнению, подкрепление не является ни надежным основанием считать теорию верной, ни достоверной основой для совершения предсказаний. Обобщения остаются не более чем гипотетическими предположениями, независимо от того, как часто нам не удается их фальсифицировать.

Многие поняли Поппера так, что ложность обобщений иногда может быть убедительно доказана на основании истинных пред-

---

Cambridge, MA: MIT Press, 1980. Антифундаментализм Куайна и Леви в значительной степени вырос из американского прагматизма.

16. R. Carnap. *Logical Foundations of Probability*. Chicago: University of Chicago Press, 1950.
17. Прекрасный обзор современных работ, посвященных доказательству, см. в: P. Maher. Confirmation Theory // *The Encyclopedia of Philosophy*, 2nd ed., edited by D. Borcherdt. London: Macmillan, 2005. Обзор проблем теории оценки применительно к экономической науке см. в соответствующей статье Эллери Иллса и Дэна Хаусмана во втором издании словаря: *New Palgrave Dictionary of Economics*. London: Macmillan, 2007.
18. См.: К. Поппер. *The Logic of Scientific Discovery* [1935]. London: Hutchinson & Co., 1959; Карл Поппер. *Логика научного исследования*. М.: Республика, 2004.

Предисловие

посылок, в которые входят только отчеты о наблюдениях. Проблема индукции при этом «решается» путем принятия половины скептического заключения Юма: достаточных причин верить, что универсальные обобщения истинны, не бывает, так что от скептицизма нас спасает только возможность найти достаточно причин верить, что обобщения ложны. Эта же возможность обеспечивает научный прогресс. Наука движется вперед, делая смелые предположения и затем устраняя ошибки.

Поппер прямо отвергал такую простую интерпретацию своих идей¹⁹. По его мнению, отчеты о наблюдениях могут быть ошибочными и изменяться. В ходе проверки обобщения ученый по традиции считает их верными. При этом он неминуемо рискует отвергнуть обобщение, которое на самом деле является истинным. Более того, сделать вывод о ложности интересного научного утверждения редко удастся на основании единичных отчетов о наблюдениях. К примеру, чтобы использовать наблюдения о том, как люди делают выбор, для проверки теории игр, экономист должен предположить, какие факторы влияют на предпочтения людей. Проверая теорию, ученые выводят из нее следствие, *сопряженное* с дополнительными гипотезами и описанием исходных условий. Если следствие не подтверждается наблюдениями, ученые вынуждены заключить, что проблема в проверяемой теории, а не в неизбежных дополнительных предположениях.

В своих автобиографических заметках Поппер пишет, что к философии науки его привела проблема, которую он называет «проблемой демаркации»: чем отличается научная теория от ненаучной?²⁰ Этот же вопрос, хотя и иначе сформулированный, задавали себе логические позитивисты. Они хотели научиться отличать научные теории от «бессмысленной» метафизики, чтобы тратить силы только на то, что способствует развитию науки. Как мы уже видели, проблема демаркации касается отделения научных *теорий* от прочих видов теорий. Но Поппера не меньше волновал вопрос отделения *установок, правил и практик*, принятых в научном сообществе, от всех остальных установок и практик. Часто важна не сама теория, а то, что люди о ней думают и что с ней делают. Ньютонова

---

19. Сравним первую главу его книги «Объективное знание» со второй главой «Логика научного исследования». Несмотря на это опровержение, Поппер продолжал подчеркивать асимметрию между фальсификацией и верификацией.

20. K. Popper. *Science: Conjectures and Refutations* // K. Popper. *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*, 3rd ed. London: Routledge, 1969. P. 33–65; Карл Поппер. *Предположения и опровержения. Рост научного знания*. М.: АСТ, 2004. С. 63–103.

Дэниел Хаусман

теория движения вполне могла бы стать основой какой-нибудь причудливой секты, а астрология, напротив, могла бы быть подвергнута тщательному научному анализу. Наиболее важная часть проблемы демаркации касается различий в установках ученых и не-ученых, а не различий между научными и ненаучными теориями.

По мнению Поппера, отличительной чертой ученых является «критическая установка». Они следуют методологическим правилам, которые приводят их к смелым предположениям, а затем придумывают для них самые каверзные проверки. Методологические правила требуют, чтобы в случае, если предположение не выдержало проверок, ученые не искали этому оправданий, а считали свою теорию опровергнутой и предлагали новые предположения на проверку²¹. Как отмечали многие авторы, среди которых были Томас Кун и Имре Лакатос, хорошо, что ученые не следуют этим правилам²². Поскольку теории всегда сталкиваются с неразрешимыми сложностями, Попперовы правила требуют, чтобы все они были отвергнуты как ложные. Но теории – слишком важная часть научной практики, чтобы отказываться от них не имея альтернативы. А альтернативу не так-то просто создать.

Вопросы, которые задает Поппер, возможно, важнее тех ответов, которые он предлагает. Последователи Поппера, такие как Кун и Лакатос, а также некоторые социологи науки вслед за ученым пытались прояснить, что же отличает науку от остальных отраслей знания. Но современные исследования в области оценки и демаркации отличаются не только от исследований позитивистов, но и от разработок Поппера. Несмотря на противоположность подходов, и Поппер, и позитивисты рассматривали теорию оценки с точки зрения проверки отдельных теорий фактами. Большинство современных философов науки отвергают такой подход к проблеме оценки. Их заботят не вопросы *оценки* отдельных теорий, но вопросы *выбора* между разными теориями и их *сравнения*. Проверка сегодня понимается как многосторонний процесс со-

---

21. K. Popper. *The Logic of Scientific Discovery*. Ch. 5; Карл Поппер. *Логика научного исследования*. Гл. 5. Разные взгляды на достоинства философии науки Поппера и ее актуальность для экономической науки можно найти в: B. Caldwell. Clarifying Popper // *Journal of Economic Literature*. 1991. No. 29. P. 1–33; D.W. Hands. *Testing, Rationality and Progress*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1992. Ch. 11, а также в: Daniel Hausman. *The Inexact and Separate Science of Economics*. Ch. 10.

22. T. Kuhn. *The Structure of Scientific Revolutions*, 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1970; Томас Кун. *Структура научных революций*. М.: АСТ, 2003; I. Lakatos. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // I. Lakatos. *Philosophical Papers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. Vol. 1. P.8–101; Имре Лакатос. *Фальсификация и методология научно-исследовательских программ*. М.: Медиум, 1995.

Предисловие

поставления альтернативных теорий. Более того, в ходе проверки ученые многократно, а не один раз делают выбор между теориями. Ученый может, например, вполне оправданно считать, что теория Т лучше подтверждена, чем теория Т', но зато теория Т' предлагает более интересные исследовательские возможности. Однако, хотя большинство современных философов науки соглашались, что теория оценки включает в себя много разных задач и что решать их нужно с точки зрения *выбора* из альтернативных вариантов, ученые расходятся во мнении относительно того, какие из этого нужно сделать выводы.

Согласно одному из подходов, авторство которого многие приписывают Томасу Куну, рациональность тех выборов, которые ученые делают, рассматривая несколько теорий, вообще сомнительна. В своей классической работе «Структура научных революций» Кун предложил взгляд на науку и философию науки, радикально отличный от ортодоксии логических эмпиристов, распространенной во время написания этой книги. Используя яркие примеры из истории науки, Кун подчеркивает жесткость тех ограничений, в рамках которых проводятся обычные научные исследования. Чтобы определить величину какой-либо константы или решить подробную теоретическую задачу, требуются ресурсы и энергия, которые ученые тратят крайне неохотно, если не уверены, что общая теоретическая система («парадигма»), в рамках которой они работают, более или менее верна. Без такой уверенности подробные эзотерические исследования никогда бы не были проведены. Хотя практикуемая подобным образом повседневная, возможно даже догматическая, «нормальная наука» и не имеет цели открывать новшества, она тем не менее, пишет Кун, открывает «аномалии» — задачи, которые нельзя решить в рамках конкретной нормальной научной традиции. Такие аномалии способны поколебать уверенность научного сообщества в верности принятой парадигмы и могут, если им сопутствует развитие альтернативной парадигмы, привести к научной революции.

Взгляды Куна на научную революцию особенно неоднозначны. Он утверждает, что разногласия между учеными во время научной революции могут быть столь глубоки, что сделать рациональный выбор просто невозможно²³. Из-за того, что ученые из разных лагерей имеют свои определенные взгляды на стандарты оценки теорий, а также на предмет изучения науки и научную практику, консенсуса они могут достичь только при помощи нерационального убеждения. Таким образом, согласно иррационалистской ин-

---

23. Особенно в главах 9 и 10 «Структуры научных революций».

Дэниел Хаусман

терпретации теории Куна, парадигма, побеждающая в ходе научной революции, вовсе необязательно объективно оказывается «лучше» своей предшественницы.

Кун отрекся от столь экстремального толкования своих взглядов, а многие историки и большинство философов науки сочли подобные иррационалистские заключения необоснованными. Однако же они продолжают существовать в работах отдельных социологов науки, которым случалось отстаивать и более экстремальные точки зрения. Некоторые из таких авторов даже отрицают, что предмет исследования ученых вообще имеет какое-либо влияние на те взгляды, которые эти ученые отстаивают²⁴.

Однако, отвергая очевидный иррационализм Куна, мы все равно отдаем должное тому вкладу, который он внес в современную философию науки. Он не только раскрыл глаза философам на сложности, связанные с личным отношением ученых к своим исследованиям, но и продемонстрировал им, что теории о науке, построенные без достаточного внимания к научной практике, с большой вероятностью будут ошибочными. Хотя немногие философы науки считают себя последователями Куна, в этом большинство из них с ним согласно. Несмотря на то что и Поппер, и многие логические позитивисты были подкованы в науке и испытывали живейший интерес к естественным наукам, особенно к физике, современные философы науки подходят к решению задач философии науки на менее абстрактном уровне, уделяя все большее внимание деталям научной практики. Как экономисты могут давать рекомендации фирме только в том случае, если они выяснили, что позволяет фирме процветать, так же и философы могут давать рекомендации ученым только в случае, если они выяснили, что именно способствует научному прогрессу. По моему же мнению, ни о фирмах, ни о науке вообще нельзя ничего узнать, если не изучить как следует фирмы и ученых.

Некоторым выдающимся философам науки удалось разработать такие способы оценки теорий, которые позволяют учесть всю сложность научной работы, не отрицая при этом рациональности науки. Многие из предложенных подходов заслуживают обсуждения, особенно труды современных байесианцев, хотя сейчас у нас и нет возможности все их обсудить.

---

24. См.: J. Brown (ed.). *Scientific Rationality: The Sociological Turn*. Dordrecht: Kluwer, 1984; а об этом подходе применительно к экономической науке см.: D. W. Hands. *Reflection without Rules: Economic Methodology and Contemporary Science Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Ch. 5; а также: U. Maeki. *Social Conditioning of Economics* // Neil de Marchi (ed.). *Post-Popperian Methodology of Economics: Recovering Practice*. Boston: Kluwer, 1994. P. 65–104.

Предисловие

Тем не менее нельзя умолчать о работе Имре Лакатоса «Методология программ научных исследований», которая оказала существенное влияние на экономическую методологию в 1970-е и 1980-е годы. Лакатос начинал свои исследования в области философии науки как последователь Поппера. Он критически относился ко многим отдельным мыслям Поппера, в частности к идее, что научная честность требует от ученого готовности немедленно отказаться от своей теории в случае очевидного ее неподтверждения. Однако при этом Лакатос настаивал, что основная идея Поппера верна: если ученые будут стремиться вопреки реальности оправдывать свои теории, столкнувшись с очевидными сложностями, они никогда ничему не научатся на опыте. По мнению Лакатоса, философия науки должна заниматься не правилами оценки теорий, а правилами *изменения* и *сравнения* теорий. Вместо того чтобы спрашивать, достаточно ли хорошо теория Т подтверждена фактическими данными, ученые должны интересоваться, является ли новая версия теории Т усовершенствованием по сравнению со старой. Оценивая теорию, главное, что нужно понять, – это прогрессируют ли сторонники теории Т, работая над ней, так же быстро, как сторонники конкурирующих теорий.

По мнению Лакатоса, модификации теории способствуют ее усовершенствованию, если не производятся *ad hoc*. Изменения могут быть *ad hoc* в трех смыслах. Если изменения теории вообще не имеют новых проверяемых следствий, она является пустой и ненаучной. Изменения, не являющиеся в этом первом смысле *ad hoc*, считаются «теоретически прогрессивными». Если проверяемые следствия теоретически прогрессивного изменения не подтверждаются наблюдениями, такое изменение «эмпирически не прогрессивно», то есть является *ad hoc* во втором смысле. Лакатос считает, что длительный процесс изменения теории в целом является прогрессивным, если получаемые модификации неизменно оказываются теоретически прогрессивными и периодически бывают эмпирически прогрессивными. Когда ученые пересматривают свои теории в надежде их улучшить, вносимые ими изменения всегда должны иметь новые и проверяемые следствия; иногда эти проверяемые следствия должны подтверждаться экспериментами и наблюдениями. Кроме того, весь процесс многократного изменения теории должен быть последовательным. Экономисты не могут развивать свою науку, рассматривая не имеющие к ней отношения обобщения из области химии. Добавив к денежной теории обобщение, гласящее, что медь проводит электричество, мы получим новые проверяемые следствия, но подобное изменение будет *ad hoc* в третьем смысле.

Лакатос настаивает, что главную роль в науке играют научно-исследовательские программы. Эти программы состоят из серий свя-

Дэниел Хаусман

занных друг с другом теорий, у которых есть «твердое ядро». Это ядро согласно «негативной эвристике» должно сохраняться на протяжении всех изменений теорий, принадлежащих к исследовательской программе. Кроме того, исследовательская программа содержит «позитивную эвристику», которая направляет ученых в ходе изменений теории. Конкретные изменения в рамках исследовательской программы должны оцениваться согласно тому, насколько они теоретически и эмпирически прогрессивны, а также насколько они соответствуют позитивной эвристике исследовательской программы. Сравнивая конкурирующие исследовательские программы, нужно руководствоваться их общей прогрессивностью. Лакатос, в отличие от Куна, считает, что наука страдает, когда какая-то одна исследовательская программа начинает в ней доминировать.

Методология научно-исследовательских программ, предложенная Лакатосом, содержит несколько неоднозначных черт. Вызывает вопросы однобокое значение, придающееся прогрессу. Тот факт, что серия теорий T , T' и T'' демонстрирует несомненный прогресс, ничего не говорит нам о том, насколько хорошо T'' соответствует практическим данным. Почему значение придается только «инновационным предсказаниям», тем новым следствиям, которые есть в теории T'' по сравнению с теорией T' ? Лакатос также чрезмерно упорен относительно существования специфического твердого ядра, которое определяет конкретную исследовательскую программу. Предполагаемое «твердое ядро» любой исследовательской программы неизменно меняет свою формулировку и претерпевает разнообразные изменения.

Итак, обратившись к современной философии науки в поисках жестких правил для оценки теорий в свете практических данных, мы будем разочарованы. Не-философов это может даже обескуражить и навести на скептические или релятивистские выводы. Но скептицизм и релятивизм – слабое утешение, когда ученому необходимо решить, как победить бедность, или придумать, как стране достичь экономического роста и не вызвать экологической катастрофы. И как показывает это короткое введение в предмет, философы серьезно продвинулись в оценке теорий, даже если их знания и нельзя упорядочить в виде подробных правил безо всяких исключений.

Единство науки

Изучая экономическую теорию, мы сталкиваемся не только со стандартными задачами из области философии науки. Мы также хотим знать, должны ли общественные науки, включая экономиче-

Предисловие

скую теорию, строиться по образцу естественных наук, например физики. Человеческие существа и их социальное взаимодействие как объект исследований отличаются от планет или белков. Должны ли цели и методы социальных теоретиков совпадать с целями и методами ученых-естественников?

Как я упоминал в начале этого введения, тех, кто сомневался, можно ли считать общественные науки «настоящими» науками, волновали в основном вопросы структуры или концепции теорий и объяснений в общественных науках, а также вопросы целей создания теорий об обществе. Философы утверждали, что помимо или вместо предсказания и объяснения – целей естественных наук – науки общественные должны давать людям *понимание*. Классическую дискуссию на эту тему можно найти в данном сборнике в эссе Макса Вебера; ее также касается в своей работе Фрэнк Найт²⁵.

Вебер, как и многие другие, считает, что общественные науки должны обеспечивать обществу понимание явлений «изнутри». Такое понимание позволяет социальным теоретикам сопереживать акторам и считать происходящее «понятным». Вебер утверждает, что социальные теоретики неминуемо классифицируют общественные явления в терминах разнообразных культурно значимых категорий и что объяснения их должны даваться в этих же терминах, иначе они не смогут ответить на вопросы людей. Таким образом в общественные науки привносится обязательный элемент субъективности, которого в естественных науках можно избежать. Но при условии, что социальные теоретики объясняют общественные явления в этих значимых терминах, Вебер не возражает против причинного (дедуктивно-номологического) объяснения. Впрочем, и здесь общественные науки отличаются от естественных. Вебер полагает, что, как бы сильно теоретики ни были заинтересованы в закономерностях, люди хотят понимать конкретные события, отдельно взятые и во всех подробностях, вместо того чтобы, как в естественных науках, воспринимать отдельные явления как случай общей закономерности. Я считаю, что это отличие лишь смещает акцент объяснения и не требует поиска отдельного вида объяснений.

Некоторые современные философы, находясь под влиянием Вебера и прогрессирующей философии языка (особенно работ Витгенштейна), выступили с еще более радикальными заявлениями. Эти философы утверждают, что закономерности в поведении людей обусловлены не естественным законом, а *правилами* или *институ-*

---

25. Сборник современных взглядов на «понимание» в общественных науках см.: F. Dallmayr and T. McCarthy (eds.). *Understanding and Social Inquiry*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1977.

Дэниел Хаусман

тами. «Понять» какое-либо человеческое действие значит открыть те правила, которыми руководствовались люди, совершая это действие. А понимание правил, по мнению Питера Уинча и прочих, это задача того же рода, что и понимание значений. Для выполнения этой задачи требуется толкование, а не эмпирическое построение теории и проверка. Уинч исключает возможность применения методов естественных наук при изучении человеческого поведения и институтов, и его взгляды вызвали шквал яростной критики²⁶.

Свободная воля человека — еще одно явление, которое заставляет ученых усомниться в возможности существования общественной науки. Мы задумываемся — а что, если наличие свободной воли делает поведение человека от природы непредсказуемым и не подвластным никаким законам? Эта мысль соблазнительна, но ошибочна. Даже если поведение людей не подвержено *детерминистским* законам, в нем зачастую наблюдаются закономерности. Конечно, если Уинч и прочие правы, эти закономерности отличаются от законов природы, но они все же существуют. Мы не только можем предсказать поведение людей, которых хорошо знаем, но и зачастую знаем, как поведут себя люди незнакомые. Мы рискуем собственной жизнью, полагаясь на эту свою способность каждый раз, когда переходим дорогу перед машинами, остановившимися на красный сигнал светофора. Можно думать что угодно о свободной воле, но в человеческом поведении все равно наблюдается единообразие, которое социальные теоретики вполне оправданно могут попытаться определить.

Ошибочное предположение, что свободная воля человека делает невозможным существование общественных наук, также питает, как мне кажется, и прочие аргументы в пользу невозможности научного исследования общества. Ожидания и убеждения, в том числе вера в общественные теории, влияют на человеческое поведение, что позволяет ученым делать самоисполняющиеся и самоопровергающиеся утверждения о людях. Такая возможность предполагает, что в общественной науке возможны парадоксы. Однако связанные с этим сложности не столько принципиальны, сколько специфичны и ограничены²⁷. Социальный теоретик вполне

---

26. См.: P. Winch. *The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy*. London: Routledge, 1958; Питер Уинч. *Идея социальной науки и ее отношение к философии*. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. К другим выдающимся деятелям, утверждающим, что объяснения в общественных науках связаны с толкованием, относятся Г. Энскомб, П. Гич, А. Мелдон и Г. фон Вригт.

27. Эти общеполитические вопросы связаны со спорами относительно рациональных ожиданий в экономической теории. См.: K. Hoover. *The New Classical Macroeconomics: A Sceptical Inquiry*. Oxford: Basil Blackwell, 1988.

Предисловие

может учесть в своих расчетах реакцию людей, которые знают о той или иной теории.

Экономистам становится все очевидней, что для понимания поведения людей исключительно важны человеческие убеждения и ожидания, а не только та реальность, к которой эти убеждения и ожидания относятся. Люди могут, как отмечает Фрэнк Найт, ошибаться или неправильно что-то понимать. В первом приближении экономисты абстрагируются от связанных с этим сложностей. Они предполагают, что люди владеют совершенной информацией. Предполагая, что люди верят в факты, какими бы они ни были, экономисты могут не заботиться о том, во что люди верят на самом деле.

Однако как только экономисты выходят за пределы этого первого приближения, они сталкиваются со сложностями, которым нет аналога в естественных науках. Дело в том, что утверждения, говорящие об убеждениях (и желаниях), являются, выражаясь философским языком, «интенциональными»²⁸. Они следуют своей собственной логике. Из неинтенционального утверждения, такого как «Соединенные Штаты вторглись в Ирак в 2003 году», и второй предпосылки «вторжение в Ирак в 2003 году было большой ошибкой» можно сделать вывод «в 2003 году Соединенные Штаты совершили большую ошибку». Но из этой же второй предпосылки и интенционального утверждения «президент Буш хотел, чтобы Соединенные Штаты вторглись в Ирак в 2003 году», мы не можем сделать вывод о том, что «президент Буш хотел, чтобы Соединенные Штаты совершили большую ошибку». Логика убеждения, желания или любого другого интенционального термина всегда так или иначе «субъективна». Эти особенности логики и вытекающая из них необходимость «субъективно» подходить к ожиданиям отличают экономическую теорию от естественных наук (за возможным исключением узкого раздела биологии). Однако значимость этих отличительных особенностей остается неясной. Экономисты австрийской школы (в настоящем сборнике они представлены Джеймсом Бьюкененом и Виктором Ванбергом) утверждают, что они имеют огромное значение.

Наконец, последняя особенность общественных наук заключается в той роли, которую они играют в управлении поведением людей. Согласно одному из существующих мнений, экономическая теория служит экономической политике тем же, чем естественные

---

28. См., например: R. Chisholm, *Perceiving*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1957. Ch. 11; W. Quine. *Word and Object*. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. Chs. 4, 6; Уиллард ван Орман Куайн. *Слово и объект*. М.: Праксис, 2000. Гл. 4, 6.

Дэниел Хаусман

науки служат для практической деятельности — она помогает политикам выбирать нужные средства для достижения своих целей. Подобная практическая роль научного знания представляется достаточно беспроблемной. Акторы имеют некую цель, которой они хотят достичь, а ученый предоставляет им необходимое «ноу-хау». Согласно этому мнению экономическая теория важна для политики только как источник описательной, свободной от оценочных суждений информации. Она имеет такое большое значение просто потому, что предоставляемая ей информация так актуальна. Подобное мнение о влиянии экономической теории на политику звучит во многих эссе, вошедших в эту антологию.

Однако многие ученые с этим мнением не согласны. Они утверждают, что между экономической теорией, политикой и ценностями существует куда более сложная связь. Запросы и интересы политиков или частных предпринимателей влияют на то, какими вопросами задаются социальные теоретики, а также на то, какой круг решений они рассматривают. Это влияние может быть совсем простым: в конце концов, экономисты тоже люди, их соблазняют деньги и престиж. Влияние может быть и более тонким, таким, например, как стремление избегать тех научных методов или выводов, которые традиционно считаются в обществе «неразумными» или «безответственными». Действительно, нельзя отрицать, что идеология оказала влияние на многих социальных ученых. Однако глубина этого идеологического и оценочного влияния требует трезвого анализа. То, что враждебно настроенный критик примет за идеологию, может на деле оказаться трудом безукоризненной интеллектуальной чистоты.

Существуют и другие, более благовидные случаи взаимосвязи между экономической наукой и установками ученых. Из-за того, что политики редко обращаются к экономистам с четко сформулированными целями, экономисты могут играть существенную роль в определении целей. В самом деле, как утверждали философы вроде Джона Дьюи, разграничение целей и средств, которое порой бывает столь оправданным и необходимым, в данном случае может оказаться ошибочным. Крупнейшие экономисты последних двух веков были также и социальными философами, нашедшими в экономической теории вдохновение для своих общественных идей. Некоторые ученые утверждают, что нормативная экономическая теория, или экономическая теория благосостояния, которой посвящен раздел III настоящей антологии, является на самом деле частью «позитивной» экономической науки, исследующей способы достижения поставленных целей. Однако большинство экономистов согласны, что ее движущей силой являются морально-этические убеждения. Майкл С. Макферсон и я иссле-

Предисловие

дую философские основания нормативной экономической теории в главе 13.

Немного познакомив читателя с открытиями философии науки и показав ему, как многое еще предстоит открыть, это введение рискует разочаровать читателей, рассчитывавших получить исчерпывающую информацию о предмете. Но сознавая, как много еще предстоит сделать, читатель должен отдать должное и тому, как много уже было сделано. У логического позитивизма сегодня так немного последователей, но это объясняется лишь тем, что позитивисты были так преданны ясности и точности, так интеллектуально честны и отважны, что сумели обнаружить недостатки в своей собственной теории и в конечном итоге опровергли ее. Сменившие их несколько утрированные социологические взгляды и философия науки, сильнее ориентированная на исторические и эмпирические факты, несомненно, имеют много недостатков, но корни их лежат в знании, собранном позитивистами. То же самое можно сказать и об основополагающем труде Поппера.

Эти слова не слишком утешительно прозвучат для гражданина, политика, экономиста или социолога, который хочет знать, является ли экономическая теория наукой, можно ли полагаться на отдельные экономические теории для решения практических или теоретических задач, либо как лучше всего внести вклад в экономическую теорию или иную общественную науку. Но им ничего не остается, кроме как использовать те знания, которыми мы располагаем. Философия науки предлагает нам множество идей, и те, кто недостаточно серьезно к ней относится, обречены на повторение ее прошлых ошибок. На основании этих знаний и собственного опыта экономисты и представители других социальных наук разрабатывают весьма полезные практические рекомендации. Однако единой и достаточно обоснованной философской системы для решения всех тех реальных сложностей, с которыми сталкиваются экономисты, политики и граждане, не существует.

Введение в экономическую науку

Чтобы понять эссе, собранные в настоящей антологии, полезно иметь некоторое представление об экономической науке. В этом разделе я ни в коей мере не претендую на полноценное всестороннее изложение вопроса. Моя цель — лишь познакомить читателя с магистральным направлением экономической теории, различными ветвями экономической науки, а также разными экономическими школами, или подходами.

Дэниел Хаусман

Хотя дискуссии на тему экономической теории встречаются и в древней, и в средневековой философии, экономическая наука считается молодой отраслью знания. Не считая некоторых работ о денежной теории и о том, что якобы лучше экспортировать из страны больше товаров, чем в нее импортируется, экономическая наука зародилась в XVIII веке, она ведет свое начало от трудов французских физиократов, Кантильона и Юма, и особенно Адама Смита. Этих мыслителей отличает от предшественников растущее осознание того, что в мире существуют *механизмы*, при помощи которых действия индивидов приводят к некоторым систематическим последствиям безо всякого контроля со стороны государства. Смит и остальные стали рассматривать экономику как в значительной степени саморегулирующуюся систему. Экономическая теория родилась, когда люди осознали, что существуют экономические механизмы и системы, которые можно изучать.

Экономическая наука в основном стремилась понять, как работает капиталистическая экономическая система (капиталистическая экономическая система – это рыночная экономика, в которой большая часть средств производства находится в частной собственности, а работники свободно принимают или отклоняют предложения работодателей). Многие экономисты верят, что их теории применимы также и к другим видам экономического устройства, и много трудов было посвящено и другим типам экономик. Но основные силы экономического теоретического мышления все же тратились на понимание капиталистической экономики.

Со времен Адама Смита в экономической мысли безраздельно воцарилось одно конкретное видение капиталистической экономической системы. Экономика рассматривается как состоящая из большого количества независимых фирм и семей, которые взаимодействуют друг с другом, добровольно обмениваясь товарами и услугами. Всем известно, что между людьми существуют всевозможные виды отношений, но экономист предполагает в первом приближении, что этим многообразием отношений можно пренебречь, когда рассматриваешь экономические вопросы. Экономические акторы считаются хорошо информированными, рациональными и мотивированными, то есть считается, что фирмы стремятся максимизировать прибыли, а семьи стремятся к богатству или к тому, что лучше всего удовлетворяет их предпочтениям. Акторы обмениваются друг с другом, потому что считают, что после обмена они окажутся в более предпочтительных обстоятельствах, чем до обмена. Где-то на заднем плане находятся институты, которые обеспечивают исполнение контрактов, предотвращают насилие, принуждение, мошенничество и так далее. Адам Смит описывает капиталистическую систему более расплывчато, чем

Предисловие

я, а современные теоретики, наоборот, формулируют ее определение гораздо точнее и подробней. Но основные черты остаются неизменными.

Исходя из этих предпосылок такие экономисты, как Адам Смит, по большей части верили, что добровольный обмен приведет к эффективной организации экономической жизни, от чего выиграют все его участники. По мнению Смита, а также по мнению большинства экономистов со времен Смита, таким образом устроенная рыночная экономика уважает индивидуальную свободу больше, чем любой другой экономической строй. Из этого экономисты делали вывод о том, что капитализм превосходит все остальные системы. Он, утверждали экономисты, обеспечивает людям благу и оставляет за индивидами право свободно преследовать свои цели. Однако Смит не мог строго научно доказать, что добровольный обмен между хорошо информированными и мотивированными акторами приводит к экономически эффективным последствиям.

Вскоре после окончания Второй мировой войны математики и экономисты, среди которых были фон Нейманн, Эрроу, Дебре и Маккензи, сумели доказать нечто близкое к предположениям Смита. Они продемонстрировали, что если акторы рациональны, мотивированы и хорошо информированы, а также если они взаимодействуют только путем добровольного обмена на рынке с совершенной конкуренцией, то существует такое общее равновесие, которое эффективно по Парето. В дополнение к этому они доказали, что каждый эффективный по Парето результат является случаем общего равновесия добровольного обмена между рациональными и мотивированными акторами, при условии, что ресурсы между акторами изначально распределены должным образом²⁹. Общее равновесие — это ситуация, в которой ни на каком рынке не существует избыточного спроса. Экономическая ситуация *O* является эффективной по Парето только в том случае, если от ситуации *O* нельзя отклониться, не ущемив чьих-либо предпочтений и все однозначные возможности улучшить ситуацию уже были использованы. При неэффективном экономическом положении дел, напротив, существуют способы лучше удовлетворить предпочтения одних, при этом не снижая степени удовлетворения предпочтений других. «Эффективность», о которой идет речь, означает эффективность в удовлетворении предпочтений.

---

29. О наиболее интересных чертах этой теории можно прочесть в: E. Roy Weintraub. *General Equilibrium Analysis: Studies in Appraisal*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. О некоторых менее удачных ее аспектах см. в: E. Roy Weintraub. *Stabilizing Dynamics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Дэниел Хаусман

Неэффективное удовлетворение предпочтений – это плохо, но это далеко не худшее из возможных зол. Эффективность экономической ситуации по Парето никак не связана с распределением благ, поэтому некоторые вполне эффективные по Парето ситуации могут оказаться невыносимыми для жизни. Например, почти все предпочли бы оказаться в неоптимальной экономической ситуации, а не в ситуации эффективной по Парето, в которой один человек имеет все, что хочет, а большинство остальных несчастны. Мы вынуждены скептически отнестись к убедительности доказательств существования и эффективности общего равновесия, как из-за общей слабости понятия Парето-эффективности, так и из-за крайне жестких ограничительных предпосылок, которых требуют эти доказательства.

Однако я перескочил из начала истории почти в самый ее конец. Давайте посмотрим, как на протяжении последних двух веков изменялся образ рациональных, информированных и мотивированных акторов. Экономисты-«классики», наиболее выдающимися из которых были Адам Смит, Давид Рикардо и Джон Стюарт Милль, не многое поведали нам о выборе потребителей. Они уделяли основное внимание производству и факторам, влияющим на величину предложения потребительских товаров. Они считали, что акторы стремятся максимизировать свою финансовую прибыль, и делили акторов вместе с их основными факторами производства на три основных класса: капиталистов с их капиталом (который понимался как запасы накопленных благ или их ценность), землевладельцев с землей и рабочих со способностью трудиться. Экономисты классической школы выдвинули два основных обобщения относительно производства. Во-первых, они предположили, что в любой конкретный момент все воспроизводимые товары (то есть все товары за исключением, например, редких картин) могут быть произведены в любом количестве при одинаковых затратах на единицу продукции. Не считая периодических колебаний цен во времена неурожая или в моменты резкого роста спроса, цены должны определяться этими постоянными издержками производства. Во-вторых, экономисты классической школы открыли убывающую отдачу. В отсутствие технологических нововведений, по мере того как в определенный участок земли вкладывается все больше и больше труда, рано или поздно величина, на которую возрастает выпуск продукции с наймом каждого нового работника, начнет сокращаться.

Исходя из этих обобщений относительно производства, а также идеи (особенно убежденно ее отстаивал Мальтус), что более высокие зарплаты приводят к стремительному росту населения, экономисты начала XIX века пришли к мрачным заключениям. При экономическом росте спрос на рабочих растет и растут зарплаты.

Предисловие

Растущие зарплаты приводят к увеличению населения. Большему количеству рабочих нужно больше еды, поэтому капиталисты (классики считали, что капиталисты арендуют землю, а не владеют ей) вынуждены арендовать дополнительные, менее плодородные земли, либо более интенсивно возделывать уже имеющиеся у них земли. В обоих случаях пропорциональная отдача (норма прибыли) с дополнительных инвестиций будет ниже, чем раньше. Следовательно, землевладельцы смогут увеличить ренту на более плодородные земли и норма прибыли по всей экономике неминуемо упадет. Рикардо утверждает, что в конечном итоге норма прибыли упадет до такого уровня, когда капиталистам вообще невыгодно станет делать инвестиции. В сложившемся в результате «стационарном состоянии» будет больше рабочих, но жить они будут не лучше своих предшественников, поскольку их зарплаты будут падать, пока население не перестанет увеличиваться. Капиталисты при этом окажутся в несколько лучшей ситуации, чем рабочие, но все же норма прибыли будет низкой, а доходы – скромными. Истинными победителями будут землевладельцы, которые не делают ничего, только получают ренту. И с этой мрачной перспективой, считало большинство экономистов классической школы, ничего нельзя поделать, разве что пропагандировать отказ от тарифов, ограничивающих импорт продовольственных товаров, и проповедовать рабочему классу «воздержание».

К счастью, все обернулось не так, как предсказывал Рикардо. С улучшением уровня жизни рост населения замедлился, и к концу XIX века экономисты осознали, что увеличение зарплат не обязательно приводит к стремительному росту населения. Более того, технологические новшества привели к такому увеличению производительности, о котором не могли и мечтать экономисты классической школы, недооценившие способность технологического прогресса предотвратить убывающую отдачу.

К концу XIX века экономическая теория перестала быть мрачной наукой. Большинство экономистов перестали беспокоиться о росте населения, и в период так называемой неоклассической, или маржиналистской, революции сконцентрировали свои научные усилия на обмене и выборе индивидов. В 1870-е годы Уильям Стенли Джевонс в Англии, Карл Менгер в Австрии и Леон Вальрас во Франции занялись систематическими исследованиями предпочтений потребителей, обмена, а также спроса на товары³⁰. Благо-

---

30. W. Jevons. *The Theory of Political Economy* (1871); C. Menger. *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre* (1871); а также L. Walras. *Elements of Pure Economics* (1874), tr. W. Jaffé (1954). Было немало и других крупных ученых, особенно Альфред Маршалл, чьи «Принципы экономической науки» (1890), десятилетиями слу-

Дэниел Хаусман

даря этому они внесли дополнения в понимание рыночной экономики и преобразили экономическую теорию.

На многих ранних экономистов-неоклассиков, особенно на Дживонса, сильно повлиял *утилитаризм*, этическое учение, сформулированное Иеремией Бентамом и Джоном Стюартом Миллем³¹. Утилитаристы считали, что вопросы общественной политики нужно решать рассматривая влияние альтернативных выборов на общее счастье индивидов. Политика, которая максимизирует сумму индивидуальных полезностей, и будет этически верной. Бентам придерживался мнения, что полезность чего-либо для индивида в принципе можно посчитать и измерить. Он также верил, что люди действуют так, чтобы максимизировать свою собственную полезность (что заставляет нас задуматься, как можно в таком случае мотивировать их на выполнение действий, которые должны максимизировать сумму общей полезности).

Дживонс развил Бентамово понятие функции полезности. Каждый выбор, который может сделать индивид, приносит ему определенное количество полезности, предположил Дживонс. Исходя из этого, он прояснил понятие рациональности, решив, что люди действуют таким образом, чтобы неизменно максимизировать некую функцию полезности. В дополнение к этому, неоклассики предположили, что потребности людей ненасыщаемы: люди всегда предпочтут набор товаров или услуг x другому набору, y , если x однозначно больше y . Ненасыщаемость — это правдоподобная гипотеза, которая также отражает личную заинтересованность акторов. Все, что имеет значение для акторов, — это наборы товаров и услуг, которые они отдают или получают.

Добавив к этой теории еще одно обобщение, мы получим ядро современной экономической науки. Ранние неоклассики заметили, что по мере того, как человек потребляет все большее количество какого-либо товара или услуги, каждая дополнительная единица этого товара или услуги имеет для него все меньшую полезность. Первый компьютер может существенно увеличить полезность человека. Второй компьютер такого эффекта уже не производит. Этот закон убывающей предельной полезности объясняет, почему цена насыщенных, но доступных в изобилии товаров, например воды, ниже, чем цена товаров ненасыщенных, но редких, вроде бриллиантов. Теория предельной полезности также позволяет комплексно

жили основным текстом неоклассической экономической теории. Однако не стоит переоценивать общее ядро работ Дживонса, Менгера, Вальраса и Маршалла или их непосредственных интеллектуальных последователей. В них много расхождений.

31. См. особенно «Утилитаризм» Милля (1863).

Предисловие

описать «силы», влияющие как на спрос, так и на предложение. Вместо того чтобы рассматривать издержки как отражение физических условий производства, большинство теоретиков неоклассической школы считают издержки антиполезностью, которую индивиды испытывают, направляя ресурсы или услуги на производство, либо полезностью, которая была бы получена при альтернативном использовании ресурсов, затраченных индивидами на производство (хотя и она, в свою очередь, определяется техническими факторами). Силы, управляющие спросом и предложением, в конечном итоге остаются неизменными. Роль рынка заключается в том, чтобы уравновесить эти силы и привести в гармоничное состояние усилия индивидов по удовлетворению своих нужд и желаний. После введения еще одного упрощения — условия, что товары являются бесконечно делимыми — экономисты смогли производить расчеты, и у экономической теории появилось математическое выражение. В принципе, одной теории общего равновесия достаточно для того, чтобы объяснить практически все важные черты экономики какой-либо страны.

За сто тридцать лет, прошедших со времен неоклассической революции, эта теория претерпела огромные изменения. Под полезностью, например, современные экономисты сегодня имеют в виду отнюдь не какое-то ощущение, которое стремятся максимизировать индивиды. Теория полезности сегодня — только альтернативный способ описания предпочтений. Полезность какого-либо предмета выбора x для актора A больше, чем полезность предмета выбора y , только в том случае, если A предпочитает предмет x предмету y . Признав, что полезность отражает лишь степень предпочтительности, экономисты вынуждены были отказаться от идеи разных полезностей, а значит и от идеи предельной полезности. К счастью, закон убывающей предельной полезности можно переформулировать с точки зрения убывающей готовности индивидов замещать единицы одного товара единицами другого. Грубо говоря, «закон» убывающей предельной полезности можно заменить обобщением, гласящим, что люди готовы платить за дополнительные единицы товаров, которых у них уже имеется в достаточном количестве, меньше, чем за товары, которых у них имеется мало. Несмотря на все изменения, в мейнстримовой экономической теории по-прежнему можно узнать теорию, разработанную когда-то ранними экономистами неоклассической школы.

Это обстоятельство может показаться удивительным, ведь всем известно, что в ответ на Великую депрессию 1930-х годов Джон Мейнард Кейнс предложил радикально пересмотреть экономическую теорию. До Кейнса большинство экономистов-теоретиков всех школ считали, что продолжительная депрессия невозможна.

Дэниел Хаусман

Возможен, считали они, кризис веры, который может привести к тому, что люди временно станут накапливать деньги. Это временно осложнит общую циркуляцию денежных средств (в ходе которой фирмы покупают ресурсы у их владельцев, затем продают произведенные товары им же, но уже в роли потребителей, которые затем вновь продают ресурсы фирмам и так далее). Но в случае избыточного спроса на деньги и избыточного предложения ресурсов и товаров цены неминуемо упадут, а реальная процентная ставка вырастет, и тенденция к накоплению денег скорректирует сама себя.

Кейнс бросил вызов этой ортодоксии. Во-первых, он показал, насколько значима бывает ликвидность как для фирм, так и для индивидов в моменты неопределенности и нестабильности, сопутствующие экономическому кризису. Во-вторых, он усомнился в действительности предполагаемых механизмов самокоррекции. Цены, особенно заработная плата, не так-то легко падают, а снижение зарплат может привести к сокращению потребления, что негативно отразится на спросе на товары и приведет к еще худшему кризису. Кейнс утверждал, что государственная политика может увеличить совокупный спрос на товары и стимулировать инвестиции, и тем самым помочь экономике выбраться из этого «равновесия» безработицы.

Книги Кейнса имели огромное влияние, но не пошатнули основ неоклассической теории. Вместо этого они способствовали тому, что неоклассическая теория разделилась на микроэкономiku, которая занимается индивидами, фирмами и отраслями промышленности, и макроэкономiku, которая изучает совокупный спрос и деятельность экономики в целом. Хотя следы этого деления сохранились и сегодня, вполне логично, что между макро- и микроэкономикой существует важная связь, и большинство экономистов сегодня настаивают на том, чтобы макроэкономические теории строились на стилизованных микроэкономических основах.

В 1970-е и 1980-е годы кейнсианская экономическая теория столкнулась со значительными сложностями. Во-первых, она плохо подходила для решения проблемы одновременной инфляции и безработицы, остро вставшей в 1970-е годы, а во-вторых, экономистов начал раздражать разрыв между микро- и макроэкономикой, и они все сильнее стали увлекаться микроэкономикой. В отличие от прежних экономистов, которые пользовались Кейнсовою макроэкономикой, но надеялись рано или поздно вновь объединить ее с микроэкономикой, члены так называемой новой классической школы вообще отказывались использовать модели, которые хотя бы на словах не основывались на микроэкономике или теории общего равновесия. Некоторые из них, например Роберт Лукас, даже утверждали на основании микроэкономических рассужде-

Предисловие

ний, что вынужденной безработицы не существует³². Кроме того, Лукас и остальные утверждали, что рациональные ожидания экономических акторов подрывают эффективность денежной и налоговой политики как инструментов экономического управления.

Трудно сказать, провалилась ли неоклассическая исследовательская программа или же, наоборот, была успешна. С одной стороны, ее эконометрические предсказания были ничем не лучше своих предшественников, а опыт 1990-х годов заставляет нас усомниться в том, что политика (особенно денежная политика) оказывает лишь ограниченное воздействие на экономику страны. Усовершенствованные версии кейнсианской экономической теории по-прежнему остаются влиятельными. С другой стороны, те особенности моделирования рациональных ожиданий, о которых говорили неоклассические экономисты, сегодня считаются общепринятыми. Неоклассическая теория существует теперь в форме так называемой теории реального экономического цикла. Эта теория гласит, что экономические циклы во многом являются ответом на «реальные» факторы, в противовес факторам денежным или политическим³³. Вариации на тему моделей экономического цикла сегодня имеют большое влияние. Как видно из моего краткого описания, макроэкономика остается весьма неустоявшейся областью экономической теории.

Микроэкономика и макроэкономика — две основные ветви магистрального направления экономической науки, но ими двумя экономика не исчерпывается. За последние три поколения бурный рост пережила *эконометрика*. Эконометрика — это ветвь одновременно прикладной статистики и экономической теории. В 1930-е годы ученые начали надеяться, что утверждения экономистов-теоретиков можно будет проверять и корректировать с помощью статистических инструментов. С тех пор эконометрические инструменты многократно усложнились. Существуют разные мнения относительно ценности эконометрики для экономической теории в целом (в противовес ее ценности для узко направленных практических исследований). Некоторые выдающиеся экономисты утверждали, что эконометрика неспособна дать достаточные основания для подтверждения или опровержения какой-либо значительной причинной связи³⁴.

---

32. R. Lucas. Unemployment Policy // *American Economic Review*. 1978. No. 68. P. 353–357.

33. Прекрасный обзор по теме см.: G. Stadler. Real Business Cycles // *Journal of Economic Literature*. 1994. No. 32. P. 1750–1783.

34. L. Summers. The Scientific Illusion in Empirical Macroeconomics // *Scandinavian Journal of Economics*. 1991. No. 93. P. 129–148.

Дэниел Хаусман

Вместе микроэкономика, макроэкономика и эконометрика составляют большую часть магистрального направления экономической науки, хотя существуют, разумеется, еще несколько отдельных узких подразделов, таких как международная торговля, экономика труда и так далее. Существуют также конкурирующие друг с другом экономические школы, хотя большинство из них имеет относительно немного последователей. Поколение назад довольно много ученых продолжало интересоваться марксистской экономической теорией. Хотя Маркс находился под сильным влиянием трудов Рикардо, он предложил собственный взгляд на природу экономической науки и ее отношение к другим общественным наукам, отличный от мнения экономистов классической и неоклассической школы. Согласно Марксову *историческому материализму* наиболее фундаментальными общественными отношениями являются отношения, возникающие между людьми в ходе производственной деятельности. Производственные отношения влияют не только на любые другие отношения, но и на личности, и на сознание индивидов. Изучая экономическую теорию, писал Маркс, ученый исследует куда больше, чем способ производства, обмена и распределения товаров и услуг. Он изучает, как человек формирует развитие своего вида.

Маркс считает капитализм, со всеми присущими ему недостатками и несправедливостями (которые он скрупулезно перечисляет), огромным шагом вперед для всего человечества. Капитализм связывает людей во всем мире друг с другом при помощи мирового рынка; он расширяет человеческие нужды и горизонты. Однако, как пишет Маркс в своем раннем эссе «Отчужденный труд», капитализм не позволяет людям рационально и сознательно решать, как должны развиваться общество и человеческая природа. Рынок создает беспомощность, одновременно реальную и иллюзорную. При наличии рынка люди не могут сознательно определять свое коллективное будущее. В то же время считать капитализм естественным или вечным строем – заблуждение. Маркс верит, что люди могут выйти за пределы капитализма и рациональным образом организовать производство и распределение товаров, и верит, что так обязательно произойдет.

Воплотить в жизнь социалистическую революцию должны рабочие, которые «подвергаются эксплуатации», поскольку обеспечивают все производство, а получают только небольшую часть отдачи. Капиталисты, которые, по мнению Маркса, немногим свободнее рабочих, будут противостоять любой революции, которая попытается забрать у них собственность и помешать им нанимать рабочих и получать прибыль. Однако расширяя свои предприятия, во всяком случае по мнению Маркса, капиталисты, сами того

Предисловие

не желая, способствуют росту и укреплению рабочего класса и закладывают основание для социалистической революции.

После распада Советского Союза и трансформации его экономики, а также экономик стран Восточной Европы, интерес к марксистской экономической теории угас. Это несколько странно, потому что экономический строй России и стран Восточной Европы имел довольно мало общего с экономической теорией Маркса. Однако экономические теории не способны парить в воздухе над бурными политическими волнами. Их швыряет этими волнами туда и сюда, а иногда, как и произошло с теорией Маркса, они идут ко дну.

Еще одна альтернатива магистральному направлению экономической науки — институциональная, или эволюционная, экономическая теория. Пытаясь учесть все релевантные аспекты экономики в рамках одной стройной теории, неоклассики многое упустили из виду. По мнению институционалистов (и их предшественников времен XIX века, экономистов немецкой исторической школы), неоклассическая теория слишком многое упускает из виду; абстрагируясь от институционального развития, она игнорирует некоторые важнейшие аспекты. Эссе Торстейна Веблена и Джеффри М. Ходжсона представляют собой пример тех обвинений, которые институционалисты предъявляют магистральному направлению экономической науки. Эти эссе позволяют составить впечатление об альтернативной теории — институциональной. Хотя институционалисты не игнорируют полностью значение решений и выбора индивидов, они подчеркивают те ограничения, которые накладывают на акторов их специфические экономические роли. Институционализм не является жесткой теорией. Работы его центральных мыслителей — Торстейна Веблена, Уэсли Митчелла и Джона Р. Коммонса — сильно отличаются друг от друга. Центральное внимание при этом уделяется тому, чтобы построить эволюционную теорию, основанную на историческом контексте. Экономисты придерживаются разных мнений о том, насколько институциональная теория была и будет успешна.

Третьей современной альтернативой магистральному направлению экономической науки, о котором сейчас ведутся жаркие споры, является поведенческая экономическая теория, в том числе нейрoэкономика³⁵. Многие экономисты были неудовлетворены до крайности упрощенными предпосылками неоклассической

---

35. Общие сведения по теме см.: C. Camerer, G. Loewenstein, and M. Rabin (eds). *Advances in Behavioral Economics*. Princeton: Princeton University Press, 2004.

теории об убеждениях и предпочтениях индивидов. Эта неудовлетворенность рассеялась после открытия тщательно описанных поведенческих аномалий, зафиксированных в ходе экономических экспериментов. Теперь стало возможным исследовать воздействие широкого спектра когнитивных, мотивационных и даже неврологических особенностей человека на его предпочтения, что позволяет строить психологически обоснованные теории человеческого поведения. Способны ли эти исследования помочь экономистам решить проблемы денежной политики, экономического благосостояния или распределения налогового бремени — эти вопросы сейчас вызывают у ученых бурные споры³⁶.

Я перечислил лишь три из тех многочисленных подходов, которые наряду с неоклассической теорией занимают умы современных экономистов. Упоминания заслуживают еще несколько подходов. Неорикардианцы считают, что экономику можно лучше понять, если использовать современную, математически переформулированную и расширенную версию теории Рикардо, а не пришедшую ей на смену неоклассическую теорию³⁷. Экономисты австрийской школы согласны с неоклассической теорией относительно основных обобщений экономической науки, но подчеркивают значение нестабильности, отсутствия равновесия и субъективной точки зрения. Из-за этих факторов они считают математический анализ равновесия ошибочным³⁸. Посткейнсианцы имеют похожие претензии к неоклассической теории, но, в отличие от австрийцев, отстаивают политику государственного вмешательства в экономику³⁹. Специалисты по экономическому прогнозированию вообще редко полагаются на какую-то одну экономическую теорию. Список же их можно продолжать и дальше. Хотя в современной экономической науке царствуют неоклассические микроэкономика, макроэкономика и эконометрика, в экономическом мире есть еще много интересного.

---

36. См. в частности: A. Caplin and A. Schotter (eds). *Perspectives on the Future of Economics: Positive and Normative Foundations*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

37. К ведущим теоретикам-неорикардианцам принадлежат Дж. Итвелл, П. Гареньяни и Л. Пасинетти. Среди теоретических работ, оказавших наибольшее сильное влияние на неорикардианцев, см.: P. Sraffa. *The Production of Commodities by Means of Commodities*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

38. К ведущим экономистам австрийской школы относятся Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек и М. Ротбард.

39. См.: Alfred Eichner (ed.). *A Guide to Post-Keynesian Economics*. White Plains, NY: M. E. Sharpe, 1978; а также журнал: *Journal of Post-Keynesian Economics*.

Предисловие

Введение в экономическую методологию

Одна из первых и лучших работ по методологии экономической науки – это эссе Джона Стюарта Милля 1836 года, которым открывается этот сборник. С точки зрения убежденного эмпириста Милля, экономика – наука загадочная. Ее выводы, которые Милль принимает, редко подвергаются проверке и иногда кажутся бездоказательными. Конкретные предсказания, основанные на экономической теории, бывают неточными, а бывают и откровенно ошибочными. Как же Миллю примирить свою веру в экономическую теорию и свой эмпиризм?

По мнению Милля, базовые предпосылки экономической науки связаны либо с психологией, и тогда они основаны на самоанализе, либо с техническими закономерностями, такими как, например, закон убывающей отдачи, и в этом случае они основаны непосредственно на результатах экспериментов. Эти предпосылки описывают, как действуют определенные причинные факторы. Если бы те причинные факторы, которые учитывают экономисты в своих расчетах, были единственными факторами, влияющими на экономику страны, то выводы экономической теории были бы верны, поскольку они логически следуют из ее хорошо обоснованных предпосылок. Однако в реальности, говорит Милль, выводы экономистов надо принимать с осторожностью, потому что они многое упускают из виду. Экономисты должны быть готовы допускать разнообразные помехи, а также должны понимать, что их предсказания могут оказаться совершенно ошибочными, даже если их теория в своей основе верна. Они должны рассматривать экономическую науку как гипотетическую – как науку о тенденциях, влияние которых может оказаться менее значительным, чем воздействие вмешивающихся в процесс случайных сил. Из-за того, что экономика – это всего лишь наука о тенденциях, экономисты и политики не могут быть уверены, что ее предсказания всегда будут верными.

Взгляды Милля были популярны на протяжении всего XIX и в начале XX века. Они и сегодня звучат во многих работах, например таких как авторитетное резюме Джона Невилла Кейнса «Предмет и метод политической экономии», отрывки из которого были напечатаны в первом издании этой антологии. Несмотря на различия в языке, манере изложения и акцентах, аналогичную позицию озвучивает Вебер в своем обсуждении «идеальных типов» в главе 2.

Переход от классической к неоклассической экономической теории принес с собой существенные изменения экономической доктрины и методологии. Неоклассическая теория с ее внимани-

Дэниел Хаусман

ем к принятию человеком решений была куда более индивидуалистской и субъективной теорией, чем ее классическая предшественница, и этот факт отмечен и оценен в методологических трудах периода начала XX века. Главные фигуры в развитии субъективного поворота — экономисты австрийской школы: Фрэнк Найт, Лайонел Роббинс и в особенности фон Мизес. Отдельный методологический вклад Найта заключается в том, что он проводит различие между, с одной стороны, риском — при котором известны альтернативные исходы и их вероятность, а с другой — ошибочной и истинной неопределенностью. Найт и представители австрийской школы соглашались, что как только мы теряем субъективную точку зрения и начинаем смотреть на экономику как на естественную науку, мы теряем из виду ее основные свойства.

Лайонел Роббинс в своем классическом «Эссе о природе и значении экономической науки» (глава 3) вплотную приближается к точке зрения австрийцев. Однако лучше он известен своим определением экономической теории как «науки, которая исследует человеческое поведение как связь между целями и редкими средствами их достижения, которые по-разному можно использовать». Согласно этому определению экономическая наука не занимается никаким конкретным классом общественных явлений (таким как производство благ, их распределение, обмен или потребление). Экономическая наука занимается определенным аспектом поведения людей. Решение человека завести детей или изменить своей супруге является согласно определению Роббинса такой же частью экономической науки, как спрос и предложение на рынке тунца. Роббинс, по сути, считает экономическую теорию наукой рационального выбора — то есть тем же, чем ее считали неоклассики. Такие повторения дефиниций вообще характерны для научного прогресса⁴⁰. Определение Роббинса остается неоднозначным, поскольку исключает из экономической теории некоторые труды, которые многие люди безусловно к ней относят, например кейнсианскую экономику.

Роббинс, Найт и австрийские экономисты подчеркивают индивидуализм и субъективность экономической теории, а также пишут об особенностях человеческой деятельности как объекта научных исследований. Они соглашались с Миллем, что базовые предпосылки экономической теории достаточно прочны и что их не могут опровергнуть эмпирические провалы теории. В сущ-

---

40. См.: T. Kuhn. *The Structure of Scientific Revolutions*, 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1970. Ch. 9–10; Томас Кун. *Структура научных революций*. М.: АСТ, 2003. Гл. 9–10.

Предисловие

ности, австрийские экономисты заходят настолько далеко, что утверждают, что базовые предпосылки экономической науки являются априорными истинами.

Со вторжением в экономическую теорию взглядов логических позитивистов в 1930-е годы пришли и первые значительные изменения взглядов профессионального сообщества на обоснование экономической науки. В 1938 году Теренс Хатчисон опубликовал книгу «Значение и основные постулаты экономической теории». В этой основополагающей работе Хатчисон утверждает, что экономическая теория, как и другие науки, должна формулировать проверяемые обобщения и подвергать их тщательной проверке. Утверждения экономической «чистой теории» являются, по мнению Хатчисона, пустыми дефиниционными истинами. Утверждения экономической науки столь ограничены условиями *ceteris paribus*, что их невозможно проверить. Используя всю доказательную мощь логического позитивизма, Хатчисон настаивает, что экономистам пора начать вести себя так, как подобает ответственным ученым. Развитие теории выявленных предпочтений и выступление Пола Самуэльсона в защиту того, что он называет «операционализмом», также поддержало требования придать экономической науке форму проверяемых теорий.

Критические замечания Хатчисона были немедленно опровергнуты такими экономистами, как Найт, но продолжали беспокоить ученых. Быть может, экономическая теория на самом деле не соответствует стандартам эмпирической науки? Некоторые экономисты, например Найт и экономисты австрийской школы, с готовностью заявляли, что стандарты естественных наук к экономике не применимы. Но большинство авторов, писавших об экономической методологии, пытались доказать, что экономическая наука удовлетворяет критериям более сложным (и более слабым), к которым уже отступили логические позитивисты⁴¹. Хотя известное эссе Милтона Фридмана «Методология позитивной экономической науки» (1953 г.; см. главу 7) не относится к современной философии науки, оно также было написано с целью доказать, что экономическая теория прекрасно удовлетворяет стандартам позитивистов.

В течение нескольких десятилетий после своей публикации эссе Фридмана оставалось главной работой по методологии экономиче-

---

41. В этом отношении интересны работы Фрица Махлупа, некоторые из которых вошли в первое и второе издание этой антологии. См.: F. Machlup. *Methodology of Economics and Other Social Sciences*. New York, Academic Press, 1978. Я писал, что для успокоения подобных эмпирических сомнений можно использовать теорию Милля. См.: Daniel Hausman. *The Inexact and Separate Science of Economics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. Chs. 8, 12.

Дэниел Хаусман

ской науки. Хотя почти все написанные в ответ на него многочисленные отзывы были критическими (как краткие комментарии, приведенные в главах 8 и 9 настоящей антологии), в этой области эссе Фридмана оставалось самой влиятельной работой XX века.

Не стоит забывать, что экономическая наука позволяет задать множество методологических вопросов. Разные ветви экономической теории и разные экономические школы сталкиваются с разными методологическими проблемами. Эти проблемы обсуждаются в шести эссе, собранных в части IV этой антологии. Вопросам отношений между позитивной и нормативной экономической теорией, а также описанию нормативной экономики посвящена часть III, хотя эта тема затронута также и в некоторых главах других разделов.

Экономическая методология, в том числе исследования методологических особенностей ветвей и школ экономической науки, в последние пятнадцать лет переживает расцвет. Некоторым новым направлениям, недавно появившимся в экономической методологии, посвящен раздел V данной антологии, а те обширные изменения, которые мне пришлось внести в содержание всех остальных разделов, дополнительно подтверждают этот расцвет. Я в полной мере осознал, насколько разрослась область экономической методологии, когда решал, какие работы войдут в этот том; это была крайне непростая задача. В первом издании антологии я отмечал, что за период с 1975 по 1983 год было издано как минимум девятнадцать книг на английском языке, посвященных непосредственно экономической методологии. За десять лет, прошедших между первым и вторым изданием, я насчитал уже пятьдесят таких книг. С момента выхода второго издания их появилось еще около сотни, а новые эссе стали выходить даже быстрее. Сразу после выхода в свет первого издания этой антологии появился новый журнал, *Economics and Philosophy*, который стал печатать работы по методологии, теории рациональности и этике экономической теории. Перед самым выходом второго издания журнал *The Journal of Economic Methodology* начал публиковать эссе и рецензии, посвященные конкретно методологии. Количество публикаций на тему экономической методологии в журналах по экономической теории, философии науки и истории экономической науки также стремительно росло. Если бы не советы людей более сведущих в конкретных разделах экономической методологии, я бы не смог достаточно авторитетно составить третье издание⁴². Объем литературы по теме стал слишком велик!

---

42. Я хотел бы отдельно поблагодарить Роджера Бэкхауса, Петера Беттке, Ричарда Брэдли, Брюса Калдвелла, Джона Дэвиса, Франческо Гуала, Уэйда Хэндса, Кевина Хувера, Харольда Кинкэйда, Ускали Мяки, Дейдру Макклоски, Майкла Макферсона, Филиппе Монджина, Джули Нельсон, Алекса Розен-

Предисловие

Методологические вопросы, которые поднимает экономическая наука, разнообразны и сложны, и большая их часть не имеет ответов. Когда я составлял первое издание этой антологии, я оптимистично считал, что сотрудничество между философами и экономистами сможет если не дать ответ на эти вопросы, то хотя бы немного прояснить их. До некоторой степени мой оптимизм был вознагражден: я вижу гигантский прогресс. Достаточно сравнить эссе в последнем номере *Economics and Philosophy* или *The Journal of Economic Methodology* с любым эссе из первых номеров этих журналов, чтобы это увидеть. Мне хотелось бы думать, что настоящая антология, которая отмечает свой третий десяток и третье издание, способствовала этому прогрессу.

Сейчас я, пожалуй, стал немного менее оптимистичен (возможно, я просто повзрослел). Методологические задачи, которые ставит перед нами экономическая наука, сложны, а прогресс идет медленно, когда философские доказательства соперничают с общественными силами и структурой поощрений, существующей в различных науках. Нам еще очень многое предстоит узнать о природе экономических моделей, о том, как сравнивать их и оценивать, как соотносить их с практическими рекомендациями и эмпирическими исследованиями, а самое главное — о том, как их улучшить. Пусть эта антология продолжает быть подспорьем ученым в поиске решений этих задач.

берга, Дена Росса и Маргарет Шабас, к которым я обращался за помощью. Уэйд Хэндс, Кевин Хувер и Эллиотт Собер читали рукопись этого введения и помогли мне ее улучшить. Одно из преимуществ столь длительной работы в области экономической методологии — это возможность называть всех этих прекрасных людей и выдающихся интеллектуальных деятелей своими друзьями.

Часть I
*Классические
дискуссии*

Шесть избранных фрагментов, опубликованных в этом разделе, прекрасно иллюстрируют развитие философии и методологии экономической науки до конца 1930-х годов, когда произошло возвышение логического позитивизма. Нам не удалось включить сюда все важные работы – даже в сокращенном виде, – но многие методологические идеи других авторов, например, Дж. Н. Кейнса, Карла Менгера, У. С. Джевонса, Альфреда Маршалла и Людвига фон Мизеса, нашли свое отражение в других статьях этой антологии.

Представленные в этом разделе материалы отражают целый спектр различных взглядов и прошли проверку временем. Хотя экономическая теория претерпела существенные изменения со времен Милля, Маркса и Веблена, их оценка методологических трудностей экономической науки по-прежнему заслуживает пристального внимания и изучения.

1

*Об определении предмета
политической экономики
и о методе исследования, свойственном ей*¹

Джон Стюарт Милль

Джон Стюарт Милль (1806–1873) родился в Лондоне; его отец, Джеймс Милль, был другом Бентама и Рикардо и внес важный вклад в психологию и политическую науку. Как писал Джеймс Стюарт Милль в автобиографии, отец начал учить его греческому в три года, а латыни — когда ему было восемь. К тринадцати годам он прошел полный курс политической экономики. Большую часть своей жизни Милль проработал в Ост-Индской компании. Его «Основания политической экономики» (1848) были одной из самых влиятельных работ по экономике в XIX веке, «Система логики» (1843) — наиболее значимым трудом по логике и теории познания, а статьи по этике и современной культуре, такие как «Утилитаризм» и «О свободе», по сей день остаются актуальными. Милль был одним из первых защитников прав женщин и умеренного демократического социализма. Ниже приведена сокращенная версия статьи Милля «Об определении предмета политической экономики; и о методе исследования, свойственном ей» (опущена первая четверть статьи, в которой Милль обсуждает определение экономической науки).

✽

То, что сейчас обычно понимают под термином «политическая экономия», представляет собой не науку спекулятивной политики, а ветвь этой науки. Она не рассматривает ни в целом че-

-
1. John Stuart Mill. *On the Definition of Political Economy and the Method of Investigation Proper to It* (1836) // John Stuart Mill. *Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy* (1844), 3d ed. London: Longmans Green & Co., 1877. P. 120–164.

Печатается по изданию: Джон Стюарт Милль. *Основы политической экономики с некоторыми приложениями к социальной философии*. М.: Эксмо, 2007. С. 1000–1023.

Перевод с английского П. Н. Ключкина.

Джон Стюарт Милль

ловеческую природу, видоизменяющуюся под влиянием [достигнутого] состояния общества, ни в целом поведение человека в обществе. Она касается человека только как существа, которое желает обладать богатством и которое способно судить о сравнительной полезности средств, используемых для достижения данного результата. Она предсказывает лишь те явления, [происходящие] в состоянии общества, которые имеют место как следствие стремления [индивида] к богатству. Она полностью абстрагируется от всех других человеческих страстей и побуждений, за исключением тех, которые могут рассматриваться как постоянно находящиеся в антагонизме к желанию богатства, а именно антипатии к труду и желания наслаждаться дорогостоящими привилегиями в настоящем. В какой-то мере она учитывает их, потому что они не просто, подобно другим желаниям, время от времени конфликтуют со стремлением к богатству, а всегда сопровождают его как бремя или помеха и, таким образом, в рассмотрении [основного желания] нераздельно смешаны друг с другом. Политическая экономия рассматривает человечество вовлеченным исключительно в приобретение и потребление богатства; и [ее деятельность] направлена на то, чтобы показать, каким будет образ действий человечества, живущего в состоянии общества, если бы этот стимул, за исключением той степени, в которой он сдерживается двумя постоянно сталкивающимися друг с другом мотивами, о которых говорилось выше, был абсолютным властелином всех действий человека. При [предпосылке] о [решающем] влиянии этого желания она показывает человечество накапливающим богатство и помещающим это богатство в производство другого богатства, поддерживая взаимным соглашением институт частной собственности, устанавливая законы, предотвращающие посягательство одних индивидов на частную собственность других силой или обманом, усваивая различные хитроумные изобретения для увеличения производительности их труда, устанавливая разделение продукта по соглашению, под влиянием конкуренции (конкуренция сама управляется определенными законами, которые являются конечными регуляторами разделения продукта) и задевуя определенные приемы (такие как деньги, кредит и т. д.) для того, чтобы облегчить распределение. Все эти операции, несмотря на то что многие из них действительно являются результатом [взаимодействия] множества стимулов, рассматриваются политической экономией как вытекающие единственно из желания к богатству. Затем эта наука продолжает исследовать законы, которые управляют этими несколькими операциями, опираясь на ту предпосылку, что человек является существом, которое по необходимости своей природы определяется к тому, чтобы предпочитать большее

Об определении предмета политической экономии

количество богатства меньшему во всех случаях, без каких-либо других исключений, кроме тех, которые основываются на противоположных [друг другу] стимулах, уже описанных выше. Не потому [так получается], что всякий политэконом настолько глуп, чтобы предполагать, что человечество действительно устроено таким образом, а потому, что в этом состоит способ (mode), каким наука обязательно должна развиваться. Когда следствие зависит от скопления (conspicence) [многих] причин, эти причины должны быть изучены по отдельности, и их законы исследованы [также] отдельно, если мы хотим посредством этих причин получить возможность или предсказания, или контроля над следствием, поскольку закон следствия составлен из законов всех причин, определяющих следствие. Законы центростремительной и тангенциальной сил должны были быть известны еще до того, как сделалось возможным объяснить движение Земли и планет или многие из этих движений предсказать. Так же обстоит дело и с поведением человека в обществе. Для того чтобы судить о том, как человек будет вести себя под влиянием всего многообразия симпатий и антипатий, действующих на него одновременно, он [уже] должен знать, как бы он действовал под исключительным влиянием каждого из них в отдельности. Вполне возможно, не существует ни одного поступка в жизни человека, когда бы он не находился ни под ближайшим, ни под отдаленным влиянием какого-либо другого побуждения, кроме только желания богатства. В отношении тех областей человеческого поведения, где богатство вообще не является главным объектом, политическая экономия и не притязает на применимость своих выводов. Однако существуют такие определенные области человеческих дел, где приобретение богатства представляет собой главную и признанную цель. И только на них политическая экономия и обращает внимание. Способ, каким она с необходимостью развивается, состоит в рассмотрении главной и признанной цели так, как если бы она была единственной; [способ], который из всех в равной степени простых гипотез ближе всех к истине. Политэконом исследует, какие действия совершались бы [человеком] посредством этого желания, если бы в рамках исследуемых областей [человеческих дел] он не был обременен никакими другими. Таким путем достигается большее полезное (practicable), чем было бы в противном случае, приближение к реальному состоянию человеческих дел в этих [исследуемых] областях.

Эту аппроксимацию следует затем скорректировать путем введения соответствующих допущений относительно действий всяких стимулов другого рода, которые в состоянии оказывать влияние на результат в каждом конкретном случае. И только в некоторых

Джон Стюарт Милль

наиболее ярких случаях (таких как важный случай, [относящийся] к закону народонаселения) эти корректировки интерполируются в описание [положения дел] самой политической экономией; тем самым ради практической пользы несколько нарушается строгость чисто научной классификации. Насколько известно или можно предположить, поведение человечества в погоне за богатством находится под сопутствующим влиянием и любых других свойств нашей природы, а не только желания получить как можно большее количество богатства с наименьшими [затратами] труда и [через] самопожертвование; и выводы политической экономии до тех пор не смогут быть применимы для объяснения или предсказания реальных событий, пока они не будут модифицированы посредством корректных допущений той степени влияния, которое оказывает [на ход событий] другая причина.

Тогда предмет политической экономии можно определить следующим образом, и определение, кажется, будет полным: «Наука, которая разыскивает законы таких явлений, [происходящих] в обществе, которые проистекают от совместных действий человечества ради производства богатства, и поскольку эти явления не видоизменяются от стремления к какому-либо другому объекту».

Однако, несмотря на то что это определение политической экономии как части [всей] области науки является корректным, дидактически мыслящий (didactic) писатель о предмете [науки] естественным образом объединит в своем описании [его] истины чистой науки со стольким числом практических модификаций, со скольким захочет, чтобы, по его оценке, это определение было наиболее способствующим пригодности для его, писателя, собственной работы.

Предпринятые выше попытки сформировать более строгое определение науки, чем то, которое обычно принято в качестве такового, могут показаться практически лишенными пользы или в лучшем случае оказаться полезными главным образом для общего обзора и классификации наук, а не в качестве чего-то способствующего более успешному стремлению [разрешить проблемы] отдельной рассматриваемой науки. Мы думаем иначе и по той причине, что рассмотрение определения предмета науки неразрывно связано с рассмотрением *философского метода* науки, природы процесса, посредством которого осуществляются исследования и добываются факты.

Сейчас, в какой бы науке ни существовало систематическое расхождение мнений, которое, стоит сказать, [существует] во всех моральных или интеллектуальных (mental) науках, и в политической экономии среди прочих, в какой бы науке среди тех, кото-

Об определении предмета политической экономики

рые уделяют внимание предмету, ни существовало то, что обычно называется *различием принципа*, отграниченным от различий в деталях или в том, что основано на фактах, — причина [этого различия] будет найдена в различии в их концепциях философского метода науки. Различающиеся [в принципах] стороны сознательно или бессознательно руководствуются различными взглядами, касающимися природы доказательства (evidence), которое присуще предмету [науки]. Они отличаются [друг от друга] не только в том, что именно, как они полагают, они видят, но и тем местонахождением (quarter), откуда они получают освещение, посредством которого, они думают, они видят предмет.

Наиболее универсальной формой привычного представления этого различия метода является идущая еще от античности вражда между тем, что называется теорией, и тем, что называется практикой или опытом. Существует два типа рассуждающих по социальным и политическим вопросам: одна группа [лиц], которая именует себя практическими людьми, и другая — это остальные, которых первые называют теоретиками — именем, которое последние не отвергают, хотя ни в коем случае не признают его свойственным исключительно себе. Различение между этими двумя типами является очень общим, однако оно — одно из тех [различий], в отношении которых используемый язык выступает наиболее некорректным выразителем. Снова и снова подтверждается, что те, кого обвиняют в презрительном отношении к фактам и игнорированию опыта, строят и открыто признают, что строят [свои конструкции] полностью на фактах и опыте, в то время как не признающие теории и шага не могут сделать без теоретизирования. Однако несмотря на то, что оба класса исследователей не делают ничего, кроме построения теорий, и оба же не имеют другого советчика, кроме опыта, все же они различаются между собой, и самое главное различие заключается вот в чем: те, которые называются практиками, нуждаются в *определенном* (specific) опыте и строят целиком свою аргументацию, *подвигаясь вверх* от разрозненных (particular) фактов к общему заключению, в то время как те, что называются теоретиками, нацелены на охватывание большей области опыта и, проведя рассуждения через восхождение от разрозненных фактов к общему принципу с включением более широкого, чем тот, который необходим для рассмотрения при данном обсуждении, диапазона [явлений], далее строят аргументацию, *спускаясь вниз* от этого общего принципа к многообразию конкретных (specific) заключений.

Представим себе, например, что вопрос состоял в следующем: короли, обладающие неограниченной властью управления, будут предрасположены использовать ее на благо (welfare) или же для

Джон Стюарт Милль

притеснения своих подданных? Практики постараются ответить на этот вопрос, опираясь на непосредственное индуктивное заключение, основанное на поведении конкретных деспотичных монархов, засвидетельствованном историей. Теоретики же для ответа на вопрос обратятся к критерию (*test*) не только нашего опыта [относительно] монархов, но и опыта касательно людей [в целом]. Они будут отстаивать свое мнение, что наблюдение за склонностями, обнаруживаемыми человеческой природой в различных ситуациях, в которых оказываются человеческие существа, и в особенности наблюдение за тем, что происходит в наших собственных умах, служит основанием для логического заключения о том, что человеческое существо, [находящееся] на месте деспотичного короля, будет использовать власть в недобрых целях и что это заключение не потеряет своей достоверности даже в том случае, если бы обладающих неограниченной властью королей никогда бы не существовало или если бы история не снабдила нас сведениями о способе, каким они [в действительности] вели себя.

Первый из этих методов — это просто метод индукции; второй — смешанный метод индукции и логического мышления. Первый может быть назван методом *à posteriori*; второй — методом *à priori*. Мы отдаем себе отчет в том, что последнее выражение иногда используется для характеристики предполагаемого метода философствования, вообще не претендующего искать обоснования [своим конструкциям] в опыте. Однако мы не знакомы с каким-либо способом философствования, по крайней мере по политическим вопросам, для которого такое описание было бы явно применимо. Под методом *à posteriori* мы подразумеваем тот [метод], который в качестве основания для своих заключений требует не просто опыта, но определенного опыта. Под методом *à priori* мы имеем в виду (то, что обычно и имеется в виду) рассуждение, начинающееся от допущенной предпосылки; [рассуждение], применение которого не ограничено только математикой, но которое составляет существо всей науки, в целом признающей всеобщие рассуждения. Чтобы подтвердить как таковую гипотезу *à posteriori*, то есть проверить, согласуются ли факты какого-либо конкретного случая с этой гипотезой, — для этого требуется вмешательство не науки вообще, а [области] применения науки.

В определении предмета, которое мы пытались сформировать для науки политической экономии, мы характеризовали ее как по существу абстрактную науку, а ее метод — как метод *à priori*. Такой [метод] в понимании и преподавании [другим] всех самых выдающихся учителей, несомненно, является отличительной чертой [политической экономии]. Она ведет рассуждения и, как мы утверждаем, обязательно должна вести рассуждения от предпо-

Об определении предмета политической экономии

сылок, а не от фактов. Она построена на гипотезах, строго по аналогии с теми, которые под именем определений являются основой других абстрактных наук. Геометрия предполагает условное (arbitrary) определение прямой, «которая имеет длину, но не ширину». Точно таким же способом политическая экономия предполагает условное определение человека как существа, которое постоянно ведет себя так, чтобы суметь достичь наибольшего количества предметов необходимости, предметов комфорта, предметов роскоши посредством наименьшего количества труда и физического самопожертвования, при которых эти предметы могут быть достигнуты при существующем состоянии знаний. Верно, что такое определение человека формально не предпосылается какому-либо труду по политической экономии так, как определение прямой предпосылается «Началам» Евклида; и, соразмерно будучи так предпосылаемым, это определение находится в меньшей опасности быть забытым, и мы имеем основание сожалеть о том, что этого не сделано. Правильно, когда то, что предполагается в каждом отдельном случае, должно быть раз и навсегда рассмотрено разумом в полном объеме, будучи где-нибудь формально сформулированным в качестве общей максимы. Сегодня ни один из тех, кто хорошо знаком с систематическими трактатами по политической экономии, не будет задаваться [следующим] вопросом, что всякий раз, когда политэконом показывает, что, действуя определенным образом, рабочий может, очевидно, получить большую заработную плату, капиталист — большую прибыль или землевладелец — большую ренту, он заключает как нечто само собой разумеющееся, что они обязательно будут действовать таким образом. Политическая экономия, следовательно, рассуждает исходя из *предполагаемых* исходных условий — из начальных условий, которые на самом деле могли бы совершенно не иметь основания [в действительности] и которые не посягают на универсальное соответствие ей. Следовательно, заключения политической экономии, подобно заключениям геометрии, верны только, как обычно говорят, *абстрактно*, то есть они верны только при определенных предположениях, в которых не принимается во внимание ничего, кроме всеобщих причин — причин, общих для *всего класса* рассматриваемых случаев.

Политэконом не должен отрицать этого [соображения]. Если же он отрицает его, тогда и только тогда он оказывается не прав. Метод *à priori*, который он обвиняет, как если бы его использование им доказывало бесполезность всей его науки, является, как мы теперь покажем, единственным методом, посредством которого истина может быть достигнута в любом отделе социальной науки. Все, что [для этого] необходимо, — это чтобы он был осто-

Джон Стюарт Милль

рожен и не приписывал заключениям, которые основаны на предпосылке типа достоверности, отличного от того, который действительно принадлежит им. Они были бы верными без ограничений только в случае, который является чисто вымышленным. Сопоставительно тому, как действительные факты отступают от предпосылки, он должен допустить соответствующее отклонение от строгой буквы своего заключения; в противном случае последнее будет верным только в отношении тех вещей, которые он произвольно предполагал, а не тех, которые на самом деле существуют. То, что является верным *абстрактно*, всегда верно и конкретно, с надлежащими *допущениями*. Если определенная причина действительно существует и если бы она сама по себе безошибочно производила определенное следствие, то это же самое следствие, *видоизмененное* всеми остальными одновременно действующими причинами, будет правильным образом соответствовать результату, который получен в действительности.

Заключения геометрии не являются строго выполнимыми для таких линий, углов и фигур, какие может построить человеческая рука. Однако тем не менее никто не будет утверждать, что заключения геометрии бесполезны или что было бы лучше «закрывать „Элементы“ Евклида» и довольствоваться «практикой» и «опытом».

Ни один математик никогда не думал, что определение прямой соответствует действительной линии. Так же как никакой политэконом никогда не представлял себе, что действительный человек имеет еще какой-либо объект желания, кроме богатства, и что найдется кто-то, кто уступит даже самому малому стимулу, связанному с деньгами. Однако политэкономы оправдывали это допущение [ссылкой] на цели своей аргументации, так как они имели дело только с теми областями человеческого поведения, где для достижения непосредственной и главной цели [индивида] имеет значение преимущественно денежная сторона, и так как, поскольку никакие два частных случая не являются в точности тождественными, ни одной *всеобщей* максимы не может быть установлено до тех пор, пока из рассмотрения не будут исключены *некоторые* из обстоятельств данного частного случая.

Однако мы пойдем глубже [и не остановимся на] утверждении, что метод *à priori* является законным способом философских исследований в моральных науках: мы отстаиваем ту точку зрения, что он — единственный. Мы утверждаем [также], что метод *à posteriori*, или метод определенного опыта, является в этих науках совершенно неэффективным в качестве средства достижения какой бы то ни было значительной части истины, имеющей ценность, хотя он допускает полезное применение в помощь методу *à priori* и даже образует необходимое дополнение к нему.

Об определении предмета политической экономии

Существует свойство, общее практически всем моральным наукам, которое и отличает их от многих физических [наук], а именно: очень редко в нашей власти оказывается проведение в них экспериментов. В химии и натурфилософии мы в состоянии не только наблюдать за тем, что произойдет при всех комбинациях обстоятельств, сведенных природой вместе, но мы можем также испробовать неопределенно большое число новых комбинаций. Мы очень редко в состоянии осуществить это в этической и еще реже в политической науке. Мы не в состоянии пытаться [изменять] формы государственного правления и системы национальной политики в пределах крохотных масштабов наших лабораторий, придавая такую форму нашим экспериментам, чтобы они, по нашей мысли, могли в наибольшей мере способствовать развитию знания. Таким образом, мы в этих науках изучаем природу в очень неблагоприятных условиях, будучи скованными ограниченным числом экспериментов, происходящих (если можно так сказать) сами по себе, без какой-либо подготовки или управления с нашей стороны; в условиях, кроме того, более сложных и никогда в точности нам неизвестных, и при том, что гораздо большая часть [происходящих] процессов скрыта от нашего наблюдения.

Последствием этого неизбежного дефекта в данных (materials) индукции является то, что мы в состоянии крайне редко осуществить, по старомодной, но уместной терминологии Бэкона, *решающий эксперимент* (experimentum crucis).

В любой науке, которая допускает неограниченную серию произвольных экспериментов, *решающий эксперимент* всегда можно осуществить. Имея возможность изменять все обстоятельства, мы всегда в состоянии найти средства выявить, какие из них являются существенными (material), а какие нет. Возьмем следствие В и зададимся вопросом, содействует ли ему каким-либо образом причина А. Мы проводим эксперимент, в котором изменены все окружающие обстоятельства, кроме одной А: если следствие В тем не менее реализуется, то А является его причиной. Или вместо того, чтобы оставить [неизменной] А и изменить все остальные обстоятельства, мы оставляем [неизменными] все остальные обстоятельства и изменяем А: если следствие В в этом случае *не* происходит, то А снова является необходимым условием его существования. Любой из этих экспериментов, будучи тщательно проведенным, представляет собой *решающий эксперимент*; он превращает бывшее у нас до этого предположение о существовании связи между А и В в доказательство, отвергая любую другую гипотезу, которая могла бы появиться.

Однако такое редко может быть сделано в моральных науках из-за безмерного количества влияющих обстоятельств, а также

Джон Стюарт Милль

наших очень скудных средств варьирования эксперимента. Даже при воздействии на единичный разум – вариант, предоставляющий наибольшее пространство для экспериментов, – часто мы не в состоянии осуществить *решающий* эксперимент. Влияние, к примеру, на формирование личности отдельного обстоятельства – образования – может быть предметом испытаний в большом количестве случаев, но мы едва ли когда-нибудь можем быть уверены в том, что любой из двух этих случаев отличается [от другого] по всем обстоятельствам, кроме того единственного, влияние которого мы и хотели оценить. Во сколько раз сложнее эта трудность должна быть в делах государственного масштаба, где даже *число* зарегистрированных экспериментов настолько скудно в сравнении с разнообразием и количеством обстоятельств, касающихся каждого из них. Как, например, мы сможем осуществить решающий эксперимент по определению влияния политики ограничения торговли на благосостояние страны? Мы должны будем найти две страны (*nations*), идентичные друг другу во всех отношениях или по крайней мере обладающие в достаточно равной степени всем тем, что способствует [увеличению] национального богатства, и проводящие абсолютно одинаковую политику во всех прочих своих областях, но различающиеся только тем, что одна из них осуществляет систему мер, направленную на ограничение торговли, а другая придерживается [принципа] свободной торговли. Тогда это был бы решающий эксперимент, подобный тому, который мы в состоянии практически всегда провести в экспериментальной физике. Бесспорно, он был бы самым убедительным доказательством из всех, если бы мы вообще смогли осуществить его. Однако пусть только кто-нибудь представит, сколь беспредельно многочисленны и сколь разнообразны обстоятельства, которые или прямо, или косвенно действительно влияют или могут повлиять на величину национального богатства, и затем спросит себя: какова вероятность найти в самой продолжительной смене [исторических] лет две страны, в которых будут согласованы (и можно будет показать, что согласованы) все эти обстоятельства, за исключением одного?

Таким образом, с этих пор бесполезно надеяться на то, что истина может быть достигнута или в политической экономии, или в какой-либо другой области социальной науки, пока мы смотрим на факты в их конкретности, во всей сложности, коей природа облекла их, и пытаемся выявить общий закон из сравнения частных посредством процесса индукции; не остается никакого другого метода, кроме метода *à priori*, или [метода] «отвлеченного размышления» (*abstract speculation*).

Хотя для удовлетворительной индукции путем сравнения следствий область политики не может обеспечить совершенно

Об определении предмета политической экономии

достаточных оснований, причины можно сделать предметом определенных экспериментов во всех случаях. Этими причинами являются законы человеческой природы и внешние обстоятельства, способные побуждать к действию человеческую волю. Желания человека и природа поведения, к которому они побуждают его, находятся в пределах досягаемости нашего наблюдения. Мы в состоянии также наблюдать, каковы те объекты, которые возбуждают эти желания. В большинстве случаев данные о [таком роде] знания каждый человек в состоянии собрать внутри себя [вместе] с разумным рассмотрением тех различий между ним самим и другими людьми, существование которых обнаруживается ему в опыте. Следовательно, точно зная свойства субстанций, о которых идет речь, мы можем рассуждать с той же степенью достоверности, как и в наиболее доказательных (*demonstrative*) областях физики, [исходя] из любого предложенного набора обстоятельств. Было бы только пустой тратой времени (*trifling*), если бы предположенные обстоятельства не имели никакого сходства с какими-либо действительно существующими. Но если предположение в том виде, в каком оно сформулировано, является правильным и отличается от истины не более чем часть отличается от целого, то тогда заключения, правильно выведенные (*deduced*) из предположения, конституируют *абстрактную* истину. И когда они довершаются добавлением или вычитанием последствий непредполагаемых (*non-calculated*) обстоятельств, тогда [только] эти заключения являются истинными конкретно и могут быть приложимы к практике.

Такой отличительной чертой обладает наука политической экономии в произведениях лучших учителей. Чтобы привести политическую экономию в состояние идеальной абстрактной науки, комбинации обстоятельств, ею предполагаемые, — чтобы разыскать их следствия, — должны заключать в себе все обстоятельства, общие для любой важной категории случаев. Тогда заключения, правильно выведенные (*deduced*) из этих предположений, будут верны в своей абстрактности так же, как заключения математики, и будут представлять собой такое же максимальное (*near*) приближение [к действительности], в каком вообще абстрактная истина в состоянии быть к истине конкретной.

Когда нужно применить принципы политической экономии в определенном [конкретном] случае, необходимо принять во внимание все единичные обстоятельства этого случая — не только изучая, какому набору обстоятельств, рассматриваемых абстрактной наукой, соответствуют обстоятельства данного случая, но также и какие могут существовать другие обстоятельства, которые, не будучи общими ему с каким-либо широким и четко сформули-

Джон Стюарт Милль

рованным (*strongly-marked*) классом случаев, не попадают в компетенцию [данной] науки. Эти обстоятельства были названы *осложняющими причинами* (*disturbing causes*). И только здесь это [означает], что в процесс входит элемент неопределенности — неопределенности, присущей природе этих сложных явлений и возникающей из-за невозможности быть вполне уверенным, что все обстоятельства определенного [конкретного] случая достаточно известны нам во всех подробностях и что наше внимание не отклоняется чрезмерно от какого-либо из них.

Это конституирует единственную недостоверность политической экономии, и не только ее одной, но и [всех] моральных наук в целом. Когда осложняющие причины известны, необходимое принятие их во внимание ни в коем случае не только не умаляет научной строгости, но и не составляет никакого отклонения от метода *à priori*. Осложняющие причины не передаются [в сферу науки] для того, чтобы иметь с ними дело как с простыми предположениями (*conjecture*). Подобно *силе трения* в механике, с которой они часто сравниваются, они могут сначала рассматриваться просто как [нечто] не установленное дедукцией, осуществленной путем догадки из результата, данного основными принципами науки. Но через некоторое время многие из них попадают в сферу абстрактной науки как таковой, и [ученые] находят, что их воздействие допускает такую же точную оценку, как и тех более поразительных воздействий, которые эти причины видоизменили. Осложняющие причины имеют свои собственные законы, как причины, которые таким образом осложняются, имеют свои; и из законов осложняющих причин может быть предсказана *à priori* природа и величина осложнений, подобно действию более общих законов, которые, как говорят, они видоизменяют или осложняют, но с [использованием] которых эти осложнения, скажем, могли бы в гораздо большей мере оказаться согласованными [с общими причинами]. Воздействие специальных причин нужно тогда добавить к воздействию общих причин или вычесть из них.

Эти осложняющие причины иногда представляют собой обстоятельства, оперирующие с человеческим поведением посредством того же самого принципа человеческой природы, с которым знакома политическая экономия, а именно [принципа] желанья богатства, но [представляют собой все же обстоятельства], которые не являются достаточно всеобщими, чтобы принять их во внимание в абстрактной науке. Каждый политэконом может придумать много примеров, описывающих подобные осложнения. В других случаях осложняющая причина представляет собой некоторый другой закон человеческой природы. В последнем случае она никогда не в состоянии попасть на территорию политической эко-

Об определении предмета политической экономии

номии, она принадлежит некоторой другой науке; и здесь чистый политэконом, [то есть] тот, кто не изучал никакой другой науки, кроме политической экономии, потерпит неудачу, если попытается применить свою науку на практике².

Что касается другого вида осложняющих причин, а именно тех, которые действуют при посредстве того же самого закона человеческой природы и из которых происходят основные принципы науки, они всегда могут попасть в сферу абстрактной науки [и быть изучены], если это стоило того. И когда мы делаем необходимые допущения для них на практике, то есть делаем что-то кроме [построения догадок], то осуществляем метод абстрактной науки вплоть до мельчайших деталей, вставляя между гипотезами новую и еще более сложную комбинацию обстоятельств и тем самым добавляя *pro hac vice* дополнительную главу или приложение или по крайней мере дополнительную теорему в абстрактную науку.

Показав теперь, что метод *à priori* является единственным определенным или научным способом исследования в политической экономии, а также во всех остальных областях моральной науки и что метод *à posteriori*, или метод определенного опыта, в качестве средства достижения истины неприменим к этим предметам, мы должны быть в состоянии показать, что второй метод тем не менее имеет великую ценность в моральных науках, а именно не в качестве средства открытия истины, но как [средство] ее подтверждения и снижения до наименьшего значения той неопределенности, на которую раньше мы ссылались как на возникающую из-за сложности каждого отдельного случая и от сложности (не будем говорить — невозможности) для нас быть уверенными *à priori*, что мы приняли во внимание все существенные (material) обстоятельства.

---

2. Одной из самых важных причин проведения четкой и понятной разделительной линии между наукой и искусством является следующая: принцип классификации в науке наиболее удобно следует [принципу] классификации *причин*, в то время как искусство с необходимостью должно быть классифицировано в соответствии с классификацией *следствий*, произведение которых представляет собой их подходящее завершение. Теперь следствие, [неважно] в физических или моральных науках, в большинстве случаев зависит от совместного действия причин, и часто так случается, что некоторые из этих причин принадлежат к различным наукам. Так, в конструкции двигателей по принципам науки *механики* необходимо иметь в виду *химические* свойства материала (такие как склонность к окислению), их электрические и магнитные свойства и т. д. Из этого следует: необходимой основой всего искусства является наука, то есть знание свойств или законов объектов, над которыми и с которыми работает искусство, однако [не всегда обратное] в равной степени верно, что каждое искусство соответствует одной отдельной науке. Каждое искусство предполагает не одну науку, но науку в целом или по крайней мере много отдельных наук.

— Джон Стюарт Милль

Если бы мы могли быть вполне уверены, что знаем все факты отдельного [конкретного] случая, мы могли бы извлечь [лишь] незначительное дополнительное преимущество от [использования] определенного опыта. Если причины даны, мы можем знать, какие будут [вытекающие] из них следствия, без фактического испытания каждой возможной комбинации, поскольку причинами являются человеческие чувства, а внешние обстоятельства соответствуют тому, чтобы возбуждать эти чувства, и поскольку большая часть этих чувств знакома или по крайней мере могла бы быть знакома нам, мы в состоянии судить о совместном действии этих причин с большей уверенностью на основании этого знакомства, чем на основании любого [другого] свидетельства (evidence), которое может быть извлечено из сложных и запутанных обстоятельств фактически проведенного эксперимента. Если бы знание о том, какие особенные причины действуют в каждом данном отдельном случае, было открыто нам непогрешимым авторитетом, тогда, если бы наша абстрактная наука была совершенной, мы стали бы пророками. Но причины не настолько открыты: их следует собирать посредством наблюдения, а наблюдение в условиях сложности имеет склонность к несовершенству. Некоторые причины могут лежать за пределами нашего рассмотрения; многие склонны избегать его до тех пор, пока мы не будем их специально разыскивать. И только обыкновение осуществлять длительные и тщательные наблюдения в состоянии дать нам столь правильное предубеждение в отношении того, какую причину нам случится найти, что побудит нас искать эти причины в должном месте. Однако такова уж природа человеческого разума, что сам факт интенсивного внимания, проявленного к одной части вещи, [означает] тенденцию отвлекать внимание от других частей. Соответственно, мы находимся в большой опасности касаться только части тех причин, которые действительно «работают» (at work). И если мы находимся в таком затруднительном положении, то чем скрупулезнее наши дедуктивные умозаключения и чем более определены наши абстрактные выводы (то есть создание абстракции всех обстоятельств, за исключением тех, которые образуют часть данной гипотезы), тем меньше у нас должно быть оснований подозревать, что мы ошиблись, поскольку никто не был в состоянии детально исследовать источники ошибочного мышления без глубокого осознания того, что согласованность и четкая неразрывная связь [частей] нашей философской системы более склонны, чем мы обычно осознаем, считаться с нами как свидетельством (evidence) их истины.

Мы, таким образом, не в состоянии сделать попытку подтвердить нашу теорию сравнением в доступных нам отдельных случаях тех результатов, к предсказанию которых она привела бы нас

· Об определении предмета политической экономики

с оценками, в наибольшей степени заслуживающими доверия; оценками, которые мы в состоянии получить из случаев, реализованных в действительности. Различие между нашими ожиданиями и действительным фактом часто является единственным обстоятельством, которое способно привлечь наше внимание к некоторой важной осложняющей причине, нами выпущенной из виду. Более того, оно часто открывает нам ошибки в [собственном] мышлении, еще более серьезные, чем просмотр того, что вполне уместно назвать осложняющей причиной. Оно часто раскрывает нам тот факт, что сама основа всей нашей аргументации является неудовлетворительной, что данные, из которых мы исходили в своих рассуждениях, охватывают лишь часть, и причем не всегда самую важную часть, обстоятельств, на самом деле определяющих результат. Подобные недосмотры совершаются очень хорошими мыслителями (reasoners) и даже теми, кто составляет все еще меньшую категорию [ученых], а именно хорошими наблюдателями. Это ошибка того типа, к которому особенно подвержены те, чьи взгляды самые широкие и наиболее философские, поскольку в точности в этом отношении их умы более привычны к подробной остановке на законах, особенностях и тенденциях, общих для больших групп случаев и принадлежащих всем местам и всем временам, в то время как часто случается так, что обстоятельства, почти исключительно свойственные отдельному случаю или эпохе, имеют гораздо большее значение, чем то, которое [ограничивается] этим одним случаем.

Следовательно, хотя философ и будет убежден, что [следование] по пути *à posteriori* в делах народов не приведет к достижению никаких всеобщих истин, ему тем не менее в соответствии с мерой его [собственных] возможностей подобает тщательно рассматривать и внимательно изучать подробности каждого отдельного эксперимента. Без этого он может быть превосходным профессором абстрактной науки; для личности может принести большую пользу [умение] верно обращать внимание на то, какие действия будут следовать из определенных комбинаций возможных обстоятельств, в какой бы точке обширного пространства гипотетических случаев эти комбинации ни находились. Он стоит в таком же отношении к законодателю, как простой географ — к навигатору-практику, сообщаящий ему широту и долготу любого вида [географического] пространства, но не могущий установить свое местонахождение во время плавания. Если, однако, делает не больше, чем это, он должен остаться в стороне от борьбы и не принимать участия в политике или вовсе не иметь мнения относительно путей применения его доктрин к существующим обстоятельствам либо держать его при себе с чрезвычайной скромностью.

Джон Стюарт Милль

Никто из тех, кто пытается выдвигать предложения по руководству человечеством, какими бы совершенными ни были его научные знания, [приобретенные ценой длительных усилий], не может обойтись без практического знания фактических способов, какими происходят дела в мире, и без обширного личного опыта фактических идей, чувств и интеллектуальных и моральных традиций (*tendencies*) его собственной страны и его собственной эпохи (*age*). Настоящим государственным деятелем-практиком является тот, кто сочетает этот опыт с глубоким знанием абстрактной политической философии. Знания [сами по себе], без опыта также оставляют его «хромающим [на одну ногу]» и неспособным [к практическим действиям], если он сознает данный недостаток; делают его упрямым и самонадеянным, если, что более вероятно, он вообще не осознает его.

Итак, таковы соответствующие функции и пути применения методов *à priori* и *à posteriori* — метода абстрактной науки и метода определенного эксперимента — как в политической экономии, так и во всех остальных областях социальной философии. [Стремление] к истине заставляет нас выразить наше убеждение, что как среди тех, кто писал по этим предметам, так и среди тех, для кого [в целях] использования ими писали первые, можно указать лишь на нескольких людей, кто признал собственно ценность каждого из этих методов и систематически применял каждый из них к свойственным им объектам и функциям. Одна из особенностей настоящего времени — отделение теории от практики, кабинетных исследований от деловой активности (*business*) во внешнем мире — породила неправильный уклон в идеях и чувствах как у студента, так и у делового человека. Каждый [из них] недооценивает ту часть мыслительного материала, с которой он не знаком [или не соприкасается]. Один презирает всеохватывающий взгляд, другой пренебрегает подробностями. Один получает свое понятие о вселенной из нескольких вещей, с которыми ему в течение своей жизни довелось близко познакомиться; другой, со своей стороны, держится наглядности (*demonstration*) и забывает, что это всего лишь наглядность, [ограниченная промежутком времени] (*demonstration nisi*), — доказательство, которое в любой момент может быть отменено добавлением к данной гипотезе единичного нового факта, — и он отрицает заявления, противоречащие его [мнению], вместо того чтобы рассматривать и внимательно изучать их. На это у него есть существенное оправдание о бесполезности доказательства, на котором держатся факты, предлагаемые [с целью] лишить законной силы выводы теории. В [случае] таких сложных материй смотрят не своими глазами, а посредством предвзятых мнений: статистика, [говорящая] о заинтересованном

Об определении предмета политической экономики

или несдержанном человеке, имеет мало ценности; редко какой год проходит без примеров ошеломляющих ложных утверждений, при публикации которых в мировой прессе многочисленные группы респектабельных людей поддерживают друг друга, [выдавая] эти утверждения за факты личного характера из их собственной жизни. Не потому, что *провозглашается*, будто нечто является истинным, но потому, что в природе этого нечто то, что оно *может быть* истинным, [заставляет] искреннего и упорного исследователя почувствовать себя призванным изучить этот [вопрос]. Он будет использовать утверждения оппонентов не в качестве истины (evidence), а как указания, ведущие к истине, [как] предложения наиболее верного направления его собственных исследований.

Однако пока философ и человек-практик обмениваются друг с другом полуправдами, мы можем в своих поисках уйти далеко, не найдя того, кто, будучи помещенным на пьедестал мысли, воспринимал бы как целое то, что они видят лишь в отдельных частях, кто в состоянии сделать ожидания философа руководящим принципом данных наблюдений человека-практика, а определенный опыт человека-практика — предостережением для философа относительно того нечто, что необходимо добавить к его теории.

В настоящее время наиболее запоминающимся примером человека, объединившего дух философии с повседневными делами активной жизни и полностью удержавшегося от пристрастий и предубеждений как студента, так и государственного деятеля-практика, был Тюрго; [это] чудо не только его века, но истории благодаря потрясающему сочетанию в его [личности] наиболее противоположных и, судя по общему опыту, практически несовместимых [друг с другом] превосходных качеств.

Хотя и невозможно предоставить какой бы то ни было критерий проверки, по которому спекулятивный мыслитель, будь то в политической экономике или в любой другой области социальной философии, может знать о том, что он компетентен в суждениях о применении своих принципов к существующим условиям его собственной или какой-либо другой страны, можно предложить индикаторы, по факту отсутствия которых он может быть вполне достаточно и [даже] полностью уверен в том, что он не является [здесь] компетентным. Его знания должны по меньшей мере давать ему возможность объяснять и отдавать себе полный отчет в том, что *есть*, или же он является неудовлетворительным судьей [в вопросе] о том, что должно быть. Если политэконом обнаружит, например, что поставлен в тупик каким бы то ни было недавним или настоящим явлением [в сфере] торговли, если для него является тайной прошедшее или текущее состояние промышленного производства страны — тайной, которую ему не дает воз-

Джон Стюарт Милль

возможность разгадать его [собственное] знание принципов, он может быть уверен, что что-то требуется переделать в его системе взглядов для надежного руководства в существующих обстоятельствах. Либо ему неизвестны некоторые факты, влияющие на ситуацию в стране и на ход событий, либо, зная их, он не знает, каковы должны быть последствия этих фактов. В последнем случае его система является несовершенной даже в качестве абстрактной; она не позволяет ему правильно проследить все вытекающие последствия принятых исходных предпосылок. Хотя он преуспевает в том, чтобы взять под сомнение реальность некоторых явлений, требующих от него объяснения, его задача все же не выполнена; даже тогда от него требуется показать, каким образом возникает убеждение, которое он считает необоснованным, и какова действительная природа явлений, внесших оттенок вероятности в заявления, неистинность которых доказана в результате изучения.

Когда спекулятивный политик потрудился в этом направлении — потрудился сознательно, не с желанием найти свою систему [уже] законченной, а [с желанием] сделать ее таковой, — он может считать себя [вполне] квалифицированным для того, чтобы применять свои принципы для руководства [областью] практики, но он должен все еще продолжать упражняться в той же дисциплине при появлении каждой новой комбинации фактов [и по мере такого появления]; он должен принять во внимание и сделать значительное допущение относительно влияния осложняющих непредвиденных причин, а также должен тщательно следить за результатом каждого эксперимента, с тем чтобы любой [набор] оставшихся фактов, которые он не смог предугадать по своим принципам и не смог — также в соответствии с ними — объяснить, мог стать предметом нового анализа и предоставить возможность последующего расширения или исправления его общих взглядов.

Таким образом, метод мыслителя-практика состоит из двух процессов: первого — аналитического и второго — синтетического. Он должен *разлагать* существующее состояние общества на элементы, не потеряв и не просмотрев по дороге ни одного из них. После обращения к опыту отдельного человека, для того чтобы изучить *закон* [функционирования] каждого из этих элементов, то есть чтобы понять, каковы естественные следствия каждого из них и насколько значительным является следствие, вытекающее из такой-то по значимости причины, когда ей не противодействует какая-либо другая причина, остается операция *синтеза* — собирание всех элементов вместе и из того, что они [и их следствия] представляли собой по отдельности, соединение [в целое], [означающее рассмотрение] того, каково будет следствие [или воздействие] от всех причин, подейство-

Об определении предмета политической экономики

вавших одновременно. Если эти разные операции в состоянии быть выполнены верно (*correctly*), результатом было бы предсказание, но поскольку они могут быть выполнены лишь с определенной степенью приближения к тому, как должно (*correctness*), то человечество никогда не в состоянии предсказывать с абсолютной достоверностью, а [может это делать] лишь с большей или меньшей степенью вероятности, соразмерно тому, лучше или хуже они оповещены относительно того, каковы эти причины, — с большей или меньшей точностью из опыта [они] выявили закон, которому каждая из этих причин при их действии в отдельности соответствует, — и более или менее тщательно [они] суммировали совокупное агрегированное воздействие [этих причин].

Вместе со всеми мерами предосторожности, на которые [уже] указывалось, будет еще определенная опасность впасть в рассмотрения [предмета исключительно] по частям, но мы, по крайней мере, примем самые надежные меры против этого. Все, что мы в состоянии сделать в добавление, — так это попытаться быть беспристрастными критиками своих собственных теорий и освободиться, насколько это для нас возможно, от нежелания (от которого лишь немногие исследователи совершенно свободны) признать реальность или значимость тех фактов, которые мы ранее или не принимали во внимание в своих системах, или оставили для них там свободное место.

Если на самом деле каждое явление было следствием не более чем одной причины, то знание закона этой причины (если не было допущено логической ошибки в наших рассуждениях) дало бы нам возможность уверенно предсказывать все обстоятельства явления. Тогда, если мы тщательно исследовали наши предпосылки и нашу логику рассуждения и не нашли изъянов, мы могли бы рискнуть не поверить утверждению, которое могло бы появиться, чтобы показать — дело обернулось не так, как мы предсказывали. Если бы причины ложных заключений всегда были очевидны [и лежали] на поверхности приводящих к ним рассуждений, человеческое разумение представляло бы собой инструмент [познания], гораздо более заслуживающий доверия, чем он есть на самом деле. Однако [даже] самая ограниченная проверка самого процесса [мышления] немного поможет нам, [а именно] выяснить то, что мы упустили часть предпосылок, которые нам следовало бы принять во внимание в [этом] процессе рассуждения. Следствия обычно определяются стечением (*conspicence*) причин. Если мы упустили хотя бы какую-то одну причину, то можем верно судить обо всех остальных и будем неправы только в дальнейшем. Наши предпосылки будут верны, и наше рассуждение будет

Джон Стюарт Милль

правильным, но все же результат в [каждом] отдельном конкретном случае не будет иметь ценности. Почти всегда, таким образом, найдется место для сдержанного сомнения в отношении наших практических выводов. Против ложных предпосылок и неосновательных рассуждений нас может эффективно уберечь хорошая дисциплина ума, но против опасности *недосмотра* (*overlooking*) чего-либо ни сила разума, ни воспитание интеллекта не в состоянии быть чем-то большим, чем весьма несовершенной защитой. Человек с полным правом может быть уверен в том [и доверять тому], что, что бы тщательно ни исследовал его ум, этими «умными глазами» он видит правильно, но никто не в состоянии быть уверенным, что нечто, чего он вообще не видел, не существует. Он способен не более чем на самоудовлетворение от того [обстоятельства], что он видел все видимое и любым другим людям, заинтересованным в предмете [рассмотрения]. С этой целью он должен попытаться поставить себя на их точку зрения и настоятельно прилагать усилия, чтобы увидеть объект [так], как они его видят, не отказываясь от этой попытки до тех пор, пока он либо не добавит к своему собственному восприятию реально существующего новые черты образа [объекта], плавающего перед ними, либо не убедится, что [объект] представляет собой оптический обман.

Принципы, которые мы здесь обозначили, отнюдь не являются чуждыми распространенному представлению: они не скрыты абсолютно, может быть, от кого бы то ни было, но обычно видимы сквозь завесу тумана. Мы могли бы представить последнюю их часть во фразеологии, облеченные в которую они показались бы очень сходными с трюизмами: мы могли бы предостеречь исследователей от слишком далеко идущего *обобщения* и напомнить им, что существуют *исключения* из всех правил. Таков популярный (*suggest*) язык тех, кто не доверяет всестороннему размышлению, не имеющему никакого ясного понятия, почему или когда ему нельзя доверять. Мы умышленно избегали использования подобных выражений, потому что считаем их поверхностными и неточными. Ошибка, когда это [действительно] ошибка, *не* возникает из-за слишком далеко зашедшего обобщения, то есть из-за включения слишком обширного ряда отдельных случаев в одиозное утверждение. Несомненно, человек часто высказывает утверждения касательно целого класса, верные лишь для части этого класса, но в общем смысле его ошибка не в произведении слишком обширного утверждения, а в произведении утверждения неверного *типа*: он предсказывал фактический результат, в то время как ему следовало предсказывать лишь *тенденцию* к этому результату — силу, действующую с определенной интен-

Об определении предмета политической экономии

сивностью в том направлении. Относительно *исключений*: в любой достаточно развитой науке не существует, собственно, такой вещи, как исключение. То, что мыслится исключением из принципа, оказывается всегда некоторым другим и особым принципом, врезанным в первый: некоторой иной силой, которая ударяется о первую силу и заставляет ее бросить [свое прежнее] направление. Не существует *закона и исключения* из этого закона — закона, действующего в девяноста девяти случаях, и исключения, [действующего] в одном. Существует два закона — каждый действующий любым путем во всех ста случаях и [оба] вызывающие общее следствие при своем связанном действии. Если сила, которая будучи из двух менее заметной, называется осложняющей, значительно преобладает над другой силой в каком-нибудь одном случае — для того, чтобы образовать то, что обычно называют исключением, — та же осложняющая сила любым путем действует как видоизменяющая причина во многих других случаях, которые никто не назовет исключениями.

Таким образом, если в качестве природы установить [положение] о том, что все тела, имеющие вес, падают на землю, то наверняка было бы сказано: сопротивление атмосферы, предотвращающее воздушный шар от падения, делает шар исключением из этого фальшивого закона природы. Однако настоящий закон состоит в том, что все тела, имеющие вес, имеют *тенденцию* падать [на землю или притягиваться к ней], и из этого [закона] уже нет никаких исключений. Даже солнце и луна не являются таковыми, поскольку и они, как известно любому астроному, притягиваются к земле с силой, в точности равной силе притяжения земли к ним. Могли бы сказать, что сопротивление атмосферы в отдельном частном случае с шаром — вследствие неправильного представления о том, что такое закон гравитации, — *преобладало* над законом, но его осложняющее (*disturbing*) действие является вполне реальным и в любом другом случае, поскольку оно не удерживает [от падения], оно замедляет падение всех тел при любых обстоятельствах (*whatever*). Правило и так называемое исключение не делят случаи между собой; каждое из них является всеохватывающим правилом, распространяющимся на все случаи. Называть один из этих совместно действующих (*concurrent*) принципов исключением другого — поверхностное [утверждение], которое противоречит правильным принципам терминологии и классификации [материала]. Следствия в точности одного и того же вида, проистекающие от одной и той же причины, не должны быть помещаемы в две разные категории только на том основании, что [в одном случае] существует, [а в другом] отсутствует другая причина, преобладающая над первой.

Джон Стюарт Милль

Только в искусстве, которое отличается от науки, мы в состоянии с полным правом говорить об исключениях. Искусство, конечная цель которого — практика, не имеет ничего общего с причинами, кроме тех случаев, когда [речь идет] о способах порождения следствий. Какими бы разнородными причины ни были, практика относит все их следствия в единую систему расчета; и соразмерно тому, *положительной* или *отрицательной* оказывается итоговая сумма, [та или иная] причина оказывается или выше, или ниже определенного уровня. Искусство говорит [только]: делать это или воздержаться от того, чтобы делать это. Исключение не входит в правило медленно (*insensible*) [и] постепенно, подобно тому, что называется исключениями в науке. В вопросе практики часто случается так, что определенная вещь или подходит для того, чтобы быть сделанной, или же подходит для того, чтобы полностью воздержаться от делания, — там нет середины. Если в большинстве случаев нечто подходит для осуществления, оно становится правилом. Если же впоследствии происходит случай, в [рамках] которого данная вещь не [подходит] для того, чтобы быть сделанной, переворачивается совершенно новая страница — правило теперь нашло применение и выброшено из головы: вводится новый ряд идей; между ними и прежними, вовлеченными в [реализацию] по правилу, существует широкая линия демаркации, такая же широкая и *явная*, как между «да» и «нет». Очень возможно, что между последним случаем, вошедшим в правило, и первым, [то есть] исключением, существует только тень различия, но эта тень, вероятно, и создает целый интервал между действующим одним образом и полностью отличным от него. Таким образом, говоря об искусстве, мы можем, не вызывая возражений, говорить о *правилах* и об *исключениях*, понимая под правилом случаи, в которых существует, однако, лишь незначительное преобладание побуждений действовать определенным образом, а под исключением — случаи, в которых преобладание находится на противоположной стороне.

2

Объективность и понимание в экономике¹

Макс Вебер

МАКС ВЕБЕР (1864–1920) родился в Эрфурте и преподавал в университетах Фрайбурга, Гейдельберга, Вены и Мюнхена. Его принято считать социологом, хотя он получил экономическое образование и принимал активное участие в спорах о методологии экономической науки. Наибольшую известность ему принесла работа «Протестантская этика и дух капитализма», в которой он утверждает, что кальвинизм сыграл важную роль в становлении капитализма. Но он также внес важный вклад в наше понимание общества. Его методологические труды были необычайно влиятельными. Ниже приводятся фрагменты из «Объективности социально-научного и социально-политического знания» — его, пожалуй, наиболее знаменитой методологической работы.

✎

Размышление о последних элементах осмысленных человеческих действий всегда связано с категориями «цели» и «средства». Мы *in concreto* стремимся к чему-нибудь либо «из-за его собственной ценности», либо рассматриваем его как средство к достижению некоей цели. Научному исследованию прежде всего и безусловно доступна проблема соответствия средств поставленной цели. Поскольку мы (в границах нашего знания) способны установить, какие средства соответствуют (и какие не соответствуют) данной цели, мы можем тем самым взвесить шансы на то, в какой мере с помощью определенных средств, имеющихся в нашем распоряжении, вообще возможно достигнуть определенной цели и одновременно косвенным образом подвергнуть критике, исходя из исторической ситуации, саму постановку цели, охарактеризовав ее как практически осмысленную или лишенную смысла

---

1. Макс Вебер. Объективность социально-научного и социально-политического знания // Макс Вебер. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 347–349, 369–370, 373–374, 377–391.

Перевод с немецкого М. И. Левиной.

77

Макс Вебер

в данных условиях. Мы можем также установить, если осуществление намеченной цели представляется нам возможным, конечно, только в рамках нашего знания на каждом данном этапе, какие следствия будет иметь применение требуемых средств наряду с эвентуальным достижением поставленной цели, поскольку все происходящее в мире взаимосвязано. Затем мы предоставляем действующему лицу возможность взвесить, каково будет соотношение этих непредусмотренных следствий с предусмотренными им следствиями своего поведения, то есть даем ответ на вопрос: какой «ценой» будет достигнута поставленная цель, какой удар предположительно может быть нанесен другим ценностям? Поскольку в подавляющем большинстве случаев каждая цель достигается такого рода ценой или может быть достигнута такой ценой, то все люди, обладающие чувством ответственности, не могут игнорировать необходимость взвесить, каково будет соотношение цели и следствий определенных действий, а сделать это возможным — одна из важнейших функций критики посредством той техники, которую мы здесь рассматриваем. Что же касается решения, принятого на основе такого взвешивания, то это уже составляет задачу не науки, а самого человека, действующего в силу своих желаний; он взвешивает и совершает выбор между ценностями, о которых идет речь, так, как ему велят его совесть и мировоззрение. Наука может лишь довести до его сознания, что всякое действие и, конечно, в определенных обстоятельствах также и бездействие сводятся в итоге к решению занять определенную ценностную позицию, а тем самым (что в наши дни особенно охотно не замечают), как правило, противостоять другим ценностям. Сделать выбор — личное дело каждого.

Социальная наука, которой мы хотим заниматься, — наука о действительности. Мы стремимся понять окружающую нас действительную жизнь в ее своеобразии — понять взаимосвязь и культурную значимость отдельных ее явлений в их нынешнем облике, а также причины того, что они исторически сложились именно так, а не иначе. Между тем, как только мы пытаемся осмыслить образ, в котором жизнь непосредственно предстает перед нами, она предлагает нам бесконечное многообразие явлений, возникающих и исчезающих последовательно или одновременно «внутри» и «вне» нас. Абсолютная бесконечность такого многообразия остается неизменной в своей интенсивности и в том случае, когда мы изолированно рассматриваем отдельный ее «объект» (например, конкретный акт обмена), как только мы делаем серьезную попытку хотя бы только исчерпывающе описать это «единичное» явление во всех его индивидуальных компонентах, не говоря уже

Объективность и понимание в экономике

о том, чтобы постигнуть его в его каузальной обусловленности. Поэтому всякое мысленное познание бесконечной действительности конечным человеческим духом основано на молчаливой предпосылке, что в каждом данном случае предметом научного познания может быть только конечная часть действительности, что только ее следует считать «существенной», то есть «достойной знания». По какому же принципу вычленяется эта часть? Долгое время предполагали, что и в науках о культуре решающий признак в конечном итоге следует искать в «закономерной» повторяемости определенных причинных связей. То, что содержат в себе «законы», которые мы способны различить в необозримом многообразии смен явлений, должно быть — с этой точки зрения — единственно «существенным» для науки. Как только мы установили «закономерность» причинной связи, будь то средствами исторической индукции в качестве безусловно значимой, или сделали ее непосредственно зримой очевидностью для нашего внутреннего опыта — каждой найденной таким образом формуле подчиняется любое количество однородных явлений. Та часть индивидуальной действительности, которая остается непонятой после вычленения «закономерного», рассматривается либо как не подвергнутый еще научному анализу остаток, который впоследствии в ходе усовершенствования системы «законов» войдет в нее, либо это просто игнорируют как нечто «случайное» и именно поэтому несущественное для науки, поскольку оно не допускает «понимания с помощью законов», следовательно, не относится к рассматриваемому «типу» явлений и может быть лишь объектом «праздного любопытства». Таким образом, даже представители исторической школы все время возвращаются к тому, что идеалом всякого, в том числе и исторического, познания (пусть даже этот идеал перемещен в далекое будущее) является система научных положений, из которой может быть «дедущирована» действительность. Один известный естествовед высказал предположение, что таким фактически недостижимым идеалом подобного «препарирования» культурной действительности можно считать «астрономическое» познание жизненных процессов...

Мы назвали «науками о культуре» такие дисциплины, которые стремятся познать жизненные явления в их культурном значении. Значение же явления культуры и причина этого значения не могут быть выведены, обоснованы и пояснены с помощью системы законов и понятий, какой бы совершенной она ни была, так как это значение предполагает соотношение явлений культуры с идеями ценности. Понятие культуры — ценностное понятие. Эмпирическая реальность есть для нас «культура» потому, что мы соотносим

Макс Вебер

ее с ценностными идеями (и в той мере, в какой мы это делаем); культура охватывает те и только те компоненты действительности, которые в силу упомянутого отнесения к ценности становятся значимыми для нас. Ничтожная часть индивидуальной действительности окрашивается нашим интересом, обусловленным ценностными идеями, лишь она имеет для нас значение, и вызвано это тем, что в ней обнаруживаются связи, важные для нас вследствие их соотносительности с ценностными идеями. Только поэтому — и поскольку это имеет место — данный компонент действительности в его индивидуальном своеобразии представляет для нас познавательный интерес. Однако определить, что именно для нас значимо, никакое «непредвзятое» исследование эмпирически данного не может. Напротив, установление значимого для нас и есть предпосылка, в силу которой нечто становится предметом исследования. Значимое как таковое не совпадает, конечно, ни с одним законом как таковым и тем меньше, чем более общезначим этот закон. Ведь специфическое значение, которое имеет для нас компонент действительности, заключено совсем не в тех его связях, которые общи для него и многих других.

Какой же вывод можно сделать из всего сказанного? Разумеется, это не означает, что в области наук о культуре знание общего, образование абстрактных родовых понятий, знание закономерности и попытка формулировать связи на основе «законов» вообще не имеют научного оправдания. Напротив, если каузальное познание историка есть сведение конкретных результатов к их конкретным причинам, то значимость сведения какого-либо индивидуального результата к его причинам без применения «номологического» знания, то есть знания законов каузальных связей, вообще немыслима. Следует ли приписывать отдельному индивидуальному компоненту реальной связи *in concrete* каузальное значение в осуществлении того результата, о каузальном объяснении которого идет речь, можно в случае сомнения решить, только если мы оценим воздействие, которого мы обычно ждем в соответствии с общими законами от данного компонента связи и от других принятых здесь во внимание компонентов того же комплекса; вопрос сводится к определению адекватного воздействия отдельных элементов данной причинной связи. В какой мере историк (в самом широком смысле слова) способен уверенно совершить это сведение с помощью своего основанного на личном жизненном опыте и методически дисциплинированного воображения и в какой мере он использует при этом выводы других специфических наук, решается в каждом отдельном случае в зависимости от обстоятельств. Однако повсюду, а сле-

Объективность и понимание в экономике

довательно, и в области сложных экономических процессов надежность такого причинного сведения тем больше, чем полнее и глубже знание общих законов. То, что при этом всегда, в том числе и во всех без исключения так называемых *экономических законах*, речь идет не о «закономерностях» в узком естественно-научном смысле, но об «адекватных» причинных связях, выраженных в определенных правилах, о применении категории «объективной возможности» (которую мы здесь подробно не будем рассматривать), ни в коей мере не умаляет значения данного тезиса. Следует только всегда помнить, что установление закономерностей такого рода — не цель, а средство познания; а есть ли смысл в том, чтобы выражать в формуле в виде «закона» хорошо известную нам из повседневного опыта закономерность причинной связи, является в каждом конкретном случае вопросом целесообразности.

Для естественных наук важность и ценность «законов» прямо пропорциональна степени их общезначимости; для познания исторических явлений в их конкретных условиях наиболее общие законы, в наибольшей степени лишенные содержания, имеют, как правило, наименьшую ценность. Ведь чем больше значимость родового понятия — его объем, тем дальше оно уводит нас от полноты реальной действительности, так как для того, чтобы содержать общие признаки наибольшего числа явлений, оно должно быть абстрактным, то есть бедным по своему содержанию. В науках о культуре познание общего никогда не бывает ценным как таковое.

Из сказанного следует, что «объективное» исследование явлений культуры, идеальная цель которого состоит в сведении эмпирических связей к «законам», бессмысленно. И совсем не потому, что, как часто приходится слышать, культурные или духовные процессы «объективно» протекают в менее строгом соответствии законам, а по совершенно иным причинам. Во-первых, знание социальных законов не есть знание социальной действительности, оно является лишь одним из целого ряда вспомогательных средств, необходимых нашему мышлению для этой цели. Во-вторых, познание культурных процессов возможно только в том случае, если оно исходит из значения, которое для нас всегда имеет действительность жизни, индивидуально структурированная в определенных единичных связях. В каком смысле и в каких связях обнаруживается такая значимость, нам не может открыть ни один закон, ибо это решается в зависимости от ценностных идей, под углом зрения которых мы в каждом отдельном случае рассматриваем «культуру». «Культура» есть тот конечный фрагмент лишенной смысла мировой бесконечности, который, с точки зрения человека, обладает смыслом и значением. Такое понимание культуры присуще человеку и в том случае, когда он выступает как злейший враг какой-

Макс Вебер

либо конкретной культуры и требует «возврата к природе». Ведь и эту позицию он может занять, только соотнося данную конкретную культуру со своими ценностными идеями и определяя ее как «слишком поверхностную». Данное чисто формально-логическое положение имеется в виду, когда речь идет о логически необходимой связи всех «исторических индивидуумов» с «ценностными идеями». Трансцендентальная предпосылка всех наук о культуре состоит не в том, что мы считаем определенную — или вообще какую бы то ни было — «культуру» ценной, а в том, что мы сами являемся людьми культуры, что мы обладаем способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную позицию по отношению к миру и придать ему смысл. Каким бы этот смысл ни был, он станет основой наших суждений о различных явлениях совместного существования людей, заставит нас относиться к ним (положительно или отрицательно) как к чему-то для нас значительному. Каким бы ни было содержание этого отношения, названные явления будут иметь для нас культурное значение, которое только и придает им научный интерес. Говоря в терминах современной логики об обусловленности познания культуры идеями ценности, мы уповаем на то, что это не породит столь глубокого заблуждения, будто, с нашей точки зрения, культурное значение присуще лишь ценностным явлениям. К явлениям культуры проституция относится не в меньшей степени, чем религия или деньги, и все они относятся потому, только потому, что их существование и форма, которую они обрели исторически, прямо или косвенно затрагивают наши культурные интересы, и только в этой степени потому, что они возбуждают наше стремление к знанию с тех точек зрения, которые выведены из ценностных идей, придающих значимость отрезку действительности, мыслимому в этих понятиях.

Отсюда следует, что познание культурной действительности — всегда познание с совершенно специфических особых точек зрения. Когда мы требуем от историка или социолога в качестве элементарной предпосылки, чтобы он умел отличать важное от неважного и основывался бы, совершая такое разделение, на определенной «точке зрения», то это означает только, что он должен уметь осознанно или неосознанно соотносить явления действительности с универсальными «ценностями культуры» и в зависимости от этого вычленять те связи, которые для нас значимы. Если часто приходится слышать, что подобные точки зрения «могут быть почерпнуты из материала», то это лишь следствие наивного самообмана ученого, не замечающего, что он с самого начала в силу ценностных идей, которые он неосознанно прилагает к материалу исследования, вычленил из абсолютной бесконечно-

Объективность и понимание в экономике

сти крошечный ее компонент в качестве того, что для него единственно важно. В этом всегда и повсеместно, сознательно или бессознательно производимом выборе отдельных особых «сторон» происходящих событий проявляется и тот элемент научной работы в области наук о культуре, на котором основано часто высказываемое утверждение, будто «личный» момент научного труда и есть собственно ценное в нем, что в каждом труде, достойном внимания, должна отражаться «личность» автора. Очевидно, что без ценностных идей исследователя не было бы ни принципа, необходимого для отбора материала, ни подлинного познания индивидуальной реальности; и если без веры исследователя в значение какого-либо содержания культуры любые его усилия, направленные на познание индивидуальной действительности, просто бессмысленны, то направленность его веры, преломление ценностей в зеркале его души придадут исследовательской деятельности известную направленность. Ценности же, с которыми научный гений соотносит объекты своего исследования, могут определить «восприятие» целой эпохи, то есть играть решающую роль в понимании не только того, что считается в явлениях «ценностным», но и того, что считается значимым или незначимым, «важным» или «неважным».

Следовательно, познание в науках о культуре так, как мы его понимаем, связано с «субъективными» предпосылками в той мере, в какой оно интересуется только теми компонентами действительности, которые каким-либо образом — пусть даже самым косвенным — связаны с явлениями, имеющими в нашем представлении культурное значение. Тем не менее это, конечно, чисто каузальное познание, совершенно в таком же смысле, как познание значимых индивидуальных явлений природы, которые носят качественный характер. К числу многих заблуждений, вызванных вторжением в науки о культуре формально-юридического мышления, присоединилась недавно остроумная попытка в принципе «опровергнуть» «материалистическое понимание истории» с помощью ряда следующих будто бы убедительных выводов: поскольку хозяйственная жизнь проходит в юридически или конвенционально урегулированных формах, всякое экономическое «развитие» неизбежно принимает форму устремления к созданию новых правовых форм, следовательно, оно может быть понято только под углом зрения нравственных максим и потому по своей сущности резко отличается от любого развития «в области природы». В силу этого познание экономического развития всегда телеологично по своему характеру. Не останавливаясь на многозначном понятии «развития» в социальных науках и на логически не менее многозначном понятии «телеологического», мы считаем нужным указать здесь

Макс Вебер

лишь на то, что такое развитие, во всяком случае, «телеологично» не в том смысле, какой в это слово вкладывается сторонниками данной точки зрения. При полной формальной идентичности значимых правовых норм культурное значение нормированных правовых отношений, а тем самым и самих норм может быть совершенно различным. Если решиться на фантастическое прогнозирование будущего, то можно, например, представить себе «обобществление средств производства» теоретически завершённым — без того, чтобы при этом возникли какие бы то ни были сознательные «устремления» к реализации указанной цели, и без того, чтобы наше законодательство уменьшилось на один параграф или пополнилось таковым. Правда, статистика отдельных нормированных правовых отношений изменилась бы коренным образом, число многих из них упало бы до нуля, значительная часть правовых норм практически перестала бы играть какую-либо роль, и их культурное значение тоже изменилось бы до неузнаваемости. Поэтому «материалистическое» понимание истории могло бы с полным правом исключить соображения *de lege ferenda*, так как его основополагающим тезисом было именно неизбежное изменение значения правовых институтов. Тот, кому скромный труд каузального понимания исторической действительности представляется элементарным, пусть лучше не занимается им, но заменять его какой-либо «телеологией» невозможно. В нашем понимании «цель» — это такое представление о результате, которое становится причиной действия; и так же, как мы принимаем во внимание любую причину, способствующую значимому результату, мы принимаем во внимание и данную. Специфическое значение данной причины состоит лишь в том, что наша цель — не только конституировать поведение людей, но и понять его.

Нет никакого сомнения в том, что ценностные идеи «субъективны». Между «историческим» интересом к семейной хронике и интересом к развитию самых важных явлений культуры, в одинаковой степени общих для нации или всего человечества на протяжении целых эпох и вплоть до наших дней, проходит бесконечная градация «значений», последовательность степеней которых иная для каждого из нас. Такому же преобразованию они подвергаются в зависимости от характера культуры и господствующих в человеческом мышлении идей. Из этого, однако, отнюдь не следует, что выводы исследования в области наук о культуре могут быть только «субъективными» в том смысле, что они для одного человека значимы, а для другого нет. Меняется лишь степень интереса, который они представляют для того или другого человека. Иными словами: что становится предметом исследования и насколько глубоко это исследование проникает в бесконечное переплетение

Объективность и понимание в экономике

каузальных связей, определяют господствующие в данное время и в мышлении данного ученого ценностные идеи. Если обратиться к методу исследования, то ведущая «точка зрения», правда, является, как мы еще увидим, определяющей для образования вспомогательных понятийных средств, которыми пользуется ученый, однако характер этого использования здесь, как и всегда, связан, конечно, с нормами нашего мышления. Научная истина есть именно то, что хочет быть значимым для всех, кто стремится к истине.

Один вывод из сказанного здесь не вызывает сомнения: это полная бессмысленность идеи, распространившейся даже в кругах историков, будто целью, пусть даже отдаленной, наук о культуре должно быть создание замкнутой системы понятий, в которой действительность можно будет представить в некоем окончательном членении и из которой она затем опять может быть дедуцирована. Бесконечный поток неизмеримых событий несетя в вечность. Во все новых образах и красках возникают проблемы культуры, волнующие людей; зыбкими остаются границы того, что в вечном и бесконечном потоке индивидуальных явлений обретает для нас смысл и значение, становится «историческим индивидуумом». Меняются мыслительные связи, в рамках которых «исторический индивидуум» рассматривается и постигается научно. Отправные точки наук о культуре будут и в будущем меняться до тех пор, пока китайское окостенение духовной жизни не станет общим делом людей и не отучит их задавать вопросы всегда одинаково неисчерпаемой жизни. Система в науках о культуре, даже просто в качестве окончательной и объективно значимой фиксированной систематизации проблем и областей знания, которыми должны заниматься эти науки, — бессмыслица. Результатом подобной попытки может быть лишь перечисление многих, специфически выделенных, гетерогенных и несовместимых друг с другом точек зрения, в которых действительность являлась или является для нас «культурой», то есть значимой в своем своеобразии.

После таких длительных пояснений можно наконец обратиться к тому вопросу, который в рамках рассмотрения «объективности» познания культуры представляет для нас методологический интерес. Каковы логическая функция и структура понятий, которыми пользуется наша, как и любая другая, наука? Или, если сформулировать вопрос точнее, обращаясь непосредственно к решающей для нас проблеме: каково значение теории и образования теоретических понятий для познания культурной действительности?

Политическая экономия была, как мы видели раньше, — по крайней мере изначально — прежде всего «техникой», то есть рассматривала явления действительности с однозначной (по видимости, во всяком случае), прочно установленной, практической ценност-

Макс Вебер

ной точки зрения, с точки зрения роста «богатства» подданных государства. С другой стороны, она с самого начала была не только «техникой», так как вошла в могучее единство естественно-правового и рационалистического мировоззрения XVIII века. Своеобразие этого мировоззрения с его оптимистической верой в то, что действительность может быть теоретически и практически рационализирована, оказало существенное воздействие, препятствуя открытию того факта, что принятая как нечто само собой разумеющееся точка зрения носит проблематичный характер. Рациональное отношение к социальной действительности не только возникло в тесной связи с развитием естественных наук, но и осталось родственным ему по характеру своего научного метода. В естественных науках практическая ценностная точка зрения, которая сводилась к непосредственно технически полезному, была изначально тесно связана с унаследованной от античности, а затем все растущей надеждой на то, что на пути генерализирующей абстракции и эмпирического анализа, ориентированного на установленные законами связи, можно прийти к чисто «объективному» (то есть свободному от ценностей) и вместе с тем вполне рациональному (то есть свободному от индивидуальных «случайностей») монистическому познанию всей действительности в виде некоей системы понятий, метафизической по своей значимости и математической по форме. Неотделимые от ценностных точек зрения естественные науки, такие как клиническая медицина и еще в большей степени наука, именуемая обычно технологией, превратились в чисто практическое «обучение ремеслу». Ценности, которыми они должны были руководствоваться, — здоровье пациента, технологическое усовершенствование конкретного производственного процесса и т. д. — были для них незыблемы. Средства, применяемые ими, были (и только и могли быть) использованием закономерностей и понятий, открытых теоретическими науками. Каждый принципиальный прогресс в образовании теоретических понятий был (или мог быть) также прогрессом практической науки. При твердо установленной цели прогрессирующее подведение отдельных практических вопросов (данного медицинского случая, данной технической проблемы) в качестве частных случаев под общезначимые законы, следовательно, углубление теоретического знания было непосредственно связано с расширением технических, практических возможностей и тождественно им. Когда же современная биология подвела под понятие общезначимого принципа развития и те компоненты действительности, которые интересуют нас исторически, то есть в их именно данном, а не в каком-либо ином становлении, и этот принцип, как казалось (хотя последнее и не соответствовало истине), позволил вклю-

Объективность и понимание в экономике

читать все существенные свойства объекта в схему общезначимых законов, тогда будто действительно наступили «сумерки богов» для всех ценностных точек зрения в области всех наук. Ведь поскольку и так называемые *исторические события* — часть действительности, а принцип каузальности, являющийся предпосылкой всей научной работы, как будто требовал растворения всего происходящего в общезначимых «законах», поскольку, наконец, громадные успехи естественных наук, которые отнеслись к данному принципу со всей серьезностью, были очевидны, стало казаться, что иного смысла научной работы, кроме открытия законов происходящего, вообще нельзя себе представить. Только «закономерное» может быть существенным в явлениях, «индивидуальное» же может быть принято во внимание только в качестве «типа», то есть в качестве иллюстрации к закону. Интерес к индивидуальному явлению как таковому «научным» интересом не считался.

Здесь невозможно показать, какое сильное обратное влияние на экономические науки оказала эта оптимистическая уверенность, присущая натуралистическому монизму. Когда же социалистическая критика и работа историков стали превращать исконные ценностные представления в проблемы, требующие дальнейшего изучения, то, с одной стороны, громадные успехи биологии и с другой — влияние гегелевского панлогизма воспрепятствовали тому, чтобы в политической экономии было отчетливо понято отношение между понятием и действительностью во всем его значении. Результат (в том аспекте, в котором нас это интересует) свелся к тому, что, несмотря на мощную преграду, созданную немецкой идеалистической философией со времен Фихта, трудами немецкой исторической школы права и исторической школы политической экономии, назначением которой было противостоять натиску натуралистических догм, натурализм тем не менее (а отчасти и вследствие этого) в своих решающих моментах еще не преодолен. Сюда относится прежде всего оставшаяся до сих пор нерешенной проблема соотношения «теоретического» и «исторического» исследования в нашей сфере деятельности.

«Абстрактный» теоретический метод еще и теперь резко и непримиримо противостоит эмпирическому историческому исследованию. Сторонники абстрактно-теоретического метода совершенно правы, когда они утверждают, что заменить историческое познание действительности формулированием законов или, наоборот, вывести законы в строгом смысле слова из простого рядоположения исторических наблюдений методически невозможно. Для выведения законов — а что это должно быть главной целью науки, им представляется несомненным — сторонники абстрактно-теоретического метода исходят из того, что мы постоянно пе-

Макс Вебер

реживаем связи человеческих действий в их непосредственной реальности и поэтому можем, как они полагают, пояснить их с аксиоматической очевидностью и открыть, таким образом, лежащие в их основе «законы». Единственно точная форма познания, формулирование непосредственно очевидных законов, есть также, по их мнению, и единственная форма познания, которая позволяет делать выводы из непосредственно не наблюдаемых явлений. Поэтому построение системы абстрактных, а потому чисто формальных положений, аналогичных тем, которые существуют в естественных науках, — единственное средство духовного господства над многообразием общественной жизни, в первую очередь если речь идет об основных феноменах хозяйственной жизни. Незвизирая на принципиальное методическое разделение между номологическим и историческим знанием, которое в качестве первого и единственного некогда создал творец этой теории, теперь он сам исходит из того, что положения абстрактной теории обладают эмпирической значимостью, поскольку они допускают выведение действительности из законов. Правда, речь идет не об эмпирической значимости абстрактных экономических положений самих по себе; его точка зрения сводится к следующему: если разработать соответствующие «точные» теории из всех принятых во внимание факторов, то во всех этих абстрактных теориях в их совокупности будет содержаться подлинная реальность вещей, то есть те стороны действительности, которые достойны познания. Точная экономическая теория устанавливает якобы действие одного, психического, мотива, задача других теорий — разработать подобным образом все остальные мотивы в виде научных положений гипотетической значимости. Поэтому в ряде случаев делался совершенно фантастический вывод, будто результат теоретической работы в виде абстрактных теорий в области ценообразования, налогового обложения, ренты по мнимой аналогии с теоретическими положениями физики может быть использован для выведения из данных реальных предпосылок определенных количественных результатов, то есть строгих законов, значимых для реальной действительности, так как хозяйство человека при заданной цели по своим средствам «детерминировано» однозначно. При этом упускалось из виду, что для получения такого результата в каком бы то ни было, пусть самом простом, случае должна быть положена «данной» и постулирована известной вся историческая действительность в целом, со всеми ее каузальными связями и что если бы конечному духу стало доступно такое знание, то трудно себе представить, в чем же тогда состояла бы познавательная ценность абстрактной теории. Натуралистический предрассудок, будто в таких понятиях может быть создано нечто, по-

Объективность и понимание в экономике

добное точным выводам естественных наук, привел к тому, что самый смысл этих теоретических образований был неверно понят. Предполагалось, что речь идет о психологической изоляции некоего специфического «стремления», стремления человека к наживе, или об изолированном рассмотрении специфической максимы человеческого поведения, так называемого *хозяйственного принципа*. Сторонники абстрактной теории считали возможным опираться на психологические аксиомы, а следствием этого было то, что историки стали взывать к эмпирической психологии, стремясь таким образом доказать неприемлемость подобных аксиом и выявить эволюцию экономических процессов с помощью психологических данных. Мы не будем здесь подвергать критике веру в значение такой систематической науки, как «социальная психология» (ее, правда, еще надо создать), в качестве будущей основы наук о культуре, в частности политической экономии. Существующие в настоящий момент, подчас блестящие, попытки психологической интерпретации экономических явлений отчетливо свидетельствуют о том, что к пониманию общественных институтов следует идти не от анализа психологических свойств человека, что, наоборот, выявление психологических предпосылок и воздействия институтов предполагает хорошее знание структуры этих институтов и научный анализ их взаимосвязей. Только тогда психологический анализ может в определенном конкретном случае оказаться очень ценным, углубляя наше знание исторической культурной обусловленности и культурного значения общественных институтов. То, что нас интересует в психическом поведении человека в рамках его социальных связей, всегда специфическим образом изолировано в зависимости от специфического культурного значения связи, о которой идет речь. Все эти психические мотивы и влияния весьма разнородны и очень конкретны по своей структуре. Исследование в области социальной психологии означает тщательное изучение единичных, во многом несовместимых по своему типу элементов культуры в свете возможного их истолкования для нашего понимания посредством сопереживания. Таким образом, мы, отправляясь от знания отдельных институтов, придем благодаря этому к более глубокому духовному пониманию их культурной обусловленности и культурного значения, вместо того чтобы выводить институты из законов психологии или стремиться объяснить их с помощью элементарных психологических явлений.

Длительная полемика по вопросам о психологической оправданности абстрактных теоретических конструкций, о значении «стремления к наживе», «хозяйственного принципа» и т. п. оказалась малопродуктивной.

Макс Вебер

В построениях абстрактной теории создается лишь видимость того, что речь идет о «дедукции» из основных психологических мотивов, в действительности же мы обычно имеем дело просто с особым случаем формообразования понятий, которое свойственно наукам о культуре и в известном смысле им необходимо. Нам представляется полезным характеризовать такое образование понятий несколько подробнее, так как тем самым мы подойдем к принципиальному вопросу о значении теории в области социальных наук. При этом мы раз и навсегда отказываемся от суждения о том, соответствуют ли сами по себе те теоретические образования, которые мы приводим (или имеем в виду) в качестве примеров, поставленной цели, обладает ли объективно их построение целесообразностью. Вопрос о том, например, до каких пределов следует разрабатывать современную «абстрактную теорию», является по существу вопросом экономии в научной работе, направленной также на решение и других проблем. Ведь и «теория предельной полезности» подвластна «закону предельной полезности».

В абстрактной экономической теории мы находим пример тех синтезов, которые обычно именуют «идеями» исторических явлений. Названная теория дает нам идеальную картину процессов, происходящих на рынке в товарно-денежном хозяйстве при свободной конкуренции и строго рациональном поведении. Этот мысленный образ сочетает определенные связи и процессы исторической жизни в некий лишенный внутренних противоречий космос мысленных связей. По своему содержанию данная конструкция носит характер утопии, полученной посредством мысленного усиления определенных элементов действительности. Ее отношение к эмпирически данным фактам действительной жизни состоит в следующем: в тех случаях, когда абстрактно представленные в названной конструкции связи, то есть процессы, связанные с «рынком», в какой-то степени выявляются или предполагаются в действительности как значимые, мы можем, сопоставляя их с идеальным типом, показать и пояснить с прагматической целью своеобразие этих связей. Такой метод может быть эвристическим, а для определения ценности явления даже необходимым. В исследовании идеально-типическое понятие – средство для вынесения правильного суждения о каузальном сведении элементов действительности. Идеальный тип – не «гипотеза», он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез. Не дает он и изображения действительности, но представляет для этого однозначные средства выражения. Таким образом, перед нами «идея» исторически данной хозяйственной организации современного общества, образованная по совершенно таким

Объективность и понимание в экономике

же логическим принципам, с помощью которых была сконструирована в качестве «генетического» принципа, например, идея «городского хозяйства» в Средние века. В такой конструкции понятие «городское хозяйство» строится не как среднее выражение совокупности всех действительных хозяйственных принципов, обнаруженных во всех изученных городах, но также в виде идеального типа. Оно создается посредством одностороннего усиления одной или нескольких точек зрения и соединения множества диффузно и дискретно существующих единичных явлений (в одном случае их может быть больше, в другом – меньше, а кое-где они вообще отсутствуют), которые соответствуют тем односторонне вычлененным точкам зрения и складываются в единый мысленный образ. В реальной действительности такой мысленный образ в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается; это – утопия. Задача исторического исследования состоит в том, чтобы в каждом отдельном случае установить, насколько действительность близка такому мысленному образу или далека от него, в какой мере можно, следовательно, считать, что характер экономических отношений определенного города соответствует понятию «городского хозяйства». При осторожном применении этого понятия оно специфическим образом способствует достижению цели и наглядности исследования. С помощью совершенно такого же метода можно (приведем еще один пример) создать в виде утопии «идею ремесла», соединив определенные черты, диффузно встречающиеся у ремесленников самых различных эпох и народов и доведенные до их полного логического предела, в едином, свободном от противоречий идеальном образе и соотнеся их с выраженным в них мысленным образованием. Можно затем попытаться нарисовать общество, где все отрасли хозяйственной, даже всей духовной деятельности подчинены максимам, являющимся результатом применения того же принципа, который был положен в основу доведенного до идеального типа «ремесла». Далее идеальному типу «ремесла» можно, абстрагируя определенные черты современной крупной промышленности, противопоставить в качестве антитезиса идеальный тип капиталистического хозяйства и вслед за тем попытаться нарисовать утопию «капиталистической» культуры, то есть культуры, где господствуют только интересы реализации частных капиталов. В ней должны быть объединены отдельные, диффузно наличные черты материальной и духовной жизни в рамках современной культуры, доведенные в своем своеобразии до лишнего для нашего рассмотрения противоречий идеального образа. Это и было бы попыткой создать «идею» капиталистической культуры; мы оставляем здесь в стороне вопрос, может ли подобная попытка увенчаться успехом и каким образом. Впол-

Макс Вебер

не вероятно, более того, нет сомнения в том, что можно создать целый ряд, даже большое количество утопий такого рода, причем ни одна из них не будет повторять другую и уж, конечно, ни одна из них не обнаружится в эмпирической действительности в качестве реального общественного устройства, однако каждая из них претендует на то, что в ней выражена «идея» капиталистической культуры, и вправе на это претендовать, поскольку в каждой такой утопии действительно отражены известные, значимые в своем своеобразии черты нашей культуры, взятые из действительности и объединенные в идеальном образе. Ведь наш интерес к тем феноменам, которые выступают перед нами в качестве явлений культуры, всегда связан с их «культурным значением», возникающим вследствие отнесения их к самым различным ценностным идеям. Поэтому так же, как существуют различные «точки зрения», с которых мы можем рассматривать явления культуры в качестве значимых для нас, можно руководствоваться и самыми различными принципами отбора связей, которые надлежит использовать для создания идеального типа определенной культуры.

3

Природа и значение экономической науки¹

Лайонел Роббинс

Лайонел Роббинс (1898–1984) получил образование в лондонском Университетском колледже и в Лондонской школе экономики. Он преподавал в Лондонской школе экономики, оксфордском Нью-колледже и Лондонском университете. Автор многочисленных книг по экономической теории и экономической политике, в 1959 году Роббинс был удостоен титула пожизненного пэра. Его «Эссе о природе и значении экономической науки», отрывки из которого мы приводим в этом сборнике, сразу после своего выхода было объявлено классической работой и оказало большое влияние на многих экономистов.

Глава I: Предмет экономической науки

... **3.** Но где искать более подходящее определение? Надо сказать, что положение вовсе не безнадежно. Критический анализ «материалистического» определения сам подвел нас к определению, которое будет свободно от всех этих недостатков.

Вернемся к простейшему случаю, в котором мы обнаружили неадекватность данного определения, — к изолированному человеку, делящему свое время между производством реального дохода и отдыхом. Мы только что установили, что такое разделение имеет экономический аспект. Но в чем именно он заключается?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо определить условия, при которых данное разделение является необходимым. Их четыре. Во-первых, изолированному человеку нужен и реальный доход, и отдых. Во-вторых, и того и другого у него недоста-

---

1. Lionel Robbins. *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*, 2d ed. London: Macmillan, 1935.

Перевод с английского Н. В. Автономовой.

Лайонел Роббинс

точно, чтобы удовлетворить соответствующие потребности полностью. В-третьих, у него есть возможность потратить свое время и на увеличение реального дохода, и на дополнительный отдых. В-четвертых, можно предположить, что в подавляющем большинстве случаев его потребность в различных компонентах реального дохода и отдыха будет различной. Поэтому ему приходится выбирать, «экономить». Распределение его времени и ресурсов зависит от его системы потребностей. Оно имеет экономический аспект.

Это типичный пример экономической проблемы. С точки зрения экономиста, условия человеческого существования характеризуются следующими четырьмя фундаментальными положениями: человек стремится к различным целям; время и средства, имеющиеся в его распоряжении, ограничены; они могут быть направлены на достижение альтернативных целей; в каждый момент времени разные цели обладают различной важностью. Да, мы таковы — существа, наделенные ощущениями, желаниями и притязаниями, массой инстинктивных стремлений, побуждающих нас к действию. Но время для действий ограничено. Внешний мир не предоставляет нам возможностей для достижения всех наших целей. Жизнь коротка, а природа скупа. Цели других людей не совпадают с нашими. Но мы можем употребить свою жизнь на то, чтобы заниматься разными делами, используя имеющиеся ресурсы и услуги других людей для того, чтобы добиваться различных целей.

Сама по себе множественность целей не представляет интереса для экономиста. Если я хочу достичь двух целей, обладаю для этого достаточным временем и достаточными средствами и не нуждаюсь во времени и средствах для каких-то других надобностей, то мое поведение не принимает тех форм, которые относятся к предмету экономической науки. Нирвана — вовсе не обязательно сплошное блаженство. Это просто полное удовлетворение всех потребностей.

Сама по себе ограниченность ресурсов также не составляет достаточного признака экономических явлений. Если средства ограничены, но не имеют альтернативного использования, их нельзя «экономить». Падающая с небес манна была редким благом, но, поскольку обменять ее на что-либо или отложить ее потребление²

---

2. Это, пожалуй, стоит подчеркнуть особо. Достижение одной и той же цели с помощью одних и тех же средств, но в *разные моменты времени* представляет собой различные способы использования этих средств. Если не отдавать себе в этом отчет, можно проглядеть один из важнейших типов экономических действий.

Природа и значение экономической науки

было невозможно, она не являлась объектом какой-либо деятельности, имеющей экономический аспект.

Но и наличие альтернативных возможностей использования редких ресурсов также не представляет собой достаточного условия существования явлений, которые мы здесь изучаем. Если у субъекта есть две цели и одно средство для их достижения, причем обе цели одинаково важны, он уподобится ослу из басни, бесконечно выбирающему между двумя равно привлекательными охапками сена³.

Но если время и средства для достижения целей ограничены и допускают альтернативное использование, а цели можно расставить по степени важности, то поведение неизбежно принимает форму выбора. Каждое действие, предполагающее затрату времени и редких ресурсов для достижения какой-либо цели, подразумевает тем самым, что они не будут использованы для достижения другой цели. Такое действие имеет экономический аспект⁴. Если я хочу есть и спать, но в данный момент не могу полностью удовлетворить обе свои потребности, значит, часть их так и должна остаться неудовлетворенной. Если на протяжении своей жизни я хочу стать и философом, и математиком, но моя скорость усвоения знаний для этого недостаточна, значит, мое желание останется частично неисполненным.

Не все средства достижения человеческих целей ограничены. Некоторые предметы внешнего мира встречаются в таком изобилии, что использование их не требует отказа от других благ. Одно из таких «свободных» благ – это воздух, которым мы дышим. Кроме некоторых исключительных случаев, то, что мы нуждаемся в воздухе, не требует от нас затрат времени или других ресурсов. Наша потребность в одном кубическом футе воздуха не предполагает, что мы должны отказаться от какой-то другой альтернативы. Владение или невладение единицами блага под названием «воздух» не влияют на наше поведение. В принципе можно себе представить таких живых существ, «цели» которых настолько ограничены, что все блага являются для них «свободными» и не влияют на их поведение.

---

3. Эта оговорка кажется здесь излишней, и в первом издании этого эссе я опустил ее. Однако существование иерархии целей имеет настолько большое значение в теории ценности, что лучше ввести это условие уже на данной стадии исследования. См.: Главу IV, раздел 2.

4. См.: Schoenfeld. *Grenznutzen und Wirtschaftsrechnung*. P. 1; Hans Mayer. *Untersuchungen zu dem Grundgesetze der wirtschaftlichen Wertrechnung // Zeitschrift fuer Volkswirtschaft und Sozialpolitik*. Bd. 2. P. 123. Следует помнить, что редким является не «время» само по себе, а наша собственная возможность действовать. Редкость времени – это всего лишь метафора.

Лайонел Роббинс

Но, как правило, человеческая деятельность, направленная на достижение многих целей, не обладает такой независимостью от времени или специфических ресурсов. Время в нашем распоряжении всегда ограничено: в сутках только двадцать четыре часа. Мы должны выбирать, на что их следует потратить. Точно так же ограничены услуги, которые нам предоставляют другие люди, и материальные средства для достижения наших целей. Нас изгнали из рая, мы лишены вечной жизни и неограниченных благ. Если мы что-то выбираем, мы вынуждены отказываться от других вещей, от которых в иных обстоятельствах мы бы не отказались. Редкость средств, предназначенных для удовлетворения целей разной значимости, — это почти универсальное свойство среды, в которой совершается человеческая деятельность⁵.

Поэтому формы, которые принимает человеческое поведение, когда необходимо распорядиться редкими ресурсами, составляют единый предмет экономической науки. Примеры, которые мы приводили выше, точно соответствуют этому определению. И услуги повара, и услуги балетного танцовщика ограничены относительно спроса на них и могут употребляться различным образом. Наше определение охватывает и всю теорию заработной платы, и политическую экономию войн. Ведение успешной войны требует изъятия редких благ и услуг из других, невоенных, областей применения, следовательно, оно имеет экономический аспект. Экономист изучает способы распоряжения редкими ресурсами. Ему интересно то, как из различной степени редкости благ вытекает ценностное соотношение между ними. Ему интересно, как на это соотношение влияет изменение степени редкости, вызванное изменением либо целей, либо средств, то есть либо спроса, либо предложения.

Экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление⁶...

-
5. Следует отметить, что наше понятие цели как конечного пункта определенной линии поведения, акта конечного потребления, не противоречит тому тезису, что всякая деятельность имеет единственную цель — максимизацию удовлетворения, «полезности» и т. д. Наши «цели» надо рассматривать как шаги к достижению этой конечной цели. Если средства ограничены, все цели не могут быть достигнуты: от некоторых из них, учитывая степень редкости средств и сравнительную важность самих целей, придется отказаться.
6. Menger. *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*, Ite Aufl. P. 51–70; Mises. *Die Gemeinwirtschaft*. P. 98 seq.; Fetter. *Economic Principles*. Ch. i; Strigl. *Die ökonomischen Kategorien und die Organisation der Wirtschaft*, passim; Mayer. Op. cit.

Природа и значение экономической науки

Глава IV: Природа экономических обобщений

1. Мы достаточно посвятили времени предмету экономической науки и относящимся к нему фундаментальным понятиям. Но мы еще не сказали ничего о природе обобщений, при помощи которых эти понятия связаны друг с другом. Мы не говорили еще о *природе и происхождении экономических законов*, и именно они станут темой настоящей главы. По окончании ее мы сможем приступить ко второй по значимости из поставленных перед нами задач: исследованию ограниченности и значимости этой системы обобщений.

2. Цель настоящего эссе — сделать выводы, основанные на исследовании экономической науки в ее существующем виде. Мы не стремимся выяснить, как следует заниматься экономической наукой, — этот вопрос мы, как люди разумные, можем считать уже решенным, хотя и будем его касаться *en passant*⁷ — мы, скорее, хотим выяснить, насколько ценными можно считать те результаты, которых экономическая наука уже достигла. Поэтому в самом начале исследования нам имеет смысл не пытаться объяснить природу экономических обобщений, отталкиваясь от чистых категорий предмета⁸, но изучить примеры, взятые из реального экономического анализа.

Наиболее непреложные тезисы экономического анализа — это положения общей теории ценности. Вне зависимости от конкретной «школы», вне зависимости от принятой формулировки предмета, суть положений, объясняющих природу и связи между определенными благами первого порядка, неизменно занимает в системе ключевое место. Было бы преждевременным заявлять, что теория ценности — это нечто законченное. Но очевидно, что в этой области было сделано уже достаточно для того, чтобы мы принимали центральные ее тезисы в их стандартном виде. Поэтому рассмотрим, на чем основывается достоверность этих тезисов.

Нам не потребуется много времени для того, чтобы доказать, что эта достоверность не может подтверждаться одним лишь «историческим опытом». Неоднократное совпадение во времени определенных явлений может указывать на задачу, требующую решения, но не может само по себе считаться доказательством явной при-

---

7. См. ниже: раздел 4, а также главу V, раздел 3.

8. Пример такого рассуждения, приводящего к аналогичным результатам, см.: Strigl. Op. cit. P. 121 seq.

Лайонел Роббинс

чинно-следственной связи между этими явлениями. Можно продемонстрировать, что всегда, когда в реальной жизни существовали условия, изложенные в любом из простых выводов теории ценности, за ними неизменно следовали предсказанные теорией последствия. За фиксацией цен на сравнительно свободных рынках во все времена следовало либо уклонение от сделок по данным ценам, либо тот распределительный хаос, который у нас ассоциируется с очередями за продовольствием времен окончания войны или же времен революции, русской или французской⁹. Но это не доказывает, что данные явления имеют сколько-либо тесную причинно-следственную связь, на которую мы могли бы опереться, делая о них прогнозы. Не имея рациональных оснований предположить наличие тесной связи, мы не имеем уважительной причины, чтобы предположить, что история повторится. Единственное, чему учит нас исторический опыт, как и элементарная логика, – это что историческая индукция, не подкрепленная аналитическим мышлением, является худшим из возможных оснований для построения прогноза¹⁰. «История показывает», – затягивает какой-нибудь зануда в клубе, и мы заранее смиряемся с тем, что сейчас услышим что-то весьма маловероятное. Одно из величайших достоинств современной философии истории заключается в том, что она опровергает все подобные утверждения, а также в том, что она считает *fundamentum divisionis* истории и естественной науки именно то обстоятельство, что история не развивается путем обобщения абстракций¹¹.

Не менее очевидно и то, что наша вера не основывается на результатах контролируемого эксперимента. В самом деле, только что упомянутые обстоятельства не раз возникали в результате го-

---

9. Если читатель этой книги в этом хоть сколько-то сомневается, ему стоит изучить классическую работу сэра Уильяма Бевериджа (Sir William Beveridge. *British Food Control*) о недавних экспериментах по внедрению подобных мер в Великобритании.

10. «Общераспространенное мнение, что настоящими методами исследования вопросов общественной жизни являются методы бэконовской индукции, что истинным руководителем служит здесь не умозаключение из общих положений, а специальный опыт, – воззрение это со временем будут приводить как один из самых несомненных признаков низкого развития спекулятивных способностей в ту эпоху, когда подобное воззрение могло пользоваться признанием... Всякого, кто пользуется такого рода доводами, ... следовало бы отсылать к изучению элементов какой-либо из более легких естественных наук. Такие мудрецы не замечают факта множественности причин в тех самых случаях, когда этот факт наиболее бросается в глаза». (Джон Стюарт Милль. *Логика*. Гл. X. §8).

11. См.: Rickert. Op. cit. P. 78–101. *Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung*, passim.

Природа и значение экономической науки

сударственного вмешательства, которое проходило в условиях, отчасти напоминающих условия контролируемого эксперимента. Но было бы поверхностно считать, что результаты этих «экспериментов» можно использовать для доказательства предположения, имеющего столь широкую применимость, не говоря уже о центральных положениях общей теории ценности. Система экономических обобщений, возведенная на подобном основании, была бы явно крайне непрочной. Однако наша вера в истинность этих положений так же крепка, как если бы она основывалась на результатах контролируемых экспериментов.

Чем же, в таком случае, она объясняется?

Не требуется знать многое о современном экономическом анализе, чтобы понять, что основа теории ценности — это предположение, что разные вещи, которые человек хочет сделать, имеют для него разную важность и, следовательно, могут быть расположены в определенном порядке согласно степени важности. Это понимание можно выразить по-разному и с разной степенью точности, начиная от простых шкал потребностей Менгера и ранних австрийцев и заканчивая более утонченными шкалами относительных оценок Уикстида и Шёнфельда, а также системами безразличия Парето и гг. Хикса и Аллена. Но в современном анализе это понимание сводится к тому, что мы можем судить о том, имеют ли разные возможные события для нас одинаковую ценность или же ценность какого-то из них будет большей или меньшей. Из этого элементарного опыта мы можем вывести идею о взаимозаменяемости разных благ, о выражении спроса на одно благо через другое благо, о равновесном распределении благ между разными способами их использования, о равновесии обмена и о формировании цен. Переходя от описания поведения одного человека к обсуждению рынков, мы, естественно, делаем и другие, дополнительные, предположения — участников рынка может быть двое или много, предложение может находиться в руках монополии или множества продавцов, люди в одной части рынка могут знать или не знать, что происходит в других его частях, правовая структура рынка может запрещать тот или иной способ приобретения валюты или нет, и так далее. Мы также предполагаем, что собственность с самого начала распределена определенным образом¹². Однако основополагающее предположение — это всегда предположение о том, как построены схемы оценок различных экономических субъектов. Оно, как мы уже убедились, является,

---

12. Больше об этом же см. в сочинении доктора Штригля: Strigl. *Die oekonomischen Kategorien und die Organisation der Wirtschaft*. P. 85–121. •

Лайонел Роббинс

в сущности, предположением о том, какое условие абсолютно необходимо для существования экономической деятельности вообще. Это основная составляющая того, что мы понимаем как поведение, имеющее экономический аспект.

Все до сих пор упоминавшиеся мной предположения имеют отношение к теории оценки определенных благ. Элементарная теория ценности и обмена не занимается вопросами, имеющими отношение к условиям постоянного производства. Если мы предположим существование производства, мы окажемся перед набором новых проблем, для которых требуются новые объяснительные принципы. Мы встанем, например, перед проблемой объяснения отношений между ценностью продуктов и ценностью факторов их производства — так называемой проблемой вменения. На чем же в этом случае основываются решения, предлагаемые экономистами?

Как нам хорошо известно, основной объяснительный принцип, который дополняет принципы субъективной оценки, принятые в более узкой теории ценности и обмена, это принцип, известный под названием «закон убывающей отдачи». Закон убывающей отдачи — это только один из способов изложения того очевидно-го факта, что разные факторы производства плохо заменяют друг друга. Если увеличить количество труда, не увеличивая количество земли, производство вырастет, но вырастет не пропорционально усилиям. Чтобы добиться роста производства в два раза, не удваивая при этом количество и земли, и труда одновременно, необходимо увеличить какой-то один из факторов больше, чем в два раза. Это очевидно. Если бы это было не так, то все зерно в мире можно было бы производить на одном акре земли. Это также следует из соображений, более тесно связанных с нашими основными понятиями. Класс редких факторов определяется как состоящий из факторов, которые являются идеальными субститутами. Получается, что различия между факторами должны определяться как неидеальная субституция. Закон убывающей отдачи, таким образом, следует из предположения, что существует более одного класса редких факторов производства¹³. Дополнительный принцип, гласящий, что в определенных пределах отдача может увеличиваться, следует напрямую из предположения, что факторы

---

13. См.: Robinson. *Economics of Imperfect Competition*. P.330–331. Сам я впервые услышал эту формулировку в разговоре с профессором Мизесом, много лет назад. Но насколько мне известно, миссис Робинсон первой так четко изложила ее в печатной работе. Я думаю, что книга миссис Робинсон способна убедить прежних скептиков в полезности и важности обсуждаемых нами абстрактных рассуждений на основании простейших постулатов.

Природа и значение экономической науки

относительно неделимы. На основании этих принципов и с помощью вспомогательных предположений вроде перечисленных выше (природа рынка, правовая структура производства и т. д.) можно построить теорию равновесия производства¹⁴.

Давайте вернемся к более динамическим соображениям. Теория прибыли, если употребить это слово в том довольно ограниченном значении, в котором его принято использовать в современной науке, является, по сути, анализом эффекта неопределенности относительно будущей доступности редких благ и редких факторов. Мы живем в мире, в котором объекты наших желаний не просто редки: само их существование вызывает сомнения и заставляет строить домыслы. Планируя будущее, мы вынуждены выбирать не из определенных вариантов, но скорее из ряда предполагаемых вероятных вариантов. Очевидно, что природа этого ряда сама по себе может быть различной, а это значит, что должна существовать не только относительная оценка разных видов неопределенности относительно друг друга, но также оценка разных рядов неопределенных факторов по отношению к другим аналогичным рядам. Из этой концепции можно вывести многие из самых сложных предположений теории экономической динамики¹⁵.

Мы могли бы продолжать и далее. Мы могли бы показать, как использование денег может быть логически выведено из существования непрямого обмена и как спрос на деньги может быть выведен из существования тех самых неопределенностей, которые мы только что рассматривали¹⁶. Мы могли бы рассмотреть предположения теории капитала и процента и свести их к элементарным понятиям того типа, который мы обсуждали выше. Но продолжать эту дискуссию необязательно. Уже приведенных примеров должно хватить для того, чтобы определить искомое нами решение. Предположения экономической теории, как и любой другой научной теории, очевидно, являются выводами из ряда постулатов. Важнейшими же из этих постулатов являются все допущения, которые так или иначе связаны с простыми и неоспоримыми фактами опыта, касающимися того, как редкость благ, являющаяся предметом изучения нашей науки, проявляется в мире реальности. Главный постулат теории ценности — это тот факт, что

---

14. См., например: Schneider. *Theorie der Produktion*, passim.

15. См.: Knight. *Risk, Uncertainty, and Profit*; Hicks. *The Theory of Profit* // *Economica*. No. 31. P.170–190.

16. См.: Mises. *The Theory of Money*. P.147, 200; Lavington. *The English Capital Market*. P.29–35; Hicks. *A Suggestion for Simplifying the Theory of Money* // *Economica*. 1934. P.1–20.

Лайонел Роббинс

индивиды могут располагать свои предпочтения в определенном порядке. Главный постулат теории производства — тот факт, что факторов производства существует больше одного. Главный постулат теории динамики — тот факт, что у нас отсутствует определенность в отношении будущих редких благ. Эти постулаты таковы, что их соответствие реальности не вызывает особых сомнений, если их суть понята верно. Нам не нужны контролируемые эксперименты, чтобы установить их истинность: они в столь значительной степени являются частью нашего каждодневного опыта, что их достаточно сформулировать, чтобы признать очевидными. Более того, существует риск счесть эти постулаты очевидными настолько, чтобы решить, что из их дальнейшего исследования невозможно сделать никаких существенных выводов. Однако именно на постулатах такого рода в конечном итоге строятся сложные теоремы более глубокого экономического анализа. И именно из существования предполагаемых ими условий выводится общая применимость более общих предположений экономической науки.

3. Далее, как мы уже видели, изучение более сложных случаев применения этих предположений, разумеется, связано с использованием множества вспомогательных постулатов относительно рыночных условий: количества сторон, участвующих в обмене, законодательных условий, минимального необходимого количества продавцов и покупателей, и так далее, и тому подобное. Истинность выводов, сделанных на основании этих постулатов, зависит, как и всегда, от их логической непротиворечивости. Их применимость при толковании какой-либо конкретной ситуации зависит от наличия в этой ситуации постулируемых элементов. Необходимо выбрать, что применять в конкретной ситуации: теорию конкуренции или теорию монополии. Применяя экономические принципы, как и общие принципы естественных наук, мы должны внимательно изучить природу исследуемого материала. Мы не предполагаем, что в каждой ситуации обязательно *должна* существовать одна из множества возможных форм конкурентных или монополистических условий. Однако, хотя нам и важно понять, сколько вспомогательных предположений неминуемо возникнет по мере все большего усложнения нашей теории, нам не менее важно понять, насколько широко применимы те базовые предположения, на которые эта теория опирается. Как мы уже убедились, наиболее значительные из них применимы всегда и везде, где только существуют условия, порождающие экономические явления.

Можно было бы утверждать, что соображения подобного рода легко позволили бы нам обнаружить ошибочность той точки зрения, которая имела такой вес в полемике экономистов на кон-

Природа и значение экономической науки

тиненте. Я имею в виду мнение, что обобщения экономической науки являются по природе «исторически относительными», что их истинность ограничена рамками определенных исторических условий, вне которых они не имеют ценности для анализа общественных феноменов. Подобное мнение является опасным заблуждением. Ему можно придать правдоподобность, лишь исказив смысл используемых слов настолько, что оно станет абсолютно ложным. Действительно, для того чтобы плодотворно применять более общие предположения экономической теории, важно сопроводить их серией вспомогательных постулатов, выведенных из исследований того, что часто можно справедливо назвать исторически относительным материалом. Безусловно, если этого не сделать, есть шанс совершить немало ошибок. Но совершенно неверно было бы считать, что основные предположения экономической теории являются исторически относительными *в этом же смысле слова*. Они действительно основаны на опыте, они относятся к реальности. Но этот опыт имеет чрезвычайно высокую степень универсальности, что заставляет причислить его к иному классу, чем другие предположения, более справедливо названные исторически относительными. Никто всерьез не станет сомневаться в универсальной применимости предположений о существовании относительной оценки или разных факторов производства, или разных степеней неопределенности в отношении будущего, несмотря на то что вопрос о том, как лучше всего может быть описан их точный логический статус, имеет право на существование. Ни один человек, на самом деле изучавший выводы, которые можно сделать из этих предположений, не усомнится в том, насколько практично отталкиваться от них, начиная исследования. Лишь непонимание этого и чрезмерное погружение во вспомогательные предпосылки может породить идею, что применение законов экономической науки ограничено определенными временными и пространственными условиями, что они носят чисто исторический характер и так далее. Если интерпретировать эту идею в том ключе, что мы должны понимать, что применение общего анализа связано с целым рядом вспомогательных предположений, носящих менее универсальный характер, — что ж, и прекрасно. Любой преподаватель, видевший, как способные ученики чрезмерно увлекаются чистой теорией, согласится с этим. Можно даже согласиться, что временами лучшие представители исторической школы вполне оправданно критиковали экономистов-классиков. Однако если понимать эту идею, как слишком часто случалось в ходе великих методологических споров, таким образом, что широкие выводы, сделанные из общего экономического анализа, столь же ограничены в использовании, как и частные

Лайонел Роббинс

случаи их применения — что обобщения политической экономии были применимы только к английскому государству периода начала правления королевы Виктории и так далее — это будет абсолютно неверно. В некотором смысле *все* научное знание может являться исторически относительным. Возможно, в каком-то другом бытии все это знание было бы неактуальным. Но если это так, нам необходим новый термин для обозначения того, что принято называть исторической относительностью. Это касается и той отрасли знания, коей является общая экономическая теория. Если она исторически относительна, то необходим новый термин для описания того, что сейчас мы называем исторически относительными исследованиями.

В такой формулировке аргументация в поддержку того мнения, на котором основана вся так называемая «ортодоксальная» концепция науки со времен Сениора и Кэрнса, звучит потрясающе убедительно. Трудно понять, почему этот вопрос вообще вызвал такую суматоху, почему кому-то могло прийти в голову в этой аргументации усомниться. И конечно, если мы изучим реальную историю спора об исторической относительности экономической науки, нам станет предельно понятно, что изначальная причина его возникновения была отнюдь не научной и не философской. Возможно, порой обидчивый историк бывал возмущен грубыми рассуждениями какого-нибудь весьма второсортного экономиста — вероятнее всего, бизнесмена или политика, пересказывавшего своими словами то, что, по его мнению, было сказано экономистами. Возможно, приверженец чистой логики бывал оскорблен тем, как неосторожно экономисты используют философские термины, и бросался отстаивать то знание, которое считал истинным и важным. Но основные нападки не исходили ни от первых, ни от вторых. Они были, скорее, политически обоснованы, и исходили от людей, преследовавших собственные корыстные цели; эти люди поддерживали такой политический курс, который в случае признания существования экономических законов стал бы выглядеть нецелесообразным. Так, безусловно, было в случае большинства лидеров новой исторической экономической школы¹⁷, которые были зачинщиками атаки на международный либерализм во времена Бисмарка. Так же происходит и в наши дни с более мелкими школами, принимающими подобную точку зрения. Единственное отличие историзма от институционализма в том, что историзм намного интереснее.

---

17. См.: Mises. *Kritik des Interventionismus*. P. 55–90.

Природа и значение экономической науки

4. Если рассуждения, приведенные выше, верны, то экономический анализ нужно считать, как подчеркивал Феттер¹⁸, разъяснением следствий, вытекающих из необходимости выбора в разнообразных исходных обстоятельствах. В чистой механике мы изучаем следствия существования определенных свойств тел. В чистой экономической науке мы рассматриваем следствия существования дефицитных ресурсов, которые могут быть пущены на достижение разных целей. Как мы уже видели, предположение об относительной оценке благ является основанием всех дальнейших, более сложных положений. Даже сегодня экономисты иногда считают, что справедливость понятия относительной оценки зависит от истинности определенных психологических доктрин. Территория экономической науки — излюбленные охотничьи угодья всех умов, не расположенных к точному мышлению, и в последние годы в этих неопределенных областях бесконечно много времени посвящалось нападкам на предполагаемые психологические предпосылки экономической науки. Говорят, что психология развивается крайне стремительно. Таким образом, если экономическая наука основывается на определенных психологических доктринах, у ученых не может быть задачи насущней, чем раз в пять лет или около того разводить острую полемику, доказывая, что, раз психология сменила актуальный курс, экономику нужно «переписать с самых основ». Как и следовало ожидать, ученые не пренебрегли этой задачей. Профессиональные экономисты, погруженные в увлекательный поиск новой истины, редко удостаивали их ответом. Зато несведущая широкая публика, вечно пытающаяся избежать необходимости признать существование последствий выбора в мире дефицита, позволила обманщикам убедить себя в том, что вопросы, которые в реальности зависят от актуальных психологических теорий так же мало, как таблица умножения, являются вопросами открытыми, о которых всякий просвещенный человек, разумеется психологом вовсе не являющийся, может произвольно менять суждение.

К сожалению, в прошлом поводом для подобной критики иногда становились неосторожные высказывания экономистов. Всем известно, что некоторые из основателей современной субъективной теории ценности на самом деле использовали доктрину психологического гедонизма в качестве обоснования своих предположений. Однако экономисты австрийской школы этой доктриной не пользовались. Менгер с самого начала формулировал свои таблицы в таких терминах, которые не порождали никаких психоло-

---

18. *Economic Principles*. P. ix and 12–21.

Лайонел Роббинс

гических вопросов¹⁹. Бём-Баверк недвусмысленно отвергал любую связь теории ценности с психологической теорией гедонизма; более того, он не жалел сил, чтобы не допускать возникновения подобного заблуждения²⁰. Однако имена Госсена, Джевонса и Эджуорта, не говоря уже об их английских последователях, напоминают нам, что некоторые совершенно компетентные экономисты вполне допускали существование такой связи. Госсен в своей работе «Эволюция законов человеческого взаимодействия» (*Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs*) явным образом ссылается на гедонистические постулаты. Джевонс в «Теории политической экономии» предваряет свою теорию полезности и обмена изложением теории страданий и наслаждений. Эджуорт открывает «Математическую психологию» разделом, в котором развивается концепция человека как «машины по получению удовольствия»²¹. Предпринимались даже попытки представить закон убывающей предельной полезности в виде особого случая закона Вебера-Фехнера²².

Однако крайне важно отличать реальную научную практику экономистов и ту логику, которую она предполагает, от их *ex post facto* апологии. Именно этого отличия не замечают критики экономической науки. Они с энтузиазмом исследуют внешний фасад теории, но избегают того интеллектуального усилия, которое нужно затратить, чтобы изучить ее внутреннюю структуру. Не утруждают они себя и тем, чтобы ознакомиться с наиболее современными формулировками той теории, на которую нападают. Без сомнения, в такой стратегии есть свои преимущества, поскольку в полемике искреннее заблуждение служит только на пользу риторике. При этом никакой человек, ознакомившись с современной теорией ценности, не мог бы искренне продолжать утверждать, что она имеет хоть сколько-нибудь значительную связь с психологической теорией гедонизма, равно как и с любой другой психологической теорией. Если бы те, кто критикует экономическую науку с психологической точки зрения, дали себе труд это сделать, они бы стремительно поняли, что гедонистические изыски в трудах Джевонса и его последователей были случайны по отношению к основной теории, которая – как показало параллельное ее развитие австрийской школой – может быть изложена и доказана безовсяко-

---

19. См.: Menger. *Grundsätze*, 1 Aufl. P. 77–152.

20. См.: *Positive Theorie des Kapitals*, 4e Auflage. P. 232–246.

21. *Mathematical Psychics*. P. 15.

22. Опровержение этого мнения см. у Вебера: Max Weber. Die Grenznutzenlehre und das psychophysische Grundgesetz // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. Vol. xxix. 1909.

Природа и значение экономической науки

го упоминания гедонизма. Как мы уже убедились, идея шкал ценности предполагает лишь то, что у разных благ есть разные способы использования, и эти способы имеют разное значение для действия, то есть в определенной ситуации один способ использования или одно благо оказывается предпочтительнее другого способа использования или блага. Почему животное человек придает определенную ценность конкретным вещам — это вопрос, который мы не обсуждаем. Этот вопрос совершенно справедливо должен адресоваться психологам или даже физиологам. Все, что нам требуется как экономистам, — это признать очевидный факт, что разные возможности несут в себе разные плюсы и что эти плюсы можно расположить в порядке их значимости. Различные теоремы, которые можно вывести из этой базовой концепции, без сомнения, способны объяснить то многообразие социальной деятельности, которое нельзя объяснить никаким другим методом. Однако они объясняют человеческую деятельность не с точки зрения какой-то психологической теории, но используя те же явления, которые изучает психология, в качестве данных для своих собственных выводов. Здесь, как это случается, основатели экономической науки создали нечто куда более универсально применимое, чем любое другое из их изобретений, которые сами они считали универсальными.

Однако теперь возникает вопрос о том, насколько легитимна даже эта процедура. Из всего того, что уже было сказано, должно быть понятно, что, хотя предпосылки аналитической экономической науки не основываются ни на какой конкретной психологической теории, они вне всяческих сомнений включают в себя некоторые элементы психологического — точнее, даже психического — характера. Этот факт открыто признается в том названии, под которым эти предпосылки известны: субъективная или психологическая теория ценности. Как мы уже убедились, совершенно ясно, что основание этой теории — психический факт, оценки индивида. Однако в последние годы, отчасти под влиянием бихевиоризма, отчасти из желания сохранить максимально возможную простоту в изложении анализа, стали звучать призывы отказаться и от этих рамок субъективности. Научный метод, как утверждается, требует, чтобы мы сбросили со счетов все то, что не поддается непосредственному наблюдению. Мы можем принять в расчет спрос в том виде, в котором он проявляется в наблюдаемом поведении на рынке. Но дальше этого идти мы не можем. Оценка — это субъективный процесс. Мы не можем пронаблюдать оценку, поэтому в научном объяснении ей нет места. Наши теоретические построения должны основываться на наблюдаемых данных. Такой точки зрения придержи-

Лайонел Роббинс

вается, например, профессор Кассель²³, а также в поздних трудах Парето попадаются отрывки²⁴, которые можно интерпретировать подобным образом. Это мнение весьма распространено среди экономистов, подпавших под влияние бихевиористской психологической теории, а также среди тех, кто боится нападок со стороны приверженцев этого странного культа.

На первый взгляд это рассуждение кажется весьма здравым. Довод о том, что мы не должны делать того, что не принято делать в естественных науках, крайне соблазнителен. Однако его справедливость вызывает сомнения. В конце концов, наша задача — объяснить определенные аспекты поведения, и вовсе не факт, что это можно сделать совсем не прибегая к психическим элементам. Независимо от нашего стремления к максимальной чистоте экономического анализа, мы, несомненно, воспринимаем такие понятия, как выбор, безразличие, предпочтение и прочие, с точки зрения своего внутреннего опыта. Понятие цели, которое является центральным в нашей экономической концепции, невозможно определить исключительно со стороны внешнего поведения. Если нам нужно объяснить отношения, возникающие вследствие существования дефицита средств по отношению к множеству целей, то безусловно, хотя бы половина уравнения должна касаться психики.

Подобные соображения были бы решающим аргументом в споре, если бы мы могли бы быть уверены в верности определения предмета экономической науки, предложенного в настоящем эссе. Но можно также утверждать, что они являются лишь поводом отвергнуть это определение и заменить его другим, основанным лишь на «объективных», наблюдаемых явлениях, рыночных ценах, меновых отношениях и так далее. Очевидно, именно это предполагает метод профессора Касселя — знаменитое «исключение ценностей».

Но даже если мы сузим предмет экономической науки до уровня объяснения таких наблюдаемых явлений, как цены, мы обнаружим, что в реальности их невозможно объяснить, не прибегая к элементам субъективности или психологии. Становится совершенно ясно, если об этом задуматься, что простейший процесс ценоопределения должен зависеть среди прочего от того, как, по мнению людей, цены должны измениться в будущем. Функции спроса, которые, по мнению профессора Касселя, освобождают нас от всяких субъективных элементов в рассуждениях, нужно понимать не толь-

---

23. *The Theory of Social Economy*. First English Edition. Vol. i. P. 50–51.

24. Особенно в статье о математической экономической теории в: *Encyclopédie des Sciences mathématiques*. Paris, 1911.

Природа и значение экономической науки

ко как относящиеся к реальным или возможным ценам на сегодняшнем рынке, но и как относящиеся к целому комплексу цен, которые, по мнению людей, будут преобладать в будущем. Очевидно, что ожидания людей относительно будущего не поддаются наблюдению чисто бихевиористскими методами. Однако, как показали профессор Найт и другие, совершенно необходимо учитывать эти ожидания, если мы хотим понять всю механику экономических изменений. Они нужны для досконального объяснения конкурентных цен. Они незаменимы для даже самого поверхностного объяснения монополистических цен. Довольно легко представить эти ожидания как часть общей системы шкал предпочтений²⁵. Но предполагая, что такая система построена на основании наблюдаемых данных, мы обманываем себя. Как можно пронаблюдать мысли человека о том, что должно произойти?

Получается, таким образом, что если мы хотим достойно выполнить свою задачу как экономисты, если мы хотим достаточно убедительно объяснять те вопросы, которые входят во все определения предмета нашей науки, мы должны пользоваться психологическими элементами. Ими нельзя пренебречь, если мы стремимся к адекватности объяснения. Похоже, что изучая эту центральную проблему одной из наиболее развитых частей любой общественной науки, мы натолкнулись на одно из важнейших различий между общественными и естественными науками. Это эссе не ставит себе целью исследовать подобные, более глубокие, методологические проблемы. Но можно предположить, что если рассматриваемый случай вообще можно считать типичным — некоторые ученые рассматривают методологию теории цен как очень приближенную к методологии естественных наук, — то методы общественных наук, изучающих поведение, которое в некотором смысле является целенаправленным, вообще невозможно полностью уподобить методам естественных наук. Просто нельзя понять концепцию выбора или взаимоотношений целей и средств — центральные понятия нашей науки — при помощи одного лишь наблюдения внешних фактов. Концепция целенаправленного поведения в этом смысле необязательно предполагает наличие индетерминизма. Но она предполагает наличие в цепочке причинных объяснений звеньев психических, а не материальных, которые в силу своей природы не всегда поддаются наблюдению при помощи бихевиористских методов. Признание этого факта ни в коей мере не означает отказа от «объективности» в пони-

---

25. См., например: Hicks. Gleichgewicht und Konjunktur // *Zeitschrift fuer Nationaloekonomie*. Vol. iv. P. 441–455.

Лайонел Роббинс

мании Макса Вебера. Именно это Макс Вебер имел в виду, когда писал свои знаменитые эссе²⁶. «Объективное» (говоря словами Макса Вебера, «wertfrei») объяснение поведения – это всего лишь объяснение, учитывающее определенные данные, индивидуальные оценки и так далее, которые не носят чисто материального характера. Тот факт, что подобные данные сами по себе носят характер оценочных суждений, необязательно требует, чтобы мы ценили их именно за это. Они не являются оценочными суждениями наблюдателя. Для общественных наук имеет значение не то, *верны* ли индивидуальные оценочные суждения с точки зрения философии ценности, а то, *выносятся* ли эти суждения и являются ли они существенными звеньями в цепи причинного объяснения. Если приведенные в этой главе аргументы верны, ответ на этот вопрос должен быть утвердительным.

Глава V: Экономические обобщения и реальность

...5. Однако признание того, что экономические законы носят общий характер, не означает отрицания реальности описываемых ими закономерностей или умаления их ценности как средств толкования и предсказания реальности. Напротив, аккуратно определив природу и рамки таких обобщений, мы с еще большей уверенностью можем говорить об их абсолютной необходимости в данной области.

Экономические законы описывают неизбежные следствия. Если постулируемые законом данные существуют, то за ними непременно следуют предсказанные им последствия. В этом смысле экономические законы не отличаются от прочих научных законов, и так же мало могут быть «отменены». Если в рассматриваемой ситуации мы наблюдаем факты определенного порядка, мы с полной уверенностью можем сделать вывод о существовании в ней и других фактов, следующих из первых. Тем, кто осознал следствия предположений, изложенных в предыдущей главе, не понадобится долго искать этому объяснение. Если «рассматриваемая ситуация» соответствует определенной закономерности, она должна иметь также и определенные другие особенности, потому что их существование можно «вывести» из первоначально постулированной закономерности. Аналитический метод это лишь спо-

---

26. Max Weber. Die Objectivitaet socialwissenschaftlichen und socialpolitischen Erkenntnis: Der Sinn der Wertfreiheit der soziologischen und oekonomischen Wissenschaft // *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*.

Природа и значение экономической науки

соб обнаружения неизбежных последствий сложных взаимосвязей фактов – последствий, проявления которых в реальной жизни не так очевидны, как проявления первоначальных постулатов. Это инструмент для «выжимания» из заданных предположений всех их следствий. Если исходные предпосылки верно отражают факты, сделанные выводы неизбежны и неотвратимы.

Все это становится особенно очевидно, если мы обратимся к методу графического анализа. Предположим, например, что мы хотим продемонстрировать воздействие на цену введения небольшого налога. Мы делаем определенные предположения относительно эластичности спроса, определенные предположения относительно функций издержек, изображаем их при помощи обычной диаграммы и сразу *видим*, какому воздействию подвергнутся цены²⁷. Это заложено в исходных предположениях. Диаграмма просто делает скрытые следствия очевидными.

Именно эта неизбежность экономического анализа придает ему существенную предсказательную ценность. Мы уже достаточно сказали о том, что экономическая наука не может на пустом месте предсказывать положение дел в любой конкретный момент времени. Она не может предсказать изменения оценок. Но располагая данными о конкретной ситуации, экономическая наука может вывести неизбежные следствия из этих фактов. И если фактическая ситуация не поменяется, эти следствия непременно окажутся реализованы. Они должны быть реализованы, ибо их подразумевают исходные данные.

Здесь мы как раз можем подметить еще одну функцию эмпирического исследования. Оно способно выявлять меняющиеся факты, которые позволяют делать предсказания в любой заданной ситуации. Как мы видели, весьма маловероятно, чтобы такое исследование смогло обнаружить закон изменения этих фактов, поскольку данные не подвержены однородным причинным воздействиям. Но оно может снабдить нас информацией, важной в конкретный рассматриваемый момент. Оно может обрисовать относительную величину различных действующих сил. Оно может стать отправной точкой для обоснованных догадок относительно потенциальных направлений будущих изменений. И это, несомненно, одна из главных целей прикладных исследований – не разыскивать «эмпирические» законы в области, где таких законов не приходится ожидать, но постоянно предоставлять нам какое-то знание о тех разнообразных данных, на которых могут основываться предсказания в конкретной ситуации. Эмпирические

---

27. См., например: Dalton. *Public Finance*, 2nd edition. P. 73.

Лайонел Роббинс

исследования не могут заменить формального анализа. Но они могут помочь предположить, какой формальный анализ лучше подходит для конкретной ситуации, и могут снабдить исследователя в этот момент каким-то материалом для построения формальных категорий.

Конечно, если прочие обстоятельства не остаются «равными», предсказанные последствия необязательно должны наступить. Это элементарное и банальное условие, неотъемлемое для любого научного предсказания, нужно особенно внимательно держать в уме, обсуждая экономические прогнозы. Государственный деятель, сказавший: «К черту *ceteris paribus!*», имеет немало вдохновенных последователей среди критиков экономической науки! Ни один человек в здравом уме не счел бы законы механики опровергнутыми, если бы эксперимент, проводимый для их подтверждения, был прерван землетрясением. Однако огромное множество дилетантов, равно как и немалое количество самозванных экономистов, постоянно критикуют общепризнанные экономические предпосылки на основаниях, примерно столь же неубедительных²⁸. Когда вводится защитный тариф на импорт товаров, условия их произ-

---

28. См., например, различные статистические «опровержения» количественной теории денег, появившиеся в последние годы. Обо всех них достаточно сказано в комментарии Торренса по поводу Тука. «„Историю цен“ можно рассматривать как психологическое исследование. Мистер Тук начал свои труды последователем Хорнера и Рикардо и купался в лучах славы этих знаменитых имен. Однако поскольку его способность собирать современные факты была сильнее его способности к их восприятию и толкованию, накопленные им факты завели его в лабиринт ошибок. Не понимая, что теоретический принцип, хотя и может бесспорно применяться при всех обстоятельствах, совпадающих с теми предпосылками, на основании которых он выведен, должен ограниченно и осторожно применяться в случаях, не совпадающих с этими предпосылками, он совершенно неверно понял идеи Адама Смита и приписал этому великому авторитету абсурдную мысль, что изменения в количестве денег заставляют денежную ценность всех товаров изменяться в равных пропорциях, в то время как ценность товаров по отношению друг к другу изменяется в неравных. Рассуждая об этом удивительном заблуждении, он, естественно, пришел к удивительным выводам. Убедив себя, что Адам Смит назвал общезначимым принципом тот факт, что изменения в покупательной силе денег приводят к изменению цен на все товары в равных пропорциях, и не обнаружив в ходе своих исследований рынка в разные периоды времени примеров того, чтобы увеличение или сокращение денежного оборота привело к росту или падению цен на товары в равных пропорциях, он пришел при помощи строго логических умозаключений из этих совершенно нелогичных предпосылок к своему главному выводу: что увеличение количества денег в обращении не может привести к увеличению цен». (*The Principles and Operation of Sir Robert Peel's Act of 1844 Explained and Defended*, 1st edition. P. 75.)

Природа и значение экономической науки

водства в стране таковы, что, если прочие обстоятельства не изменятся, такая защита приведет к повышению цен. В силу совершенно случайных причин — технического прогресса, снижения цен на сырье, падения зарплат или еще чего-то, — издержки сокращаются, а цены не возрастают. В глазах несведущей публики и экономистов-«институционалистов» обобщения экономической теории тем самым оказываются опровергнутыми. Законы спроса и предложения приостанавливают свое действие. Липовые утверждения науки, которая не учитывает фактов, оказываются разоблаченными. И так далее, и тому подобное. Однако разве кто-то требует, чтобы представители любой другой науки точно предсказывали ход неконтролируемой истории?

Вне всяких сомнений, сам факт того, что события, по большому счету, невозможно контролировать²⁹, что область исследуемых данных так обширна и так сильно подвержена влиянию с самых неожиданных сторон, делает задачу предсказания, даже если к ней подходить со всей осторожностью, крайне рискованной. Во многих ситуациях небольшие изменения в конкретных группах данных бывают так уравновешены другими изменениями, которые могут происходить независимо от них и одновременно с ними, что предсказательная ценность знаний об оперативных тенденциях весьма мала. Но существуют определенные изменения широкого характера, обычно затрагивающие сразу много видов расходов или производства, и знания о следствиях таких изменений являются очень прочным основанием для построения весьма правдоподобных предположений. Особенно это касается области денежных явлений. Не может быть никаких сомнений, что самые элементарные познания о количественной теории денег имели огромную прогностическую ценность во время войны и последовавших за ней волнений. Если бы спекулянты, скупавшие после войны немецкие марки в твердой уверенности, что марка автоматически вернет себе свою прежнюю ценность, знали о теории денег столько же, сколько, на-

---

29. Так называемое преимущество экономического «планирования» — а именно то, что оно дает большую уверенность в будущем — зависит от допущения, что при «планировании» действующие контролирующие силы, то есть пожелания людей, которые тратят и экономят деньги, также будут находиться под контролем планирующих. Получается парадокс: либо планирующий лишен инструмента для расчета целей общества, которому собирается служить, либо же, если он возвращает себе инструмент, он лишает «план» смысла существования. Конечно, эта дилемма не возникнет, если планирующий считает, что способен сам истолковать эти цели, или — что куда более вероятно — если он не намерен служить никаким целям, кроме тех, которые сам считает правильными. Такое случается нередко. Стоит чуть копнуть, и потенциальный плановик обычно оказывается потенциальным диктатором.

Лайонел Роббинс

пример, знал о ней сэр Уильям Петти, они бы увидели, что их поведение просто смешно. Аналогичным образом, по чисто аналитическим причинам становится все яснее, что сразу после появления признаков крупного торгового бума можно почти наверняка ожидать наступления экономического спада и депрессии, хотя когда они придут и на какой срок – предсказать невозможно, поскольку это зависит от человеческих волеизъявлений, происходящих уже после появления таких признаков. Точно так же на рынке труда некоторые типы зарплатной политики должны непременно привести к безработице, если прочие факторы останутся неизменными, и знание того, как должны измениться эти «прочие факторы» для того, чтобы избежать безработицы, очень часто позволяет с существенной уверенностью предсказать фактические результаты той или иной политики. Все эти закономерности многократно подтверждались практикой. Сегодня только тот, кто по собственному желанию слеп, станет отрицать их. Существование определенных условий, при отсутствии новых осложнений, делает определенные последствия неизбежными...

Глава VI. Значение экономической науки

...2. Некоторые думают, что определенные разработки современной экономической теории сами по себе являются набором норм, достаточным для того, чтобы стать основанием политической практики. Считается, что закон убывающей предельной полезности может служить критерием для всех форм политической и социальной активности, связанной с распределением благ. Все, что благоприятствует большему равенству и не сказывается отрицательным образом на производстве, объявляется оправданным этим законом; все, что способствует неравенству, порицается. Подобная логика встречала поддержку на самом высоком уровне. На ней основывается немало из того, что пишется по теории общественных финансов³⁰. Даже такой признанный авторитет, как сам профессор Кэннан, прибегал к ней, чтобы оправдать поведение экономистов в глазах фабианских социалистов³¹. Широчайшее признание она получила в бесчисленных трудах по прикладной экономике. Можно сказать, что большинство английских экономистов принимают этот логический вывод за аксиому. Од-

---

30. См., например: Edgeworth. *The Pure Theory of Taxation // Papers Relating to Political Economy*. Vol. ii. P.63 seq.

31. См.: *Economics and Socialism. The Economic Outlook*. P.59–62.

Природа и значение экономической науки

нако я все же робко отважусь предположить, что в реальности он очень мало подтверждается какой-либо научной экономической доктриной и что за пределами Англии он в значительной степени утратил свою популярность.

Аргумент, который приводится в обоснование этого рассуждения, всем известен, но его стоит повторить еще раз именно затем, чтобы продемонстрировать его слабые места. Закон убывающей предельной полезности предполагает, что чем больше у человека чего-либо, тем менее он ценит его дополнительные единицы. Следовательно, говорят ученые, чем больше у кого-то реальный доход, тем меньше он ценит дополнительные единицы дохода. Следовательно, предельная полезность дохода богатого человека меньше предельной полезности дохода бедного. Следовательно, если происходит перераспределение и это перераспределение не оказывает заметного воздействия на производство, общая полезность возрастет. Следовательно, такие трансферты «экономически оправданы». *Quod erat demonstrandum.*

На первый взгляд правдоподобность этого аргумента кажется абсолютной. Однако при ближайшем рассмотрении становится видна его обманчивость. Он основан на распространении понятия убывающей предельной полезности на область, в которой оно теряет всякую законность. «Закон убывающей предельной полезности», использованный в этом рассуждении, никоим образом не следует из фундаментального понятия экономических благ; кроме того, на его основании делаются предположения, которые, будь они истинными или верными, невозможно проверить при помощи наблюдений или самоанализа. Предположение, которое мы рассматриваем, поднимает великий метафизический вопрос научной сопоставимости опыта разных индивидов. Этот вопрос заслуживает более внимательного изучения.

Закон убывающей предельной полезности, как мы видели, выводится из понятия ограниченности средств относительно целей, которым они служат. Он предполагает, что для каждого индивида блага можно расположить в порядке их значимости для поведения, и что мы можем сказать, что один способ использования важнее другого в том смысле, что этот способ будет предпочтен индивидом. Отталкиваясь от этого основания, мы можем сравнить предполагаемый ряд предпочтений одного индивида с рядом предпочтений другого индивида. Таким образом мы можем выстроить полноценную теорию обмена³².

---

32. Заблуждений, основанных на несовершенном понимании этого обобщения, было так много, что доктор Хикс предложил отказаться от его существующе-

Лайонел Роббинс

Но одно дело предположить, что можно построить шкалу, показывающую *порядок* предпочтений одного индивида, и затем сравнить одну индивидуальную шкалу с другой, и совсем другое – предположить, что за этим порядком стоят величины, которые можно сравнивать сами по себе. Это предположение вообще никогда не нужно делать в современном экономическом анализе, и это предположение полностью отлично по своей природе от предположения об индивидуальных шкалах относительной ценности. Теория обмена предполагает, что я могу сравнить значимость для *себя* хлеба по цене 6 пенсов за батон и 6 пенсов, потраченных на другие альтернативы, которые предоставляют мне возможности рынка. Она также предполагает, что порядок моих предпочтений, проявившийся таким образом, можно сравнить с порядком предпочтений пекаря. Но она *не* предполагает, что можно сравнивать то удовлетворение, которое я получу, потратив 6 пенсов на хлеб, с тем удовлетворением, которое получит *пекарь*, заработав их. Это сравнение – сравнение совсем другого рода. Оно никогда не может использоваться в теории равновесия, и оно никогда не предполагалось предпосылками этой теории. Это сравнение выходит за рамки любой позитивной науки. Утверждать, что предпочтения А важнее предпочтений Б – это совсем не то же самое, что утверждать, что А предпочитает n m , а Б предпочитает m n . В этом утверждении есть элемент условной оценки, поэтому оно является по сути своей нормативным. Ему нет места в чистой науке.

Если моя мысль все еще не очевидна, то следующий аргумент должен стать решающим. Предположим, наши мнения о предпочтениях А стали бы предметом спора. Предположим, что я бы считал, что при определенных ценах он предпочел бы n m , а вы бы считали, что при тех же ценах он предпочел бы m n . Нам было бы нетрудно разрешить спор чисто научным способом. Мы могли бы просто попросить А сказать нам, кто прав. Либо же, если бы мы не верили в возможность самоанализа А, мы могли бы подвергнуть его необходимым стимулам и пронаблюдать его поведение. Любая из проверок стала бы основанием для разрешения нашего спора.

Но предположим, что мы разошлись бы во мнениях относительно удовлетворения, которое получает А от дохода в тысячу фунтов и Б от дохода в два раза большего. Спрашивать их в данном случае было бы бесполезно. А мог бы сказать, что он удовлетворен больше, чем Б. Б мог бы сказать, что, напротив, он более удовле-

---

го названия и переименовать его в закон растущей нормы замещения. Лично мне больше нравится традиционный термин, но в пользу этого варианта можно привести немало доводов.

Природа и значение экономической науки

творен, чем А. Нам не нужно быть убежденными бихевиористами, чтобы понять, что эта задача не подлежит научному решению. *Не существует способа сравнить величину удовлетворения А с величиной удовлетворения Б.* Если бы мы проверили состояние их кровообращения, мы сравнили бы их кровь, а не удовлетворение. Самоанализ не позволяет А измерить то, что происходит в голове Б, а Б — измерить происходящее в голове А. Нет никакого способа сравнить удовлетворение разных людей.

Разумеется, в ежедневной жизни мы постоянно предполагаем, что такое сравнение возможно. Но само разнообразие предположений, которые делаются людьми в разное время в разных местах, свидетельствует об их условном характере. В случае западных демократий мы предполагаем для различных нужд, что люди в одинаковых обстоятельствах способны испытывать равное удовлетворение. Точно так же, как для нужд правосудия мы предполагаем, что субъекты права несут равную ответственность в одинаковых ситуациях, для целей, связанных с общественными финансами, мы соглашаемся предположить, что экономические субъекты имеют равную возможность испытывать удовлетворение от равных доходов в одинаковых условиях. Однако хотя нам и удобно это предположение, не существует способа доказать, что оно основывается на доказуемых фактах. И в самом деле, если бы представитель какой-то иной цивилизации попытался убедить нас, что мы не правы, что члены его касты (расы) способны испытывать в десять раз больше удовлетворения от определенных доходов, чем члены низших каст (или «низших» рас), мы не могли бы опровергнуть его утверждение. Мы могли бы посмеяться над ним. Мы могли бы вспыхнуть от возмущения и сказать, что эта оценка омерзительна, что она способна привести к гражданским распрям, несчастьям, несправедливому распределению привилегий и так далее, и тому подобное. Но мы не могли бы продемонстрировать его неправоту ни в каком объективном смысле, равно как и не смогли бы доказать свою правоту. А поскольку в глубине души мы не считаем удовлетворение других людей от одних и тех же средств равнозначно ценным, было бы довольно глупо продолжать делать вид, что наша схема хоть сколько-то *научно* оправдана. Эту схему можно оправдать с точки зрения общего удобства. Либо же ее можно оправдать апеллируя к некоторым обязательным стандартам. Но ее нельзя оправдать апеллируя к позитивной науке.

Таким образом, расширенное использование закона убывающей предельной полезности, постулируемое в тех умозаключениях, которые мы рассматриваем, неправомерно. Соответственно, основанная на нем аргументация не имеет прочной научной базы. Признав это, нам, безусловно, придется существенно сократить

Лайонел Роббинс

значительную часть того, что в современной прикладной экономике именуется научными обобщениями. Понятие убывающей относительной полезности (выпуклость кривых безразличия) не оправдывает вывода о том, что передача благ от богатых бедным увеличит всеобщее удовлетворение. Оно не говорит о том, что прогрессивный подоходный налог менее вреден для социального дивиденда, чем непрогрессивный подушный налог. Более того, значимость всей той части теории государственных финансов, которая занимается «общественной полезностью», также должна быть пересмотрена. Хотя и интересная с точки зрения этики, эта теория вовсе не следует из позитивных предпосылок чистой теории. Она является лишь случайным последствием исторической связи английской экономической теории с утилитаризмом. Как утилитаристские постулаты, из которых выведена эта теория, так и аналитическая экономическая теория, с которой она теперь ассоциируется, станут только лучше и убедительней, если этот факт будет всеми признан³³.

Но предположим, что это не так. Предположим, мы смогли бы убедить себя в позитивном статусе этих условных предпосылок, в сопоставимости разных опытов, равной способности разных людей к удовлетворению и так далее. Предположим также, что на этих основаниях мы успешно продемонстрировали, что определенная политика способна увеличивать «общественную полез-

---

33. См.: Davenport. *Value and Distribution*. P. 301 and 571; Benham. *Economic Welfare // Economica*. June 1930. P. 173–87; M. St. Braun. *Theorie der staatlichen Wirtschaftspolitik*. P. 41–44. Даже профессор Ирвинг Фишер в поисках доказательств верности своей статистической методики изменения «предельной полезности» не находит аргумента лучшего, чем: «философское сомнение справедливо и оправдано, но жизненные проблемы не могут ждать» (*Economic Essays in Honour of John Bates Clark*. P. 180). Проблема измерения предельной полезности индивидов не кажется мне особенно насущной. Впрочем, насущна она или нет, факт в том, что профессор Фишер может решить свою проблему только прибегнув к условному допущению. Мне отнюдь не кажется, что, делая вид, что условные предпосылки имеют научную ценность, мы помогаем решать практические проблемы. Я не стану более убежденным демократом, если мне сказать, что я способен испытывать удовлетворение в той же мере, что и мой сосед; наоборот, я буду возмущен. Однако я совершенно согласен принять утверждение о том, что ученым удобно считать подобным образом.

Я готов также принять – в сущности, я верю, в отличие от тех, кто верит в расовый или пролетарский миф, – что в современных условиях общества, которые развиваются на основании иной предпосылки, по сути своей нестабильны. Но мы уже ушли от тех времен, когда можно было сделать демократию приемлемой, делая вид, что оценочные суждения обоснованы научно. Боюсь, что эти же критические замечания относятся к весьма оригинальным «Методам измерения предельной полезности» профессора Рагнара Фриша.

Природа и значение экономической науки

ность». Даже в этом случае было бы совершенно неправомерно утверждать, что этот вывод сам по себе доказывает *необходимость* проведения такой политики. Ведь этот вывод поставил бы нас перед вопросом того, действительно ли увеличение удовлетворенности в этом смысле общественно необходимо³⁴. А среди экономических обобщений, даже если расширить их область, включив в нее элементы условных оценок, не существует ничего, что могло бы хоть как-то помочь ответить на этот вопрос. Заявления о необходимости чего бы то ни было в корне отличаются от констатации фактов...

5. Но каково же в таком случае значение экономической науки? Мы уже видели, что структура ее обобщений не предлагает нам никаких норм, которые к чему-то обязывали бы нас на практике. Она не способна решить, какая из нескольких целей наиболее желательна. Она фундаментально отделена от этики. В чем же в таком случае состоит ее несомненное значение?

Это значение состоит, разумеется, в том, что, столкнувшись с необходимостью выбора между несколькими результатами, с помощью экономической науки мы можем выбирать, полностью осознавая все последствия своего выбора. Оказавшись перед проблемой выбора между тем и этим, мы не вправе искать в экономической теории конечного решения. В экономической теории нет ничего, что освободило бы нас от необходимости выбора. Никакая наука не в силах помочь нам разрешить проблему предпочтения. Но для того чтобы быть рациональными, мы должны знать, что именно мы предпочли другому. Мы должны быть в курсе последствий альтернативного выбора, ведь рациональность выбора — это ни больше ни меньше, чем выбор при полном осознании отвергаемых альтернатив. И именно здесь экономическая теория и приобретает практическое значение. Она может прояснить для нас последствия тех разных целей, которые мы можем предпочесть. Она позволяет нам желать, понимать, чего мы желаем. Она позволяет нам выбрать систему целей, которые не противоречили бы друг другу³⁵.

---

34. Психологический гедонизм в той части, которая выходит за пределы индивидуального, возможно, включал ненаучные допущения, но на них необязательно опирались доказательства верности этического гедонизма.

35. Возможно, следует подчеркнуть, что такая ставшая возможной последовательность является последовательностью достижений, а не последовательностью целей. Достижение одной цели может считаться несочетаемым с достижением другой, либо с точки зрения оценки, либо с точки зрения объективной возможности. Поэтому оно может считаться этически не при-

Лайонел Роббинс

Чтобы окончательно прояснить этот вопрос, рассмотрим пару примеров. Начнем с примера, разъясняющего последствия одного акта выбора. Мы можем еще раз обратиться к уже использованному нами примеру – введению защитного тарифа. Мы видели, что в экономической теории нет ничего, что бы позволило нам описать эту меру как хорошую или плохую. Мы пришли к выводу, что, если решение о принятии такой меры принимается с полным осознанием всех необходимых жертв, ее нельзя назвать неэкономической. Намеренное решение совместно действующей группы граждан пренебречь, в интересах достижения таких целей, как безопасность, сохранение сельской местности и так далее, своими потребительскими интересами, нельзя назвать неэкономическим или иррациональным, если оно принимается с полным осознанием происходящего. Но полное осознание невозможно, если эта группа граждан в полной мере не понимает объективных последствий того шага, который они собираются предпринять. А получить эти знания в обширном современном обществе они могут только в результате сложного экономического анализа. Большинство людей, даже образованных, когда их призывают принять решение о желательности, скажем, протекционистских мер для защиты сельского хозяйства, думают лишь о воздействии этих мер на защищаемую отрасль. Они видят, что подобная мера, скорее всего, будет благотворна для отрасли, и выступают в ее защиту. Но конечно, как знает даже студент-первокурсник, тут-то и начинаются проблемы. Чтобы оценить будущие последствия введения тарифа, необходима аналитическая методика. Вот почему в странах, где уровень экономического образования невысок, часто одобряется введение все новых и новых защитных тарифов.

Также нельзя ограничивать полезность экономического анализа принятием решений об отдельных мерах, таких как введение одного тарифа. Этот анализ помогает судить и о более сложных *системах* экономических мер. Он позволяет нам увидеть, какие цели совместимы друг с другом, а какие – нет и чем обусловлена эта совместимость. Именно в этот момент владение методикой становится необходимым, если мы желаем сформировать рациональную экономическую политику. Вполне возможно рационально желать достижения определенных социальных целей, более важных, чем индивидуальные оценки, не прибегая к помощи анализа. Таков, например, случай введения субсидии для защиты необходимых

годным для служения сразу двум хозяевам. Было бы объективно непоследовательно договариваться о встрече с ними в одно и то же время в разных местах. Именно от этого вида непоследовательности в области социальной политики научная экономическая теория должна помочь нам избавиться.

Природа и значение экономической науки

продовольственных ресурсов. Однако почти невозможно продумать введение более сложных мер без помощи этого инструмента³⁶.

Мы можем взять пример из области денежной политики. Из принципов денежной теории неопровержимо следует, что в мире, в котором условия меняются с разной скоростью в разных денежных сферах, невозможно достичь одновременно и стабильных цен, и стабильного объема сделок³⁷. Эти две цели – в данном случае «цели» явно зависят от других основных норм экономической политики – логически несовместимы. Можно попытаться достичь либо одной, либо другой – хотя возможно, что стабильность цен на постоянной основе недостижима, и к тому же неблагоприятна для общего равновесия, – но нельзя рационально попытаться достичь обеих этих целей. Если вы попытаетесь это сделать, вас ожидает провал. Этот вывод хорошо известен всем экономистам. Однако, не располагая аналитическим аппаратом, сколь немногие из нас понимали бы несовместимость этих целей!

И даже этот пример слишком узок. Без экономического анализа невозможно рационально выбрать одну из альтернативных социальных систем. Мы уже видели, что если мы рассматриваем общество, которое допускает неравенство доходов, само по себе как зло, а эгалитарное общество – как цель, которую необходимо преследовать прежде всех остальных целей, то считать такое предпочтение экономически неоправданным нельзя. Но этот выбор нельзя считать рациональным, если мы не пришли к нему с полным осознанием тех жертв, которых он потребует. А сделать этого мы не можем, если не поймем не только природу капиталистического механизма, но также и необходимые условия и ограничения, которым подвержен предложенный тип общества. Нерационально желать определенной цели, не осознавая, каких жертв потребует достижение этой цели. В процессе же взвешивания альтернатив только полное понимание следствий современного экономического анализа может дать нам полномочия судить рационально.

---

36. Это достаточный ответ всем тем, кто постоянно твердит, что «общественная жизнь – это слишком сложная вещь, чтобы судить о ней при помощи экономического анализа». Именно потому, что общественная жизнь так сложна, экономический анализ необходим, чтобы мы могли понять хотя бы часть ее. Обычно именно те, кто больше всех говорит о сложности жизни и о том, что человеческое поведение не поддается никакому логическому анализу, имеют самый простой интеллектуальный и эмоциональный склад. Тот, кто в полной мере видел иррациональность человеческого поведения, не станет «бояться», что ее может убить логика.

37. См.: Keynes. *A Tract on Monetary Reform*. P.154–155; а также интересную работу: D. H. Robertson. *How do We Want Gold to Behave?* reprinted in the *International Gold Problem*. P.18–46.

Лайонел Роббинс

Однако если все обстоит таким образом, зачем же требовать для экономической науки какого-то большего статуса? Разве не величайшее бремя нашего времени — непонимание того, что мы делаем? Разве большинство наших сложностей не происходит лишь оттого, что мы желаем целей, не совместимых друг с другом, не оттого, что стремимся попасть в тупик, а оттого, что не осознаем их несовместимости? Возможно, в современном обществе действительно существуют разногласия в отношении конечных целей, и они делают некоторое количество конфликтов неизбежным. Но очевидно, что большинство наших самых насущных сложностей возникают не по этой причине, а потому, что наши цели нескоординированы. Как потребители мы желаем дешевизны, как производители мы выбираем защищенность. Мы ценим один способ распределения факторов производства как частные лица, тратящие и сберегающие средства. Как официальные лица, мы одобряем политику, которая затрудняет достижение такого распределения. Мы призываем к дешевым деньгам и низким ценам, снижению импорта и увеличению объема торговли³⁸. Разные «волевые организации» в обществе, хотя и состоят из одних и тех же индивидов, формулируют разные предпочтения. Наши сложности повсеместно, похоже, связаны не столько с разногласиями между разными членами политических органов, но с как бы расщеплением личности каждого из отдельных членов этих органов³⁹.

В эту ситуацию экономическая наука приносит умиротворяющее знание. Она позволяет нам оценить отдаленные следствия возможной политики. Она не позволяет и не может позволить нам избежать необходимости выбора из альтернатив. Но она позволяет нам привести разные возможности в гармонию. Она не может избавить человеческую деятельность от ограничений. Но она позволяет последовательно вести себя в рамках этих ограничений. Она служит для расширения аппарата восприятия обитателя современного мира, полного бесконечных взаимосвязей и отношений. Она вооружает его методикой рациональных действий.

Таким образом, можно сказать, что экономическая наука приносит в человеческое общество рациональность и в более глубоком смысле. Она не утверждает, как это часто принято было считать, что деятельность людей непременно рациональна в том

---

38. См.: M. S. Braun. *Theorie der Staatlichen Wirtschaftspolitik*. P. 5.

39. Таким образом, экономический анализ демонстрирует новые примеры явления, на которое часто обращается внимание в последних обсуждениях теории суверенитета в государственном праве. См.: Figgis. *Churches in the Modern State*; Maitland. *Introduction to Gierke's Political Theories of the Middle Ages*; Laski. *The Problem of Sovereignty, Authority in the Modern State*.

Природа и значение экономической науки

смысле, что преследуемые цели не являются несовместимыми. В ее обобщениях нет ничего, что обязательно подразумевало бы сознательную рефлексию в процессе оценивания. Она не полагается на то, что индивиды всегда ведут себя рационально. Но ее практический смысл действительно зависит от предположения, что хорошо бы, чтобы они так себя вели. Она действительно предполагает, что в пределах необходимости желательно выбирать такие цели, которые были бы гармонично достижимы.

Таким образом, в конечном итоге если не само существование экономической науки, то во всяком случае, ее значение зависит от оценки – утверждения о предпочтительности рациональности и возможности делать осознанный выбор. Если иррациональность, уступка слепой силе внешних стимулов и разнообразных импульсов в каждый момент времени – это благо, которому нужно отдавать предпочтение перед всеми остальными благами, то смысл существования экономической науки действительно исчезает. Трагедия нашего поколения, обагренного братоубийственными раздорами и преданного теми, кто должен был стать его интеллектуальными вождями, в том, что уже появились люди, готовые поддержать это отрицание, этот побег от трагической необходимости делать сознательный выбор. С подобными людьми спор невозможен. Восстание против разума – это, по сути, восстание против самой жизни. Но для всех тех, кто еще верит в более позитивные ценности, эта область знания, которая больше других символизирует и гарантирует рациональность в общественном устройстве, в грядущие беспокойные дни будет иметь особенное, повышенное значение именно потому, что под угрозой находится все то, что она олицетворяет.

4

Экономика и человеческая деятельность¹

Фрэнк Найт

Фрэнк Найт (1885–1972) родился в Атланте и получил докторскую степень по экономике в Корнеллском университете. Он преподавал в Корнелле и в Университете Айовы, но особенно тесно его имя ассоциируется с Чикагским университетом, где он подготовил целое поколение выдающихся экономистов. Найт не только внес значительный вклад в экономическую теорию, но был еще и социальным философом, которого остро заботили проблемы индивидуальной свободы.

Вообще, если отказаться от объяснения экономического поведения через мотивы, открывается несколько альтернативных возможностей. Пожалуй, простейшей из них является аналогия с тенденций, наблюдаемой в физике, — отказаться от всех «объяснений» и просто формулировать эмпирические законы. Результатом станет статистическая теория экономики, предметом которой являются только лишь объективные явления товаров и цен. Второе направление, не соприкасающееся с теориями стоимости, представленными классической экономикой или экономикой полезности, сконцентрировано на усилении социального контроля над экономической жизнью с явно подразумеваемой защитой такого контроля. В прошлом поколении эта тенденция более всего была выражена в Германии (катедер-социализм), в Англии (фабианство и левый либерализм) и в Соединенных Штатах (как этап в развитии институциональной экономики).

Третья альтернатива объяснительной теории заключается в рассмотрении экономических явлений как исторических по своей

---

1. Frank Knight. *The Ethics of Competition and Other Essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1976. P. 234–242.

Перевод с английского Ю. Каптуревского.

Экономика и человеческая деятельность

сути, что, разумеется, следует делать в любом случае, если необходимо объяснить конкретное содержание экономической жизни в определенном месте и в определенный отрезок времени. И историческая экономическая наука подразделяется на столько разновидностей, сколько существует основных концепций истории и исторического метода. Среди этих разновидностей особенно выделяются следующие две. Первая подходит к истории, насколько это возможно, объективно и эмпирически, и для открытия и анализа тенденций может использовать статистику. Логически эта процедура резко контрастирует с характерным для статистической теории экономики поиском повторяющихся законов, аналогичных тем, которые изучаются естественными науками, но на практике эти две концепции в статистической экономике дополняют друг друга. Второй вариант исторической экономики использует более знакомые гуманистические концепции политической и социальной истории – амбиции, усилия и провалы индивидов в данной социально-психологической среде. Он представляет собой возрождение или преемственность исторических школ XIX в., особенно заметных в Германии. Поскольку этот вариант подходит к обобщениям, его можно описать с помощью термина «институциональная экономика», который получил широкое распространение в Соединенных Штатах. Связанное с ним современное течение в германской литературе получило название новой исторической или социологической экономической науки, наиболее заметными лидерами которой являются Зомбарт и Макс Вебер.

В основе различий и дискуссий между старой и новой экономической наукой, а также между тремя направлениями теоретических исследований, обрисованными выше, лежат две проблемы: отношение между описанием и объяснением и отношение между констатацией факта и критической оценкой. Первая проблема, неизбежно возникающая при всякой попытке осмысления человеческого поведения, является фундаментальной проблемой реальности выбора, или «свободы воли». Она касается сути проблемы ценности в смысле индивидуальных ценностей, лежит в основе проблемы отношений между отдельным человеком и природой. Вторая главная проблема касается отношений между отдельным человеком и обществом.

Важнейший факт, связанный с первой проблемой, заключается в том, что, если мотив или цель в любой форме и играют сколько-нибудь реальную роль в поведении, эта роль не может быть причинной в том смысле, который придается этому слову в естественных науках. Это является главным ограничением и статистической, и исторической экономики. Ведь если мотив или цель использовать для объяснения поведения, то этот мотив или цель,

Фрэнк Найт

в свою очередь, следует привести в такое же соответствие с событиями и условиями, предшествующими им, а тогда мотив становится избыточным, а поведение будет полностью объясняться этими предшествующими условиями. Мотив нельзя считать естественным событием. Фундаментальное различие между причиной и следствием в природе и целью и средством в человеческом поведении является сутью тех фактов, которые ставят проблему толкования поведения. Представляется, что реальные человеческие проблемы невозможно рассматривать игнорируя элементы усилия, случайности и, важнее всего, ошибки, которые присутствуют в человеческой деятельности и которые по тем же причинам считаются отсутствующими в природных процессах.

Таким образом, тема мотива или намерения возникает при любом релевантном обсуждении человеческой деятельности. Однако предмет поведения нельзя упрощать, сводя его к дуализму. В его толковании должны присутствовать по меньшей мере три основных принципа. Типичное действие человека объясняется частично естественной причинностью, частично — намерением или желанием, которое является абсолютной точкой отсчета, и, следовательно, «фактом», хотя и не естественным событием или условием, и частично — стремлением реализовать «ценности», которое невозможно целиком свести к фактическим желаниям, потому что это стремление не имеет целей, которые можно было бы описать буквально. Интерпретация с точки зрения фактических желаний является процедурой экономической науки, представленной огромным количеством теоретической литературы. Тем не менее этот второй принцип объяснения, пожалуй, является наиболее уязвимым из трех. Вряд ли какое-либо желание является по-настоящему «абсолютным» или не стремится произвести определенные изменения в растущей системе смыслов и ценностей. Это отличается от изменений в физической природе, даже если преобразования в физической природе являются единственным средством, через которое можно осуществить ценности. Каждое действие в экономическом смысле изменяет конфигурацию материи в пространстве. Но это не исключает возможности «действий», которые изменяют смыслы и ценности, не меняя природную конфигурацию, поскольку размышление может дать новое понимание и привести к изменению персональных вкусов. Вообще говоря, одна конфигурация сама по себе едва ли может быть более предпочтительна, чем другая.

Люди имеют и рассказывают о двух разных типах мотивации своих действий. Существует желание или предпочтение, которое рассматривается и лицом, совершающим действие, и посторонними лицами как нечто окончательное, как «грубый» факт. С другой

Экономика и человеческая деятельность

стороны, при объяснении своих действий люди выносят различные оценочные суждения, и это объяснение превращается в обоснование. Другими словами, никто не может рассматривать мотив по-настоящему объективно или описать мотив, не делая выводов о том, хорош он или плох. Таким образом, желания людей не только более или менее отличаются от оценок, но они желают, потому что оценивают, причем оценивают без желания. Действительно, большая часть человеческих оценок, связанных с истиной, красотой и моралью, в значительной степени или совершенно не зависит от желания какой-либо конкретной вещи или результата. То, что индивидуальная экономическая мотивация сама по себе связана определенной оценкой, а не просто с желанием, подтверждается двумя другими соображениями: во-первых, предмет, который выбирается во время какой-либо экономической сделки, обычно желается как средство для получения чего-то другого, а это влечет за собой суждение о том, что он «на самом деле» является средством для достижения соответствующего результата. Во-вторых, то, что в конечном итоге желается ради самого себя, редко, если вообще когда-либо, может быть описано в терминах физической конфигурации, но должно быть определено по отношению к вселенной значений и ценностей. Таким образом, в идее эффективности при достижении заданной цели присутствует элемент оценки; и, кроме того, реальная цель содержит в качестве элемента ценностное понятие.

Дуалистическая концепция, заключенная в мотивации, находит отражение и в более узкой экономической концепции ценности. Содержание последней определено не ограничивается идеей качества, измеренного ценой, поскольку в реальных условиях оно всегда измеряется не идеально. Цена «имеет тенденцию» совпадать с ценностью, но идея ценности также включает в себе норму, которой должна была бы соответствовать цена в неких идеальных условиях. Эта норма включает две идеи: идею поставленной цели, но реализованной лишь в большем или меньшем приближении из-за разного рода ошибок (которые, как правило, исправляются); и идею «правильной» цели действий, противопоставляемой целям неправильным, а также действительной цели. В обществе, основанном на конкуренции как общепринятом принципе, конкурентная цена, или цена, равная необходимым издержкам производства, является истинной ценностью в обоих смыслах. Отклонения следует отнести на счет двух видов причин – случайных неверных расчетов и неверных целей действия. В этом утверждении, конечно, упущено существование различных специальных концепций конкретной цены относительно короткого периода или локальных условий, и более глубокая этическая критика мо-

Фрэнк Найт

жет осуждать данные условия, а не вкусы потребителей, которые фиксируют конкурентную цену, особенно распределение дохода и экономической власти.

Для того чтобы прояснить главную мысль, необходимо отметить разницу в концепциях идеальных условий в экономике и в механике. В механике наиболее заметным из идеальных условий является отсутствие трения. Очевидно, подобная концепция идеальных условий в экономике является одной из знакомых признаков, едва ли не клише в экономической теории. Как обобщенное описание, концепция идеальной конкуренции, полученная путем абстрагирования от особенностей экономической ситуации, которые делают конкуренцию не идеальной, похожа на концепции отсутствия трения в механике и является столь же оправданной. Однако было бы совершенно неверным считать, что конкретный предмет, от которого абстрагируются в теории идеальной конкуренции, имеет такое же отношение к поведению, какое трение имеет к механическому процессу. Трение в механике связано с преобразованием энергии из одной формы в другую в соответствии с законом и принципом сохранения энергии, прекрасно работающими для механических изменений, при которых энергия нигде не исчезает. Ничего подобного в экономическом процессе нет. В теории равновесной цены происходит абстрагирование от факта ошибки в экономическом поведении. Идеальная конкуренция, помимо прочих, не относящихся к данному предмету вещей, является безошибочной конкуренцией, и фундаментально она не может сравниваться с машиной, в которой отсутствует трение. Знакомая «тенденция» конкуренции соответствовать теоретическому идеалу является не просто возможностью аппроксимации экспериментальных данных, но реальной тенденцией, поскольку люди, как предполагается, стремятся научиться разумному поведению. Ее нельзя считать тенденцией к достижению объективного результата; она является лишь тенденцией к соответствию намерению поведения, причем это намерение нельзя ни измерить, ни вычленивать, ни определить через какие-либо экспериментальные данные. К идеальным условиям экономики относятся и идеальная оценка (в ограниченном смысле), и идеальное экономическое поведение, в котором цель или намерение считаются данностью. Верность намерения есть вопрос этический, от которого экономист абстрагируется точно так же, как он абстрагируется от ошибки, направляющей поведение к цели иначе, чем в соответствии с намерением.

До сих пор мы обсуждали два уровня толкования экономического поведения. Первый уровень — это тот, на котором поведение сводится к принципам регулярности по статистической процедуре. Для удобства можно приписать поведение какой-либо «движущей

Экономика и человеческая деятельность

силе», но в этом случае следует считать, что такая сила соответствует наблюдаемому поведению. Второй уровень – это толкование поведения в терминах мотивации, и такое толкование должно концентрироваться на разнице между мотивом и действием и на факте ошибки. И на третьем уровне толкования интенциональная цель действия сама подвергается оценке или критике с той или иной точки зрения. Здесь центральными темами обсуждения становятся отношения между личностью и обществом, вторая основная проблема, упомянутая выше, и концепция ценности в связи с социальной политикой.

Фактически даже на втором уровне следует признать наличие двух форм общественных отношений: цели индивида, так как они даны, являются преимущественно социальными по происхождению и содержанию, а в обществах, где экономическое мышление имеет какое-то значение, теоретически существует широкое социально-этическое признание и одобрение индивидуальной мотивации. Современное общество, например, признало право и даже обязанность индивида преследовать свои собственные цели в широких пределах; другими словами, сама по себе индивидуальная свобода является социальной ценностью, а не просто фактом. Поэтому второй уровень толкования, как правило, не работает. Если идея экономического поведения эффективно отделена от механического процесса, если цели рассматриваются как цели, а не просто как физические эффекты, обсуждение уже в значительной степени переходит на третий уровень. Фактические цели нельзя сохранить как желаемые, если в дополнение к желанию им не придать значительный элемент оценки. «Желания» экономических товаров и услуг нельзя считать окончательными или обладающими самодостаточной, независимой реальностью. Даже беглый взгляд обнаруживает, что они в очень большой степени являются, скорее, случайными проявлениями желания чего-то, обладающего природой свободы или власти. Однако такие цели и желания являются формами общественных отношений, а не вещами, и понятие экономической эффективности лишь в ограниченной мере применимо к стремлению к ним и к их достижению. Рассмотрение таких действий, имеющее сколько-нибудь общий, серьезный характер, должно сопровождаться обсуждением социальной политики в связи с социальными целями или нормами и общественной процедурой их осуществления.

Серьезную трудность в экономической теории в этой связи вызывает склонность смешивать защиту политики политического невмешательства (или наоборот) с описанием общественного устройства, основанной на свободном контракте. Даже если такие авторы не имели сознательного намерения проповедовать

Фрэнк Найт

и анализировать, трудности разделения дискуссий этих двух типов были слишком велики, особенно учитывая требования соответствующей подачи, которая должна была быть понятной, если не сказать привлекательной для большей части читающей публики. В этой области фактически преобладает интерес к ценностям, и особенно к социальной политике. Следовательно, экономическая теория, развивающаяся в атмосфере реакции против контроля, явно преувеличивает эту сторону вопроса и преуменьшает другую. Теперь стало также очевидно, что существуют серьезные и комплексные ограничения принципа свободы в экономическом смысле, то есть ограничения организации экономической жизни исключительно через свободный контракт между индивидами, использующими данные ресурсы для достижения данных индивидуальных целей. Общество не может принять индивидуальные цели и индивидуальные средства как факты или как главные цели своей собственной политики. Прежде всего, они не являются просто данными, а исторически создаются в самом общественном процессе и неизбежно испытывают на себе влияние социальной политики. Кроме того, общество не может быть даже относительно безразлично к действию этого процесса. Такое безразличие самым пагубным образом сказалось бы и на обществе, и на индивиду. Этот вывод убедительно подтверждается тем фактом, что непосредственный интерес индивида является в значительной степени конкурентным, сконцентрированным на его собственном продвижении по социальной лестнице относительно других индивидов. В этом соревновании задача властей состоит в том, чтобы беспристрастно следить за исполнением правил и даже создавать такие правила, которые позволяют вести «игру» на самом высоком уровне. Для этого власть должна встать на точку зрения, явно отличную от интереса, которым, как правило, поглощен индивид, всегда острее осознающий конфликт, а не общность интересов.

Эти мысли указывают на логическую ошибку, лежащую в основе теории ценности и являющуюся типичной для классических экономистов. Они якобы не ставят под сомнение то, что свобода сама по себе есть благо. Известно, что они были гедонистами, а их доводы в пользу свободы делают ее инструментом получения удовольствия, поскольку индивид способен лучше, чем государственные чиновники, оценить, какие средства принесут ему счастье. Не опровергает весомость этого аргумента и указание на то, что свобода сама по себе безоговорочно есть благо для индивида, и кроме того, нравственное благо, более или менее не зависящее от того, насколько индивид действительно его ценит. Конечно, индивид может желать свободы и заявлять о своем праве на нее, не утверждая, что он всегда будет принимать более мудрые

Экономика и человеческая деятельность

с точки зрения материального комфорта и безопасности решения, чем в том случае, если бы они принимались кем-то за него. Точно так же можно утверждать, что индивид должен самостоятельно принимать решения в некоторых пределах и мириться с их последствиями, даже если он мог бы выбрать иной путь. Другими словами, классические экономисты не понимали, а «научный» дух эпохи не позволял экономистам признать, что свобода является по сути своей социальной ценностью, по крайней мере когда она защищается или оспаривается, как и любая другая социальная система или общественные отношения.

Реальные интересы или желания, выраженные в экономическом поведении, являются в подавляющей степени социальными и по происхождению, и по содержанию. Следовательно, их нельзя описывать отдельно от системы общественных отношений, которую саму по себе невозможно рассматривать чисто объективно и через факты. В ограниченной степени они могут восприниматься индивидом через эти понятия, и один индивид может даже описывать их другому индивиду в этих терминах. Однако участники такого разговора принимают роль наблюдателя, а не члена общества или участника события. Следовательно, любое печатное обсуждение, предполагающее обращение к читателям как членам общества и участникам событий, неизбежно принимает форму обоснования политики, в котором обеим сторонам может уделяться более или менее равное внимание. В этом конфликте между заинтересованностью наблюдателя в том, чтобы наблюдать и понимать, и заинтересованностью участника в том, чтобы действовать и изменять, философ или методолог не имеет возможности принять чью-либо сторону. На вопрос о том, должна ли экономическая наука как таковая быть той или иной, нужно отвечать только признанием, что она должна быть и той, и другой с большим или меньшим акцентом на том или другом подходе в зависимости от задач конкретной трактовки; но, каким бы односторонним ни был этот акцент, здесь всегда должны быть обе стороны, поскольку каждый интерес предполагает наличие другого и связь с ним и каждый автор и читатель, будучи людьми, движимы обоими интересами. В каждой работе желательно четко показывать отношение между двумя видами интересов. Но обычно наблюдается обратное: тот, чей интерес в первую очередь заключается в истине, стремится усилить изложение своей позиции, отождествляя истину и ценность, а тот, чей интерес заключается в ценностях, стремится усилить свою позицию придавая ей качество истины.

В период развития классической экономической теории практический общественный интерес почти целиком был сосредоточен на освобождении от отжившей системы контроля, но в настоящее

Фрэнк Найт

время маятник определенно качнулся в обратную сторону. Новая проблема, поднятая смещением научных и оценочных интересов, неизмеримо труднее старой. Общество ищет основу для объединения и порядка, а не пытается отбросить неудовлетворительную основу. Более того, действующие стандарты мышления попали в зависимость от научного идеала, который практически неприменим к этой проблеме. Фундамент, на котором создается единство группы, должен относиться к морали и чувствам, а не к знанию. Не существует интеллектуального решения конфликта интересов. Обсуждать следует только ценности, но эта дискуссия не обязательно ведет к согласию, и разногласия по поводу принципов, похоже, морально оправдывают призывы к применению силы. Интересно также отметить, что склонность к «рационализации» приводит к тому, что и конфликт интересов, и разногласия по поводу принципов приобретают качества своей противоположности и на практике они неразрывно переплетены.

Выступающие за перемены экстремисты признают неприменимость чисто интеллектуального знания. И «фашистская», и «коммунистическая» школы склонны считать истинность и ложность суждений в экономической науке малозначимым или даже иллюзорным вопросом, а доктрины оцениваются только по их пригодности к установлению желаемого типа общественного порядка. Этот взгляд, разумеется, «не является истинным» с более узкой «научной» точки зрения: в любом общественном порядке результаты определенного выбора, влияющего на производство и потребление, кем бы этот выбор ни делался, подпадают под определенные абстрактные, по существу математические, принципы, которые выражают разницу между экономией и потерей. На другом краю – на первом и втором уровнях толкования, описанных выше, – существует в равной степени энергичное движение в пользу строго «научного» подхода к экономической теории. Анализ первого уровня, отбрасывающий мотивацию и рассматривающий только результаты действия в форме товарной статистики, не оставляет места для какой-либо концепции экономии. Более того, его невозможно провести даже буквально, поскольку товарам нужно дать названия, их следует классифицировать, и рассмотрение должно принимать во внимание сходство и отличия в использовании, а также их физические характеристики. А экономическая теория второго уровня, рассматривающая желания как факты, подвержена очень узким ограничениям. Желания действительно имеют очень неопределенное содержание, а об имеющемся содержании исследователь не может иметь определенных знаний. Эта концепция может лечь в основу чисто абстрактной теории, но она имеет мало общего с реальностью. Чтобы придать

Экономика и человеческая деятельность

данным хоть какое-то содержание, желания необходимо отождествить с товарами и услугами, через которые они находят выражение, и в этом случае второй метод вводится до полной копии первого. Более того, единственными желаниями, которые можно считать родственными научным данным, являются чисто индивидуальные желания, и любое обсуждение социальной политики должно прибегать к ценностям или идеям, целиком внешним по отношению к такой системе.

5

Избранные тексты по экономике, истории и социологии

Карл Маркс

Ниже приведены три текста. Первый, «Отчужденный труд» из «Экономическо-философских рукописей 1844 года» Маркса, передает его видение того, каким образом экономические отношения между людьми и продукты этих отношений господствуют над самими людьми, создавшими и поддерживающими эти отношения. Второй, «К критике политической экономии. Предисловие», вкратце описывает исторический материализм Маркса, показывающий, как состояние технологий определяет экономические отношения между людьми, которые, в свою очередь, определяют правовые и политические отношения и ход истории. Третий, «Метод политической экономии», являющийся частью введения «К критике политической экономии», содержит наиболее подробное и последовательное обсуждение экономической методологии у Маркса.

[Отчужденный труд]¹

[XXII] Мы исходили из предпосылок политической экономии. Мы приняли ее язык и ее законы. Мы предположили как данное частную собственность, отделение друг от друга труда, капитала и земли, а также заработной платы, прибыли на капитал и земельной ренты; далее — разделение труда, конкуренцию, понятие меновой стоимости и т. д. На основе самой политической экономии, пользуясь ее собственными словами, мы показали, что рабочий низведен до положения товара, притом самого жалкого, что нищета рабочего находится в прямом² отношении к мощи и размерам его продукции, что необходимым результатом конкуренции является накопление капита-

1. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 42. С. 86–99.

2. В оригинале описка: обратном. — *Ред.*

Избранные тексты по экономике, истории и социологии

ла в руках немногих, то есть еще более страшное восстановление монополии, и что в конце концов исчезает различие между капиталистом и земельным рантье, между хлебопашцем и промышленным рабочим, и все общество неизбежно распадается на два класса — *собственников* и лишенных собственности *рабочих*.

Политическая экономия исходит из факта частной собственности. Объяснения ее она нам не дает. *Материальный* процесс, определяемый в действительности частной собственностью, она укладывает в общие, абстрактные формулы, которые и приобретают для нее затем значение *законов*. Эти законы она не *осмысливает*, то есть не показывает, как они вытекают из самого существа частной собственности. Политическая экономия не дает нам ключа к пониманию основы и причины отделения труда от капитала и капитала от земли. Так, например, когда она определяет взаимоотношение между заработной платой и прибылью на капитал, то последней причиной является для нее интерес капиталистов; иными словами, она предполагает как данное то, что должно быть установлено в результате анализа. Точно так же всюду вклинивается конкуренция. Объяснение для нее ищут во внешних обстоятельствах. При этом политическая экономия ничего не говорит нам о том, в какой мере эти внешние, с виду случайные обстоятельства являются лишь выражением некоторого необходимого развития. Мы видели, что самый обмен представляется ей случайным фактом. Единственными маховыми колесами, которые пускает в ход политэконом, являются *корыстолюбие* и *война между корыстолюбцами* — конкуренция.

Именно вследствие непонимания политической экономией взаимосвязи изучаемого ею движения можно было, например, учение о конкуренции противопоставлять учению о монополии, учение о свободе промыслов — учению о корпорации, учение о разделе земельных владений — учению о крупной земельной собственности, ибо конкуренция, свобода промыслов, раздел земельных владений мыслились и изображались только как случайные, преднамеренные, насильственные, а не как необходимые, неизбежные, естественные следствия монополии, корпорации и феодальной собственности.

Итак, нам предстоит теперь осмыслить существенную взаимосвязь между частной собственностью, корыстолюбием, отделением друг от друга труда, капитала и земельной собственности, между обменом и конкуренцией, между стоимостью человека и его обесценением, между монополией и конкуренцией и т. д., между всем этим отчуждением и *денежной* системой.

Мы не последуем примеру политэконома, который, желая что-либо объяснить, переносится в вымышленное им первобытное

Карл Маркс

состояние. Такое первобытное состояние ничего не объясняет. Ссылаясь на первобытное состояние, политэконом только отодвигает вопрос в серую туманную даль. Он предполагает в форме факта, события то, что он должен дедуцировать, а именно необходимое взаимоотношение между двумя вещами, например между разделением труда и обменом. Таким же образом теолог объясняет происхождение зла грехопадением, то есть он предполагает как факт, в форме исторического события, то, что он должен объяснить.

Мы берем отправным пунктом *современный* экономический факт.

Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, чем больше растут мощь и размеры его продукции. Рабочий становится тем более дешевым товаром, чем больше товаров он создает. В прямом соответствии с *ростом стоимости*, мира вещей растет *обесценение* человеческого тира. Труд производит не только товары: он производит самого себя и рабочего как *товар*, притом в той самой пропорции, в которой он производит вообще товары.

Этот факт выражает лишь следующее: предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое существо*, как *сила*, не зависящая от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть *опредмечивание труда*. Осуществление труда есть его опредмечивание. При тех порядках, которые предполагаются политической экономией, это осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как *выключение* рабочего из *действительности*, опредмечивание выступает как *утрата* предмета и закабаление предметом, *освоение предмета* – как отчуждение.

Осуществление труда выступает как выключение из действительности до такой степени, что рабочий выключается из действительности вплоть до голодной смерти. Опредмечивание выступает как утрата предмета до такой степени, что у рабочего отнимают самые необходимые предметы – необходимые не только для жизни, но и для работы. Да и сама работа становится таким предметом, овладеть которым он может лишь с величайшим напряжением своих сил и с самыми нерегулярными перерывами. Освоение предмета выступает как отчуждение до такой степени, что чем больше предметов рабочий производит, тем меньшим количеством их он может владеть и тем сильнее он подпадает под власть своего продукта, капитала.

Все эти следствия уже заключены в том определении, что рабочий относится к *продукту своего труда* как к *чуждому* предмету. Ибо при такой предпосылке ясно: чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественнее становится чужой для него предметный мир, создаваемый им самим против самого себя, тем беднее становится он сам, его внутренний мир, тем меньшее имущество ему принадлежит. Точно так же обстоит дело и в религии.

Избранные тексты по экономике, истории и социологии

Чем больше вкладывает человек в бога, тем меньше остается в нем самом. Рабочий вкладывает в предмет свою жизнь, но отныне эта жизнь принадлежит уже не ему, а предмету. Таким образом, чем больше эта его деятельность, тем беспредметнее рабочий. Что отошло в продукт его труда, того уже нет у него самого. Поэтому чем больше этот продукт, тем меньше он сам. *Отчуждение* рабочего в его продукте имеет не только то значение, что его труд становится предметом, приобретает *внешнее* существование, но еще и то значение, что его труд существует *вне его*, независимо от него, как нечто чужое для него и что этот труд становится противостоящей ему самостоятельной силой, что жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая.

[XVIII] Рассмотрим теперь подробнее *опредмечивание*, производство продукта рабочим, и в этом опредмечивании *отчуждение, утрату* предмета, то есть произведенного рабочим продукта.

Рабочий ничего не может создать без *природы, без внешнего чувственного мира*. Это — тот материал, на котором осуществляется его труд, в котором разворачивается его трудовая деятельность, из которого и с помощью которого труд производит свои продукты.

Но подобно тому, как природа дает труду *средства к жизни* в том смысле, что без предметов, к которым труд прилагается, невозможна *жизнь* труда, так, с другой стороны, природа же доставляет *средства к жизни* и в более узком смысле, то есть средства физического существования самого *рабочего*.

Таким образом, чем больше рабочий с помощью своего труда *осваивает* внешний мир, чувственную природу, тем в большей мере лишает он себя *средств к жизни* в двояком смысле: во-первых, чувственный внешний мир все больше и больше перестает быть таким предметом, который неотъемлемо принадлежал бы его труду, перестает быть *жизненным средством* его труда; во-вторых, этот внешний мир все в большей мере перестает давать для него *средства к жизни* в непосредственном смысле — средства физического существования рабочего.

Итак, рабочий становится рабом своего предмета в двояком отношении: во-первых, он получает *предмет для труда*, то есть *работу*, и, во-вторых, он получает *средства существования*. Только этот предмет дает ему, стало быть, возможность существовать и как *рабочему*, и как *физическому субъекту*. Венец этого рабства в том, что он уже только в качестве *рабочего* может поддерживать свое существование как *физического субъекта* и что он является рабочим уже только в качестве *физического субъекта*.

(Согласно законам политической экономии, отчуждение рабочего в его предмете выражается в том, что чем больше рабочий

Карл Маркс

производит, тем меньше он может потреблять; чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства; чем лучше оформлен его продукт, тем более изуродован рабочий; чем культурнее созданная им вещь, тем более похож на варвара он сам; чем могущественнее труд, тем немощнее рабочий; чем замысловатее выполняемая им работа, тем большему умственному опустошению и тем большему закабалению природой подвергается сам рабочий.)

Политическая экономия замалчивает отчуждение в самом существе труда тем, что она не подвергает рассмотрению *непосредственное* отношение между *рабочим* (трудом) и производимым им продуктом. Конечно, труд производит чудесные вещи для богатей, но он же производит обнищание рабочего. Он создает дворцы, но также и трущобы для рабочих. Он творит красоту, но также и уродует рабочего. Он заменяет ручной труд машиной, но при этом отбрасывает часть рабочих назад к варварскому труду, а другую часть рабочих превращает в машину. Он производит ум, но также и слабоумие, кретинизм как удел рабочих.

Непосредственное отношение труда к его продуктам есть отношение рабочего к предметам его производства. Отношение имущего к предметам производства и к самому производству есть лишь *следствие* этого первого отношения и подтверждает его. Эту другую сторону вопроса мы рассмотрим позже.

Итак, когда мы спрашиваем, какова сущность трудовых отношений, то мы спрашиваем об отношении *рабочего* к производству.

До сих пор мы рассматривали отчуждение рабочего лишь с одной стороны, а именно со стороны его *отношения к предметам своего труда*. Но отчуждение проявляется не только в конечном результате, но и в самом *акте производства*, в самой *производственной деятельности*. Мог ли рабочий противостоять продукту своей деятельности как чему-то чуждому, если бы он не отчуждался от себя в самом акте производства? Ведь продукт есть лишь итог деятельности, производства. Следовательно, если продукт труда есть отчуждение, то и само производство должно быть деятельным отчуждением, отчуждением деятельности, деятельностью отчуждения. В отчуждении предмета труда только подытоживается отчуждение в деятельности самого труда.

В чем же заключается отчуждение труда?

Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то *внешним*, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духов-

Избранные тексты по экономике, истории и социологии

ную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это – *принудительный труд*. Это не удовлетворение потребности в труде, а только *средство* для удовлетворения всяких других потребностей, но не потребности в труде. Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы. Внешний труд, труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание. И наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому. Подобно тому как в религии самодеятельность человеческой фантазии, человеческого мозга и человеческого сердца воздействует на индивидуума независимо от него самого, то есть в качестве какой-то чужой деятельности, божественной или дьявольской, так и деятельность рабочего не есть его самодеятельность. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя.

В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположившись у себя в жилище, украшая себя и т. д., – а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному.

Правда, еда, питье, половой акт и т. д. тоже суть подлинно человеческие функции. Но в абстракции, отрывающей их от круга прочей человеческой деятельности и превращающей их в последние и единственные конечные цели, они носят животный характер.

Мы рассмотрели акт отчуждения практической человеческой деятельности, труда, с двух сторон. Во-первых, отношение рабочего к *продукту труда* как к предмету чуждому и над ним властвующему. Это отношение есть вместе с тем отношение к чувственному внешнему миру, к предметам природы, как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему. Во-вторых, отношение труда к *акту производства* в самом процессе *труда*. Это отношение есть отношение рабочего к его собственной деятельности как к чему-то чуждому, ему не принадлежащему. Деятельность выступает здесь как страдание, сила – как бессилие, зачатие – как оскопление, *собственная* физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть дея-

Карл Маркс

тельность?) — как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность. Это есть *самоотчуждение*, тогда как выше речь шла об отчуждении *вещи*.

[XXIV] Теперь нам предстоит на основании двух данных определений *отчужденного труда* вывести еще третье его определение.

Человек есть существо родовое не только в том смысле, что и практически, и теоретически он делает своим предметом род — как свой собственный, так и прочих вещей, но и в том смысле — и это есть лишь другое выражение того же самого, — что он относится к самому себе как к наличному живому роду, относится к самому себе как к существу *универсальному* и потому свободному.

Родовая жизнь как у человека, так и у животного физически состоит в том, что человек (как и животное) живет неорганической природой, и чем универсальнее человек по сравнению с животным, тем универсальнее сфера той неорганической природы, которой он живет. Подобно тому как в теоретическом отношении растения, животные, камни, воздух, свет и т. д. являются частью человеческого сознания, отчасти в качестве объектов естествознания, отчасти в качестве объектов искусства, являются его духовной неорганической природой, духовной пищей, которую он предварительно должен приготовить, чтобы ее можно было вкусить и переварить, — так и в практическом отношении они составляют часть человеческой жизни и человеческой деятельности. Физически человек живет только этими продуктами природы, будь то в форме пищи, отопления, одежды, жилища и т. д. Практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое тело*, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека, а именно природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. Человек *живет* природой. Это значит, что природа есть его *тело*, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы.

Отчужденный труд человека, отчуждая от него природу, его самого, его собственную деятельную функцию, его жизнедеятельность, тем самым отчуждает от человека *род*: он превращает для человека *родовую жизнь* в средство для поддержания индивидуальной жизни. Во-первых, он отчуждает родовую жизнь и индивидуальную жизнь, а во-вторых, делает индивидуальную жизнь, взятую

Избранные тексты по экономике, истории и социологии

в ее абстрактной форме, целью родовой жизни, тоже в ее абстрактной и отчужденной форме.

Дело в том, что сам труд, сама *жизнедеятельность*, сама *производственная жизнь* оказываются для человека лишь *средством* для удовлетворения одной его потребности – потребности в сохранении физического существования. А производственная жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, порождающая жизнь. В характере жизнедеятельности заключается весь характер данного вида, его родовый характер, а свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовый характер человека. Сама жизнь оказывает лишь *средством к жизни*.

Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*. Человек же делает свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность – сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности. Именно лишь в силу этого он есть родовое существо. Или можно сказать еще так: он есть сознательное существо, то есть его собственная жизнь является для него предметом именно лишь потому, что он есть родовое существо. Только в силу этого его деятельность есть свободная деятельность. Отчужденный труд переворачивает это отношение таким образом, что человек именно потому, что он есть существо сознательное, превращает свою жизнедеятельность, свою *сущность* лишь в средство для поддержания своего *существования*.

Практическое созидание *предметного мира*, *переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного – родового существа, то есть такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности или к самому себе как к родовому существу. Животное, правда, тоже производит. Оно строит себе гнездо или жилище, как это делают пчела, бобр, муравей и т. д. Но животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш; оно производит односторонне, тогда как человек производит универсально: оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу; продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противостоит своему продукту. Животное строит только соответственно мерке и потребности того вида, к которому оно принадле-

Карл Маркс

жит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку; в силу этого человек строит также и по законам красоты.

Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается *его* произведением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому *опредмечивание родовой жизни человека*: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно и созерцает самого себя в созданном им мире. Поэтому отчужденный труд, отнимая у человека предмет его производства, тем самым отнимает у него его *родовую жизнь*, его действительную родовую предметность, а то преимущество, которое человек имеет перед животным, превращается для него в нечто отрицательное, поскольку у человека отбирают его неорганическое тело, природу.

Подобным же образом отчужденный труд, принижая самодеятельность, свободную деятельность до степени простого средства, тем самым превращает родовую жизнь человека в средство для поддержания его физического существования.

Присущее человеку сознание его родовой сущности видоизменяется, стало быть, вследствие отчуждения так, что родовая жизнь становится для него средством.

Таким образом, отчуждение труда приводит к следующим результатам:

3. *Родовая сущность человека* — как природа, так и его духовное родовое достояние — превращается в *чуждую* ему сущность, в *средство* для поддержания его *индивидуального существования*. Отчужденный труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне его, как и его духовную сущность, его *человеческую* сущность.

4. Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является *отчуждение человека от человека*. Когда человек противостоит самому себе, то ему противостоит *другой* человек. То, что можно сказать об отношении человека к своему труду, к продукту своего труда и к самому себе, то же можно сказать и об отношении человека к другому человеку, а также к труду и к предмету труда другого человека.

Вообще положение о том, что от человека отчуждена его родовая сущность, означает, что один человек отчужден от другого и каждый из них отчужден от человеческой сущности.

Отчуждение человека, вообще любое отношение, в котором человек находится к самому себе, реализуется, выявляется лишь в отношениях человека к другим людям.

Избранные тексты по экономике, истории и социологии

Следовательно, в условиях отчужденного труда каждый человек рассматривает другого, руководствуясь масштабом и отношением, в котором находится он сам как рабочий.

[XXV] Мы исходили из экономического факта — отчуждения рабочего и его продукции. Мы сформулировали понятие этого факта: *отчужденный труд*. Это понятие мы подвергли анализу. Мы анализировали, стало быть, лишь экономический факт.

Теперь посмотрим, как это понятие отчужденного труда выражено и представлено в реальной действительности.

Если продукт труда мне чужд, если он противостоит мне в качестве чуждой силы, кому же в таком случае он принадлежит?

Если моя собственная деятельность принадлежит не мне, а есть деятельность чуждая, вынужденная, кому же принадлежит она в таком случае?

Некоторому *иному*, чем я, существу. Что же это за существо?

Не *боги* ли? Правда, на первых порах главная производственная деятельность, например строительство храмов и т. д. в Египте, Индии, Мексике, шла по линии служения богам, и самый продукт принадлежал богам. Однако боги никогда не были одни хозяевами труда. Не была хозяйном и *природа*. Да и каким противоречием было бы такое положение, при котором чем больше человек благодаря своему труду подчиняет себе природу и чем больше чудеса богов становятся излишними благодаря чудесам промышленности, тем больше человек должен был бы в угоду этим силам отказываться от радости, доставляемой производством, и от наслаждения продуктом!

Чуждым существом, которому принадлежит труд и продукт труда, существом, на службе которого оказывается труд и для наслаждения которого создается продукт труда, таким существом может быть лишь сам *человек*.

Если продукт труда не принадлежит рабочему, если он противостоит ему как чуждая сила, то это возможно лишь в результате того, что продукт принадлежит *другому человеку, не рабочему*. Если деятельность рабочего для него самого является мукой, то кому-то другому она должна доставлять *наслаждение* и *жизнерадость*. Не боги и не природа, а только сам человек может быть этой чуждой силой, властвующей над человеком.

Необходимо еще принять во внимание выставленное выше положение о том, что отношение человека к самому себе становится для него *предметным, действительным* лишь через посредство его отношения к другому человеку. Следовательно, если человек относится к продукту своего труда, к своему опредмеченному труду как к предмету *чуждому, враждебному, могущественному*, от него не зависящему, то он относится к нему так, что хозяином этого

Карл Маркс

предмета является другой, чуждый ему, враждебный, могущественный, от него не зависящий человек. Если он относится к своей собственной деятельности как к деятельности подневольной, то он относится к ней как к деятельности, находящейся на службе другому человеку, ему подвластной, подчиненной его принуждению и игу.

Всякое самоотчуждение человека от себя и природы проявляется в том отношении к другим, отличным от него людям, в которое он ставит самого себя и природу. Вот почему религиозное самоотчуждение с необходимостью проявляется в отношении мирянина к священнослужителю или — так как здесь дело касается интеллектуального мира — также к некоему посреднику и т. д. В практическом действительном мире самоотчуждение может проявляться только через посредство практического действительного отношения к другим людям. То средство, при помощи которого совершается отчуждение, само есть *практическое* средство. Таким образом, посредством отчужденного труда человек порождает не только свое отношение к предмету и акту производства как к чуждым и враждебным ему силам, он порождает также и то отношение, в котором другие люди находятся к его производству и к его продукту, а равно и то отношение, в котором сам он находится к этим другим людям. Подобно тому как он свою собственную производственную деятельность превращает в свое выключение из действительности, в кару для себя, а его собственный продукт им утрачивается, становится продуктом, ему не принадлежащим, точно так же он порождает власть того, кто не производит, над производством и над продуктом. Отчуждая от себя свою собственную деятельность, он позволяет другому человеку присваивать деятельность, ему не присущую.

До сих пор мы рассматривали это отношение только со стороны рабочего; позднее мы рассмотрим его также и со стороны не-рабочего.

Итак, посредством *отчужденного труда* рабочий порождает отношение к этому труду некоего человека, чуждого труду и стоящего вне труда. Отношение рабочего к труду порождает отношение к тому же труду капиталиста, или как бы там иначе не называли хозяина труда. Стало быть, *частная собственность* есть продукт, результат, необходимое следствие *отчужденного труда*, внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе.

Таким образом, к *частной собственности* мы приходим посредством анализа понятия *отчужденного труда*, то есть *отчужденного человека*, отчужденной жизни.

Правда, понятие *отчужденного труда* (*отчужденной жизни*) мы получили исходя из политической экономии, как результат *движения*

Избранные тексты по экономике, истории и социологии

частной собственности. Но анализ этого понятия показывает, что, хотя частная собственность и выступает как основа и причина отчужденного труда, в действительности она, наоборот, оказывается его следствием, подобно тому как боги первоначально являются не причиной, а следствием заблуждения человеческого рассудка. Позднее это отношение превращается в отношение взаимодействия.

Только на последней, кульминационной стадии развития частной собственности вновь обнаруживается эта ее тайна: частная собственность оказывается, с одной стороны, *продуктом* отчужденного труда, а с другой стороны, *средством* его отчуждения, *реализацией* этого отчуждения.

Это развитие сразу же проливает свет на различные, до сих пор не разрешенные коллизии.

1. Политическая экономия исходит из труда как подлинной души производства, и тем не менее труду она не дает ничего, а частной собственности отдает все. Прудон сделал из этого противоречия выводы в пользу труда, против частной собственности. Но мы видим, что это очевидное противоречие есть противоречие *отчужденного труда* с самим собой и что политическая экономия сформулировала лишь законы отчужденного труда.

Поэтому мы видим также, что *заработная плата* идентична *частной собственности*, ибо заработная плата, где продукт, предмет труда, оплачивает самый труд, есть лишь необходимое следствие отчуждения труда: ведь в заработной плате и самый труд выступает не как самоцель, а как слуга заработка. Позднее мы подробно остановимся на этом, а сейчас сделаем еще только несколько [XXVI] выводов.

Насильственное *повышение заработной платы* (не говоря уже о всех прочих трудностях, не говоря уже о том, что такое повышение как аномалию можно было бы сохранять тоже только насильственно) было бы, как это вытекает из вышеизложенного, не более чем *лучшей оплатой раба* и не завоевало бы ни рабочему, ни труду их человеческого назначения и достоинства.

Даже *равенство заработной платы*, как его требует Прудон, имело бы лишь тот результат, что оно превратило бы отношение нынешнего рабочего к его труду в отношение всех людей к труду. В этом случае общество мыслилось бы как абстрактный капиталист.

Заработная плата есть непосредственное следствие отчужденного труда, а отчужденный труд есть непосредственная причина частной собственности. Поэтому с падением одной стороны должна пасть и другая.

2. Из отношения отчужденного труда к частной собственности вытекает далее, что эмансипация общества от частной собствен-

Карл Маркс

ности и т. д., от кабалы выливается в *политическую форму эмансипации рабочих*, причем дело здесь не только в их эмансипации, ибо их эмансипация заключает в себе общечеловеческую эмансипацию; и это потому, что кабала человечества в целом заключается в отношении рабочего к производству и все кабальные отношения суть лишь видоизменения и следствия этого отношения.

Как из понятия *отчужденного труда* мы получили путем анализа понятие *частной собственности*, точно так же можно с помощью этих двух факторов развить все экономические *категории*, причем в каждой из категорий, например торговле (Schacher), конкуренции, капитале, деньгах, мы найдем лишь то или иное *определенное и развернутое выражение* этих первых основ.

Однако, прежде чем рассматривать это становление, мы попытаемся разрешить еще две задачи:

1. Определить всеобщую *сущность частной собственности* как результат отчужденного труда, в ее отношении к *истинно человеческой и социальной собственности*.

2. Мы приняли как факт *отчуждение труда*, и этот факт мы подвергли анализу. Спрашивается теперь: как дошел человек до *отчуждения* своего *труда*? Как обосновано это отчуждение в сущности человеческого развития? Для разрешения этой задачи многое нами уже получено, поскольку вопрос о *происхождении частной собственности* сведен нами к вопросу об отношении *отчужденного труда* к ходу развития человечества. Ведь когда говорят о *частной собственности*, то думают, что имеют дело с некоей вещью вне человека. А когда говорят о труде, то имеют дело непосредственно с самим человеком. Эта новая постановка вопроса уже включает в себя его разрешение.

К пункту 1: всеобщая сущность частной собственности и ее отношение к истинно человеческой собственности.

Отчужденный труд распался у нас на две составные части, которые взаимно обуславливают друг друга или являются лишь различными выражениями одного и того же отношения: *присвоение, освоение* выступают как *отчуждение*, а *отчуждение* выступает как *присвоение*, как подлинное *приобретение прав гражданства*.

Мы рассмотрели одну сторону — *отчужденный труд* в его отношении к самому *рабочему*, то есть *отношение отчужденного труда к самому себе*. В качестве продукта или необходимого результата этого отношения мы нашли *отношение собственности не-рабочего к рабочему и труду*. *Частная собственность*, как материальное, режюмированное выражение отчужденного труда, охватывает оба

Избранные тексты по экономике, истории и социологии

эти отношения: отношение рабочего к труду, к продукту своего труда и к не-рабочему и отношение не-рабочего к рабочему и к продукту его труда.

Мы видели, что для рабочего, который посредством труда *осваивает* природу, это освоение ее оказывается отчуждением, самодеятельность — деятельностью для кого-то другого и как бы деятельностью кого-то другого, жизненный процесс оказывается принесением жизни в жертву, производство предмета — утратой предмета, переходящего к чужой власти, к *чужому* человеку. Теперь рассмотрим отношение этого *чуждого* труду и рабочему человеку к рабочему, труду и предмету труда.

Прежде всего необходимо заметить, что все то, что у рабочего выступает как *деятельность отчуждения*, у не-рабочего выступает как *состояние отчуждения*.

Во-вторых, *реальное, практическое отношение* рабочего в процессе производства и его отношение к продукту (как душевное состояние) у противостоящего ему не-рабочего выступает как *теоретическое отношение*.

[XXVII] В-третьих, не-рабочий делает против рабочего все то, что рабочий делает против самого себя, но этот не-рабочий не делает против самого себя того, что он делает против рабочего.

Рассмотрим подробнее эти три отношения.

К критике политической экономии.

Предисловие (фрагмент)³

В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных, производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышаются юридическая и политическая надстройки и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальные, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производитель-

---

3. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 13. С. 7–8.

Карл Маркс

ные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке.

При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества.

Поэтому человечество ставит себе только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо или по крайней мере находятся в процессе становления. В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества.

Метод политической экономии⁴

Когда мы рассматриваем данную страну в политико-экономическом отношении, то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между городом, деревней и морскими промыслами, между различными отраслями производства, с вывоза и ввоза, годового производства и потребления, товарных цен и т. д.

Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок: например, в политической экономии — с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население — это абстракция, если я оставляю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю основ, на которых они покоятся (например, наемный труд, капитал и т. д.). Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например, ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д. Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы наконец снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями. Первый путь — это тот, по которому политическая экономия исторически следовала в период своего возникновения. Так, экономисты XVII столетия всегда начинают с живого целого (с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д.), но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие (отношения как разделение труда, деньги, стоимость и т. д.). Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, которые восходят от простейшего — как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод есть, очевидно, правильный в на-

---

4. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 12. С. 726–735.

Карл Маркс

учном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и вследствие этого также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления. Гегель поэтому впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного. Простейшая экономическая категория, например меновая стоимость, предполагает население — население, производящее в определенных условиях, — а также определенные формы семьи, общины или государства и т.д. Она не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного живого целого. Напротив, как категория, меновая стоимость ведет допотопное существование. Поэтому для сознания (а философское сознание именно таково), для которого постигающее в понятиях мышление есть действительный человек и поэтому только постигнутый в понятиях мир как таковой есть действительный мир, движение категорий выступает как действительный (хотя, к сожалению, и получающий некоторый толчок извне) акт производства, результатом которого является мир. И это — здесь мы опять имеем тавтологию — постольку правильно, поскольку конкретная целостность в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности действительно есть продукт мышления, понимания. Однако это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятия. Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает мир исключительно ей присущим образом — образом, отличающимся от художественного, религиозного, практически духовного освоения этого мира. Реальный субъект остается, как и прежде, вне головы, существуя как нечто самостоятельное, и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически. Поэтому и при теоретическом методе субъект, общество, должен постоянно витать в нашем представлении как предпосылка.

Избранные тексты по экономике, истории и социологии

Однако не имело ли место также независимое историческое или естественное существование этих простых категорий до существования более конкретных категорий? *Ca depend*. Например, Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношения господства и подчинения, которые суть гораздо более конкретные отношения. Напротив, было бы правильно сказать, что существуют семьи, роды, которые еще только *владеют*, но не имеют *собственности*. Более простая категория выступает, таким образом, как отношение первичных семейных или родовых сообществ к собственности. В более развитом обществе она выступает как более простое отношение развившегося организма. Однако конкретный субстрат, отношение которого есть владение, постоянно предполагается. Можно представить себе единичного дикаря владеющим. Но тогда владение не есть правоотношение. Неверно, будто владение исторически развилось в семью. Наоборот, оно всегда предполагает эту «более конкретную правовую категорию». Но, между тем, здесь имеется та доля истины, что простые категории суть выражения отношений, в которых может реализоваться менее развитая конкретность до установления более многостороннего отношения или связи, идеально выражающейся в более конкретной категории, в то время как более развитая конкретность сохраняет эту же категорию как подчиненное отношение. Деньги могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т.д. С одной стороны, можно, стало быть, сказать, что более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого, то есть отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражена в более конкретной категории. В этом отношении ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу.

С другой стороны, можно сказать, что имеются весьма развитые и все-таки исторически менее зрелые общественные формы, где имеют место высшие экономические формы, например кооперация, развитое разделение труда и т.д., но не существует никаких денег, например, в Перу. Точно так же в славянских общинах деньги и обуславливающий их обмен или совсем не выступают, или играют незначительную роль внутри отдельных общин, но зато выступают на границах последних, в сношениях с другими общинами; вообще ошибочно принимать обмен внутри одной и той же общины за первоначально конституирующий элемент. Напротив, вначале обмен возникает чаще между различными общинами,

Карл Маркс

чем между членами одной и той же общины. Далее: хотя деньги начали играть известную роль очень рано и всесторонне, однако в древности они выступают как господствующий элемент только у односторонне определившихся наций – у торговых наций. И даже в наиболее развитой древности, у греков и римлян, полное развитие денег, которое составляет предпосылку современного буржуазного общества, отмечается только в период разложения. Таким образом, эта совершенно простая категория исторически выступает в своей полной силе только в наиболее развитых состояниях общества. Она отнюдь не проникает во все экономические отношения; например, в Римской империи в период наибольшего ее развития основу составляли натуральные подати и повинности. Денежное хозяйство было там вполне развито, собственно, только в армии, оно никогда не охватывало весь процесс труда в целом.

Итак, хотя более простая категория исторически может существовать раньше более конкретной, но в своем полном интенсивном и экстенсивном развитии она может быть присуща как раз более сложной общественной форме, в то время как более конкретная категория была полнее развита при менее развитой общественной форме.

Труд кажется совершенно простой категорией. Представление о нем в этой всеобщности как о труде вообще является также весьма древним. Однако труд, экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и отношения, которые порождают эту простую абстракцию. Монетарная система, например, определяет богатство еще совершенно объективно – как вещь, существующую в деньгах (*als Sache ausersich im Geld*). По сравнению с этой точкой зрения было большим прогрессом, когда мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд, однако сама эта деятельность все еще понималась ограниченно – как деятельность, производящая деньги. Этой системе противостоит физиократическая система, которая признает в качестве труда, создающего богатства, определенную форму труда – земледельческий труд, а самый объект она видит уже не в денежном облачении, а в продукте вообще, во всеобщем результате труда. Этот продукт, однако, соответственно ограниченному характеру деятельности все еще рассматривается как продукт, определенный природой, как продукт земледелия, продукт земли *par excellence*.

Огромным достижением Адама Смита явилось то, что он отверг всякую определенность деятельности, создающей богатство; у него – просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий труд, а как тот, так и другой. Вместе с абстрактной

Избранные тексты по экономике, истории и социологии

всеобщностью деятельности, создающей богатство, признается также всеобщность предмета, определяемого как богатство; это — продукт вообще или опять-таки труд вообще, но уже как прошлый, овеществленный труд. Как труден и велик был этот переход, видно из того, что Адам Смит сам еще время от времени возвращается к физиократической системе. Могло бы показаться, будто таким путем найдено лишь абстрактное выражение для простейшего и древнейшего отношения, в котором люди, при всякой общественной форме, выступают как производители. Это верно с одной стороны, но неверно — с другой.

Безразличие к определенному виду труда предполагает весьма развитую совокупность действительных видов труда, ни один из которых не является более господствующим. Таким образом, наиболее всеобщие абстракции возникают вообще только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех элементов. Тогда оно перестает быть мыслимым только в особенной форме. С другой стороны, эта абстракция труда вообще есть не только духовный результат конкретной совокупности видов труда. Безразличие к определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивидуумы с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный вид труда является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь — не только в категории, но и в действительности — стал средством создания богатства вообще и утратил свою специфическую связь с определенным индивидуумом.

Такое состояние в наиболее развитом виде имеет место в самой современной из существующих форм буржуазного общества — в Соединенных Штатах. Таким образом, лишь здесь абстракция категории «труд», «труд вообще», труд *sans phrase*, этот исходный пункт современной политической экономии, становится практически истинной. Итак, простейшая абстракция, которую современная политическая экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее отношение, имеющее силу для всех общественных форм, выступает, однако, только в этой абстракции практически истинной, как категория наиболее современного общества. Можно было бы сказать, что то, что в Соединенных Штатах является историческим продуктом (это безразличие к определенному виду труда), у русских, например, есть врожденная склонность. Однако прежде всего существует огромная разница в том, варвары ли могут быть ко всему приспособлены или же цивилизованные люди сами себя ко всему приспособляют. И потом у русских этому безразличию к какому-либо определенному виду труда практически соответствует традиционная прикованность к вполне определен-

Карл Маркс

ной работе, от которой они отрываются только вследствие внешнего воздействия.

Этот пример труда убедительно доказывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их.

Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой еще не преодоленные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д. Однако вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые смазывают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные. Можно понять оброк, десятину и т. д., если известна земельная рента, однако нельзя их отождествлять с последней.

Так как буржуазное общество само есть только антагонистическая форма развития, то отношения предшествующих формаций встречаются в нем часто лишь в совершенно захиревшем или даже шаржированном виде, как, например, общинная собственность. Поэтому, если правильно, что категории буржуазной экономики заключают в себе какую-то истину для всех других общественных форм, то это надо принимать лишь *cum grano salis*. Они могут содержать в себе эти последние в развитом, искаженном, карикатурном и т. д., во всяком случае в существенно измененном виде. Так называемое *историческое развитие* покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике; здесь, конечно, не идет речь о таких исторических периодах, которые сами себе представляются как времена распада. Христианская религия лишь тогда оказалась способной помочь объективному пониманию прежней мифологии, когда ее самокритика была до известной степени готова, так сказать, *душецел*. Так и буржуазная политическая экономия лишь то-

Избранные тексты по экономике, истории и социологии

гда подошла к пониманию феодального, античного и восточного обществ, когда началась самокритика буржуазного общества. Поскольку буржуазная политическая экономия, не впадая в мифологию, не отождествляла себя начисто с прошедшим, ее критика прежнего, именно феодального общества, с которым ей непосредственно приходилось еще бороться, походила на критику, с которой христианство выступало по отношению к язычеству или протестантизм — по отношению к католицизму.

Как вообще во всякой исторической, социальной науке, при развитии экономических категорий нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове дан субъект — в данном случае современное буржуазное общество — и что категории выражают поэтому формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта, и что поэтому оно *также и для науки* возникает отнюдь не только тогда, когда о нем *как таковом* впервые заходит речь. Это соображение следует иметь в виду, потому что оно сразу же дает решающие основания для расчленения предмета. Например, ничто не кажется более естественным, как начать с земельной ренты, с земельной собственности, так как ведь она связана с землей, этим источником всякого производства и всякого бытия, и с земледелием, этой первоначальной формой производства во всех более или менее прочно сложившихся обществах. Однако нет ничего более ошибочного. Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому также определяют место и влияние всех остальных производств. Это — общее освещение, в котором исчезают все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях. Это — особый эфир, который определяет удельный вес всего сущего, что в нем обнаруживается. Например, пастушеские народы (народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством) находятся вне того пункта, откуда начинается действительное развитие. У них спорадически встречается известная форма земледелия. Этим определяется земельная собственность. Она коллективна и сохраняет эту форму в большей или меньшей степени, смотря по тому, в большей или меньшей степени эти народы держатся своих традиций (например, общинная собственность у славян). У народов с оседлым земледелием эта оседлость уже большой прогресс. Где земледелие преобладает, как в античном и феодальном обществах, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени землевладельческий характер; промышленность или целиком зависит от земледелия,

Карл Маркс

как у древних римлян, или, как в Средние века, переносит принципы организации земледелия в города и городские отношения. Даже капитал — поскольку он не есть чисто денежный капитал — в Средние века (в виде традиционных орудий ремесла и т. д.) имеет тот же землевладельческий характер.

В буржуазном обществе дело обстоит наоборот. Земледелие все более и более становится только одной из отраслей промышленности и совершенно подпадает под господство капитала. Точно так же и земельная рента. Во всех формах общества, где господствует земельная собственность, преобладают еще естественные отношения. В тех же, где господствует капитал, преобладают общественные, исторически созданные элементы. Земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты. Капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как исходный, так и конечный пункт, и его следует разобрать раньше земельной собственности. После того как то и другое рассмотрено в отдельности, должно быть рассмотрено их взаимоотношение.

Таким образом, было бы недопустимым и ошибочным брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития. Речь идет не о том положении, которое исторически занимают экономические отношения в различных, следующих одна за другой общественных формах. Еще меньше речь идет об их последовательности «в идее» (Прудон), этом извращенном представлении исторического процесса. Речь идет об их расчленении внутри современного буржуазного общества.

Чистый вид (абстрактная определенность), в котором в древнем мире выступают торговые народы — финикийцы, карфагеняне, — имел место как раз в силу самого преобладания земледельческих народов. Капитал, как торговый или денежный капитал, выступает в такой именно абстракции там, где капитал еще не стал господствующим элементом общества. Ломбардцы и евреи занимали такое же положение по отношению к земледельческим обществам Средневековья.

Другим примером различного положения, которое одни и те же категории занимают на различных ступенях общественного развития, служит следующее: одна из последних форм буржуазного общества, *joint-stock companies*, выступает также и в нача-

Избранные тексты по экономике, истории и социологии

ле последнего в виде больших привилегированных и наделенных монополией торговых компаний.

Само понятие национального богатства проскальзывает у экономистов XVII века в том виде — это представление отчасти сохраняется и у экономистов XVIII века, — что богатство создается только для государства и что мощь последнего зависит от этого богатства. Это была еще та бессознательно-лицемерная форма, в которой само богатство и его производство провозглашались как цель современных государств, а последние рассматривались лишь как средство для производства богатств.

Расчленение предмета, очевидно, должно быть таково:

1. Всеобщие абстрактные определения, которые поэтому более или менее подходят ко всем общественным формам, однако в разъясненном выше смысле.
2. Категории, которые составляют внутреннюю организацию буржуазного общества и на которых покоятся основные классы: капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношения друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный).
3. Концентрированное выражение буржуазного общества в форме государства. Рассмотрение его в отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Государственный кредит. Население. Колонии. Эмиграция.
4. Международные условия производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс.
5. Мировой рынок и кризисы.

Ограниченность теории предельной полезности¹

Торстейн Веблен

ТОРСТЕЙН ВЕБЛЕН (1857–1929) родился в Висконсине и получил докторскую степень в Йеле. Он преподавал в Чикагском университете и нескольких других учебных заведениях. Из-за своей несдержанности и радикальной критики американского общества ему не удалось найти себе постоянное место в университете. Однако Веблен стал знаменит, и ему даже предлагали должность президента Американской экономической ассоциации, от которой он отказался. Веблен был, как видно из публикуемой ниже статьи, непримиримым критиком неоклассической экономической теории. В последние два десятилетия интерес к экономической теории Веблена и работам других экономистов-«институционалистов» существенно вырос.

✶

Характерной особенностью экономической теории предельной полезности является ее очевидная ограниченность. От начала до конца это — теория ценности, а в отношении формы и метода — теория оценивания (valuation). Таким образом, теория предельной полезности является лишь частью общей теории распределения и имеет опосредованное отношение к любым другим экономическим явлениям². Время от времени предпринимаются попытки расширить использование принципа предельной полезности, например применив его к проблемам производства, но они до сих пор не увенчались каким-либо значимым успехом, что неудивительно. В данной связи уместно отметить наиболее оригинальные

---

1. Veblen T. *Limitations of Marginal Utility* // *Journal of Political Economy*. 1909. Vol. 17. Печатается по: Веблен Т. Ограниченность теории предельной полезности // *Вопросы экономики*. 2007. №7. С. 86–98.

Перевод с английского И. А. Болдырева. Переводчик выражает признательность Е. Шилкиной за помощь в работе над текстом и Г. Гловели — за ценные замечания.

2. Термин «распределение» используется в общепринятом значении денежного (ресупиару) распределения, или распределения собственности.

Ограниченность теории предельной полезности

нальную и многообещающую работу г-на Кларка по соотношению постулатов теории распределения с теорией производства. Итогом его исследования стала доктрина производства ценностей. Однако ценность в системе полезности г-на Кларка, как и прежде, целиком и полностью связана с оцениванием, что сводит на нет все усилия и возвращает нас обратно в область распределения. То же самое происходит при попытках использовать принцип предельной полезности в анализе феномена потребления: лучшие из полученных результатов являются лишь формами теории денежного распределения потребительских благ.

В рамках этой ограниченной области теория предельной полезности носит совершенно статический характер. В ней никак не учитывается движение, а рассматривается лишь приспособление ценностей к той или иной ситуации. Опять же, невозможно проиллюстрировать сказанное более убедительно, нежели прибегнув к работам г-на Кларка, которые можно считать непревзойденными в смысле вдумчивости, последовательности и проницательности. Так, несмотря на использование термина «динамический», ни г-н Кларк, ни кто-либо из его коллег, работающих в том же направлении, не внесли ощутимого вклада в теорию генезиса, роста, последовательных изменений, процесса [развития] и тому подобного в экономической жизни. Им было что сказать о том, как экономические изменения (принятые в качестве предпосылок) влияли бы на оценивание и, таким образом, на распределение. Но о причинах изменений или о развертывающейся [во времени] последовательности феноменов экономической жизни им до сих пор сказать было нечего, поскольку их теория построена не в терминах причинно-следственных связей, а в терминах телеологии.

Здесь школа предельной полезности находится в полном согласии с классической экономической теорией XIX в., разница лишь в том, что первая ограничена более узкими рамками и более последовательна в отношении своих телеологических предпосылок. Поскольку обе теории телеологические, ни одна из них не может использовать логику причинно-следственных связей в формулировке своих ключевых пунктов. Ни в первой, ни во второй нет теоретического осмысления экономических изменений, в крайнем случае рассматривается лишь рациональное приспособление к изменениям, которые предположительно уже произошли.

Для современного ученого рост и изменения являются наиболее очевидными и значимыми феноменами из тех, что наблюдаются в экономической жизни. Технологическое развитие последних двух столетий (в частности, распространение промышленных видов искусств) — одно из наиболее важных явлений современной экономической жизни. Но теория предельной полезности таких

Торстейн Веблен

вопросов не касается, да и они никак не касаются теории предельной полезности. Сама эта доктрина и все ее результаты совершенно бесполезны в теоретическом объяснении указанного технологического движения в прошлом или настоящем или хотя бы в качестве средства формальной регистрации такого движения как элемента современной экономической ситуации. То же самое верно и для изменений, которые происходят сейчас в денежных отношениях, хотя все содержание экономической теории предельной полезности относится именно к денежным явлениям. Постулат гедонизма и связанное с ним понятие дифференциальной полезности никогда не служили и не могут служить инструментом исследования сущности феноменов роста. Теория предельной полезности никак не реагирует на изменения деловых привычек и традиций в денежных отношениях людей или на сопутствующие им модификации принципов поведения, которые связаны с изменяющимися условиями деловой жизни.

Для этой школы характерно, что если какой-либо элемент культуры, институт или институциональное явление не соотносится с самой теорией, то такие институциональные феномены принимаются как заданные или отвергаются, либо объясняются поверхностно. Если возникает проблема цен, то предлагается объяснение того, как обмены могут происходить без учета денег и цены. Если это кредит, то эффект расширения кредита на деловую среду остается без внимания, а взаимодействие заемщика и кредитора объясняется через выравнивание потоков их относительных доходов от потребительских благ или ощущений. Полная несостоятельность школы в данном отношении вполне очевидна. И все же этим экономистам не занимать интеллекта и осведомленности. Им обычно и в самом деле доверяют, поскольку считается, что они владеют самой различной информацией и осуществляют точную проверку данных, демонстрируя внимательное и заинтересованное отношение к текущей ситуации. Независимо от своих теоретических деклараций приверженцы этой школы обычно исповедуют наиболее рассудительные и здравые взгляды на текущие практические вопросы, даже когда это касается институционального роста и спада.

Слабость их теоретической схемы заложена в ее постулатах, которые ограничивают исследование обобщениями телеологического или «дедуктивного» порядка. Эти постулаты, наряду с той точкой зрения и логическим методом, которые из них следуют, школа предельной полезности наследует у других экономистов классического направления; ибо школа эта представляет собой лишь разновидность или продолжение классической английской экономической теории XIX в. Существенное различие между принципами

Ограниченность теории предельной полезности

этой школы и большинством экономистов-классиков состоит, прежде всего, в том, что в экономической теории предельной полезности общие постулаты соблюдаются более последовательно, они четче определены, а накладываемые ими ограничения легче осознать. И классическая школа в целом, и ее особый вариант — школа предельной полезности — в частности в качестве общей отправной точки принимают традиционную психологию гедонистов начала XIX в., которая расценивается как нечто само собой разумеющееся, общеизвестное и воспринимается весьма некритически.

Центральным, четко сформулированным догматом, которому привержена эта школа, является догмат гедонистического расчета. Согласно этому догмату и другим психологическим концепциям, связанным и соотносящимся с ним, человеческое поведение понимается и интерпретируется как рациональный ответ на запросы и нужды человека в тех или иных ситуациях. Что же касается экономического поведения, то это — рациональная и беспристрастная реакция на ожидаемые удовольствия и страдания, выступающие как внешние стимулы. (В основном это реакция на предвкушаемые удовольствия, ведь гедонисты XIX в. и те, кто принадлежит к школе предельной полезности, чаще всего исповедуют оптимизм.) Обычный человек считается дальновидным и прозорливым в оценке будущих чувственных выгод и потерь. Таким образом, точность и аккуратность, с которыми осуществляется приспособление величины досадных издержек, связанных со страданиями, к ожидаемым будущим выгодам, а также внимательность и восприимчивость при реакции если и имеют межличностные различия, то незначительные. Никакие другие основания, принципы или направления поведения, отличные от этих рационалистических расчетов, в поле зрения экономических гедонистов не попадают. Подобная теория может учитывать поведение лишь постольку, поскольку оно рационально и поскольку индивид руководствуется преднамеренно сделанным и полностью осмысленным выбором, мудро приспособляясь к требованиям корыстных интересов.

Внешние обстоятельства, конечно, меняются, и потому будет меняться их воздействие на поведение, но только по силе давления со стороны внешних условий, которому подвергается человек. Элементы культуры, включенные в эту теоретическую схему, элементы институциональной природы, человеческие отношения, так или иначе подчиняющиеся традициям и привычкам, не являются предметом изучения, а принимаются в качестве заранее заданных, законченных, типичных форм и, следовательно, в качестве факторов некоторой нормальной и тоже заданной экономической ситуации, в рамках которой и согласно правилам кото-

Торстейн Веблен

рой необходимо развиваются человеческие отношения. Подобная предметная конструкция содержит несколько объемных и простых институциональных феноменов (наряду с логическими выводами из их анализа), но в ней нет никаких последствий или эффектов, порожденных этими институциональными элементами. В качестве неких неизменных условий экономической жизни постулируются собственность и свободный контракт, а также другие (связанные с ними) характеристики естественного права. Из теоретических соображений предполагается, что эти продукты культуры априори имеют абсолютную силу. Они суть часть природы вещей. Поэтому нет необходимости объяснять или исследовать их, пытаясь понять, как они стали такими, каковы они сейчас, как и почему они изменились и продолжают меняться или какое воздействие это может оказать на взаимоотношения людей, существующих в данном культурном контексте.

Очевидно, именно неявное (поскольку не критичное и воспринимаемое как само собой разумеющееся) принятие гедонистической экономической теорией указанных непреложных предпосылок довольно отчетливо характеризует эту науку и противопоставляет ее другим наукам, в которых принимаются предпосылки иного порядка. Как уже было отмечено, характерными предпосылками в гедонистической экономической теории являются, во-первых, наличие института естественного права собственности³, во-вторых, гедонистический расчет. Особый характер данной теоретической системы, возникающий в силу принятия этих постулатов и вытекающих из них выводов, можно кратко описать так: теория ограничена принципом достаточного основания, вместо того чтобы развиваться исходя из принципа действующей причины³. В современной науке в целом (кроме математики) имеет место обратное, особенно в тех областях, где ученым приходится иметь дело с феноменами жизни и роста. Разница, возможно, кажется тривиальной. Она имеет значение, только если мы будем судить о последствиях. Два типа рассуждений – исходящие из принципов достаточного основания и действующей причины – друг с другом никак не соприкасаются и друг в друга не переходят; не существует и никаких методов преобразования процедур и результатов одних рассуждений в другие. Непосредственным следствием этого является тот факт, что экономическая теория приобретает телеологический характер – «дедуктивный» или «априорный», как его обычно называют, а не излагается с точки зрения причины

---

3. Имеется в виду движущая причина, причина движения по Аристотелю. — *Примеч. пер.*

Ограниченность теории предельной полезности

и следствия. Отношения между исследуемыми фактами, которые изучаются в этой теории, связаны с контролем, осуществляемым будущими (предсказанными) явлениями над сегодняшним поведением. Текущие явления рассматриваются как обусловленные будущими последствиями; в строгой теории предельной полезности с ними имеют дело только в той мере, в какой они контролируют настоящее ввиду будущего. Такое (логическое) отношение контроля или управления между будущим и настоящим, конечно, предполагает наличие рационального агента, чей особый дар разборчивой предусмотрительности (*discriminating forethought*) позволяет, предсказывая будущее, влиять на текущий ход событий. И если мы отказываемся от предопределенности свыше, то отношение достаточного основания «работает» через предвзятое и корыстное предвидение агента, который руководствуется взглядами на будущее в своей текущей деятельности. Отношение достаточного основания действует только по направлению от предсказанного будущего к настоящему и значимо лишь как интеллектуальный, субъективный, личный, телеологический феномен. Между тем отношение причины и следствия действует только в противоположном направлении и значимо лишь как объективный, безличный материалистический феномен. Современная система знания в целом опирается на отношение причины и следствия. Отношение же достаточного основания принимается в анализе только условно и лишь в качестве некоего приближенного фактора, всегда с недвусмысленной оговоркой, что этот анализ должен в конечном счете формулироваться в терминах причины и следствия⁴.

Отношение достаточного основания — весьма существенный элемент человеческого поведения. Именно разборчивая предусмотрительность отличает деятельность человека от действий животного. И поскольку предметом исследования экономистов как раз и является человеческое поведение, отношению достаточного основания неизменно уделяется большое внимание в любом теоретическом описании экономических явлений, независимо от того, гедонистическое оно или нет. В современной науке причинно-следственные связи целиком положены в основу теоретического исследования. В науках, в которых изучается человеческая жизнь, отношение достаточного основания присутствует в качестве условной, дополнительной или промежуточной посылки, вспомогательной и второстепенной по отношению к рассуждению в терминах причин и следствий. Но экономистам не повезло, потому

---

4. Достоинства этого научного предубеждения (*animus*), конечно же, не связаны с настоящими рассуждениями.

Торстейн Веблен

что они позволили первому вытеснить второе. Конечно, человеческое поведение действительно отличается от других явлений природы, ведь человек способен мыслить, и любая наука, которой приходится иметь дело с человеческим поведением, должна столкнуться с тем очевидным фактом, что компоненты такого поведения приобретают телеологическую форму. Вместе с тем особенностью гедонистической экономической теории в силу ее постулатов является сосредоточенность только на телеологических аспектах поведения. Она имеет дело с поведением лишь постольку, поскольку его можно конструировать в рационалистических и телеологических терминах расчета и выбора. Однако не менее истинно то, что человеческое поведение (экономическое или какое-либо иное) подчиняется последовательности причин и следствий, например в ходе формирования привычки (*habituation*) и в силу общепринятых требований. Впрочем, факты такого порядка (которые для современной науки важнее, чем телеологические элементы поведения) с необходимостью лежат за пределами внимания представителей гедонистической экономической теории, так как их нельзя ни реконструировать на основе принципа достаточного основания, как того требуют постулаты этой теории, ни вписать в прокрустово ложе телеологических доктрин.

Не следует опровергать предпосылки теории предельной полезности в рамках ее предметной области. Они привлекательны для серьезных, но принимающих многое на веру людей. Эти предпосылки в качестве принципов действия положены в основу современного «делового» (*business-like*) устройства экономической жизни, и как таковые, в качестве практических ориентиров поведения, они не подлежат критике, если не подвергаются сомнению существующие закон и порядок. Само собой разумеется, что люди упорядочивают свою жизнь согласно этим принципам и на практике не поднимают вопрос об их стабильности и неизменности. Именно это имеется в виду, когда мы говорим об институтах; они представляют собой устоявшиеся стереотипы мышления, преобладающие среди большинства людей. Но было бы просто неосмотрительно со стороны любого, кто изучает феномен цивилизации, признать, что вмняемая человеческим институтам стабильность неотъемлемо присуща природе вещей. Принятие экономистами тех или иных институциональных элементов как заданных и непреложных накладывает определенные ограничения на их исследование. Причем оно заканчивается именно в тот момент, с которого начинаются современная наука и ее интересы. Институты, о которых шла речь, без сомнения, годятся для целей этих экономистов в качестве констант, но в таком качестве они не могут служить предпосылками научного исследования природы, источ-

Ограниченность теории предельной полезности

ников и роста этих институтов, а также тех мутаций (mutations), которым они подвержены и которые возникают благодаря им в общественном жизнеустройстве.

Для любого современного ученого цепочка причин и следствий в развитии человеческой культуры, равно как и кумулятивные изменения самого человеческого поведения, вызванные привычной деятельностью людей, представляют собой вопросы более захватывающие и становящиеся предметом более устойчивого интереса, чем метод логического рассуждения, согласно которому индивид всегда поддерживает баланс между удовольствиями и страданиями при данных условиях, которые, в свою очередь, предполагаются нормальными и неизменными. Первые вопросы — это вопросы жизненной истории расы или сообщества, вопросы культурного роста и судеб поколений, в то время как последний касается индивидуальной казуистики в рамках данной ситуации, которая может возникнуть в процессе этого культурного роста. Первые имеют отношение к непрерывности и мутациям той схемы поведения, посредством которой человечество относится к материальным условиям своей жизни; последний, тем более если его рассматривать в гедонистических терминах, касается одного обособленного эпизода чувственного опыта индивида, который является членом такого сообщества.

Поскольку современная наука исследует явления жизни (неодушевленную природу, поведение животных или человека), она занимается вопросами генезиса и кумулятивных изменений и сводится к теоретическому построению истории жизни, изложенной в терминах причин и следствий. Любая современная наука, которой приходится иметь дело с человеческим поведением (в том числе и экономическая теория), становится генетическим исследованием человеческого жизнеустройства (human scheme of life), а там, где предметом исследования является отношение человека к материальным средствам жизни, наука неизбежно превращается в изучение истории жизни материальной цивилизации, в несколько ограниченной или расширенной перспективе. Нельзя сказать, что исследования экономистов отделяют материальную цивилизацию от всех других этапов и аспектов роста человеческой культуры и изучают поведение абстрактного «экономического человека». Наоборот, ни одно теоретическое исследование материальной цивилизации в ее каузальных, другими словами, генетических отношениях к другим этапам развития и аспектам системы культуры немислимо без изучения того, как на эту цивилизацию влияют другие особенности культурного роста и как она сама на них воздействует. Однако поскольку такое исследование является экономической наукой, внимание будет сосредоточено, прежде всего,

Торстейн Веблен

на устроении материальной жизни, а другие стороны цивилизационного роста будут рассматриваться только в их соотношении с системой материальной цивилизации.

Как и вся человеческая культура, материальная цивилизация представляет собой систему институтов — институциональную структуру (*fabric*) и институциональный рост (*growth*). Но институты суть результат привычки. Развитие культуры — это кумулятивная последовательность формирования привычек. Привычные реакции человеческой природы меняются быстро и кумулятивно, но при этом в некоторой устойчивой последовательности. Быстро — потому что каждый новый шаг создает новую ситуацию, которая обуславливает дальнейшее изменение в привычных формах ответных реакций. Кумулятивно — потому что каждая новая ситуация представляет собой изменение того, что было до нее, и воплощает в качестве причинных факторов все, что было результатом предшествующего развития. В устойчивой последовательности — потому что основные черты человеческой природы (предрасположенность, склонности и т. д.), благодаря которым возникают ответная реакция и привыкание, остаются, в сущности, неизменными.

Очевидно, экономическое исследование (например, современная гедонистическая экономическая теория), всецело посвященное движениям изначальной (*elemental*) устойчивой человеческой природы в рамках заданных, стабильных институциональных условий, может достичь лишь статических результатов⁵. Более того, адекватную теорию экономического поведения, даже предназначенную для получения статических выводов, нельзя построить просто с точки зрения индивида (как это происходит в экономической теории предельной полезности), потому что ее нельзя построить исходя только из основополагающих черт человеческой природы, ведь реакции, из которых состоит человеческое поведение, происходят в соответствии с институциональными нормами и со стимулами, имеющими институциональный смысл. Помимо прочего, ситуация, которая провоцирует действие или препятствует ему, сама так или иначе имеет институциональное, культурное происхождение. Далее, явления человеческой жизни существуют только как явления жизни группы или сообщества, только благодаря стимулирующим воздействиям, происходящим в ходе контакта с группой, и контролю (связанному с привычкой) канон поведения, диктуемых системой жизни группы. Помимо того,

---

5. В нем абстрагируются от тех элементов, которые никак не связаны с этими результатами.

Ограниченность теории предельной полезности

что поведение индивида ограничивается и управляется его привычными отношениями к товарищам по группе, сами эти отношения, носящие институциональный характер, варьируют в зависимости от степени изменения институциональной системы. Потребности и желания, цели и задачи, пути и средства, масштаб и смысл поведения индивида суть функции институциональной переменной, то есть чрезвычайно сложны и весьма нестабильны.

Рост и мутации институциональной структуры являются результатом поведения индивидуальных членов группы, поскольку институты зарождаются именно из опыта индивидов, через выработку привычки; и именно в этом опыте институты напрямую воздействуют на поведение, определяя его цели и задачи. Разумеется, именно индивидам система институтов навязывает свои общепринятые стандарты, идеалы и каноны поведения, составляющие основу жизни сообщества. Следовательно, научное исследование в этой области должно формулировать свои предпосылки и результаты в терминах индивидуального поведения. Но такое исследование может проводиться в рамках генетической теории лишь постольку, поскольку данное поведение анализируется с учетом формирования привычек, а значит, с учетом изменений (или стабильности) институциональной структуры, с одной стороны, и, с другой стороны, с учетом тех ситуаций, в которых общепринятые институциональные представления и идеалы благоприятствуют этому поведению. Постулаты [теории] предельной полезности и в целом гедонистические предрассудки терпят неудачу именно потому, что ограничивают свое внимание лишь теми аспектами экономического поведения, которые считаются не зависимыми от привычных стандартов и идеалов и не оказывающими никакого влияния на формирование привычки. Они не рассматривают или просто абстрагируются от причинных зависимостей в экономической жизни, связанных с предрасположенностями и привычками, и исключают из теоретического рассмотрения любой интерес к фактам культурного роста, чтобы сосредоточить внимание на тех аспектах, которые в наших глазах несущественны. Все институциональные факторы и феномены институционального роста игнорируются как не относящиеся к чистой теории; они должны учитываться (если вообще учитываются) задним числом в несколько туманном общем допущении незначительных нарушений, возникающих из-за случайных человеческих слабостей. Надо признать, что определенные институциональные явления, как было отмечено выше, в предпосылках гедонистов учитываются. Но они включаются туда как априорные постулаты. Так, институт собственности вовлекается в исследование не как фактор роста или элемент, подверженный изменениям, но как один из первич-

Торстейн Веблен

ных и непреложных фактов, составляющих порядок вещей, который кладется в основу гедонистических расчетов. Имущество, собственность становятся исходными положениями гедонистического анализа, но их масштаб и значимость предполагаются заданными в тех законченных формах, которые сложились в XIX в. Речь не идет ни о каком-либо возможном развитии этого ключевого института XIX в. исходя из его прошлых, менее развитых форм, ни о каком-либо мыслимом кумулятивном изменении масштаба и значимости собственности в настоящем или будущем. Между тем присутствие институциональных элементов в экономических отношениях людей так или иначе воздействует на гедонистические расчеты и искажает их, а модификации денежных представлений и стандартов по-новому упорядочивают действия экономических агентов, представляют их в ином свете или вообще отвлекают расчетливого гедониста от прямого и беспрепятственного преследования чистых чувственных выгод. И хотя институт собственности включен в постулаты теории предельной полезности, и даже предполагается, что он присутствует в каждой экономической ситуации, но тем не менее считается, что он не должен оказывать никакого воздействия на экономическое поведение, которое неизменно ориентировано на достижение гедонистической цели, как будто бы на этапе между импульсом, побуждающим к действию, и его реализацией данный институциональный фактор не имеет никакого значения. Считается, что институт собственности, а также целый ряд денежных представлений и стереотипов, которые подпадают под определение этого института или концентрируются вокруг него, не порождают никаких привычных или общепринятых канонов поведения или стандартов оценки, не формируют никаких ближайших целей, идеалов или устремлений. Все денежные понятия, возникающие из прав собственности, трактуются просто как инструменты вычисления, которые служат в качестве посредников между страданиями-затратами и удовольствиями-выгодами в рамках гедонистического выбора, осуществляемого без лагов, трудностей или трений; они просто считаются полностью и непреложно истинной, Богом данной нотацией для гедонистических расчетов.

Современная экономическая ситуация представляет собой деловую ситуацию (*business situation*), в которой экономическая деятельность любого типа обычно обусловлена коммерческими соображениями. Потребности современной жизни – это чаще всего денежные потребности. Другими словами, это потребности в правах собственности. Производственная эффективность и получаемые после распределения выгоды устанавливаются в терминах цены. Коммерческие соображения суть соображения относитель-

Ограниченность теории предельной полезности

но цены, а денежные потребности какого бы то ни было типа в современных сообществах — это потребности, оформленные в цене. Текущая экономическая ситуация представляет собой систему цен. Экономические институты в современном цивилизационном жизнеустройстве являются (господствующими) институтами системы цен. Учет, которому подлежат все явления современной экономической жизни, — это учет в терминах цен; и в соответствии с текущими требованиями не существует никакой другой общепризнанной системы бухгалтерского учета, никакой иной системы оценок ни де-юре, ни де-факто, которой подчинялись бы явления современной жизни. В самом деле, эта привычка (институт) денежного учета обладает таким огромным и всеобъемлющим влиянием, что он распространяется (часто как само собой разумеющееся) на многие явления, которые на самом деле с денежными сторонами жизни не связаны и денежного значения не имеют, например произведения искусства, наука, образование и религия. В большей или меньшей степени, с большими или меньшими ограничениями ценовая система воздействует на здравый смысл современного человека, когда последний подвергает оценке неденежные формы современной культуры. И это происходит несмотря на то, что, поразмыслив, все нормальные люди легко признают, что такие вопросы находятся вне компетенции денежной оценки.

Отчасти денежные соображения, как известно, влияют на современный вкус, на общепринятое восприятие добродетелей и недостатков. Все знают⁶, что денежные («коммерческие») критерии и стандарты обычно используются и за пределами коммерческих интересов в собственном смысле слова. Общепризнано (даже гедонистическими экономистами), что драгоценные камни ценятся тем дороже, чем реже они встречаются. Состоятельному человеку оказывается больше уважения, и он имеет лучшую репутацию, чем бедный человек с таким же складом ума и тела, совершивший столько же добрых и злых поступков. Вполне возможно, что современная «коммерциализация» вкуса и суждений преувеличена поверхностными и поспешными критиками современной жизни, но невозможно отрицать, что хотя бы толика истины в таких утверждениях есть. Содержательность их растет по мере того, как в других областях знаний появляются теории, возникшие благодаря изучению и анализу денежных отношений. Эти «коммерческие» представления о достоинствах и недостатках выводятся из делового опыта. Денежные критерии и стандарты, применяемые вне сферы коммерческих сделок и отношений, несводимы к чувствен-

---

6. Этого нельзя отрицать, для этого и не придумаешь поверхностное объяснение.

Торстейн Веблен

ным понятиям удовольствий и страданий. Конечно, может статься, что, например, размышление о денежном превосходстве состоятельного соседа порождает в качестве непосредственного результата, скорее, ощущение страдания, нежели наслаждения (таково и общепринятое мнение на сей счет); но столь же верно и то, что к такому состоятельному соседу в целом относятся с большим почтением, ему уделяют больше внимания, чем другому, который отличается от первого только менее завидным состоянием.

Именно институт собственности порождает эти укорененные в привычке основы дискриминации, и ныне, когда богатство исчисляется в деньгах, эти критерии и стандарты денежного превосходства применяются с использованием денежной ценности. С этим следует считаться. Денежные институты порождают денежные стереотипы мышления, которые модифицируют оценки в сферах, лежащих за пределами денежных отношений, и потому приводят к дискриминации личности. Но в гедонистической трактовке подобные денежные стереотипы не влияют на дискриминацию людей даже в рамках денежных отношений. Хотя институциональное устройство системы цен явно оказывает доминирующее воздействие на образ мышления в современном обществе (если касаться вопросов, лежащих вне сферы экономических интересов), гедонистические экономисты, в сущности, настаивают на обратном. По их мнению, институциональное устройство следует рассматривать так, как если бы оно не оказывало никакого воздействия на ту сферу деятельности, становление, рост и устойчивость которой осуществляются благодаря указанному устройству. Деловые феномены, которые прежде всего и повсюду представляют собой феномены цен, в структуре гедонистической теории сводятся к неденежным гедонистическим понятиям, а теоретическое рассмотрение ведется так, будто денежные представления не имеют никакой силы внутри области, откуда они ведут свое происхождение. Общеизвестно, что чрезмерная увлеченность коммерческими интересами «коммерциализировала» остальную часть жизни, но «коммерциализация» самой коммерции в расчет не берется. Деловые операции и расчеты в денежных терминах, таких как займы, скидки и капитализация, без всяких колебаний или уступок переводятся в термины гедонистической полезности и наоборот.

Возможно, не стоит возражать против такого превращения денежных понятий в термины чувственной полезности, если оно осуществляется в теоретических целях, как это обычно и делается. Однако при необходимости не составило бы особого труда показать, что общие гедонистические основания такого преобразования с психологической точки зрения являются заблуждением. Но возражать следует, прежде всего, против более отдаленных

Ограниченность теории предельной полезности

последствий данного преобразования. Совершая его, ученые абстрагируются от всего, что не вписывается в их терминологию. Это означает, что они абстрагируются именно от тех элементов коммерческой деятельности, которые имеют институциональное значение и которые, следовательно, вписались бы в научное исследование современного типа — иными словами, от тех институциональных элементов, анализ которых способствовал бы пониманию современного делового мира и жизни современного делового сообщества. Такое исследование отличается от пресловутого исчисления удовольствий, которое якобы лежит в основе поведения.

Пожалуй, этот аспект можно пояснить. Деньги и привычка прибегать к их использованию представляются просто способами и средствами, благодаря которым приобретаются потребительские блага, и, таким образом, это просто удобный механизм получения приятных ощущений от потребления. Эти ощущения в гедонистической теории и являются единственной и неприкрытой целью всех экономических усилий. Следовательно, денежные ценности имеют только одно значение: они суть покупательная способность, относящаяся к потребительским благам, деньги же являются лишь инструментом при расчетах. Инвестиции, предоставление кредита, займы всех видов и уровней (с выплатой процентов и без них) равным образом воспринимаются просто как промежуточные этапы на пути от усилий, предпринимаемых в ожидании приятных ощущений от потребления, к самим этим ощущениям. Другие аспекты в данном случае не рассматриваются. При сохранении баланса в терминах гедонистического потребления никакого нарушения в этом денежном движении не возникает до тех пор, пока крайние члены этого обобщенного гедонистического уравнения: страдания-затраты и удовольствия-выгоды — не меняются; а то, что находится между этими крайними членами, является лишь системой алгебраических обозначений, нотацией, используемой для удобства учета.

Но в современном деловом мире все обстоит иначе. Например, изменения в капитализации трудно соотнести с эквивалентными изменениями в области промышленных искусств или потребительских ощущений. Расширение кредита обычно влечет за собой кредитную инфляцию, рост цен, заговаривание рынков и т. д., и здесь также не прослеживается явная корреляция с изменениями в областях промышленных искусств или удовольствий от потребления. Иными словами, все это происходит без явной связи с теми материальными явлениями, к которым гедонистическая теория сводит все экономические феномены. Следовательно, реальное положение дел в теоретических построениях, по-видимому,

Торстейн Веблен

не учитывается. Предполагаемая гедонистами конечная покупка потребительских товаров в работе делового предприятия обычно в расчет не принимается. Коммерсанты, как правило, стремятся накопить богатство, которое превысило бы границы реального потребления, и накопленное богатство не планируют посредством конечной торговой сделки превращать в потребительские блага или в чувственные удовольствия от потребления.

Подобные общеизвестные факты вкупе с бесконечной паутиной различных деталей деловой жизни, имеющих точно такой же денежный характер, в рамках гедонистической теории почему-то не порождают вопросов о том, как эти общепринятые цели, идеалы, устремления и стандарты приобрели значимость или как они влияют на устройство деловой жизни или жизни за пределами делового мира. Эти вопросы не возникают, потому что ответить на них в терминах, которыми довольствуются гедонистические экономисты (или скорее которыми они могут пользоваться в рамках своих предпосылок), невозможно. Возникает лишь вопрос, как придумать поверхностное объяснение этим фактам, как теоретически нейтрализовать их, чтобы они не появились в теории, которую необходимо построить с использованием четких и однозначных понятий рационального гедонистического расчета. Такое поверхностное объяснение связывает эти факты с заблуждениями, возникшими из-за оплошности или провала в памяти со стороны деловых людей, из-за недостатка логики или интуиции. В других случаях они объясняются и истолковываются в рационалистических терминах гедонистических расчетов, и здесь приходится прибегать к двусмысленному использованию гедонистических понятий. Вся «денежная экономика», со всей своей грандиозной системой кредита и прочим исчезает в сети метафор, чтобы затем вновь появиться теоретически урезанной, стерилизованной и упрощенной в «чистой системе натурального обмена», венцом которой оказывается чистый совокупный максимум приятных ощущений от потребления.

Но, во-первых, деловая жизнь сплетена как раз из этого не гедонистического, нерационального денежного движения. Во-вторых, именно этот особый консерватизм в целях и стандартах [поведения] отличает жизнь современного делового сообщества от любого мыслимого прежнего или менее развитого этапа эволюции экономической жизни. В-третьих, именно в этой сети денежных взаимодействий и денежных представлений, идеалов, инструментов и устремлений возникают формы деловой жизни, направляя путь свой к процветанию и разорению. Так вот, поскольку именно здесь происходят те институциональные изменения, которые отделяют одну фазу или эру жизни делового сообщества от любой

Ограниченность теории предельной полезности

другой, а рост и изменение этих привычных, общепринятых элементов обуславливают развитие и характер любой экономической эпохи и любого делового сообщества, то любая теория деловой жизни, не учитывающая этих элементов или дающая им поверхностное объяснение, упускает главные факты, которые она призвана обнаружить. Жизнь, ее обстоятельства и институты имеют именно такое строение, как бы ни преуменьшали значения этого положения вещей. Поэтому теоретический анализ явлений подобной жизни должен строиться согласно тем понятиям, в рамках которых происходят эти явления. Дело не просто в том, что гедонистическая интерпретация современных экономических явлений неадекватна или вводит в заблуждение. (Например, если эти феномены подлежат гедонистической интерпретации в теоретическом анализе, они исчезнут из теории. И если они фактически подвергаются интерпретации, то фактически они и исчезают.) Но если бы все общепринятые отношения и принципы денежного взаимодействия были бы и в самом деле подвергнуты такому непрестанно улучшаемому математическому пересмотру, так чтобы каждый элемент практики, оценки или методики должен был бы снова и снова оправдывать себя на гедонистических началах с точки зрения осязаемой выгоды для всех заинтересованных сторон на каждом шаге, то вряд ли современная институциональная структура продержалась хотя бы день.

Часть II
*Позитивистские
и попперианские
взгляды*

Развитие логического позитивизма и взглядов Карла Поппера (см. введение к настоящей антологии) оказало значительное влияние на методологию экономической науки. Экономисты, вроде Теренса Хатчинсона и Пола Самуэльсона, отмечали, что большая часть экономической теории, похоже, не отвечала стандартам оценки теорий, заданным логическими позитивистами или Поппером, и в 1930–1940-х годах предлагались наивные проверки фундаментальных принципов теории фирмы, которые опровергали их. Ответ на этот вызов был предложен прежде всего Милтоном Фридманом, переиздаваемая здесь статья которого стала наиболее влиятельной методологической работой современности. Она подверглась серьезной критике, причем публикуемые здесь краткие комментарии Герберта Саймона и Дэниела Хаусмана представляют лишь незначительную часть обширного корпуса критической литературы.

Хотя работы Имре Лакатоса по философии науки датируются намного более поздним временем и обнаруживают влияние взглядов Томаса Куна, взгляды самого Лакатоса на оценку теорий были тесно связаны со взглядами Поппера, и обе эти фигуры оказали большое влияние на экономических методологов в 1970–1980-х годах. Последняя статья настоящего раздела, написанная Д. Уэйдом Хэндсом, предлагает краткое изложение проблем, возникающих при приложении взглядов Карла Поппера и Имре Лакатоса к экономической науке.

7

Методология позитивной экономической науки¹

Милтон Фридман

Милтон Фридман (1912–2006) родился в Бруклине, Нью-Йорк, и получил докторскую степень по экономике в Колумбийском университете. Он преподавал в Университете Миннесоты, а затем на протяжении долгого времени в Университете Чикаго. С 1977 года был старшим научным сотрудником Института им. Гувера в Стэнфорде, Калифорния. Фридман наиболее известен своими работами по монетарной теории и решимостью, с которой он отстаивал свободу предпринимательства и личную свободу. В 1976 году он получил Нобелевскую премию по экономике. Публикуемая ниже статья является одной из наиболее важных работ по методологии экономики XX века.

Л

В своей замечательной книге «Предмет и метод политической экономии» Джон Невилл Кейнс проводит различие между следующими понятиями: «*позитивная наука...* — совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что есть; *нормативная или регулятивная наука...* — совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что должно быть...; *искусство...* — система правил для достижения данной цели». Он отмечает, что «очень часто их смешивают, и это было источником многих вредных ошибок»,

-
1. Milton Friedman. *Essays in Positive Economics*. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 3–43.

Я включил в данную статью целиком без специальных ссылок большую часть моего краткого «Комментария» (Friedman, 1952). Я в долгу перед Дороти С. Брейди, Артуром Ф. Бернсом и Джорджем Дж. Стиглером за полезные советы и критику.

Печатается по изданию: Фридман М. Методология позитивной экономической науки // *THESIS*. 1994. Вып. 4. С. 20–52.

Перевод с английского М. А. Шерстнева.

Милтон Фридман

и настаивает на необходимости «признать особую позитивную науку политической экономии» (Кейнс, 1899 [1891], с. 27–28, 36).

В данной статье речь пойдет преимущественно о конкретных методологических проблемах, возникающих при разработке «особой позитивной науки», к которой призывал Кейнс, – в особенности о том, как решить, следует ли принять предложенную гипотезу или теорию как часть «систематизированного знания о том, что есть». Но путаница, на которую сетовал Кейнс, все еще широко распространена и препятствует признанию того, что экономическая наука может быть, и частично является, позитивной наукой. Поэтому мне кажется уместным предварить основную часть этой статьи несколькими замечаниями об отношении позитивной и нормативной экономической науки.

I. Соотношение между позитивной и нормативной экономической наукой

Путаница между позитивной и нормативной экономической наукой является до некоторой степени неизбежной. Почти каждый человек считает предмет экономической науки жизненно важным для себя и находящимся в пределах своего опыта и понимания; экономические проблемы являются предметом непрерывных и обширных дискуссий и сферой законодательного регулирования. Самозванные «эксперты» высказывают разные мнения и вряд ли могут считаться незаинтересованными; в любом случае по вопросам, имеющим столь важное значение, едва ли можно принять «экспертное» заключение на веру, даже если предположить, что «эксперты» будут почти единодушны и совершенно беспристрастны². Выводы позитивной экономической науки, как пред-

-
2. Общественные науки или экономическая теория ни в коей мере не являются исключительными в этом отношении – об этом свидетельствует важность личных убеждений и «домашних» средств в медицине в тех случаях, когда недостает очевидных убедительных симптомов для постановки диагноза «экспертами». Авторитет и признание взглядов ученых-физиков в областях их специализации – а также, к сожалению, и в других областях – проистекают не столько из доверия, сколько из фактов, точных предсказаний и успешного применения полученных ими результатов. В период, когда экономическая наука, по общему мнению, подтверждала таким образом свою ценность, а именно в Великобритании в первой половине XIX века, престиж «научной экономической теории» мог соперничать с нынешним престижем физических наук.

Методология позитивной экономической науки

ставляется (и это представление вполне обоснованно), имеют непосредственное отношение к важным нормативным проблемам, то есть к вопросам о том, что должно быть сделано и каким способом можно достичь любой поставленной цели. Непрофессионалы и эксперты в разной степени испытывают искушение делать те позитивные выводы, которые соответствуют их нормативным предвзятым убеждениям. В то же время они отвергают позитивные выводы, если действительная или мнимая нормативная подоплека последних для них неприятна.

Позитивная экономическая наука принципиально независима от какой-либо этической позиции или нормативных суждений. Как говорит Кейнс, она занимается тем, «что есть», а не тем, «что должно быть». Ее задачей является создание системы обобщений, которые можно использовать для корректных предсказаний тех следствий, к которым приведет любое изменение обстоятельств. О ее качестве следует судить по точности, широте охвата и согласованности с реальностью тех предсказаний, которые она дает. Коротче говоря, позитивная экономическая наука является или может являться «объективной» наукой точно в том же смысле, как и любая из физических наук. Конечно, тот факт, что экономическая наука имеет дело с взаимоотношениями между людьми, а исследователь сам является частью исследуемого объекта в гораздо большей степени, чем в физических науках, создает особые трудности в достижении объективности. В то же время это дает исследователю социальных явлений класс данных, который недоступен исследователю физических явлений. Но ни то ни другое не служит, на мой взгляд, фундаментальным различием между двумя группами наук³.

Вместе с тем нормативная экономическая наука и экономическое искусство не могут быть независимыми от позитивной экономической науки. Любой политический вывод с необходимостью основывается на предсказании следствий того или иного образа действий, предсказании, которое должно опираться – явно или неявно – на позитивную теорию. Разумеется, между политическими выводами и выводами позитивной экономической науки нет одно-

---

3. Взаимодействие между наблюдателем и наблюдаемым процессом, которое является столь заметной чертой общественных наук, имеет очевидные параллели в физических науках. Кроме того, у него есть и более отдаленный аналог в виде принципа неопределенности, возникающего из взаимодействия между процессом измерения и измеряемыми явлениями. Наконец, оба варианта переключаются с чистой логикой теоремы Геделя, утверждающей невозможность исчерпывающей замкнутой логики. Остается открытым вопрос о том, не могут ли эти три подхода рассматриваться как три различные формулировки еще более общего принципа.

Милтон Фридман

значного соответствия; если бы такое соответствие было, то не существовало бы нужды в отдельной нормативной науке. Два индивида могут быть согласны относительно последствий принятия некоторого закона. Но один может считать их в целом желательными и поэтому поддерживать закон, другой же может считать их нежелательными и противиться принятию закона.

Я осмелюсь, однако, утверждать, что в настоящее время в западном мире, и особенно в Соединенных Штатах, расхождения относительно экономической политики среди незаинтересованных граждан происходят скорее из различия предсказаний об экономических последствиях некоторого действия – и поэтому различия могут быть устранены прогрессом позитивной экономической науки, – нежели из фундаментальных непримиримых различий в основополагающих ценностях. Очевидным и немаловажным примером является законодательство о минимальной заработной плате. За путаными аргументами за и против такого законодательства скрывается общая убежденность в том, что его целью является достижение «прожиточного минимума» для всех, если пользоваться двусмысленным выражением, обычно встречающимся в подобных дискуссиях. Различие во мнениях в значительной степени основывается на скрытом или явном различии в предсказаниях о действенности данных конкретных средств достижения желаемой цели. Сторонники этой меры убеждены (предсказывают), что закрепленные законом уровни минимальной оплаты труда уменьшают бедность путем увеличения заработков как тех, кто имеет оплату ниже минимума, так и некоторых из тех, кто имеет заработок выше этого уровня, без одновременного увеличения числа полностью безработных или занятых на менее выгодных условиях, чем при отсутствии минимального уровня зарплаты. Противники убеждены (предсказывают), что законодательный минимум заработной платы увеличивает бедность, вызывая рост числа людей, которые становятся безработными или находят работу на менее выгодных условиях, и что это значительно превосходит любое положительное воздействие на заработки тех, кто сохраняет свои рабочие места. Достижение согласия относительно экономических последствий этого законодательства не обязательно привело бы к полному согласию по поводу желательности его принятия, поскольку расхождения относительно его политических и социальных последствий могли бы сохраняться. Однако при имеющемся согласии относительно целей оно определенно было бы крупным шагом к достижению консенсуса.

Расхождения в позитивном анализе лежат также в основе различий во взглядах на роль и место профсоюзов, желательность прямого контроля над ценами и зарплатой и введение таможенных тарифов. Различные предсказания о важности так называемой *эко-*

Методология позитивной экономической науки

номии на масштабах производства в значительной степени объясняют разные взгляды на желательность и необходимость прямого государственного регулирования отрасли или даже введения социализма вместо частного предпринимательства. И этот перечень может быть продолжен до бесконечности⁴. Разумеется, мое утверждение, что основные разногласия в сфере экономической политики в западном мире имеют именно такой характер, само является «позитивным», то есть должно быть принято или отвергнуто на основе опытных данных.

Если это утверждение является обоснованным, то это означает, что консенсус относительно «конкретной» экономической политики в значительно меньшей степени зависит от прогресса нормативной экономической науки в собственном смысле слова, чем от прогресса позитивной экономической науки, дающей такие предсказания, которые с полным правом становятся общепринятыми. Это также означает, что необходимость четкого разделения позитивной и нормативной экономической теории определяется прежде всего тем вкладом, который оно может внести в достижение согласия относительно экономической политики.

II. Позитивная экономическая наука

Позитивная наука имеет своей конечной целью выдвижение «теории» или «гипотезы», которая дает правильные и значимые (то есть не являющиеся трюизмами) предсказания относительно еще не наблюдавшихся явлений. Такая теория представляет собой в общих чертах сложное сочетание двух элементов. В одной своей части это «язык», с помощью которого разрабатываются «систематические и организованные способы аргументации» (Marshall, 1925 [1885], p. 164; см. также Фридман, 1993, с. 259–260, 293–294). В другой же части это набор содержательных гипотез, вычленяющих существенные черты сложной реальности.

---

4. Еще более сложным примером служит стабилизационная политика. При поверхностном рассмотрении различия во взглядах на эту проблему отражают разницу в целях, но я убежден, что это впечатление обманчиво и в конечном счете различные взгляды отражают изначально различные суждения об источнике колебаний экономической активности и эффекте конкретных антициклических действий. Об одном важном факторе, который объясняет большую часть расхождений см. Friedman, 1953a. Краткое изложение нынешнего состояния профессиональных взглядов на вопрос см.: The Problem..., 1950, доклад подкомитета комитета по общественным проблемам Американской экономической ассоциации.

Милтон Фридман

В качестве языка теория не имеет собственного содержания — она суть совокупность тавтологий. Ее функция заключается в том, чтобы служить системой (наподобие каталога) для упорядочения эмпирического материала и облегчения его понимания, и судить о ней следует по соответствующим критериям. Достаточно ли ясно и четко определены отдельные категории? Являются ли они исчерпывающими? Знаем ли мы, к какой рубрике относить каждый отдельный элемент, или здесь возникают двусмысленности? Устроена ли система заголовков и подзаголовков так, что мы можем быстро найти любой нужный элемент, или приходится разыскивать его в разных местах? Хранятся ли рядом те элементы, которые мы желаем рассматривать вместе? Не имеет ли данный каталог чересчур сложной системы отсылок?

Ответы на эти вопросы зависят частью от логических, частью от эмпирических соображений. Сами по себе каноны формальной логики могут лишь показать, является ли некоторый язык полным и непротиворечивым, то есть будут ли сделанные на этом языке суждения «правильными» или «ошибочными». Только фактические данные способны показать, имеют ли категории «аналитической системы упорядочения» значимый эмпирический аналог, то есть полезны ли они при анализе определенного класса конкретных проблем (см. Friedman, 1953b, p. 282–289). На простом примере «предложения» и «спроса» мы проиллюстрируем и данный пункт, и приведенный выше перечень вопросов. Рассматриваемые в качестве элементов языка экономической теории оба эти понятия являются основными категориями, классифицирующими факторы, которые воздействуют на относительные цены продуктов и производственных ресурсов. Полезность этой дихотомии покоится на «эмпирическом обобщении, согласно которому перечисление сил, воздействующих в каждом отдельном случае на спрос и предложение, дает в итоге два списка, в которых мало общих элементов» (Фридман, 1993, с. 260). Мы можем сказать, что это обобщение является обоснованным для таких рынков, как конечный рынок потребительских товаров. На таком рынке существует ясное и четкое различие между экономическими единицами, предъявляющими спрос на продукт, и теми, которые его предлагают. Здесь редко возникают серьезные сомнения в том, куда следует отнести данный фактор: к числу воздействующих на предложение или на спрос; так же редко возникает серьезная необходимость учитывать взаимные влияния между этими двумя категориями. В этих случаях простой и даже очевидный шаг — отнесение соответствующих факторов к рубрикам «предложение» и «спрос» — значительно упрощает проблему и предотвращает возможность ошибки. Но это обобщение обосновано не всегда. Например, оно

Методология позитивной экономической науки

не является обоснованным применительно к ежедневным колебаниям цен на спекулятивном рынке. Воздействует ли, например, слух об увеличении налога на сверхприбыль на текущее предложение корпоративных акций или на спрос на них? В таких ситуациях практически каждый фактор с одинаковым основанием может быть отнесен как к «спросу», так и к «предложению». Эти концепции все же могут использоваться и продолжать сохранять некоторый смысл, они по-прежнему «правильны», но, очевидно, менее полезны, чем в нашем первом примере, ибо теперь они не имеют значимого эмпирического аналога.

Если же рассматривать теорию как совокупность содержательных гипотез, то о ней следует судить по ее предсказательной силе относительно того класса явлений, который она должна «объяснить». Только фактические данные могут показать, является ли она «правильной» или «ошибочной» или, лучше сказать, будет ли она «принята» как обоснованная или «отвергнута». Как я более подробно покажу далее, единственным конкретным тестом, позволяющим судить об обоснованности гипотезы, может быть сравнение ее предсказаний с реальностью. Гипотеза отвергается, если ее предсказания противоречат реальным данным («часто» или в большей степени, чем предсказания, получаемые с помощью альтернативных гипотез); она принимается, если ее предсказания не противоречат реальности; наше доверие к ней возрастает, если реальные данные многократно не могли ее опровергнуть. Факты никогда не могут «доказать гипотезу», они могут лишь выявить ее ошибочность, что мы обычно и имеем в виду, когда говорим – не совсем корректно, – что гипотеза была «подтверждена» реальным опытом.

Чтобы избежать недоразумений, следует, видимо, ясно сказать, что предсказания, посредством которых проверяется обоснованность гипотезы, не обязательно должны относиться к явлениям, которые еще не имели места, и, следовательно, не обязательно должны быть прогнозами будущих событий; они могут относиться к уже произошедшим событиям, которые еще не стали предметом изучения или неизвестны тому лицу, которое делает предсказание. Некоторая гипотеза, например, может предполагать, что то-то и то-то должно было случиться в 1906 году при некоторых известных обстоятельствах. Если изучение документов обнаруживает, что то-то и то-то действительно имело место, предсказание подтверждается, но если обнаруживается, что этого не случилось, то предсказание противоречит реальным данным.

Обоснованность гипотезы в этом смысле не является сама по себе достаточным критерием выбора между альтернативными гипотезами. Число наблюдений всегда конечно, а число возможных гипотез бесконечно. Если существует одна гипотеза, которая согласует-

Милтон Фридман

ся с имеющимися данными, то существует бесконечное число таких гипотез⁵. Предположим, например, что вводится специальный акцизный налог на некоторый товар, который приводит к увеличению его цены на величину этого налога. Это согласуется с наличием условий конкуренции, стабильной кривой спроса и горизонтальной стабильной кривой предложения. Но это также согласуется с конкурентными условиями и имеющей положительный либо отрицательный наклон кривой предложения, если имеет место компенсирующий сдвиг кривой спроса или кривой предложения; это согласуется с условиями монополии, постоянными предельными издержками и стабильной кривой спроса, которая имеет необходимую для такого результата форму, и так далее до бесконечности. Дополнительные данные, с которыми должна согласовываться гипотеза, могут исключить некоторые из этих возможностей, но никогда не удастся достичь того, чтобы осталась лишь одна возможная гипотеза, которая была бы совместима с конечным набором данных. Выбор между альтернативными гипотезами, которые в равной мере согласуются с доступными данными, должен быть до некоторой степени произвольным. Правда, имеется общее согласие, что при этом в расчет должны приниматься критерии «простоты» и «плодотворности», но эти понятия сами по себе не поддаются объективному определению. Теория является тем «проще», чем меньше требуется исходной информации для предсказания в данной области явлений; она тем «плодотворнее», чем более точны получаемые в итоге предсказания, чем шире та область, в которой теория дает эти предсказания, и чем больше дополнительных направлений для исследования она открывает. Логическая завершенность и непротиворечивость также важны, но играют подчиненную роль – их функция сводится к обеспечению соответствия гипотезы целям своего создания и ее однозначной интерпретации всеми, кто ею пользуется, то есть эти требования здесь играют ту же роль, что и проверка арифметической точности в статистических вычислениях.

К сожалению, в общественных науках мы редко можем проверить конкретные предсказания посредством экспериментов, специально спланированных таким образом, чтобы элиминировать наиболее важные возмущающие влияния. Обычно мы должны опираться на данные, которые нам дают «эксперименты», происходящие сами собой. Неспособность проводить так называемые *контролируемые эксперименты* не отражает, по нашему мнению, фундаментальных

---

5. Это уточнение необходимо, ибо «факты» могут быть внутренне противоречивы, так что с ними не согласуется никакая гипотеза (Friedman, 1953b, p. 282–283).

Методология позитивной экономической науки

различий между общественными и физическими науками, во-первых, поскольку эта неспособность не является присущей только общественным наукам (вспомним хотя бы астрономию) и, во-вторых, поскольку само различие между контролируруемыми и неконтролируемыми экспериментами сводится лишь к степени контроля. Никакой эксперимент нельзя полностью контролировать, но любой эксперимент частично контролируем в том смысле, что некоторые возмущающие влияния остаются в ходе него относительно постоянными.

Реальность предоставляет нам обильные и часто столь же убедительные данные, как и специально спланированные эксперименты; таким образом, неспособность проводить эксперименты не служит фундаментальным препятствием для проверки гипотез по критерию успешности их предсказаний. Но такие данные значительно труднее интерпретировать. Они зачастую сложны и всегда косвенны и неполны. Сбор таких данных является делом трудоемким, и их интерпретация обычно требует тонкого анализа и включает цепочки рассуждений, которые редко бывают до конца убедительны. То, что экономическая наука лишена возможности получать прямые данные в ходе «решающего» эксперимента, препятствует адекватной проверке гипотез; но гораздо важнее то, что отсутствие такой возможности препятствует достижению достаточно быстрого и широкого согласия относительно выводов, которые можно сделать из имеющихся данных. Оно делает «прополку» неудачных гипотез делом медленным и трудным. Эти гипотезы редко исчезают совсем и почти всегда пробиваются вновь.

Возможны, конечно, варианты. Случается, опыт преподносит такие данные, которые почти столь же прямы, ясны и убедительны, как и любые из тех, что могут быть получены путем контролируемых экспериментов. Возможно, наиболее важным примером являются данные периодов инфляции, подтверждающие гипотезу о том, что существенное увеличение количества денег в краткосрочном плане сопровождается значительным ростом цен. Этот факт является очевидным, и необходимая для его интерпретации цепочка рассуждений относительно коротка. До сих пор, однако, вопреки многочисленным примерам существенного повышения цен, их почти однозначному соответствию существенному увеличению денежной массы при самых различных прочих обстоятельствах, которые могут быть сочтены имеющими отношение к делу, каждый новый случай инфляции сопровождается решительными утверждениями (причем не только со стороны дилетантов), что увеличение денежной массы является побочным эффектом роста цен, вызываемого иными факторами, либо чисто случайным и необязательным сопутствующим обстоятельством. Трудность проверки содержательных экономических гипотез порождает, в частности, стремление уйти

Милтон Фридман

в чисто формальный или тавтологический анализ (см. также: Friedman, 1953b). Как уже отмечалось, тавтологии занимают исключительно важное место в экономической науке и других науках как специализированный язык или «аналитическая каталогизирующая система». Кроме того, формальная логика и математика, которые обе суть тавтологические науки, оказывают нам существенную помощь, когда мы хотим проверить правильность аргументации, раскрыть значение гипотезы и определить, не являются ли различные гипотезы в действительности эквивалентными или в чем состоит различие между ними.

Но экономическая теория должна представлять из себя нечто большее, чем просто систему тавтологий, если она хочет предсказывать, а не просто описывать последствия действий, — иными словами, если она не желает быть просто замаскированной математикой (см. также: Friedman and Savage, 1952, p. 465–467). И полезность тавтологий самих по себе, как отмечалось выше, зависит в конечном счете от приемлемости содержательных гипотез, которые предлагают особые категории, упорядочивающие отражаемые эмпирические явления.

Трудность проверки экономических гипотез по их предсказаниям имеет более серьезное последствие — неправильное понимание роли эмпирических данных в работе теоретика. Эмпирические данные жизненно важны на двух различных, хотя и тесно связанных стадиях: при создании гипотез и при проверке их обоснованности. Полные и всесторонние данные о явлениях, которые подлежат обобщению или «объяснению» с помощью гипотезы, помимо своей очевидной ценности для выдвижения новых гипотез необходимы, чтобы удостовериться в возможности применения этой гипотезы для объяснения рассматриваемых явлений — она, по крайней мере, не должна противоречить наблюдавшимся ранее фактам⁶.

---

6. В недавние годы некоторые экономисты, особенно группа, связанная с Коулзовской комиссией по экономическим исследованиям при Чикагском университете, сделала особый упор на разделение этой стадии отбора гипотезы, согласующейся с известными данными, на два этапа: во-первых, отбор класса приемлемых гипотез из всех возможных гипотез (выбор «модели», по их терминологии); во-вторых, отбор одной гипотезы из этого класса (выбор «структуры»). Это деление может быть ценным с эвристической точки зрения в некоторых случаях, особенно для поощрения систематического использования доступных статистических данных и теорий. С методологической точки зрения, однако, это совершенно произвольное деление процесса принятия решения по конкретной гипотезе не хуже и не лучше многих других делений, которые могут быть удобны для той или иной цели или которые соответствуют психологическому складу конкретных исследователей.

Методология позитивной экономической науки

При условии, что гипотеза согласуется с уже имеющимися данными, ее дальнейшая проверка включает выведение из нее дедуктивным путем таких новых фактов, которые могут наблюдаться, но которые еще неизвестны, и сопоставление дедуцированных таким образом фактов с дополнительными реальными данными. Для того чтобы тест был корректен, дедуцированные факты должны относиться к классу явлений, для объяснения которых создавалась гипотеза, и они должны быть достаточно хорошо определены, чтобы наблюдение в принципе могло показать их неправильность.

Эти две стадии – создание гипотез и проверка их обоснованности – связаны в двух различных отношениях. Во-первых, конкретные факты, которые рассматриваются на каждой из стадий, являются продуктом случайного отбора данных и зависят от знаний конкретного исследователя. Факты, которые служат для проверки приложений гипотезы, могли входить в тот исходный материал, который использовался для ее создания, и наоборот. Во-вторых, процесс никогда не начинается с нуля; так называемая *начальная стадия* всегда включает сравнение имеющихся наблюдений со следствиями, вытекающими из набора предшествующих гипотез. Противоречие следствий наблюдениям служит стимулом для создания новых ги-

---

Применение упомянутого деления, в частности, положило начало обсуждению так называемой проблемы *идентификации*. Как отмечалось выше, если одна гипотеза согласуется с имеющимися данными, то этим свойством обладает бесконечное множество гипотез. Но если это справедливо для класса гипотез в целом, это может не быть справедливым для подкласса, полученного на первом из двух вышеназванных этапов, то есть для «модели». Может оказаться, что данные, которые необходимо использовать для выбора окончательной гипотезы из подкласса, согласуются не более чем с одной гипотезой в нем. В этом случае говорят, что «модель» «идентифицирована», в противном случае говорят, что она «не идентифицирована». Но как становится ясно из этого описания концепции «идентификации», она, по сути, представляет собой специальный случай более общей проблемы отбора среди альтернативных гипотез, в равной степени согласующихся с фактами, – проблемы, которая должна решаться с помощью какого-либо произвольного принципа, подобного «бритве Оккама». Введение двух этапов в отборе гипотезы заставляет решать эту проблему дважды и усложняет ее. В то время как класс всех гипотез всегда может быть идентифицирован, это вовсе необязательно относится к подклассу «моделей», поэтому встает проблема условий, которым должна удовлетворять «модель», чтобы быть идентифицированной. Как бы ни были полезны два этапа в некоторых ситуациях, их введение создает опасность, что на разных этапах невольно будут применяться различные критерии при однотипном выборе между альтернативными гипотезами.

Об общем методологическом подходе, обсуждаемом в этой сноске, см.: Naavelmo, 1944; Marschak, 1947, 1950; Koopmans, 1945; Cooper, 1948. О проблеме идентификации см.: Koopmans, 1949; Hurwicz, 1950.

Милтон Фридман

потез или пересмотра старых. Таким образом, две методологически различные стадии всегда проходят совместно.

Неправильное понимание этого очевидного процесса коренится во фразе «класс явлений, для объяснения которых создавалась гипотеза». Трудность получения новых данных для этого класса явлений в общественных науках и оценки их соответствия следствиям гипотезы вызывает искушение предполагать, что обоснованность гипотезы можно установить с помощью других, более доступных способов. Возникает искушение предположить, что гипотеза имеет не только «следствия» (implications), но также «предпосылки» (assumptions), и соответствие этих «предпосылок» «реальности» может служить проверкой обоснованности гипотезы, *отличной от проверки следствий* или *дополняющей ее*. Этот широко распространенный взгляд является фундаментальной ошибкой и наносит большой вред. Кроме того, такой подход вовсе не дает более легких способов отсеивания необоснованных гипотез. Он лишь вносит путаницу, способствует непониманию важности эмпирических данных для экономической теории, направляет по ложному следу интеллектуальные усилия исследователей, устремленные на развитие позитивной экономической науки, и препятствует достижению консенсуса относительно используемых в ней гипотез.

В той мере, в которой вообще можно говорить о существовании «предпосылок» теории, и в той мере, в которой об их «реализме» можно судить независимо от верности предсказаний, отношение между значимостью теории и «реализмом» ее «предпосылок» почти всегда является обратным тому, которое отстаивают сторонники критикуемой нами позиции. Действительно важные и значимые гипотезы имеют «предпосылки», которые являются весьма неточными описаниями реальности, и в общем плане чем более важной является теория, тем более нереалистичны (в указанном смысле) ее предпосылки⁷. Причина этого проста. Гипотеза важна, если она «объясняет» многое малым, то есть извлекает общие и решающие элементы из массы сложных и детализированных обстоятельств, которые окружают подлежащие объяснению явления, и позволяет делать верные предсказания на основе одних лишь этих элементов. Таким образом, для того чтобы быть значимой, гипотеза должна исходить из дескриптивно ложных предпосылок; она не принимает в расчет и не объясняет многих сопутствующих обстоятельств, поскольку самый ее успех уже показывает, что эти обстоятельства не имеют отношения к объясняемому явлению.

---

7. Обратное утверждение, разумеется, неверно: предположения, которые нереалистичны (в указанном смысле), не гарантируют значимость теории.

Методология позитивной экономической науки

Это утверждение будет выглядеть менее парадоксальным, если мы уточним, что вопрос о «предпосылках» теории состоит не в том, являются ли они «реалистичными» описаниями, поскольку таковыми они никогда не являются, но в том, являются ли они достаточно хорошими приближениями к реальности с точки зрения конкретной цели. А на этот вопрос можно ответить на основании эффективности теории, то есть ее способности давать достаточно точные предсказания. Две внешне независимые проверки сводятся к одной.

Теория монополистической и несовершенной конкуренции служит одним из примеров пренебрежения этими утверждениями в экономической науке. Развитие этой теории и ее широкая популярность объяснялись верой в то, что предположения о «совершенной конкуренции» или «совершенной монополии», которые якобы лежат в основе неоклассической экономической теории, представляют собой ложное отражение реальности. Сама же эта вера практически полностью основывалась на непосредственно наблюдаемой дескриптивной неточности предпосылок, а не на каком-нибудь общепризнанном противоречии между предсказаниями неоклассической экономической теории и реальностью. Длительная дискуссия о предельном анализе в *American Economic Review* в конце 1940-х годов является еще более ярким, хотя и менее важным примером. Участники полемики в значительной степени пренебрегли тем, что лично мне представляется главным, — соответствием реальности следствий, вытекающих из предельного анализа, — и сосредоточились на не особенно относящемся к делу вопросе о том, принимают или нет бизнесмены свои решения с помощью таблиц, кривых или уравнений со многими переменными, позволяющими рассчитать предельные издержки и предельный доход⁸. Возможно, эти два примера, как и множество

---

8. См.: Lester, 1946, 1947; Machlup, 1946, 1947; Stigler, 1947; Oliver, 1947; Gordon, 1948.

Следует отметить, что наряду с обширным материалом, претендующим на прямую связь с обоснованностью «предпосылок» маржиналистской теории, Лестер говорит о соответствии фактов следствиям теории, упоминая о реакции уровня занятости на план Папена в Германии и на изменения в законодательстве о минимальном уровне оплаты труда в Соединенных Штатах как о примерах недостаточного соответствия. Короткий комментарий Стиглера, однако, является единственной из остальных перечисленных статей, в которой делается ссылка на эти примеры. Следует также заметить, что полное и тщательное изложение Махлупом логической структуры и значения предельного анализа потребовалось из-за заблуждений на этот счет, которые портят статью Лестера и практически скрывают от читателя приводимые им свидетельства, имеющие отношение к обсуждаемой проблеме. Но, делая акцент на логической структуре, Махлуп рискует представить теорию как чистую тавтологию, хотя во многих случаях очевидно, что он осо-

Милтон Фридман

аналогичных случаев, послужат оправданием нашего более пространного, чем может показаться необходимым, обсуждения методологических принципов.

III. Можно ли проверить гипотезу с помощью проверки реалистичности ее предпосылок?

Мы можем начать с простого физического примера. Принята гипотеза, что ускорение тела, падающего в вакууме, есть постоянная величина $-g$, или приблизительно 32 фута/сек² на уровне земли, — не зависящая от формы тела, того, как его уронили, и т. д. Из этого следует, что путь, пройденный телом в любой данный промежуток времени, задается формулой $S = \frac{1}{2}gt^2$, где S — расстояние в футах и t — время в секундах. Приложение этой формулы к твердому шару, брошенному с крыши здания, эквивалентно утверждению, что брошенный таким образом шар ведет себя так же, как если бы его падение происходило в вакууме. Проверка этой гипотезы через проверку ее предпосылок предполагает, по-видимому, измерение реального атмосферного давления и решение вопроса о том, близко ли оно к нулю. На уровне моря атмосферное давление составляет около 15 фунтов на квадратный дюйм. Достаточно ли 15 близко к нулю, чтобы эту разницу считать незначительной? Очевидно, да, поскольку фактическое время, за которое шар падает с крыши здания на землю, очень близко к тому, которое дает наша формула. Предположим, однако, что вместо шара мы бросаем перо. В этом случае формула дает нам совершенно неточные результаты. Несомненно, 15 фунтов на квадратный дюйм значительно отличаются от нуля для пера, но не для шара. Или предположим, что формула применяется к шару, брошенному с самолета на высоте 30 000 футов.

Атмосферное давление на этой высоте существенно меньше, чем 15 фунтов на квадратный дюйм. Тем не менее фактическое время падения с 30 000 до 20 000 футов точки, в которой атмосферное давление все еще значительно меньше, чем на уровне моря, будет заметно отличаться от того, что предсказывает формула, — гораздо более заметно, чем в случае падения плотного шара с крыши здания на землю. Согласно формуле, скорость шара должна равняться gt и таким образом равномерно возрастать. На самом деле брошен-

---

знает эту опасность и стремится ее избежать. Статьи Оливера и Гордона содержат наиболее крайнюю точку зрения, сосредоточиваясь исключительно на согласованности поведения бизнесменов с «предпосылками» теории.

Методология позитивной экономической науки

ный с высоты 30 000 футов шар достигнет максимальной скорости значительно раньше, чем он упадет на землю. Так же обстоит дело и с другими применениями формулы. Первоначальный вопрос, достаточно ли 15 близко к нулю, чтобы разницу можно было считать незначительной, сам по себе является глупым. Пятнадцать фунтов на квадратный дюйм равно 2160 фунтов на квадратный фут, или 0,0075 тонны на квадратный дюйм. Мы не можем называть эти числа «малыми» или «большими» без привлечения некоторого внешнего стандарта для сравнения. Единственным относящимся к делу стандартом является атмосферное давление, при котором формула справедлива или не справедлива для данной совокупности обстоятельств. Но этот ответ просто переносит ту же проблему на другой уровень. Что значит «справедлива или не справедлива»? Даже если бы мы могли элиминировать ошибки измерения, измеренное время падения очень редко будет (или вообще никогда не будет) в точности равно вычисленному времени падения. Сколь большой должна быть разница между этими двумя значениями, чтобы мы могли сказать, что теория «не работает»? Здесь существуют два важных внешних стандарта для сравнения. Одним из них служит точность, достигаемая альтернативной теорией, с которой сравнивается данная теория и которая во всех других отношениях имеет равные основания для того, чтобы быть принятой. Другой стандарт появляется тогда, когда существует теория, о которой известно, что она дает лучшие предсказания, но при больших издержках. Тогда преимущества большей точности, которые зависят от поставленных целей, должны уравниваться с издержками ее достижения.

Этот пример иллюстрирует как невозможность проверки теории через ее предпосылки, так и двусмысленность самого понятия «предпосылки теории». Формула $S = \frac{1}{2}gt^2$ применима для тел, падающих в вакууме, и может быть получена при анализе поведения таких тел. Следовательно, можно утверждать: для широкого круга условий падающие в реальной атмосфере тела ведут себя так, как будто они падают в вакууме. На языке, распространенном в экономической науке, это превратилось бы в следующее утверждение: формула предполагает существование вакуума. Однако очевидно, что это не так. На самом деле она говорит о том, что во многих случаях существование атмосферного давления, форма тела, имя бросающего его человека, вид используемого для бросания тела механизма и множество других сопутствующих обстоятельств не оказывают ощутимого воздействия на проходимое телом в определенный промежуток времени расстояние. Гипотеза может быть легко переформулирована, чтобы исключить любое упоминание о вакууме: для широкого круга условий проходимое в дан-

Милтон Фридман

ный промежуток времени телом расстояние задается формулой $S = \frac{1}{2}gt^2$. Оставляя в стороне историю этой формулы и связанную с ней физическую теорию, так ли важно упоминать о том, что она предполагает наличие вакуума? Насколько я знаю, могут быть другие наборы предположений, которые приведут к той же формуле. Формула принимается потому, что она «работает», а не потому, что мы пребываем в состоянии, близком к вакууму, — что бы это ни означало.

Для каждой гипотезы важно определить те обстоятельства, для которых формула справедлива, или, более точно, — величину ошибки в ее предсказаниях при различных обстоятельствах. В действительности, как неявно предполагалось при вышеупомянутой переформулировке, такая спецификация не есть нечто отличное от самой гипотезы. Спецификация является неотъемлемой частью гипотезы, причем той частью, которая должна особенно часто пересматриваться и дополняться.

Применительно к частному случаю падающих тел существует и более общая, хотя и все еще не завершенная теория, возникшая в значительной степени в результате попыток объяснить ошибки простой теории, являющейся ее частным случаем. Исходя из более общей теории может быть вычислено влияние некоторых возможных возмущающих факторов. Однако применение более общей теории не всегда вознаграждается, ибо более высокая точность ее применения может не оправдать более высоких издержек. Поэтому вопрос, при каких обстоятельствах более простая теория работает «достаточно хорошо», сохраняет свое значение. Атмосферное давление служит одной — но лишь одной — из переменных, которые определяют эти обстоятельства; форма тела, достигнутая скорость и другие переменные также имеют отношение к делу. Один способ интерпретации этих переменных заключается в предположении, что они определяют, является ли данное отклонение от «предпосылки» вакуума существенным или нет. Можно, например, сказать, что различие в форме тела делает 15 фунтов на квадратный дюйм существенно отличным от нуля для пера, но не для плотного шара, брошенного с умеренной высоты. Такое утверждение, однако, необходимо четко отличать от утверждения, что теория не применима к случаю с пером, ибо ее предпосылки ошибочны. Правильный вывод был бы совершенно противоположным: предпосылки ошибочны, так как теория «не работает». Данное положение необходимо подчеркнуть, потому что полностью правомерное использование «предпосылок» при *спецификации* обстоятельств, для которых теория справедлива, часто ошибочно интерпретируется в том смысле, что предпосылки можно

Методология позитивной экономической науки

использовать для того, чтобы *очертить круг условий*, для которых теория справедлива. Эта ошибка была важным источником веры в возможность проверки теории через ее предпосылки.

Давайте обратимся теперь к другому примеру, на этот раз придуманному, но аналогичному многим гипотезам в общественных науках. Рассмотрим расположение листьев в кроне дерева. Я выдвигаю гипотезу, что листья расположены так, будто каждый лист сознательно стремится максимизировать количество получаемого им солнечного света при данном расположении его соседей, как будто он знает физические законы, определяющие количество солнечного света, которое было бы получено в различных положениях, и может быстро или мгновенно перемещаться из любого положения в любое другое желаемое и незанятое место⁹. Некоторые из наиболее очевидных следствий этой гипотезы, несомненно, согласуются с опытом: например, листья в общем сосредоточиваются скорее на южной, чем на северной стороне деревьев, но, как и следует из гипотезы, это происходит в меньшей степени или вовсе не наблюдается на северном склоне холма или в случае, если южная сторона деревьев затемнена каким-либо иным образом. Становится ли гипотеза неприемлемой или неудовлетворительной потому, что, насколько мы знаем, листья не могут размышлять или вести сознательный «поиск», не ходили в школу и не учили соответствующие законы естественных наук или математику, необходимые для вычисления «оптимального» положения, и не могут перемещаться из одного положения в другое? Бесспорно, ни одно из этих противоречий гипотезы не имеет отношения к делу, такие явления не принадлежат к «классу явлений, для объяснения которых создавалась гипотеза»; гипотеза утверждает не то, что листья совершают такие действия, а лишь то, что листья расположены так, как будто они их совершали. Вопреки очевидной ложности «предпосылок» гипотезы, она обладает большим правдоподобием, поскольку ее следствия «согласуются с наблюдениями». На самом деле мы склонны «объяснять» расположение листьев иначе — тем, что солнечный свет способствует их росту и что, следовательно, на солнечной стороне листья будут расти плотнее, или тем, что листья выживают там, где больше солнца, но результат, достигаемый чисто пассивной адаптацией к внешним обстоятельствам, такой же, как и при сознательном приспособлении к ним. Эта альтернативная гипотеза более привлекательна по сравнению со сконструированной

---

9. Этот пример и часть последующего обсуждения хотя и самостоятельны по происхождению, выдержаны в значительной степени в том же духе и похожи на пример и подход, предложенные в важной статье Армена Алчяна (Alchian, 1950).

Милтон Фридман

нами ранее не потому, что ее «предпосылки» более «реалистичны», но скорее потому, что она является частью более общей теории, которая прилагается к более широкому кругу явлений и, в частности, к расположению листьев в кроне дерева. Эта общая теория имеет больше следствий, которые в принципе могли бы противоречить опытным данным, но в действительности не противоречат им для обширного множества разнообразных ситуаций. Прямые данные о росте листьев при таком подходе подкрепляются косвенными данными о явлениях, к которым была приложена общая теория.

Сконструированная нами гипотеза, видимо, значима (то есть дает «достаточно» точные предсказания о расположении листьев) только для определенного класса условий. Я не знаю, каковы эти условия или как их определить. Представляется очевидным, однако, что в этом примере «предпосылки» теории не будут играть никакой роли при спецификации этих обстоятельств. Пределы обоснованности гипотезы определяют скорее такие переменные, как вид дерева, характер почвы и т. д., но не способность листьев производить сложные математические расчеты и перемещаться с места на место.

В значительной степени схожий пример, затрагивающий человеческое поведение, был использован в другом месте Сэвиджем и мною (Фридман и Сэвидж, 1993, с. 238–239). Рассмотрим проблему предсказания ударов опытного игрока в бильярд. Нам представляется весьма вероятным, что превосходные предсказания могут быть получены на основании гипотезы, что игрок в бильярд производит удары так, как *будто* он знает сложные математические формулы, которые дают оптимальное направление движения шара, может на глаз определять углы и т. д., описывая взаимное расположение шаров, может молниеносно производить по формулам вычисления и направлять затем шары в направлении, следующем из формулы. Наше доверие к этой гипотезе основывается не на убеждении в том, что игроки в бильярд, даже опытные, могут совершить или совершают все описанные действия; она истекает скорее из убеждения в том, что, если они не могут тем или иным способом достичь по существу тот же самый результат, они не были бы *опытными* игроками в бильярд.

От этих примеров рукой подать до экономической гипотезы, согласно которой во множестве ситуаций отдельные фирмы ведут себя так, как *будто* они рационально стремились максимизировать ожидаемый результат (expected returns) (обычно его называют *прибылью* (profits)¹⁰, что ведет к некоторым заблуждениям, и об-

---

10. Нам кажется, что термин «прибыль» лучше использовать, говоря о разнице между фактическими и ожидаемыми результатами, поступлениями ex post

Методология позитивной экономической науки

ладают всеми знаниями, необходимыми для того, чтобы преуспеть в этой попытке. Таким образом, они как будто знают соответствующие функции спроса и издержек, вычисляют предельные издержки и предельный доход от всех доступных им видов деятельности и увеличивают масштаб каждого из видов деятельности до такого момента, пока соответствующие предельные издержки и предельный доход не сравняются. Разумеется, в действительности бизнесмены не решают систему одновременных уравнений, посредством которой экономист-математик представляет эту гипотезу в удобном для себя виде, точно так же как листья или игроки в бильярд не делают сложных математических вычислений, а падающие тела не пытаются создать вокруг себя вакуум. Игрок в бильярд, если спросить его, как он решает, как именно ударить шар, может ответить, что он «просто угадывает это», а для верности трет в кармане кроличью лапку. Бизнесмен может с тем же успехом сказать, что он устанавливает цены на уровне средних издержек, разумеется, с небольшими отклонениями, если этого требует рынок. Оба утверждения одинаково «информативны», и ни одно из них не является относящейся к делу проверкой соответствующей гипотезы.

Доверие к гипотезе максимизации результата обусловлено аргументами самого различного характера. Эти аргументы частично схожи с теми, которые приводятся в подтверждение гипотезы об игроке в бильярд, — до тех пор, пока поведение бизнесменов так или иначе не будет близко к поведению, согласующемуся с максимизацией результата; представляется маловероятным, что они смогут долго заниматься бизнесом. Непосредственное поведение бизнесмена может определяться чем угодно — привычными реакциями,

---

и *ex ante*. «Прибыль» поэтому есть результат неопределенности и, как следом за Тинтнером указывает Алчян (Alchian, 1950), не может обдуманно максимизироваться заранее. В условиях неопределенности индивиды или фирмы выбирают между альтернативными ожидаемыми распределениями вероятностей поступлений или доходов. Специфическое содержание теории выбора между такими распределениями зависит от критерия, в соответствии с которым эти распределения предполагается ранжировать. Одна гипотеза предполагает ранжировать их по математическому ожиданию соответствующих полезностей (см.: Friedman and Savage, 1952). Особый случай этой гипотезы или ее альтернатива ранжирует вероятностные распределения по математическому ожиданию соответствующих им денежных поступлений. Последняя гипотеза, возможно, более применима и чаще применяется к фирмам, чем к индивидам. Термин «ожидаемый результат» (*expected returns*) имеет достаточно широкий смысл, чтобы быть применимым к любой из этих альтернатив.

Упомянутые в этой ссылке вопросы не являются центральными при обсуждении методологических проблем и поэтому в значительной степени обходятся в ходе последующего изложения.

Милтон Фридман

случайным выбором или чем-либо еще. Но если это обуславливает поведение, совместимое с рациональной и ясно понимаемой максимизацией результата, фирма будет процветать и получать ресурсы для дальнейшего расширения; если же этого не происходит, фирма будет терять ресурсы и сможет поддерживать свое существование лишь с помощью получения ресурсов извне. Процесс «естественного отбора» помогает, таким образом, обосновать нашу гипотезу, или, точнее, при наличии естественного отбора важным аргументом в пользу принятия гипотезы может быть то, что она должным образом обобщает условия выживания фирмы.

Еще более важный набор фактов, подтверждающих гипотезу о максимизации результата, можно почерпнуть из опыта ее бесчисленных приложений к специфическим проблемам и из постоянно повторяющихся случаев ниспровержения ее следствий. Эти факты чрезвычайно трудно представить документально, они разбросаны в многочисленных меморандумах, статьях и монографиях, в которых идет речь преимущественно о специфических конкретных проблемах, а не о проверке гипотезы максимизации результата. Тем не менее и принятие данной гипотезы, и ее использование в течение длительного времени, а также провал попыток развить и принять какую-либо последовательную, внутренне непротиворечивую альтернативную гипотезу служат сильными косвенными подтверждениями ее достоинств. Свидетельства в пользу гипотезы всегда состоят из повторяющихся неудачных попыток ее опровергнуть эмпирически, они продолжают накапливаться по мере того, как гипотеза используется. По самой их природе эти свидетельства трудно подтвердить документально. Они имеют тенденцию становиться частью научной традиции и научного фольклора, проявляющейся в той настойчивости, с которой гипотезы сохраняются, а не в виде публикуемых в учебниках списков тех случаев, когда гипотеза не была опровергнута реальными данными.

IV. Значение и роль «предпосылок» теории

Вплоть до настоящего момента наши заключения о значимости «предпосылок» теории были почти всецело негативными: мы видели, что теория не может быть проверена через «реализм» ее «предпосылок» и что само понятие «предпосылок» теории не является однозначно определяемым. Но если бы все сводилось лишь к этому, было бы трудно объяснить широкое использование данного понятия и нашу общую склонность говорить о предпосылках теории и сравнивать предпосылки альтернативных теорий. Не бывает так много дыма без огня.

Методология позитивной экономической науки

В методологии, как в позитивной науке, негативные утверждения могут обычно делаться с большей уверенностью, чем позитивные, поэтому я менее уверен в нижеследующих замечаниях о значимости и роли «предпосылок», чем в моих предшествующих высказываниях. Насколько мне представляется, «предпосылки теории» выполняют три различные, хотя и взаимосвязанные позитивные функции: а) они часто служат экономичным способом описания и изложения теории; б) они иногда облегчают косвенную проверку теории через ее следствия; в) как уже было указано, они иногда являются удобным средством точного определения условий, в которых мы можем рассчитывать на обоснованность теории. Первые две функции требуют более детального обсуждения.

А. Использование «предпосылок» при изложении теории

Пример с листьями иллюстрирует первую функцию предпосылок. Вместо того чтобы говорить, что листья стремятся максимизировать количество получаемого ими солнечного света, мы могли бы без каких-либо предпосылок сформулировать эквивалентную гипотезу в форме набора правил для прогнозирования расположения листьев: если дерево растет на ровной поверхности при отсутствии других деревьев или прочих предметов, заслоняющих солнечные лучи, тогда листья, скорее всего, будут расположены вполне определенным образом; если дерево расположено на северном склоне холма или в гуще леса, состоящего из таких же деревьев, тогда... и т. д. Это, несомненно, значительно менее экономный метод изложения гипотезы, чем утверждение, что листья стремятся максимизировать количество получаемого солнечного тепла. Последнее утверждение в результате является простым обобщением упомянутого набора правил (даже если бы он был расширен до бесконечности), поскольку оно указывает как на то, каким образом определить важные для конкретной проблемы свойства внешней среды, так и на то, как оценить их воздействия. Этот способ более компактный и в то же время не менее емкий.

В более общем плане любая гипотеза или теория состоит из утверждения, что определенные силы важны, а другие, следовательно, не важны для определенного класса явлений и спецификации способа действия тех сил, важность которых признается. Мы можем рассматривать гипотезу как состоящую из двух частей: во-первых, концептуального мира или абстрактной модели, более простой, чем «реальный мир», и включающей только те силы, важность которых утверждает гипотеза; во-вторых, набора правил, определяющих класс явлений, для которых «модель» может быть использована как адекватное воспроизведение «реального мира»,

Милтон Фридман

и специфицирующих соответствие между переменными или объектами в модели и наблюдаемыми явлениями.

Эти две части различны по своему характеру. Модель абстрактна и законченна; это «алгебра» или «логика». При проверке ее непротиворечивости и завершенности и при анализе ее следствий вступают в свои права математика и формальная логика. В модели нет места неясностям, догадкам и приблизительности. Атмосферное давление в вакууме равно нулю, а не «небольшое». Кривая спроса для продукта конкурентного производителя горизонтальна (с нулевым углом наклона), а не «почти горизонтальна».

Вместе с тем правила использования модели не могут быть абстрактными и законченными. Они должны быть конкретными и вследствие этого неполными – законченность возможна только в концептуальном мире, а не в «реальном», как бы он ни интерпретировался. Модель служит логическим воплощением полуправды: «Ничто не ново под луной». Правила же ее приложения не могут игнорировать столь же важной полуправды: «История никогда не повторяется». Обычно правила могут быть сформулированы в явном виде – это особенно легко, когда теория является частью явно сформулированной более общей теории, как в примере с теорией падения в вакууме, хотя и в этом случае правила неполны. В нашем стремлении сделать науку настолько «объективной», насколько это возможно, мы должны ставить перед собой цель формулировать правила по мере возможности в явном виде и постоянно расширять круг явлений, для которых это возможно сделать. Но вне зависимости от того, насколько успешной может быть эта попытка, при приложении правил неизбежно останется место для наших личных суждений. Каждый случай имеет свои особенные черты, которые не охватываются сформулированными правилами. Нельзя научить человека способности судить о том, могут или не могут эти черты быть исключены из рассмотрения, должны они или нет воздействовать на те наблюдаемые явления, которые соответствуют объектам модели. Такую способность можно приобрести лишь на опыте и в процессе пребывания в «правильной» научной атмосфере, но не зубрежкой. Именно этим «любитель» отличается от «профессионала» во всех науках, здесь проходит тонкая черта, которая отделяет «ненормального» от ученого.

Простой пример, возможно, прояснит это положение. Геометрия Евклида является абстрактной моделью, логически полной и последовательной. Ее объекты точно определены: прямая не есть геометрическая фигура, длина которой «значительно больше», чем ширина и глубина; это фигура, у которой ширина и глубина равны нулю. Эта геометрия, очевидно, «нереалистична». В «реальности» не существует таких вещей, как евклидовы точки, прямые или

Методология позитивной экономической науки

поверхности. Давайте приложим эту абстрактную модель к следу, оставленному на доске кусочком мела. Можно ли эту отметку идентифицировать с евклидовой прямой, евклидовой поверхностью или евклидовым телом? Несомненно, ее можно с полным правом интерпретировать как прямую, если она используется для изображения, скажем, графика спроса. Но ее нельзя идентифицировать таким образом, если мел используется, например, для раскрашивания стран на карте; здесь данная отметка должна быть идентифицирована с поверхностью. Но производитель мела не может идентифицировать ее таким образом, ибо это означало бы, что мел никогда бы не израсходовался; для его целей та же отметка должна быть идентифицирована с объемом. В данном простом примере с этими суждениями согласятся все. Тем не менее представляется очевидным, что, хотя можно сформулировать общие соображения о вынесении подобных суждений, эти соображения никогда не могут быть исчерпывающими и охватывать все возможные случаи; они не могут иметь замкнутого последовательного характера евклидовой геометрии.

Говоря о «фундаментальных (сrucial) предпосылках» теории, мы, я думаю, имеем в виду ключевые элементы абстрактной модели. Обычно существует много различных путей законченного описания модели – много различных наборов «постулатов», из которых следует модель и которые сами следуют из модели как целого. Все они с логической точки зрения эквиваленты: то, что считается аксиомами или постулатами модели с одной точки зрения, может быть теоремами с другой, и наоборот. Конкретные «предпосылки», определяемые как «фундаментальные», выбираются исходя из соображений удобства: простота или экономия в описании модели, интуитивное правдоподобие или способность генерировать (хотя бы чисто логическим путем) некоторые соображения, которые могут пригодиться при оценке модели или ее применении.

Б. Использование «предпосылок» для косвенной проверки теории

При изложении любой гипотезы бывает ясно, какие из используемых при этом утверждений относятся к предпосылкам, а какие к следствиям, однако строго провести данное различие нелегко. Я думаю, что оно является характеристикой не гипотезы как таковой, а скорее способа ее использования. Если это так, то чем яснее и недвусмысленнее цель создания гипотезы, тем проще можно разделить предпосылки и следствия. Поскольку теоремы и аксиомы в абстрактной модели могут поменяться местами, то то же самое может произойти со «следствиями» и «предпосылками» в со-

Милтон Фридман

ответствующей абстрактной модели содержательной гипотезы; вывод из этого состоит не в том, что любое следствие и любую предпосылку можно поменять местами, а лишь в том, что может существовать более одного набора утверждений, из которого следуют остальные утверждения.

Рассмотрим конкретный пример из теории олигополистического поведения. Если мы предположим, (а) что предприниматели стремятся максимизировать результат любыми средствами, включая приобретение и расширение монопольной власти, то из этого следует, (б) что, когда спрос на «продукт» в географическом плане нестабилен, транспортные издержки значительны, явные соглашения о ценах запрещены и количество производителей продукта относительно невелико, предприниматели будут стремиться внедрить систему отправных цен, включающих издержки по доставке продукции из места производства в место потребления (*basin-point pricing systems*) (см.: Stigler, 1949b). Утверждение (а) рассматривается как предпосылка, а (б) – как следствие, ибо мы исходим из того, что целью анализа является предсказание рыночного поведения. Мы будем считать предпосылку приемлемой, если обнаружим, что специфицированные в пункте (б) условия обычно сочетаются с ценообразованием на основе отправных цен, и наоборот. Давайте теперь изменим цель и постараемся определить, в каких случаях необходимо применить антitrustовский закон Шермана о преследовании в судебном порядке за «ограничения торговли посредством тайного сговора». Если мы теперь предположим, (в) что ценообразование на основе отправных цен намеренно применяется для облегчения сговора при определенных в пункте (б) условиях, то из этого следует, (г) что предприниматели, которые придерживаются ценообразования на основе отправных цен, занимаются «ограничением торговли посредством тайного сговора». Что ранее было предпосылкой, теперь становится следствием, и наоборот. Теперь мы сочтем предпосылку (в) обоснованной, если обнаружим, что в случае, когда предприниматели придерживаются системы отправных цен, обычно появляются и другие улики: письма, меморандумы и т. д., которые суд считает доказательствами «ограничения торговли посредством тайного сговора».

Предположим, что гипотеза хорошо работает для достижения первой цели, а именно предсказания рыночного поведения. Из этого, очевидно, не следует, что она годится для достижения второй цели, то есть предсказания появления убедительных свидетельств «ограничения торговли посредством тайного сговора», оправдывающих судебное преследование. И наоборот, если гипотеза применима для достижения второй цели, то из этого не следует ее пригодность для достижения первой. Тем не менее, если нет других

Методология позитивной экономической науки

данных, успех гипотезы при решении одной задачи – при объяснении одного класса явлений – позволит нам несколько больше доверять ей (по сравнению с обратной ситуацией) при решении другой задачи, то есть при объяснении другого класса явлений. Гораздо сложнее сказать, насколько именно больше ей следует доверять. Это зависит от того, насколько близкими мы считаем эти два класса явлений, что, в свою очередь, сложным образом зависит от косвенных данных аналогичного вида, а именно от иных случаев объяснения одними и теми же теориями различных явлений, которые в некотором смысле схожи с рассматриваемым случаем.

Обобщая это положение, можно сказать, что так называемые *предпосылки гипотезы* могут быть использованы для получения некоторых косвенных данных о приемлемости гипотезы в той мере, в какой сами эти предпосылки можно рассматривать в качестве следствий гипотезы, и поэтому их соответствие реальности можно оценивать как свидетельство отсутствия противоречий между следствиями и реальными фактами. Или же предпосылки могут навести на мысль о других следствиях гипотезы, доступных непреднамеренному эмпирическому наблюдению¹¹. Эти данные носят косвенный характер, потому что предпосылки или ассоциирующиеся с ними следствия обычно относятся к классу явлений, отличному от того, для объяснения которого создана гипотеза (это, как мы помним, оказывается главным критерием разделения утверждений на «предпосылки» и «следствия»). Значение, которое мы придаем этим косвенным данным, зависит от того, насколько близкими мы считаем эти два класса явлений.

Другой способ облегчить косвенную проверку гипотезы на основе ее «предпосылок» состоит в том, чтобы выявить подобие данной гипотезы другим и, соответственно, принять данные об обоснованности этих гипотез как аргумент в пользу рассматриваемой гипотезы. Например, гипотеза сформулирована для определенного типа поведения. Эта гипотеза может быть, как обычно, сформулирована без точной спецификации каких-либо «предпосылок». Но предположим, можно показать, что гипотеза эквивалентна набору предпосылок, включая предпосылку о том, что человек преследует свой собственный интерес. Тогда гипотеза получает косвенную поддержку применительно к другим классам явлений, поскольку гипотезы, опирающиеся на ту же предпосылку, имели успех. По крайней мере, этот факт говорит нам о следующем: то, что мы делаем, не является беспрецедентным и не привело к неудаче в других случаях. Факти-

---

11. См.: Friedman and Savage, 1952, p. 466–467, где приводится другой специальный пример косвенной проверки такого вида.

Милтон Фридман

чески формулирование предпосылок, позволяющее выявить близость между внешне различными гипотезами, служит шагом в направлении создания более общей гипотезы.

Эти косвенные свидетельства, которыми обеспечивают нас близкие по смыслу гипотезы, во многом объясняют различие в доверии, которое испытывают в отношении конкретной гипотезы ученые различных специальностей. Рассмотрим, например, гипотезу о том, что степень расовой или религиозной дискриминации при приеме на работу в некотором районе или отрасли тесно связана со степенью монополизации в рассматриваемом районе или отрасли, то есть, если отрасль является конкурентной, дискриминация будет значительной лишь в том случае, если раса или религия лиц наемного труда влияет либо на желание других занятых работать с ними, либо на приемлемость продукта для потребителей и не будет связана с предрассудками работодателей¹². Эта гипотеза, скорее всего, больше понравится экономисту, чем социологу. О ней можно сказать, что она «предполагает» целенаправленное преследование материальной выгоды работодателями в конкурентных отраслях, а эта «предпосылка» хорошо работает для большого числа гипотез, имеющих отношение ко многим массовым явлениям, которыми занимается экономическая наука. Поэтому экономисту представляется разумным, что эта гипотеза и в рассматриваемом случае может быть столь же справедлива. Вместе с тем те гипотезы, к которым привык социолог, исходят из весьма отличной модели или идеального мира, в котором целенаправленное преследование собственной материальной выгоды играет менее важную роль. Косвенные данные об этой гипотезе, доступные социологу, менее благоприятны для нее, чем косвенные данные, доступные экономисту, поэтому социолог будет смотреть на нее с большим подозрением.

Разумеется, ни данные экономиста, ни данные социолога не являются убедительным доказательством. Решающей проверкой служит то, работает ли данная гипотеза применительно к явлениям, на объяснение которых она претендует. Но суждение о ней может потребоваться прежде, чем была проведена какая-либо удовлетворительная проверка и, возможно, в условиях, когда проверка не может быть осуществлена в обозримом будущем. В этом случае суждение будет с необходимостью основываться на имеющихся неадекватных данных. Заметим, что, даже когда такая про-

---

12. Строгая формулировка этой гипотезы должна была бы точно определить, как следует судить о «степени расовой и религиозной дискриминации» и «степени монополизации». Вольная формулировка в тексте достаточна, однако, для наших целей.

Методология позитивной экономической науки

верка может быть произведена, специальность ученых все равно влияет на суждения, к которым они приходят. В науке никогда нет полной определенности, и значимость фактов, подтверждающих или опровергающих гипотезу, никогда не может быть оценена абсолютно «объективно». В данном случае экономист будет терпимее социолога при вынесении суждения о соответствии следствий гипотезы реальностям, и его сможет убедить меньшее количество примеров такого «соответствия».

V. Некоторые приложения к экономическим проблемам

Абстрактные методологические проблемы, которые мы обсуждали, имеют прямое отношение к непрекращающейся критике «ортодоксальной» экономической теории как «нереалистичной» и к предпринимаемым попыткам переформулировать теорию так, чтобы она удовлетворяла критериям реалистичности. Критики утверждают, что экономическая наука является «мрачной», ибо она предполагает, что человек является эгоистом, которого не волнует ничто, кроме денег, существом, «молниеносно вычисляющим удовольствия и страдания, колеблющимся, подобно однородному шарикю, целиком состоящего из желания счастья, под воздействием стимулов, которые перемещают его в пространстве, ничего не меняя внутри него» (Veblen, 1919 [1898], p. 73); она покоится на устаревших представлениях о психологии и должна видоизменяться в соответствии с прогрессом психологической науки; она предполагает, что люди, по крайней мере бизнесмены, «всегда находятся наготове, они готовы менять цены или правила ценообразования в любой момент, когда их тонкая интуиция... обнаруживает изменения в условиях спроса и предложения» (Oliver, 1947, p. 381); она предполагает совершенные рынки, чистую конкуренцию и однородность товаров, труда и капитала.

Как мы видели, критика такого рода в значительной степени бьет мимо цели, пока она не дополняется фактами того, что гипотеза, отличающаяся в том или ином из этих аспектов от критикуемой теории, дает лучшие предсказания для широкого круга явлений. Однако большая часть подобной критики такими фактами не дополняется; она почти полностью основывается на непосредственно наблюдаемых расхождениях между «предпосылками» и «реальным миром». Особенно наглядным примером служит давняя критика гипотезы о максимизации результата (returns) на том основании, что бизнесмены не ведут, да и в самом деле не могут вести себя так, как «предполагает» теория. Факты, приводимые в поддержку данного

Милтон Фридман

утверждения, обычно берутся или из ответов, которые дают бизнесмены на вопросы о факторах, влияющих на их решение (этот способ проверки экономических теорий находится почти на том же уровне, что и проверка теорий долголетия путем опроса восьмидесятилетних стариков о том, чем они объясняют свою долгую жизнь), или из описательных исследований принятия решений в отдельных фирмах¹³. В то же время мало (или вообще нет) данных о соответствии фактического поведения бизнесменов на рынке – того, что они делают, а не говорят о своих действиях, – следствиям критикуемой гипотезы, с одной стороны, и следствиям альтернативных гипотез – с другой.

Теория или ее «предпосылки», вероятно, вообще не могут быть до конца «реалистичными» в том непосредственном описательном смысле, который этому термину очень часто приписывают. Полностью «реалистичная» теория рынка пшеницы должна была бы включать не только условия, прямо лежащие в основе спроса и предложения на пшеницу, но также вид монет или кредитных инструментов, используемых в процессе обмена; личные характеристики торговцев пшеницей, такие как цвет волос и глаз каждого из них, его происхождение и образование, число членов его семьи, их характеристики, происхождение, образование и т. д.; вид почвы, на которой была выращена пшеница, ее физические и химические характеристики, преобладавшая в период вегетации погода; характеристики фермеров, выращивающих пшеницу, и потребителей, которые будут в конечном счете ее использовать; и так до бесконечности. Любая попытка слишком далеко продвинуться в направлении такого «реализма», несомненно, делает теорию совершенно бесполезной.

Разумеется, в какой-то мере понятие полностью реалистичной теории является фикцией. Ни один критик теории не принял бы эту логическую крайность в качестве своей цели; он сказал бы, что «предпосылки» критикуемой теории «слишком» нереа-

---

13. См.: Henderson, 1938; Meade and Andrews, 1938; Harrod, 1939; Hall and Hitch, 1939; Lester, 1946; Gordon, 1948. Детальную критику метода опросов см. в: Machlup, 1946, особ. Sec. II.

Это вовсе не означает, что анкетные опросы бизнесменов или других людей о мотивах или убеждениях, касающихся воздействующих на их поведение факторов, бесполезны для всех задач экономической теории. Они могут быть чрезвычайно ценными с точки зрения поиска объяснения расхождений между предсказываемыми и наблюдаемыми результатами, то есть при создании новых гипотез или пересмотре старых. Но как бы они ни были ценны в этом отношении, опросы кажутся мне почти полностью бесполезными как средство проверки обоснованности экономических гипотез. См. мой комментарий к статье: Hart, 1949, p. 198–199.

Методология позитивной экономической науки

листочны и его целью является «более» реалистичный набор предпосылок, хотя и не являющийся полным и точным слепком с действительности. Но если критерием «реализма» служит непосредственная описательная точность «предпосылок» – например, наблюдение, что «бизнесмены оказываются не такими уж алчными, динамичными и логичными, как их изображает маржиналистская теория» (Oliver, 1947, p. 382), или что для менеджера многопрофильного предприятия «было бы совершенно непрактичным при имеющихся условиях пытаться... вычислять и уравнивать предельные издержки и предельные доходы для каждого производственного фактора» (Lester, 1946, p. 75), – в таком случае ничто не может остановить нас на пути к той фикции, которую мы описали в предыдущем абзаце. Каков критерий, по которому мы можем судить о том, приемлемо или нет данное отклонение от реализма? Почему при анализе поведения фирмы пренебрегать различиями в величине издержек отдельных бизнесменов более «нереалистично», чем цветом их глаз? Очевидным ответом служит то, что первое оказывает большее влияние на поведение фирмы, чем второе, но мы не можем узнать этого просто путем наблюдения. Наблюдение скажет нам лишь о том, что у бизнесменов издержки имеют разную величину, а глаза имеют разный цвет. Ясно, что сопоставить влияние факторов можно, лишь сравнив, какое воздействие оказывает тот или иной из них на расхождение между фактическим и предсказываемым поведением. Таким образом, даже наиболее ревностные сторонники реалистических предположений вынуждены будут отказаться от своего собственного критерия в пользу проверки предсказаний, когда они будут классифицировать альтернативные предпосылки на более и менее реалистичные¹⁴.

---

14. Например, прямое изучение Гордоном «предпосылок» привело его к следующей формулировке альтернативной гипотезы, обычно благосклонно воспринимаемой критиками гипотезы о максимизации результата: «Существует непреодолимая тенденция устанавливать цены на основе средних полных издержек для некоторого «нормального» уровня выпуска. Этот связанный с наименьшими затратами критерий используют бизнесмены и бухгалтеры, и их цель скорее состоит в том, чтобы получать удовлетворительные прибыли и обеспечить себе безопасность, чем в максимизации прибыли» (Gordon, 1948, p. 275). Но он, по существу, отбрасывает эту гипотезу или превращает ее в тавтологию и в дальнейшем в неявном виде принимает проверку посредством предсказания, когда он замечает: «Полное покрытие издержек и удовлетворительные прибыли могут продолжать служить целями даже тогда, когда совокупные издержки снижаются, чтобы выдержать конкуренцию, или цена завышается, чтобы извлечь выгоды из рынка продавца» (Gordon, 1948, p. 284). Где же здесь «непреодолимая тенденция»? Какого рода факты могут опровергнуть подобное утверждение?

Милтон Фридман

Смешение описательной точности и аналитической приемлемости, которое лежит в основании многих критических высказываний в адрес экономической теории по поводу нереалистичности ее предпосылок, и внешнее правдоподобие взглядов, которые приводят к этому смешению, можно замечательно проиллюстрировать на первый взгляд невинным замечанием в статье по теории делового цикла о том, что «экономические явления разнообразны и сложны, поэтому любая исчерпывающая теория делового цикла, приложимая к реальности, должна быть очень сложна» (Alexander, 1951, p. 872). Фундаментальная посылка науки состоит в том, что видимость обманчива и что существуют такие способы анализа, интерпретации или организации данных, которые обнаруживают, что несвязанные и различные на первый взгляд явления суть проявления более фундаментальной и относительно простой структуры. И проверкой этой гипотезы, как и любой другой, являются ее плоды – критерий, которым наука до сих пор пользовалась с потрясающим успехом. Если класс «экономических явлений» выглядит разнообразным и сложным, мы должны предположить, что это происходит потому, что у нас нет адекватной теории для их объяснения. Нельзя отделить «приложимую к реальности» теорию от известных фактов. Теория есть способ восприятия «фактов», и мы не можем воспринять «факты» без теории. Любое утверждение, что экономические явления разнообразны и сложны, отрицает преходящий характер знания, который только и придает смысл научной деятельности; оно стоит в одном ряду со справедливо высмеиваемым утверждением Джона Стюарта Милля: «К счастью, в законах стоимости нет ничего, что осталось бы выяснить современному [1848] или любому будущему автору; теория этого предмета является завершённой» (Милль, 1980, с. 172).

Смешение описательной точности и аналитической приемлемости привело не только к безосновательной критике экономической теории, но и к ее непониманию и к напрасной трате усилий для исправления мнимых дефектов. «Идеальные типы» в абстрактной модели экономистов-теоретиков рассматривались как строго описательные категории, предназначенные для того, чтобы прямо и полностью соответствовать объектам реального мира независимо от цели, для которой используется модель. Очевидные расхождения моделей и реальности привели к обреченным на неудачу попыткам создания теорий на основе категорий, якобы дающих полное описание.

Эта тенденция наиболее ясно, наверное, иллюстрируется интерпретацией понятий «совершенной конкуренции» или «монополии» и развитием теории «монополистической» или «несовершенной конкуренции». Утверждается, что Маршалл предполагал

Методология позитивной экономической науки

существование «совершенной конкуренции», а далее говорится, что, возможно, она когда-то имела место, но очевидно, что ее больше нет, и поэтому мы должны отбросить его теорию. Читатель будет долго — и, я предсказываю, безуспешно — искать у Маршалла открыто сформулированную предпосылку совершенной конкуренции или дескриптивное утверждение о том, что мир состоит из атомистических фирм, действующих в условиях совершенной конкуренции. Скорее он обнаружит, что Маршалл говорил следующее: «Одну крайность образуют мировые рынки, на которых непосредственно действует конкуренция, исходящая из всех частей земного шара, а другую крайность составляют те находящиеся в глуши рынки, на которых всякая непосредственная внешняя конкуренция исключена (хотя косвенная, передаточная конкуренция может даже и здесь давать себя чувствовать), а примерно на полпути между этими крайностями размещается громадное число рынков, которые экономисту и бизнесмену надлежит изучить» (Маршалл, 1983–1984, т. 1, с. 12; см. также: т. 1, с. 91, 164; т. 2, с. 24, 31, 61, 250). Маршалл принимал мир таким, каков он есть, и стремился к тому, чтобы сконструировать «машину» для его анализа, а не получить фотографическое воспроизведение этого мира.

В процессе анализа реального мира Маршалл сконструировал гипотезу о том, что при рассмотрении многих проблем фирмы могут быть сгруппированы в «отрасли» таким образом, чтобы сходство между фирмами в каждой группе было важнее, чем различия между ними. Таковы проблемы, в рамках которых некоторый стимул воздействует на группу фирм похожим образом — скажем, общее изменение спроса на их продукты или предложения факторов. Но это важно отнюдь не всегда: при рассмотрении других проблем важным элементом может быть дифференцированное воздействие на отдельные фирмы.

Соответствующая этой гипотезе абстрактная модель содержит два «идеальных» типа фирм: атомистические конкурентные фирмы, сгруппированные в отрасли, и монополистические фирмы. Фирма является конкурентной, если кривая спроса на ее выпуск бесконечно эластична по ее собственной цене при определенной величине цены и при любом объеме выпуска (если заданы цены, которые запрашивают все другие фирмы); она принадлежит к отрасли, определяемой как группа фирм, которые производят единственный «продукт». «Продукт» определяется как множество изделий, которые являются совершенными субститутами для покупателей, так что эластичность спроса на продукцию одной фирмы по цене другой фирмы той же отрасли бесконечно велика при определенных ценах и определенных объемах выпуска. Фирма является монополистической, если кривая спроса на ее продукцию не бесконечно

Милтон Фридман

эластична при определенных ценах для любого уровня выпуска¹⁵. Если фирма является монополистом, она сама образует отрасль¹⁶.

Как всегда, гипотеза как целое состоит не только из этой абстрактной модели и ее идеальных типов, но также из набора правил, в основном неявных и существующих в виде примеров, позволяющих идентифицировать реальные фирмы с тем или иным идеальным типом и классифицировать фирмы по отраслям. Идеальные типы не предназначены для описаний, они созданы для выделения характеристик, которые являются решающими для конкретной проблемы. Даже если бы мы могли непосредственно и точно оценить кривую спроса на продукт фирмы, нам не удалось бы сразу же после этого классифицировать фирму как конкурентную или монополистическую исходя из того, бесконечна или нет эластичность кривой спроса. Ни одна наблюдаемая кривая спроса не будет строго горизонтальной, поэтому оцениваемая эластичность всегда будет иметь конечную величину. Уместно спросить, является ли эластичность «достаточно» большой, чтобы ее рассматривать как бесконечную, но на этот вопрос нельзя определенно ответить на основе одной только величины эластичности, точно так же как мы не можем для всех случаев определить, является ли атмосферное давление в 15 фунтов на квадратный дюйм «достаточно» близким к нулю, чтобы использовать формулу $S = \frac{1}{2}gt^2$. Аналогично мы не можем вычислить перекрестные эластичности спроса и затем классифицировать фирмы по отраслям в соответствии с тем, насколько существенны различия в перекрестных эластичностях спроса. Как говорил Маршалл, «вопрос о том, как подразделять различные товары на самостоятельные виды, решается рассмотрением каждого конкретного случая на основе принципа целесообразности» (Маршалл, 1983–1984, т. 1, с. 164). Все зависит от конкретной проблемы; нет никакой непоследовательности в том, чтобы рассматривать одну и ту же фирму как совершенно конкурентную при решении одной проблемы и как монополиста – при решении другой, точно так же как нет непоследовательности в рассмотрении одной и той же отметки мелом как евклидовой прямой при рассмотрении одной проблемы, евклидовой поверхности – другой и евклидова

-
15. Этот идеальный тип можно разделить на два: олигополистическая фирма, кривая спроса на продукцию которой бесконечно эластична при некоторой цене для некоторых, но не всех объемов выпуска; собственно монополистическая фирма, у которой кривая спроса нигде не становится бесконечно эластичной (за исключением разве что нулевого выпуска).
16. Применительно к олигополисту, упоминаемому в предыдущей сноске, отрасль можно определить как группу фирм, производящих одинаковый продукт.

Методология позитивной экономической науки

тела — третьей. Такие показатели, как величина эластичности или перекрестной эластичности спроса, число фирм, выпускающих физически похожие продукты и т. д., имеют отношение к делу, ибо они входят или могут входить в число переменных, используемых для определения соотношения между идеальными и реальными объектами при рассмотрении конкретной проблемы и для точной спецификации обстоятельств, при которых теория работает достаточно хорошо; но они не обеспечивают неизменную классификацию фирм на конкурентные или монополистические.

Это положение можно прояснить на следующем примере. Предположим, проблема заключается в том, чтобы определить, какое влияние окажет решение об увеличении федерального акциза на сигареты (которое, как ожидается, впоследствии не будет отменено) на розничные цены на сигареты. Я осмелюсь предсказать, что правильные в общих чертах результаты будут получены, если мы будем трактовать фирмы, производящие сигареты, так, как будто они выпускают идентичный продукт и находятся в условиях совершенной конкуренции. Разумеется, в этом случае, используя выражение Маршалла, «должно быть достигнуто некоторое общее согласие», сколько сигарет «Честерфилд» «принимается эквивалентным» одной сигарете «Мальборо».

Вместе с тем заведомо очевидно, что гипотеза о том, что производители сигарет ведут себя так, как будто они находятся в ситуации совершенной конкуренции, будет неверно объяснять их реакцию на ценовой контроль во время Второй мировой войны, и это, без сомнения, осознавалось еще до этого события. Издержки фирм по производству сигарет во время войны должны были увеличиться. При таких обстоятельствах производители, действующие в условиях совершенной конкуренции, должны были бы уменьшить объем предложения по существовавшей ранее цене. Но рост доходов населения в военные годы, по-видимому, увеличил спрос при этой цене. Поэтому в условиях совершенной конкуренции строгое следование установленной законом цене должно было бы вести не только к «дефициту» в том смысле, что спрос должен был превысить предложение, но также к абсолютному уменьшению количества выпускаемых сигарет. Факты противоречат данному конкретному следствию: максимальные цены на сигареты выдерживались достаточно строго, однако объем выпуска значительно возрос. Общее давление возросших издержек действовало, по-видимому, слабее, чем разрушительное желание каждой фирмы сохранить свою долю рынка, поддержать ценность и престиж своей торговой марки, особенно в условиях, когда налог на сверхприбыль переложил значительную часть издержек такого рода рекламы на государство. В рамках этой проблемы фир-

Милтон Фридман

мы, производящие сигареты, не могут рассматриваться так, *как будто* они действуют в условиях совершенной конкуренции.

В качестве примера совершенной конкуренции часто приводят производство пшеницы фермерами. Но как производителей сигарет при рассмотрении некоторых проблем приемлемо трактовать как образующих конкурентную отрасль, так и производителей пшеницы при рассмотрении некоторых проблем нельзя считать таковыми. Например, такое предположение несправедливо, если рассматривается проблема дифференциации в ценах, которые платят за пшеницу владельцы местных элеваторов.

Маршаллианский аппарат оказался наиболее полезным для исследования случаев, когда на группу фирм воздействуют общие стимулы и когда отрасли могут трактоваться как конкурентные. Отсюда исходит неправильное представление, что Маршалл якобы «предполагал» наличие совершенной конкуренции в некотором описательном смысле. Было бы в высшей степени желательно иметь более общую теорию, чем у Маршалла, которая в одно и то же время охватывала бы как те случаи, в которых дифференциация продукта и немногочисленность фирм играет существенную роль, так и те, в которых эта роль незначительна. Такая теория дала бы нам возможность решать проблемы, которые сейчас для нас неразрешимы, и к тому же облегчила бы определение того набора обстоятельств, при которых более простая теория может рассматриваться в качестве достаточно хорошего приближения. Чтобы выполнять эту функцию, более общая теория должна быть содержательной; она должна иметь следствия, допускающие эмпирическое опровержение, представляющие интерес и имеющие большое значение.

Теория несовершенной, или монополистической, конкуренции, развитая Чемберлином и Робинсон, является попыткой построить такую более общую теорию (Чемберлин, 1959 [1933]; Робинсон, 1986 [1933]). К сожалению, она не обладает ни одним из признаков, которые сделали бы ее действительно полезной общей теорией. Ее вклад был в значительной степени ограничен улучшением изложения экономической теории индивидуальной фирмы и, следовательно, выводом следствий из маршаллианской модели, усовершенствованием маршаллианского анализа монополии и обогащением словаря, пригодного для описания промышленной практики.

Недостатки этой теории раскрываются наиболее ярко в предпологаемой ею трактовке или неспособности трактовать проблемы, относящиеся к группам фирм – маршаллианским «отраслям». До тех пор, пока утверждается, что дифференциация продукта имеет существенное значение – а это основной отличительный тезис теории монополистической конкуренции, – не может использоваться определение отрасли как группы фирм, выпускающих

Методология позитивной экономической науки

идентичный продукт. Согласно данному определению, при наличии дифференциации каждая фирма представляет собой отдельную отрасль. Определение в терминах «близких» субституттов или «существенности различий» в перекрестных эластичностях обходит проблему, вводит неясности и неопределяемые понятия в абстрактную модель, где для них нет места, и приводит лишь к тому, что теория теряет аналитическую значимость — термины «близкий» и «существенный» относятся к той же категории, что и «малое» атмосферное давление¹⁷. В одном месте Чемберлин неявно определяет отрасль как группу фирм, имеющих идентичные кривые спроса и издержек (Чемберлин, 1959, с. 137). Но это также логически бессмысленно до тех пор, пока дифференциация продукта провозглашается существенной. Что означают слова, что кривые издержек и спроса для фирм, производящих бульдозеры, идентичны аналогичным кривым для фирм, выпускающих шпильки?¹⁸ И если это бессмысленно для бульдозеров и шпилек, это бессмысленно также для двух сортов зубной пасты — до тех пор, пока мы настаиваем, что различие между двумя сортами имеет фундаментальное значение.

Теория монополистической конкуренции не предлагает инструментов для анализа отрасли и поэтому не дает никакого промежуточного звена между двумя крайностями: фирмой и общим равновесием (см.: Triffin, 1940, особ. р. 188–189). Поэтому она неспособна внести вклад в анализ множества важных проблем: на одном полюсе проблема слишком узка, чтобы представлять какой-нибудь интерес, а на другом — слишком широка, чтобы позволить сделать значимые обобщения (детальную критику см. в: Stigler, 1949a).

VI. Заключение

Экономическая теория как позитивная наука представляет собой совокупность принимаемых на основе эмпирической проверки об-

---

17. См.: Bishop, 1952, где делается попытка создать строгую классификацию рыночных отношений по этим направлениям. Несмотря на изобретательность автора, результат представляется мне полностью неудовлетворительным. Он основывается на классификации чисел на «большие» и «малые», однако при этом не обсуждается вопрос о том, как решить, является ли конкретное число «большим» или «малым», что, разумеется, просто невозможно сделать на чисто абстрактном уровне.

18. Всегда существует количественное преобразование, которое сделает идентичным либо кривые издержек, либо кривые спроса; это преобразование, однако, не обязательно линейно — в этом случае при различных уровнях выпуска производятся разноразмерные единицы одного и того же продукта. Не обязательно существует и преобразование, которое одновременно делает идентичными обе пары кривых.

Милтон Фридман

общений экономических явлений, которые можно использовать для предсказания последствий изменения обстоятельств. Прогрессу экономической теории, то есть расширению этой совокупности обобщений, укреплению нашей уверенности в их обоснованности и повышению точности делаемых на их основе предсказаний, препятствует не только ограниченность человеческих способностей, которая затрудняет любое приобретение знаний, но также помехи, которые особенно важны в общественных науках вообще и в экономической теории особенно, хотя эти помехи никоим образом не ограничиваются только этими отраслями знания. Всеобщее поверхностное знакомство с предметом экономической теории порождает презрение к специальному знанию о нем.

Важность этого предмета для повседневной жизни и государственной политики препятствует объективности и способствует смещению научного анализа с нормативными суждениями. Необходимость полагаться на неконтролируемую практику в большей степени, чем на контролируемый эксперимент, затрудняет получение однозначных и четких данных, позволяющих принять ту или иную гипотезу. Опора на неконтролируемую практику не затрагивает фундаментальный методологический принцип, гласящий, что гипотезу можно проверить, только сопоставляя ее следствия или предсказания с наблюдаемыми явлениями. Но это делает задачу проверки гипотез более сложной и оставляет широкий простор для недоразумений относительно используемых методологических принципов. Социологи больше других ученых нуждаются в том, чтобы понимать используемую ими методологию.

Одним из наиболее распространенных и вредных недоразумений была путаница вокруг роли «предпосылок» в экономическом анализе. Значимая научная гипотеза или теория обычно утверждает, что для понимания конкретного класса явлений определенные факторы важны, а другие – нет. Обычно удобно описывать такую гипотезу следующим образом: процессы, которые она должна предсказывать, происходят в наблюдаемом мире так же, как они происходили бы в гипотетическом и сильно упрощенном мире, в котором действуют лишь те факторы, важность которых утверждает данная гипотеза. Как правило, существует более чем один способ описать наблюдаемый мир с помощью моделей – более чем один набор «предпосылок», на языке которых может быть представлена теория. Выбор между такими альтернативными наборами предпосылок производится на основе критериев экономности, ясности и точности при формировании гипотезы, способности привлекать дополнительные данные, позволяющие судить о ее обоснованности. Эти косвенные данные помогают формулировать некоторые следствия, легко сопоставимые с наблюдениями, или

Методология позитивной экономической науки

выявлять связь с другими гипотезами, которые относятся к родственным явлениям, и т. д.

Такая теория не может быть проверена прямым сопоставлением ее «предпосылок» с «реальностью». Да и не существует никакого осмысленного способа сделать это. Полный «реализм», очевидно, недостижим, а вопрос о том, является ли теория «достаточно» реалистичной, может быть разрешен только исходя из того, дает ли она достаточно хорошие для данной цели предсказания или лучшие предсказания по сравнению с альтернативными теориями. Тем не менее вера в то, что теория может быть проверена через реализм ее предпосылок независимо от точности ее предсказаний, широко распространена и служит источником постоянной критики экономической теории за нереалистичность. Такая критика, как правило, не имеет отношения к делу, и в результате большинство основанных на ней попыток реформировать экономическую теорию оказались безуспешными.

Необоснованность этой массивной критики экономической теории не означает, разумеется, что существующая экономическая теория заслуживает большого доверия. Эта критика бьет мимо цели, однако критиковать экономическую теорию есть за что. Любая теория с необходимостью имеет преходящий характер и подвержена изменению с прогрессом знания. Оставляя в стороне столь банальное утверждение, отметим необходимость конкретизации содержания «существующей экономической теории» и проведения различий между разными ее ветвями; некоторые части экономической теории, очевидно, заслуживают большего доверия, чем другие. Исчерпывающая оценка нынешнего состояния позитивной экономической науки, сбор фактов, касающихся ее обоснованности, оценка относительной степени доверия, которого заслуживает каждая часть, очевидно, являются задачей трактата или, возможно, набора трактатов, но не короткой статьи по методологии.

Все, что можно было сделать в данной статье, — это бегло изложить личное мнение автора. Существующая теория относительных цен, которая была создана для объяснения распределения ресурсов между различными направлениями их использования и распределения произведенного продукта между взаимодействующими факторами производства и которая была практически доведена до нынешнего состояния еще в «Принципах экономической науки» Маршалла, представляется мне исключительно плодотворной и заслуживающей самого высокого доверия применительно только к тому типу экономической системы, который характеризует страны Запада. Несмотря на значительные разногласия, это в равной степени справедливо по отношению к существую-

Милтон Фридман

щей статической денежной теории, которая создана для объяснения структурных или долговременных характеристик, определяющих уровень абсолютных цен, совокупного производства и других переменных, описывающих экономику в целом, и основным ядром которой – во всех основных ее вариантах, от Дэвида Юма через Кембриджскую школу и Ирвинга Фишера до Джона Мейнарда Кейнса, – была количественная теория денег. Наиболее слабая и наименее удовлетворительная часть нынешней экономической теории, как мне представляется, относится к динамической области денежной теории, которая исследует процесс адаптации экономики как единого целого к изменениям во внешних условиях, то есть анализирует краткосрочные колебания экономической активности. В этой области у нас нет ничего, что хотя бы условно можно было бы назвать общей динамической денежной теорией.

Разумеется, даже в теории относительных цен и статической денежной теории остается большой простор для расширения предмета исследования и повышения точности существующей теории. В частности, чрезмерный крен в сторону описательного реализма «предпосылок» способствовал пренебрежению важнейшей проблемой определения границ обоснованности различных гипотез, которые вместе составляют существующую экономическую теорию. Абстрактные модели, соответствующие этим гипотезам, были значительно детализированы и существенно усовершенствованы по критериям строгости и точности. Описательный материал о свойствах нашей экономической системы и ее функционировании собирался с беспрецедентным размахом. Все это хорошо. Но, чтобы эффективно использовать эти абстрактные модели и этот описательный материал, мы должны провести сравнимое по масштабам исследование критериев, определяющих, какая абстрактная модель является лучшей для исследования определенных проблем, какие категории абстрактной модели должны быть идентифицированы с наблюдаемыми объектами и какие аспекты проблемы или характеристики внешней среды оказывают наибольшее влияние на точность предсказаний конкретной модели или теории.

Прогресс позитивной экономической науки потребует не только проверки и развития существующих гипотез, но и построения новых. Здесь мало что можно сказать на формальном уровне. Построение гипотез является творческим актом вдохновения, интуиции, изобретения; его суть заключается в обнаружении чего-то нового в знакомом материале. Этот процесс надо обсуждать в психологических, а не логических категориях, изучать по автобиографиям и биографиям, а не трактатам о научном методе и стимулировать его с помощью афоризмов и примеров, а не силлогизмов или теорем.

Методология позитивной экономической науки

Литература

- Кейнс Дж. Н. *Предмет и метод политической экономии*. М.: И. А. Баландин, 1899 [1891].
- Маршалл А. *Принципы политической экономии*. В 3-х тт. М.: Прогресс, 1983–1984 [1890].
- Милль Дж. С. *Основы политической экономии*. В 3-х тт. М.: Прогресс, 1980 [1848].
- Робинсон Дж. *Экономическая теория несовершенной конкуренции*. М.: Прогресс, 1986 [1933].
- Фридман М. Маршаллианская кривая спроса // В. М. Гальперин (ред.). *Теория потребительского поведения и спроса*. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 250–303.
- Фридман М., Сэвидж Л. Дж. Анализ полезности при выборе среди альтернатив, предполагающих риск // В. М. Гальперин (ред.). *Теория потребительского поведения и спроса*. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 208–249.
- Чемберлин Э. Х. *Теория монополистической конкуренции. Реориентация теории стоимости*. М.: Изд. иностр. лит., 1959 [1933].
- Alchian A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory // *Journal of Political Economy*. June 1950. V. 58. P. 211–221.
- Alexander S. S. Issues of Business Cycle Theory Raised by Mr. Hicks // *American Economic Review*. December 1951. V. 41.
- Bishop R. L. Elasticities, Cross-Elasticities, and Market Relationships // *American Economic Review*. December 1952. V. 42. P. 779–803.
- Cooper G. The Role of Economic Theory in Econometric Models // *Journal of Farm Economics*. February 1948. V. 30. P. 101–116.
- Friedman M. Comment. // B. F. Haley (ed.). *Survey of Contemporary Economics*. Chicago: Richard D. Irvin, 1952. V. II. P. 455–457.
- Friedman M. The Effects of Full Employment Policy on Economic Stability: A Formal Analysis // M. Friedman. *Essays in Positive Economics*. Chicago: University of Chicago Press, 1953a. P. 117–132.
- Friedman M. Lange on Price Flexibility and Employment: A. Methodological Criticism // M. Friedman. *Essays in Positive Economics*. Chicago: University of Chicago Press, 1953b. P. 277–300.
- Friedman M. and Savage L. J. The Expected-Utility Hypothesis and the Measurability of Utility // *Journal of Political Economy*. December 1952. V. 60. P. 463–474.
- Gordon R. A. Short-Period Price Determination in Theory and Practice // *American Economic Review*. June 1948. V. 38. P. 256–288.
- Haavelmo T. The Probability Approach in Econometrics // *Econometrica*. 1944. V. XII. Supplement.
- Haley B. F. (ed.). *Survey of Contemporary Economics*. Chicago: Richard D. Irvin, 1952.
- Hall R. J. and Hitch C. J. Price Theory and Business Behavior // *Oxford Economic Papers*. May 1939. No. 2. P. 12–45.
- Harrod R. F. Price and Cost in Entrepreneurs Policy // *Oxford Economic Papers*. May 1939. No. 2. P. 1–11.
- Hart A. G. Liquidity and Uncertainty // *American Economic Review*. May 1949. V. 39.

Милтон Фридман

- Henderson H. D. The Significance of the Rate of Interest // *Oxford Economic Papers*. October 1938. No. 1. P. 1–13.
- Hurwicz F. Generalization of the Concept of Identification // T. C. Koopmans (ed.). *Statistical Inference in Dynamic Economic Models*. New York: John Wiley & Sons, 1950.
- Koopmans T. C. Statistical Estimation of Simultaneous Economic Relations // *Journal of American Statistical Association*. December 1945. V. 40. P. 448–466.
- Koopmans T. C. Identification Problems in Econometric Model Construction // *Econometrica*. April 1949. V. 17. P. 125–144.
- Lester R. A. Shortcomings of Marginal Analysis for Employment Problems // *American Economic Review*. March 1946. V. 36. P. 62–82.
- Lester R. A. Marginalism, Minimum Wages, and Labor Markets // *American Economic Review*. March 1947. V. 37. P. 135–148.
- Machlup F. Marginal Analysis and Empirical Research // *American Economic Review*. September 1946. V. 36. P. 519–554.
- Machlup F. Rejoinder to an Antimarginalist // *American Economic Review*. March 1947. V. 37. P. 148–154.
- Marschak J. Economic Structure, Path, Policy, and Prediction // *American Economic Review*. May 1947. V. 37. P. 81–84.
- Marschak J. Statistical Inference in Economics: An Introduction // T. C. Koopmans (ed.). *Statistical Inference in Dynamic Economic Models*. New York: John Wiley & Sons, 1950.
- Marshall A. The Present Position of Economics // A. C. Pigou (ed.). *Memorials of Alfred Marshall*. London: Macmillan & Co., 1925 [1885].
- Meade J. E. and Andrews P. W. S. Summary of Replies to Question on Effects of Interest Rates // *Oxford Economic Papers*. October 1938. No. 1. P. 14–31.
- Oliver H. M., Jr. Marginal Theory and Business Behavior // *American Economic Review*. June 1947. V. 37. P. 375–383.
- Stigler G. J. Professor Lester and the Marginalists // *American Economic Review*. March 1947. V. 37. P. 154–157.
- Stigler G. J. Monopolistic Competition in Retrospect // G. Stigler. *Five Lectures on Economic Problems*. London: Macmillan & Co., 1949a. P. 12–24.
- Stigler G. J. A Theory of Delivered Price Systems // *American Economic Review*. December 1949b. V. 39. P. 1143–1157.
- The Problem of Economic Instability. A Report of a Subcommittee of the Committee on Public Issues of the American Economic Association // *American Economic Review*. September 1950. V. 40. P. 501–538.
- Triffin R. *Monopolistic Competition and General Equilibrium Theory*. Cambridge: Harvard University Press, 1940.
- Veblen T. Why Is Economics Not an Evolutionary Science? // *The Place of Science in Modern Civilization*. New York, 1919 [1898].

8

Проверяемость и приближительность¹

Герберт Саймон

ГЕРБЕРТ САЙМОН (1916–2001) родился в г. Милуоки, что в штате Висконсин, учился в Чикагском университете, где и получил докторскую степень по политологии. Он преподавал в Иллинойском технологическом институте и Университете Карнеги–Меллона. Саймон внес значительный вклад в целый ряд научных дисциплин, включая политологию, психологию и экономическую теорию. В 1978 году он получил Нобелевскую премию в области экономики. Приведенное здесь эссе было написано для симпозиума по методологии Милтона Фридмана, прошедшего в рамках заседаний Американской экономической ассоциации в 1962 году.

Я нахожу методологические исследования интересными и полезными в тех случаях, когда они посвящены конкретным задачам эмпирической науки. Поэтому, хотя в целом я согласен почти со всем, что было сказано предыдущими докладчиками и их оппонентами, я бы хотел изложить свои замечания на несколько менее абстрактном уровне.

Отношения между предпосылками и выводами в экономической науке

Профессор Нагель отметил, что то, является ли конкретное предположение фундаментальной предпосылкой теории или одним из ее производных заключений, связано с формулировкой самой

---

1. Впервые опубликовано в: Herbert Simon. Problems of Methodology – Discussion // *American Economic Review: Papers and Proceedings*. 1963. Vol. 53. No. 2. P. 229–231.

Перевод с английского Н. В. Автономовой.

Герберт Саймон

теории. Если бы дело было только в этом, то асимметрия между предпосылками и производными, о которой говорил Фридман, — то, что профессор Самуэльсон назвал F-Twist и что мне нравится называть Фридмановым «принципом нереалистичности», — была бы совершенно произвольной. Однако замечания профессора Крупна о законах композиции и связи между микроскопическими и макроскопическими теориями позволяют предположить, что дело не только в этом.

Поскольку приставки «микро-» и «макро-» в экономической науке имеют весьма узкое значение, я предпочел бы их не использовать; лучше я буду вести речь о теориях экономических акторов и теориях экономических рынков. В текущем контексте релевантная теория на уровне актора может быть приблизительно изложена в виде следующих предпосылок: X — бизнесмены хотят максимизировать прибыль; Y — бизнесмены могут делать и делают расчеты, определяющие наиболее прибыльный образ действий. Теория на уровне рынка может быть суммирована так: Z — цены и количества наблюдаются на тех уровнях, которые максимизируют прибыль фирм на рынке (для простоты будем считать, что мы имеем в виду максимум теории совершенной конкуренции).

Защищая теорию, состоящую из X , Y и Z , Фридман утверждает, что неважно, ложны ли предпосылки X и Y , если вывод Z соответствует истине. Профессор Нагель и профессор Самуэльсон уже доказали логическую ошибку использования истинности Z для доказательства X и Y , равно как и для доказательства последствий X и Y , которые не следуют исключительно из предпосылки Z . Но мнение Фридмана ставит перед нами и другие, не менее серьезные проблемы.

Тот факт, что X и Y выбраны в качестве предпосылок, а Z — в качестве вывода, объясняется не только предпочтениями автора теории при ее формулировке. Такая формулировка вписывается в наши привычные, пусть и неявные, представления об объяснении. Мы объясняем макроскопическое микроскопическим (при помощи некоторых композиционных законов) — объясняем рынок акторами. Мы поступаем так отчасти потому, что это соответствует нашему ощущению, что отдельные акторы являются простыми компонентами сложного рынка; соответственно, они являются подходящими объяснительными элементами. Мы делаем это отчасти потому, что X и Y , вместе с композиционными законами, позволяют нам сделать и другие предположения на уровне рынка — допустим, о переносе налогового бремени или об иных политических вопросах, — которые мы не можем проверить при помощи непосредственных наблюдений.

Проверяемость и приближительность

Логическая ущербность Фридманового принципа нереалистичности так захватила ученых – причем не только на сегодняшнем заседании, – что никто не обратил внимания на другие его ошибки. Большинство критиков приняли предпосылку Фридмана о том, что предположение Z проверяется эмпирическим путем, в то время как X и Y не поддаются непосредственному наблюдению. Это, конечно, чушь. Никто не наблюдал на практике, действительно ли фирмы ведут дела так, чтобы максимизировать свою прибыль; и никто не выдвинул метода проверки этого предположения путем непосредственного наблюдения. Я не могу представить себе такой проверки, ведь проверяющий неминуемо оказался бы так же некомпетентен в вопросах нахождения оптимальной позиции, как и сами фирмы.

Если в таких условиях Z – это состоятельная теория, то ее состоятельность должна объясняться тем, что она следует из эмпирически верных предпосылок об акторах и эмпирически верных законов композиции. Мы действительно располагаем достаточным количеством эмпирических данных о предпосылках X и Y . Однако в отношении как минимум Y эти данные свидетельствуют о ложности. Заявленная цель Фридманового принципа нереалистичности – сохранить классическую экономическую теорию при том, что предпосылка Y очевидно несостоятельна (аргумент Алчиана о выживании фирм «выживают только те, кто максимизирует прибыль» тут бессилён, поскольку его, как и Z , нельзя подтвердить непосредственным наблюдением – мы не можем определить, кто максимизирует свою прибыль, а кто нет).

Для разрешения этой сложности имеется весьма незатейливое средство, которое, однако, может потребовать проведения большего количества эмпирических исследований на уровне отдельных акторов, чем привыкли проводить большинство экономистов, воспитанных традиционной школой. Давайте проведем наблюдения, необходимые для того, чтобы найти и проверить истинные предпосылки, назовем их X' и Y' и заменим ими ложные X и Y . Затем мы сможем построить на этом более крепком основании новую рыночную теорию. Это предложение, разумеется, не является революционным. За последние двадцать лет оно достаточно заметно приблизилось к реализации.

Идеальные типы и приближительные значения

Мое заключительное замечание связано с тем, о чем я уже говорил. На этом заседании много говорилось об идеальных типах: абсолютном вакууме и совершенной конкуренции. Меня не удо-

Герберт Саймон

влетворяют ответы на аргумент Фридмана, что он имеет такое же право пользоваться нереалистичными предпосылками, как и физики. Можно ли укорить Галилея за то, что он также использовал ошибочный принцип нереалистичности? Я думаю, что нет. Я думаю, Галилея интересовало поведение тел в абсолютном вакууме не потому, что в реальном мире абсолютного вакуума не бывает, но потому, что реальный мир иногда приближается к условиям абсолютного вакуума достаточно, чтобы ученому было интересно предположить его существование.

Я хотел бы предложить новый методологический принцип на смену принципу нереалистичности. Я хотел бы назвать его принципом последовательности приближения. Он гласит: если условия реального мира приближаются к предпосылкам идеального типа достаточно точно, то выводы, сделанные из этих предпосылок, будут приблизительно верны. Неучтение этого принципа в формулировке профессора Папандру кажется мне существенным недостатком его интересного подхода. Нереалистичность предпосылок в научной теории не является достоинством; скорее, она неизбежное зло — уступка ограниченной способности ученого строить предположения, и терпеть ее можно только при наличии принципа последовательности приближения.

Ученые-практики используют принцип последовательности постоянно. К сожалению, в современной статистической теории ему нет места. Слово «значимый» в устах статистика означает не более чем «скорее всего, неслучайный». Однако, когда мы проверяем экстремальные гипотезы — идеальные типы, — мы мало интересуемся тем, «значимы» ли наблюдаемые отклонения от теории в этом статистическом смысле. Нам куда важнее узнать, значимы ли они настолько, что приближение теории к реальности выходит за пределы допустимого. Пока этот второй смысл значительности показателей не будет должным образом сформулирован и включен в статистическую методологию, мы не сможем применить к экстремальным гипотезам должного методологического подхода. Обсуждения, которые велись на этом заседании, не привели нас к решению, но помогли определить эту проблему как центральную по значимости для методологии экономической науки.

9

Зачем заглядывать под капот?¹

Дэниел М. Хаусман

Дэниел М. Хаусман (род. 1947) — профессор философии в Университете Висконсина—Мэдисона. Докторскую диссертацию Хаусман защитил в Колумбийском университете; большая часть его работ посвящена экономической методологии и теории причинности.

Эссе Милтона Фридмана «Методология позитивной экономической науки» (1953; глава 7 настоящей антологии) было воспринято методологами без особого восторга, однако по сей день остается крайне влиятельным. Почему? Возможно, методологи упустили из виду какой-то важный довод, который экономистам показался убедительным. В отличие от Хирша и де Марчи, я говорю сейчас только об аргументации, а не о том, «что на самом деле имел в виду Фридман».

Фридман утверждает, что «позитивная наука имеет своей конечной целью выдвигание „теории“ или „гипотезы“, которая дает правильные и значимые (то есть не являющиеся трюизмами) предсказания относительно еще не наблюдавшихся явлений». Это центральный тезис инструментализма. Однако с позиции традиционного инструментализма, в котором *все* наблюдаемые следствия теории имеют значение, невозможно защищать центральное утверждение Фридмана о том, что реалистичность предпосылок не имеет значения при оценке научной теории. Дело в том, что предпосылки экономической науки проверяемы, и инструменталист не стал бы игнорировать очевидных доказательств их ложно-

---

1. Daniel M. Hausman. *Essays on Philosophy and Economic Methodology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 70–73.

Я хотел бы поблагодарить Джона Дреера, Мертона Финклера, Дэниела Хэммонда, Эррки Коскелу, Майкла Макферсона и Герберта Саймона за конструктивную критику и советы.

Перевод с английского Н. В. Автономовой.

Дэниел М. Хаусман

сти. В самом деле, различие между предпосылками и следствиями поверхностно. Результаты исследований, которые были изложены Ричардом, Лестером и прочими учеными и которые Фридман считает несущественными и вводящими в заблуждение, являются в такой же мере предсказаниями неоклассической теории, как и утверждения о явлениях рынка.

Однако, как и Лоуренс Боланд (1979), я вынужден заключить, что Фридман *не является* стандартным инструменталистом. Сравним следующие отрывки:

Если же рассматривать теорию как совокупность содержательных гипотез, то о ней следует судить по ее предсказательной силе относительно того класса явлений, который она должна «объяснить» (с. 183).

Для того чтобы тест [предсказаний] был корректен, дедуцированные факты должны относиться к классу явлений, для объяснения которых создавалась гипотеза (с. 187).

Решающей проверкой служит то, работает ли данная гипотеза применительно к явлениям, на объяснение которых она претендует (с. 203).

Фридман *отвергает* то значение, которую традиционный инструментализм придает предсказаниям какой-либо теории. Хороший инструмент не обязан быть универсальным. По мнению Фридмана, цель экономической науки – делать предсказания с ограниченным успехом, то есть предсказания, верные лишь для «того класса явлений, которые гипотеза должна объяснить». Фридман называет исследования Лестера несущественными, поскольку их результаты не относятся к явлениям, которые призвана объяснить теория фирмы. На одном этом основании многие экономисты отметают вопросы о том, верны ли утверждения теории выбора потребителя относительно индивидов.

Я предполагаю, что Фридман использует свою идею о том, что наука должна делать предсказания с ограниченным успехом, в качестве предпосылки в следующем неявном рассуждении:

- (1) Хорошая гипотеза позволяет сделать верные и значимые предсказания относительно того класса явлений, на объяснение которых она претендует (предпосылка).
- (2) Единственная проверка качества любой гипотезы состоит в том, позволяет ли она сделать верные и значимые предсказания относительно того класса явлений, на объяснение которых претендует² (несостоятельный вывод из 1).

---

2. Обратите внимание, что в (2) не утверждается, что единственный критерий проверки гипотезы – это истинность ее предсказаний. В (2) говорится, что

Зачем заглядывать под капот

- (3) Любые другие факты относительно гипотезы, включая реалистичность или нереалистичность ее предпосылок, несущественны для ее научной оценки (тривиальный вывод из 2).

Если (1) критерием хорошей теории являются ограниченные предсказательные возможности, то тогда, разумеется, (2) проверкой хорошей теории является ограниченный предсказательный успех, и утверждение Фридмана о том, что реалистичность предпосылок несущественна, тривиально из этого следует. Это соблазнительная и убедительная аргументация.

Однако она ошибочна. Вывод (2) не является истинным и не следует из (1). Чтобы понять, почему это так, рассмотрим аналогичное рассуждение:

- (1') Хороший автомобиль безопасен, экономичен и удобен (чрезмерно упрощенная предпосылка).
(2') Единственная проверка качества автомобиля — это проверка того, насколько он безопасен, экономичен и удобен (несостоятельный вывод из 1').
(3') (Все то, что можно обнаружить, открыв капот и проверив отдельные детали подержанного автомобиля, несущественно для его оценки (тривиальный вывод из 2').

Рискну предположить, что в вывод (3') никто не поверит³. Что же не так с этой аргументацией? Она предполагает, что тест-драйв

единственный критерий проверки гипотезы — это истинность некоторых ее предсказаний, а именно тех, что относятся к «классу явлений, которую эта гипотеза призвана объяснить». Это преувеличение, и я, повторюсь, не пытаюсь предложить здесь наилучшую интерпретацию всей Фридмановой методологии. В своем эссе Фридман признает, что роль предпосылок состоит в облегчении «косвенной» проверки теории: «Тем не менее, если нет других данных, успех гипотезы при решении одной задачи — при объяснении одного класса явлений — позволит нам несколько больше доверять ей (по сравнению с обратной ситуацией) при решении другой задачи, то есть при объяснении другого класса явлений. Гораздо сложнее сказать, насколько именно больше ей следует доверять. Это зависит от того, насколько близкими мы считаем эти два класса явлений». Однако последнее предложение все же ограничивает релевантность верности предсказаний относительно явлений, далеких от тех, которые призвана объяснить теория, и Фридман явно считает, что доказательный вес косвенных проверок меньше, чем вес проверок, связанных с явлениями, которые теория должна «объяснить». Дэниел Хэммонд в одной из неопубликованных работ утверждал, что эти ограничения не входили в первую редакцию эссе.

3. Тот, кто в него верит, пусть свяжется со мной. У меня для него имеется несколько отличных старых автомобилей по выгодным ценам.

Дэниел М. Хаусман

является решающей проверкой того, как автомобиль будет ездить в будущем. Если бы это предположение было верным, если бы было возможно (и дешево) раз и навсегда установить, как будет ездить подержанный автомобиль на протяжении всего срока эксплуатации, то заглядывать под капот было бы и в самом деле ни к чему. Мы бы и без этого знали все о том, как автомобиль будет ездить, а нас только это и волнует. Но тест-драйв предоставляет нам только малую часть информации о том, как машина будет ездить. Поэтому механик, который осмотрит мотор, может снабдить нас весьма существенной и полезной информацией. Вклад механика особенно важен в тех случаях, когда мы собираемся использовать подержанный автомобиль в новой обстановке, а также в случаях, когда этот автомобиль ломается. Разумеется, мы хотим, чтобы механик был разумным и не только замечал старые и дефективные детали, но и мог бы судить о том, насколько хорошо разные запчасти будут служить своим отдельно взятым целям.

Аналогичным образом при заявленном Фридманом понимании целей науки не было бы никакой нужды исследовать верность предпосылок теории, если бы мы могли раз и навсегда оценить, насколько успешно она объясняет те явления, которые должна объяснять. Но такая оценка невозможна. В самом деле, задача любой теории заключается в том, чтобы служить нам руководством в ситуации, когда мы не знаем заранее, верны ли наши предсказания⁴. Поэтому многое можно узнать, изучив детали (предпосылки) теории и ее «нерелевантные» предсказания. Такое внимание к «реалистичности» предпосылок особенно важно, когда мы применяем теорию в новых обстоятельствах или пересматриваем ее ввиду неудачных предсказаний⁵. Опять же нам важно не то, идеально

4. Фридман отчасти признает это, когда пишет (по мнению Хэммонда, в ответ на критические замечания Джорджа Стиглера и Артура Бернса относительно более ранней версии эссе): «Решающей проверкой служит то, работает ли данная гипотеза применительно к явлениям, на объяснение которых она претендует. Но суждение о ней может потребоваться прежде, чем была проведена какая-либо удовлетворительная проверка и, возможно, в условиях, когда проверка не может быть осуществлена в обозримом будущем. В этом случае суждение будет с необходимостью основываться на имеющихся неадекватных данных».
5. Проявляя то, что мне кажется несколько непоследовательным здравомыслием, Фридман и с этим отчасти соглашается: «Это вовсе не означает, что анкетные опросы бизнесменов или других людей о мотивах или убеждениях, касающихся, воздействующих на их поведение факторов, бесполезны для всех задач экономической теории. Они могут быть чрезвычайно ценными с точки зрения поиска объяснения расхождений между предсказываемыми и наблюдаемыми результатами, то есть при создании новых гипотез или пересмотре старых. Но как бы они ни были ценны в этом отношении,

Зачем заглядывать под капот

ли верны предпосылки теории, а то, достаточно ли они адекватны в качестве приближения к реальности и будет ли их ложность иметь значение для достижения нами конкретной цели. Сделав такой вывод, мы не делаем уступки Фридману. Широкий, а не ограниченный предсказательный успех — вот основание для суждения о том, являются ли предпосылки теории адекватными приближениями к реальности. Тот факт, что компьютерная программа работает в определенном ряде случаев, не делает лишним или нерелевантным исследование алгоритма и кода этой программы.

Защищая теории с нереалистичными предпосылками, Фридман отчасти прав. Дело в том, что некоторые ошибки в предпосылках могут быть нерелевантными. Как неработающий кондиционер не имеет большого значения для эксплуатации автомобиля на Аляске, так и ошибочность предпосылки о бесконечной делимости неважна для создания гипотез о рынке основных зерновых культур. При Фридмановом узком понимании целей науки (которое я принимаю для целей настоящей аргументации, но ни в каком другом случае) реалистичность предпосылок может иногда быть нерелевантна. Однако этот вполне здравый аргумент никак не подтверждает глобального вывода Фридмана о том, что только ограниченный предсказательный успех имеет значение для оценки гипотезы.

Мы должны обратить внимание на три ограничения. Во-первых, иногда мы владеем огромным объемом информации о послужном списке как теорий, так и подержанных автомобилей. Мне может быть, например, известно, что старый «Мустанг» моего друга на протяжении последних семи лет ездил безо всяких проблем. Чем больше информации мы имеем о том, насколько хорошо зарекомендовала себя теория или машина, тем менее важно для нас исследование их отдельных частей. Но даже когда информации много, идея оценивать отдельные предпосылки — или детали — все равно не теряет смысла, особенно в случае поломки (неудачного предсказания) или перед использованием в новой обстановке. Во-вторых, интеллектуальные инструменты, в отличие от механических, не изнашиваются. Но если мы еще не поняли до конца фундаментальных законов, управляющих предметом нашего изучения, и не знаем точно области применения законов и границ их истинности, то сделанные нами обобщения могут терять ценность так же, как физические орудия. В-третьих (как напомнил мне Эрки Коскела), результаты тест-драйва интерпретировать

опросы кажутся мне почти полностью бесполезными как средство проверки обоснованности экономических гипотез».

Дэниел М. Хаусман

куда проще, чем результаты эконометрического исследования. Так что те сложности, с которыми связана проверка теории в экономической науке, просто обязывают нас заглядывать под капот.

Когда теории или подержанные автомобили функционируют нормально, их использование вполне целесообразно, хотя и надо внимательно следить за тем, чтобы все их части были проверены и исправны. Однако информация о том, насколько хорошо теории справлялись с выполнением той или иной задачи в прошлом, не является единственным критерием их верной оценки. Экономисты должны заглядывать под капот своих теорий, и они это делают. Когда же они обнаруживают там что-то неприятное, они не должны отворачиваться и говорить, что их находка ничего не значит. *Даже если цель экономиста заключается лишь в том, чтобы делать успешные предсказания в какой-то одной ограниченной области, он все равно должен заботиться о реалистичности предпосылок своей гипотезы и об истинности ее нерелевантных или неважных предсказаний.*

Поппер и Лакатос в экономической методологии¹

Д. Уэйд Хэндс

Д. Уэйд Хэндс (род. 1951) учился в Хьюстонском, а затем в Индианском университете. С 1980 года преподает в Университете Пьюджет-Саунд. Хэндс — одна из главных фигур в современной экономической методологии. Он был президентом Общества истории наук в 2005–2006 годах, а в настоящее время является редактором *The Journal of Economic Methodology*. Его самая значительная книга — «Размышления без правил» — в 2004 году получила приз имени Спенглера от Общества истории экономической науки. Приведенное ниже эссе представляет собой краткое введение в идеи Карла Поппера и Имре Лакатоса, а также в вопросы использования этих идей для философского понимания экономической науки.

✱

Цель этой главы заключается в том, чтобы критически переоценить те методологические рекомендации, которые предлагает экономистам попперианская философия, в особенности фальсификационизм Поппера и «методология научно-исследовательских программ» Лакатоса. Я внимательно рассматриваю две эти философские позиции и те сложности, которые они несут в себе для экономической методологии. Я утверждаю, что, несмотря на то что влияние попперианской философии было для эконо-

-
1. D. Wade Hands. Popper and Lakatos in Economic Methodology // Uskali Mäki, Bo Gustafsson & Christian Knudsen (eds). *Rationality, Institutions and Economic Methodology*. London: Routledge, 1993. P. 61–75.

Ценными замечаниями по поводу первых набросков этого эссе мне помогали многие коллеги; особенно я хотел бы поблагодарить Брюса Колдвелла, Кристиана Кнудсена, Ускали Мяки и Ерму Саппинена. Часть исследований была выполнена на средства гранта MNSA-4489 от Университета Пьюджет-Саунд; часть аргументации была опубликована в: Hands 1992. В недавней статье Кальдвелла (Caldwell, 1991) также можно найти прекрасное обсуждение поднятых мной вопросов.

Перевод с английского Н. В. Автономовой.

Д. Уэйд Хэндс

мистов благотворным, ни фальсификационизм, ни методология Лакатоса не являются целесообразным руководством для оценки экономических теорий. В заключении рассматриваются следствия этого утверждения и связанные с ним риски.

Введение

Попперианская философия науки имела и имеет чрезвычайный вес в экономической методологии. Попперов «фальсификационизм», впервые использованный в экономической науке Хатчисоном (Hutchison, 1938), до сих пор остается одним из главных подходов к экономической методологии. Помимо прямого влияния, попперианская философия оказала на экономическую методологию влияние косвенное — через труды Имре Лакатоса. Вопросы применимости «методологии научно-исследовательских программ» (МНИП) Лакатоса в экономической науке было посвящено немало исследований².

Цель настоящей главы состоит в том, чтобы критически переоценить методологические рекомендации попперианской философии. В ходе этой переоценки будут рассмотрены как фальсификационизм Поппера, так и МНИП Лакатоса. Неинституциональная экономическая теория как таковая в этом эссе обсуждаться не будет; в центре внимания будут общие стандарты выбора экономической теории, которые затрагивают все экономические теории (включая неинституционализм). На протяжении всего обсуждения попперианская философия будет оцениваться только применительно к экономической методологии: «экономической», поскольку в эссе рассматривается только экономическая теория и никакие другие научные дисциплины и «методологии», поскольку мы затронем только вопросы выбора и оценки теорий, а не какие-то более широкие философские проблемы. В частности, такие проблемы, как недавний вопрос Макклоски (McCloskey, 1985) о том, следует ли вообще заниматься «экономической методологией», здесь рассматриваться не будут.

---

2. Блауг (Blaug, 1976, 1991), Кросс (Cross, 1982), де Марчи (de Marchi, 1976), Даймонд (Diamond, 1988), Фишер (Fisher, 1986), Фултон (Fulton, 1984), Гласс и Джонсон (Glass and Johnson, 1988), Хэндс (Hands, 1985b), Лацис (Latsis, 1972, 1976b), Мэддок (Maddock, 1984) и Вайнтрауб (Weintraub, 1985a, b, 1988) — вот неполный список авторов, писавших о лакатосианской экономической теории. Более полный список можно найти в Hands (1985b и 1992).

Фальсификационизм

Несомненно, Карл Поппер знаменит прежде всего своим фальсификационистским подходом к философии науки; эта теория была впервые изложена им в «Логике научного исследования» в 1934 году (Popper, 1959; Поппер, 2004а). Фальсификационизм представляет собой попперовскую теорию роста научного знания, а также предложенное им решение (или снятие) проблемы индукции. Именно создание фальсификационизма позволило Попперу утверждать, что на нем лежит ответственность за смерть логического позитивизма (Popper, 1976b: 88).

Фальсификационизм Поппера состоит из двух отдельных тезисов: о демаркации (разграничении науки и ненауки) и о методологии (о том, как должна практиковаться наука). Тезис о демаркации гласит, что для того, чтобы теория была «научной», она должна быть как минимум потенциально фальсифицируемой эмпирическими наблюдениями, то есть должно существовать хотя бы одно базисное эмпирическое высказывание или суждение, противоречащее этой теории³. Потенциальная фальсифицируемость заключается в логических отношениях между теорией и базисным высказыванием; в частности, критерий демаркации требует, чтобы теорию было логически возможно фальсифицировать, но не требует, чтобы попытка такой фальсификации когда-либо была предпринята⁴. В то время как критерий демаркации Поппера вызвал и продолжает вызывать обширную полемику в философской литературе, экономистов демаркация интересует мало. Для них куда более важной проблемой является методология (проблема выбора между двумя или несколькими теориями, а не просто признание их научными или ненаучными), а попперианская методология требует практической, а не только логической фальсифицируемости научных теорий.

Коротко говоря, научная практика фальсификационизма заключается в следующем. Ученый берет научную проблему (нечто, требующее научного объяснения) и выдвигает смелое предполо-

-
3. Выражение «базовое утверждение» имеет узкое толкование в попперианской философии. Это понятие было введено в пятой главе книги Поппера (Popper, 1959; Поппер, 2004а); оно хорошо суммировано в: Watkins, 1984: 247–254.
  4. Строго говоря, как я еще буду писать дальше, научные теории не являются сами по себе логически фальсифицируемыми. Скорее, научные теории вместе со вспомогательными гипотезами (обычно многочисленными) могут составлять логически фальсифицируемые проверочные системы (см.: Hausman, 1988: 68–69).

Д. Уэйд Хэндс

жение, которое может содержать решение поставленной проблемы. Затем это предположение тщательно проверяется путем сравнения его самых маловероятных следствий с соответствующими эмпирическими данными. Поппер считает, что проверка будет тем *тщательней*, чем *менее prima facie* вероятные следствия будут подвергнуты проверке; теорию нужно вынудить «вытянуть шею», «показать врагу, а именно природе, свое наиболее уязвимое место» (Gellner, 1974: 171). Заключительный этап фальсификационистской игры зависит от того, насколько хорошо теория зарекомендовала себя на этапе проверки. Если следствия теории не соответствуют фактическим данным, то предположение считается фальсифицированным и должно быть заменено новым предположением, которое *не может быть ad hoc* родственным первому, то есть новое предположение не должно быть специально сформулировано таким образом, чтобы устранить выявленную эмпирическую аномалию⁵. Если же теория не фальсифицируется фактическими данными, она считается подкрепленной и предварительно признанной. Учитывая Попперов фаллибилизм, это признание так и останется предварительным; метод Поппера приводит к выживанию тех теорий, которые победили в схватке с эмпирическим противником, но необязательно верных.

Хотя по ряду причин экономисты соглашались, что могли бы использовать Попперов фальсификационизм в качестве методологии, в реальности *фальсификационизм почти никогда не практикуется в экономической науке*. В этом вопросе все современные авторы-методологи единодушны. Это (эмпирическое) утверждение пространно, с примерами доказывает Блауг (Blaug, 1980; Блауг, 2004), который в своей книге последовательно отстаивает фальсификационизм как нормативный идеал. Критики и сторонники фальсификационизма спорят не о том, *применялся ли он на практике* (потому что он практически не применялся), а о том, *должен ли он применяться*. Главный вопрос заключается в том, должны

---

5. В попперовской философии есть несколько типов *ad hoc*; они подробно обсуждаются в: Hands, 1988. Здесь речь идет о модификации, которая является *ad hoc* первого типа, то есть представляет собой изменения с единственной целью: избежать фальсификации. Поппер развил свое понятие независимой проверяемости для избежания такого типа *ad hoc* модификаций. Изменения могут также быть *ad hoc* во втором смысле; теоретическая модификация не является *ad hoc* во втором смысле, если некоторые из независимо проверяемых выводов действительно подтверждаются. Третий тип *ad hoc* изменений был более подробно описан Лакатосом. Если теория не является *ad hoc* в третьем смысле, то по теории Лакатоса это означает, что она эвристически прогрессивна.

Поппер и Лакатос в экономической методологии

ли экономисты сделать над собой усилие и начать практиковать фальсификационизм, хотя в прошлом им это не удавалось. Второй главный вопрос связан с первым: поможет ли сознательная практика фальсификационизма существенно улучшить экономическую теорию как научную дисциплину?

Чтобы понять, насколько уместно применение фальсификационизма в экономической науке, можно напрямую исследовать адекватность Попперовой фальсификационистской методологии как общего подхода к росту научного знания; однако сейчас мы не станем этого делать. Вместо того чтобы углубляться в этот общий вопрос, мы просто исследуем те конкретные упрёки, которые звучат в адрес фальсификационизма как принципа экономической методологии. Приведенная здесь критика не является исчерпывающей, но содержит все основные возражения, которые когда-либо звучали против применения фальсификационизма в экономической науке. Возражения приводятся не строго в порядке своей значимости⁶.

1. По ряду причин в экономической науке представляет значительную трудность так называемая *проблема Дюгема* (или Дюгема—Куайна)⁷. Во-первых, сложность человеческого поведения требует для своего исследования множества специальных условий и упрощенных предположений. Некоторые из этих ограничений могут на самом деле быть ложными (например, бесконечная делимость товаров), некоторые из предположений могут быть логически не фальсифицируемыми (например, предположение об убывающей отдаче), а другие — фальсифицируемыми логически, но не на практике (например, предположение о полноте предпочтений в теории потребительского выбора). Даже когда используемые предположения и ограничения проверяемы, их проверка может оказаться весьма сложной задачей из-за

---

6. Основные источники этих критических замечаний — это Колдвелл (Caldwell, 1984), Хаусман (Hausman, 1985, 1988), Лацис (Latsis, 1976b) и Саланти (Salanti, 1987).

7. Проблема Дюгема (Duhem, 1954) возникает из-за того, что теории никогда не проверяются по отдельности, а только в совокупности с определенными вспомогательными гипотезами (включая гипотезы о данных). Таким образом, если T — это теория, то предсказание факта e задается формулой $T \cdot A \Rightarrow e$, в которой A — это набор вспомогательных гипотез. Соединение $T \cdot A$ представляет собой тестовую систему, и наблюдение «не e » подразумевает «не $(T \cdot A)$ », а не «не T »; таким образом, фальсифицируется тестовая система, но необязательно сама теория. Проблема Дюгема традиционно принимается в расчет в философии проверки теорий, но только недавно она стала признаваться также проблемой экономической методологии (Cross, 1982).

Д. Уэйд Хэндс

недостатка контроля за средой, в которой проводится эксперимент⁸. При наличии такого многообразия ограничений практически невозможно «направить стрелу *modus tollens*» на какой-то один проблемный элемент набора вспомогательных гипотез, когда обнаруживается доказательство обратного. Во-вторых, эмпирическая база в экономической науке вообще вызывает много вопросов. Всегда можно сказать, что то, что наблюдалось учеными, не было «на самом деле» вынужденной безработицей или «на самом деле» экономической выгодой и т.д. Хотя попперианская философия предусматривает внесение поправок в эмпирическую базу, относительно этой базы все же должно существовать общепринятое согласие⁹, а в экономической науке даже такое согласие зачастую бывает невозможно. В-третьих, даже если бы первые две проблемы были бы каким-то образом разрешены, в общественных науках исследования могут вызывать такую ответную реакцию, какой не бывает в естественных науках. Проверка экономической теории способна сама по себе изменить изначальные условия проверки. Проведение проверки связи между предложением денег и уровнем цен может изменить ожидания таким образом, что изначальные условия (которые «изначально» были верными) после проверки уже не являются верными (и уже не будут верными, если эта же проверка будет проведена опять).

2. Проблема самостоятельная, хотя и связанная с тезисом Дюгема, заключается в том, что метод качественной сравнительной статистики, используемый в экономической науке, крайне затрудняет тщательную проверку, но зато излишне облегчает дешевое подкрепление. В экономической науке очень часто бывает так, что самое мощное из имеющихся предсказаний получено методом качественной сравнительной статистики, который указывает только на то, что переменная, о которой идет речь, повышается, понижается или остается без изменений. Поскольку определить правильный знак куда проще, чем определить одновременно правильный знак и правильную величину, преобладание таких качественных предсказаний генерирует теории, бедные эмпирическим содержанием, с малым количеством потенциальных фальсификаторов, которые сложно, если вообще возмож-

---

8. Экспериментальная экономическая теория еще слишком молода, чтобы определить, способна ли она существенно улучшить сложившуюся ситуацию. Общее обсуждение методологических выводов из литературы об экспериментальной экономической теории см.: Roth, 1986; Smith, 1982, 1985.

9. Popper, 1965: 42, 267, 387–388; 1959: 43–44, 93–95, 97–111; 1983: 185–186.

Поппер и Лакатос в экономической методологии

но тщательно проверить. В результате экономисты часто создают теории, подтвержденные фактическими данными, но весьма не информативные¹⁰.

3. «Признанная неудача» Поппера (Popper, 1983: xxxv) при попытке разработать адекватную теорию правдоподобности¹¹ фундаментально затрудняет использование фальсификационистской методологии в экономической науке. Попперова теория правдоподобности развивалась как попытка примирить его фальсификационистскую методологию с научным реализмом. Дело в том, что реалистичная наука стремится к созданию «верных» теорий; согласно доктрине фальсификационизма, научная теория должна быть выбрана из многих теорий, если она была подкреплена в ходе тщательных проверок. Если фальсификационистскому методу суждено послужить реалистичным целям науки, нужно продемонстрировать, что лучше подкрепленные теории находятся ближе к истине. Ради этой демонстрации Поппер разработал свою теорию правдоподобности. На самом деле удовлетворительная теория правдоподобности послужила бы попперианской философии как минимум для двух целей. Во-первых, как я уже писал, она бы эпистемологически оправдала использование в научной игре правил фальсификационизма. Такое обоснование крайне важно для попперианской философии, поскольку в отсутствие теории правдоподобности вполне можно утверждать, что с философской точки зрения достаточных причин для выбора теорий рекомендованным Поппером образом не существует (Popper, 1972: 22; Поппер, 2002: 32). Вторая функция теории правдоподобности скорее практическая. Правдоподобность обеспечила бы правила для выбора «лучшей» теории в сложных случаях, например, когда нужно выбрать одну из двух фальсифицированных теорий. Теория правдоподобности была бы полезна в таких случаях, поскольку дала бы ученым правило для определения того, какая из двух рассматриваемых теорий в реальности является более правдоподобной: какая из них

---

10. Это один из источников «безвредной фальсификации», которую упоминают Блауг (Blaug, 1980: 128, 259) и Коддингтон (Coddington, 1975: 542–545). Проблема таких качественных (или общих) предсказаний подробно описана у Розенберга (Rosenberg, 1989).

11. Основные работы Поппера о правдоподобию можно найти в: Popper, 1965, 1972; Поппер, 2002, 2004б. Интересные дискуссии на эту тему приводятся у Кертге (Koertge, 1979), Радницки (Radnitzky, 1982) и Уоткинса (Watkins, 1984). Вопрос об отношении между правдоподобию Поппера и экономической методологией более подробно исследуется в: Hands, 1991.

Д. Уэйд Хэндс

ближе к истине. Аналогичным образом теория правдоподобности помогала бы в случаях сопоставления фальсифицированной, но смелой теории и подкрепленной, но скромной теории; возможность определить, какая теория наиболее правдоподобна, позволила бы нам выбрать теорию, которая наиболее соответствовала бы целям науки и была бы ближе к истине. Эта вторая, более практичная функция теории правдоподобности очень важна в экономической методологии, поскольку экономисты почти всегда должны выбирать либо между двумя фальсифицированными теориями, либо между смелой фальсифицированной теорией и более скромной подкрепленной. Если бы Попперова теория правдоподобности была удачной и если бы ее можно было совместить с нормами простого фальсификационизма (для того, чтобы оправдать эти нормы, а также для того, чтобы помочь в решении практической задачи по выбору теории), то фальсификационизм мог бы сыграть важную роль в выборе экономических теорий. В отсутствие же связи между тщательной проверкой и правдоподобностью метод имеет лишь ограниченную ценность для достижения реалистической цели экономической науки.

4. Правила Поппера для прогрессивного развития теории (то, что она не должна быть теорией *ad hoc*) редко применимы в экономической науке. Поппер утверждает, что если какая-то теория представляет собой «прогресс» по сравнению с предыдущей, то новая теория должна быть «независимо проверяемой»; она должна иметь избыточное эмпирическое содержание и предсказывать новые факты¹². Этот вопрос более подробно будет рассмотрен в следующем разделе, посвященном Лакатосу, а сейчас мы лишь отметим, что, хотя прогресс в Попперовом понимании иногда и представляет интерес для экономистов, чаще прогресс в экономической науке весьма отличается от предписанного Поппером. Экономисты часто заняты поиском новых объяснений хорошо известных (не новых) фактов либо объяснением известных явлений с использованием меньшего количества теоретических ограничений. Что представляет собой «прогресс» в экономической науке, а также что он должен собой представлять — сложный и нерешенный вопрос, но очевидно, что для получения приемлемого ответа потребуются совсем другие, веро-

---

12. Эти понятия подробно, со всеми ссылками на труды Поппера, обсуждаются в: Hands, 1988. Среди других работ о попперианских понятиях см.: Dilworth, 1986; Koertge, 1979; Watkins, 1978, 1984; Worrall, 1978.

Поппер и Лакатос в экономической методологии

ятно, куда более либеральные стандарты, чем те, которые предлагает строгий Попперов фальсификационизм.

Все эти критические замечания способствуют негативной оценке фальсификационизма как экономической методологии. Несмотря на то что разговоры о фальсификационистской методологии весьма популярны среди экономистов, фальсификационизм не располагает достаточно адекватным набором правил для экономической науки. Строгая приверженность фальсификационистским нормам буквально *уничтожила бы все существующие экономические теории*, вынудив экономистов играть по совершенно новым и незнакомым правилам. При этом столь высокую цену пришлось бы заплатить безо всякой гарантии, что игра по новым правилам позволит экономистам разработать более правдоподобные теории экономического поведения, чем те, что уже существуют. В заключении мы еще вернемся к тому, как интерпретировать полученный нами результат, а пока обратимся к МНИП Лакатоса.

Исследовательские программы

Исследования Лакатоса в области философии науки увидели свет в начале 1970-х годов (Lakatos, 1970, 1971; Лакатос, 2001a, 2001b) и почти моментально были приняты на вооружение некоторыми экономистами. В экономической литературе появились многочисленные исследования, посвященные Лакатосу, многие из них благодаря Нафплионскому симпозиуму об исследовательских программах в физике и экономической теории в 1974 году (Latsis, 1976a). Эти исследования о «Лакатосе и экономической науке» были преимущественно двух типов. Первый тип – исторический, попытка «воссоздать» какой-то конкретный эпизод из истории экономической мысли в духе Лакатоса. Второй тип – более философские работы, попытавшиеся оценить методологию научно-исследовательских программ Лакатоса как экономическую методологию и/или сравнить ее с другими философскими принципами, такими как подход Куна или фальсификационизм Поппера.

МНИП Лакатоса явно продолжала попперианскую традицию в философии науки, однако была также вдохновлена работой философски ориентированных историков науки, таких как Кун (Kuhn, 1970; Кун, 2001). Основным объектом оценки Лакатос считает «исследовательскую программу», а не научную теорию. Исследовательская программа – это комплекс, состоящий из твердого ядра, положительной и отрицательной эвристики, а также

Д. Уэйд Хэндс

защитного пояса¹³. Твердое ядро включает в себя фундаментальные метафизические предпосылки программы; оно определяет программу, и те, кто этой программой занимается, воспринимают его элементы как неопровержимые. Участвовать в программе означает принять ее твердое ядро и следовать ему. Например, когда Вайнтрауб воспроизводит по методу Лакатоса неовальрасианскую исследовательскую программу, он называет твердым ядром следующие предпосылки: у акторов есть предпочтения относительно исходов их действий; акторы действуют независимо и оптимизируют при наличии ограничений. Положительная и отрицательная эвристика указывает, в каком направлении двигаться в ходе развития программы. Положительная эвристика ведет исследователя к правильным вопросам и лучшим инструментам для получения ответов на эти вопросы; отрицательная эвристика показывает, какими вопросами не нужно заниматься и какие инструменты не подходят для исследования. Используя пример Вайнтраубова анализа неовальрасианской программы, можно сказать, что положительная эвристика предписывает экономистам строить теорию, в которой акторы оптимизируют, а отрицательная эвристика требует, чтобы они избегали теорий, в которых встречается неравновесие. Наконец, защитный пояс состоит из действительных теорий программы, ее вспомогательных гипотез, эмпирических правил и (развивающегося) «тела» исследовательской программы. Основная деятельность программы происходит именно в защитном поясе, когда твердое ядро взаимодействует с эвристикой и эмпирическим содержанием программы. В Вайнтраубовом описании неовальрасианской программы защитный пояс включает в себя почти всю прикладную микроэкономику.

Исследовательская программа оценивается на основании теоретической и эмпирической активности в защитном поясе. *Теоретический прогресс* происходит тогда, когда каждое изменение в защитном ядре увеличивает эмпирическое содержание, когда программа предсказывает *новые факты*¹⁴. Исследовательская программа демонстрирует *эмпирический прогресс*, если избыточное эмпирическое содержа-

-
13. В экономической литературе существует немало описаний МНИП: (Blaug, 1980; Блауг, 2004; Hands, 1985a; Pheby, 1988; Weintraub, 1985a, 1985b, 1988), но лучше всего она описана у самого Лакатоса (Lakatos, 1970; Лакатос, 2001б). Как и Попперов фальсификационизм, здесь МНИП описывается только в самых общих чертах.
  14. Определение «нового факта» немало обсуждалось в попперианской и лакато-сианской литературе. См. разные понятия «новизны» в: Carrier, 1988; Gardner, 1982; Hands, 1985b; Worrall, 1978.

Поппер и Лакатос в экономической методологии

ние программы получает фактическое подкрепление (Lakatos, 1970: 118; Лакатос, 2001б: 303). Лакатос также считает необходимым третий тип прогресса – эвристический (не имеющий отношения к гипотезам *ad hoc*), для которого требуется, чтобы изменения соответствовали твердому ядру программы. По определению Лакатоса, теоретический и эмпирический прогресс требует, чтобы изменения, о которых идет речь, соответствовали эвристическому прогрессу.

Связь между Лакатосом и Поппером наглядно подтверждается, например, тем, как Лакатос характеризует эмпирическое содержание теории и новые факты. Лакатос, как и Поппер, определяет эмпирическое содержание теории как «множество ее потенциальных фальсификаторов, то есть множество тех предложений наблюдения, которые могут опровергнуть эту теорию» (Lakatos, 1970: 98, п. 2; Лакатос, 2001б: 278). Таким образом, несмотря на то что Лакатос считает, что эмпирический прогресс достигается скорее при помощи эмпирического подкрепления, а не фальсификации, его характеристика взаимосвязи между теорией и фактом все же является по сути своей фальсификационистской. Есть и много других признаков преемственности между Поппером и Лакатосом, но Лакатосовы определения эмпирического содержания и новых фактов – это наиболее важные составляющие оценки в его экономической методологии.

С другой стороны, многие аспекты МНИП фундаментально противоречат фальсификационизму Поппера. Наиболее важный из них – это неуязвимость твердого ядра для эмпирической критики; неуязвимость любой части научной теории несовместима с Попперовым фальсификационистским методом смелых предположений и тщательных проверок. Поппер понимал, что в науке бывали периоды Куновой «нормальной науки», в которые критический дух временно замолкал, но для него эти эпизоды были поводом для сожаления, а не для похвалы (Popper, 1970; Поппер, 2001). Другой источник разногласий – это вопрос о том, что важнее – подкрепление или фальсификация. Хотя Лакатосово определение эмпирического содержания полностью соответствует теории Поппера, он не считает роль фальсификации в науке заслуживающей уважения. Для Лакатоса все теории «рождаются опровергнутыми» (Lakatos, 1970: 120–121; Лакатос, 2001б: 335), и задача философии науки заключается в том, чтобы развить методологию, которая *отталкивалась* бы от этого факта. Прогресс у Лакатоса рождается благодаря подкреплению, а не фальсификации новых фактов. Наконец, Лакатос явно принимает историческую метаметодологию, в которой история науки помогает оценивать различные методологические предложения¹⁵. Такой подход

---

15. «Общее определение науки, таким образом, должно реконструировать при-

Д. Уэйд Хэндс

резко отличается от подхода Поппера, который считает методологию чисто нормативным предметом и никак не использует историю науки для оценки методологий.

Те пункты, в которых Лакатос расходится с Поппером, как раз способны обеспечить ему поддержку экономистов, поскольку именно в этих местах фальсификационизм вступает в явный конфликт с экономической практикой. Разумеется, экономическая наука богата метафизическими «твердыми ядрами»; ученые спорят о том, какими должны быть предположения, составляющие эти ядра, но соглашаются, что такие предположения существуют и что они часто формируют альтернативные исследовательские программы. Такая философская программа, как фальсификационизм Поппера, который требует от ученых готовности в любой момент отказаться практически от любой части своей исследовательской программы, экономистам не столь удобна, как методология Лакатоса, которая не возражает против существования обширных твердых ядер. Предпочтение, которое экономисты отдают Лакатосу перед Поппером, связано еще и с тем, что они также предпочитают метод подкрепления, а не фальсификации. Очевидно, что экономисты не практикуют фальсификационизм, и есть основания полагать, что жесткое применение его строгих стандартов уничтожило бы экономическую теорию в ее современной форме. С другой стороны, экономисты активно занимаются эмпирической деятельностью, и факты для них имеют значение, но это значение куда сложнее и тоньше, чем предполагает фальсификационизм.

Наконец, экономисты предпочитают предлагаемый Лакатосом, а не Поппером подход к вопросу о роли, которую история наук играет в подтверждении конкретных методологических предпочтений. Вообще вопрос отношений между историей науки и философией науки не разрешен и продолжает вызывать споры, но в последнее время экономисты с большим интересом стали относиться к тем методологическим предложениям, которые учитывают реальную историю их науки. Экономисты написали немало трудов, используя лакатосовские категории для реконструкции разных эпизодов из истории экономической мысли. В большинстве таких работ описывается какая-то конкретная исследовательская программа из области экономической теории (современной или не очень), в которой автор пытается определить твердое ядро, положительную и отрицательную эвристику, а также тип теоретической деятельности, происходящей в защитном поясе. Резуль-

---

знанно лучшие из первых попыток как «научные»: если оно этого не делает, оно должно быть отвергнуто» (Lakatos, 1971: 111).

Поппер и Лакатос в экономической методологии

татом их обычно становится положительная или отрицательная, согласно Лакатосовой методологии, оценка «прогрессивности» описанной исследовательской программы. Таких реконструкций существует множество, и затрагивают они самые разные темы из области истории экономической мысли.

Дать общую оценку этой лакатосианской исторической литературе очень сложно, поскольку многие из ее авторов весьма небрежно отнеслись к использованию терминологии Лакатоса. Из-за недостаточной точности в применении лакатосовских терминов экономисты породили «твердые ядра», «эвристики» и в особенности «новые факты», которые мало имеют отношения к своим лакатосовским аналогам, равно как и к тому, как эти термины использовались при реконструкции программ естественных наук. В большинстве своем такие труды представляют собой ценное и занимательное чтение по истории экономической мысли, но мало помогают пролить свет на методологическую адекватность МНИП. Единственный общий вывод, который можно сделать, читая эти книги, заключается в том, что *в тех исследованиях, в которых терминология соответствует Лакатосовой, «прогресс» и неразрывно связанные с ним предсказанные новые факты встречаются весьма редко.* В некоторых хорошо исследованных случаях новые факты действительно бывали обнаружены¹⁶, однако эти случаи очень мало соответствуют тому, что у экономистов принято считать значительным теоретическим «прогрессом». Критерия Лакатоса для определения «теоретического прогресса» – предсказания новых фактов, – возможно, хватало для того, что экономисты считали теоретическим прогрессом в некоторых особых случаях, однако в целом он не кажется обязательным. Как сказал Лацис, «сквозь фальсификацистские очки развитие экономического анализа выглядит безнадежной затеей» (Latsis, 1976b: 8), но не менее безнадежно выглядит экономическая наука и с точки зрения строго лакатосовского подхода.

То обстоятельство, что эмпирический и теоретический прогресс в экономической науке происходит (и должен происходить) совсем не так, как описал Лакатос в МНИП, опять же весьма плачевно отражается на Поппере. Дело в том, что *те части методологии Лакатоса, которые хуже всего подходят экономистам, – это те самые части, в которых он наиболее близко следует философии Поппера.* В определенном отношении разработки Лакатоса гораздо лучше подходят для использования в экономической науке, чем труды Поппера; поиск того, что Лакатос предлагает искать в истории

---

16. Особенно в Blaug (1991), Maddock (1984) и Weintraub (1988), хотя даже здесь успех зависит от используемого определения понятия новизны.

Д. Уэйд Хэндс

экономической науки, способствовал проведению нескольких важных исторических исследований. Конечно,¹ эти исторические исследования привлекли внимание к метафизическому твердому ядру определенных экономических исследовательских программ и спровоцировали изыскания в области важного метафизического вопроса – отношений между эмпирической и теоретической деятельностью в экономической науке, то есть отношений между эконометрикой и экономической теорией. Однако МНИП – и это очень важно – не дает экономистам подходящей модели для принятия или отвержения теории. МНИП Лакатоса может представлять собой методологический прогресс по сравнению с фальсификационизмом, но она все же не дает экономистам приемлемого критерия для выбора между теориями (или прогрессивной корректировки задач). Этот факт заставляет нас по-новому взглянуть на методологию Поппера, поскольку методология Лакатоса наименее удачна именно в тех разделах, которые он позаимствовал у Поппера без особых изменений.

Заключение

В конечном итоге похоже, что «попперианская» экономическая методология должна получить невысокую оценку. Фальсификационизм, основная программа для роста научного знания Поппера, исключительно плохо подходит для экономической науки. И хотя интерес к трудам Лакатоса привел к появлению нескольких ценных исторических исследований¹⁷, в целом МНИП – не самый удачный выбор для экономистов, особенно в тех ее частях, где Лакатос наиболее близко следует заветам Поппера.

Однако мою оценку не стоит интерпретировать слишком резко. В этом эссе говорится, что попперовская методология в форме как фальсификационизма, так и МНИП не является лучшим стандартом для оценки адекватности экономических теорий. Это не означает, что попперовская философия совсем бесполезна как инструмент для понимания экономических теорий. В частности, я не утверждаю, что проверка в экономической науке не должна иметь значения, что реконструкция истории экономической мысли по методу Лакатоса не привела к написанию значительных исторических исследований или что экономисты больше выиграли бы, прислушавшись к какой-то иной философской школе.

---

17. В дополнение к работам, перечисленным в примечании 15, нужно упомянуть: Cross, 1982; de Marchi, 1976; Latsis, 1972, 1976b.

Поппер и Лакатос в экономической методологии

В дополнение к этим оговоркам я также должен отметить, что проигнорировал в своем эссе труды Поппера о философии общественной науки, его так называемый подход к общественной науке с точки зрения «ситуационного анализа»¹⁸. Этот метод, который заключается в объяснении поведения социального актора на основании логики его ситуации и «принципа рациональности», был предложен Поппером в результате «логического исследования методов экономики» и является методом, который «может быть применен ко всем социальным наукам» (Popper, 1976a: 102; Поппер, 2000a: 312). Часто говорят, что принцип рациональности противоречит фальсификационистским стандартам Поппера¹⁹, но независимо от своего отношения к этому противоречию я хочу сказать, что моя критика не относится к трудам Поппера о ситуационном анализе.

Эта глава должна была выполнить узко определенную задачу: оценить фальсификационизм и МНИП как методологию – как инструмент для совершения выбора между несколькими экономическими теориями или исследовательскими программами. В ней доказывалось, что с этой точки зрения попперовская философия должна быть оценена негативно, однако не говорилось, что попперовская философская традиция вообще ничему не может научить экономистов.

Литература

- Блауг М. (2004). *Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют*. М.: Журнал «Вопросы экономики».
- Кун Т. (2001). *Структура научных революций*. М.: АСТ.
- Лакатос И. (2001a). История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. *Структура научных революций*. М.: АСТ. С. 455–524.

-
18. Наиболее четко Поппер пишет об этом в: Popper, 1976a, 1985); см. также: Hands, 1985a, 1992.
19. Согласно взглядам Поппера на общественную науку с точки зрения ситуационного анализа, действия индивидуального актора объясняются путем описания «ситуации», в которой находится актер (его предпочтений, убеждений, ограничений и т. д.), и «принципа рациональности», который гласит, что все акторы действуют целесообразно (рационально) с учетом своей ситуации. Потенциальная проблема возникает из-за того, что принцип рациональности выступает в таких научных «объяснениях» в качестве универсального закона, но при этом неясно, является ли принцип рациональности (хотя бы потенциально) фальсифицируемым, как Поппер-фальсификационист потребовал бы этого от любых законов, используемых в достоверном научном объяснении. Это одна из причин, по которой в моей более ранней работе (Hands, 1985a) Поппер-фальсификационист отделен от Поппера – автора ситуационного анализа.

Д. Уэйд Хэндс

- Лакатос И. (2001б). Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. *Структура научных революций*. М.: АСТ. С. 265–454.
- Поппер К. (2000а). Логика социальных наук // *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики*. М.: Эдиториал УРСС. С. 298–313.
- Поппер К. (2000б). *Неоконченный поиск. Интеллектуальная автобиография*. М.: Эдиториал УРСС.
- Поппер К. (2001). Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Кун Т. *Структура научных революций*. М.: АСТ. С. 525–538.
- Поппер К. (2002). *Объективное знание. Эволюционный подход*. М.: Эдиториал УРСС.
- Поппер К. (2004б). *Логика научного исследования*. М.: Республика.
- Поппер К. (2004б). *Предположения и опровержения: Рост научного знания*. М.: АСТ.
- Blaug M. (1976). Kuhn versus Lakatos, or paradigms versus research programmes in the history of economics // S.J. Latsis (ed.) *Method and Appraisal in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 149–180.
- (1980). *The Methodology of Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- (1987). Ripensamenti sulla rivduzione Keynesiana // *Rassegna Economica* 51: 605–634.
- (1991). Second thoughts on the Keynesian revolution // *History of Political Economy* 23: 171–192 (English translation of Blaug 1987).
- Caldwell B.J. (1982). *Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century*. London: Allen & Unwin.
- (1984). Some problems with falsificationism in economics // *Philosophy of the Social Sciences* 14: 489–495.
- (1991). Clarifying Popper // *Journal of Economic Literature* 29: 1–33.
- Carrier M. (1988). On novel facts: a discussion of criteria for non-ad-hocness in the methodology of scientific research programmes // *Zeitschrift fur Allgemeine Wissenschaftstheorie* 19: 205–231.
- Coddington A. (1975). The rationale of general equilibrium theory // *Economic Inquiry* 13: 539–558.
- Cross R. (1982). The Duhem–Quine thesis, Lakatos, and the appraisal of theories in macroeconomics // *Economic Journal* 92: 320–340.
- de Marchi N. (1976). Anomaly and the development of economics: the case of the Leontief paradox // S.J. Latsis (ed.) *Method and Appraisal in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 109–127.
- (ed.) (1988). *The Popperian Legacy in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Diamond A.M., Jr. (1988). The empirical progressiveness of the general equilibrium research program // *History of Political Economy* 20: 119–135.
- Dilworth C. (1986). *Scientific Progress: A Study Concerning the Nature of the Relations Between Successive Scientific Theories*, second edition. Dordrecht, Netherlands: D. Reidel.
- Duhem P. (1954). *The Aim and Structure of Physical Theory* (translated by P.P. Wiener). Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Fisher F.M. (1986). *The Logic of Economic Discovery*. Washington Square, New York: New York University Press.
- Fulton G. (1984). Research programmes in economics // *History of Political Economy* 16: 187–205.

Поппер и Лакатос в экономической методологии

- Gardner M. R. (1982). Predicting novel facts // *British Journal for the Philosophy of Science* 33: 1–15.
- Gellner E. (1974). *Legitimation of Belief*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Glass J. C. and Johnson W. (1988). Metaphysics, MSRP and economics // *British Journal for the Philosophy of Science* 39: 313–329.
- Hands D. W. (1985a). Karl Popper and economic methodology: A New Look // *Economics and Philosophy* 1: 83–99.
- (1985b). Second thoughts on Lakatos // *History of Political Economy* 17: 1–16.
- (1988). Ad hocness in economics and the Popperian tradition // N. de Marchi (ed.). *The Popperian Legacy in Economics and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 121–137.
- (1991). The problem of excess content: economics, novelty and a long Popperian Tale // N. de Marchi and M. Blaug (eds). *Appraising Economic Theories*. Aldershot: Edward Elgar 58–75.
- (1992). Falsification, situational analysis and scientific research programs: the Popperian tradition in economic methodology // N. de Marchi (ed.) *Post-Popperian Methodology of Economics*. Boston: Kluwer.
- Hausman D. M. (1985). Is falsificationism unpracticed or unpracticable? // *Philosophy of the Social Sciences* 15: 313–319.
- (1988). An appraisal of Popperian economic methodology // N. de Marchi (ed.). *The Popperian Legacy in Economics and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press, 65–85.
- Hutchison T. W. (1938). *The Significance and Basic Postulates of Economic Theory*. London: Macmillan, reprinted, 1960. New York: Augustus M. Kelley.
- (1988). The case for falsificationism // N. de Marchi (ed.). *The Popperian Legacy in Economics and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 169–181.
- Koertge N. (1979). The problems of appraising scientific theories // P. D. Asquith and H. E. Kyburg, Jr. (eds). *Current Research in Philosophy of Science*. East Lansing, Michigan: Philosophy of Science Association. P. 228–251.
- Kuhn T. S. (1970). *The Structure of Scientific Revolutions*, second edition, Chicago: University of Chicago Press. (First edition 1962, Chicago: University of Chicago Press.)
- Lakatos I. (1970). Falsification and the methodology of scientific research programmes // I. Lakatos and A. Musgrave (eds). *Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 91–196.
- (1971). History of science and its rational reconstructions // R. C. Buck and R. S. Cohen (eds). *Boston Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 8. Dordrecht, Netherlands: D. Reidel. P. 91–136.
- Latsis S. J. (1972). Situational determinism in economics // *British Journal for the Philosophy of Science* 23: 207–245.
- (ed.) (1976a). *Method and Appraisal in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- (1976b). A research programme in economics // S. J. Latsis (ed.). *Method of Appraisal in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1–41.
- McCloskey D. (1985). *The Rhetoric of Economics*. Madison Wisconsin: University of Wisconsin Press.
- Maddock R. (1984). Rational expectations macrotheory: A Lakatosian case study in program adjustment // *History of Political Economy* 16: 291–309.
- Pheby J. (1988). *Methodology and Economics: A Critical Introduction*. London: Macmillan.

Д. Уэйд Хэндс

- Popper K. R. (1959). *The Logic of Scientific Discovery*. London: Hutchinson.
- (1965). *Conjectures and Refutations*, second edition. New York: Harper & Row.
- (1970). Normal science and its Dangers // I. Lakatos and A. Musgrave (eds). *Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press, P. 51–58.
- (1972). *Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*. Oxford: Oxford University Press.
- (1976a). The logic of the social sciences // T. W. Adorno et al. (eds). *The Positivist Dispute in German Sociology* (translated by G. Adey and D. Frisby). New York: Harper & Row. P. 87–104.
- (1976b). *Unended Quest*. La Salle, Illinois: Open Court.
- (1983). *Realism and the Aim of Science* (edited by W. W. Bartley III). Totowa, New Jersey: Rowman & Littlefield.
- (1985). The rationality principle // D. Miller (ed.). *Popper Selections*. Princeton: Princeton University Press. P. 357–365.
- Radnitzky G. (1982). Knowing and guessing: if all knowledge is conjectural, can we then speak of cognitive progress? On persistent misreading of Popper's work // *Zeitschrift für Allgemeine Wissenschaftstheorie* 8: 110–121.
- Rosenberg A. (1989). Are generic predictions enough? // *Erkenntnis* 30: 43–68.
- Roth A. E. (1986). Laboratory experimentation in economics // *Economics and Philosophy* 2: 245–273.
- Salanti A. (1987). Falsificationism and fallibilism as epistemic foundations of economics: a critical view // *Kyklos* 40: 368–392.
- Smith V. L. (1982). Microeconomic systems as an experimental science // *American Economic Review* 72: 923–955.
- (1985). Experimental economics: reply // *American Economic Review* 75: 265–272.
- Watkins J. (1978). The Popperian approach to scientific knowledge // G. Radnitzky and G. Anderson (eds). *Progress and Rationality in Science*. Dordrecht, Netherlands: D. Reidel. P. 23–43.
- (1984). *Science and Skepticism*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Weintraub, E. R. (1985a) Appraising general equilibrium analysis // *Economics and Philosophy* 1: 23–37.
- (1985b). *General Equilibrium Analysis: Studies in Appraisal*. Cambridge: Cambridge University Press.
- (1988). The NeoWalrasian program is empirically progressive // N. de Marchi (ed.). *The Popperian Legacy in Economics and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Worrall J. (1978). The ways in which the methodology of scientific research programmes improves on Popper's methodology // G. Radnitzky and G. Anderson (eds). *Progress and Rationality in Science*. Dordrecht, Netherlands: D. Reidel. P. 45–70.

Часть III
*Идеология
и нормативная
экономическая теория*

Экономические вопросы часто являются политическими, и ответы на них влияют на жизни миллионов людей. Хотя многие науки имеют практическое приложение, экономическая наука занимает особое положение. Помимо «позитивной экономики», направленной на предсказание и объяснение экономических явлений, существует также «нормативная экономика», которая призвана служить руководством для выработки экономической политики. Кроме того, экономическая теория строится вокруг теории рациональности, которая также, похоже, является нормативной, хотя и в ином смысле.

Связи между экономической наукой и ценностями поднимают множество методологических вопросов, которые обсуждаются в пяти статьях третьей части антологии. В первой статье Йозеф Шумпетер рассматривает, как общие оценочные представления, а также частные оценочные пристрастия определили развитие экономической науки. Следующие три статьи – Николаса Калдора, Майкла Макферсона и Дэниела Хаусмана, а также Роберта Франка – излагают основы нормативной экономической теории и рассматривают трудности, с которыми она сталкивается. Наконец, Амартия Сен предлагает радикальную альтернативу стандартной нормативной экономике, которая в настоящее время привлекает к себе значительное внимание.

Наука и идеология¹

Йозеф Шумпетер

ЙОЗЕФ ШУМПЕТЕР (1883–1950) родился в Трише, Австрия. Он изучал экономику и право в Венском университете. Шумпетер преподавал в Австрии и Германии, а затем (начиная с 1930-х годов) в Гарварде. Статья, перепечатываемая в этом сборнике, является президентским выступлением Шумпетера перед Американской экономической ассоциацией в 1948 году. Шумпетер внес значительный вклад в исследования экономического роста и кризисов, а его книга «История экономического анализа», возможно, величайший из когда-либо написанных трудов по истории экономической науки. Работа Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» также является крупным вкладом в экономическую и политическую теорию.

✎

I

Сто лет назад экономисты были в гораздо большей степени довольны своими результатами, чем сегодня. Но я полагаю (если удовлетворенность вообще может быть оправдана), что сегодня есть гораздо больше оснований для удовлетворенности, чем тогда или хотя бы четверть века тому назад. В отношении обращения со статистическими и историческими фактами это настолько очевидно, что мне излишне это доказывать. И если это можно утверждать в отношении обращения с фактами, то это справедливо и для всех прикладных направлений науки, поскольку их совершенствование зависит главным образом от выяснения и оценки фактов. Однако я склонен особо настаивать на утверждении о том, что наши возможности в сфере анализа расширились, не отставая от накопления фактов. Появилась новая система статистических методов (в том числе в результате наших усилий), которая важ-

---

1. Joseph Schumpeter. Science and Ideology // *American Economic Review*. 1949. Vol. 39. No. 2. P. 345–359.

Перевод с английского А. Фофонова.

Йозеф Шумпетер

на для нас в той же мере, в которой она важна и для других наук, таких как биология или экспериментальная психология, исследующих явления с точки зрения плотности распределений. Под влиянием развития этих методов, совместно с ним и независимо от него, значительно обогатился наш собственный набор аналитических инструментов: экономическая теория в инструментальном смысле этого термина (то есть в том смысле, в котором она не включает в себя ни доктрину о конечных целях политики, ни объяснительные гипотезы, но является лишь суммой наших методов обработки фактов) развилась примерно так, как предсказывали Маршалл и Парето.

То обстоятельство, что данная точка зрения не является общепризнанной и что экономисты (не говоря уже об общественности) считают нормой профессиональной этики уничижительные суждения о состоянии нашей науки, обусловлено рядом причин, о которых, хотя они прекрасно известны, стоит еще раз упомянуть: строительная площадка, на которой сносят старые строения и возводят новые, — не очень эстетичное зрелище; более того, самым печальным образом новые конструкции ныне дискредитируются преждевременными попытками их утилитарного применения; наконец, строительная площадка расширяется настолько, что отдельный рабочий уже не может понять всего, что происходит за пределами его небольшого участка. В самом деле, теперь трудно в систематической форме, как это могли с большим или меньшим успехом сделать Смит, Милль, Маршалл и их современники, составить всеобъемлющий трактат, который мог бы продемонстрировать определенное единство и получить почти всеобщее одобрение. Таким образом, хотя рабочие на каждом участке вовсе не разочарованы своими результатами, они склонны не одобрять способы, которыми решают задачи на других участках, или даже ставить под сомнение саму потребность в решении этих задач. Это вполне естественно. Для построения системы человеческих знаний необходимо много разных видов сознания, и эти виды сознания не могут до конца понять друг друга. Наука есть совокупность технических методов, и по мере своего развития она все дальше выходит за рамки понимания не только широкой публики, но и самих исследователей (за исключением специалистов в данной конкретной области). В большей или меньшей степени так обстоит дело во всех областях науки. Вместе с тем в физике большее единообразие в образовании и дисциплина научного поиска могут создавать из хаоса некий порядок. Однако, как мы знаем, у нас есть другой источник заблуждений и препятствие для продвижения вперед: большинство из нас, не удовлетворяясь своей научной задачей, следует зову общественного долга и стремлению служить

Наука и идеология

своей стране и поколению, тем самым привнося в свои исследования личные системы ценностей и политические взгляды – все свои этические воззрения, вплоть до религиозных устремлений.

Я не собираюсь возвращаться к старой дискуссии о ценностных суждениях или о защите интересов групп. Напротив, мне важно подчеркнуть, что научная деятельность *сама по себе* не требует отказа от ценностных суждений или игнорирования стремления к защите каких-либо интересов. Одно дело – исследовать факты или разрабатывать инструменты такого исследования, совсем другое дело (*с точки зрения логики*) – оценивать их с каких-либо этических или культурных позиций, и эти два аспекта *не обязательно* противоречат друг другу. Аналогично защитник каких-либо интересов вполне может вести честные аналитические исследования, и сам по себе мотив приведения аргументов в пользу отстаиваемых им интересов не является доводом в пользу или против такого аналитического исследования. Или скажем более откровенно: защита интересов не подразумевает лжи. Действительно, неправомерно «притягивать» факты или выводы, полученные на основе фактов, для отстаивания каких-либо идеалов или интересов. Но такое неправомерное поведение не обязательно присутствует, когда исследователь приводит аргументацию на основе «ценностных предпосылок» или отстаивает какие-либо интересы *как таковые*². Есть много примеров, когда экономисты выдвигали утверждения, к следствиям которых у них не было никакой симпатии. Упомяну один из них: установление логической последовательности условий (уравнений), описывающих социалистическую экономику, большинству людей может показаться эквивалентным отстаиванию преимуществ социализма, но эта система уравнений была создана Энрико Бароне, человеком, который, кем бы он ни был в остальных отношениях, уж точно не симпатизировал социалистическим идеалам или группам.

Но в наших умах существуют предубеждения в отношении экономического процесса, которые гораздо опаснее для кумулятивного роста наших знаний и научного характера наших аналитических

---

2. Вроде бы смысл этого утверждения ясен. Но будет не лишним его уточнить. Рассматриваемое неправомерное поведение, как мы уже сказали, заключается в «притягивании» фактов или логики для отстаивания каких-либо идеалов или интересов» *независимо от того, заявляет ли автор о своих предпочтениях в отношении основных предпосылок, в пользу которых он приводит доводы, или нет*. Независимо от этого было бы полезно требовать, чтобы каждый автор прямо излагал свои «ценностные предпосылки» или интересы, за которые он выступает, во всех случаях, когда они не очевидны. Но это дополнительное требование, которое не следует смешивать с другими.

Йозеф Шумпетер

начинаний, поскольку они представляются неконтролируемыми в том смысле, в котором вполне контролируемы ценностные суждения и предвзятое освещение вопросов. Мы называем их *идеологиями*.

II

Слово *idéologie* широко применялось во Франции в конце XVIII и в первом десятилетии XIX столетия и обозначало во многом то же, что и шотландский термин «этика» («моральная философия») того же и более раннего периода, или то же, что и наш термин «общественная наука» в наиболее широком смысле, включающем психологию. Наполеон придал ему уничижительное значение своими насмешками над *idéologues* (идеологами) — мечтателями-доктринерами, совершенно не понимающими политических реалий. Впоследствии этот термин употреблялся в том же значении, в котором он часто используется сегодня для обозначения систем идей, то есть в том, в котором мы утрачиваем различие между идеологиями и ценностными суждениями. Мы не будем употреблять этот термин в этих или каких-либо других значениях, за исключением одного, которое проще всего ввести ссылкой на «исторический материализм» Маркса и Энгельса. В соответствии с этой доктриной история детерминируется автономной эволюцией структуры производства: социальная и политическая организация, религии, нравы, искусства и науки являются всего лишь «идеологическими надстройками», порождаемыми экономическим процессом.

Нам не нужно (и мы не можем) углубляться в достоинства и недостатки этой концепции как таковой³; нам важен лишь один из ее элементов. Этот элемент, пройдя различные трансформации, развился в социологию науки того типа, который ассоциируется с именами Макса Шелера и Карла Мангейма. Примерно до середины XIX века эволюция «науки» рассматривалась как чисто интеллектуальный процесс — как последовательность исследований эмпирически данной вселенной или, иными словами, как процесс филиации открытий или аналитических идей, развивающийся по своему собственному закону, хотя и оказывающий

---

3. В частности, принятие этой концепции не является предварительным условием обоснованности доводов, к которым мы придем; их можно было бы изложить и другими способами. Тем не менее есть некоторые преимущества в том, чтобы начинать со всем знакомой доктрины, которую достаточно лишь упомянуть, чтобы максимально быстро вызвать в памяти аудитории некоторые существенные представления.

Наука и идеология

влияние на социальную историю и подвергающийся многообразному обратному влиянию с ее стороны. Маркс первым преобразовал это отношение взаимозависимости между «наукой» и другими областями социальной истории в отношении зависимости первой от объективных данных о социальной структуре и в особенности от социального положения исследователей, определяющих их взгляд на реальность, то есть что и как они в ней видят. Данный вид релятивизма (который, конечно, нельзя смешивать с другими видами релятивизма)⁴, если довести его до логического завершения, порождает новую философию науки и новое определение научной истины. Даже в математике и логике и в еще большей степени в физике выбор исследователем проблем и подходов к ним, а значит, и образ научной мысли соответствующей эпохи становятся социально обусловленными — именно это мы имеем в виду, когда говорим о научной идеологии, а не о все более совершенном восприятии объективных научных истин.

Однако немногие будут отрицать, что в случае логики, математики и физики влияние идеологических предубеждений не идет дальше выбора проблем и подходов, то есть социологическая интерпретация не ставит под сомнение «объективную истинность» научных результатов. Эта «объективная истинность» может оспариваться (и в настоящее время оспаривается) на других основаниях, но не на том основании, что определенное утверждение является истинным только со ссылкой на социальное положение человека, сформулировавшего данное утверждение. В некоторой мере такую благоприятную ситуацию можно объяснить тем фактом, что логика, математика, физика и некоторые другие дисциплины имеют дело с опытом, который является в значительной степени инвариантным по отношению к социальному положению наблюдателя и практически полностью инвариантным по отношению к историческим переменам: и для капиталиста, и для пролетария падающий камень выглядит одинаково. Общественные науки не обладают таким преимуществом. Их результаты можно (или кажется, что можно) оспаривать не только на тех основаниях, на которых можно оспаривать выводы всех наук, но также еще на одном основании, согласно которому эти результаты выражают не более чем классовую принадлежность автора, и без ссылки на эту принадлежность нет места для категорий «истинности»

---

4. Пожалуй, было бы оскорблением для интеллекта моих читателей подчеркивать, что, в частности, данный вид релятивизма не имеет ничего общего с относительностью Эйнштейна, если бы не фактическое наличие случаев такого смешения в философской литературе нашего времени. На это обратил мое внимание профессор Филипп Франк.

Йозеф Шумпетер

или «ложности», а стало быть, и для концепции «научного прогресса». В дальнейшем мы будем применять термин «идеология» или «идеологические предубеждения» только к такому (реальному или предполагаемому) положению вещей, и нашей проблемой является установление той меры, в которой идеологические предубеждения играют или играли роль в развитии того, что мы называем (возможно, ошибочно) *научной экономической теорией*.

В признании идеологического элемента возможны различные градации. Некоторые авторы, по сути, отрицают, что в экономической науке возможно накопление «корректно» наблюдаемых фактов и «истинных» утверждений. Но столь же незначительное меньшинство полностью отрицает влияние идеологических предубеждений. Большинство экономистов занимают позицию между этими крайностями: они в достаточной мере готовы к признанию наличия идеологических предубеждений, причем, подобно Марксу, они находят их только у других и никогда у себя; вместе с тем они не признают, что идеологические предубеждения являются неизбежным проклятием, разлагающим экономическую науку до самого основания. Именно эта срединная позиция и поднимает рассматриваемую нами проблему. *Ведь идеологии не являются просто ложью*; это правдивые утверждения о том, что человек, по его мнению, видит. Подобно тому как средневековый рыцарь видел себя таким, каким хотел видеть, или как видит себя современный бюрократ и подобно тому, как они оба не могут понять доводов, которые могут быть приведены против мнения каждого из них о себе как о защитнике слабых и невинных или гаранте общественного блага, каждая социальная группа разрабатывает защитную идеологию, которая является в высшей степени искренней. *Ex hypothesi* мы не осознаем своих рационализаций. В таком случае как можно распознать их и защититься от их искажающего влияния?

Но прежде чем продолжить, я повторю: речь идет о науке, технические приемы которой приводят к результатам, образующим совместно с ценностными суждениями или предпочтениями определенные рекомендации, как отдельные, так и объединенные в системы, в том числе системы меркантилизма, либерализма и т. д. Я рассуждаю не о самих этих ценностных суждениях или рекомендациях. Я полностью согласен с теми, кто утверждает, что суждения о высших ценностях (например, об общественном благе) выходят за рамки сферы исследований ученого и могут быть лишь объектом исторического исследования, поскольку являются идеологией по самой своей природе, и что концепция научного прогресса может применяться к ним лишь в той мере, в которой могут быть усовершенствованы средства их представления. Я разделяю мнение, согласно которому бессмысленно говорить,

Наука и идеология

что мир идей буржуазного либерализма «превосходит» в каком-либо значимом смысле мир идей Средневековья или мир идей социализма превосходит мир идей буржуазного либерализма. Вообще говоря, я также полагаю, что нет иных оснований, кроме личных предпочтений, утверждать, что в нашей современной политике больше мудрости или знаний, чем было в политике Тюдоров или Стюартов или, если уж на то пошло, Карла Великого.

III

Как только мы признаем возможность наличия идеологических предубеждений, становится легко их обнаружить. Все, что надо сделать, — это внимательно рассмотреть научную процедуру. Она начинается с восприятия взаимосвязанных явлений, которые мы намерены анализировать, и заканчивается (на сегодняшний день) созданием научной модели, в которой эти явления концептуализированы, а соотношения между ними точно сформулированы либо как допущения, либо как утверждения (теоремы). Возможно, такое примитивное описание не удовлетворит специалиста по логике, но для поисков идеологических предубеждений нам его достаточно. Следует обратить внимание на два момента.

Во-первых, восприятие набора взаимосвязанных явлений является донаучным действием. Оно должно быть выполнено, чтобы наше сознание получило предмет для научной работы (выявление объекта исследований), но само по себе оно не является научным. При этом, будучи донаучным, это действие не является доаналитическим. Оно не заключается в простом восприятии фактов одним или несколькими нашими органами чувств. Эти факты должны быть распознаны как обладающие определенным значением или значимостью, оправдывающей наш интерес к ним, и они должны быть распознаны как взаимосвязанные (чтобы мы могли отделить их от других), а это подразумевает определенную аналитическую работу нашего воображения или здравого смысла. Такую смесь восприятия и донаучного анализа мы будем называть *видением* или *интуицией* исследователя. Конечно, на практике мы редко начинаем с нуля, так что донаучный акт видения не вполне является нашим собственным. Мы начинаем с исследований наших предшественников или современников или же с идей, витающих в общественном сознании. В этом случае наше видение содержит по меньшей мере некоторые результаты предшествующего научного анализа. Впрочем, этот запас знаний остается для нас данностью и существует до того, как мы начинаем самостоятельное научное исследование.

Йозеф Шумпетер

Во-вторых, если я отождествляю с «построением моделей» научный анализ материала, предоставляемого видением, я должен сразу же добавить, что я намерен придать термину «модель» очень широкое толкование. Современная экономическая модель и ее аналоги в других науках, конечно, являются продуктом последних этапов развития науки. Тем не менее в них, по сути, нет ничего, что отсутствовало бы в самых ранних формах аналитической деятельности, о которых также можно сказать, что они явились результатом развития примитивных, фрагментарных и неэффективных моделей отдельных исследователей. Эта работа заключается в выделении определенных фактов из множества других, в точном определении этих фактов путем их классификации, в накоплении дополнительных фактов, чтобы не только дополнить, но и отчасти заменить первоначально отобранные факты в процессе формулирования и совершенствования представлений об обнаруженных взаимосвязях — короче говоря, в «фактологических» и «теоретических» исследованиях, продолжающих бесконечную последовательность взаимного обмена: осмысление фактов приводит к созданию новых аналитических инструментов (теорий), которые в свою очередь ведут к выявлению новых фактов. Это в равной мере справедливо и в случае, когда нас интересует исторический отчет, и в случае, когда нас интересует рациональное объяснение уравнения Шрёдингера, хотя в каждом конкретном случае задача выявления фактов или задача анализа может доминировать настолько, что вторая задача практически выходит из поля зрения. Преподаватели могут пытаться прояснить это обстоятельство своим ученикам, рассуждая об индукции и дедукции и даже противопоставляя эти два начала, создавая тем самым мнимые проблемы. Действительно существенным, как бы мы ни интерпретировали его, является «бесконечный взаимный обмен» между чистой концепцией и убедительными выводами, с одной стороны, и новыми фактами и осмыслением их вариативности, с другой стороны.

Теперь, когда мы совершили чудо и узнали о том, о чем мы не можем знать, а именно о существовании идеологических предубеждений у нас и у других людей, мы можем обнаружить их конечный источник. Этим источником является первоначальное видение явлений, которые мы намерены подвергнуть научному анализу. Ведь сам этот анализ находится под объективным контролем в том смысле, что всегда можно установить, является ли какое-либо конкретное утверждение (с учетом данного уровня развития науки) доказуемым, опровержимым или не является ни первым, ни вторым. Разумеется, такой контроль не исключает непреднамеренных ошибок или преднамеренных фальсификаций. Он не ис-

Наука и идеология

ключает заблуждений самого различного рода. Но он позволяет исключить данный конкретный вид заблуждения, которое мы называем идеологией, поскольку применяемый тест индифферентен к каким-либо идеологиям. В то же время первоначальное видение не находится под таким контролем. В нем элементы, которые подтверждаются тестами анализа, по определению неотличимы от элементов, которые не подтверждаются такими тестами, или (как мы также можем утверждать, если признаем, что идеологии *могут* содержать доказуемые истины вплоть до 100 %) первоначальное видение *является* идеологией по своей природе и может содержать любые заблуждения, относимые к социальному положению человека, к тому контексту, в котором он желает воспринимать себя, свой класс или группу и оппонентов своего класса или группы. Последнее утверждение следует расширить и на особенности его взглядов, связанные с его личными вкусами и обстоятельствами и не имеющие групповой коннотации: можно даже говорить об идеологии математического ума, равно как и об идеологии ума, испытывающего аллергию к математике.

Возможно, стоит переформулировать нашу проблему, прежде чем обсуждать примеры. Поскольку источником идеологии является наше донаучное и вненаучное видение экономического процесса и его существенных (с казуальной или телеологической точки зрения) элементов и поскольку это видение, как правило, подвергается последующему научному анализу, оно либо подтверждается, либо опровергается этим анализом, и в любом из этих случаев из него должна исчезать *собственно* идеология. Но в какой мере идеология все же не исчезает, как должна? Насколько ей удается выстоять перед натиском накапливающихся опровергающих фактов? И насколько она искажает саму нашу аналитическую процедуру, если в результате у нас все еще остаются знания, искаженные ею?

С самого начала ясно, что есть огромное пространство, на котором опасность идеологических искажений так же мала, как и в физике. Временной ряд валовых инвестиций в промышленность может быть хорошим или плохим, но возможность выяснить, каким он является — первым или вторым, — как правило, открыта для каждого. Вальрасовская система *в ее нынешнем виде* может допускать или не допускать наличие уникального набора решений, но выяснение этого является вопросом строгого доказательства, которое может быть повторено любым квалифицированным специалистом. Вопросы, подобные этим, могут быть не самыми интересными или насущными с практической точки зрения, но они образуют основную научную часть нашей работы. И они по своей логике, хотя и не всегда по своей сути, являются нейтральными

Йозеф Шумпетер

в отношении идеологии. Кроме того, сфера этих вопросов расширяется по мере совершенствования нашего понимания аналитических исследований. Были времена, когда экономисты думали, что они получают или теряют очки в пользу труда, отстаивая трудовую теорию ценности и борясь против теории ценности, основанной на концепции предельной полезности. Можно показать, что в той мере, в которой это касается идеологических вопросов, это столь же мало меняет дело, как и замена последней методом кривых безразличия или замена кривых безразличия простым постулатом последовательности (Самуэльсон). Осмелюсь заметить, что до сих пор некоторые находят в анализе предельной производительности нечто несовместимое с их видением. При этом можно показать, что формальный аппарат последнего совместим с любым видением экономической реальности, существовавшим когда-либо⁵.

IV

Теперь поищем идеологические элементы в трех наиболее влиятельных системах экономической мысли, а именно в учениях Адама Смита, Маркса и Кейнса.

В случае Адама Смита интересным является скорее не отсутствие, а безвредность идеологических предубеждений. Я не имею в виду обусловленную его эпохой и страной «житейскую мудрость» в отношении *laissez-faire*, свободной торговли, колоний и т. п., поскольку (повторю еще раз) политические предпочтения и рекомендации человека как таковые полностью выходят за рамки моих комментариев или, скорее, они входят в них настолько, насколько это обусловлено фактологическим и теоретическим анализом, представленным в поддержку этих предпочтений и рекомендаций. Я имею в виду только его собственно аналитическое иссле-

---

5. Противоположное мнение, которое иногда встречается, связано с упрощенными версиями теории предельной производительности, которые еще сохранились в учебниках. Они не принимают во внимание все ограничения, налагаемые на производственные функции в реальной жизни, особенно если это производственные функции действующих предприятий, для которых набор технологических данных на определенный момент времени неизменно зафиксирован, подобно тому как в элементарной механике не принимаются во внимание сложности, возникающие при отказе от упрощающего допущения о концентрации масс тел в одной точке. Но теория предельной производительности, принимающая во внимание ограничения, которые даже при чистой конкуренции не позволяют факторам получать плату в соответствии с их предельной производительностью, все равно остается теорией предельной производительности.

Наука и идеология

дование — только индикативы, но не императивы. С учетом вышеизложенного первый вопрос, возникающий перед нами: какой вид идеологии мы припишем Адаму Смиту? Следуя марксистскому принципу, мы должны рассмотреть его социальное положение, то есть его личную и унаследованную классовую принадлежность, а также классовую коннотацию влияний, которые могли сформировать или способствовать формированию его взглядов (того, что мы назвали видением). Он был *homo academicus*, ставшим государственным служащим. Люди его круга относились более или менее к одному типу: его семья, не бедная, но и не богатая, поддерживала определенный стандарт образованности и была связана с хорошо известной в тогдашней Шотландии группой. Самое главное — она не принадлежала к классу предпринимателей. Его общие социальные и экономические взгляды в совершенстве отражали эти обстоятельства. Он рассматривал экономический процесс своего времени холодным критическим взглядом и инстинктивно искал скорее механические, чем личностные объяснительные факторы, такие как разделение труда. Его позиция в отношении собственности на землю и в отношении класса капиталистов была позицией внешнего наблюдателя, и он вполне ясно давал понять, что считает землевладельца («ленивого» землевладельца, который пожинает там, где не сеял) излишним, а капиталиста (который нанимает «трудолюбивых людей» и предоставляет им средства к существованию, сырье и инструменты) необходимым злом. Необходимость последнего коренится в добродетели бережливости, превознесение которой, очевидно, исходило из глубины шотландской души Смита. В остальном его симпатии полностью были на стороне рабочего, который «всех одевает, а сам ходит в лохмотьях». Добавьте к этому отвращение, которое он (как и все люди его круга) испытывал к неэффективности английской бюрократии и коррумпированности политиков, и вы получите практически полное представление о его идеологическом видении. Хотя я не могу подробно останавливаться на том, в какой мере это объясняет выведенную им картину, я должен подчеркнуть, что другой компонент его видения — философия естественного права, которую он воспринял в годы своего становления, продукт ума людей аналогичного социального положения — повлиял на идеологические предпосылки его произведений аналогичным образом: естественная свобода действий, естественное право рабочего на весь продукт промышленного производства, индивидуалистический рационализм и т. д. — все это было преподано ему до формирования его критических способностей, да и едва ли было нужно преподавать ему это, ведь это «естественным образом» витало в воздухе, которым он дышал. Однако (и это действительно интересный момент) вся эта идеоло-

Йозеф Шумпетер

гия, как бы сильно она ни подчеркивалась, в реальности не нанесла сколько-нибудь значительного вреда его научным достижениям. Если не рассматривать его экономическую социологию⁶, мы получаем от него основательное фактологическое и аналитическое учение, которое, без сомнения, несет на себе отпечаток времени, но не вызывает возражений в отношении идеологических убеждений. В нем присутствует некое полуфилософское обрамление идеологического характера, но оно может быть устранено без ущерба для научных аргументов Смита. Анализ, приводимый в поддержку его квалифицированных выводов о свободной торговле, не основывается (как это было у некоторых тогдашних философов, таких как Морелли) на утверждении, что человек по своей природе волен покупать или продавать там, где ему угодно. Утверждение о том, что (весь) продукт является естественным вознаграждением труда, присутствует, но не используется в анализе — идеология повсюду воплощается в фразеологии и в остальном отступает перед научным исследованием. По меньшей мере отчасти это было заслугой Смита как человека: он был в высшей степени ответственным исследователем; его трезвая и, пожалуй, несколько сухая рассудительность заставляла его уважать факты и логику. Отчасти это было удачным стечением обстоятельств: мы немного потеряем, отказавшись от его анализа как от *психологии* (в качестве таковой он преподносился), если мы примем его как *логическую* схему экономического поведения — при более близком знакомстве *homo economicus* (в той мере, в которой Адаму Смиту, автору «Теории нравственных чувств», вообще можно приписывать это понятие) оказывается весьма безобидной фикцией.

Маркс был экономистом, открывшим для нас идеологию и понимавшим ее природу. За пятьдесят лет до Фрейда это было достижением высшего порядка. Но, что удивительно, он совершенно не замечал опасности идеологии применительно к себе самому. Только другие люди — буржуазные экономисты и утопические социалисты — были жертвами идеологии. В то же время идеологический характер его предпосылок и идеологические предубеждения в его аргументации очевидны. Даже некоторые его последователи (например, Меринг) признавали это. Его идеологию нетрудно описать. Он был буржуазным радикалом, вырвавшимся за пределы буржуазного радикализма. Он был сформирован немецкой философией и не ощущал себя профессиональным экономистом до конца 1840-х годов. Но к тому времени, то есть *до начала* его

---

6. Но даже здесь, как напомнил мне профессор Э. Гамильтон, пожалуй, больше оснований для восхваления, чем для обвинения.

Наука и идеология

серьезных аналитических исследований, его видение капиталистического процесса уже сформировалось, и научные исследования Маркса призваны были обосновывать, а не корректировать его. Маркс был не оригинален в своем видении. Оно распространилось в радикальных кругах Парижа, его происхождение можно проследить от ряда авторов XVIII века, таких как Ленге⁷. История воспринимается в нем как борьба между классами, определяемыми как *имущие* и *неимущие*: первые эксплуатируют вторых, при этом постоянно возрастает богатство все меньшего количества *имущих* и постоянно усугубляются страдания и деградация *неимущих*, что неизбежно приводит к впечатляющему взрыву. Таким было видение, возникшее тогда в пылких умах, и ему предстояло быть обработанным, как обрабатывается сырье, научными инструментами того времени. Это видение подразумевает ряд положений, которые не выдерживают проверки аналитическими средствами. И фактически, по мере того как его аналитические исследования становились все более зрелыми, Маркс создал много примеров научного анализа, которые были не только нейтральными по отношению к этому видению, но и несколько не вполне с ним согласующимися — например, излагал нечто вроде теорий, объясняющих кризисы недостаточным потреблением и перепроизводством, которые он, по-видимому, принимал на первых порах и следы которых (для пытливых толкователей) сохранились во всех его произведениях. Другие результаты его анализа были получены путем сохранения первоначального (идеологического) утверждения в качестве «абсолютного» (то есть абстрактного) закона с признанием существования противодействующих сил, объясняющих не соответствующие ему явления в реальной жизни. Некоторые аспекты этого видения в конечном итоге нашли убежище в ругательной фразеологии, которая не затрагивает научные элементы аргументации. Например, независимо от того, верна она или ошибочна, его теория «прибавочной» стоимости, объясняющая последнюю эксплуатацией, была подлинным образцом теоретического анализа. Но все пламенные фразы об эксплуатации вполне могли бы быть приложены и к другим теориям, в том числе к теории Бем-Баверка: представьте его в образе Маркса; что могло бы быть проще для него, чем излить гнев на дьявольскую практику грабежа рабочего класса путем вычитания из его продукта дисконтирования во времени?

---

7. См. в особенности его «Теорию гражданских законов» (1767) и комментарии Маркса по поводу нее в его «Теориях прибавочной стоимости».

Йозеф Шумпетер

Но некоторые необоснованные элементы его первоначального видения (в частности, возрастающая нищета масс, которая должна в конечном итоге побудить к революции) в то же время были необходимыми для него. Они были слишком тесно связаны с сокровенным смыслом его идеи, слишком глубоко коренились в самом смысле его жизни, чтобы он мог от них отказаться. Кроме того, именно они привлекали последователей и порождали их горячую преданность. Именно они объясняют организующий эффект (создание партий) учения, которое без них было бы пресным и скучным. Таким образом, в данном случае мы наблюдаем победу идеологии над анализом: вот что бывает, когда идеологическая концепция становится социальным кредо и тем самым делает анализ бесплодным.

Видение Кейнса — источник всего, что с большей или меньшей степенью определенности идентифицируют как кейнсианство, — впервые было представлено в нескольких глубокомысленных абзацах во введении к работе «Экономические последствия Версальского мирного договора» (1920). Эти пассажи породили *современный* стагнационизм (стагнационистские настроения озвучивались многими экономистами и ранее, начиная с работы *Britannia Languens* (1680)) и указали его существенные особенности — особенности, свойственные зрелому и артериосклеротическому капиталистическому обществу, которое пытается сберечь больше, чем могут освоить его сокращающиеся возможности инвестирования. Это видение никогда не исчезало: мы замечаем его проблеск в «Трактате о денежной реформе» и других работах, но, поскольку внимание Кейнса в 1920-е годы было поглощено другими проблемами, идея не была реализована аналитически до значительно более позднего времени. Д. Х. Робертсон в своей работе «Банковская политика и уровень цен» представил некоторые рассуждения, которые можно считать частичной реализацией идеи избыточных сбережений. Но у Кейнса эта идея оставалась побочной даже в его «Трактате о деньгах». Возможно, толчок, порожденный всемирным кризисом, окончательно устранил факторы, препятствовавшие ему в словесном выражении своей идеи. И определенно именно толчок, порожденный всемирным кризисом, создал аудиторию, готовую воспринять такую идею.

И снова именно идеология — видение приходящего в упадок капитализма, которое определяло (*видело*) причину упадка в одной из множества особенностей современного общества, — привлекала внимание и одерживала победу, а не аналитическая реализация в книге 1936 года, которая сама по себе, без защиты в виде широкого принятия идеологии, значительно сильнее пострадала бы от критики, направлявшейся в ее адрес почти с самого на-

Наука и идеология

чала. И все же концептуальный аппарат был результатом работы не только яркого, но и зрелого ума маршаллианца, который был одним из трех людей, разделивших мантию мудреца. В течение 1920-х годов Кейнс был и ощущал себя маршаллианцем, и, хотя впоследствии он театрально отказывался от своей приверженности этой школе, он никогда не отклонялся от маршаллианской линии больше, чем это было необходимо для его аргументации. Он продолжал быть тем, кем он стал к 1914 году, — мастером построения теорий — и потому был способен дать своему видению вооружение, не позволявшее многим из его последователей замечать идеологический элемент как таковой. Разумеется, это способствует усвоению вклада Кейнса современным потоком аналитических исследований. В действительности в нем нет новых принципов для усвоения. Нетрудно увидеть, что идеология равновесия при неполной занятости и воздержания от расходов (такой термин лучше подходит для использования, чем термин «сбережения») воплощена в нескольких ограничительных допущениях, акцентирующих определенные (реальные или предполагаемые) факты. С ними каждый может поступить по своему усмотрению и затем продолжать свой собственный путь. Это сводит всю кейнсианскую полемику к уровню технической науки. В отсутствие институциональной поддержки «символ веры» утратил свою актуальность вместе с ситуацией, которая делала его убедительным. Даже самые стойкие Мак-Куллохи наших дней вынуждены занимать одну из тех позиций, о которых трудно сказать, содержат ли они отказ, переистолкование или непонимание первоначальной идеи.

V

Из наших примеров можно сделать вывод, что аналитически неконтролируемые идеи играют свою роль исключительно в сфере общих представлений об экономическом процессе как целом, образующих контекст, из которого проистекает аналитическая деятельность и в котором мы можем полностью изучить лишь отдельные сегменты. Конечно, в некоторой мере это так — в основном наша исследовательская работа имеет дело с частностями, которые оставляют меньше пространства для простого видения и более строго контролируются объективными тестами, — но не вполне. Возьмем, к примеру, теорию сбережения, которая возникает в более широком контексте в кейнсианской системе, но может рассматриваться и сама по себе с фактологической и теоретической точек зрения. Со времен Тюрго и Смита (а на самом деле еще раньше) до эпохи Кейнса постепенно сформировались все

Йозеф Шумпетер

основные утверждения о природе и следствиях сбережений, так что, учитывая более богатое обеспечение фактами, доступное нам сегодня, должно оставаться мало возможностей для расхождений во мнениях. Пожалуй, нетрудно провести обобщающий (хотя, возможно, не очень увлекательный) анализ, который большинство профессиональных экономистов сможет принять как само собой разумеющееся. Но по данному предмету всегда велось хвалебное или ругательное проповедование, подкрепляемое терминологическими трюками, такими как смещение между сбережениями и воздержание от расходов, которое создало мнимый антагонизм между авторами, пишущими о данном предмете. Сильно акцентированные различия в доктринах, для которых нет фактологического или аналитического основания, всегда указывают (хотя сами по себе не доказывают) на присутствие идеологических предубеждений с одной или обеих сторон. В данном случае различия происходят из двух различных позиций в отношении буржуазного уклада жизни.

Другой пример «локальной» идеологии данного рода — позиция многих (если не большинства) экономистов в отношении всего, что каким-либо образом связано с монополией (олигополией) и согласованным ценообразованием (сговором). Эта позиция не изменилась со времен Аристотеля и Молины, хотя она получила отчасти новое значение в условиях современной промышленности. Сегодня, как и тогда, большинство экономистов готово подписаться под утверждением Молины: *monopolium est injustum et rei publicae injuriosum* (монополия есть несправедливость и прямое нарушение прав). Но для моих рассуждений здесь важно не само это ценностное суждение (можно испытывать неприязнь к современному крупному бизнесу так же, как и ко многим другим особенностям современной цивилизации), а анализ, который приводит к нему, и идеологическое влияние, которое можно в этом анализе обнаружить. Любой, кто читал «Принципы» Маршалла, и в еще большей мере любой, кто читал также его работу «Промышленность и торговля», должен знать, что среди бесчисленных схем поведения, описываемых этими терминами, есть много таких, в отношении которых следует признать их полезность, а не вред для экономической эффективности и интересов потребителей. Более современный анализ позволяет еще более ясно показать, что никакое обобщенное или безоговорочное высказывание не может быть справедливым в отношении всех этих схем поведения и что простых фактов размера, наличия одного продавца, дискриминации и согласованного установления цен самих по себе недостаточно для утверждения о том, что результирующая эффективность в каком-либо смысле этого слова является худшей,

Наука и идеология

чем та, которой можно было бы ожидать при чистой конкуренции в условиях, достижимых при чистой конкуренции. Иными словами, экономический анализ не дает оснований для *огульного* преследования монополий, такие основания следует искать в конкретных обстоятельствах каждого отдельного случая. Тем не менее многие экономисты поддерживают такое *огульное* преследование монополий, при этом интересно, что особенно выделяются среди них многие активные сторонники системы частного предпринимательства. Их идеология является идеологией капиталистической экономики, которая превосходно выполняла бы свои социальные функции с помощью волшебной палочки чистой конкуренции, если бы не монстр монополии или олигополии, бросающий тень на светлую в остальном картину. При этом никто даже не вспоминает об эффективности крупного бизнеса, о неизбежности его возникновения, о социальных издержках, связанных с разрушением существующих структур, о пустоте священного идеала чистой конкуренции и, по сути, не предлагает в ответ ничего, кроме искреннего негодования.

Даже в такой развернутой форме наши примеры, хотя они достаточно хорошо иллюстрируют сущность идеологии, недостаточны для получения представления о сфере ее влияния. Это влияние нигде не проявляется сильнее, чем в экономической истории, где следы идеологических предубеждений проступают столь явно именно потому, что они редко формулируются в развернутой форме и, следовательно, редко оспариваются: прекрасным примером является тема роли в экономическом развитии, которую следует отводить инициативам правительств, политики и политиков. Экономические историки как группа систематически переоценивали или недооценивали значение этой инициативы в манере, которая недвусмысленно указывает на донаучные убеждения. Даже статистические выводы утрачивают объективность, которая должна быть им присуща по логике вещей, при рассмотрении проблем, связанных с идеологией⁸. Некоторые смежные с нашей наукой отрасли социологии, психологии, антропологии и биологии

---

8. Мне не известно о каких-либо случаях, когда сами правила построения выводов содержали бы идеологические искажения. Все чаще бывают случаи, когда строгость тестов снижается или повышается в зависимости от идеологической принадлежности обсуждаемого предположения. Поскольку принятие или отклонение конкретного статистического результата всегда подразумевает некоторый риск ошибки, простого изменения степени готовности к принятию такого риска (не говоря уже о других факторах) достаточно для создания хорошо известной ситуации, когда два экономиста-статистика приходят к противоположным выводам на основании одних и тех же данных.

Йозеф Шумпетер

столь испорчены идеологическими предубеждениями, что, наблюдая положение вещей в них, экономист может порой даже получить успокоение от сравнения их со своей наукой. Если бы у нас было время, мы могли бы проследить одно и то же явление повсюду: идеологии кристаллизуются, становятся догмами, которые до определенного времени остаются непроницаемыми для обоснованного обсуждения; они находят защитников, которые всей душой готовы бороться за них.

Малоутешительно постулировать (как это делалось иногда) существование бесстрастных умов, обладающих иммунитетом от идеологических предубеждений и гипотетически способных преодолеть их. Такие умы действительно могут существовать; к тому же легко показать, что некоторые социальные группы в большей мере, чем другие, отдалены от сфер общественной жизни, в которых идеологии приобретают дополнительную жизненную силу в экономических или политических конфликтах. Однако, хотя они могут быть относительно свободными от идеологий практиков, они создают собственные, не менее искаженные идеологии. Более утешительно наблюдать, что никакая экономическая идеология не вечна, и с вероятностью, близкой к единице, мы в конечном итоге отбрасываем каждую из них. Это следует не только из того факта, что изменение общественных тенденций неизбежно приводит к отмиранию любой экономической идеологии, но и из соотношения идеологии с тем донаучным когнитивным актом, который мы назвали видением. Поскольку этот акт побуждает к поиску фактов и анализу, которые имеют тенденцию разрушать любые представления, не выдерживающие проверки ими, никакая экономическая идеология не может сохраняться бесконечно даже в статичном социальном мире. Со временем способы проверки совершенствуются и делают свое дело все быстрее и эффективнее. Но в результате все равно получается, что та или иная идеология всегда будет с нами, и я убежден, что так оно и будет.

Но это не беда. Уместно вспомнить о другом аспекте соотношения между идеологией и видением. Донаучный когнитивный акт, являющийся источником наших идеологий, служит также предварительным условием наших научных исследований. Никакое новшество в науке без него невозможно. Благодаря ему мы получаем новый материал для наших научных начинаний и то, что мы формулируем, защищаем, критикуем. Наш арсенал фактов и инструментов расширяется и обновляется в этом процессе. Так что, хотя идеологии замедляют наше продвижение вперед, без них мы бы вообще никуда не продвинулись.

*Утверждения о благосостоянии
в экономической науке
и межличностные сравнения полезности¹*

Николас Калдор

НИКОЛАС КАЛДОР (1908–1986) родился в Будапеште, получал образование в Будапеште, Берлине, а также в Лондонской школе экономики. В дополнение к университетской карьере, которая была связана в основном с Кембриджским университетом, Калдор выполнял функции советника для нескольких правительств и играл важную роль в разработке налога на добавленную стоимость. В этой короткой статье, первоначально опубликованной в 1939 году, он утверждает, что чистая выгода от экономической политики — сумма, которую «выигравшие» готовы заплатить, за вычетом суммы компенсации «проигравшим» — служит критерием для измерения способности экономики к удовлетворению предпочтений, не требующим межличностных сравнений или каких-либо суждений в отношении справедливости различных распределений. В другой статье, опубликованной в том же году, Джон Хикс отстаивает эту же идею, поэтому оценку альтернатив в терминах чистой выгоды часто называют *критерием эффективности Калдора–Хикса*.

В выпуске *Economic Journal* за декабрь 1938 года профессор Роббинс возвращается к вопросу о статусе межличностных сравнений полезности². Целью данной статьи не является оспаривание мнения профессора Роббинса в отношении научного статуса таких сравнений; в этом автор полностью согласен с профессором. Цель заключается скорее в исследовании значения самого этого вопроса для так называемой *экономики благосостояния*. В предшествующих обсуждениях этой проблемы обе стороны с некоторой поспешно-

---

1. Nicholas Kaldor. Welfare Propositions in Economics and Interpersonal Comparisons of Utility // *Economic Journal*. 1939. Vol. 49. No. 195. P. 549–552.

Перевод с английского А. Фофонова.

2. Lionel Robbins. Interpersonal Comparisons of Utility: A Comment // *Economic Journal*. 1938. Vol. 48. No. 192. P. 635–691.

Николас Калдор

стью допускали, что научное оправдание таких сравнений определяет, «может ли экономика как наука говорить что-либо в порядке предписания». Обсуждающих интересовал только статус сравнений; они (по-видимому) соглашались друг с другом в том, что статус предписаний необходимо зависит от статуса сравнений.

Несомненно, именно таково мнение г-на Харрода. Он говорит: «Рассмотрим отмену хлебных законов. Она снизила ценность определенного фактора производства — земли. Без сомнения, можно показать, что выгода общества в целом превышала убыток землевладельцев, *но только если трактовать индивидов как в некотором смысле равных*. В ином случае как можно сопоставлять убыток некоторых (а то, что убыток имел место, едва ли можно отрицать) с общей выгодой? Если строго настаивать на несравнимости полезности для разных индивидов, придется отказаться не только от предписаний школы экономики благосостояния, но и вообще от каких-либо предписаний. Экономист как советник становится абсолютно несостоятельным, и, если только его спекуляции не признаны обладающими выдающейся эстетической ценностью, лучше бы его вообще упразднить»³. Это мнение поддерживает профессор Роббинс: «Я предлагал лишь уяснить, что заявление о том, что общественное благосостояние увеличилось благодаря [свободной торговле], само по себе содержало произвольный элемент — оно должно было гласить: *если* принять допущение о равных способностях экономических субъектов к получению удовлетворения, *тогда* можно говорить об увеличении общественного благосостояния. Объективный анализ последствий отмены пошлин лишь показывал, что потребители выиграли, а землевладельцы проиграли. Наличие произвольного элемента было очевидным. Поэтому представляется не менее очевидным, что в данном случае, как и в других, это следует признать прямо»⁴.

Однако можно продемонстрировать, что в классической аргументации в пользу свободной торговли такой произвольный элемент полностью отсутствует. Последствия отмены хлебных законов можно суммировать следующим образом: (i) она привела к снижению цены зерна, поэтому *тот же* денежный доход стал соответствовать более высокому реальному доходу; (ii) она привела к изменению распределения доходов, так что доходы некоторых людей (то есть землевладельцев), по крайней мере в денежном выражении, стали ниже, чем раньше, а доходы других людей (по-видимому, других производителей) стали выше. Поскольку совокупный денежный доход предположительно не изменился, если

---

3. R. F. Harrod. Scope and Method of Economics // *Economic Journal*. 1938. Vol. 48. No. 191. P. 383–412. (Курсив мой.— Н. К.)

4. Robbins. *Interpersonal Comparisons of Utility*. P. 638.

Утверждения о благосостоянии в экономической науке

доходы землевладельцев снизились, то доходы других людей должны были, соответственно, возрасти. Только в результате этих последовательных изменений в распределении доходов могли бы возникнуть какие-либо потери в удовлетворении для некоторых индивидов, а значит, потребность в сравнении выгод одних людей с убытками других. Но государство всегда может обеспечивать, чтобы прежнее распределение доходов оставалось неизменным, компенсируя «землевладельцам» потери доходов за счет средств, полученных от взимания дополнительного налога с тех, чьи доходы возросли. Таким образом, благосостояние каждого индивида как получателя доходов остается таким же, как раньше; при этом каждый индивид выигрывает как потребитель. Ведь остается выгода от снижения цен на зерно в результате отмены пошлин.

Поэтому во всех случаях, когда какая-либо политическая мера ведет к повышению физической производительности, а значит, и совокупного реального дохода, аргументы экономиста в отношении данной меры не зависят от вопроса о сравнимости индивидуальных удовлетворений; ведь во всех таких случаях *можно* сделать благосостояние каждого выше, чем раньше, или по крайней мере повысить благосостояние некоторых людей без ухудшения благосостояния других. Экономисту нет нужды доказывать (да он и не смог бы никогда доказать), что в результате принятия определенной политической меры никто в обществе не пострадает. Чтобы обосновать свои выводы, ему вполне достаточно показать, что даже при получении всеми проигравшими полной компенсации своих убытков благосостояние остальной части общества станет выше, чем раньше. Вопрос о том, следует ли выплачивать компенсацию землевладельцам в примере со свободной торговлей, является политическим вопросом, по которому экономист *в качестве* экономиста едва ли может высказывать свое мнение. Важно, что к аргументам, приводимым в пользу свободной торговли, судьба землевладельцев совершенно не имеет отношения, ибо выгоды от свободной торговли никоим образом не уничтожаются даже при выплате землевладельцам полной компенсации их убытков⁵.

---

5. Этот принцип, как увидит читатель, просто сводится к утверждению, что межличностные сравнения удовлетворенности не нужны при оценке любой политической меры, призванной увеличить совокупное благосостояние, именно потому, что такую политическую меру *можно* осуществить способом, гарантирующим единодушное согласие. Тем не менее увеличение денежной ценности национального дохода (при данных ценах) не обязательно является достаточным свидетельством выполнения данного условия: ведь в результате осуществления определенной политической меры индивиды могут понести неденежные убытки — например, если рабочие получают удовлетворение от определенного вида работы, а их вынуждают сменить вид

Николас Калдор

Этот аргумент дает оправдание примененной профессором Пигу в «Экономике благосостояния» процедуре разделения «экономической теории благосостояния» на две части: первая относится к производству, вторая – к распределению. Первая, гораздо более важная часть, должна включать в себя все положения о повышении общественного благосостояния, которые связаны с увеличением совокупного объема производства; к ней следует относить все вопросы, связанные со стимулированием занятости, выравниванием общественных чистых продуктов и выравниванием цен с предельными издержками. Здесь экономист на твердой почве; научный статус его предписаний неоспорим при условии признания базового постулата экономической науки, согласно которому каждый индивид предпочитает большее меньшему (большее удовлетворение меньшему удовлетворению). Во второй части, связанной с распределением, экономиста должны интересовать не «предписания», а относительные преимущества различных способов достижения определенных политических целей, поскольку практически невозможно экономически обосновать решение о том, какая именно схема распределения доходов максимизирует общественное благосостояние. Если применить в качестве критерия постулат о равных способностях к получению удовлетворения, неизбежно следует вывод, что благосостояние является наибольшим при полном равенстве; при этом нельзя исключить возможность, что все будут в большей степени довольны при наличии некоторого неравенства, чем при режиме необходимого и полного равенства. (Здесь я рассуждаю не столько о различиях в способностях к получению удовлетворения между различными индивидами, сколько об удовлетворении, возникающем вследствие возможности повышения дохода индивида его собственными усилиями: данная возможность необходимо исключается при режиме полного равенства.) Если же полного равенства нет, то как экономист может определить желательную степень неравенства? То есть какая степень неравенства гарантирует максимум общего удовлетворения? Все, что может и должна делать экономическая наука в этой области, – это показывать при заданной желательной схеме распределения доходов наиболее удобный способ ее осуществления.

Лондонская школа экономики

занятости, необходимо нечто большее, чем прежний уровень их денежного дохода, для обеспечения прежнего уровня удовлетворения; это справедливо и в случаях, в которых индивиды воспринимают осуществление определенной политической меры как нарушение их личной свободы. Только если увеличение совокупного дохода достаточно для покрытия таких потерь и при этом оставляет некий выигрыш для остальной части общества, можно считать его «оправданным», не прибегая к межличностным сравнениям.

Философские основания магистрального направления нормативной экономики¹

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

Майкл С. Макферсон (род. 1947) получил докторскую степень в Университете Чикаго и в течение многих лет преподавал в Колледже Уильямс, прежде чем стать президентом Колледжа Макалестер, а затем — Фонда Спенсера. Его научные исследования связаны с экономикой высшего образования и проблемами, возникающими на стыке экономики и этики. Он основал совместно с Дэниелом Хаусманом журнал *Economics and Philosophy* в 1985 году и был его редактором в течение первых десяти лет его существования. Макферсон и Хаусман также стали соавторами работы «Экономический анализ, моральная философия и публичная политика», из которой и извлечен приведенный фрагмент.

Начнем со старого анекдота. Брежнев и другие члены ЦК смотрят первомайский парад в Москве. Перед ними проходят тысячи пехотинцев, за ними следуют бронемашины, танки последних моделей, дальнобойная артиллерия и все более крупные, стройные и внушительные ракеты. В конце процессии с грохотом волочится потрепанный грузовик открытого типа, в кузове — пол-

---

1. Данная статья является результатом длительного сотрудничества, итогом которого стало опубликование книги «Экономический анализ и моральная философия» (*Economic Analysis and Moral Philosophy*) в 1996 году и ее второго издания «Экономический анализ, моральная философия и публичная политика» (*Economic Analysis, Moral Philosophy, and Public Policy*) в 2006 году. В период между выходом этих работ Хаусман опубликовал следующую статью, в которой использовался материал первого издания: Daniel M. Hausman. *Philosophical Foundations of Normative Economics* // Melvin Ayogu and Don Ross (eds). *Development Dilemmas: The Methods and Political Ethics of Growth Policy*. London: Routledge, 2005. P. 40–61. Эта статья в значительной мере повлияла на данную работу.

Перевод с английского А. Фофонова.

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

дюжины тщедушных мужчин и женщин среднего возраста в очках, в грязных плащах, сидят вокруг карточного стола. В толпе возникает беспокойство, члены Центрального комитета возмущены. Один из них достаточно смел, чтобы спросить Брежнева о том, что эти непонятные гражданские лица делают посреди столь грандиозного военного парада. Брежнев отвечает: «О, это наши экономисты. Вы себе не представляете, какой ущерб они способны нанести».

Как и большинство шуток экономистов, эта довольно злая, но ее жесткость не следует преувеличивать. В ней упомянут ущерб, который *могут* нанести экономисты, а не неизбежно причиняемый ими вред. Кроме того, не предполагается, что у них злые намерения. К сожалению, экономическая наука может приносить большой вред, но мы полагаем, что она может также делать добро. Это палка о двух концах, и обращаться с ней следует умело и осторожно. Экономическая наука приносила вред главным образом потому, что ее неправильно понимали или неправильно использовали в чьих-либо политических и экономических интересах. Философы или экономисты мало что могут противопоставить могущественным заинтересованным лицам, которые готовы эксплуатировать любую теорию — экономическую, политическую или даже философскую — для обоснования своих амбиций и алчности. Но философы и экономисты могут прояснять толкование экономической теории и тем самым устранять путаницу и хотя бы в некоторой мере затруднять идеологическое злоупотребление ею. Такова цель данной статьи в отношении магистрального направления нормативной экономики. Мы надеемся, что понимание спорных допущений, на которые опирается нормативная экономика, поможет людям не поддаваться самоуверенной пропаганде экономической «мудрости».

1. Общеизвестный пример

Начнем с общеизвестного примера, чтобы проиллюстрировать основные особенности нормативной экономики и показать, почему необходимо исследование ее философских оснований. В декабре 1991 года Лоренс Саммерс, который был тогда главным экономистом Всемирного банка, разослал коллегам меморандум со следующими комментариями:

Между нами говоря, почему бы Всемирному банку и не поощрять расширение миграции «грязных» отраслей в развивающиеся страны? Я нахожу три довода в пользу этого:

Философские основания магистрального направления...

- (1) Измерение издержек вредного для здоровья загрязнения зависит от упущенных доходов, связанных с повышением заболеваемости и смертности. С этой точки зрения определенный объем вредного для здоровья загрязнения следует размещать в стране с наиболее низкими издержками, то есть в стране с наиболее низким уровнем заработной платы...
- (2) Я всегда полагал, что малонаселенные страны Африки крайне *мало* загрязнены; качество воздуха в них, вероятно, является неэффективно [высоким] по сравнению с Лос-Анджелесом или Мехико. Только тот печальный факт, что огромные объемы загрязнения порождаются «неторгуемыми» отраслями (транспорт, генерирование электроэнергии) и что стоимость транспортировки твердых отходов столь высока, препятствует торговле загрязнением воздуха и отходами, которая могла бы повысить благосостояние во всем мире.
- (3) Спрос на чистую окружающую среду, мотивируемый соображениями эстетики и охраны здоровья, вероятно, характеризуется очень высокой эластичностью по доходу. Опасения в отношении вещества, приводящего к изменению вероятности заболевания раком простаты на одну миллионную, очевидно, должны быть значительно серьезнее в стране, где люди доживают до возраста, в котором они могут заболеть раком простаты, чем в стране, где смертность среди детей, не достигших 5-летнего возраста, составляет 200 на тысячу... Проблему с возражениями против всех этих предложений о переносе загрязнений в развивающиеся страны (естественные права на определенные блага, этические соображения, социальные опасения, отсутствие адекватных рынков и т. д.) можно полностью перевернуть и более или менее эффективно использовать против любого предложения Банка о либерализации. (Цит. по: *The Economist*, February 8, 1992, p. 66.)

Саммерс не выступал всерьез с предложением программы Всемирного банка по экспорту загрязнений в развивающиеся страны. Этот меморандум интересен тем, что Саммерс открыто озвучил неудобные выводы, от которых большинство экономистов предпочло бы воздержаться.

В меморандуме Саммерса содержатся заявления о том, что «следует» делать Всемирному банку, и некоторые факты представлены в нем как «печальные». Саммерс явно высказывает оценочные суждения, и его выводы не могут быть признаны относящимися к экономической науке теми, кто настаивает, что экономическая наука должна быть свободной от каких-либо ценностных суждений. В то же время данный меморандум явно представляется имеющим отношение к экономической науке. Один из способов признать это, продолжая настаивать на важности различия между фактологическими и оценочными утверждениями, — допустить существование двух видов экономической науки: «позитивной эконо-

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

номики», которая имеет дело только с фактами, и «нормативной экономики», которая занимается оценкой экономической ситуации, процессов и институтов. Очевидно, что меморандум Саммерса является примером нормативной экономики.

Полезно выделить семь особенностей меморандума Саммерса, которые являются типичными для магистрального направления нормативной экономики, или «экономики благосостояния». Каждая из этих особенностей предусматривает возможность *выбора*: образ мышления Саммерса в отношении экономической ситуации и политики является одним из *многих* возможных образов мышления. Если выяснить, что отличает этот образ мышления о результатах и политических мерах от других образов мышления, можно понять многое о нормативной экономике.

1. Саммерса интересует *оценка* экономических ситуаций и выработка рекомендаций по их улучшению. Он сосредоточивается на экономических результатах, а не на процессах.
2. Саммерс подразумевает наличие единой системы экономической оценки, которую он принимает как данность. Он полагается на несформулированные этические основания, которые, по его мнению, разделяют его читатели.
3. В меморандуме рассматривается, как политические меры и ситуации воздействуют на *индивидов*. Не ставятся вопросы о значении их воздействия на другие аспекты, такие как окружающая среда или локальные культуры, за исключением той меры, в которой последние в свою очередь влияют на благосостояние индивидов.
4. В меморандуме оцениваются экономические ситуации исключительно с точки зрения их последствий для индивидуального *благосостояния*. Вследствие преобладания этой особенности магистральное направление нормативной экономики обычно называют *экономикой благосостояния*.
5. При измерении благосостояния в меморандуме имплицитно принимается рыночный способ оценки благ.
6. Хотя меморандум сосредоточивается исключительно на благосостоянии, в нем не производится сложение или сравнение повышений и понижений благосостояния различных людей. Саммерс не утверждает, что торговля загрязнением будет максимизировать совокупное или среднее благосостояние.
7. В дополнение к сосредоточению исключительно на следствиях миграции загрязнений для благосостояния в меморандуме утверждается, что существует качественное различие между «безупречной» «экономической логикой перемещения токсичных отходов в страны с наиболее низкой заработной платой» [курсив наш] и разнообразными и произвольными этическими возраже-

Философские основания магистрального направления...

ТАБЛИЦА 13.1.
Этическая основа нормативной экономики

-
1. Что должны оценивать экономисты?
    - ✓ а. *Результаты.*
    - б. Процессы.
  2. Какие методы оценки следует использовать экономистам?
    - ✓ а. *Единый метод оценки.*
    - б. Несколько этических точек зрения, в зависимости от проблемы.
  3. Что важно в результатах?
    - ✓ а. *Последствия для индивидов.*
    - б. Последствия для групп или окружающей среды.
  4. Какие аспекты результатов для индивидов имеют значение?
    - ✓ а. *Благосостояние.*
    - б. Свобода.
    - в. Права.
    - г. Справедливость.
  5. Что такое благосостояние?
    - ✓ а. *Удовлетворение предпочтений.*
    - б. Некое ментальное состояние, такое как счастье.
    - в. «Объективные» блага, например достижения, личные отношения, здоровье и т. д.
  6. Как благосостояние (трагуемое как удовлетворение предпочтений) учитывается при оценке результатов?
    - ✓ а. *Рыночная оценка и концепции Парето (будут объяснены в разделе 7).*
    - б. Суммирование удовлетворений предпочтений.
  7. Какую роль играют другие этические понятия?
    - ✓ а. *Независимую: важны, но не имеют отношения к экономической науке.*
    - б. Их значение зависит от их следствий для благосостояния.
    - в. Должны быть интегрированы в экономическую оценку.
    - г. Не имеют значения.
-

ниями, апеллирующими к «естественным правам на определенные блага, этическим соображениям, социальным опасениям, отсутствию адекватных рынков и т. д.». Саммерс подразумевает, что аргументы экономики благосостояния являются строгими и заслуживают серьезного отношения, тогда как разнообраз-

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

ными возражениями можно пренебречь². Хотя приверженцы экономики благосостояния редко отрицают, что прочие этические соображения имеют значение при оценке политических мер и исходов, они часто относятся к прочим этическим соображениям с подозрением, нетерпимостью или даже презрением.

Некоторые из этих семи особенностей экономики благосостояния широко распространены в мышлении и культуре современных либеральных демократий, тогда как другие более характерны для магистрального направления экономической науки. Ни одна из этих особенностей экономики благосостояния, даже те из них, которые в более широком контексте разделяются либеральной социальной теорией, не являются непреложными. Каждая из них подразумевает возможность выбора, и каждая из них может быть подвергнута сомнению или изменена. Эти возможности выбора являются как методологическими, так и этическими. Хотя благосостояние, безусловно, имеет большое значение, не менее важны свобода и справедливость. Нормативная экономика может сосредотачиваться на них в дополнение к благосостоянию или вместо него. Существует ряд альтернатив, и выбор между ними требует этических размышлений.

В таблице 13.1 приведены некоторые альтернативы тем вариантам, которые были выбраны экономистами. Таблица помогает прояснить отличительные особенности стандартов оценки, на которые полагается нормативная экономика.

2. Аргументы Саммерса

Загрязнение воздуха и воды снижает качество жизни во многих отношениях. Кроме того, большинство видов загрязнения не имеет рыночной цены, поскольку трудно установить источники загрязнения, и заключение сделок со всеми загрязнителями в целях повышения качества воды или воздуха является дорогостоящим. Также любая сделка, которую вы заключите с загрязнителями, будет затрагивать вашего соседа и наоборот – идя по улице, вы дышите тем же воздухом, что и ваш сосед. Заключение эффективной сделки требует сотрудничества между вашими соседями.

---

2. В противном случае утверждение Саммерса о том, что эти возражения «можно полностью перевернуть и более или менее эффективно использовать против любого предложения Банка о либерализации», должно побудить его критиковать предложения Всемирного банка о либерализации, а не выступать с еще одним предложением!

Философские основания магистрального направления...

Таким образом, зачастую для установления контроля над загрязнениями необходимо некоторое коллективное действие. Один из способов, которым экономисты могут помочь в решении проблем, связанных с контролем над загрязнениями, является *вменение* издержек загрязнения. Идея заключается в определении стоимости загрязнения, которая *могла бы существовать, если бы существовали рынки* для купли-продажи загрязнений. Например, экономисты могут пытаться вменять издержки загрязнения путем сопоставления цен на жилье в районах, схожих между собой во всех отношениях, за исключением качества воздуха. У экономистов есть несколько оригинальных технологий, посредством которых они могут оценить, сколько жители развитых стран готовы заплатить за снижение загрязнения их окружающей среды и какую компенсацию жители развивающихся стран должны получить за готовность к принятию дополнительного загрязнения.

В дополнение к этому Саммерс утверждает, что такие измерения не являются результатом неведения или ошибочных предположений людей. С его точки зрения, экономические издержки последствий увеличения загрязнения *фактически* значительно ниже в развивающихся, чем в развитых, странах. Рациональные и хорошо информированные жители развивающихся стран *должны быть* готовы продать права на загрязнение жителям развитых стран за цену, которую последние *должны быть* готовы заплатить. Готовность к принятию большего загрязнения в развивающихся странах не обусловлена ошибочными представлениями о последствиях такого принятия.

Предположим, качество окружающей среды можно покупать и продавать отдельными единицами, допускающими частное потребление, и рассмотрим вопрос о том, смогут ли рациональные и хорошо информированные индивиды, проживающие в некоторой развивающейся стране L , заключать сделки о продаже единиц «качества окружающей среды» с рациональными и хорошо информированными индивидами, проживающими в развитой стране D . Если L является одной из «недостаточно загрязненных» развивающихся стран, упоминаемых Саммерсом, она располагает значительным объемом недорогого качества окружающей среды, тогда как в D , напротив, качество окружающей среды является дорогостоящим и редким. Следовательно, если цена единицы качества окружающей среды не является крайне высокой или крайне низкой, индивиды *как в L , так и в D* будут готовы заключать сделки.

Таким образом, если бы все индивиды были рациональными и хорошо информированными и если бы они имели возможность с легкостью покупать, продавать и транспортировать загрязнения

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

или «качество окружающей среды», имела бы место активная торговля между развитыми и развивающимися странами мира, и загрязнение постепенно перемещалось бы из развитых стран в развивающиеся страны. Этот благополучный результат неосуществим, поскольку единицы качества окружающей среды не допускают индивидуального присвоения, покупки или продажи, а загрязнение трудно транспортировать. Саммерс печалится об этих барьерах для торговли и полагает, что Всемирный банк может повысить благосостояние во всем мире, содействуя перемещению загрязнений в развивающиеся страны в обмен на предоставление последним некоторой компенсации.

Простое перемещение загрязнений в развивающиеся страны без выплаты каких-либо компенсаций, разумеется, не может быть *взаимовыгодным*, поскольку развивающимся странам будет нанесен ущерб. Но оно позволит получить то, что экономисты называют *чистой выгодой*, поскольку развитые страны *могут* выплатить компенсацию развивающимся и при этом, предположительно, остаться в выигрыше. Мы обсудим понятие чистой выгоды и обоснование политических мер, приносящих чистую выгоду, ниже – в разделе 7.

Почему Саммерс считает «печальным», что «загрязнения генерируются „неторгуемыми“ отраслями»? Как Саммерс приходит к выводу, что «Всемирному банку [следует] поощрять *расширение* миграции „грязных“ отраслей в развивающиеся страны»? Как нормативные экономисты переходят от утверждений о *возможном выборе* рациональных и хорошо информированных индивидов к утверждениям о *благосостоянии* и от утверждений о благосостоянии к утверждениям о том, *что следует делать* Всемирному банку? Какова логика аргументов Саммерса?

Вот один из способов разъяснения этой логики:

1. За некоторую минимальную сумму компенсации C , которую агенты в развивающихся странах готовы принять, а большинство агентов в развитых странах готовы предложить, все рациональные индивиды как в развитых, так и в развивающихся странах предпочтут перевести загрязнения из развитой страны в развивающуюся страну (допущение).
2. Все, что предпочитают хорошо информированные и рациональные индивиды, повышает их благосостояние (допущение).
3. Таким образом, перемещение загрязнений в развивающиеся страны из развитых стран и выплата компенсации повышают благосостояние всех людей (следует из 1 и 2).
4. Следует принимать политические меры, повышающие благосостояние людей (допущение).

Философские основания магистрального направления...

5. Следует принимать политические меры, перемещающие загрязнения в развивающиеся страны с выплатой компенсации (следует из 3 и 4).

Если предположить, что рабочие места и доходы от «грязных» отраслей являются достаточной компенсацией, то эта реконструкция может отображать намерения Саммерса.

Тон меморандума Саммерса подразумевает, что три пронумерованных пункта содержат «научные» доводы, а в последнем предложении упоминаются расплывчатые этические возражения. Но этическое содержание появляется отнюдь не в последнем предложении. Как показывает наша реконструкция, три пронумерованных пункта являются частью *этической* аргументации. Одно из этических допущений (допущение 2) особенно важно для понимания связи между рыночной оценкой и благосостоянием. Определив понятия благосостояния и удовлетворения предпочтений и полагаясь на связь, устанавливаемую позитивной экономической теорией между предпочтениями и рыночными ценами, Саммерс может связать допущения о затратах и потребностях с выводами о результатах политики, повышающих благосостояние.

Поднявшийся вокруг данного меморандума шум показывает, что большинство людей не готовы согласиться с его выводами. А почему бы и нет? Почему Всемирному банку не следует поощрять миграцию «грязных» отраслей? Вот пять возражений:

1. Поддержка миграции «грязных» отраслей в развивающиеся страны может привести к повышению совокупного объема загрязнений. У развитых стран более сильная мотивация, больше административных возможностей и ресурсов для реализации средств контроля над загрязнениями, чем у развивающихся стран. Это важное возражение, но оно не ставит под сомнение конструкцию Саммерса, и говорить о нем мы больше не будем.
2. Даже если люди в развитых и развивающихся странах предпочтут переместить загрязнения в развивающиеся страны в обмен на соответствующую компенсацию, обмен может оказаться *несправедливым*. Развитые страны эксплуатируют бедность развивающихся стран, за которую во многих случаях ответственны развитые страны. Неправомерно повышать благосостояние людей, если это приводит к несправедливости. Вопросы справедливости тоже важны.
3. Анализ Саммерса противопоставляет только одну возможную альтернативу *status quo*, а именно перемещение загрязнений в развивающиеся страны. Но возможны и другие политические меры, которые могут привести к лучшим результатам. Обрати-

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

те внимание: аргументация Саммерса зависит от огромных различий в доходах между богатыми и бедными странами. При отсутствии этих различий почему жители Нигерии будут платить меньше для предотвращения загрязнений, чем жители США? Следует ли принимать это изначальное неравенство доходов просто как данность? Перемещение благосостояния из богатых стран в бедные могло бы повышать благосостояние более эффективно, чем перемещение загрязнений.

4. Удовлетворение предпочтений не приводит автоматически к увеличению благосостояния. Люди могут предпочитать вещи, которые приносят им вред. Добровольный обмен не всегда является взаимовыгодным.
5. Допущение 1, согласно которому все рациональные и хорошо информированные агенты должны предпочесть обмен, также является спорным. Это допущение само по себе является выводом из того факта, что (экономические) издержки загрязнений в развивающихся странах ниже, чем в развитых. Но отражают ли экономические издержки и выгоды этически значимые аспекты? *Должны ли рациональные и хорошо информированные индивиды соглашаться с рыночной оценкой последствий загрязнений?* Не является ли допущение 1 также спорным этическим допущением? При нынешнем неравном распределении благосостояния предотвращение или излечение увечий или СПИДа создает в богатых странах гораздо более высокие экономические выгоды, чем в бедных. Но этическое значение увечий или СПИДа не должно зависеть от того, живет ли пострадавший в богатой стране, или от его нынешнего или будущего дохода или благосостояния. Поэтому можно обоснованно выдвигать этические возражения против рассмотрения экономических затрат и выгод как *руководства к действию*. Издержки и цены имеют спорное этическое значение.

На самом деле экономисты обычно не выражают ценность человеческой жизни потерями ожидаемых доходов или суммами, которые те или иные люди готовы заплатить для предотвращения смерти, и в серьезной аргументации для инициатив Всемирного банка Саммерс, вероятно, не стал бы этого делать. Но почему? Если экономические затраты и выгоды являются хорошими показателями вреда и пользы, то они должны быть хорошими показателями аллокации рисков смерти и увечий. И если они не являются хорошими показателями аллокации рисков смерти и увечий, почему мы должны верить в то, что они дают приемлемый метод измерения пользы или вреда? Саммерс сводит вопрос о том, являются ли развивающиеся страны «недозагрязненными», к вопросу о том, будут ли бла-

Философские основания магистрального направления...

гоприятными с точки зрения благосостояния последствия увеличения объема загрязнений, перемещаемых в развивающиеся страны. «Благосостояние» для Саммерса, как и для большинства экономистов, суть удовлетворение предпочтений. Стало быть, «издержки» последствий загрязнений представляют собой сумму, на которую уменьшается степень удовлетворения предпочтений людей. И применяемый Саммерсом показатель удовлетворения предпочтений – готовность платить³.

Будучи более провокационным и прозрачным, чем большая часть нормативной экономики, меморандум Саммерса служит примером общих особенностей экономической оценки, применяемой экономистами магистрального направления (мейнстрим). Нормативные экономисты обычно пытаются предлагать политические советы, игнорируя такие аспекты, как «естественные права

---

3. Другой аргумент Саммерса не страдает данным недостатком. В некоторых случаях равная подверженность действию загрязняющего вещества может наносить меньший ущерб здоровью и благосостоянию людей в развивающихся странах, чем в развитых странах. Если, как в примере Саммерса, загрязняющее вещество повышает риск рака простаты, которым болеют главным образом пожилые мужчины, то загрязняющее вещество не будет на столько же увеличивать риск заболевания или смерти, если лишь немногие мужчины живут достаточно долго, чтобы заболеть. Кроме того, из чисто медицинских соображений определенная доза данного загрязняющего вещества может приводить к меньшим негативным последствиям для здоровья, если общий объем загрязнения невелик, чем если он велик. Хотя эти дифференциальные эффекты могли бы отсутствовать, если бы не существовало других различий между развитыми и развивающимися странами, утверждение о том, что загрязнение приводит к более низким издержкам в развивающихся странах, не подразумевает более низкой оценки жизней людей, проживающих в развивающихся странах. Тем не менее весомость этих аргументов может быть оспорена, поскольку последствия увеличения загрязнения могут наступить в далеком будущем, когда различия в продолжительности жизни и уровнях фонового загрязнения, от которых зависят различия во влиянии, могут исчезнуть. Кроме того, сочетание воздействия загрязнения и общего менее благоприятного состояния здоровья жителей развивающихся стран может сделать некоторые аспекты воздействия загрязняющих веществ более, а не менее серьезными. Следует также учитывать количество людей, затрагиваемое загрязнением. При совместном рассмотрении всех этих факторов представляется неоправданным предполагать, что перемещение загрязнений в бедные страны является желательным с этической точки зрения. Поэтому сомнительно, что разумным людям следует или необходимо проявлять готовность к перемещению загрязнений из развитых стран в развивающиеся страны. Следует упомянуть еще одну проблему. Идея о выплате компенсации стране является обманом: утверждение о том, что все должны быть согласны с перемещением загрязнений, неправомерно трактует страны как индивидов. Даже в своей собственной логике аргумент непоследователен, поскольку компенсация может не дойти до индивидов, пострадавших от загрязнения.

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

на определенные блага, этические соображения, социальные опасения». Они сосредотачиваются исключительно на благосостоянии, которое они ассоциируют с предпочтениями и готовностью платить. Таким образом, нормативная экономика является экономикой благосостояния. Нормативные экономисты также обычно делают выводы в отношении благосостояния на основе данных о готовности платить, и эти выводы неизбежно склоняются в сторону предпочтений богатых⁴.

Теперь возвратимся назад и посвятим немного времени философским основаниям. Почему нормативные экономисты сосредотачиваются исключительно на благосостоянии и почему они так привержены этой теории благосостояния?

3. Индивидуализм, рациональность и личный интерес

В основе как позитивной экономики, так и экономики благосостояния лежит спорная приверженность к *индивидуализму* и определенному взгляду на *человеческую природу*. Следует различать три разновидности индивидуализма (онтологический, объяснительный и этический индивидуализм) и два взгляда на человеческую природу (основанную на рациональности и на личном интересе).

В наиболее простой формулировке онтологический индивидуализм подразумевает, что реальными являются только ментальные состояния и физические объекты, в том числе человеческие существа. Культуры, социальные институты и т. п. нереальны. Их следует понимать как воплощения особенностей физической среды или физических и ментальных состояний людей. Онтологический индивидуализм неубедителен, ему трудно дать разумное определе-

-
4. Экстремальный пример этого – лекарственный препарат эфлорнитин, являющийся эффективным «чудодейственным» средством от сонной болезни. До 1999 года лекарство производилось дочерним предприятием в США компании Aventis, но, когда эфлорнитин был признан неэффективным против рака (для борьбы с которым предназначался), Aventis прекратила его изготовление и передала производственную лицензию Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Только в начале 2001 года, когда запасы лекарства почти закончились, ВОЗ смогла найти фармацевтические компании для производства препарата, да и то лишь потому, что компании надеялись получить прибыль от продажи эфлорнитина в развивающихся странах в качестве крема, помогающего удалять волосы на лице. Поскольку жертвы сонной болезни бедны, незначительная сумма, которую они способны платить за эфлорнитин, значительно уменьшает его социальную ценность как средства от сонной болезни.

Философские основания магистрального направления...

ние. Мы упоминаем его только для выявления его отличия от объяснительного и этического индивидуализма.

Объяснительный индивидуализм (часто его называют *методологическим индивидуализмом*) можно толковать многими способами. Иногда его интерпретируют как точку зрения, согласно которой объяснения социальных явлений, ссылающиеся на социальные категории, в лучшем случае являются условными, если не откровенно спорными. Форма объяснительного индивидуализма, которой придерживаются экономисты, является менее жесткой. У экономистов не вызывают отторжения объяснения с упоминанием таких фактов, как цены, доходы, законы или контракты, хотя все эти понятия, разумеется, являются социальными категориями. Объяснительный индивидуализм, который обычно подразумевают экономисты, гласит, что фундаментальные объяснительные принципы или законы (кроме законов естественных наук) должны иметь отношение к предпочтениям, мнениям и выбору отдельных людей. Например, объяснение последствий фискальной политики государства, в котором упоминается определенное значение мультипликатора, является приемлемым только благодаря уверенности экономистов в том, что значение мультипликатора — хотя бы в принципе — может быть объяснено в терминах индивидуальных предпочтений, мнений и выбора при определенных начальных условиях. Объяснительный индивидуализм, которого придерживается большинство экономистов, допускает, что социальные категории и факты имеют каузальные следствия, но настаивает на том, что эти следствия опосредованы мнениями, предпочтениями и выбором индивидов. Мы не уверены в том, что данная версия объяснительного индивидуализма является в конечном счете оправданной.

Прежде чем обратиться к этическому индивидуализму в следующем разделе, рассмотрим взаимодействие объяснительного индивидуализма с двумя тезисами о рациональности, чтобы определить общие границы магистрального направления экономической науки. Согласно первому из двух тезисов о человеческой природе, человеческие существа *рациональны*. Основная идея тезиса заключается в том, что объяснения индивидуального выбора часто *обосновывают* этот выбор. Факторы, являющиеся *причиной* выбора, также выступают в качестве *обоснования* выбора. Люди совершают действия, обосновывая их, и, как правило, можно объяснить их действия с точки зрения их мнений и предпочтений. Если соединить это базовое представление о человеческой природе с объяснительным индивидуализмом, можно прийти к выводу, что центральными объяснительными принципами экономической науки должны быть принципы рационального индивидуального выбора.

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

Исходя из этого, мы обнаруживаем, что теория рациональности лежит в основе как позитивной, так и нормативной экономической науки магистрального направления. Хотя многие экономисты отождествляют рациональность с личным материальным интересом, базовая теория рациональности отрицает, что какая-либо определенная цель, например личная выгода, является в большей или меньшей степени рациональной, чем любая другая. Базовая теория рациональности *формальна*. Рациональность заключена в *структуре* или *форме* выбора и предпочтений, а не в содержании того, что предпочитается или выбирается.

Теория рациональности, встроенная в магистральное направление экономической науки, гласит, что индивиды совершают выбор (или действуют) рационально, если их действия определяются их предпочтениями, которые сами по себе рациональны. Моделируя мнения (представления) как субъективные вероятности, экономисты также принимают имплицитную теорию рациональных представлений, которую мы не будем здесь обсуждать. Предпочтения рациональны, если они являются полными и транзитивными. Предпочтения агента являются полными, если они ранжируют все альтернативы, с которыми сталкивается агент. Для любых двух альтернатив x и y агент предпочитает x по сравнению с y и y по сравнению с x или безразличен к соотношению x и y . Предпочтения агента являются транзитивными, если агент предпочитает x по сравнению с z во всех случаях, когда агент предпочитает x по сравнению с y и y по сравнению с z (и аналогично для безразличий). Существуют также дополнительные технические нюансы, но основная идея заключается в том, что агент имеет рациональные предпочтения, если он (независимо от содержания предпочтений) последовательно ранжирует по предпочтениям все альтернативы, из которых он может выбирать. Как если бы объекты выбора можно было включить в список, в котором более предпочитаемые альтернативы были бы в верхних строках, а альтернативы, к выбору между которыми агент безразличен, указывались бы в одной строке. Строкам можно присвоить номера, которые (будучи единственными индексами, представляющими расположение в рейтинге предпочтений) экономисты называют *ординальными полезностями*. Функция полезности представляет собой присвоение номеров альтернативам в порядке, отражающем предпочтения. «Максимизация полезности» – это просто реализация наиболее предпочтительного выбора. Полезность сама по себе не может быть объектом предпочтения. Она не является чем-то искомым или обмениваемым на другие вещи, поскольку не является вещью.

Теория рациональности – нормативная теория, хотя сама по себе *не является* этической теорией. Предпочтения могут быть

Философские основания магистрального направления...

столь же рациональными в стремлении к добру, сколь и в стремлении к злу. Если кто-то не может выбрать, что он предпочитает, то он глуп, но не обязательно заслуживает осуждения с этической точки зрения. В качестве нормативной теория рациональности говорит о том, как люди *должны бы* действовать, а не о том, что они делают в действительности. Поведение, противоречащее теории, может всего лишь показывать, что люди не ведут себя рационально, а не свидетельствовать об ошибках в теории. Однако если бы выбор и предпочтения людей не соответствовали стандартной теории рациональности хотя бы приблизительно, то эта теория была бы малополезной и использовалась бы разве что в качестве мишени для критики; и те, кто считает человеческую природу фундаментально рациональной, стали бы относиться к теории с подозрением. Экономисты магистрального направления фактически делают шаг дальше, считая людей фактически рациональными, по крайней мере в разумном приближении.

Стандартная формальная теория рациональности не заходит далеко в конкретизации объяснительного индивидуализма и взгляда на человеческую природу как на рациональную. Без каких-либо общих утверждений о *содержании* предпочтений людей можно сказать весьма немного о том, как они будут совершать выбор, а также о результатах этого выбора, кроме того, что люди совершили выбор в соответствии со своими предпочтениями. Позитивная экономика становится содержательной, только когда экономисты предлагают обобщения в отношении того, *что именно* люди предпочитают. Наиболее важное из этих обобщений – утверждение о личной материальной заинтересованности людей, о том, что они предпочитают большее количество товаров меньшему, большее благосостояние меньшему. Данное обобщение столь важно, что можно обоснованно считать его вторым общим принципом человеческой природы, который разделяет большинство экономистов магистрального направления.

Говоря о рациональности и личном интересе как об общих принципах человеческой природы, которых придерживаются экономисты, мы не подразумеваем, что экономисты считают эти принципы общими законами, не допускающими исключений. Можно различными способами ограничивать утверждение о рациональности индивидов, точно так же можно ограничивать и утверждение об их личном интересе. Например, экономисты могут считать личный интерес разумным приближением, а не буквальной истиной. Экономисты могут избегать рассмотрения конфликтов между личным интересом и потребностями семьи, «обманывая» объяснительный индивидуализм и трактуя агентов как домохозяйства, а не как индивидов... и т. д.

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

При добавлении личного интереса фундаментальная теория приобретает существенное содержание. Добавив убывающую предельную полезность (или убывающие предельные уровни замещения), допущение об информированности людей и вторичные допущения, например, о делимости товаров, экономисты могут использовать свою фундаментальную теорию для объяснения рыночных явлений вроде закона спроса.

4. Этические основания: этический индивидуализм и благосостояние

Чтобы предложить теорию нормативной экономики, экономисты должны что-то сказать об этике. И здесь они придерживаются определенной формы индивидуализма. *Этический индивидуализм* подразумевает, что социальные категории не имеют *внутренне присущего* этического значения. Этические основания для защиты культуры, религии, государства, племени или корпорации существуют, только если такая защита обусловлена этической заботой об индивидуальных человеческих существах. Этический индивидуализм оставляет открытой возможность наличия внутреннего нравственного достоинства у животных или даже растений. Он прямо отрицает наличие какой-либо этической значимости в интересах социальных категорий, если их защита не может быть связана с защитой индивидов.

В наши дни этический индивидуализм становится все более противоречивым, по мере того как многие из тех, кто защищает культурное многообразие в США и противодействует глобализации во всем мире, отстаивают важность защиты уникальных локальных культур. Но признание высочайшей ценности локальных культур и огромного вреда, возникающего в результате их разрушения, не противоречит этическому индивидуализму. Этическим индивидуалистам следует оценивать локальные культуры очень высоко, если они приносят пользу своим носителям и не наносят вреда посторонним, и потеря культурного *разнообразия* в долгосрочной перспективе может быть одинаково губительной для представителей господствующих культур и для представителей исчезающих культур. Трактовка этической ценности культур, языков или других видов общественной практики как инструментальной, а не внутренней не присущей полностью согласуется с *очень* высокой их оценкой, но она не означает, что этический индивидуалист не может испытывать этического сожаления в отношении отмирания общественной практики, не продвигающей права, свободы и интересы индивидов.

Философские основания магистрального направления...

Большинство западных этических теорий содержат ту или иную версию этического индивидуализма. Утилитаризм принимает особенно простой вариант. По мнению утилитаристов, этическую значимость имеет только благосостояние чувствующих существ. Таким образом, социальные политические меры, процессы, практики и институты следует оценивать с точки зрения их влияния на благосостояние индивидов. При этом утилитаристы находят основания для оценки справедливости, равенства и индивидуальных прав и свобод, поскольку все эти категории влияют на благосостояние индивидов. Экономика благосостояния магистрального направления, на которую фактически повлиял утилитаризм, на первый взгляд представляется придерживающейся утилитаризма в редуцировании этического индивидуализма (являющегося правдоподобной и гуманной доктриной) к более сомнительному предположению, согласно которому внутренней этической значимостью обладает только индивидуальное *благосостояние*.

Не очень информативно говорить о том, что индивидуальное *благосостояние* является единственной категорией, имеющей внутреннюю этическую значимость, пока не определено само благосостояние, и в отсутствие каких-либо средств отслеживания влияния политических мер на благосостояние и средств измерения благосостояния данная точка зрения не позволяет оценивать политические меры. Бентам считал полезность свойством объектов, вызывающим в нас ощущения удовольствия (Vroome, 1991). Милль считал благосостояние «счастьем», но далеко не ясно, что он подразумевал под счастьем (Mill, 1863, ch. 3; Милль, 1900, гл. 3). Экономисты не очень стремились входить в эти мутные философские воды⁵, однако без некоторого мнения о том, что может представлять собой благосостояние, и без каких-либо способов измерения благосостояния они не смогли бы оценивать политические меры или предлагать рекомендации разработчикам политики.

Экономисты предпочли точку зрения, согласно которой благосостояние может быть измерено степенью удовлетворения предпочтений. Хотя наверняка есть определенная связь между благосостоянием и удовлетворением предпочтений, ставить между ними знак равенства все же неправомерно. Если бы благосостояние было тождественно удовлетворению предпочтений, предпочтение жертвования собственным благосостоянием ради чего-либо (кого-либо) другого было бы не только странным — оно было

---

5. Вместе с тем в недавнее время наблюдался всплеск интереса к гедонистическим представлениям. См.: Kahneman, 2000; Kahneman and Krueger, 2006; Layard, 2005.

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

бы логически невозможным! Если бы благосостояние было удовлетворением предпочтений, то курение приносило бы пользу тем, кто предпочитает курить, даже если бы их предпочтения зависели от их незнания последствий курения. Если бы благосостояние было удовлетворением предпочтений, мы бы получали выгоду от отсутствия ядерных войн в XXVI веке (в соответствии с нашими предпочтениями), хотя к тому времени — увы — мы уже несколько столетий будем мертвы.

Тогда почему экономисты магистрального направления все же отождествляют благосостояние и удовлетворение предпочтений? Этому есть много объяснений. Один из ошибочных способов связывания благосостояния и предпочтений — допущение двойного толкования термина «полезность», который у позитивных экономистов обозначает индекс, соответствующий степени удовлетворения предпочтений, а у утилитаристов — то, что нужно максимизировать с этической точки зрения. Если ошибочно считать, что этот термин обозначает одно и то же в обоих контекстах, можно прийти к выводу, что благосостояние есть удовлетворение предпочтений. Кроме того, легко допустить двойное толкование термина «удовлетворение». Предпочтение индивида удовлетворено, если дела обстоят так, как предпочитает индивид, независимо от того, насколько удовлетворенным индивид *ощущает* себя. В действительности многие предпочтения могут быть удовлетворены, даже если индивид не знает об этом. Тем не менее легко переместиться от представления о благосостоянии как о ментальном состоянии, таком как чувство удовлетворения, к представлению о благосостоянии как удовлетворении предпочтений. Третий ошибочный путь к представлению о благосостоянии как об удовлетворении предпочтений связан со смешением данного представления о благосостоянии с осуждением патернализма. Если то, что люди предпочитают, автоматически является лучшим для них, вопрос о допустимости принуждения людей ради их же блага никогда бы не возникал. Но есть более хорошие возражения против патернализма, чем ошибочное утверждение, что люди никогда не предпочитают вредоносных альтернатив. В своем знаменитом анализе патернализма в работе «О свободе» (Mill, 1859; Милль, 1995) Джон Стюарт Милль критикует точку зрения, согласно которой к людям следует применять принуждение, когда они совершают вредный для себя выбор. Он не утверждает, что любой выбранный людьми вариант автоматически хорош для них.

Существуют также более приемлемые пути к отождествлению благосостояния и удовлетворения предпочтений. Если принять два основных тезиса в отношении человеческой природы, разделяемые экономистами магистрального направления (о рациональ-

Философские основания магистрального направления...

ности индивидов и об их личном интересе), то люди предпочитают x , а не y , только если они полагают, что их благосостояние будет выше при выборе x , чем при выборе y . Если в дополнение к этому предположить (как это обычно делают позитивные экономисты), что представления людей в основном корректны, то люди предпочитают x , а не y , только если их благосостояние фактически будет выше при выборе x , чем при выборе y . Тогда независимо от того, *чем* является благосостояние, предпочтения людей будут хорошим критерием повышения их благосостояния.

5. Отказ от межличностных сравнений

Отличительные особенности нормативной экономики магистрального направления заключаются в том, что она сосредоточивается почти исключительно на благосостоянии, она измеряет благосостояние удовлетворением предпочтений и она отрицает возможность сравнения уровней благосостояния или различий в уровнях благосостояния между людьми. Эта последняя особенность четко отличает экономику благосостояния от утилитаризма, который судит о политических мерах по их последствиям для совокупной или средней полезности.

Если один индивид предпочитает x , а не y , а другой индивид имеет противоположные предпочтения, то предпочтения первого индивида могут быть представлены функцией полезности, присваивающей x более высокий индекс, чем y , а предпочтения второго индивида могут быть представлены функцией полезности, присваивающей x более низкий индекс, чем y . Но если это функции ординальной полезности, которые представляют собой лишь ранжирование предпочтений, то абсолютные величины полезности остаются совершенно произвольными. Любая попытка сложения индексов полезности для определения, какое благо — x или y — лучше удовлетворяет предпочтения, указывает на непонимание значения индексов. Сравнение сумм полезностей зависит от произвольного присвоения индексов и ничего не говорит о том, какая альтернатива лучше удовлетворяет предпочтения. Если о предпочтениях нельзя сказать больше, чем говорит функция ординальной полезности, то различия в полезностях невозможно сравнивать даже для одного индивида, и невозможно складывать, вычитать или сравнивать полезности различных индивидов.

Если предпочтения индивидов удовлетворяют более строгим аксиомам теории ожидаемой полезности, становится возможным представлять их функциями полезности, в которых

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

суммы и разности полезностей не являются произвольными⁶. Если бы в дополнение к этому у нас был некий способ сравнения полезностей различных индивидов, был бы расчищен путь к формулированию утилитаристской экономики благосостояния. Но что можно понять из сравнений степени, в которой удовлетворяются предпочтения различных индивидов? Экономисты уделяли особое внимание проблемам получения данных в отношении межличностных сравнений удовлетворения предпочтений, мы же должны обратить внимание на проблемы осмысления таких сравнений (Hausman, 1995). В любом случае такие сравнения весьма проблематичны, и позитивная экономика ими не пользуется. Поэтому легко понять, почему нормативные экономисты испытывали нерешительность в отношении межличностных сравнений полезности.

Отрицание возможности межличностных сравнений благосостояния в значительной мере определяет особенности (нормативной) экономики магистрального направления. Она подрывает всякую надежду на создание общей этической теории, такой как утилитаризм, которая смогла бы учитывать другие аспекты этической оценки, такие как свобода, права, равенство и справедливость, поскольку все эти аспекты связаны с различными весами притязаний различных индивидов, которые не могут быть определены в рамках концепции благосостояния при невозможности межличностных сравнений. Немногие экономисты обладают достаточно безрассудной смелостью, чтобы следовать за Бентамом и осуждать все остальные этические соображения как «риторический нонсенс – нонсенс на ходулях». Поэтому неизбежно применение стратегии, при которой экономисты оценивают политические меры, результаты и институты «при прочих равных условиях» или «в одном из нескольких этических измерений».

Таким образом, идея о наличии особого экономического измерения оценки определяет характеристики нормативной экономики магистрального направления. Именно эта идея делает возможной разработку нормативной экономической теории, в отличие от комплекса нормативно мотивированных исследований последствий и свойств экономической политики и институтов.

---

6. Точнее, эти функции «кардинальной» полезности являются доказуемо единственными с точностью до положительных линейных преобразований. Это означает, что если одна кардинально значимая функция полезности U представляет мои предпочтения, то другая кардинально значимая функция полезности U' будет представлять мои предпочтения тогда и только тогда, когда $U' = aU + b$, где a – любое положительное вещественное число и b – любое вещественное число.

Философские основания магистрального направления...

Экономика благосостояния зависит не только от специфического взгляда на благосостояние, но также от идеи, что исследования благосостояния могут быть обособлены от исследований свободы, прав, равенства и справедливости. В одном отношении такое разделение ограничивает экономистов. Они могут оценивать политические меры только в одном измерении или в одном отношении. Но оно также освобождает их от рассмотрения чего-либо иного, кроме благосостояния. Освободившись от рассмотрения всего, кроме удовлетворения потребностей, экономисты стали слишком часто считать себя вправе игнорировать все прочие этические вопросы и преувеличивать значение своего частного способа оценки. Но даже без этого преувеличения представление о том, что существует отдельное экономическое измерение оценки, является, как мы увидим, сомнительным.

6. Улучшения по Парето, эффективность по Парето и теоремы благосостояния

Оценка политических мер, результатов и институтов в терминах благосостояния при отсутствии возможности межличностных сравнений подобна участию в забеге со связанными ногами. Можно неуклюже пропрыгать 100 или 200 метров, примерно так же можно прийти к выводу, что x лучше, чем y , если некто предпочитает x по сравнению с y и никто не предпочитает y по сравнению с x . В этом случае экономисты говорят, что x является лучшим по Парето по сравнению с y или x является улучшением по Парето по сравнению с y . Утверждение, что улучшения по Парето при прочих равных условиях являются этическими улучшениями, требует принятия дополнительного слабого этического допущения (которое, вероятно, подразумевается этическим индивидуализмом), согласно которому повышение благосостояния людей является хорошим делом. Но даже при наличии этого дополнительного допущения единство предпочтений, требуемое стандартом Парето, встречается редко. В серьезных политических дебатах ни одна из альтернатив не является лучшей по Парето по сравнению с какими-либо другими.

В дополнение к понятию улучшения по Парето экономисты также определяют понятие оптимальности по Парето или эффективности по Парето. x является оптимальным по Парето или эффективным по Парето, если не существует альтернативы, лучшей по Парето, чем x . Заметим, что оптимальность x по Парето не подразумевает, что x является лучшим по Парето по сравнению с альтернативами, даже по сравнению с неоптимальными альтернативами. Предположим для примера, что есть два индивида —

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

A и B — и десять единиц хлеба, которые надо распределить между ними, при этом как A , так и B предпочитает большее количество единиц меньшему независимо от того, сколько единиц у них есть. Тогда *любое* распределение хлеба между индивидами, при котором не происходит потерь хлеба, является оптимальным по Парето, но ни одно из этих эффективных по Парето состояний не является лучшим по Парето в сравнении с каким-либо другим. Кроме того, рассмотрим неэффективную ситуацию: например, A и B получили по четыре единицы хлеба, и две единицы испортились. Распределения, при которых оба получают по пять единиц или один получает четыре, а другой шесть, являются лучшими по Парето в сравнении с распределением, при котором оба получают по четыре единицы. Но эффективная по Парето ситуация, когда один получает девять единиц, а другой одну, не является лучшей по Парето в сравнении с неэффективной ситуацией, в которой оба получают по четыре единицы.

Таким образом, говорить о ситуации как об эффективной по Парето — значит высказывать сомнительную похвалу. Единственное, что заслуживает похвалы в ситуации, эффективной по Парето, — это то, что она не может быть подвержена критике в одном отношении: она не допускает возможностей для улучшения удовлетворения предпочтений каких-либо людей без ухудшения удовлетворения предпочтений каких-либо других людей. Тот факт, что эффективная по Парето ситуация не является ущербной в этом отношении, может значить очень мало. В нашем простом примере, если для предотвращения голодной смерти индивиду требуется не менее двух единиц хлеба, неэффективная ситуация, в которой оба получают по четыре единицы хлеба, гораздо лучше эффективной ситуации, в которой один получает девять единиц, а другой только одну.

Подчеркнем, что здесь мы высказываем сомнение в отношении этической значимости теоретического понятия оптимальности по Парето или эффективности по Парето. Мы не оспариваем этическую значимость эффективности. Неэффективность означает, что меньшее количество потребностей может быть удовлетворено. В жестких обстоятельствах неэффективность означает увеличение страданий. Но есть огромная разница между признанием значимости эффективности и увлечением оптимальностью по Парето.

Экономисты магистрального направления связали эффективность по Парето с равновесием конкурентного рынка в двух общих теоремах благосостояния. Согласно первой, совершенная конкуренция гарантирует эффективность по Парето. Поскольку эффективность по Парето является хорошей вещью, хороша и совершенная конкуренция. Вторая теорема гласит, что любое распределение доходов может быть достигнуто как [равновес-

Философские основания магистрального направления...

ный] результат деятельности рынка с совершенной конкуренцией при «надлежащем» первоначальном распределении ресурсов. Таким образом, вместо того чтобы считать, что общество вынуждено искать компромисс между эффективностью, обеспечиваемой рынком, и различными этическими соображениями в отношении равенства, можно соединить одно с другим. Соображения в отношении равенства могут быть реализованы путем установления первоначального распределения, после чего рынок гарантированно приводит к эффективному результату.

Читателям не следует слишком обольщаться этими теоремами. Тот факт, что совершенная конкуренция гарантирует эффективность по Парето, не имеет большого этического значения, во-первых, потому, что эффективность по Парето не является чем-то важным с этической точки зрения. Неэффективность означает, что в принципе возможно осуществить некоторые эффективные улучшения. Эффективность означает, что подобные улучшения невозможны, но не более того. Вторая причина, по которой не следует слишком обольщаться первой теоремой благосостояния, заключается в невозможности совершенной конкуренции. Третья причина, как установили Липси и Ланкастер (Lipsey and Lancaster, 1956; Липси и Ланкастер, 2004), заключается в том, что эффективность совершенной конкуренции не оправдывает попыток устранения определенных препятствий для конкуренции в реальном мире. (Чтобы уяснить идею, рассмотрим простой пример: диспропорции в экономике, в которой половина объема выпуска приходится на монополизированные отрасли, можно уменьшить путем монополизации второй половины, даже если обеспечение конкурентности всех отраслей было бы еще более эффективным.) Если мы не стремимся к совершенной конкуренции (ведь она невозможна), устранение несовершенств рынка вполне может *уменьшать*, а не увеличивать эффективность. Знать об этом *a priori* невозможно.

Схожие соображения ставят под сомнение значимость второй теоремы благосостояния. Даже если бы масштабное «первоначальное» перераспределение было политически осуществимо, совершенная конкуренция все равно оставалась бы невозможной, а устранение несовершенств рынка не обязательно вело бы к увеличению эффективности. Мы вовсе не намерены недооценивать фактическую величину неэффективностей в мире или этическую значимость устранения этих неэффективностей, однако две теоремы благосостояния не помогают выявлять или устранять реальные неэффективности. Кого интересует, является ли экономика совершенной конкуренции, существование которой невозможно, эффективной по Парето и может ли такая неосуществимая эко-

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

номика в результате неосуществимого первоначального распределения приводить к равному распределению доходов?

Это интересует экономистов магистрального направления. Возражая против вмешательства государства в экономику или выступая в пользу такого вмешательства, экономисты магистрального направления обычно рассматривают равновесие совершенной конкуренции как ориентир и этический идеал. Хотя некоторые экономисты возражают против вмешательства государства в экономику на основаниях, не связанных с благосостоянием, например из опасений в отношении индивидуальных прав или свобод, те, кто стремится ограничить роль государства, обычно утверждают, что освобождение экономики от государственного вмешательства в наибольшей мере приближает ее к совершенной конкуренции с ее оптимальностью по Парето. Те, кто, напротив, выступает в пользу государственного вмешательства в экономику, исходят из убеждения, что государство может исправлять некоторые недостатки действующих рынков, мешающие соответствовать идеальному стандарту совершенной конкуренции. Сторонники государственного вмешательства в деятельность рынка в той же мере оболещены утверждениями о совершенной конкуренции, что и их оппоненты; и те и другие заблуждаются.

7. Потенциальные улучшения по Парето и анализ затрат и выгод

Такое неоправданное очарование совершенной конкуренцией легко понять, поскольку интерес к равновесию при конкуренции занимает центральное место в позитивной экономической теории и поскольку нормативные экономисты смогли бы сказать очень мало, если бы они ограничились одобрением определенных улучшений по Парето. Единственный другой путь заключался в нахождении способа сравнения политических мер, ни одна из которых не является лучшей по Парето в сравнении с остальными. Калдор (Kaldor, 1939; Калдор, 2011) и Хикс (Hicks, 1939; Хикс, 2004) высказали следующую мысль: рассмотрим два экономических исхода или ситуации X и Y . Существует много различных этических сравнений, которые люди могли бы провести. Одно из этически значимых различий между X и Y может быть распределительным, как в случае с десятью единицами хлеба. Другое различие между экономическими ситуациями может заключаться в объемах распределяемых экономических выгод, то есть в их возможностях по удовлетворению предпочтений. Предположим, в ситуации X (первоначальной ситуации) A получает четыре единицы хлеба

Философские основания магистрального направления...

и *B* получает шесть единиц. Рассматривается новая политическая мера, которая должна увеличить предложение хлеба. В результате *A* получит семь единиц хлеба, а *B* получит пять. Обозначим эту альтернативу как *Y*. *Y* не является улучшением по Парето в сравнении с *X*, поскольку *B* получает меньше единиц хлеба, но, как утверждают Калдор и Хикс, здесь имеет место однозначное увеличение экономических выгод и экономической эффективности. При новой политике возможности экономики по удовлетворению предпочтений возрастают. «Пирог» стал больше. Это увеличение не является улучшением по Парето, поскольку оно сопровождается изменением распределения, невыгодным для *B*. Из-за способа раздела пирога порция *B* уменьшается. По мнению Калдора и Хикса, экономисты не могут переносить этические суждения на экономическое распределение, но они и не должны этого делать. Увеличение эффективности, чисто экономическая выгода, не зависит от распределения. Экономистов должно интересовать увеличение пирога, а его раздел они должны оставлять политикам и моралистам. Существует отдельное поле чисто экономической оценки.

Согласно Калдору и Хиксу, *X* содержит больше возможностей по удовлетворению предпочтений, чем *Y*, если *X* является «потенциальным улучшением по Парето» в сравнении с *Y*. *X* является потенциальным улучшением по Парето в сравнении с *Y*, если существует некий способ (не обязательно осуществимый) перераспределения благ, доступных при *X*, которое делает *X* фактическим улучшением по Парето в сравнении с *Y*. Таким образом, в простом примере с хлебом распределение семи единиц в пользу *A* и пяти в пользу *B* является потенциальным улучшением по Парето в сравнении с распределением четырех единиц в пользу *A* и шести в пользу *B*, поскольку существует возможность перераспределения двенадцати единиц для достижения фактического улучшения по Парето (например, *A* и *B* могли бы получить по шесть единиц хлеба).

Можно также описать потенциальное улучшение по Парето в терминах возможности «компенсации»: если *X* является потенциальным улучшением по Парето в сравнении с *Y*, существует возможность предоставления выигравшими при переходе от *Y* к *X* некоей компенсации проигравшим. Возможность предоставления выигравшими компенсации проигравшим операционализируется с точки зрения готовности платить. Если сумма, которую потенциальные выигравшие готовы выплатить ради принятия политической меры, превышает сумму компенсации, которую необходимо выплатить потенциальным проигравшим, чтобы они согласились с соответствующей политической мерой, такая политическая мера является потенциальным улучшением по Парето по сравнению с первоначальной ситуацией, и политическая мера предпо-

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

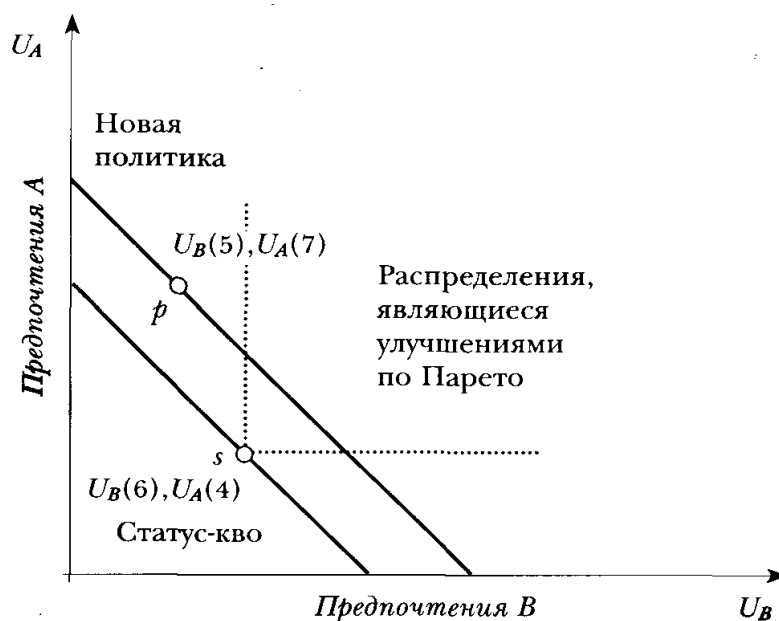

РИС. 13.1. Улучшение по Парето

ложительно приводит к более эффективной ситуации, в которой присутствует «чистая выгода» — увеличение возможностей по удовлетворению предпочтений. При рассмотрении всех факторов данная политическая мера может быть признана неблагоприятной из-за ее распределительных последствий. Но в вопросах распределения экономисты не обладают особыми компетенциями. Кроме того, проблемы распределительного характера подразумевают и решения распределительного характера. Остается лишь суждение об экономической эффективности.

Данный аргумент весьма проблематичен, и многие из этих проблем унаследованы практической реализацией данной линии рассуждений в современном анализе затрат и выгод. Центральная проблема заключается в том, что предложенное Калдором и Хиксом разделение между вопросами эффективности и распределения, то есть между размером пирога и способом его раздела, в общем случае неосуществимо.

Анализ Калдора и Хикса применим, если границы полезности соответствуют изображенным на рис. 13.1, который иллюстрирует случай с хлебом при нереалистичном допущении, согласно которому полезности A и B пропорциональны их потреблению хлеба. Распределение в точке p , являющееся результатом новой политики, не является улучшением по Парето в сравнении с первоначаль-

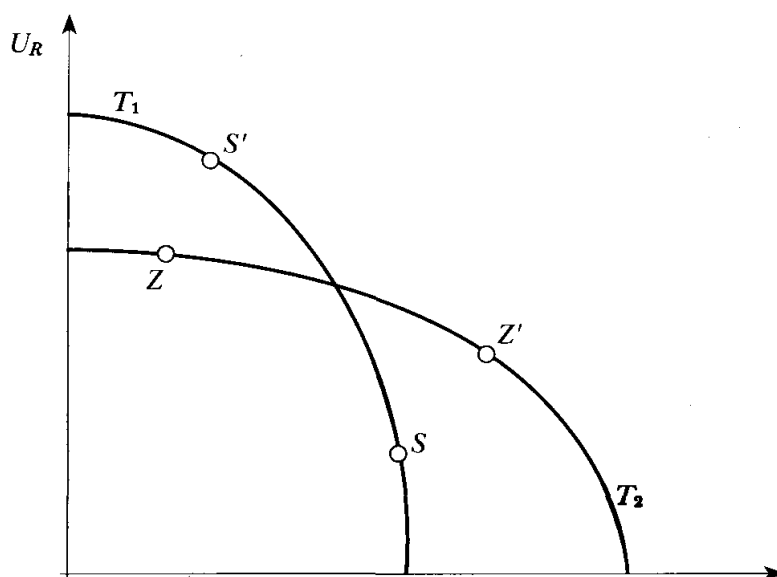

РИС. 13.2. Неудача при асимметрии

ным распределением s , поскольку уровень полезности B становится ниже. Но можно переместиться вдоль границы, осуществимой в результате применения новой политики, в область распределений, являющихся улучшениями по Парето.

Это частный случай. Невозможно исключить ситуацию, отображенную на рис. 13.2, заимствованном у Самуэльсона (Samuelson, 1950). Полезности двух репрезентативных индивидов – Рейчел (R) и Питера (P) – измеряются по двум осям, две кривые представляют возможные сочетания полезностей в зависимости от используемой технологии T_1 или T_2 . Технология 1, являющаяся первоначальной (предположим в 1920 году), подразумевает железнодорожную транспортную систему, при которой незначительное количество товаров и пассажиров перемещается по автомагистралям. Технология 2 подразумевает развитую систему дорог, подобную действующей ныне в США. Первоначальная позиция полезности в 1920 году, предположим, обозначается точкой S , а результат перехода к автомобильной технологии, при прочих равных условиях, приводит к полезностям Рейчел и Питера, отображаемым точкой Z . Z не является улучшением по Парето в сравнении с S , поскольку положение Питера ухудшается, но Z является потенциальным улучшением по Парето по сравнению с S , поскольку Рейчел может выплатить компенсацию Питеру и экономиста может перейти

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

ти вдоль кривой T_2 в точку Z' . Тем не менее мы не можем прийти к выводу, как надеялись Калдор и Хикс, что T_2 эффективнее, чем T_1 , или что она расширяет возможности по удовлетворению предпочтений, увеличивает реальный доход или «пирог», поскольку S в данном случае также является потенциальным улучшением по Парето в сравнении с Z — можно переместиться от S вдоль кривой T_1 в точку S' , являющуюся фактическим улучшением по Парето в сравнении с Z .

Аналогичным образом эффективность перемещения загрязняющих отраслей в развивающиеся страны, на которую указывает Саммерс, в значительной мере зависит от несимметричного распределения благосостояния. В самом деле, мы можем интерпретировать R и P как обозначающие богатые страны и бедные страны, T_2 — как нынешнюю технологию (при которой загрязняющие отрасли размещены в богатых странах), Z — как нынешний уровень удовлетворения предпочтений представителей богатых и бедных стран и S — как улучшение по Парето, которое становится возможным при перемещении загрязняющих отраслей. Хотя S является улучшением по Парето в сравнении с Z , его нельзя сравнивать с Z , которое может быть достигнуто путем перераспределения без перемещения загрязняющих отраслей. Только в случае, когда одна граница возможной полезности находится внутри другой, можно провести «чистое» сравнение эффективности, которое не принимает конкретное распределение как допущение. S является улучшением по Парето в сравнении с Z не благодаря увеличению пирога. S является улучшением по Парето в сравнении с Z в зависимости от местоположения S и Z на соответствующих границах полезности. Более высокая «эффективность» S зависит от распределения в той же мере, что и от положения границ. Одобрение улучшений по Парето не является нейтральным по отношению к вопросам распределения.

В дополнение к неудачам в отделении чисто экономического аспекта оценки, связанного исключительно с эффективностью, коротко упомянем пять других этических проблем анализа затрат и выгод. Во-первых, его оценки основаны на сравнении «готовности платить», а не увеличений и уменьшений благосостояния различных людей. Хотя готовность платить явно имеет отношение к благосостоянию и предпочтениям, она также зависит от ожиданий в отношении приемлемости приобретения и цены. Готовность платить, так же как и денежная сумма, которую некто может потребовать за согласие на нежелательные изменения, зависит и от уровня богатства. Поскольку предпочтения в анализе затрат и выгод оцениваются в долларах, а у бедных меньше долларов, предпочтения бедных имеют меньшую значимость (Baker, 1975).

Философские основания магистрального направления...

Во-вторых, анализ затрат и выгод, как и другие методы оценки с использованием критериев Парето, игнорирует вопросы справедливости, хотя при этом, в отличие от одобрения улучшений по Парето, поддерживает политические меры, ухудшающие положение некоторых людей. Рассматриваемая компенсация является лишь гипотетической. Некоторые люди выигрывают, некоторые проигрывают. Несомненно, вопросы справедливости актуальны в таких обстоятельствах. Если бы различные политические меры затрагивали различные группы выигравших и проигравших, так что в долгосрочном периоде каждый был бы выигравшим столь же часто, сколь и проигравшим, несправедливость отдельных политических мер могла бы нивелироваться. Но встроенное в анализ затрат и выгод искажение, действующее против предпочтений бедных, показывает, что несправедливость не будет нивелироваться. Именно те люди, о защите которых разработчики политики должны бы заботиться в наибольшей мере, могут с наибольшей вероятностью пострадать от этой политики. Поэтому сторонники анализа затрат и выгод исследовали способы модификации анализа для компенсации возможной несправедливости (Harberger, 1978; Little, 1957), но на практике корректировки уровня богатства производятся редко.

Третье возражение против анализа затрат и выгод заключается в том, что социальная политика не должна основываться на почти ничего не отражающих и необоснованных предпочтениях, которые сторонники анализа затрат и выгод выводят из экономического выбора людей. В отношении некоторых предпочтений, вроде предпочтений поселений, не страдающих от разрастания городов, трудно получить сигналы по данным о покупке продовольственных товаров, автомобилей или даже домов. Кроме того, предпочтения людей в отношении общественных благ всех видов реагируют на *аргументы* и могут изменяться после общественных дебатов. Замена общественного обсуждения анализом затрат и выгод означает, что предпочтения людей никогда не подвергаются подобной проверке. Предпочтения, основанные на ошибочных представлениях, оказывают на социальную политику такое же влияние, как и хорошо обдуманное и хорошо информированное предпочтение.

Наконец, серьезные проблемы создает сочетание неопределенности и того факта, что предпочтения и готовность платить обычно зависят от представлений. Если люди имеют ошибочные представления о составе дыма, выпускаемого близлежащей фабрикой, их готовность платить за избавление от вдыхания этого дыма является ненадежным индикатором их истинных предпочтений, не говоря уже о последствиях этих выбросов для благосо-

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

стояния. Люди часто не осведомлены о последствиях различных альтернатив, а потому не знают, какую альтернативу они предпочли бы, если бы были осведомлены о последствиях. Проблемы неопределенности обычно обходят путем принятия предположения, что индивиды располагают субъективными распределениями вероятностей всех возможных исходов, но принятие такого предположения подразумевает чрезмерную идеализацию; едва ли оправдано доверие к предпочтениям, выведенным по преимущественно фиктивным распределениям вероятностей.

Эти проблемы не подразумевают, что анализ затрат и выгод бесполезен или что от него следует отказаться. Но они подразумевают, что его следует применять с большой осторожностью. Следует также отказаться от надежды на выделение «чисто экономического» поля оценки, в котором этические вопросы распределения можно не учитывать. Информацию о готовности платить можно использовать при принятии решений, но это не более чем один из многих факторов в сложном деле разработки политики, а вовсе не отражение экономических выгод, не зависящее от распределения.

Тем не менее сохраняется возможность получения обоснованных догадок в отношении последствий альтернативных политических мер для благосостояния, и мы полагаем, что экономисты должны играть в этом важную роль. Но теперь мы можем легко увидеть, какой ущерб могут нанести экономисты и какие задачи они должны решать, чтобы справляться со своей ролью. В частности, экономистам необходимо отказаться от идеи о том, что они могут сосредоточиться лишь на благосостоянии и что предпочтения всегда являются надежным показателем благосостояния.

8. Выводы

Осторожно используя результаты анализа затрат и выгод, разработчики политики должны интересоваться, в какой мере чистые выгоды зависят от существующего распределения доходов и богатства и можно ли получить более значительные выгоды за счет перераспределения. Вспомним меморандум Ларри Саммерса. Кажется правдоподобным, что перераспределение доходов от богатых стран к бедным увеличит общее благосостояние в значительно большей мере, чем перераспределение загрязнений. Как только мы начинаем думать об «общем» благосостоянии, мы отказываемся от анализа затрат и выгод, а также от тщетной надежды, что «экономические» вопросы могут быть четко отделены от вопросов распределения. Утверждение о том, что нормативные экономисты могут предложить точный «экономический» анализ, который мо-

Философские основания магистрального направления...

жет быть противопоставлен неопределенным этическим соображениям о справедливости или правах, является вредной фикцией. Оценка, предоставляемая рынком или симулируемая нормативными экономистами, зависит от весьма спорной теории благосостояния и является не более надежной или объективной, чем другие виды этических оценок⁷. Не существует коротких путей в оценке политики, и оценки, не учитывающие весь спектр этических соображений, влияющих на экономическую политику, опасны.

Литература

- Калдор, Николас (2011). Утверждения о благосостоянии в экономической науке и межличностные сравнения полезности // *Философия экономики*. М.: Издательство Института Гайдара. С. 267–271.
- Липси Р. Дж. и Келвин Ланкастер. Общая теория второго лучшего // *Вехи экономической мысли*. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор. СПб.: Экономическая школа. С. 95–134.
- Милль Джон Стюарт (1995). О свободе // *О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли*. М.: Прогресс-Традиция. С. 288–392.
- Милль Джон Стюарт (1900). *Утилитарианизм. О свободе*. СПб.: Изд. И. П. Первозникова.
- Хикс Джон Р. (2004). Основания экономики благосостояния // *Вехи экономической мысли*. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор. СПб.: Экономическая школа. С. 17–38.
- Ayogu Melvin and Don Ross (2005). *Development Dilemmas: The Methods and Political Ethics of Growth Policy*. London: Routledge.
- Baker C. (1975). The Ideology of the Economic Analysis of Law // *Philosophy and Public Affairs* 5: 3–48.
- Broome John (1991). Utility // *Economics and Philosophy* 7: 1–12.
- Harberger Arnold (1978). On the Use of Distributional Weights in Social Cost-Benefit Analysis // *Journal of Political Economy* 86: s87–s120.
- Hausman Daniel (1995). The Impossibility of Interpersonal Utility Comparisons // *Mind* 104: 473–490.

---

7. При условии принятия во внимание исходных предпосылок и последствий распределения и признания, что анализ затрат и выгод является источником данных, а не ответов, анализ затрат и выгод может предоставлять полезные исходные данные для процесса принятия экономических решений. Разумеется, он подвержен злоупотреблениям и неправильной интерпретации; технологии, применяемые для корректировки на распределительные эффекты и генерирования информации о готовности платить на основе рыночных данных, несовершенны. Но при условии, что мы не забываем о наличии других важных вещей, помимо благосостояния (не говоря уже о готовности платить), разве есть у нас что-то менее искаженное, более точное или дающее лучшее представление о том, что отвечает материальным интересам людей?

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

- Hausman Daniel and Michael McPherson (1996). *Economic Analysis and Moral Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- (2006). *Economic Analysis, Moral Philosophy and Public Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hicks John (1939). The Foundations of Welfare Economics // *Economic Journal* 49: 696–712.
- Kahneman Daniel (2000). Experienced Utility and Objective Happiness: A Moment-Based Approach. P. 673–692 // D. Kahneman and A. Tversky (eds). *Choices, Values and Frames*. New York: Cambridge University Press.
- Kahneman Daniel and Alan Krueger (2006). Developments in the Measurement of Subjective Well-Being // *Journal of Economic Perspectives* 20: 3–24.
- Kaldor Nicholas (1939). Welfare Propositions of Economics and Interpersonal Comparisons of Utility // *Economic Journal* 49: 549–552.
- Layard Richard (2005). *Happiness: Lessons from a New Science*. New York: Penguin.
- Lipsey Richard and Kelvin Lancaster (1956). The General Theory of the Second Best // *Review of Economic Studies* 24: 11–31.
- Little Ian (1957). *A Critique of Welfare Economics*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.
- Mill John Stuart (1985). *On Liberty*. Currin V. Shields (ed.). New York: Macmillan.
- (1961). Utilitarianism. Rpt. in Marshall Cohen (ed.). *The Philosophy of John Stuart Mill*. New York: Modern Library. P. 321–398.
- Samuelson Paul (1950). Evaluation of Real National Income // *Oxford Economic Papers New Series* 2: 1–29.

Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров?¹

Роберт Х. Франк

РОБЕРТ Х. ФРАНК (род. 1945) получил степень бакалавра математики в Технологическом институте Джорджии, магистра статистики и докторскую степень по экономике — в Университете Калифорнии, Беркли. После службы в качестве добровольца «Корпуса мира» в Непале он стал профессором экономики в Корнельском университете. Ежемесячно выходит в свет его колонка «Экономическая сцена» в *New York Times*. Его статья, написанная на стыке экономической науки и этики, сосредоточивается на моральных чувствах и соображениях, касающихся относительного положения.

✻

Обзор

Согласно принципу сопоставления затрат и выгод, мы должны предпринимать только такие действия, выгоды от которых превышают затраты. Многим очевидность этого принципа мешает поверить в то, что с ним можно не согласиться. Однако критики анализа затрат и выгод многочисленны и категоричны. Многие из них утверждают, что анализ затрат и выгод неприемлем в принципе. Я начинаю с комментариев о том, почему многие находят этот аргумент в значительной мере неубедительным. Затем я рассматриваю некоторые принимаемые в анализе затрат и выгод условности, которые, как представляется, приводят к дезориен-

---

1. Robert H. Frank. Why Is Cost-Benefit Analysis so Controversial? // *Journal of Legal Studies*. 2000. Vol. 29. No. S2. P. 913–930.

Данная статья была подготовлена для представления на конференции в Школе права Университета Чикаго «Анализ затрат и выгод» 17–18 сентября 1999 года. Я благодарен Уильяму Шульце за плодотворные дискуссии.

Перевод с английского А. Фофонова.

Роберт Х. Франк

тирующим предписаниям. Наконец, я рассматриваю возможность получения из самого принципа сопоставления затрат и выгод объяснений, почему не всегда желательно применять анализ затрат и выгод в качестве прямого обоснования наших действий.

Проблема несоизмеримости

Согласно принципу сопоставления затрат и выгод, нам следует установить ограждение вдоль опасного участка горной дороги, если денежные издержки его установки меньше условных денежных издержек предотвращаемых телесных повреждений, смертей и ущерба имуществу. Многие критики отвечают на это, что установление денежной стоимости человеческой жизни и страданий неправомерно с этической точки зрения².

Казалось бы, очевидный вывод заключается в том, что мы должны устанавливать ограждение независимо от его стоимости или независимо от того, в какой мере оно влияет на риск смерти или телесных повреждений.

Однако, если учитывать, что мы живем в условиях редкости ресурсов, отстаивать такую позицию нелегко. В конце концов деньги, затрачиваемые на установку ограждения, могут быть израсходованы на другие ценные для нас вещи, в том числе повышающие безопасность жизнедеятельности в других областях. Если у нас есть только определенная сумма, которую мы можем израсходовать, почему мы должны устанавливать ограждение, если те же деньги, затраченные, скажем, на совершенствование прогнозирования погоды, предотвратят еще больше смертей и увечий?

В более общем смысле критики возражают против использования в анализе затрат и выгод денежных показателей для определения доводов за и против каких-либо действий на общих основаниях. Например, они выражают недовольство тем, что при загрязнении воздуха электростанцией наши выгоды от получаемой с помощью нее дешевой электроэнергии просто недопустимо сравнивать с первозданным видом Большого каньона, которым мы жертвуем.

Даже самые ревностные сторонники анализа затрат и выгод допускают, что несоизмеримые категории чрезвычайно трудно сравнивать на практике. Но многие критики настаивают на том, что такие сравнения недопустимы в принципе. С их точки зрения проблема заключается не в нашем незнании того, насколько большое

---

2. Обзор см. в работе: Robert Kuttner. Everything for Sale (1997).

Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров?

снижение стоимости электроэнергии необходимо для компенсации определенного снижения качества воздуха, а скорее в том, что эти две категории просто несоизмеримы.

Эта точка зрения приводит к тревожным следствиям. На взгляд аналитика затрат и выгод, любое действие (даже такое, затраты и выгоды которого трудно сравнить) становится непреодолимо привлекательным, если его выгоды достаточно велики, а издержки достаточно низки. Действительно, мало кто будет возражать против новой технологии, которая снизит стоимость энергии наполовину, а ее единственным негативным эффектом будет ухудшение вида Большого каньона на 15 секунд в течение каждых десяти лет³. Точно так же никто не станет выступать за внедрение технологии, дающей лишь незначительное снижение стоимости электроэнергии, если ее ценой будет темное облако, постоянно закрывающее Северную Америку от лучей солнца. Мы живем в последовательном мире. Если первая технология явно приемлема, а вторая явно неприемлема, некоторая промежуточная технология не лучше и не хуже, чем ныне существующая. И мы должны считать любую технологию, которая лучше существующей, усовершенствованием.

Редкость является простым фактом человеческого существования. Чтобы иметь большее количество одного блага, мы вынуждены довольствоваться меньшим количеством другого. Утверждение о несоизмеримости различных ценностей просто препятствует осознанному рассуждению о трудных компромиссах.

Невзирая на публичные заявления о несоизмеримости, даже самые энергичные критики анализа затрат и выгод не могут избежать компромиссов. Например, они не пылесосят свои дома несколько раз в день и не проверяют тормоза в своих автомобилях каждое утро. Причина этого, по-видимому, не в том, что чистый воздух и автомобильная безопасность не имеют значения, а в том, что они вынуждены использовать свое время на более неотложные дела. Как и все мы, они вынуждены по мере своих возможностей оптимизировать соотношения между конкурирующими ценностями.

---

3. Немногие, кто возражал бы против этого, скорее всего, применили бы вариант аргумента «скользкого склона», согласно которому разрешение даже одного маленького шага приводит к неизбежному скатыванию вниз. В то же время мы все время отчасти скатываемся по скользким склонам, например внося поправки в законы о свободе слова, запрещающие кричать «пожар» в наполненном людьми театре, когда пожара нет.

Роберт Х. Франк

Общие сомнения в отношении этики консеквенциализма

Многие критики анализа затрат и выгод винят его в том, что он коренится в утилитаризме или в некоей тесно связанной с ним форме этической теории консеквенциализма⁴. Теории консеквенциализма утверждают, что правильным образом действий является тот, который приводит к наилучшим результатам, при этом «результаты» в утилитаристском варианте обозначают «наивысшую общую полезность». Критики часто оспаривают консеквенциализм, цитируя примеры, в которых его подразумеваемые выводы конфликтуют с этической интуицией читателя. Один из популярных примеров прибегает к понятию «монстра полезности» – того, кто преобразует ресурсы в полезность гораздо эффективнее остальных. По утверждению критиков, поскольку утилитаризм подразумевает, что наилучший результат будет достигнут при передаче всех ресурсов монстру полезности, и поскольку мы знаем, что этот вывод абсурден, мы должны отказаться от этической теории, лежащей в основе анализа затрат и выгод.

Сторонники этической философии консеквенциализма пытались показать, что их теории при надлежащем толковании не приводят к выводам, подразумеваемым такими примерами⁵. Но даже если такие споры никогда не будут полностью разрешены, мы можем констатировать, что теории, предлагаемые соперничающими лагерями, приводят к удивительно похожим решениям по широкому кругу этических вопросов. Поэтому в практическом смысле сам факт тесной связи между анализом затрат-выгод и этическими теориями консеквенциализма не подразумевает систематическую ложность его предписаний.

Дисконтирование будущего

В своей традиционной реализации анализ затрат и выгод пытается привести все релевантные затраты и выгоды к общему знаменателю во времени. Выбранная ставка дисконтирования применяется для расчета всех релевантных будущих затрат и выгод в терминах

---

4. См., например: Steven Kelman. An Ethical Critique of Cost-Benefit Analysis // *Regulation*. 1981. No. 5. Vol. 33.

5. См., например: John Jamieson, Carswell Smart, Bernard Williams. *Utilitarianism: For and Against* (1973).

Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров?

текущей ценности. Чаще всего в качестве ставки дисконтирования для вычисления текущей ценности применяется процентная ставка на финансовых рынках.

Хотя некоторые критики предъявляют претензии к данной практике, использование рыночной процентной ставки для дисконтирования будущих денежных затрат и выгод получило широкое применение. В конце концов, если процентная ставка по финансовым депозитам составляет 7% годовых, можно покрыть затраты в 1000 долларов, возникающие через 10 лет, вложив сегодня только 500 долларов.

При этом нет общего согласия в отношении использования рыночной процентной ставки для дисконтирования будущей субъективной полезности. Например, как утверждает Стенли Джевонс, «чтобы можно было обеспечить получение максимальной выгоды в жизни, все будущие удовольствия или страдания должны воздействовать на нас с такой же силой, как если бы они были в настоящем, с учетом их неопределенности... Но человеческий ум несовершенен: будущие ощущения всегда влияют на нас меньше, чем нынешние»⁶.

С этой точки зрения, если отказ от принятия более строгих стандартов качества воздуха сегодня приводит к более широкому распространению заболеваний органов дыхания в следующем поколении, этой заболеваемости должно быть придано примерно такое же значение, как если бы она имела место сегодня. Более позднее рождение человека не должно приводить к тому, что его удовольствию и страданию придается меньший вес в важных политических решениях. Разумеется, при полном расчете затрат и выгод может потребоваться принятие во внимание возможных усовершенствований медицинских технологий, которые сделают последствия данных заболеваний менее тяжелыми в будущем.

Каковы бы ни были конечные достоинства данной позиции, она не выступает принципиально против использования анализа затрат и выгод. Если аналитики соглашаются с тем, что будущим явлениям человеческой жизни следует придавать приблизительно такой же вес, как и нынешним, затраты и выгоды, связанные с изменением политики, можно рассчитывать на основе данного допущения.

Проблемы распределения

Проблемы распределения были в течение длительного времени любимой мишенью для критиков анализа затрат и выгод. В двух

---

6. Stanley Jevons. *The Theory of Political Economy*. 1941 (1871). P. 72–73.

Роберт Х. Франк

словах их возражение таково: поскольку готовность платить зависит от дохода, анализ затрат и выгод придает неоправданно большой вес решениям лиц с высокими доходами. За этим возражением стоит точка зрения, согласно которой предпочтения всех индивидов в отношении политических решений должны получать равный вес независимо от дохода.

По-видимому, настаивая на этом возражении, критики имеют в виду интересы неимущих. При этом неясно, желают ли сами неимущие, чтобы политические решения принимались на каком-либо ином основании, кроме готовности платить. Например, рассмотрим сообщество, состоящее из трех голосующих — одного богатого и двух неимущих. Необходимо принять решение в отношении предложения о переходе местной государственной радиостанции с музыкального формата на разговорный формат. Богатый голосующий готов заплатить 1000 долларов за введение данного изменения, тогда как неимущие голосующие готовы заплатить по 100 долларов каждый для предотвращения данного изменения. Если интересы каждого из голосующих имеют равный вес, переход не будет осуществлен. Однако с точки зрения анализа затрат и выгод отказ от перехода приводит к чистому убытку в 800 долларов.

В этих обстоятельствах не так уж трудно разработать предложение, которое получит единогласную поддержку. Переключение можно осуществить, например, при условии внесения богатым голосующим дополнительно 500 долларов в государственную казну с дальнейшим использованием этой суммы для снижения налогов каждого из неимущих, голосующих на 250 долларов.

Критики могут ответить, что, хотя такие трансферты в целом хороши, неимущим не хватает политического влияния для их осуществления. В нашем несовершенном мире мы получаем лучшие результаты, решая такие вопросы по принципу «один человек — один голос».

Но этот ответ несостоятелен. Если неимущим не хватает политического влияния для проведения переговоров о компенсации в обмен на поддержку политики, наносящей им ущерб, почему у них есть влияние для того, чтобы помешать осуществлению этой политики? Если же оно у них есть, то у них есть и влияние для проведения переговоров о компенсации. В конце концов любая политика, которая проходит проверку анализом затрат и выгод, но создает чистые убытки для неимущих, может быть преобразована в улучшение по Парето преобразованием налоговой системы в более прогрессивную.

Критики анализа затрат и выгод правы в том, что использование невзвешенных показателей готовности платить по сути обес-

Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров?

печивает принятие набора государственных программ, ориентированных на предпочтения лиц с высокими доходами. Но вместо отказа от анализа затрат и выгод у нас есть более удачная альтернатива. Мы можем применять невзвешенные показатели готовности платить без какого-либо оправдания и использовать систему пособий и налогов для выплаты семьям с низким доходом заблаговременной компенсации будущего ущерба. Компенсацию не обязательно (да и невозможно) выплачивать отдельно в каждом конкретном случае. Вместо этого можно предоставлять лицам с низким доходом налоговые и социальные льготы, предусмотренные нормами справедливости в распределении благ, а также дополнительные льготы, отражающие их ожидаемые убытки по результатам анализа затрат и выгод с использованием невзвешенных показателей готовности платить.

Смысл моего довода в защиту стандартного анализа затрат и выгод заключается не в том, что предоставление неимущим дополнительного политического влияния является плохой идеей, а скорее в том, что отказ от анализа затрат и выгод является необоснованно расточительным способом достижения этой цели. И богатые, и бедные заинтересованы в обеспечении максимально возможных размеров экономического пирога. Любая политика, которая проходит проверку анализом затрат и выгод, увеличивает экономический пирог. И чем больше пирог, тем больший его кусок достается каждому.

Проблемы измерения

Чтобы определить, проходит ли какая-либо политическая мера проверку анализом затрат и выгод, мы должны получить конкретные показатели ее затрат и выгод. Независимо от логических трудностей, порождаемых утверждениями о несоизмеримости, по меньшей мере ясно, что получение правдоподобных показателей затрат и выгод определенных политических мер зачастую весьма затруднено. На практике аналитики пытаются оценить затраты и выгоды путем проведения опросов или получения выводов из рыночного поведения. Однако оба эти подхода связаны со значительными трудностями.

Методы опросов

Какова ценность сохранения девственных лесов из красного дерева? Сторонники метода субъективной оценки получают данные,

Роберт Х. Франк

спрашивая у людей, сколько те готовы заплатить за сохранение леса. Результаты таких опросов сомнительны по нескольким причинам.

Одно из затруднений заключается в том, что оценки часто оказываются неправдоподобно высокими. Например, если сумму, которую кто-либо готов заплатить ради предотвращения загрязнения определенного участка побережья нефтью, пропорционально применить ко всем побережьям по всему миру, получившаяся сумма значительно превысит совокупное благосостояние индивида⁷. Ответы в опросах по методу субъективной оценки также весьма чувствительны к формулировке вопросов и формату, предусмотренному для ответов⁸.

Но, пожалуй, самая большая проблема опросов по методу субъективной оценки заключается в том, что респонденты часто готовы платить на несколько порядков больше за предотвращение вредного воздействия, чем за устранение уже оказанного неблагоприятного воздействия. Ричард Талер придумал для описания этой тенденции термин «боязнь потерь»⁹. Боязнь потерь означает, что огорчение от утраты определенной суммы для большинства из нас не просто больше, чем удовольствие от получения такой же суммы, а гораздо больше.

Талер иллюстрирует эту асимметрию, предлагая студентам следующие гипотетические вопросы:

1. Посещая занятие сегодня, вы подверглись риску заболевания редкой смертельной болезнью. Вероятность, что вы заболели, составляет одну тысячную. Если вы заболели, вы умрете быстрой и безболезненной смертью через одну неделю. Существует лекарство от этой болезни, которое всегда помогает, но его необходимо принять прямо сейчас. Мы не знаем, сколько оно будет стоить. Вы должны назвать сейчас максимальную сумму, которую вы готовы заплатить за это лекарство. Если окажется, что лекарство стоит больше, вы его не получите. Если оно сто-

---

7. См.: I. Ritov, Daniel Kahneman. How People Value the Environment: Attitudes vs. Economic Values // M. Bazerman et al. (eds). *Psychological Approaches to Environmental and Ethical Issues in Management*. 1997. P. 33–51; Daniel Kahneman, Jack Knetsch. Valuing Public Goods: The Purchase of Moral Satisfaction // *J. Envtl. Econ. and Mgmt.* 1992. No. 22. P. 57.

8. William H. Desvousges, John W. Payne, David A. Schkade. *How People Respond to Contingent Valuation Questions*. EPA Grant No. R824 310 Final Report, April 1998.

9. Richard Thaler. Toward a Positive Theory of Consumer Choice // *J. Econ. Behav. and Org.* 1980. No. 1. P. 39.

Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров?

ит меньше, вы заплатите запрашиваемую цену, а не максимальную сумму, названную вами. Сколько вы готовы заплатить?

2. Мы проводим эксперименты в отношении той же болезни, для которых нам нужны испытуемые. Испытуемый должен подвергнуть себя риску заболевания с вероятностью смертельного исхода, равной одной тысячной. Каково минимальное вознаграждение, за которое вы согласитесь стать таким испытуемым?¹⁰

В каждом из сценариев перед респондентами, по сути, ставился вопрос о том, в какую сумму они оценивают снижение вероятности смерти на одну тысячную. Но при первом сценарии вопрос относился к сумме, которую респонденты готовы заплатить за устранение уже понесенного ими риска смерти, а при втором – к сумме, за которую они добровольно согласились бы на несение аналогичного риска. Средние указанные респондентами суммы составили примерно 800 долларов для первого вопроса и 100 000 долларов для второго¹¹. Аналогичные диспропорции между готовностью платить и готовностью принимать компенсацию наблюдаются в опросах по методу субъективной оценки, содержащих экологические вопросы¹². Диспропорции в других областях обычно меньше, хотя лишь в немногих опросах показатели готовности платить превышают величину, в два раза меньшую показателя готовности принимать компенсацию¹³. Разумеется, эти диспропорции создают серьезные препятствия для аналитиков, применяющих субъективные методы оценки.

Гедонистические методы

Эти и другие проблемы, присущие методам опросов, заставили многих аналитиков предпочесть гедонистические модели ценообразования, которые пытаются выводить оценки из наблюдаемого рыночного поведения. При типичном применении этих моделей аналитики определяют ценность снижения шума, исследуя изменения цен на жилье в зависимости от уровня фонового шума, или ценность безопасности, исследуя изменения заработной пла-

---

10. Richard Thaler. Precommitment and the Value of a Life // M.W. Jones-Lee (ed.). *The Value of Life and Safety*. 1982. P. 178–179.

11. Ibid. P. 179.

12. Ritov and Kahneman, см. выше примечание 6.

13. Rebecca Boyce et al. An Experimental Examination of Intrinsic Values as a Source of the WTA-WTP Disparity // *Am. Econ. Rev.* 1992. No. 82. P. 1366.

Роберт Х. Франк

ты в зависимости от вероятности получения травм на рабочем месте¹⁴.

Гедонистические модели ценообразования подразумевают, что различие заработной платы в зависимости от уровня безопасности показывает, как работники оценивают безопасность. Является ли такое допущение разумным? Аргументом в поддержку данного допущения является простое приложение теории «невидимой руки». Если установка и обслуживание элемента защиты (например, ограждения на токарном станке) обходится в 50 долларов в месяц и при этом рабочие оценивают его в 100 долларов в месяц, то фирмы, не устанавливающие его, рискуют потерять ценных рабочих, которые перейдут к конкуренту, применяющему такие устройства. В конечном итоге, если конкурент платит рабочему на 60 долларов меньше, чем тот получает у своего нынешнего работодателя, он покрывает стоимость элемента защиты и экономит еще 10 долларов, предоставляя при этом общий компенсационный пакет, который на 40 долларов в месяц привлекательнее, чем пакет нынешнего работодателя.

На этот аргумент критики отвечают, что рынки труда на практике не являются конкурентными. Неполнота информации, отсутствие мобильности работников и другие несовершенства заставляют работников принимать практически любые условия, предлагаемые работодателями. Но даже если бы фирма была единственным работодателем на рынке труда, у нее был бы явный стимул к установке элемента защиты стоимостью в 50 долларов, оцениваемого работником в 100 долларов. Отказавшись от этого действия, она просто теряла бы деньги.

Другие критики утверждают, что работники часто не знают об устройствах защиты, которых им не хватает. Но эта претензия также сомнительна, поскольку у фирм есть сильные стимулы к информированию работников о таких устройствах. В конечном итоге и фирма, и ее работники выигрывают при использовании экономически эффективного устройства защиты.

В отношении утверждения о том, что рынки труда не являются конкурентными, критики гедонистических моделей ценообразования не выполнили требования к доказательству. Мобильность работников между фирмами высока, равно как и показатели входа новых фирм на существующие рынки, а картельные соглашения всегда были нестабильными. Информированность всегда несовер-

---

14. См., например: Richard Thaler, Sherwin Rosen. The Value of Saving a Life: Evidence from the Labor Market // N. Terleckyj (ed.). *Household Production and Consumption*. 1976. P. 265.

Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров?

шенна, но если новый работодатель в городе предлагает более выгодные условия, то молва об этом рано или поздно распространяется.

Если, несмотря на эти сдерживающие факторы, некоторые фирмы эксплуатируют своих работников, выплачивая им заработную плату ниже конкурентной, мы можем ожидать получения этими фирмами относительно высокой прибыли. Однако на самом деле мы наблюдаем прямо противоположную корреляцию. Фирмы, выплачивающие самую высокую заработную плату, из года в год получают наибольшую прибыль¹⁵. Но если рынки труда являются реально конкурентными, то та самая теория выявленных предпочтений, которая делает гедонистические модели столь привлекательными, становится и предостережением. Она обращает наше внимание на родственную форму поведенческих проявлений, а именно на то, какие законы мы принимаем. Сторонники научного направления «экономический анализ права» в течение длительного времени утверждали, что законы имеют тенденцию развиваться в направлении максимизации благосостояния¹⁶. Эта характеристика предположительно также применима к законам, регулирующим охрану здоровья и обеспечение безопасности, которые к настоящему времени приняты практически во всех промышленно развитых демократических странах. Эти законы бросают вызов допущению гедонистической модели ценообразования, в соответствии с которым риски для безопасности в полной мере отражаются компенсирующими различиями в заработной плате. Если бы это допущение было корректным, нормы безопасности приводили бы к затратам, превышающим выгоды от них, и потому такие нормы изначально не могли бы быть приняты. Однако, хотя данные нормы часто критиковались с практической точки зрения, по-видимому, им пока ничего не угрожает в политическом плане.

Говорит ли политический успех норм безопасности о том, что гедонистические модели ценообразования ложны? Я полагаю — да, но не по тем причинам, которые обычно называют. Далее я привожу пример, иллюстрирующий альтернативное объяснение норм безопасности, которое не зависит от рыночной власти и несовершенной информации.

---

15. См.: Lawrence Seidman. The Return of the Profit Rate to the Wage Equation // *Rev. Econ. and Stat.* 1979. No 61. P. 139, и многочисленные исследования, цитируемые в этой статье.

16. См., например: Richard A. Posner. *Economic Analysis of Law* (1998, 5th ed.).

Роберт Х. Франк

Относительное положение и выявленные предпочтения

Рассмотрим гипотетическое сообщество, состоящее лишь из двух членов – Шервина и Гари. Каждый из них получает удовлетворение от трех вещей – от своего дохода, от безопасности на рабочем месте и от положения на экономической лестнице. Каждый из них должен совершить выбор между двумя рабочими местами: одно – безопасное, с заработной платой 300 долларов в неделю, другое – опасное, с заработной платой 350 долларов в неделю. Ценность безопасности для каждого из членов сообщества составляет 100 долларов в неделю, каждый оценивает относительный доход следующим образом: получение более высокого дохода по сравнению с соседом эквивалентно дополнительному удовлетворению на сумму 100 долларов в неделю; получение более низкого дохода по сравнению с соседом эквивалентно сокращению удовлетворения на сумму 100 долларов в неделю; получение такого же дохода, как и у соседа, не приводит к изменению базового уровня удовлетворения. Совершат ли Шервин и Гари оптимальный выбор между двумя местами работы?

Если рассматривать решение каждого из этих людей изолированно, единственным верным выбором должно быть безопасное место работы. Хотя такая работа приносит на 50 долларов в неделю меньше, чем опасная, она обеспечивает дополнительную безопасность ценностью 100 долларов в неделю. Таким образом, если мы абстрагируемся от проблемы соображений об относительном доходе, ценность безопасного рабочего места составляет 400 долларов в неделю (заработная плата 300 долларов плюс ценность безопасности 100 долларов), а это на 50 долларов в неделю превышает ценность опасного рабочего места (350 долларов).

Однако, как только мы вводим соображения об относительном доходе, логика принятия решений фундаментально меняется. Теперь привлекательность каждого из вариантов зависит от того, какое рабочее место выбрано другим членом сообщества. Четыре возможных комбинации вариантов выбора и соответствующие уровни удовлетворения приведены на рис. 14.1.

Предположим, например, что Гари выбирает безопасное рабочее место. Тогда, если Шервин выбирает опасное рабочее место, он получает общее удовлетворение в 450 долларов – 350 долларов в виде заработной платы плюс 100 долларов в виде удовлетворения от получения большего дохода, чем Гари. Гари же получает общее удовлетворение лишь в 300 долларов – 300 долларов в виде заработной платы плюс 100 долларов в виде ценности безопасности минус

Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров?

	Шервин	Безопасная работа за 300 долл.	Опасная работа за 350 долл.
Гари			
Безопасная работа за 300 долл.		400 долл. у каждого	300 долл.— Гари 450 долл.— Шервин
Опасная работа за 350 долл.		450 долл.— Гари 300 долл.— Шервин	350 долл. у каждого

РИС. 14.1. Влияние соображений об относительном доходе на решения рабочих о безопасности

100 долларов в виде потери удовлетворения из-за получения более низкого дохода, чем Шервин. И наоборот, предположим, Гари выбирает опасное рабочее место. Тогда Шервин снова оказывается в более выгодном положении, выбирая опасное рабочее место, поскольку в этом случае он получает 350 долларов в виде удовлетворения, а не 300. Поскольку платежная матрица симметрична, доминантная стратегия каждого из игроков заключается в выборе опасного рабочего места. Аналитики, применяющие гедонистическую модель ценообразования, должны прийти к выводу, что эти рабочие должны оценивать дополнительную безопасность на уровне ниже 50 долларов в неделю.

Но этот вывод явно ошибочен. Обратите внимание, что при выборе каждым из членов сообщества безопасного рабочего места каждый получает 400 долларов в виде общего удовлетворения—300 долларов в виде дохода, 100 долларов в виде удовлетворения от безопасности и нулевое удовлетворение от относительного положения. Если каждый из них выбирает опасное рабочее место, каждый получает 350 долларов дохода, нулевое удовлетворение от безопасности и нулевое удовлетворение от относительного положения, поскольку уровень дохода у них снова одинаков. Если мы сравним на рис. 14.1 ячейки верхнюю левую и правую нижнюю, мы можем определенно сказать, что Шервин и Гари будут в выигрыше, если каждый из них выберет безопасное рабочее место с более низким доходом, чем если каждый из них выберет опасное рабочее место с более высоким доходом. По допущению ценность дополнительной безопасности превышает ее стоимость (затраты).

Расхождение возникает потому, что выбор в отношении безопасности на рабочем месте сталкивает рабочих с «дилеммой заключенного». Если бы они могли выбирать коллективно, они бы выбрали безопасное рабочее место—именно этот вариант

Роберт Х. Франк

они предпочли бы вариантам, возникающим при независимом выборе. При такой интерпретации нормы безопасности привлекательны не потому, что они предотвращают эксплуатацию, а потому, что они устраняют последствия внешних эффектов в потреблении.

Многие современные последователи Адама Смита не склонны вводить соображения об относительном положении в модели нормативной экономики. Однако, как признавал сам Смит, такие соображения являются одним из базовых элементов человеческой природы:

Предметы потребления бывают предметами необходимости или предметами роскоши.

Под предметами необходимости я понимаю не только предметы, которые безусловно необходимы для поддержания жизни, но и такие, обходиться без которых в силу обычаев страны считается неприличным для почтенных людей даже низшего класса. Полотняная рубашка, например, отнюдь не является, строго говоря, предметом необходимости. Греки и римляне, надо думать, жили с большим удобством, хотя и не имели белья; но в наше время в большей части Европы уважающий себя поденщик постыдится показаться на людях без полотняной рубашки, отсутствие которой будет сочтено свидетельством той унижительной степени бедности, в которую, как предполагается, никто не может впасть иначе как в результате чрезвычайно плохого поведения. Обычай точно так же сделал кожаную обувь предметом жизненной необходимости в Англии. Самое бедное уважаемое лицо того или другого пола постыдится появиться на людях без нее¹⁷.

Как ясно понимал Смит, соображения об относительных доходах не обязательно подразумевают желание иметь больше товаров или более высокого качества, чем у соседа. Люди с низкими относительными доходами не просто испытывают психологический дискомфорт, они несут более ощутимые экономические издержки¹⁸. Жителю отдаленной горной деревушки в Индии не нужен автомобиль, однако житель Лос-Анджелеса без него не может удовлетворить самые минимальные потребности социального существования. Семья, желающая отдать своих детей в хорошую школу, должна приобрести дом в районе с хорошей школой, но такие дома часто недоступны для семей с низким относительным доходом. Аналогично: если только 10 % домов окружены красивыми видами и все люди в равной мере озабочены наличием во-

---

17. Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо, 2007. С. 804–805.

18. Об этом см. в особенности: Amartya K. Sen. *The Standard of Living* (1989).

Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров?

круг их дома красивого вида, то дома с красивыми видами получают лишь 10 % людей с самыми высокими доходами.

Измерение социальной ценности потребительского блага путем сложения сумм, затрачиваемых на него индивидами, подобно измерению социальной ценности вооружений путем сложения сумм, затрачиваемых на них отдельными странами. Оба вида измерений проблематичны, поскольку они игнорируют влияние контекста на спрос.

Рассмотрим простую модель, в которой индивиды распределяют свой доход между потреблением (C) и обеспечением безопасности на рабочем месте (S) и в которой полезность репрезентативного индивида зависит не только от его абсолютных уровней дохода и безопасности, но и от относительного уровня потребления. Например, предположим, что полезность i -го индивида задана формулой¹⁹:

$$U_i = U_i[C_i, S_i, R(C_i)], \quad (14.1)$$

где $R(C_i)$ обозначает порядковое положение индивида в распределении потребления, $0 \leq R(C_i) \leq 1$. Если $f(C_i)$ – функция плотности распределения вероятностей наблюдаемых уровней потребления населения, то:

$$R(C)_i = \int_0^{C_i} f(C) dC.$$

Пусть M_i обозначает доход индивида, P_c – цену потребительского блага и P_s – цену безопасности. Если индивид принимает $f(C)$ как данность, условие первого порядка для максимума полезности задается уравнением:

$$U_{i1}/U_{i2} + [U_{i3}f(C_i)C]/U_{i2} = P_c/P_s, \quad (14.2)$$

где U_{ij} обозначает первую частную производную U_i по отношению к ее j -му аргументу.

Второй член в левой части уравнения (14.2) отражает тот факт, что при покупке индивидом дополнительной единицы потребительского блага его выигрыш заключается не только в непосредственной полезности, предоставляемой потребительским благом, но и в полезности от предполагаемого повышения положения в распределении потребления. Но другие индивиды также ощущают этот второй выигрыш, и, когда все реагируют на него, результирующее положение в распределении остается прежним. В результате потре-

---

19. Более подробное обсуждение нижеизложенной модели см. в: Robert H. Frank. The Demand for Unobservable and Other Nonpositional Goods // *Am. Econ. Rev.* 1985. No. 75. P. 101.

Роберт Х. Франк

бители тратят больше на потребление и меньше на безопасность, чем было бы оптимально с точки зрения общества в целом.

Предположим, потребители могут договориться о коллективном игнорировании влияния изменений в индивидуальном потреблении на положение в распределении потребления, то есть они могут согласованно принять допущение, что $R'(C) = f(C) = 0$. Тогда условие первого порядка в уравнении (14.2) можно свести к виду:

$$(14.3) \quad U_{i1}/U_{i2} + [U_{i3}f(C_i)C]/U_{i2} = P_c/P_s,$$

а это уже знакомое нам условие первого порядка из моделей, в которых положение в распределении потребления не имеет значения. Устранение компонента положения в распределении приводит к снижению потребления индивидами и расходованию ими больших сумм на безопасность, чем ранее. Именно уравнение (14.3), а не уравнение (14.2) определяет социально оптимальное распределение.

Основной фактор, стоящий за этим провалом рынка, заключается в том, что полезность потребления характеризуется большей контекстной зависимостью, чем полезность безопасности. Если бы полезность обладала равной контекстной зависимостью для каждого блага, искажения отсутствовали бы.

Различается ли степень зависимости удовлетворения от контекста в разных областях? В попытке ответить на этот вопрос Сара Солник и Давид Хемениэй недавно провели опрос аспирантов по программе общественного здравоохранения в Гарвардском университете²⁰. Сначала они попросили каждого из респондентов выбрать между одним из следующих гипотетических миров:

- А. Вы зарабатываете 50 000 долларов в год, другие зарабатывают 25 000 долларов.
- В. Вы зарабатываете 100 000 долларов в год, другие зарабатывают 200 000 долларов.

56 % респондентов выбрали первый мир. Затем Солник и Хемениэй попросили каждого из респондентов выбрать между мирами, в которых их относительный и абсолютный уровни доходов одинаковы, но различается относительная и абсолютная продолжительность отпусков:

- А. Ваш отпуск длится 2 недели в году, у других он длится 1 неделю.
- В. Ваш отпуск длится 4 недели в году, у других он длится 8 недель.

---

20. Sara J. Solnick, David Hemenway. Is More Always Better? A Survey on Positional Concerns // *J. Econ. Behav. and Org.* 1998. No. 37. P. 373.

Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров?

Теперь лишь 20 % выбрали первый мир – более чем в два раза меньше респондентов, чем при ответе на первый вопрос. По формальным признакам этот эксперимент показывает, что удовлетворение от потребления обладает большей контекстной зависимостью, чем удовлетворение от продолжительности отдыха.

Некоторые важные категории благ также представляются менее чувствительными, чем потребление материальных благ, к межличностным сравнениям. Рассмотрим транспортные пробки, неблагоприятное влияние которых на здоровье и психологическое состояние аналогично влиянию длительной подверженности действию громкого и непредсказуемого шума²¹. Влияние такого шума на испытуемых в лаборатории не зависит от уровня шума, воздействующего на других испытуемых. Из этого следует, что спрос на товары в большей мере зависит от контекста, чем спрос на такие ценности окружающей среды, как отсутствие шума и транспортных пробок.

Межличностные сравнения также представляются относительно несущественными в применении к сбережениям, по крайней мере в краткосрочном периоде. Так, хотя большинство из нас знает, в каких домах живут наши друзья и на каких машинах ездят, вероятность того, что мы знаем суммы на их сберегательных счетах, гораздо меньше. Но даже если бы остатки на сберегательных счетах были всем известны, по меньшей мере некоторые важные индивидуальные преимущества от текущего потребления зависели бы от контекста в большей степени, чем индивидуальные преимущества от сбережения. Например, многие родители охотно соглашались на снижение уровня жизни на пенсии, если за счет сокращения сбережений они смогут оплачивать проживание в доме, расположенном в районе с хорошей школой²². Аналогичные мотивы

---

21. Обзор релевантных исследований см. в: Robert H. Frank, *Luxury Fever*, ch. 6 (1999).

22. Некоторые возражают, что желание получения более высокого положения в распределении потребления в действительности не может объяснять низкий уровень сбережений, поскольку те, кто сберегает слишком мало сейчас, обрекают себя на более низкое положение в распределении потребления в будущем. Однако, как уже отмечалось, более низкое положение в распределении потребления в будущем может быть приемлемой ценой, уплачиваемой за возможность получения более высокого положения в отношении некоторых форм текущего потребления. Более того, в той мере, в которой пользование более дорогими автомобилями и одеждой служит сигналом успешности и тем самым помогает людям найти более выгодную работу или более доходные контракты, низкие сбережения сегодня могут не приводить к снижению положения в распределении потребления в будущем. Но, хотя это может быть верным с точки зрения отдельного индивида, это не может быть верным для общества в целом. Ведь когда мы все тратим больше для

Роберт Х. Франк

могут заставить многих родителей согласиться на менее безопасную, более регламентированную, но и более высокооплачиваемую работу. Однако, как и ранее, позиционные преимущества, получаемые некоторыми семьями в результате такого выбора, компенсируются соответствующими позиционными потерями других семей.

Как может аналитик, применяющий анализ затрат и выгод, корректировать общепринятые методы оценки, чтобы компенсировать искажения, возникающие в связи с соображениями об относительных уровнях потребления? Один из простых методов – использование опросов, в которых респонденты периодически должны отвечать на вопрос о том, какой дополнительный доход нужен семье, чтобы поддерживать постоянный уровень субъективного благосостояния при росте доходов других семей. Используя данные, полученные в нескольких европейских странах, Б. М. С. ван Праг и Ари Каптейн оценивают эластичность примерно в 0,6, то есть семье требуется увеличение реального дохода на 6 % для компенсации 10%-ного увеличения доходов других семей сообщества²³. Если мы примем эту оценку как базовую идею в иллюстративных целях, мы можем построить на ее основе простой мультипликатор для корректировки показателей готовности платить, генерируемых гедонистическими моделями ценообразования.

Предположим, например, что по результатам исследования статистической взаимосвязи между уровнями заработной платы и уровнями смертности на рабочем месте рабочие готовы отдавать ежегодно 2 % своего дохода ради снижения на одну тысячную вероятности смерти в результате несчастного случая на рабочем месте. Согласно этой оценке, рабочий, получающий 50 000 долларов в год, должен быть готов выплачивать 1000 долларов в год на повышение безопасности, хотя эти расходы сокращают его относительный уровень потребления на 2 %. По оценке Каптейн и ван Праага, этот рабочий должен быть готов выплачивать примерно на 600 долларов больше за такое же повышение безопасности, если ему гарантируют сохранение его относительного дохода после этих расходов (например, если все остальные осуществят такие же расходы на повышение безопасности).

Таким образом, корректировка по данным опроса Каптейн и ван Праага приводит к повышению показателей готовности платить, выведенных посредством гедонистических моделей ценообразо-

---

сигналирования о наших способностях, относительная интенсивность каждого сигнала остается неизменной.

23. B. M. S. van Praag, Arie Kapteyn. Further Evidence on the Individual Welfare Function of Income // *Eur. Econ. Rev.* 1973. No. 4. P. 33.

Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров?

вания, на 60 %. Разумеется, процедуру корректировки, основанную на результатах подобных опросов, легко оспорить. Можно прибегнуть и к другим, более объективным процедурам. Например, в другой своей работе я утверждал, что можно вывести ценность относительного дохода путем исследования соотношения между заработными платами, локальным ранжированием и производительностью в группах сотрудников²⁴. В любом случае возможная ущербность процедуры корректировки не подразумевает, что она приводит к менее точным оценкам, чем можно получить при простом игнорировании соображений об относительных уровнях потребления.

Итак, если спрос на некоторые блага в большей степени зависит от контекста, чем спрос на другие блага, индивидуальные решения о расходах нельзя агрегировать для определения социальных оценок в анализе затрат и выгод. В общем случае сумма индивидуальных оценок меньше социальной ценности благ, спрос на которые относительно чувствителен к контексту, и больше социальной ценности благ, спрос на которые относительно нечувствителен к контексту. И поскольку контекст оказывает большое влияние на спрос²⁵, у нас есть достаточное основание для скептицизма в отношении гедонистических моделей ценообразования, даже основанных на допущениях о совершенно конкурентных рынках с полной информированностью.

Однако, как и ранее, из этого не следует, что анализ затрат и выгод в принципе неправилен. Скорее из этого следует, что в своем нынешнем виде его предписания могут в существенной мере вводить в заблуждение. В таком случае решение проблемы заключается не в отказе от анализа затрат и выгод, а в корректировке общепринятых процедур оценки.

Проблемы контроля импульсов и выявленные предпочтения

Гедонистические модели ценообразования также подразумевают возможность определения ценности, присваиваемой людьми будущим событиям, путем наблюдения за выбором, который они совершают. Согласно этому взгляду, если человек соглашается на риск серьезного заболевания с вероятностью в одну десятую

---

24. Robert H. Frank, Are Workers Paid Their Marginal Products? // *Am. Econ. Rev.* 1984. No. 74. P. 549.

25. См.: Robert H. Frank, *Choosing the Right Pond* (1985), а также Frank, см. выше примечание 20.

Роберт Х. Франк

через один год в обмен на выплату 100 долларов сегодня, то издержки принятия данного риска, выраженные по текущей стоимости, не могут превышать 100 долларов. Однако неопровержимые результаты экспериментов дают основания для скептицизма²⁶. Например, рассмотрим два варианта для выбора — А и В.

А. 100 долларов завтра или 105 долларов через неделю после завтрашнего дня.

В. 100 долларов через 52 недели или 105 долларов через 53 недели.

Модель рационального выбора, на которой основаны гедонистические модели ценообразования, утверждает, что люди дисконтируют будущие затраты и выгоды экспоненциально в соответствии с их индивидуальными уровнями временного предпочтения. Значит, люди должны всегда совершать одинаковый выбор в вариантах А и В. Поскольку больший выигрыш в каждом из случаев выплачивается на неделю позже, порядковое расположение текущей ценности двух альтернатив должно быть одинаковым в обоих вариантах независимо от применяемого людьми множителя дисконтирования. Однако при выборе между этими вариантами на практике большинство выбирает 100 долларов в варианте А и 105 долларов в варианте В.

Данные фундаментальных экспериментов подтверждают, что индивиды дисконтируют будущие затраты и выгоды не экспоненциально, как подразумевает модель рационального выбора, а гиперболически²⁷. Психологическое воздействие затрат или выгод при гиперболическом дисконтировании убывает в зависимости от времени значительно сильнее, чем при экспоненциальном дисконтировании. Одним из следствий этого является неизбежность инвертирования предпочтений, подобного вышеописанному, при гиперболическом дисконтировании. Классический случай инвертирования — выбор большего по размеру и более позднего выигрыша, когда обе альтернативы существенно отдалены во времени от текущего момента, и выбор меньшего и более раннего выигрыша, когда его отсрочка становится меньше определенного порога. Таким образом, в вышеприведенном варианте В из двух альтернатив, относительно далеко отстоящих по времени от текущего момента, большинство респондентов выбрали больший по размеру и более позд-

---

26. См., например, статьи в сборнике: Choice over Time (Jon Elster & George Loewenstein eds. 1993).

27. Подробный обзор релевантных данных см. в работе: George Ainslie, Picoeconomics (1992).

Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров?

ний выигрыш, тогда как в варианте А большинство респондентов выбрали более ранний и меньший по размеру выигрыш.

Тенденция к гиперболическому дисконтированию будущих затрат и выгод порождает множество известных нам проблем контроля импульсов и, в свою очередь, множество стратегий по разрешению этих проблем. Предвидя свою склонность к перееданию, люди часто пытаются ограничить количество сладостей, соленых орехов и других лакомств в своем распоряжении. Предвидя свою склонность к растрачиванию денег на текущих счетах, люди участвуют в схемах сбережения с удержанием из заработной платы. Предвидя, что им будет трудно прервать чтение хорошего детектива на середине, многие люди знают, что лучше начинать это чтение вечером, чем перед важной встречей. Курильщики, решившие отказаться от курения, ищут компанию некурящих, пытаются нанести первый удар по своей привычке, и с большей вероятностью, чем другие, благоприятствуют принятию законов об ограничении курения в общественных местах. Бывшие алкоголики избегают коктейль-баров.

Хотя эти методы самоконтроля часто могут быть эффективными, они далеки от совершенства. Многие люди продолжают выражать сожаление в связи со своим перееданием, чрезмерным употреблением алкоголя и табака, малой активностью в сбережениях, поздним бодрствованием, избыточным просмотром телепередач и т. д. Экспоненциальная модель дисконтирования предлагает пренебречь этими проявлениями как чем-то якобы иррациональным. Но с точки зрения гиперболической модели дисконтирования эти проявления вполне логичны. В каждом из этих случаев человек выбрал худший вариант при наличии лучшего и впоследствии искренне сожалеет об этом.

Гедонистические модели ценообразования используют наблюдаемые результаты выбора для выведения множителей дисконтирования, которые применяются сторонниками анализа затрат и выгод для расчета текущей ценности. В той мере, в которой многие важные результаты межвременного выбора зависят от гиперболического дисконтирования, общепринятые методы придают слишком малый вес будущим затратам и выгодам.

Тенденция к сохранению положения вещей

Возражения против анализа затрат и выгод также могут быть обусловлены тем фактом, что затраты, связанные с изменениями политики, зачастую значительно проще подсчитать, чем выго-

Роберт Х. Франк

ды, особенно в области природоохранной политики и политики в сфере охраны труда и техники безопасности. В обеих этих областях консенсус в отношении измерения выгод является особенно смутным. В результате политические решения в этих областях, как правило, принимаются на основе рассмотрения затрат, что создает тенденцию к сохранению существующего положения вещей. Эта тенденция помогает объяснить, почему сторонников перемен так много среди оппонентов анализа затрат и выгод.

Тот факт, что выгоды измерить труднее, чем затраты, не является убедительным основанием для отказа от анализа затрат и выгод, подобно тому как простота прогнозирования затрат по сравнению с выручкой не является убедительным основанием для отказа фирм от максимизации прибыли. В любом случае лучше действовать на основании наилучшей из доступной информации, чем вообще без какой-либо информации.

Заключительные комментарии

Из предшествующего обсуждения я делаю два вывода. Во-первых, критики не смогли убедительно доказать, что анализ затрат и выгод является спорным в принципе. Во-вторых, многие методы, применяемые сторонниками анализа затрат и выгод, приводят к систематически искаженным предписаниям. Гедонистические методы ценообразования переоценивают ценность благ и действий, спрос на которые относительно сильно зависит от контекста. Кроме того, они придают слишком большой вес текущим затратам и выгодам и слишком малый вес затратам и выгодам будущего. Эти искажения подсказывают ответ на вопрос, поставленный в заглавии моей статьи. Анализ затрат и выгод в той форме, в которой он применяется в настоящее время, может быть спорным просто потому, что он часто порождает предписания, вводящие в заблуждение.

В заключение я рассмотрю более спекулятивное объяснение возражений против анализа затрат и выгод, основанное на разделении между консеквенциалистскими и деонтологическими этическими теориями. Деонтологи настаивают на том, что незыблемые этические принципы позволяют отличать правильное поведение от неправильного поведения независимо от затрат и выгод. Например, они утверждают, что воровство является неправильным деянием не потому, что оно приносит больше вреда, чем пользы, но просто потому, что оно нарушает права потерпевшего. Консеквенциалисты возражают против таких абсолютных утверждений, будучи уверенными в том, что всегда возможны *определенные условия*, при которых выгоды от воровства могут превосходить издержки.

Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров?

Однако даже самые убежденные консеквенциалисты, по-видимому, признают, что утверждения вроде «воровство допустимо в случаях, когда выгоды от него превосходят издержки» не имеют риторической эффективности при обучении их детей этическим ценностям. В самом деле, как и деонтологи, большинство консеквенциалистов учат своих детей, что воровство является в принципе неправильным деянием. В другой своей работе я утверждал, что при признании стратегической роли моральных эмоций в решении проблем принятия обязательств эта позиция становится логически последовательной даже с чисто консеквенциалистской точки зрения²⁸.

Тем не менее еще большие потенциальные опасения вызывает другой аспект консеквенциалистской позиции: люди, рассматривающие свой этический выбор в терминах затрат и выгод, должны также конструировать свои собственные оценки соответствующих затрат и выгод. Очевидное опасение заключается в том, что их оценки должны быть своекорыстными. Например, более 90 % водителей уверены в том, что их уровень выше среднего²⁹. Более 99 % учащихся средней школы полагают, что их способность уживаться с другими выше среднего уровня³⁰. 94 % профессоров колледжей полагают, что продуктивность их деятельности выше, чем у среднего коллеги³¹. Можно предположить, что те же факторы, которые приводят к переоценке нами своих умений, искажают оценки, лежащие в основе наших этических суждений. И если эти своекорыстные расчеты вызывают у некоторых людей пренебрежение общим благом, их пример повышает склонность других людей к аналогичному пренебрежению.

Разумеется, люди могут быть подвержены своекорыстным искажениям и в толковании деонтологических этических принципов. В конечном счете вопрос о том, какой из подходов создает больший риск, является эмпирическим. Возможно, консеквенциалистское мышление приводит в итоге к худшим результатам. Если это будет доказано, консеквенциалистам не останется практически ничего иного, кроме как принять деонтологическую позицию (во многом подобно тому, как атеист может поддерживать фундаменталистские

---

28. См.: Robert H. Frank, *Passions within Reason* (1988). Смежное обсуждение см. в работе: Eric A. Posner. *The Strategic Basis of Unprincipled Behavior: A Critique of the Incommensurability Thesis* // *Pa. L. Rev. U.* 1998. No. 146. P. 1185.

29. См.: Thomas Gilovich, *How We Know What Isn't So* (1991).

30. College Board, *Student Descriptive Questionnaire* (1976–1977).

31. P. Cross, *Not Can but Will College Teaching Be Improved?* // *New Directions Higher Educ.* Spring 1977. P. 1.

Роберт Х. Франк

религиозные организации из тех соображений, что угрозы адского пламени и вечных мук являются единственным практическим способом заставить людей самостоятельно корректировать свое поведение). Им придется признать, что анализ затрат и выгод в принципе корректен, но на практике его лучше избегать.

Поспешу добавить, что критики анализа затрат и выгод этого не доказали. И пока они не сделают это, представляется несомненным, что анализ затрат и выгод будет продолжать играть важную роль в принятии решений. В этих обстоятельствах как сторонники, так и противники анализа затрат и выгод заинтересованы в устранении предубеждений, искажающих его выводы.

Возможности и благосостояние¹

Амартия Сен

АМАРТИЯ СЕН (1933–) родился и получил образование в Индии, затем получил степень доктора по экономике в Кембриджском университете. Он преподавал в Индии, Англии и США, в настоящее время является почетным профессором Гарвардского университета. Он является одним из самых читаемых и влиятельных среди ныне живущих экономистов. Его книги были переведены более чем на тридцать языков. В 1998 г. он получил Нобелевскую премию по экономике за работу в области экономики благосостояния, исследований бедности и голода, а также развития человеческого потенциала. Он также внес крупный вклад в современную политическую философию. В данной статье он предлагает оценивать альтернативные варианты политики по тем возможностям, которые они предоставляют отдельным людям, а не только по индивидуальным полезностям, доходам или ресурсам (как в общепринятых теориях).

1. Введение

Возможность – не самое привлекательное слово. В нем слышны технократические отголоски, а некоторым оно даже может внушать образ стратегов ядерных войн, потирающих руки от удовольствия над планом героического варварства. Термин не слишком реабилитируется исторической личностью Капабилити Брауна [выдающийся английский ландшафтный дизайнер XVIII века, настоящее имя – Ланселот, ему было присвоено прозвище Sarabil-

---

1. Amartya Sen. Capability and Well-Being. Martha Nussbaum and Amartya Sen (eds) // *The Quality of Life*. New York: Oxford Clarendon Press, 1992. P. 30–42, 46–53. С разрешения автора раздел 9 пропущен. В этом разделе содержатся комментарии к статье Дж. А. Коэна, опубликованной в этом же томе.

Я благодарен за плодотворные обсуждения следующим людям: Дж. А. Коэну, Парте Дасгупте, Джин Дрезе, Хилари Патнэму, Рут Анне Патнэм, Марте Нуссбаум, Дереку Парфиту, Джону Ролзу, Джону Ромер и Томасу Сканлону.

Перевод с английского А. Фофонова.

Амартия Сен

ity (возможность) — *примеч. пер.*], восхвалявшего некоторые участки земли (не людей) в солидных поместьях, «обладавшие возможностями». Пожалуй, можно было выбрать более удачное слово, когда несколько лет тому назад я пытался разработать специфический подход к благосостоянию и преимуществам с точки зрения способности человека к совершению ценных действий или к достижению ценных состояний бытия². Термин был выбран для представления альтернативных комбинаций действий или состояний, которые может совершать или которых может достигать человек — многообразных видов его «функционирования»³.

Подход к преимуществам индивида с точки зрения возможностей связан с оценкой этих преимуществ в терминах фактической способности индивида по достижению различных ценных функционирований в течение своей жизни. Соответствующий подход к социальным преимуществам (для агрегатной оценки, а также для выбора институтов и политики) рассматривает наборы индивидуальных возможностей как образующие необходимую и центральную часть релевантной информационной основы для такой оценки. Он отличается от других подходов, использующих другую информационную основу, например, субъективную полезность (сосредоточение на удовольствии, счастье или исполнении желаний), абсолютное или относительное богатство (сосредоточение на корзинах товаров, реальных доходах или реальном благосостоянии), оценки негативных свобод (сосредоточение на процедурном исполнении либертарианских прав и правил невмешательства), сравнения средств обеспечения свободы (например, сосредоточение на за-

-
2. Я сделал это в Таннеровской лекции, прочитанной в Стэнфордском университете в мае 1979 г. («Equality of What?») и позднее опубликованной как статья (Sen, 1980). Довод в пользу сосредоточения на возможностях был приведен в этой лекции в специфическом контексте оценки неравенства. Я пытался исследовать возможности использования подхода с точки зрения возможностей для анализа других социальных проблем, таких как благосостояние и бедность (Sen, 1982a, 1983c, 1985b), внешняя и внутренняя свобода (liberty and freedom) (Sen, 1983a, 1988a, 1992), стандарты уровня жизни и развитие (Sen, 1983b, 1984, 1987b, 1988b), гендерные предубеждения и сексуальные разграничения (Kynch and Sen, 1983; Sen, 1985c, 1990b), справедливость и социальная этика (Sen, 1982b, 1985a, 1990a).
  3. Хотя в то время, когда я предложил данный доход, я не понимал его связи с учением Аристотеля, интересно отметить, что греческое слово *dunamin*, используемое Аристотелем для обсуждения одного из аспектов блага человека, которое иногда переводится как «потенциальность», также можно перевести как «возможность существования или действия» (см.: Liddell and Scott, 1977: 452). Точка зрения Аристотеля и ее связь с недавними попытками построения подхода, сосредотачивающегося на возможностях, проницательно обсуждалась в работе: Martha Nussbaum (1988).

Возможности и благосостояние

пасах «сырьевых товаров», как в теории справедливости Ролза) и сравнения запасов ресурсов как основы для справедливого равенства (например, критерий «равенства ресурсов» Дворкина).

Ряд авторов обсуждали, расширяли, использовали и критиковали различные аспекты «подхода с точки зрения возможностей», в результате чего преимущества и слабые места этого подхода стали более прозрачными⁴. Тем не менее есть потребность в более четком, связном и целостном изложении этого подхода, принимая во внимание определенные проблемы интерпретации, возникшие при его оценке и применении. Данная статья является попыткой разьяснительного анализа на элементарном уровне. Я также постараюсь кратко ответить на некоторые интересные критические замечания.

2. Виды функционирования, возможности и ценности

Пожалуй, наиболее простое понятие данной концепции связано с «видами функционирования». *Виды функционирования* представляют собой компоненты состояния человека – в частности, то, что он делает или кем становится в течение своей жизни. *Возможности* индивида отражают альтернативные комбинации видов функционирования, которые индивид может реализовать и из которых он выбирает какую-либо одну комбинацию⁵. Данный подход основан на представлении о жизни как о сочетании многообразных «действий и состояний» и оценке качества жизни с точки зрения возможностей для достижения ценных видов функционирования.

Некоторые виды функционирования являются самыми базовыми, например, обеспечение надлежащего питания, поддержание

---

4. См. работы: Roemer (1982, 1986), Streeten (1984), Beitz (1986), Dasgupta (1986, 1988, 1989), Hamlin (1986), Helm (1986), Zamagni (1986), Basu (1987), Brannen and Wilson (1987), Hawthorn (1987); Kanbur (1987), Kumar (1987), Muellbauer (1987), Ringen (1987), B. Williams (1987), Wilson (1987), Nussbaum (1988, 1990), Griffin and Knight (1989a, 1989b), Riley (1988), Cohen (1990), and Steiner (1990). По смежным темам, в том числе в отношении применения, критики и сравнения, см. работы: de Beus (1986), Kakwani (1986), Luker (1986), Sugden (1986), Asahi (1987), Delbono (1987), Koohi-Kamali (1987), A. Williams (1987), Broome (1988), Gaertner (1988), Stewart (1988), Suzumura (1988), de Vos and Hagennars (1988), Goodin (1985, 1988), Hamlin and Pettit (1989), Seabright (1989), Hossain (1990), and Schokkaert and van Ootegem (1990) и др.

5. Если существует n релевантных видов функционирования, то степень достижения индивида в каждом из них может быть представлена n -кратным набором. Существует ряд технических проблем в представлении и анализе n -кратных наборов видов функционирования и множеств возможностей, об этом см. работу: Sen (1985b: chs. 2, 4, и 7).

Амартия Сен

хорошего состояния здоровья и т. д., и они могут высоко цениться всеми людьми по очевидным причинам. Другие более сложны, но столь же широко ценятся, например, достижение самоуважения или социальная интеграция. Тем не менее, индивиды могут значительно отличаться друг от друга по весу, который они придают этим различным видам функционирования (хотя все они могут быть ценными), и при оценке индивидуальных и социальных преимуществ необходимо учитывать эти различия.

В контексте некоторых видов социального анализа, например, при рассмотрении крайней бедности в странах с развивающейся экономикой, мы можем продвинуться достаточно далеко с относительно небольшим количеством важнейших видов функционирования и соответствующих им базовых возможностей (например, обеспечение надлежащего питания и кровя над головой, возможности по снижению предотвратимых болезней и преждевременной смертности и т. д.). В других контекстах, охватывающих более общие проблемы экономического развития, перечень может быть значительно более длинным и разнообразным.

Приходится сталкиваться с выбором при определении *релевантных* видов функционирования. Формат модели всегда допускает определение и включение дополнительных «достижений». Многие виды функционирования не представляют серьезного интереса для индивида (например, использование *определенного* стирального порошка во многом аналогично использованию других стиральных порошков)⁶. Невозможно избавиться от проблемы оценки при выборе видов функционирования, включаемых в описание и характеристику возможностей. Необходимо сосредотачиваться на базовых интересах и ценностях, в зависимости от которых некоторые определяемые виды функционирования могут быть важными, а другие — тривиальными и незначительными. Необходимость отбора и дифференциации не является ни препятствием, ни уникальной проблемой в концептуализации видов функционирования и возможностей.

---

6. Бернард Уильямс (Williams, 1987) поднимает этот вопрос в своих комментариях к моим Таннеровским лекциям о стандарте уровня жизни (р. 98–101); об этом см. также: Sen (1987b: 108–9). О неизбежной необходимости оценки различных видов функционирования и возможностей см.: Sen (1985b: ch. 5–7). Подобно тому как сосредоточение на пространстве товаров в анализе реальных доходов не подразумевает, что все товары следует считать в равной мере ценными (или хоть сколько-нибудь ценными), простое сосредоточение на пространстве видов функционирования не подразумевает, что все виды функционирования следует считать в равной мере ценными (или хоть сколько-нибудь ценными).

3. Ценностные объекты и пространства оценки

В решении задачи оценки мы можем выделить два различных вопроса: (1) *Что есть ценностные объекты?* (2) *Какова ценность этих объектов?* Хотя с *формальной* точки зрения первый вопрос является элементарным аспектом второго (в том смысле, что ценностными объектами являются объекты с положительными весами), идентификация ценностных объектов является *по сути* первичным актом, дающим возможность перейти к ответу на второй вопрос.

Кроме того, сама идентификация набора ценностных объектов с положительными весами подразумевает «доминантное ранжирование» (x имеет не менее высокий ранг, чем y , если x позволяет получить не меньшее количество *каждого* из оцененных объектов). Это доминантное ранжирование, которое, как можно показать, обладает стандартными свойствами регулярности, такими как транзитивность, несомненно, позволяет нам продвинуться (и порой достаточно далеко) в решении задачи оценки⁷.

Идентификация ценностных объектов устанавливает то, что можно назвать *пространством оценки*. Например, в стандартном анализе полезности пространство оценки состоит из индивидуальных полезностей (обычно определяемых в терминах удовольствия, счастья или исполнения желаний). На самом деле, последовательный метод оценки содержит класс «информационных ограничений», исключающих *прямое* оценочное использование различных видов информации, не относящихся к пространству оценки⁸.

Подход с точки зрения возможностей заинтересован главным образом в идентификации ценностных объектов и рассматривает пространство оценки в терминах видов функционирования и возможностей функционирования. Разумеется, эта процедура сама по себе является оценочной, но ответ на вопрос (1) об идентификации ценностных объектов не позволяет дать однозначный ответ на вопрос (2) об их относительных ценностях. Для получения такого ответа необходима дополнительная процедура оценки. В рамках общего подхода с точки зрения возможностей можно применить много различных методов оценки видов функционирования и возможностей.

---

7. О такой формулировке и о других формулировках и видах использования доминантного ранжирования см.: Sen (1970: chs 1*, 7*, 9*).

8. О критически важной роли информационной основы, а также о формулировании и использовании информационных ограничений см.: Sen (1970, 1977) и d'Aspremont and Gevers (1977).

Амартия Сен

Выбор пространства оценки позволяет четко разграничить объекты, которые *включаются* как потенциально ценные и *исключаются* из этого пространства. Например, в силу отличия пространства оценки подход с точки зрения возможностей отличается от оценки с точки зрения полезности (в общем случае от оценки в рамках теории благосостояния⁹), поскольку он оставляет место для многообразных человеческих действий и состояний, которые являются важными сами по себе (а не *в силу того*, что они могут создавать полезность, и *не в той мере*, в которой они создают полезность)¹⁰. Он также оставляет место для оценки различных свобод в форме возможностей. С другой стороны, данный подход не придает прямого (в отличие от производного) значения *средствам* к существованию или *средствам* обеспечения свободы (например, реальным доходам, богатству, состоятельности, сырьевым товарам или ресурсам), как это делают некоторые другие подходы. Эти переменные не являются частью пространства оценки, но они могут опосредованно влиять на оценку через свое воздействие на переменные, включенные в пространство оценки.

4. Возможности и свобода

Свобода выбора различных образов жизни отражена в наборе возможностей индивида. Возможности индивида зависят от множества факторов, в том числе от личных характеристик и социальных соглашений. Разумеется, для получения полного представления о свободе индивида необходимо, помимо личных возможностей, учитывать и другие цели индивида (например, социальные цели, не связанные непосредственно с его личной жизнью), но человеческие возможности являются важной частью индивидуальной свободы.

Конечно, понятие свободы не лишено проблем. Например, если у нас недостаточно смелости, чтобы выбрать определенный образ жизни, даже если бы мы *могли бы* жить такой жизнью, выбрав ее, можно ли говорить, что у нас есть свобода жить такой жизнью, то есть соответствующие возможности? Я не пытаюсь

---

9. Велферизм требует, чтобы о положении вещей судили по индивидуальным полезностям при данном положении вещей. Это один из основных компонентов утилитаризма (другие компоненты – «суммарное ранжирование» и «консеквенциализм»); в отношении факторизации см.: Sen (1982a) и Sen and Williams (1982).

10. Состояние счастья и реализация желаний могут, *помимо прочего*, оцениваться в рамках подхода с точки зрения возможностей, но в отличие от утилитаристских концепций, они не рассматриваются как мерило всех ценностей.

Возможности и благосостояние

здесь уходить от подобных трудных вопросов. В той мере, в которой существуют неоднозначности в понятии свободы, они должны быть отражены соответствующими неоднозначностями в характеристиках возможностей. Эта позиция связана с методологическим принципом, который я пытался отстаивать в других своих работах: если базовая идея содержит существенную неопределенность, точная формулировка этой идеи должна стремиться *отразить* эту неопределенность, а не скрыть или устранить ее¹¹.

Сравнения свободы поднимают интересные проблемы оценки. Иногда высказывается мнение, что свободу следует оценивать независимо от ценностей и предпочтений индивида, чью свободу мы оцениваем, поскольку она связана с «диапазоном» выбора индивида, а не с тем, как он оценивает элементы в этом диапазоне или какие элементы этого диапазона он выбирает. Я не считаю это мнение обоснованным (несмотря на его внешнее правдоподобие). Но если бы оно было корректным, оно было бы весьма серьезным утверждением, разграничивающим оценку *достижений* и *свобод*. В частности, тогда было бы возможно оценивать свободу индивида независимо от (или прежде) оценки альтернатив, из которых индивид может выбирать¹².

Как мы можем оценивать «диапазон» независимо от (или прежде) рассмотрения характера альтернатив, образующих этот диапазон? Конечно, можно проводить некоторые сравнения

-
11. Об этом см.: Sen (1970, 1982a, 1987a). Во многих контекстах математические представления должны принимать форму отношений «частичной упорядоченности» или «нечетких» отношений. Разумеется, эта проблема не является особенностью подхода с точки зрения возможностей, она применима в общем и целом ко всем концептуальным системам в общественной, экономической и политической теории.
  12. Как представляется, вера в такую возможность сыграла свою роль в критике Робертом Сагденом (Robert Sugden, 1986) того, что он считает моим подходом к оценке возможностей, а именно, «общей стратегии попыток выведения ценности из набора векторов видов функционирования на основе предварительного ранжирования самих этих векторов» (р. 821). Он приводит доводы в пользу суждения «о ценности свободы выбора из диапазона возможных образов жизни» *прежде* принятия «какого-либо взгляда на то, что представляет собой ценный образ жизни». Эта критика фактически происходит из непонимания предлагаемого подхода, поскольку частью моих доводов (об этом я скажу больше в дальнейшем) было утверждение о том, что суждение о качестве жизни и оценка свободы должны осуществляться *одновременно* и согласованно, в частности, «качество жизни, получаемое индивидом, не является следствием лишь его достижения, но также следствием тех вариантов, из которых индивид имел возможность выбирать» (Sen, 1985b: 69–70). Но в нынешнем контексте предметом спора является возможность суждения о *диапазоне* выбора независимо от ценностных характеристик *элементов* этого диапазона. Именно эту возможность я и оспариваю.

Амартия Сен

в терминах подмножеств, например, сокращение «меню», из которого индивид может выбирать, *не увеличивает* свободу индивида¹³. Но в случаях, когда ни одно из множеств не является подмножеством другого, нам приходится выходить за пределы таких «рассуждений в логике подмножеств».

Одна из альтернатив заключается в простом *подсчете* количества элементов в множестве, отражающего величину диапазона выбора¹⁴. Но эта процедура подсчета приводит к довольно специфичной оценке свободы. Довольно странно прийти к выводу, что свобода индивида в случае, когда он должен выбирать между тремя альтернативами, воспринимаемыми им как «плохая», «ужасная» и «отвратительная», не меньше, чем когда он должен выбирать между «хорошей», «отличной» и «превосходной» альтернативами¹⁵. Кроме того, всегда можно тривиально увеличивать количество возможных вариантов, имеющих у индивида (например, рвать на себе волосы, отрезать себе уши или пальцы, выпрыгивать в окно); весьма удивительно рассматривать такие добавления как компенсирующие утрату реально ценных вариантов¹⁶. Оценка элементов в диапазоне выбора должна быть связана с оценкой свободы выбора между элементами этого диапазона¹⁷.

-
13. Но и это можно ставить под сомнение, когда расширение «меню» приводит к путанице, или необходимость выбора из большего набора альтернатив становится неприятной. Но эти проблемы можно решить путем *надлежащего* описания всех вариантов выбора, имеющих или отсутствующих у индивида. Такое описание должно включать в себя рассмотрение общего выбора между наличием *или* отсутствием необходимости выбора из полного набора относительно тривиальных альтернатив (например, возможность передачи телефонной компании поручения на отключение всех автоматических звонков от торговых агентов, предлагающих множество вариантов покупок). Проблемы, связанные с таким видом комплексной оценки, включающим в себя выбор способов выбора, обсуждаются в работе: Sen (1992).
  14. Блестящий аксиоматический вывод метода подсчета количества элементов при оценке свободы см. в работе: Pattanaik and Xu (1990).
  15. Неприемлемость данного вида оценки свободы путем подсчета количества элементов обсуждается в работе: Sen (1985b). Оценку аксиоматических оснований этого и других методов оценки свободы см. в работе: Sen (1991).
  16. Данный пример также показывает, почему ранжирование элементов множества лучше рассматривать как «слабое» соотношение, такое как «не хуже, чем» или «не менее хорошо, чем», нежели как «строгое» соотношение («лучше, чем»). Добавление варианта «отрезания пальцев» к набору оцениваемых вариантов выбора, имеющих у индивида, не может *уменьшать* его свободу (поскольку индивид может отказаться от отрезания себе пальцев), но его трудно принять как прямое *увеличение* свободы индивида.
  17. Как утверждалось выше, соотношение является двухсторонним, поэтому оценка свободы принятия образа жизни и оценка самого образа жизни

5. Ценностные цели и различие процедур оценки

Идентификация ценностных объектов и спецификация пространства оценки подразумевает наличие определенных критериев, а сами эти критерии зависят от цели оценки. Оценка благосостояния может вести нас в одном направлении; суждение о достижениях в терминах *общих* целей индивида может вести нас в несколько ином направлении, поскольку индивид может иметь цели, отличные от обеспечения его собственного благосостояния. Суждение о достижениях того и другого вида также может отличаться от оценки *свободы* в реализации этих достижений, поскольку индивид может обладать преимуществом дополнительной свободы и при этом достигать меньшего.

Мы можем составить четырехкомпонентную классификацию аспектов оценки человеческих преимуществ, основанную на двух видах разграничения. Первое разграничение – между (1.1) обеспечением *благосостояния* индивида и (1.2) преследованием *общих агентских целей* индивида. Последние включают в себя принимаемые индивидом на определенных основаниях цели, которые *помимо прочего* могут быть отличными от целей обеспечения его собственного благосостояния. Поэтому такие цели могут порождать распределения ценностей, отличные от порождаемых целями благосостояния. Второе разграничение – между (2.1) *достижением* и (2.2) *свободой в реализации достижения*. Это разграничение может быть применено и к аспекту благосостояния, и к аспекту агентских целей. Два разграничения дают четыре различных понятия преимущества индивида: (1) «достижение благосостояния»; (2) «агентское достижение», (3) «свобода в реализации благосостояния» и (4) «свобода в реализации агентских целей». Разумеется, эти понятия, которые я рассматривал более подробно в других работах, не являются независимыми друг от друга, но и не являются идентичными¹⁸.

(в том числе свободного выбора) должны осуществляться одновременно и нераздельно.

18. Поскольку агентские цели индивида, как правило, включают в себя, *помимо прочего*, собственное благосостояние индивида, два эти компонента изменяются в некоторой мере синхронно (например, повышение благосостояния при прочих равных условиях подразумевает более высокое агентское достижение). Кроме того, неудача индивида в достижении целей, *не относящихся* к благосостоянию, может приводить к неудовлетворенности, тем самым снижая благосостояние индивида. Между благосостоянием и агентскими целями существуют эти и другие взаимосвязи, но они не делают два эти понятия ни тождественными, ни изоморфными в смысле формирования оди-

Амартия Сен

Оценка каждого из этих четырех видов преимуществ подразумевает некую процедуру, но это не *одна и та же* процедура оценки в каждом из четырех случаев. Эти процедуры также могут очень по-разному воздействовать на аспекты, для которых важны оценка и сравнение преимуществ индивида. Например, при определении, нуждается ли индивид в помощи других людей или со стороны государства, благосостоянию индивида может быть придано, вероятно, большее значение, чем успеху в достижении его агентских целей (например, у государства могут быть более веские основания для предложения поддержки индивиду в преодолении голода или болезни, чем в постройке памятника его любимому герою, даже если сам индивид придает большее значение памятнику, чем преодолению своего голода или болезни). Кроме того, для взрослых граждан «свобода в реализации благосостояния» может быть более уместной для политики государства в данном контексте, чем «достижение благосостояния» (например, государство может иметь основания для предложения индивиду достаточных возможностей по преодолению голода, но не для настаивания на том, что он должен принять это предложение и перестать голодать). Возможны различные межличностные сравнения, и возможны различные акценты в оценке. Несмотря на взаимовлияние между различными ценностными целями, они могут порождать отличные друг от друга процедуры с частично неоднородной концентрацией и релевантностью.

6. Благосостояние, агентские цели и стандарты уровня жизни

Достижение благосостояния индивидом можно рассматривать как оценку «благополучности» состояния индивида (в отличие от, скажем, ценности его вклада в благосостояние страны или его успеха в достижении своих общих целей). Тогда процедура будет заключаться в оценке составных элементов состояния индивида, рассматриваемых с точки зрения его личного благосостояния. Этими

наковых порядковых распределений. Аналогично, увеличение свободы (в реализации благосостояния или достижении агентских целей) может привести к увеличению достижений индивида (в благосостоянии или агентских успехах), но возможно увеличение свободы и при уменьшении достижений, и наоборот. У нас есть четыре взаимозависимых, но *не тождественных* понятия. Эти разграничения и их взаимосвязи обсуждаются более полно в работе: Sen (1985a, 1992).

Возможности и благосостояние

составными элементами будут различные виды функционирования индивида.

Конечно, это не подразумевает, что благосостояние индивида не может «учитывать интересы других». Скорее, влияние «учета интересов других» на благосостояние индивида должно проявляться *через* какую-либо особенность состояния индивида. Совершение благих дел может приносить индивиду удовольствие или удовлетворение, и это важные достижения в функционировании. В рамках данного подхода виды функционирования рассматриваются как имеющие центральное значение для *содержания* благосостояния, хотя *источники* благосостояния вполне могут быть внешними по отношению к индивиду.

Виды функционирования, релевантные для благосостояния, варьируются от самых простых, таких как снижение заболеваемости и смертности, обеспечение достаточного питания, мобильности и т. д., до сложных, таких как достижение ощущения счастья, самоуважения, участие в жизни сообщества, устранение оснований для стыда при появлении на публике (последний вид функционирования был блестяще рассмотрен Адамом Смитом¹⁹). Основная мысль заключается в том, что виды функционирования образуют бытие индивида, и оценка благосостояния индивида должна принимать вид оценки этих составных элементов.

Если ценностные цели меняются с оценки благосостояния индивида на оценку успешности индивида в реализации всех целей, для преследования которых у него есть основания, то процедура сводится к оценке «агентских достижений», а не достижений благосостояния. Для такой процедуры пространство видов функционирования может быть в некоторой степени ограниченным, поскольку цели индивида вполне могут включать другие виды ориентиров (далеко выходящих за рамки собственного бытия индивида). Кроме того, разница между агентским достижением и достижением благосостояния связана не только с *пространством* (агентское достижение выходит за рамки жизни и видов функционирования индивида), но и с различными *весами* общих элементов (то есть, видам функционирования, относящимся одновременно к благосостоянию и к другим целям индивида, могут быть приданы различные веса при агентской оценке и при оценке благосостояния).

Оценка агентских достижений является более широкой процедурой, чем оценка благосостояния. Можно также рассматривать более «узкие» процедуры, чем оценка благосостояния. Особенно

---

19. См.: Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо, 2007. С. 804–805.

Амартия Сен

важной является процедура оценки *стандарта уровня жизни* индивида. Она также может принимать вид сосредоточения на видах функционирования индивида, но в данном случае мы должны выделять только те воздействия на благосостояние, которые обусловлены характером его *собственной жизни*, а не целями, «связанными с интересами других людей» или с безличными интересами. Например, удовлетворение, вызываемое достижением, связанным исключительно с интересами других людей (например, освобождением политических заключенных в отдаленных странах) может повышать благосостояние индивида, не поднимая в каком-либо очевидном смысле его стандарт уровня жизни.

Конечно, в этическом контексте прямое признание того, что благосостояние индивида может подвергаться влиянию явлений жизни других людей, не является новым. Ещё император Ашока в третьем веке до нашей эры в одном из своих знаменитых «наскальных эдиктов» отмечал это, определяя, что следует считать ущербом для личности: «и если несчастье приключается с друзьями, знакомыми, товарищами и родственниками людей, испытывающих глубокую приязнь [к первым], даже если последние хорошо защищены, [это несчастье] также ранит и их самих»²⁰. Неспособность быть счастливым, которую многие признают нарушением в важном виде функционирования (хотя и не *единственном* важном, если речь не идет о гедонистической версии утилитаризма), может возникать по причинам, связанным с собственной жизнью индивида (например, человек может быть болен, истощен или подвергаться иным лишениям), или по причинам, внешним по отношению к его жизни (например, боль от сопереживания страданиям других людей). Хотя оба вида факторов влияют на благосостояние индивида, довод в пользу исключения второго из процедуры оценки, применяемой к стандарту уровня жизни индивида, представляется вполне разумным, поскольку этот второй вид факторов относится главным образом к жизням других людей, а не к собственной жизни индивида²¹.

---

20. Наскальные эдикты XIII в Эррагуди, положение VII. Перевод и обсуждение см. в работе: Sircar (1979: 34).

21. Эту точку зрения можно оспаривать, рассматривая иным образом связь между благосостоянием и стандартами уровня жизни. Один из распространенных подходов заключается в связывании оценки стандартов уровня жизни только с реальными доходами и «экономическими» или «материальными» причинами. Об этом см.: A. C. Pigou (1920); о концептуальных различиях см.: Bergard Williams (1987). Но пигувианская точка зрения имеет свои внутренние проблемы. Например, если индивид имеет инвалидность, из-за которой он может получать очень малую выгоду от материального дохода или богатства, или если жизнь индивида омрачена тяжелой и неизлечимой болезнью,

7. Почему возможности, а не достижения?

Предшествующее обсуждение достижения благосостояния и стандартов уровня жизни было связано скорее с видами функционирования, чем с возможностями. Это было сделано преднамеренно, для последовательного рассмотрения проблем. В итоге должно возникнуть целостное видение. Фактически подход с точки зрения возможностей, как следует из самого термина, рассматривает возможности как первичную информационную основу. Почему мы должны расширять наше внимание с видов функционирования на возможности?

Прежде всего следует заметить, что понятие возможностей выводится как производное от понятия видов функционирования. В пространстве видов функционирования любая точка, представляющая n -кратный набор видов функционирования, отражает комбинацию действий и состояний индивида, релевантных для данной процедуры. Возможность есть *множество* таких n -кратных наборов видов функционирования, представляющее различные альтернативные комбинации действий и состояний, из которых индивид может выбирать любую (комбинацию)²². Таким образом, возможность определяется в *пространстве* видов функционирования. Если достижение в функционировании (в форме n -кратного набора видов функционирования) является *точкой* в этом пространстве, возможность является *множеством* таких точек (представляющим альтернативные n -кратные наборы видов функционирования, из которых может быть выбран один n -кратный набор).

Заметим также, что множество возможностей содержит информацию о фактически выбранном n -кратном наборе видов функционирования, поскольку он, несомненно, является одним из осуществимых n -кратных наборов. Оценка множества возможностей может основываться на оценке конкретного n -кратного набора, выбранного из этого множества. Таким образом, оценка по достигнутой комбинации видов функционирования является «частным случаем» оценки всего множества возможностей. В этом смысле, достижение в благосостоянии можно оценивать на основе множества возможностей, даже если данное достижение не зависит от представления о виде свободы. В этом случае, при оценке

нию (например, проблемами с почками, требующими экстенсивного диализа), трудно утверждать, что стандарт уровня жизни индивида высок, потому что индивид хорошо обеспечен. Я обсуждал этот вопрос и связанные с ним вопросы в работе: Sen (1987b: 26–9, 109–10).

22. Формальные определения см. в работе: Sen (1985b: chs. 2 and 7).

Амартия Сен

множества возможностей для реализации ценностной цели анализа достижения в благосостоянии мы должны просто отождествить ценность множества возможностей с ценностью реализованного n -кратного набора видов функционирования, входящего в это множество. Процедура отождествления ценности множества возможностей с ценностью *одного* из его элементов была названа «элементной оценкой»²³.

Ясно, что мы *по меньшей мере* не несем информационных потерь, рассматривая оценку благосостояния в терминах возможностей вместо того, чтобы рассматривать ее непосредственно в терминах реализованного (или выбранного, или максимального) n -кратного набора видов функционирования. Хотя это показывает, что возможности в качестве информационной основы по меньшей мере столь же адекватны, сколь и реализованные виды функционирования, доводы в пользу видения с точки зрения возможностей в действительности сильнее. Преимущества расширения информационной основы возникают в связи с двумя различными соображениями.

Во-первых, мы можем быть заинтересованы в исследовании не только «достижений благосостояния», но и «свободы в реализации благосостояния». Фактическая свобода индивида жить в достатке и быть в благополучном состоянии представляет интерес с точки зрения социальной и личностной оценки²⁴. Даже если мы примем точку зрения (оспариваемую ниже), согласно которой достижение благосостояния зависит только от достигнутых видов функционирования, «свобода реализации благосостояния» индивида будет представлять собой свободу реализации различных возможных благосостояний, ассоциируемых с различными

---

23. Об этом см.: Sen (1985b: 60–1). Выдающимся элементом может быть *достигнутый* (как в этом случае) или, в частности, *выбранный* (если имеет место процедура выбора в определении исхода) или *максимальный* (по какому-либо критерию благоприятности). Все три будут совпадать, если достигнутое достигнуто через выбор, и выбранное выбрано через максимизацию по данному критерию благоприятности.

24. Как утверждалось выше в отношении ответственных взрослых людей, может быть целесообразным рассматривать запросы индивидов к обществу в терминах *свободы* в достижении благосостояния (а значит, в терминах реальных возможностей), а не в терминах *фактических достижений*. Если социальные механизмы таковы, что ответственный взрослый человек получает не меньше свободы (в терминах сравнения множеств), чем другие, но он упускает возможности и в итоге оказывается в худшем положении, чем другие, можно утверждать, что в этом нет несправедливости. Об этом и связанных вопросах см.: Sen (1985a).

Возможности и благосостояние

n-кратными наборами видов функционирования в множестве возможностей²⁵.

Во-вторых, свобода может иметь внутренне присущее значение для достижения благосостояния индивидом. Свобода действий и свобода выбора может напрямую вести к благосостоянию, и не только потому, что расширение свободы может делать доступными более выгодные альтернативы. Эта точка зрения противоположна обычно принимаемой в стандартной теории потребительского поведения, где о выгодности набора осуществимых вариантов выбора судят исключительно по ценности наилучшего из доступных элементов²⁶. Даже устранение всех элементов осуществимого набора (например, «бюджетного набора»), кроме выбранного наилучшего элемента, в этой теории не рассматривается как реальная потеря, поскольку свобода выбора с этой точки зрения сама по себе не имеет значения.

Напротив, если рассматривать выбор как часть жизни (и отличать понятие «делать *x*» от понятия «выбрать *x* и делать *x*»), то даже «достижение благосостояния» не обязательно будет независимым от свободы, отражаемой в множестве возможностей²⁷. В этом случае «достижение благосостояния» и «свободу реализации благосостояния» необходимо оценивать в терминах множеств возможностей. При этом необходимо проводить «оценку множества» не элементарным методом (то есть не ограничивая полезное информационное содержание множеств возможностей элементной оценкой).

При оценке свободы и соотношения между свободой и достижением возникает много формальных проблем²⁸. Фактически можно характеризовать виды функционирования «рафинированным»

---

25. Тогда можно использовать одно и то же множество возможностей для оценки «достижения благосостояния» (путем *элементарной оценки*, сосредотачиваясь на достигнутом элементе) и для оценки «свободы реализации благосостояния» (путем *не элементарной оценки множества*).

26. Так, в стандартной теории потребительского поведения оценка множеств принимает форму элементной оценки. Специфические отклонения от этой традиции см. в работах: Koopmans (1964) и Kreps (1979). Однако в методе Купманса-Крепса мотивация заключается не столько в рассмотрении свободы выбора образа жизни как обладающей внутренним значением, сколько в признании неопределенности в отношении будущих предпочтений индивида путем (инструментальной) оценки преимущества расширения вариантов выбора в будущем. В отношении различий в мотивации см.: Sen (1985a, 1985b).

27. Как утверждалось в более ранней статье, ««хорошая жизнь» отчасти является жизнью с естественной возможностью выбора, а не такой, при которой индивид вынужден жить определенным образом — каким бы богатым он ни был в остальных отношениях» (Sen, 1985b: 69–70).

28. См.: Sen (1985b, 1988a, 1991), Suppes (1987), Pattanaik and Xu (1990).

Амартия Сен

способом для принятия во внимание «контрфактуальных» возможностей, так чтобы характеристики взаимосвязи между достижением благосостояния и n -кратными наборами видов функционирования можно было сохранить без потери существенной связи достижения благосостояния со свободой выбора, имеющейся у индивида. Соответствующий виду функционирования x , «рафинированный» вид функционирования (x/S) принимает форму «приобретения вида функционирования x путем выбора его из множества S »²⁹.

Иногда даже в обыденном языке виды функционирования представляются в рафинированном виде. Например, голодание (воздержание от пищи) не то же самое, что голод: это голод через осознанный выбор отказа от еды. Это разделение важно во многих социальных контекстах: например, мы можем стремиться к избавлению от непреднамеренного голода, но не желать запрета на лечебное голодание. Важность рассмотрения видов функционирования в рафинированном виде связана со значением выбора в нашей жизни. Роль выбора из множества возможностей обсуждалась выше только в контексте благосостояния, но аналогичные аргументы можно применить к оценке агентских достижений и стандарта уровня жизни³⁰.

8. Базовые возможности и бедность

Для некоторых процедур оценки полезно выделить подмножество критически важных возможностей, связанных с так называемыми «базовыми потребностями»³¹. Наблюдается достаточно высокий

---

29. Характеристики и релевантность «рафинированных видов функционирования» обсуждались в работе: Sen (1985a, 1988a).

30. Эти вопросы обсуждались в работе: Sen (1985a, 1987b).

31. Литература о «базовых потребностях» обширна. Полезное введение в данную тему см. в сборнике: Streeten *et al.* (1981). В значительной части этой литературы наблюдается тенденция к определению базовых потребностей в форме потребностей в *товарах* (например, в пище, крове, одежде, медицинской помощи), и это может отвлекать внимание от того факта, что эти товары являются не более чем *средствами* достижения реальных целей (входными компонентами ценных видов функционирования и возможностей). По этому вопросу см.: Streeten (1984). Данное разграничение особенно важно потому, что соотношение между товарами и возможностями может в значительной мере варьировать от индивида к индивиду даже в одном обществе (и, разумеется, между различными обществами). Например, даже для такого элементарного вида функционирования как обеспечение надлежащего питания, соотношение между потреблением пищевых продуктов и усвоением пищи значительно варьируется в зависимости от скорости метаболизма, массы тела, пола, беременности, возраста, климатических условий, эпидемиологических характеристик и других факторов (об этой и других пробле-

Возможности и благосостояние

уровень согласия в отношении чрезвычайной насущности потребностей определенного класса. Удовлетворению общепризнанных и настоятельных требований может быть придано особое этическое и политическое значение³².

Можно утверждать, что идея равенства в реализации определенных «базовых возможностей» наиболее правдоподобным образом приводит к эгалитаризму при наличии элементарной обездоленности³³. Термин «базовые возможности», использовавшийся в работе Сен (1980), был призван выделить возможность реализации некоторых критически важных видов функционирования до определенных минимальных приемлемых уровней. Выявление минимальных приемлемых уровней определенных базовых возможностей (ниже которых люди считаются «обездоленными») дает подход к объяснению бедности, и я дам комментарии о соотношении этой концепции с традиционными исследованиями бедности, фокусирующимися на доходах. Но также важно понимать, что использование подхода с точки зрения возможностей не ограничивается одними базовыми возможностями³⁴.

Что касается анализа бедности, выявление минимальной комбинации базовых возможностей может быть хорошим способом постановки проблемы диагностики и количественной оценки бедности. Оно может привести к результатам, существенно отличающимся от полученных при сосредоточении на недостаточности доходов

мах см.: Drèze and Sen, 1989). Подход с точки зрения возможностей позволяет согласовать реальные проблемы, лежащие в основе концепции базовых потребностей, избегая заблуждений «товарного фетишизма».

32. Значение социально признанных идей «чрезвычайной насущности» проницательно обсуждалось в работе: Scanlon (1975).
33. Об этом см.: Sen (1980). Во избежание путаницы следует также отметить, что термин «базовые возможности» иногда используется в значении, довольно сильно отличающемся от вышеприведенного, например, как *потенциальные* возможности индивида, которые *можно* развить, независимо от того, реализованы ли они фактически (в этом значении данный термин используется, например, Мартой Нуссбаум (Nussbaum, 1988)).
34. Хотя понятие базовых возможностей использовалось в работах: Sen (1980, 1983с), в более поздних статьях подход с точки зрения возможностей применялся без выделения каких-либо определенных возможностей как «базовых» и этим отличных от других возможностей (см. например: Sen, 1984, 1985а, 1985b). Этот тезис имеет отношение к проведенному Г. А. Коэном разграничению между сосредоточением на том, что он называет «midfare», и сосредоточением на видах функционирования и возможностях. Существуют более важные разграничения для исследования (они будут рассмотрены в Разделе 9), но противопоставления искусственно выглядят более острыми, если подход с точки зрения возможностей рассматривается как ограничивающийся *исключительно* анализом базовых возможностей.

Амартия Сен

как на критерии выявления бедности³⁵. Преобразование дохода в базовые возможности может в значительной степени варьироваться между различными индивидами, а также между различными обществами, поэтому способность к достижению минимально приемлемых уровней базовых возможностей может соотноситься с различными уровнями минимально приемлемых доходов. Сосредоточенный на доходах взгляд на бедность, основанный на указании межличностно инвариантной «черты бедности», может существенно дезориентировать в процессе выявления и оценки бедности.

Тем не менее, иногда выдвигают тезис, что бедность в определенном смысле является проблемой недостаточности дохода, а не возможностей, поэтому может показаться, что подход с точки зрения возможностей «в корне ошибочен». Это возражение упускает из виду мотивационную основу анализа бедности и тесную взаимосвязь между неосуществлением возможностей и недостаточностью дохода, когда последняя определяется с учетом *параметрических изменений* во взаимосвязях между доходом и возможностями.

Поскольку доход не является самоцелью, любое представление о бедности, основанное на доходе, должно прямо или косвенно ссылаться на те базовые потребности, средством удовлетворения которых он является. Действительно, авторы исследований бедности в развивающихся странах часто выводят доход, соответствующий «черте бедности», непосредственно из норм потребления продуктов питания. Как только мы признаем, что соотношение между доходом и возможностями варьируется между различными обществами и между людьми в одном и том же сообществе, минимально приемлемый уровень дохода для достижения одного и того же минимально приемлемого уровня возможностей становится переменной величиной – в зависимости от личностных и социальных характеристик. Тем не менее, поскольку минимальные возможности могут быть реализованы путем повышения уровня дохода (с учетом других личностных и социальных характеристик, от которых зависят возможности), можно выяснить (для определенных личностных и социальных характеристик) минимально приемлемый доход, необходимый для достижения минимально приемлемых уровней возможностей. Как только мы устанавливаем данное соотношение, становится неважно, определяется ли бедность в терминах неосуществления базовых возможностей, или как отсутствие *соответствующего* минимально приемлемого дохода³⁶.

---

35. Об этом см.: Sen (1983c). См. также: Drèze and Sen (1989), Hossain (1990).

36. С технической точки зрения в этом анализе используется «инверсная функция», возвращающая нас от установленных уровней возможностей к необхо-

Возможности и благосостояние

Таким образом, более точное с точки зрения мотивации описание бедности как неосуществления базовых возможностей можно рассматривать и в более традиционном формате недостаточности дохода. Различие в формулировках несущественно. Важно учитывать межличностные и межсоциальные вариации соотношения между доходами и возможностями. Именно в этой сфере находится уникальный вклад подхода с точки зрения возможностей в анализ бедности.

10. Связи и противоречия с учением Аристотеля

В опубликованных ранее работах я высказывался о связях подхода с точки зрения возможностей с некоторыми аргументами Адама Смита и Карла Маркса³⁷. Однако, как представляется, наиболее сильны его концептуальные взаимосвязи с Аристотелевым видением блага человека. Марта Нуссбаум (Martha Nussbaum (1988, 1990)) блестяще обсудила Аристотелев анализ «политического распределения» и его соотношение с подходом с точки зрения возможностей. Представление Аристотеля о благе человека явным образом связано с необходимостью «первоначального выявления функций человека» и с последующим исследованием «жизни в контексте деятельности»³⁸. Основания справедливого распределения возможностей в зависимости от функций занимают центральное место в Аристотелевой теории политического распределения. В процессе толкования обширных сочинений Аристотеля по этике и политике можно заметить определенную двусмысленность и некоторые натяжки между различными его утверждениями, но признание им решающего значения функциональных действий и возможностей индивида проступает достаточно ясно, особенно в политическом контексте распределительных механизмов.

Хотя связь с учением Аристотеля несомненно важна, следует обратить внимание на некоторые существенные различия между

димым доходам, с учетом других факторов, влияющих на возможности. Эта процедура неприменима в данной форме, если есть люди, которые находятся в столь неблагоприятном положении с точки зрения личностных характеристик, что никакой уровень дохода не может позволить им реализовать минимально приемлемые базовые возможности; такие люди будут неизменно идентифицироваться как бедные.

37. См. в частности: Smith (1776) и Marx (1844). Связи обсуждаются в работах: Sen (1984, 1985a, 1987b).

38. См. в частности: *The Nicomachean Ethics*, Bk I, s. 7; in the translation by Ross (1980: 12–14).

Амартия Сен

использованием видов функционирования и возможностей в методе, который я назвал подходом с точки зрения возможностей, и использованием этих понятий в анализе Аристотеля. Как отмечает Nussbaum (1988), Аристотель считает, что «есть только один перечень действий (по крайней мере, на определенном уровне общения), которые фактически формируют благую жизнь человека» (р. 152). Этот взгляд не является несовместимым с представленным здесь подходом с точки зрения возможностей, но данный подход никоим образом *не требует* такого взгляда.

В самом деле, подход с точки зрения возможностей использовался (например, в работе: Sen, 1983с, 1984) для обоснования довода, согласно которому, хотя *товарные* потребности таких возможностей как «возможность принимать участие в жизни сообщества» или «возможность появляться на людях без стыда» сильно варьируются в различных сообществах (придавая «черте бедности» релятивистский характер в пространстве товаров), гораздо меньше варьируются *возможности*, реализуемые путем использования этих товаров. Этот довод о меньшей вариативности на более глубоком уровне явно связан с Аристотелевым определением «неотносительных добродетелей», но Аристотелевы заявления об уникальности идут гораздо дальше³⁹.

Марта Нуссбаум, как последователь Аристотеля, отмечает это различие, а также указывает на активное использование Аристотелем объективистской концепции, основанной на особом взгляде на человеческую природу. Она утверждает:

Как мне представляется, Сену нужно быть более радикальным, чем он был до сих пор, в своей критике утилитаристских объяснений благосостояния, путем введения объективного нормативного объяснения видов функционирования человека и описания процедуры объективной оценки видов функционирования на предмет их роли в благой жизни человека⁴⁰.

Я допускаю, что это действительно систематический метод преодоления незавершенности подхода с точки зрения возможностей. У меня определенно нет серьезных возражений против того, чтобы кто-то шел по этому пути. Мои затруднения с принятием этого пути как *единственного* отчасти связаны с опасением, что этот взгляд на человеческую природу (с уникальным перечнем видов функционирования, необходимых для благой человеческой жизни) может быть чрезвычайно переопределенным, а также с моей склонностью оспаривать характер и значение того вида объективности, который присутствует в этом подходе. Но главным образом моя непримири-

---

39. Об этом см.: Nussbaum (1990).

40. Nussbaum (1988: 176).

Возможности и благосостояние

мость проистекает из соображения о том, что использование подхода с точки зрения возможностей как такового не вынуждает идти этим путем, и осознанная незавершенность подхода с точки зрения возможностей позволяет идти другими путями, которые также обладают некоторой убедительностью. Как мне представляется, именно обоснованность и практическая применимость общего подхода (следует отличать его от оценочного предварительного варианта) дает достаточные основания для отделения общей аргументации в пользу подхода с точки зрения возможностей (в том числе, *помимо прочего*, Аристотелевой теории) от частного случая принятия *исключительно* данной конкретной Аристотелевой теории.

На самом деле, не имеет значения, пойдём ли мы до конца по пути Аристотеля, что также потребует серьёзного расширения теории для практической оценки, или по какому-либо другому пути, практически нет сомнений, что *общий* аргумент, используемый Аристотелем для мотивации своего подхода, имеет более широкое значение, нежели обоснование конкретной формы, придаваемой им природе блага человека. Это применимо, *помимо прочего*, к отрицанию Аристотелем богатства как критерия достижения (отрицание богатства и дохода как стандартов), к его анализу *эвдемонии* в терминах ценных действий (в отличие от толкования состояний ума, как в некоторых системах утилитаризма) и к его утверждению о необходимости исследования процессов, посредством которых осуществляется выбор человеческих действий (что указывает на значение свободы как части жизни).

11. Незавершенность и сущностное содержание

Критика с позиций Аристотеля указывает на более общую проблему, а именно, на «незавершенность» подхода с точки зрения возможностей как в формулировании субстантивных суждений, так и в предоставлении всесторонней теории оценки. Весьма несхожие между собой теории ценности могут согласовываться с подходом с точки зрения возможностей и разделять с ним общую особенность – выбор ценностных объектов из видов функционирования и возможностей. Кроме того, подход с точки зрения возможностей может использоваться совместно с различными методами определения относительных весов и с различными механизмами фактической оценки. Если рассматривать данный подход как теорию алгоритмической оценки, он оказывается явно незавершенным⁴¹.

---

41. Этот тезис относится к одному из аспектов критики, представленной в работе: Beitz (1986).

Амартия Сен

Вполне может быть задан вопрос: зачем делать паузу после выведения общего подхода, оставляя много пробелов, вместо того чтобы «завершить задачу»? Мотивация этой паузы связана с признанием того, что согласие в отношении применимости подхода с точки зрения возможностей – согласие в отношении природы «пространства» ценностных объектов – не обязательно *подразумевает в качестве предварительного условия* согласие в отношении возможного способа завершения процедуры оценки. Возможно несогласие и в отношении *оснований*, на которых осуществляется определение относительных весов, и в отношении *фактически* выбранных относительных весов⁴² даже при наличии обоснованного согласия в отношении общей природы ценностных объектов (в данном случае – личностных видов функционирования и возможностей). Если рассматривать обоснованное согласие как важное основополагающее качество, играющее центральную роль в политической и социальной этике⁴³, доводы в пользу такой паузы понять не так трудно. Тот факт, что подход с точки зрения возможностей согласуется и допускает возможность объединения с несколькими различными независимыми теориями, не должен быть источником затруднений.

Интересно, что, невзирая на незавершенность, подход с точки зрения возможностей обладает значительной «отсекающей способностью». На самом деле, более перспективный аспект довода в пользу подхода с точки зрения возможностей заключается в том, что именно он отрицает. Он отличается от стандартных подходов на основе полезности тем, что не настаивает на необходимости оценки *только счастья* (вместо этого он рассматривает состояние счастья как один из нескольких ценностных объектов) или *только исполнения желаний* (вместо этого он рассматривает желание как полезное, но несовершенное (часто искаженное) подтверждение ценностных предпочтений индивида)⁴⁴. Он также отличается от других (не утилитаристских) подходов тем, что не относит к ценностным объектам *сырьевые товары как таковые* (принимая эти переменные Ролза лишь опосредованно и инструментально, и только в той мере, в которой эти товары активизируют реализацию возможностей) или *ресурсы как таковые* (оценивая этот подход Дворкина только в терминах влияния ресурсов на виды функционирования и возможности), и так далее⁴⁵.

---

42. Об этом см.: Sen (1985b: chs. 5–7).

43. По данному вопросу см.: Rawls (1971), Scanlon (1982), B. Williams (1985).

44. Сравнения и противопоставления подхода с точки зрения возможностей и утилитарных воззрений см. в работах: Sen (1984, 1985a).

45. См.: Rawls (1971, 1988a, 1988b), Dworkin (1981), Sen (1980, 1984, 1990a).

Возможности и благосостояние

Общее принятие характеристического и центрального значения различных видов функционирования и возможностей, образующих нашу жизнь, обладает существенной отсекающей способностью, но оно не обязательно должно основываться на предварительном соглашении об относительных ценностях различных видов функционирования или возможностей или на конкретной процедуре определения этих относительных ценностей.

В самом деле, можно утверждать о возможной ошибочности упорного продвижения вперед до выработки единственного механизма определения относительных весов или (обращаясь к другому аспекту «незавершенности») до получения единственной интерпретации метафизики ценности. Есть существенные различия между различными этическими теориями на различных уровнях от мета-этического (в том числе по таким проблемам как объективность) до мотивационного, и представляется неочевидным, что содержательной политической и социальной философии целесообразно настаивать на разрешении всех этих общих проблем до достижения соглашения о выборе пространства оценки. Подобно тому, как использование фактических весов в практических исследованиях может быть основано на принятии определенного диапазона вариабельности весов (как я пытался объяснить в контексте применения подхода с точки зрения возможностей⁴⁶), даже общее логическое обоснование использования данного подхода может согласовываться с определенными диапазонами ответов на основополагающие вопросы.

12. Заключительные комментарии

В данной статье я попытался обсудить основные особенности подхода к оценке с точки зрения возможностей: его утверждения, применение, логическое обоснование, проблемы. Я также рассмотрел некоторые критические замечания, высказанные в отношении данного подхода. Я не буду пытаться резюмировать основные утверждения статьи, но прежде чем закончить, я хотел бы отметить множественность возможных применений подхода с точки зрения возможностей.

Существует ряд различных проблем оценки, связанных с несоизмеримыми ценностными целями. Одними из важных разграничений являются разграничение между обеспечением благо-

---

46. См.: Sen (1985b); об общей стратегии использования «пересекающихся частичных порядков» см.: Sen (1970, 1977).

Амартия Сен

состояния и агентскими целями, а также разграничение между достижением и свободой. Четыре категории личностной оценки и межличностного сравнения, вытекающие из этих двух разграничений (а именно, достижение благосостояния, свобода в реализации благосостояния, агентское достижение, свобода в реализации агентских целей), связаны друг с другом, но не идентичны. Подход с точки зрения возможностей можно применять для каждого из этих различных видов оценки, хотя сфера его применимости к каждому из этих видов неодинакова. Он особенно уместен для оценки благосостояния – как в аспекте достижения, так и в аспекте свободы, а также для решения связанной с ним проблемы оценки стандартов уровня жизни.

Что касается социальных суждений, то индивидуальные оценки непосредственно предоставляют данные для социальных оценок. Хотя первоначальная мотивация к применению подхода с точки зрения возможностей была связана с рассмотрением вопроса о видах равенства (Сен, 1980), применение подхода к равенству (если такое применение успешно) не обязательно ограничивать только равенством⁴⁷. Применимость подхода в эгалитарном математическом анализе зависит от правдоподобия рассмотрения индивидуальных преимуществ в терминах возможностей; приняв такое правдоподобие, можно показать, что один и тот же общий взгляд уместен и для других видов социальных оценок и агрегирования.

Потенциально широкая сфера применения подхода с точки зрения возможностей не удивительна, поскольку подход с точки зрения возможностей показывает убедительность определенного *пространства* оценки возможностей и успеха индивида. Такое пространство имеет потенциальное значение для любого социального математического анализа, в котором индивидуальные преимущества играют определяющую роль.

Литература

- Aristotle (4th c. bc). *The Nicomachean Ethics*: see Ross (1980).
Arneson R. (1987). Equality and Equality of Opportunity for Welfare // *Philosophical Studies*. S4.
Asahi J. (1987). On Professor Sen's Capability Theory, mimeographed, Tokyo.
Basu K. (1987). Achievements, Capabilities and the Concept of Well-being // *Social Choice and Welfare*, 4.

---

47. На самом деле вопросу о видах равенства также соответствует вопрос о видах эффективности.

Возможности и благосостояние

- Beitz C. R. (1986). Amartya Sen's *Resources, Values and Development* // *Economics and Philosophy*, 2.
- Brannen J., and Wilson G. (eds). (1987). *Give and Take in Families*. London: Allen and Unwin.
- Broome J. (1988). Review of *On Ethics and Economics* and *The Standard of Living in London* // *Review of Books*.
- Campbell R. H. and Skinner A. S. (eds). (1976). *Adam Smith, An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Oxford: Clarendon Press.
- Cohen G. A. (1989). On the Currency of Egalitarian Justice // *Ethics*, 99.
- (1990). Equality of What? On Welfare, Goods and Capabilities // *Recherches Economiques de Louvain*, 56.
- Culyer A. J. (1985). The Scope and Limits of Health Economics // *Okonomie des Gesundheitswesens*.
- Dasgupta P. (1986). Positive Freedom, Markets and the Welfare State // *Oxford Review of Economic Policy*, 2.
- (1988). Lives and Well-being // *Social Choice and Welfare*, 5.
- (1989). Power and Control in the Good Polity // Hamlin and Pettit.
- d'Aspremont C. and Gevers L. (1977). Equity and the Informational Basis of Collective Choice // *Review of Economic Studies*, 46.
- de Beus Jos (1986). Sen's Theory of Liberty and Institutional Vacuum, University of Amsterdam.
- de Vos K. and Hagenars Aldi J. M. (1988). A Comparison between the Poverty Concepts of Sen and Townsend, mimeographed, University of Leiden.
- Deaton A. and Muellbauer J. (1980). *Economics and Consumer Behaviour*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Delbono F. (1987). Review article on *Commodities and Capabilities*, *Economic Notes*.
- Drèze J. and Sen A. (1989). *Hunger and Public Action*. Oxford: Clarendon Press.
- Dworkin R. (1981). What is Equality? Part 2: Equality of Resources // *Philosophy and Public Affairs*, 10.
- Elster J. and Hylland A. (eds). (1986). *Foundations of Social Choice Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gaertner W. (1988). Review of *Commodities and Capabilities* in *Zeitschriften fur National Okonomie*, 48.
- Goodin R. E. (1985). *Political Theory and Public Policy*. Chicago and London: University of Chicago Press.
- (1988). *Reasons for Welfare: Political Theory of the Welfare State*. Princeton: Princeton University Press.
- Griffin J. (1986). *Well-being*. Oxford: Clarendon Press.
- Griffin K. and Knight J. (eds). (1989a). Human Development in the 1980s and Beyond // special number, *Journal of Development Planning*, 19.
- (1989b). Human Development: The Case for Renewed Emphasis // *Journal of Development Planning*, 19.
- Hamlin A. P. (1986). *Ethics, Economics and the State*. Brighton: Wheatsheaf Books.
- Hamlin A. and Pettit P. (eds). (1989). *The Good Polity: Normative Analysis of the State*. Oxford: Blackwell.
- Hare R. (1981). *Moral Thinking*. Oxford: Clarendon Press.
- Harrison R. (ed.) (1979). *Rational Action*. Cambridge: Cambridge University Press.

Амартия Сен

- Hawthorn, G. (1987). Introduction, in Sen (1987b).
- Helm D. (1986). The Assessment: The Economic Border of the State // *Oxford Review of Economic Policy*, 2.
- Hossain I. (1990). *Poverty as Capability Failure*. Helsinki: Swedish School of Economics and Business Administration.
- Kakwani N. (1986). *Analysing Redistribution Policies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kanbur R. (1987). The Standard of Living: Uncertainty, Inequality and Opportunity, in Sen (1987b).
- Koohi-Kamali F. (1988). The Pattern of Female Mortality in Iran and some of its Causes. Applied Economics Discussion Paper 62, Oxford Institute of Economics and Statistics.
- Koopmans T. C. (1964). On Flexibility of Future Preference // M.W. Shelly and G.L. Bryan (eds). *Human Judgments and Optimality*. New York: Wiley.
- Kreps D. (1979). A Representation Theorem for Preference for Flexibility // *Econometrica*, 47.
- Kumar B. G. (1987). Poverty and Public Policy: Government Intervention and Level in Kerala, India. D. Phil, dissertation, Oxford University.
- Kynch, J., and Sen, A. (1983). Indian Women: Well-being and Survival // *Cambridge Journal of Economics*, 7.
- Liddell H. G. and Scott R. (1977). *A Greek-English Lexicon*, extended by H. S. Jones and R. McKenzie. Oxford: Clarendon Press.
- Luker W. (1986). Welfare Economics, Positivist? Idealism and Quasi-Experimental Methodology, mimeographed, University of Texas, Austin.
- Marx K. (1844). *Economic and Philosophic Manuscripts*. English translation. London: Lawrence and Wishart, 1977.
- McMurrin S. M. (ed.) (1980). *Tanner Lectures on Human Values*, i. Salt Lake City: University of Utah Press, and Cambridge: Cambridge University Press.
- Muellbauer J. (1987). Professor Sen on the Standard of Living, in Sen (1987b).
- Nussbaum M. (1988). Nature, Function, and Capability: Aristotle on Political Distribution // *Oxford Studies in Ancient Philosophy*, suppl. vol.
- (1990). Non-Relative Virtues: An Aristotelian Approach // *Midwest Studies in Philosophy*, 13.
- Pattanaik P. K. and Xu Yongsheng (1990). On Ranking Opportunity Sets in Terms of Freedom of Choice // *Recherches Economiques de Louvain*, S6.
- Pigou A. C. (1920). *The Economics of Welfare*. London: Macmillan.
- Rawls J. (1971). *A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, and Oxford: Clarendon Press.
- (1988a). Priority of Right and Ideas of the Good // *Philosophy and Public Affairs*, 17.
- (1988b). Reply to Sen, mimeographed, Harvard University.
- et al. (1987). *Liberty, Equality, and Law: Selected Tanner Lectures on Moral Philosophy*, S. McMurrin (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, and Salt Lake City: University of Utah Press.
- Riley J. (1988). *Liberal Utilitarianism: Social Choice Theory and J. S. Mill's Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ringen J. (1987). *The Possibility of Politics: A Study of the Economy of the Welfare State*. Oxford: Clarendon Press.

Возможности и благосостояние

- Roemer J. (1982). *A General Theory of Exploitation and Class*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- (1986). An Historical Materialist Alternative to Welfarism // Elster and Hylland (1986).
- Ross D. (1980). Aristotle // *The Nicomachean Ethics*. The World's Classics. Oxford: Oxford University Press.
- Scanlon T. M. (1979). Preference and Urgency // *Journal of Philosophy*, 72.
- (1982). Contractualism and Utilitarianism, in Sen and Williams.
- Schokkaert E., and van Ootegem L. (1990). Sen's Concept of the Living Standard Applied to the Belgian Unemployed // *Recherches Economiques de Louvain*, S6.
- Seabright P. (1989). Social Choice and Social Theories // *Philosophy and Public Affairs*, 18.
- Sen A. K. (1970). *Collective Choice and Social Welfare*. San Francisco: Holden-Day. Republished Amsterdam: North-Holland, 1979.
- (1977). On Weights and Measures: Informational Constraints in Social Welfare Analysis // *Econometrica*, 45.
- (1980). Equality of What? (1979 Tanner Lecture at Stanford), in McMurrin (1980); repr. in Sen (1982a) and Rawls *et al.* (1987).
- (1982a). *Choice, Welfare and Measurement*. Oxford: Blackwell, and Cambridge, Mass.: MIT Press.
- (1982b). Rights and Agency // *Philosophy and Public Affairs*, 11.
- (1983a). Liberty and Social Choice // *Journal of Philosophy*, 80.
- (1983b). Development: Which Way Now? // *Economic Journal*, 93; repr. in Sen (1984).
- (1983c). Poor, Relatively Speaking // *Oxford Economic Papers*, 35; repr. in Sen (1984).
- (1984). *Resources, Values and Development*. Oxford: Blackwell, and Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- (1985a). Well-being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984 // *Journal of Philosophy*, 82.
- (1985b). *Commodities and Capabilities*. Amsterdam: North-Holland.
- (1985c). Women, Technology and Sexual Divisions // *Trade and Development*, 6.
- (1987a). *On Ethics and Economics*. Oxford: Blackwell.
- (1987b). *The Standard of Living* (1985 Tanner Lectures at Cambridge, with contributions by Keith Hart, Ravi Kanbur, John Muellbauer, and Bernard Williams, edited by G. Hawthorn). Cambridge: Cambridge University Press.
- (1988a). Freedom of Choice: Concept and Content // *European Economic Review* 32.
- (1988b). The Concept of Development // H. Chenery and T. N. Srinivasan (eds). *Handbook of Development Economics*. Amsterdam: North-Holland.
- (1990a). Justice: Means versus Freedoms // *Philosophy and Public Affairs*, 19.
- (1990b). Gender and Cooperative Conflicts, in Tinker (1990).
- (1991). Preference, Freedom and Social Welfare // *Journal of Econometrics*, 50.
- (1992). *Inequality Reexamined*. Oxford: Clarendon Press.
- and Williams B. (eds). (1982). *Utilitarianism and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sircar D. C. (1979). *Asokan Studies*. Calcutta: Indian Museum.

Амартия Сен

- Smith Adam (1776). *An Inquiry into the Nature of Causes of the Wealth of Nations*: see Campbell and Skinner (1976).
- Steiner H. (1986). *Putting Rights in their Place: An Appraisal of Amartya Sen's Work on Rights*, mimeographed, University of Manchester.
- Stewart F. (1988). *Basic Needs Strategies, Human Rights and the Right to Development*, mimeographed, Queen Elizabeth House.
- Streeten P. (1984). *Basic Needs: Some Unsettled Questions* // *World Development*, 12.
- Streeten P., et al. (1981). *First Things First; Meeting Basic Needs in Developing Countries*. New York: Oxford University Press.
- Sugden R. (1986). Review of *Commodities and Capabilities*, *Economic Journal*, 96.
- Suppes P. (1987). *Maximizing Freedom of Decision: An Axiomatic Analysis* // G. R. Feiwel (ed.). *Arrow and the Foundations of Economic Policy*. New York: New York University Press.
- Suzumura K. (1988). Introduction to the Japanese translation of *Commodities and Capabilities*. Tokyo: Iwanami.
- Tinker I. (ed.) (1990). *Persistent Inequalities*. New York: Oxford University Press.
- Williams A. (1985). *Economics of Coronary Bypass Grafting* // *British Medical Journal*, 291.
- (1991). *What is Health and Who Creates it?* // J. Hutton et al. (eds). *Dependency to Enterprise*. London: Routledge.
- Williams B. (1985). *Ethics and the Limits of Philosophy*. London: Fontana, and Cambridge, MA: Harvard University Press.
- (1987). *The Standard of Living: Interests and Capabilities*, in Sen (1987b).
- Wilson G. (1987). *Money in the Family*. Aldershot: Avebury.
- Zamagni S. (1986). *Introduzione*, in A. Sen, *Scelta, Benessere, Equita*. Bologna: Il Mulino.

Часть IV
*Направления
в экономической
методологии*

Как уже объяснялось во введении к этой книге, в последнее время появилось множество ценных работ, посвященных экономической методологии. В этой части предлагается лишь малая часть научных трудов на эту тему.

Выбирая эти несколько статей из более чем сотни возможных, я стремился представить читателям и общую направленность всего разнообразия современных работ, и наиболее влиятельные методологические подходы, и самых известных авторов.

В двух первых статьях рассматриваются два наиболее важных подхода к экономической науке, которые конкурируют с магистральным направлением экономической науки. Джеймс Бьюкенен и Виктор Ванберг предлагают в ведение в особую методологию «австрийской школы», а Джеффри Ходжсон рассматривает подходы институционалистской или так называемой эволюционной экономической теории.

Затем в следующей статье блестящий автор, известный специалист по истории экономики, смелый инноватор Дейдра Макклоски ставит под сомнение претензии методологов на определение ими направлений исследований в экономической науке и утверждает, что риторика как исследование способов убеждения является более перспективным и плодотворным подходом.

Статьи Ускали Мяки и Тони также посвящены вопросам методологии. Авторы этих статей призывают к коренному пересмотру роли и места методологии в экономической науке. И Мяки, и Лоусон считают, что в центре внимания методологов должны находиться онтологические обязательства – исследование того, что экономисты считают реальным. В то же время исследования этих ученых ведутся в заметно различающихся друг от друга направлениях. В частности, по мнению Лоусона, одним из результатов онтологического исследования становится решительная критика магистрального течения экономической науки.

Джули Нельсон в своей статье исследует гендерно-дифференцированные предположения экономического мейнстрима, а также возможности новых научных открытий, источником которых становится повышенное внимание как к этим допущениям, так и к специфическим экономическим обстоятельствам, в которых находятся женщины. В последней главе книги Роберт Сагден предлагает новый подход к теоретическим моделям и высказывает свои соображения о том, почему эти модели играют доминирующую роль в экономической науке.

Я надеюсь, что представленные в этой части эссе и, конечно, антология в целом разожгут «аппетит» читателя к новым экономическим публикациям.

16

Рынок как созидательный процесс¹

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

ДЖЕЙМС БЬЮКЕНЕН (род. 1919) – консультативный генеральный директор Центра изучения общественного выбора и профессор Университета Джорджа Мейсона. Свою докторскую степень он получил в Университете Чикаго. Более всего известен научными трудами по политической экономии. В 1986 году Дж. Бьюкенен был удостоен Нобелевской премии по экономике в знак признания его работ, посвященных анализу процесса принятия экономических и политических решений.

ВИКТОР ВАНБЕРГ (род. 1943) – профессор экономической теории Университета Джорджа Мейсона и соредaktor журнала *Constitutional Political Economy*, обладатель докторских степеней Технического университета в Берлине и Мангеймского университета. Сфера научных интересов В. Ванберга – экономическая теория институтов и политическая экономия.

✻

-
1. James M. Buchanan and Viktor J. Vanberg. *The Market as a Creative Process // Economics and Philosophy*. 1991. Vol. 7. No. 2. P. 167–186.

Первый вариант этого эссе был представлен в качестве доклада на конференции Фонда свободы «Исследования свободы и самоорганизующихся систем», прошедшей 26–29 апреля 1990 года в Рио-Рико (штат Аризона, США). При его подготовке мы получили полезные комментарии наших черновых набросков от Гартмута Климта, Карен Вон, Джека Уайзмана и анонимного рецензента.

Перевод с английского Ю. Каптуревского.

355

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

Разве Пирр не пал в Аргосе от руки старой ведьмы, а Юлиа Цезаря не закололи кинжалом? Их уже не изгнать из памяти. Время поставило на них свою мету и заключило, сковав в пространстве, что занимали уничтоженные ими бесчисленные возможности. Но были ль они возможны, если их так и не было? Или то лишь было возможным, что состоялось?

Джеймс Джойс²

1. Введение

Достижения современной теоретической физики и химии в области исследования поведения нелинейных систем, примеры которых приводятся в книге Ильи Пригожина, посвященной термодинамике открытых систем (Prigogine and Stengers, 1984; Пригожин и Стенгерс, 1986), привлекают всевозрастающее внимание экономистов (Anderson, Arrow, and Pines, 1988; Arthur, 1990; Baumol and Benhabib, 1989; Mirowski, 1990; Radzicki, 1990). В этой статье мы намереваемся установить связь между новой ориентацией в естественных науках и особым неортодоксальным течением в экономической теории. Условием исполнения этого намерения является правильное понимание сущности общей главной темы нашей инициативы, предполагающей переход от детерминизма традиционной физики (вероятно, вдохновившей неоклассическую программу исследований в экономической науке) к нетелеологическому открытому креативному и недетерминированному по своей природе эволюционному процессу.

Пригожин и Стенгерс характеризуют это изменение перспективы как «концептуальное перевооружение физических наук», как переход «от детерминистических, обратимых процессов... к стохастическим и необратимым процессам» (Prigogine and Stengers, 1984, p. 177; Пригожин и Стенгерс, 1986, с. 236). Если раньше акцент делался на равновесии, то сейчас он переносится на неравновесие как «источник спонтанной самоорганизации», на процессы самоорганизации в открытых системах, далеких от термодинамического равновесия (Prigogine, 1985, p. 108; Пригожин, 1987, с. 53).

---

2. Джеймс Джойс. *Улисс*. М.: Республика, 1993. С. 23.

Рынок как созидательный процесс

Характерной чертой такого рода систем является присутствие нелинейностей, способных усиливать «малые причины» до «огромных следствий». В критически важных точках (которые называют *точками бифуркации*) самые незначительные события способны вызвать важные макроэффекты в том смысле, что они «решают», на какой именно из числа в равной степени возможных путей встанет система; данное обстоятельство вводит стохастический элемент и приводит процессы самоорганизации во внутренне недетерминированные, далекие от равновесия условия³. В такого рода процессах проявляется смешение необходимости и случайности, результатом которых, по замечанию Пригожина и Стенгерс, становится уникальный и необратимый «исторический путь эволюционирования системы» (Prigogine and Stengers, 1984, p. 169 и далее; Пригожин и Стенгерс, 1987, с. 228 и далее).

Нам предлагается обобщенная перспектива перемещения в фокус внимания креативности и открытости как основных черт эволюции неравновесных систем; перспектива, *лейтмотив* которой звучит как «будущее не дано раз и навсегда» (Prigogine, 1986, p. 493; Пригожин, 1989, с. 17), но создается в развертывающемся эволюционном процессе⁴. Такие авторы, как П. М. Аллен и Дж. С. Вicken, говорят о новом эволюционном синтезе (Allen, 1988, p. 99; Wicken, 1987, p. 3), о «едином взгляде на мир, который преодолевает разрыв между естественными и гуманитарными науками» (Allen, 1988, p. 118). Обсуждая значение «нового эволюционного синтеза» для экономической теории, Аллен особенно подчеркивает *микроскопическое разнообразие*. «Запутанная, сбивающая с толку сложность реального мира» (Allen, 1988, p. 99) является главным предметом эволюционного подхода в противоположность перспективе типизации и классификации, в соответствии с которой микроскопическое разнообразие и вариации считаются незначительными отклонениями, исключаемыми посредством класси-

---

3. Пригожин и Стенгерс: «Когда система, эволюционируя, достигает точки бифуркации, детерминистическое описание становится непригодным. Флуктуация вынуждает систему выбрать ту ветвь, по которой будет происходить дальнейшая эволюция системы. Переход через бифуркацию — такой же случайный процесс, как бросание монеты» (Prigogine and Stengers, 1984, p. 177; Пригожин и Стенгерс, 1986, с. 236–237).

4. Пригожин: «[Мы] идем к открытому миру, в котором прошлое является настоящим и кумулятивным, в котором есть настоящее, но отсутствует будущее... Будущее еще не существует, будущее еще создается, создается в процессе всех ведущихся в настоящее время видов деятельности» (Prigogine, 1985, p. 117; Пригожин, 1987, с. 54).

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

фикации и агрегирования⁵. На микроскопическом уровне движущими силами эволюционных процессов являются изменчивость и индивидуальные различия; в силу потенциальной способности к генерированию нового они выступают как критически важные ингредиенты эволюции. Как указывает Аллен, «естественным образом присутствующие в реальных комплексных системах флуктуации, мутации и внешне произвольные движения представляют собой творческую и созидательную силу, пронизывающую все сущее в настоящем» (Allen, 1988, p. 108). Аллен усматривает здесь важное различие между эволюционной перспективой и перспективой, формирующейся вокруг идеи о predetermined равновесных состояниях, различие между новой парадигмой самоорганизации и «ньютоновской парадигмой», в которой «полностью отсутствует представление о „творческих процессах“» (Ibid., p. 97)⁶.

-
5. Аналогично критически важное значение индивидуального разнообразия и вариаций с точки зрения эволюционной перспективы подчеркивал биолог Э. Майр, использовавший в этом контексте термин «популяционное мышление»: «Приверженцы популяционного мышления подчеркивают уникальность всех элементов органического мира. Приоритетным для них является индивидуальное, а не типическое... Для них не существует «типичных представителей», а средние значения — это не более чем абстракции... Различия между биологическими индивидуальностями реальны, тогда как средние значения, исчисляемые для того, чтобы сравнивать образуемые индивидуальностями группы (например, биологические виды), представляют собой человеческие умозаключения» (Mayr, 1982, p. 46 и далее). Майр противопоставляет «популяционное» и «эссенциалистское» мышление: «Принятие популяционного мышления тесно связано с отказом от эссенциалистского мышления. Вариация нерелевантна и тем самым неинтересна эссенциалисту. На языке эссенциализма различия признаков являются чистыми случайностями» (Ibid., p. 487).
6. Как отмечает П. Аллен, необходимо отдавать себе отчет «в существовании важного различия между вопросом о том, подчиняется ли система законам физики... или же ее поведение может быть предсказано на основе знания этих законов» (Allen, 1985, p. 268 и далее). По словам ученого, для нелинейных систем, в силу смешения присущих им детерминистских и стохастических аспектов, может выполняться лишь только первое положение (Ibid., p. 270). Аргумент Аллена совпадает с ремаркой К. Р. Поппера в «Открытой вселенной»: «Следует различать каузальность и детерминизм; и наш мир уникальности — в отличие от ноуменального мира Канта — находится в пространстве и, что, возможно, еще важнее, во времени, поскольку я придаю большое значение различию между детерминированным *прошлым* и открытым *будущим*» (Popper, 1982, p. 48). Ссылаясь на работу Пригожина, в том же самом научном труде Поппер заявляет: «Мы не имеем права... не видеть тот факт, что питающая жизнь вселенная является созидательной и творческой в лучшем смысле этого слова; творческой в том смысле, в каком творцами были великие поэты, великие художники и великие музыканты,

Рынок как созидательный процесс

Как уже отмечалось, мы намереваемся, во-первых, выделить корпус критики ортодоксальной теории равновесия в экономической науке, который, по-видимому, тесно согласуется с упоминавшимися исследованиями в естественных науках, и, во-вторых, конкретизировать следствия этой (*радикально субъективистской*) критики в специфических деталях, особенно в отношении ее ближайшей «соседки» — теории предпринимательства Израэла Кирцнера.

2. Субъективизм, рост знаний и недетерминированность

Статья П. М. Аллена — всего лишь один пример из непрестанно растущего числа комментариев относительно очевидной значимости *нового эволюционного синтеза* для переориентации экономической теории. Доводы о необходимости ограничения сферы использования моделей равновесия даже в традиционных областях физики и химии, *a fortiori* распространяются на сферу экономической науки. Концепция равновесия непосредственно связана с мировоззрением, согласно которому будущие угрозы непосредственно вырастают из настоящего. В принципе, будущие состояния действительно могут быть предсказаны на основе достаточных знаний о настоящем, то есть если бы наши знания от бесконечно сложной реальности не были ограничены. И наоборот, глубинная сущность новой парадигмы заключается в созидательности самой природы, в том, что истинная новизна и непредсказуемые результаты генерируются по мере разворачивания эволюционного процесса во времени. Наиболее сильно аргумент о созидательности «звучит» в тех случаях, когда речь заходит о социальных процессах, движущими силами которых являются человеческий выбор и изобретательность⁷.

В некотором отношении критика экономической ортодоксии с жестких *субъективистских* позиций (развивавшаяся, как нам из-

---

равно как и великие математики, великие ученые и великие изобретатели» (Ibid., p. 174).

7. Пригожин: «Ясно, что социальная система по определению является нелинейной, поскольку взаимодействие между членами общества может носить каталитический эффект. Прекрасный пример подобного усиления... приобретение знаний... Вместо представлений о человеческих системах, раскрывающихся в терминах «равновесие» или «механизм», мы видим постоянно развивающийся мир, для которого характерна неточная информация и изменяющиеся ценности, мир, имеющий множество вариантов будущего» (Prigogine, 1986, p. 503; Пригожин, 1989, с. 17).

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

вестно, независимо от обсуждавшейся нами выше литературы) обладает поразительным по силе импульсом⁸. Прежде всего следует отметить, что под рубрику «субъективизм» невозможно отнести сколько-нибудь четко определенный корпус научных идей. Этот термин был принят и использовался для обозначения целого ряда направлений экономической науки, приверженцы которых, в общем, разделяли критику неоклассической структуры общего равновесия. Однако эти направления ни в коей мере не являются теоретически однородными. Учитывая заявленную нами оговорку, мы хотели бы сосредоточиться на обсуждении того, что часто называют *радикальным субъективизмом*, — позиции, ассоциирующейся прежде всего с именем Дж. Л. Ш. Шекла (Shackle, 1979), а также с трудами таких авторов, как Л. М. Лахман, Дж. Уайзмен и С. К. Литтлчайлд. В третьем разделе мы обратимся к анализу австрийского варианта субъективизма, представленного работой И. Кирцнера о предпринимательстве, а также рассмотрим различия, которые видит Кирцнер между своей собственной позицией и «радикальным субъективизмом»⁹.

«Основной ударной силой» предпринятого Шеклом штурма «неоклассической цитадели» (Lachmann, 1976, p. 54), а также центральным положением радикальных субъективистских воззрений вообще является вопрос о том, какие требования мы можем предъявить к нашим знаниям о будущем в попытках достичь понимания мира человеческих отношений. Основное возражение противников неоклассической теории общего равновесия состоит в том, что она опирается на полностью необоснованные допущения относительно познаваемости будущего не только в их предельном варианте предположения о совершенном знании, но и в более мягких разновидностях, таких как допущения о рациональных ожиданиях и байесовской адаптивной рациональности. Радикальный субъективизм никак не может обойти то основополагающее обстоятельство, что все происходящее в социальной действительности зависит от человеческого выбора, выбора, который — если речь действительно идет о *выборе* — может быть различным и может иметь различные последствия¹⁰. Таким образом, возможно,

---

8. Это сходство было подмечено в работе: Fehl, 1986; см. также: Witt, 1985.

9. Известны и другие, отличные как от «радикальной», так и от австрийской школы разновидности «экономического субъективизма». В частности, один из авторов данной статьи длительное время развивает подход с точки зрения «альтернативных издержек» (Buchanan, 1969, 1987). Впрочем, в настоящей статье не будут обсуждаться ни этот, ни другие возможные подходы.

10. Аллен: «Ответить на этот вопрос о выборе, затрудняющий и моделирование, и предсказания, можно по-разному. Мы можем либо предположить,

Рынок как созидательный процесс

что никакого заранее «данного» будущего, независимого от выбора, который еще только предстоит сделать, не существует. Вместо этого в действительности существует бесчисленное количество вариантов потенциального будущего, из которых только один родится как результат развертывания процесса выбора. Как подчеркивает Шекл, «содержание грядущего не просто неизвестно; его не существует, и идея предвидения дел человеческих является пустой» (Shackle, 1983, p. 33). Или, по словам Дж. Уайзмана: «Сущность позиции радикального субъективизма состоит в том, что в момент принятия решения будущее не просто „неизвестно“, но оно является несуществующим или неопределенным» (Wiseman, 1989, p. 230)¹¹.

Признание того, что в общественной жизни будущее является недетерминированным и «создаваемым» в процессе выбора, отнюдь не означает ни того, что оно находится «вне *предположений*» (Wiseman, 1990, p. 104), ни того, что мы должны игнорировать *ожидания* отдельных людей по поводу будущего, исходя из которых они и предпринимают те или иные действия. В то же время субъективистское понимание природы и роли этих ожиданий принципиально отличается от их интерпретации, принятой в неоклассическом подходе. Для субъективиста ожидания могут быть в большей или меньшей степени разумными (в смысле большей или меньшей обоснованности с точки зрения прошлого опыта). Однако в конечном счете эти ожидания представляют собой не более чем предположения по поводу неопределенного, а значит, и непостижимого будущего. И наоборот, для неоклассического экономиста ожидания формируются по поводу, в принципе, *познаваемого* будущего, даже если эта познаваемость может быть ограничена несовершенствами «ожидающих». В сущности, незнание будущего рассматривается как источник неэффективности, как проблема, которая может быть устранена посредством обучения¹². И наоборот, с позиции субъек-

---

что выбор представляет собой иллюзию, а значит, механистическая аналогия является полностью легитимной, либо мы должны предложить новую научную парадигму с реально существующим выбором» (Allen, 1985, p. 269).

11. Литтлчайлд подчеркивает ту же самую мысль, характеризуя представления «радикального субъективиста» как допущение о «пока еще неопределенных действиях других агентов», обнаруживающих «глубоко открытую созидательность» (Littlechild, 1986, p. 31) в человеческих делах, когда «будущее не столько непознаваемо, сколько его не существует вовсе или оно является неопределенным во время принятия решения» (Ibid., p. 29).
12. Уайзмен: «Сталкиваясь с непознаваемостью, мейнстрим экономический науки просто не принимает ее в расчет. Создатели простейших моделей исходят из совершенных знаний о будущем... В более сложных моделях допускается знание о возможном количестве будущих состояний мира... В них

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

тивиста такого рода незнание является всего лишь «неизбежной характеристикой условий, в которых находится человек» (Wiseman, 1989, p. 225). В свою очередь, «возможность обучения не означает, что перед нами открывается возможность познания будущего; это означает лишь, что поведение изменится под воздействием опыта» (Ibid., p. 143)¹³.

Рассуждая на эту тему, Шекл высказывает предположение, что каждый человек, выбирающий то или иное направление действий, может рассматриваться как «творящий, пусть и в незначительных масштабах, историю, и в этом его роль в определенном смысле отличается от пассивного повиновения игре вездесущих причин» (Shackle, 1983, p. 28). Каждое решение о том или ином выборе может рассматриваться как начало последующего события, которое «частично будет результатом действий многих других пришедших к определенному выбору людей, характер которых... никак не может быть известным индивиду, сделавшему свой выбор по поводу своих действий в настоящем» (Ibid., p. 28 и далее)¹⁴. С этой точки зрения наше «знание» будущего никак не является «неполноценным, ограниченным, неудачей поиска и исследования» (Ibid., p. 33). Скорее, оно представляет собой отражение основополагающего факта человеческого существования, «творческим и порождающим источником и основой способности к выбору и бесконечному умножению гипотетических следствий избираемого образа действий» (Ibid., p. 36). Другими словами, оно отображает «многообразие соперничающих друг с другом возможностей» (Ibid., p. 37)¹⁵.

допускается, что *кто-то* обладает знанием о будущем, которое на самом деле недоступно никому» (Wiseman, 1990, p. 103). См. также: Wiseman, 1989, p. 159.

13. Уайзмен: «*Будущее* еще не наступило. Возможные *мнения* о нем опираются исключительно на прошлый опыт (обучение) людей. Поскольку люди могут (должны) выбрать направление и образ действий, последние в рамках эволюции материального мира непрерывно создают возникающее будущее. И если это действительно так (как это и должно быть), следовательно, сейчас (в настоящем длительном времени) будущее не может быть известно» (Wiseman, 1989, p. 268).
14. Обобщая позицию Шекла, Литтлчайлд пишет: «Выбор... представляет собой исток, начало... Он имеет продолжение. Он имеет значение для того, что наступит потом. Это продолжение не может быть известно заранее, так как последующие события будут зависеть от других наших решений о выборе, которые еще предстоит принять» (Littlechild, 1979, p. 33).
15. Шекл: «Если бы у нас *были или могли бы быть все данные о настоящем*, мы по-прежнему не могли бы делать выводы о последствиях выбираемых в данный момент действий... Если бы наша прошлая и будущая история уже содержалась в книге, написанной в начале времен, то в чем заключался бы наш

Рынок как созидательный процесс

Акцент на выборе как *порождающей* силе, идея *созидательности* человеческого разума и взгляд на историю как на *открытый*, эволюционирующий процесс — все это тесно связанные между собой аспекты одной и той же темы, которая и составляет важное различие между субъективистским и неоклассическим подходами. Она олицетворяет собой различие между *нетелеологическим* взглядом на социальную действительность, пронизывающим субъективистское представление об открытом процессе с креативным выбором, и *телеологическим* импульсом, лежащим в основе (имплицитно) неоклассической идеи равновесного решения, «предопределенного наличием природных ресурсов, географией, населением, вкусами потребителей и технологическими возможностями» (Arthur, 1990, p. 99)¹⁶. Шекл и другие радикальные субъективисты ставят под вопрос концепцию общего равновесия в целом, особенно в тех случаях, когда ее пытаются применить к постоянно изменяющемуся социальному миру, в котором нет места заранее определенной конечной цели, идет ли речь о высокопарных заявлениях марксистской философии истории или о более прозаическом, концептуально определенном равновесии, к которому, как легко можно было бы предсказать, стремится процесс социально-экономических изменений. В мире, в котором творческий человеческий выбор является постоянным источником «непознаваемого будущего», идея «социального равновесия», по словам Дж. Уайзмана, — это не более чем «псевдопонятие» (Wiseman, 1989, p. 214), имеющее «исключительно общее, самое неясное значение» (Ibid., p. 265)¹⁷.

выбор?.. Но если речь идет о богатом, действительном и по-настоящему *порождающем* выборе, он не оставляет места предвидению. В этом случае будущая история не только не известна, но и *пока не существует*» (Shackle, 1981, p. 60).

16. Здесь мы используем понятие «телеологический» в более общем смысле, чем при объяснении с точки зрения интенциональных целей или некоего проекта. Мы относим к «телеологическим» все теоретические подходы, которые объясняют процессы с точки зрения тех или иных предопределенных конечных точек, в направлении которых они, как предполагается, движутся, а не с точки зрения действительно «движущих» ими и явным образом определенных сил и принципов. В этом смысле мы считаем «телеологической» теорию равновесия, которая описывает экономические процессы с точки зрения того, «куда они направляются», а именно к конечной точке равновесия. В то же время эта теория не предлагает никакого явным образом выраженного объяснения динамики этих процессов самих по себе.
17. Литтлчайлд: «Для Дж. Л. Ш. Шекла под вопросом находится релевантность концепции (общего равновесия) в целом. Каждый акт выбора является воплощением творческого представления того, кто делает выбор, о будущем. Тем самым на рынке разворачивается „калейдоскопический“ процесс, в ходе которого постепенно происходит разрушение старой „картинки“

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

Еще одно субъективистское возражение по поводу концепции неоклассического равновесия состоит в том, что сторонники последнего не уделяют должного внимания «реальному» историческому времени, не признают тот факт, что, как выразился Л. М. Лахман, «*Время и Знания* принадлежат друг другу» (Lachmann, 1977, p. 85), что «время не может пройти, не изменив знания» (Ibid., p. 93)¹⁸. Уайзмен отвергает как неубедительный распространенный довод о том, что «допущения с целью упрощения» позволяют игнорировать в моделях общего равновесия сложности проблемы «времени и знаний». По его словам, эти допущения «являются не легитимными упрощениями, а полным извращением проблемы принятия решений, с которой сталкиваются люди, живущие в реальном мире» (Wiseman, 1989, p. 140), дефектом, который невозможно устранить самой сложной настройкой и доводкой моделей, основывающихся на такого рода предположениях¹⁹.

Тем самым мы имеем дело с двумя принципиально различными системами воззрений, направляющих усилия ученых, пытающихся понять окружающий нас мир: (1) *телеологической* перспективой и (2) *нетелеологической* перспективой. Мы утверждаем, что именно ее бескомпромиссно нетелеологический характер определяет различие между пониманием рыночного процесса, основывающимся на субъективистских предположениях, и разнообразными стандартными концепциями рынка, за которыми скрывается (пусть даже на подсознательном уровне) телеологический подтекст. И кроме того, мы утверждаем, что эта «остаточная телеология» представляет собой нечто вроде скрытого общего звена, соединяющего стандартное экономическое учение о присущей рынкам самоорганизации и очевидную телеологию плановой социалистической ментальности.

и появление из ее элементов новой. Экономика изменяется и развивается, но отнюдь не так, как если бы у нее была только одна цель» (Littlechild, 1983, p. 48 и далее).

18. Лахман: «Невозможность предсказаний в экономической науке вытекает из того факта, что экономические изменения связаны с изменением знаний, а знание о будущем невозможно получить до момента его наступления. Знания порождаются в процессе спонтанных актов сознания» (Lachmann, 1977, p. 90).
19. Уайзмен: «Однако в том случае, если допущение, от которого мы отказываемся, является сущностью проблемы, в результате возникает не новое, более глубокое понимание, а еще большая путаница» (Wiseman, 1989, p. 227).

Рынок как созидательный процесс

3. Теория предпринимательства Кирцнера

Особый интерес в этом контексте представляет работа Израэла Кирцнера с ее очевидным акцентом на роли предпринимателя в экономических взаимодействиях. Сам исследователь уверен в том, что в своей теории «бдительного» предпринимательства ему удалось достичь золотой середины между двумя «крайними точками зрения» – неоклассическим равновесием, с одной стороны, и субъективизмом Шекла – с другой (Kirzner, 1985, p. 7 и далее) или, пользуясь нашей терминологией, между телеологическим и нетелеологическим концептами рыночного процесса²⁰. В то же время мы покажем, что, несмотря на повышенное внимание к инновационной предпринимательской динамике, а также несмотря на его признание на словах *креативной* и *открытой* природы рыночного процесса, Кирцнеру не удалось избежать подсознательной телеологии равновесного подхода²¹.

Таким образом, как подробно показывает Литтлчайлд, работа Кирцнера представляет собой негармоничное сочетание глубокого влечения к субъективистской позиции и сохраняющегося несогласия с ней (Littlechild, 1979). Кирцнер открыто признает созидательную динамику рыночного процесса, который находится в центре внимания всей его работы. Он критикует неоклассическое направление за то, что в нем *нет* места для *креативного предпринимателя* (Kirzner, 1985, p. 13); он рассуждает о роли предпринимательства «в открытом, неопределенном мире» (Ibid., p. 52); мире, в котором мы «обнаруживаем свободу для непредсказуемого, созидательного, творческого выражения человеческого сознания» (Ibid., p. 58); он говорит о новых товарах, новых качествах товаров, новых методах производства и новых формах ор-

---

20. Кирцнер: «Я утверждаю, что подход к предпринимательству с точки зрения «бдительности» позволяет нам использовать все лучшее из обоих миров: мы *можем* инкорпорировать предпринимательство в анализ, не отказываясь от самой сути микроэкономической теории» (Kirzner, 1985, p. 11). Иначе говоря, Кирцнер заявляет о том, что ему удастся избежать неспособности ортодоксальной неоклассики объяснить «креативного предпринимателя» (Ibid., p. 13), не попадаясь «в соблазнительную ловушку, предлагаемую нам противоположной стороной» (Ibid.), то есть радикальной субъективистской позицией.

21. Изложение австрийской субъективистской экономической теории Дж. О’Дрисколом и М. Риззо точно так же характеризуется противоречием между принятием основополагающих принципов радикального субъективизма и попыткой сохранить «соответствующим образом пересмотренную идею равновесия» (O’Driscoll’s and Rizzo, 1985, p. 79).

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

ганизации, постоянно создаваемых в ходе предпринимательского процесса²². В то же время этот акцент на созидательности, воображении и новизне сочетается с теоретическими воззрениями, согласно которым сущность предпринимательства помещается в пространство «обнаружения ошибки» (Kirzner, 1985, p. 50), а пространство для деятельности предпринимательства — в пространство «возможности обнаружения ошибки» (Ibid., p. 51). Подобное сочетание едва ли может быть названо гармоничным.

В контексте теории Кирцнера обнаружение ошибки означает такие вещи, как выявление «ошибочно низкой оценки» (Ibid., p. 50) ресурсов, «бдительность к ранее не осознававшимся возможностям» (Ibid., p. 52) или замечание «ситуаций, ошибочно упускавшихся из виду в прошлом» (Ibid.). Поэтому мы просто вынуждены задать вопрос: если сущность предпринимательского открытия состоит в том, чтобы «защитить» или «спасти» предпринимателя от «ранних» или «прошлых ошибок» (Ibid., p. 53), то что должно рассматриваться в качестве точки отсчета или *референтной базы*, соотнесение с которой позволяет называть неудачу в осуществлении того или иного действия «ошибкой»? И как сочетается с подобным определением предпринимательской деятельности идея *созидательности*? Действительно ли созидательность и воображение тождественны установлению ошибок?

В этом, на наш взгляд, и заключается фундаментальная непоследовательность попытки Кирцнера интегрировать инновационную предпринимательскую деятельность в равновесную структуру, представляя ее как *обнаружение* «ошибочно нераспознанных возможностей»²³. В системе выдвигаемых Кирцнером аргументов важным является шаг, посредством которого он намеревается достичь «золотой середины» между телеологическим и нетелеологическим пониманием рыночного процесса, развивая свою идею дивергенции «различных частей рынка» (Kirzner, 1985, p. 62), пе-

---

22. Кирцнер: «По мере развертывания этого предпринимательского процесса на рынке могут появляться новые товары, могут разрабатываться продукты с новыми свойствами, могут внедряться новые методы производства, новые формы отраслевой организации, финансирования, маркетинга или управления рисками. Всю эту непрерывную активность и воодушевленность рынка следует считать следствием непрекращающегося процесса открытия, из которого и состоит рынок» (Kirzner, 1985, p. 30 и далее).

23. Кирцнер: «Я исхожу из предположения о непрерывности процесса открытия, предпринимательского процесса открытия, который, при отсутствии внешних изменений в основных условиях, становится основным источником, питающим тенденцию к установлению равновесия» (Kirzner, 1985, p. 12).

Рынок как созидательный процесс

реходя от *статической* к *межвременной* интерпретации²⁴. Согласно первой из них, предприниматель действует преимущественно как *арбитражер*: используя не замечавшуюся прежде дивергенцию различных частей сегодняшнего рынка, он способствует достижению его большей согласованности (Kirzner, 1985, p. 61 и далее). Согласно второй, межвременной интерпретации, предприниматель использует не замечавшуюся ранее дивергенцию *сегодняшнего* и *завтрашнего* рынка, помогая тем самым «координации рынков во времени» (Ibid., p. 62)²⁵.

Что бы ни говорилось о познаваемости дивергенции в статической интерпретации, должно быть очевидно, что *межвременная* дивергенция между рынками в различные моменты времени глубоко проблематична. Если, из чего мы обязаны исходить, дивергенция между сегодняшним и завтрашним рынками, как правило, ассоциируется с различиями между сегодняшними и завтрашними *знаниями*, то что означают слова о том, что предпринимательская бдительность корректирует «неспособность осознать» дивергенцию между *настоящим* и *будущим* рынками? Какой смысл в том, что сегодняшняя неудача, состоящая в невозможности обладать завтрашними знаниями, описывается как *ошибка*?²⁶ Если исполь-

---

24. Кирцнер: «Рыночное предпринимательство осуществляет тенденцию к координации трансакций, совершаемых в различных частях рынка (включая рынок в различные моменты времени)» (Kirzner, 1985, p. 64).

25. Кирцнер приводит решающий в данном контексте довод, который заслуживает того, чтобы процитировать его полностью: «Введение понятия течения времени означает возникновение возможности увеличения количества измерений, в которых способно развиваться взаимное незнание. В определенной части сегодняшнего рынка его участники не только могут иметь несовершенные знания о трансакциях, доступных в другой его части; они могут иметь несовершенное знание и о тех трансакциях, которые будут возможны на рынке в следующем году. Отсутствие согласованности между частями сегодняшнего рынка рассматривается как особый случай более общей идеи о несогласованности, включающей в себя и несогласованность между трансакциями сегодняшнего дня и следующего года... В данном случае мы по-прежнему имеем дело с ситуацией, когда предпринимательская функция состоит в распространении тенденции к трансакциям на различные части рынка (сегодня он понимается широко, с учетом трансакций, осуществляемых в различные периоды времени) с тем, чтобы добиться повышения степени их согласованности. Если мы рассматриваем предпринимательство на однопериодном рынке (как в том случае, когда предприниматель действует как арбитражер), то понятие предпринимательской бдительности относится к текущим фактам; в случае многопериодного предпринимательства оно означает бдительность к будущему» (Kirzner, 1985, p. 62 и далее).

26. Хорошо известное, классическое обоснование того, что мы просто не способны принять будущие знания, вследствие чего не имеем возможность предсказывать будущие решения о выборе человека, которые будут принимать

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

зывать выражение Л. М. Лахмана «*Время и Знание* принадлежат друг другу», то сравнение между настоящим и будущим рынками не может быть произведено в смысле, который придал бы этой терминологии хоть какое-то значение. В то же время в «межвременном измерении» (Kirzner, 1985, p. 62) невозможно провести действительно возможное, по крайней мере концептуально, сравнение одновременно существующих рынков. Время – не просто другое, сравнимое с пространством «измерение». Различные части настоящего рынка существуют в *настоящем времени*, что позволяет обнаружить различия в их характеристиках. Будущие части рынка просто не существуют; они по определению отсутствуют в настоящем. В любой момент времени можно представить множество *потенциальных* будущих, основываясь на более или менее информированных размышлениях. Какое именно будущее осуществится – зависит от выбора, который еще предстоит совершить. Конечно, цель человеческих существ состоит в том, чтобы быть «готовыми к будущему», а действия их основываются на ожиданиях относительно того, что нам предстоит впереди. Субъективистский довод о непознаваемости будущего, конечно, вовсе не означает, что торговцы, строя свои планы относительно запасов товаров, не должны учитывать, что вслед за осенью придет зима. И все же, если и в той степени, в которой человеческий выбор и сложные взаимодействия последствий принимаемых решений о выборе формируют возникающее будущее, последнее может быть только предметом предположений, но никак не предвидения.

Предположение, что будущее можно предсказать, по-видимому, предполагается, когда, рассуждая о проблеме межвременной предпринимательской «бдительности», Кирцнер говорит о картинах будущего, которые могут или не могут «соответствовать истине по мере того, как они реализуются в будущем» (Kirzner, 1985, p. 55), о попытках людей преодолеть неопределенность посредством «более точного предвидения» (Ibid., p. 58), о «прошлой неспособности правильно рассмотреть будущее сквозь туман неопределенности» (Ibid., p. 53) и т. д. Не совсем понятно, как такого рода измышления по поводу предвидимого будущего могут согласовываться с действительным признанием созидательности человеческого разума. И конечно, как только Кирцнер осознает необходимость ответа, он *ex cathedra* провозглашает, что предлагаемый им подход объединяет в себе эти две идеи, но не делает ни малейшей попытки показать, *как* это можно сделать. Он подчеркивает,

---

ся с учетом этих будущих знаний, содержится в предисловии К. Р. Поппера к его работе «Нищета историцизма» (Popper, 1957; Поппер, 1993).

Рынок как созидательный процесс

что межвременная предпринимательская «бдительность» «включает в себя не просто способность „видения“ разворачивающейся картины будущего в смысле видения predetermined потока событий» (Kirzner, 1985, p. 56). Кирцнер настаивает, что такая «бдительность» «предполагает понимание способов, посредством которых человеческий агент способен... действительно *творить* будущее» (Ibid.). И, словно совместимость этих двух аргументов очевидна и неоспорима, далее он утверждает, что функция рыночного предпринимательства в многопериодном контексте все же состоит в «обнаружении ошибок» (в том смысле, о котором говорилось ранее) (Ibid.)²⁷. В то же время без внимания остается вопрос о том, что означает созидательность одного предпринимателя с точки зрения истинности картины будущего другого предпринимателя²⁸.

Если, как это, по-видимому, предполагает конструкция Кирцнера, сегодняшняя неудача с точки зрения обладания завтрашними знаниями квалифицируется как *ошибка*, избежать которой позволяет предпринимательская «бдительность», то исходной точкой отсчета или референтной базой такого рода суждения является воображаемый мир, в котором обнаруживается все, что только могут себе представить, о чем могут подумать или что могут знать люди²⁹. Только в этом случае каждое действие, каким бы творче-

---

27. То же противоречие между избранным Кирцнером теоретическим подходом и его попыткой включить идею предпринимательской изобретательности в создание новых товаров и новых методов производства проявляется также в его недавнем обращении к этой теме (Kirzner, 1989, p. 84 и далее). В своей рецензии на эту книгу К. Вон комментирует попытки автора принять во внимание креативные аспекты предпринимательства, сохраняя свой прежний язык: «Рецензенту очевидно, что старый язык более не соответствует новым теоретическим идеям» (Vaughn, 1990, p. 185).

28. Кирцнер обращается к этой проблеме косвенно, избегая ее прямого обсуждения: «Именно будущее, с которым придется столкнуться предпринимателю, открывает возможность того, что в действительности только предприниматель посредством своих созидательных действий *конструирует* будущее таким, каким *он* хотел бы его видеть. В случае с одним периодом бдительность позволяет обнаружить неизвестные ранее факты. В случае с несколькими периодами предпринимательская бдительность должна включать в себя и его восприятие способ, посредством которого созидательные и творческие действия могут сыграть жизненно важную роль в создании трансакций такого типа, которые появятся на рынке в будущие периоды» (Kirzner, 1985, p. 63 и далее).

29. Одним из следствий является утверждение о том, что «равновесие», к которому стремится межвременная координация (в том ее понимании, которое связано с предпринимательским обнаружением ошибки), может быть лишь конечным состоянием всеобщего просвещения в конце всех времен. Согла-

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

ским и созидательным оно ни было, может рассматриваться как обнаружение чего-то такого, что только и ждет, чтобы его открыли. Соответственно, неспособность открытия может обсуждаться в терминах ошибок и упущенных возможностей. Однако возникает вопрос о полезности этой ментальной конструкции с точки зрения аналитического руководства в тех случаях, когда ее пытаются применить к исследованиям социально-экономических изменений.

В данном случае возможна обманчивая аналогия с процессом научного открытия. Мы можем ожидать, что с течением времени наше предположительное знание о «внешней» объективной реальности будет возрастать благодаря процессу открытий в той степени, в которой наука интересуется этой реальностью. Хотя в настоящем мы не можем знать того, что мы будем знать в будущем, любое будущее приращение знаний может в каком-то смысле рассматриваться как обнаружение чего-то, что, в принципе, может быть открыто уже сейчас. Существует нечто познаваемое, что рано или поздно будет открыто. Однако новые концепции, развиваемые Пригожиным и другими учеными, бросают серьезный вызов подобным воззрениям на процесс научных открытий, поскольку они пренебрегают реальным временем. Но в данном случае мы не станем вдаваться в рассмотрение этого вопроса. В то же время нельзя не отметить, что аналогичный вызов, который радикальный субъективизм бросает неоклассической экономической теории равновесия, вполне применим к представлению о рынке как о процессе открытия. В частности, предпринимательская деятельность не должна моделироваться как открытие того, что находится «вовне». Напротив, она *создает* реальность, которая всегда будет разной в зависимости от того, какой выбор был сделан. Тем самым будущая реальность должна формироваться выбором, который еще только предстоит сделать, и эта реальность не существует независимо от этого выбора. Поэтому появление реальности, «которой еще предстоит быть созданной», ошибочно рассматривать с точки зрения «нераспознанных возможностей»³⁰.

сие с такого рода интерпретацией (по общему мнению, натянутой) выражается в заявлениях, подобных этому: «По моему мнению, начальное рыночное незнание является неотъемлемой чертой жизни человека в мире изменений, но при этом подвергается непрерывной эрозии... [Предприниматели] обнаруживают, что в действительности многие существующие решения были ошибочными. В этом и заключается источник проявляющихся на рынке тенденций к установлению равновесия» (Kirzner, 1985, p. 13).

30. Это и нижеследующее рассуждение в данной статье связано, по крайней мере косвенно, с предыдущей критикой одним из нас взглядов Майкла

Рынок как созидательный процесс

4. Верные и неверные представления о рынке

Существенной характеристикой позиции радикального субъективиста, решающим образом отличающей его от неоклассического подхода, является черта, которая роднит ее с новым эволюционным синтезом, рассмотренным в начале этой статьи: представление о «мире, в котором жизненно важную роль играет время» (Littlechild, 1979, p. 38), об истории как об открытом процессе эволюции, когда будущее является не predetermined, не просто ожидающим раскрытия, а «постоянно *порождаемым* формой и последовательностью человеческого выбора» (Ibid.). С точки зрения теории рынка последствия применения этого представления очевидны и отличны от применения различных теоретических конструкций, использовавшихся для объяснения или иллюстрации адаптивной природы рыночного процесса. Если мы всерьез принимаем идею о созидательности человеческого выбора, под вопросом оказывается не только стандартная идея неоклассического равновесия, но и менее ортодоксальные концепции рыночного процесса, включая подсознательно телеологический взгляд Кирцнера на рынки и предпринимательство. Заявляя об этом, мы, конечно же, не утверждаем, что «радикальный субъективизм» представляет собой полностью готовую для принятия всесторонне обоснованную теоретическую парадигму, — вовсе нет. В то же время мы считаем, что созидательность человеческого выбора представляет проблему, с которой неизбежно сталкивается любая эффективная социально-экономическая теория.

Этот важный теоретический переход может быть проиллюстрирован на примере трех самостоятельных концепций стихийного рыночного порядка, разрабатывавшихся учеными, которые в общем поддерживали рыночную организацию экономики. По край-

---

Полани в двух более ранних статьях (Buchanan, 1977, 1985). Полани рассматривал научный процесс как процесс исследования или открытий; при этом он настаивал, что децентрализованная организация научного предприятия открывает возможность более быстрого «решения» «пазла». Исходя из такого рода концептуализации, Полани по аналогии поддерживает и такое свойство децентрализованных рыночных процессов, как спонтанное упорядочение.

Критика Бьюкенена опирается на предположение, согласно которому, даже если метафора открытия-исследования остается применимой к естественным наукам, попытки распространить ее на экономические или политические взаимодействия отдельных людей, наделенных свободой выбора, глубоко ошибочны.

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

ней мере никто из них не считал рынок «аналоговой вычислительной машиной», используемой для «вычисления равновесных цен».

1. Один из авторов статьи (Бьюкенен) изучал базовую теорию цен еще в 1940-х годах в Чикагском университете, когда все студенты, магистранты и аспиранты должны были пройти курс, разработанный Генри Саймонсом³¹. В этот курс входили, в частности, три хорошо известных проблемы ренты, цель изучения которых состояла в достижении более глубокого понимания обучающимися процессов распределения в конкурентной экономике ограниченных ресурсов по направлениям их использования. В качестве теста на проверку эффективности механизма конкурентного согласования студентам предлагалась задача, для решения которой необходимо было сравнить величины совокупного продукта в экономике, в которой достигнуто общее равновесие, и в экономике, в которой распределение осуществляется в соответствии с решениями благожелательного и всеведущего плановика.
2. Для того чтобы продемонстрировать, что локальная децентрализованная корректировка, очень близкая той, что является отличительной чертой рыночной организации, более эффективна, чем централизованные действия, Майкл Полани в своей по праву знаменитой статье «Логика свободы» использовал метафору мешка с картофелем: чтобы минимизировать занимаемый грузом объем, достаточно просто встряхнуть мешок³².
3. В своем не уступающем по объему монографии эссе, посвященном разъяснению стихийного рыночного порядка, Норман Бэрри утверждает, что результаты функционирования рынка «кажутся продуктом некоего всеведущего, проектирующего разума» (Barry, 1982)³³.

Мы видим, что в каждом из этих приведенных в качестве иллюстраций примеров раскрывается, по крайней мере в качестве основного вывода, такое понимание стихийных упорядочивающих свойств рыночного процесса, которое существенным образом отличается от понимания рынка радикальными субъективистами.

---

31. Курс Саймонса распространялся только в виде копий, размноженных на mimeографе. Впоследствии сокращенный вариант этого курса был отредактирован и опубликован Гордоном Таллоком, учившимся у Саймонса в 1940-х годах (Tullock, 1983).

32. С этой статьи начиналась книга «Логика свободы» (Polanyi, 1951).

33. Об эссе Бэрри см.: Buchanan, 1982.

Рынок как созидательный процесс

В каждом из этих примеров эффективность рыночной корректировки оценивается телеологически, с точки зрения относительного достижения некоей заранее определенной цели. В проблемах Саймонса этой целью был простой экономический продукт (в его экономике, производящей единственный товар, этим продуктом была пшеница). В случае Полани цель обозначена четко и ясно: это минимизация объема. В эссе Барри используется более сложная аргументация, но любая концептуализация всеведущего, проектирующего разума должна подразумевать некую четко сформулированную цель, существующую независимо от собственных *созидательных* решений о выборе отдельных участников.

Если эффективность рыночной организации, как об этом дается понять в приведенных выше примерах, оценивается телеологически, с точки зрения способности рынка независимо приходить в определенное состояние (то есть независимо от выбора процесса самого по себе), нам остаются лишь двусмысленные рассуждения об относительном превосходстве рынка над централизованным экономическим планированием. Даже если бы Саймонсу, Полани и Бэрри, а также другим исследователям удалось показать преимущество децентрализованного рыночного устройства с точки зрения достижения некоей объективно устанавливаемой цели, их осмысление рыночного процесса заставляет их занять сравнительную оборонительную позицию, в которой изначально не нуждаются приверженцы радикально субъективистского понимания рынка. Если мы действительно воспринимаем рынок как открытый, недетерминированный эволюционный процесс, важнейшей движущей силой которого является человеческий выбор, любые, сколь бы тонкими они ни были, рассуждения о «цели», к которой, как можно было бы предсказать, направлен этот процесс, должны по самой своей природе быть обманчивыми. Мы же считаем, что никакой «золотой середины» между телеологической и нетелеологической перспективами не существует. Более того, все концептуализации рыночного процесса, явным или неявным образом предполагающие наличие «чего-то», в направлении чего разворачивается процесс, тем самым являются *телеологическими*, независимо от того, подразумевается под этим «чем-то» равновесие или нечто иное. Данное положение распространяется и на идею механического равновесия, на которой основываются представленные в стандартных учебниках модели пересечения кривых спроса и предложения, и на концепцию термодинамического равновесия, подразумеваемого в тех случаях, когда рыночный процесс интерпретируется с точки зрения постепенного уменьшения выгод от торговли. И наконец, рассматриваемое положение справедливо и в отношении образов рынка, посредством которых исследо-

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

ватели пытаются «схватить» постоянные изменения его равновесия как цели (как в случае с использовавшимся К. Боулдингом образом «собаки, гонящейся за кошкой») (Littlechild, 1986, p. 32).

Надо отметить, что сомнение в обоснованности телеологических концепций рынка — это далеко не то же самое, что и отрицание того очевидного факта, согласно которому участвующие в «каталлактике», в рыночной игре, люди разумно *адаптируются* к обстоятельствам, с которыми они сталкиваются, и к ожидаемым изменениям. На единообразии такого рода адаптивного отклика и основывается способность микроэкономической теории делать предсказания. Однако такое адаптивное поведение само по себе отнюдь не предполагает, что процесс в целом разворачивается в направлении некоей детерминированной цели, идет ли речь о заранее определенном равновесии или об «убегающей кошке». Игра, описываемая как рынок, может быть неверно понята, если она будет интерпретирована в телеологическом ключе. Рыночная экономика, *взятая в целом*, ничего не максимизирует и ничего не минимизирует. Она всего лишь позволяет участникам искать то, что представляет для них ценность, с учетом предпочтений и ресурсов других людей, а также ограничений, накладываемых общими «правилами игры», открывающими возможность и предоставляющими индивидам стимулы к поиску новых способов делать дело. В данном случае не может быть и речи о некоей «внешней», независимо определенной задаче, в сравнении с которой могли бы оцениваться результаты рыночных процессов.

Мы можем проиллюстрировать нетелеологический подход к рыночным взаимодействиям, отказавшись от хорошо известной исходной предпосылки, в соответствии с которой потенциальные торговцы изначально обладают неким количеством определенных, пользующихся спросом товаров. Допустим, что никаких товаров не существует, а отдельные люди наделены талантами, способностями и навыками, позволяющими им изготавливать потребительские товары, используя только то, что дала природа. Допустим, что правила игры позволяют отдельным людям заявлять о своих неотъемлемых правах на долю природных ресурсов, а также свои собственные способности и навыки. В соответствии с этой моделью торговля будет осуществляться, когда отдельные люди признают, что их благосостояние может возрасти лишь в том случае, когда они производят блага и обмениваются ими, а не тогда, когда они производят их только для собственного потребления. Однако в этом случае цепочка принятия решений о выборе существенно удлиняется, а также возникает дополнительное требование, согласно которому каждый ее участник должен будет использовать *воображение*, выбирая собственную специализацию в произ-

Рынок как созидательный процесс

водственном процессе, конечной целью которого является повышение благосостояния посредством обмена.

Задумаемся о том, чем будет руководствоваться в своем выборе человек, оказавшийся в этих условиях. Что я могу предложить другим людям такого, что представляло бы меновую ценность? В процессе ответа на этот вопрос участник нашей цепочки не только должен будет сделать определенный выбор из уже существующего набора благ, но и, что еще более важно, попытаться *создать* новые блага, которые, согласно его ожиданиям, обладали бы меновой ценностью. И если уж в данный момент в игру вступает созидательный-изобретательский-творческий элемент процесса принятия решения о выборе, появление какого бы то ни было плановика с его идеальным всеведением, который мог бы попытаться воспроизвести рыночный результат, воспринималось бы как откровенный абсурд. Индивиды могли бы использовать свое собственное воображение, свои собственные суждения по поводу оценок других людей для изготовления благ, не имеющих ничего общего с собственным потреблением, благ, которые, появляясь на рынке и будучи принятым им, приносили бы выгоду, которая, будучи доходом производителей, позволяла бы им в свою очередь приобретать блага, предлагаемые другими. Это стремление удовлетворять потребности других людей посредством изготовления благ, обладающих рыночной ценностью, как косвенных средств создания ценности для себя самого представляет собой отличительный поведенческий элемент рыночного порядка, честь открытия которого принадлежит Адаму Смиту. Эта его особенность и позволяет нам сравнивать результаты рыночной организации с альтернативными социальными системами даже в отсутствие независимо существующего скаляра. Отличительной чертой рынка является тенденция к удовлетворению предпочтений людей независимо от того, в чем они могут заключаться, даже в том случае, когда мы признаем, что эти предпочтения появляются только в ходе самого процесса принятия решений о выборе.

Кроме того, рынок, понимаемый как «игра без благ», предполагает слабость понятия равновесия в целом, определяемого как постепенное уменьшение выгод от торговли, которое играет столь важную роль в альтернативной телеологической перспективе. Когда речь идет о производстве и обмене уже существующих, четко определенных благ, относительно легко рассматривать рыночную игру как имеющую определенный итоговый результат, поскольку блага уже распределены так, что ни один из участников не нуждается в поиске иных возможностей торговли. Блага по определению распределяются между сторонами, для которых их использование представляет наибольшую ценность. Однако в том случае, когда

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

мы допускаем, что подлежащего распределению набора благ не существует, полезность идеи равновесия становится уже не столь очевидной. Концептуально остается возможность «заморозить» творческие элементы индивидуального выбора в некоторой точке и позволить процессу производства-обмена естественным образом прийти к равновесию, когда получение дальнейших выгод от торговли *и от воображения новых торговых перспектив* более невозможно. Искусственный характер такого рода равновесной конструкции очевиден: ведь, как представляется, мы не можем вообразить себе ничего даже отдаленно схожего с прекращением обмена. Если мы рассматриваем потенциал рыночной стоимости, создаваемой в процессе человеческих взаимодействий, то никаких четко определенных пределов ему не существует.

Концепция равновесия была и остается привлекательной даже для таких, не скрывающих своего критического отношения к неоклассической ортодоксальности экономистов, как Кирцнер, поскольку она, как представляется, наделена воспринимаемой способностью к быстрому «захвату» координационных свойств рынков, в то время как в отношении радикальной субъективистской критики сохраняется подозрение, что она не способна предложить систематическое объяснение упорядоченности рынков. Но даже в том случае, если некоторые радикальные субъективисты действительно давали поводы к подобному подозрению, складывающийся *новый эволюционный синтез* предлагает теоретическую перспективу, позволяющую субъективисту сосредоточить основное внимание на созидательности человеческого выбора со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одновременно она предлагает нетелеологические объяснения таких наблюдаемых рынками свойств, как адаптивность и координация.

5. Заключение

Мы показали, что предлагаемое видение рынка как *созидательного процесса* открывает возможность его более глубокого понимания по сравнению с альтернативными подходами, когда рынок интерпретируется как *процесс открытия*³⁴ или, что более привычно, как

---

34. Из трудов Хайека очевидно, что он разделяет видение рынка как созидательного процесса. В то же время в его статье «Конкуренция как процедура открытия» присутствует ряд двусмысленностей (например, по его мнению, концепция открытия применима и в отношении рыночного процесса) (Науек, 1978; Хайек, 2011). «Зернами» возможных ошибочных выводов являются также проводимое ученым сравнение процессов открытий в науке

Рынок как созидательный процесс

распределительный процесс. В любой из последних альтернатив присутствует цель, назначенная собственным восприятием ученого, цель, которой не существует. Устранение телеологического вывода из видения экономического взаимодействия имеет огромное значение для диагностирования успеха или провала, диагностирования, которое с необходимостью предшествует любому нормативному использованию научного анализа.

Мы можем проиллюстрировать различия в следствиях рассматриваемых нами подходов на примере очевидного провала централизованных плановых экономик стран Восточной Европы и не только. Неоклассический экономист, попавший в ловушку распределительного восприятия, будет искать источник провала в искаженной структуре стимулов, которая ставит отдельных людей перед такими альтернативами выбора, которые не отражают достоверно установленные оценки. В результате имеющиеся ресурсы далеко не всегда поступают тем, кто оценивает их наиболее высоко. Дело в том, что отдельные люди, принимающие решения о распределении ресурсов, не являются лично заинтересованными в том, чтобы оно осуществлялось в направлении достижения концептуально определенного и желаемого результата.

Некоторые современные представители австрийской экономической школы (и прежде всего Кирцнер) приносят важный элемент в критику неоклассических воззрений. Критики исходят из того, что даже в том случае, если бы мы не учитывали проблему стимулов или считали, что ресурсы распределяются вполне корректно, эпистемологическая или связанная с познанием проблема все равно останется нерешенной. Только децентрализованная рыночная структура экономического взаимодействия способна полностью использовать локализованные обстоятельства, необходимые для определения окончательной оценки использования ресурсов. Только рынок предоставляет отдельным людям реальную свободу обнаружения локализованных особенностей, во многом определяющих ценность. Данное расширение неоклассического акцента на структуре стимулов является очень важным и релевантным для любых общих оценок модели централизованного планирования экономики.

В то же время мы предполагаем, что эта, пусть даже расширенная, критика не учитывает существенно важный с точки зрения любого сопоставления рыночной и плановой альтернатив эле-

---

и открытия на рынке (Ibid., p. 181; там же, с. 380–381) и некоторые его комментарии по поводу измерения рыночных результатов (Ibid., p. 185 и далее; там же, с. 386 и далее).

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

мент. Нам по-прежнему необходимо избавиться от телеологии. Согласно неоклассическим установкам (даже в расширенном, кирцнеровском варианте), *всеведущий* и *благожелательный* единый субъект планирования способен обеспечить достижение идеально определенного результата. Всеведение, конечно, гарантировало бы доступ ко всевозможным знаниям; благожелательность призвана обеспечить точное соответствие объективной функции и желаний отдельных людей. Но даже столь идеализированный субъект планирования не способен создать то, чего еще не существует и что не осуществится, если не будут приняты созидательные решения о выборе отдельных людей, которые не знают заранее о том, какие идеи могут родиться благодаря их собственному воображению.

Глубоко ошибочному пониманию теории рыночной экономики, которое стало аналитическим и интеллектуальным основанием социализма как принципа социально-экономической организации, противостоят три рассмотренных нами подхода. Речь идет об интерпретации рынка как распределительного процесса, откликающегося на структуру стимулов лиц, которые принимают решения о выборе; рынка как процедуры открытия, в которой используется локализованная информация; рынка как созидательного процесса, «питающегося» творческим потенциалом людей. С организационной точки зрения социализм не способен сравниться ни с одним из этих идеализированных восприятий. Социализму, как «пагубно самонадеянной», по выражению Ф. Хайека, концепции, было бы гораздо труднее добиться идейного господства, если бы в свое время созидательная стихийность рыночного процесса получила должную оценку.

Литература

- Поппер Карл (1993). *Нищета историцизма*. М.: Прогресс.
- Пригожин Илья (1987). Перспективы исследования сложности // *Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник*. 1986. М.: Наука. С. 45–58.
- Пригожин Илья (1989). Наука, цивилизация и демократия // *Философия и социология науки и техники. Ежегодник*. 1988–1989. М.: Наука. С. 7–18.
- Пригожин Илья и Изабелла Стенгерс (1986). *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*. М.: Прогресс.
- фон Хайек Фридрих Август (2011). Конкуренция как процедура открытия // Фридрих Август фон Хайек. *Индивидуализм и экономический порядок*. Челябинск: Социум. С. 378–393.
- Allen Peter M. (1985). Towards a New Science of Complex Systems // *The Science and Praxis of Complexity*, by S. Aida et al. Tokyo: The United Nations University. P. 268–297.

Рынок как созидательный процесс

- (1988). *Evolution, Innovation and Economics* // G. Dosi, C. Freeman, R. Nelson, G. Silverberg, and L. Soete (eds). *Technical Change and Economic Theory*. London: Pinter Publishers Ltd. P. 95–119.
- Anderson Philip W., Kenneth J. Arrow, and David Pines (eds) (1988). *The Economy as an Evolving Complex System*. New York: Addison–Wesley.
- Arthur W. Brian (1990). Positive Feedbacks in the Economy // *Scientific American* 262:92–99.
- Barry Norman (1982). The Tradition of Spontaneous Order // *The Literature of Liberty* 5:7–58.
- Baumol William, and Stephen Benhabib (1989). Chaos: Significance, Mechanism, and Economic Applications // *Journal of Economic Issues* 3:77–106.
- Buchanan James M. (1969). *Cost and Choice: An Inquiry in Economic Theory*. Chicago: Markham Publishing Company.
- (1977). Politics and Science // *Freedom in Constitutional Contract*, by J. M. Buchanan. College Station: Texas A&M University Press. P. 64–77.
- (1982). Order Defined in the Process of Its Emergence // *The Literature of Liberty* 5:5.
- (1985). The Potential for Tyranny in Politics as Science // *Liberty, Market and State*, by J. M. Buchanan. New York: New York University Press, pp. 40–54.
- (1987). L. S. E. Cost Theory in Retrospect // *Economics: Between Predictive Science and Moral Philosophy*, by J. M. Buchanan. College Station: Texas A&M University Press, pp. 141–151.
- Fehl Ulrich (1986). Spontaneous Order and the Subjectivity of Expectations: A Contribution to the Lachman-O’Driscoll Problem // *Subjectivism, Intelligibility, and Economic Understanding*, ed. I. M. Kirzner. New York: New York University Press. P. 72–86.
- Hayek Friedrich A. (1978). Competition as a Discovery Procedure // *New Studies in Philosophy, Politics, Economics, and the History of Ideas*, by F. A. Hayek. Chicago: The University of Chicago Press. P. 179–190.
- Kirzner Israel M. (1985). *Discovery and the Capitalist Process*. Chicago: The University of Chicago Press.
- (1989). *Discovery, Capitalism, Distributive Justice*. New York: Basil Blackwell.
- Lachmann Ludwig M. (1976). From Mises to Shackle: An Essay on Austrian Economics and the Kaleidic Society // *Journal of Economic Literature* 14:54–62.
- (1977). Professor Shackle on the Economic Significance of Time // *Capital, Expectations, and the Market Process*, by L. M. Lachmann. Kansas City, MO: Sheed Andrews and McMeel. P. 81–93.
- Littlechild Stephen C. (1979). Comment: Radical Subjectivism or Radical Subversion // *Time, Uncertainty and Disequilibrium: Exploration of Austrian Themes*, ed. M. Rizzo. Lexington, Mass.: Lexington Books. P. 32–49.
- (1983). Subjectivism and Method in Economics // *Beyond Positive Economics*, ed. J. Wiseman. London: Macmillan. P. 38–49.
- (1986). Three Types of Market Process // *Economics as a Process—Essays in the New Institutional Economics*, ed. Richard N. Langlois. Cambridge: Cambridge University Press. P. 27–39.
- Mayr Ernst (1982). *The Growth of Biological Thought: Diversity, Evolution, and Inheritance*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Mirowski Philip (1990). From Mandelbrot to Chaos in Economic Theory // *Southern Economic Journal* 57:289–307.

Джеймс Бьюкенен, Виктор Ванберг

- O'Driscoll Gerald P., and Mario J. Rizzo (1985). *The Economics of Time and Ignorance*. New York: Basil Blackwell.
- Polanyi Michael (1951). *The Logic of Liberty*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Popper Karl R. (1957). *The Poverty of Historicism*. Boston: The Beacon Press.
- (1982). *The Open Universe: An Argument for Indeterminism*. Totowa, N.J.: Rowan and Littlefield.
- Prigogine Ilya (1985). New Perspectives on Complexity // *The Science and Praxis of Complexity*, by S. Aida et al., Tokyo: The United Nations University. P. 107–118.
- (1986). Science, Civilization and Democracy // *Futures* 18:493–507.
- Prigogine Ilya, and Isabelle Stengers (1984). *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. Toronto: Bantam Books.
- Radzicki Michael J. (1990). Institutional Dynamics, Deterministic Chaos, and Self-organizing Systems // *Journal of Economic Issues* 24:57–102.
- Shackle G. L. S. (1979). *Imagination and the Nature of Choice*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- (1981). Comments // *Subjectivist Economics: The New Austrian School*, by A. H. Shand. Oxford: The Pica Press. P. 59–67.
- (1983). The Bounds of Unknowledge // *Beyond Positive Economics*, ed. J. Wiseman. London: Macmillan. P. 28–37.
- Tullock Gordon (ed.) (1983). *The Simons' Syllabus*, by Henry Calvert Simons. Blacksburg: Virginia Polytechnic Institute and State University.
- Vaughn Karen I. (1990). Profits, Alertness and Imagination (review of I. M. Kirzner's *Discovery, Capitalism, and Distributive Justice*) // *Journal des Economistes et des Etudes Humaines* 1:183–188.
- Wicken Jeffrey S. (1987). *Evolution, Thermodynamics, and Information: Extending the Darwinian Paradigm*. Oxford: Oxford University Press.
- Wiseman Jack (1989). *Cost, Choice, and Political Economy*. Aldershot: Edward Elgar.
- (1990). Principles of Political Economy: An Outline Proposal, Illustrated by Application to Fiscal Federalism // *Constitutional Political Economy* 1:101–127.
- Witt Ulrich (1985). Coordination of Individual Economic Activities as an Evolving Process of Self-Organization // *Economie Appliquée* 37:569–595.

17

В чем сущность институциональной экономики?¹

Джеффри Ходжсон

Джеффри Ходжсон (род. 1946) – профессор-исследователь (исследования в сфере бизнеса) Хартфордширского университета (Великобритания), главный редактор *Journal of Institutional Economics*. В 2006 г. он был избран президентом Ассоциации эволюционной экономики. Ходжсон является автором более десятка книг и двухсот научных статей. В сферу его научных интересов входят институты, а также история и методология институциональной и эволюционной экономики.

Впервые словосочетание «институциональная экономика» прозвучало в выступлении Уолтона Гамильтона на собрании Американской экономической ассоциации в 1918 г. (Hamilton, 1919; Гамильтон, 2007). Институционализм занимал господствующие позиции в американской экономической науке по крайней мере до 1940-х гг. Перечисляя основные черты, приписываемые этой школе, Уолтон Гамильтон настаивал, что только институциональная экономика способна объединить экономическую науку, показав, как различные части экономической системы образуют единое целое (Hamilton, 1919, 309–311; Гамильтон, 2007, 110–112). В определении институциональной экономики отсутствовали какие-либо указания на нормативную позицию. По словам Гамильтона, «задачей экономической науки не является вынесение суждений по поводу практических предложений» (Hamilton, 1919, 313; Гамильтон, 2007, 112). Тем не менее сама теория вполне могла использоваться в качестве основы для политики. Согласно Гамильтону экономисты-институционалисты признавали, что:

---

1. Geoffrey M. Hodgson. What is the Essence of Institutional Economics? // *Journal of Economic Issues*. 2000. Vol. 34. No. 2. P. 317–329.

Перевод с английского Ю. Каптуревского.

Джеффри Ходжсон

«Собственным» предметом экономической теории являются институты... Экономическая теория связана с содержанием процессов... Экономическая теория должна быть основана на приемлемой теории человеческого поведения... (Hamilton, 1919, 314–318; Гамильтон, 2007, 113–115).

Данные положения дополнялись следующими наблюдениями:

неоклассическая экономика... пренебрегала влиянием, которое оказывала на поведение индивида система институтов ... Там, где она терпит фиаско, институциональная экономика должна добиться успеха... Она должна распознать в разнообразии институциональных ситуаций, с которым сталкиваются индивиды, основной источник различий в содержании их поведения. (Hamilton, 1919, 18; Гамильтон, 2007, 116).

В основе своей приведенное Гамильтоном описание институционализма выдержало проверку временем, но оно нуждается в некотором уточнении. Это описание может быть перефразировано и расширено при помощи следующих пяти утверждений:

1. Хотя институционалисты стремятся к тому, чтобы разрабатываемые ими теории имели практическую значимость, сам по себе институционализм ни в малейшей степени не определяется в терминах каких бы то ни было политических предложений.
2. Институционализм широко использует идеи и данные, полученные в других научных дисциплинах (в психологии, социологии и антропологии), для обогащения методов анализа институтов и человеческого поведения.
3. Институты являются ключевыми элементами любой экономики; таким образом, важнейшая задача экономистов заключается в изучении институтов и процессов консервирования, появления новых и изменения существующих институтов.
4. Экономика представляет собой открытую эволюционирующую систему, находящуюся в естественной внешней среде и испытывающую воздействие технологических изменений; экономика включена в более широкий комплекс социальных, культурных, политических и властных отношений.
5. Представление о том, что единственное стремление индивидуальных агентов заключается в максимизации полезности, является неадекватным или ошибочным. Институционализм не рассматривает индивидов как некую данность. На индивидов влияет институциональная и культурная ситуация, в которой они находятся. Таким образом, индивиды не просто (преднамеренно или непреднамеренно) создают институты. Посредством «преобра-

В чем сущность институциональной экономики?

зованной нисходящей причинно-следственной связи» (Hodgson, 2000) институты оказывают фундаментальное влияние на индивидов.

Большинство из этих пяти пунктов непосредственно вытекают из идей, содержащихся в тексте Гамильтона (Hamilton, 1919; Гамильтон, 2007). В то же время, если мы обратимся к пункту 4, то заметим, что Гамильтон не употреблял слов «открытая система». Это выражение получило широкое хождение лишь после 1945 г. Основная заслуга в том, что идея экономики как открытой системы стала считаться одной из определяющих черт институционализма, принадлежит таким институциональным экономистам, как Уильям Капп (Kapp, 1968, 8) и Сигето Цуру (Tsuru, 1993, 73). Более того, Гамильтон не употреблял и такие слова, как «развивающаяся» или «эволюционирующая», хотя институционалисты часто использовали эти термины.

Пункт 1 может показаться спорным; поэтому ниже мы более подробно обсудим его содержание. Возможно, это единственный пункт, за удаление которого из приведенного выше перечня «голосовал» бы любой институционалист. Конечно, некоторые институционалисты настаивали бы на том, что к списку из пяти пунктов следовало бы добавить (или, наоборот, удалить) те или иные положения. Но речь здесь идет о том, что они содержат «суть» институционалистской традиции.

В дальнейшем я отстаиваю позицию, согласно которой важнейшей определяющей чертой старого институционализма является утверждение, сформулированное в пункте 5. В нем и состоит принципиальное отличие нового институционализма от старой институциональной экономической теории. Все остальные критерии не позволяют провести столь же четкую границу между старым и новым институционализмом. К тому же определенное согласие с первыми четырьмя пунктами выражают и другие школы экономической мысли. И наоборот, утверждение, приведенное в пункте 5, проходит красной нитью через институционалистскую традицию в целом, от Веблена до Гэлбрейта. В то же время оно очень редко признается или развивается представителями других экономических школ. Доводы в пользу этого положения я приведу ниже. Но сначала мы обратимся к пункту 1 списка. В других разделах этого эссе мы рассмотрим общие черты институционалистской теории и обсудим некоторые их следствия.

Джеффри Ходжсон

Действительно ли институционализм определяется его политическими заявлениями?

В «большом мире» экономическую науку часто воспринимают и оценивают на основе предлагаемых ею политических предписаний. Сама экономика утверждает, что является наукой, но в ней то и дело «всплывают» вопросы политики. Довольно часто мы видим, что те, кто, казалось бы, твердо придерживается идеи о «свободной от ценностей» экономической науке, увлеченно произносят политические речи.

Хорошо известно, что такой институционалист, как Гуннар Мюрдаль, подчеркивал неизбежность использования в общественных науках ценностных суждений. Он писал: «Ценностные суждения присутствуют в наших проблемах даже в тех случаях, когда мы хотели бы избавиться от них. Попытка искоренить предвзятость посредством отказа от самих ценностных суждений – безнадежное, основанное на заблуждении предприятие» (Myrdal 1958, 131). Однако это отнюдь не означает, что с эпистемологической точки зрения позитивные и нормативные высказывания неразличимы. Для Мюрдаля факты и ценности – далеко не одно и то же. Ценности никогда не «рождаются автоматически» из фактов, а выбор ценностных предпосылок никак не является делом случая. Короче говоря, Мюрдаль считал, что «ценности всегда с нами». При этом он не впал в ошибку и не рассматривал ценности как эквивалент фактам. В социологии высказывания о фактах всегда пронизаны ценностями. Однако это не означает, что факты и ценности – одно и то же.

Экономическая политика имеет очень важное значение. Однако для того чтобы быть убедительной, для того чтобы использовать научный авторитет, политика должна заявить о том, что она опирается на теоретический базис. В современном мире, независимо от того, идет ли речь о левом или о правом политическом фланге, политика должна позаботиться о своих теоретических основаниях. Как с точки зрения легитимации, так и простой логики, политика обязана иметь прочную теоретическую базу. Более того, прежде чем изменять мир, необходимо научиться понимать его. Прежде чем мы примемся за оценку реальных политических возможностей, мы обязаны изучить основополагающие структуры и силы.

Никто, по крайней мере в общественных науках, не ставит вопрос о том, что позитивное и нормативное должны быть полностью разделены. В противоположность излагаемой в неоклассических учебниках «позитивной экономической теории» невозможно полностью отделить (позитивные) суждения о фактах от (норма-

В чем сущность институциональной экономики?

тивных) суждений о ценностях. Как правило, заявления о фактах и ценностях перемешиваются между собой. В то же время факты и ценности — это не одно и то же.

Принятие положения, согласно которому нормативные ценности «всегда с нами», не означает, что мы в своих суждениях о теории должны всегда опираться в основном на эти ценности. Принятие положения о сложных взаимоотношениях между позитивным и нормативным не означает, что мы оставляем без внимания все аспекты различия между ними. Заявления, в которых предпринимается попытка объяснить, что *есть на самом деле*, путают с заявлениями о том, как *должно быть*. И все-таки знание о том, что многие люди в мире сегодня бедны, совсем не то же самое, что утверждение, согласно которому они должны оставаться в бедности.

В то же время, если речь идет об определяющем критерии, то нормативные аспекты институционализма не слишком полезны и недостаточно точны. В рамках институционализма мы обнаруживаем огромный разброс нормативных мнений. Наиболее известны примеры «чистых» консервативных институционалистов, таких как Артур Бернс — друг и соратник Уэсли Митчелла (бывшего студента Веблена), — служивший в 1950-х гг. советником республиканского президента Д. Эйзенхауэра. Другие институционалисты придерживались социалистических воззрений. Третьи занимали позицию в политическом центре. Политическая принадлежность не слишком много говорит нам о сущности институционализма в целом.

Любые попытки определить институционализм с точки зрения политических результатов наталкиваются на ряд серьезных трудностей. Рассмотрим некоторые направления возможной политики. Возможно ли, хотя бы частично, определить институционализм в терминах критики применения рыночных решений экономических проблем?

Многие институционалисты критиковали прорыночную политику, предлагая использовать различные формы экономического вмешательства и планирования. Однако точно такой же критике эта политика была подвергнута и экономистами-неоклассиками. (Неоклассическая экономическая теория определяется как научное направление, основанное на рассматриваемых в стандартных учебниках принципах рациональности, максимизации и равновесия.) Следовательно, если бы мы определяли институционализм как склонность к планированию и нерасположенность к рынку, нам пришлось бы «записать» в институционалисты многих экономистов-неоклассиков.

Известно, что многие ученые, заложившие основы неоклассической экономической теории, такие как Леон Вальрас, Альфред

Джеффри Ходжсон

Маршалл и Филипп Уикстид, сочувствовали социалистическим или социал-демократическим идеям. По современным стандартам некоторые из них придерживались левацких воззрений. Вальрас, например, называл себя «научным социалистом». Его теоретические изыскания в экономике во многом мотивировались желанием продемонстрировать экономические преимущества регулирования цен и общественной собственности на естественные монополии, включая землю. Маршалл высказывал обеспокоенность проблемами бедности в викторианской Англии и сочувствовал рабочим кооперативам. Уикстид отстаивал идею национализации земли. Кроме того, он сочувствовал социалистическому и радикальному движению, поддерживая личные связи с его представителями.

Некоторые неоклассики были приверженцами радикальных, интервенционистских или социалистических идей. Например, во время Великой депрессии Ирвинг Фишер выступал в защиту рефляционных мер. В 1930-х гг., возглавлявшаяся Оскаром Ланге группа неоклассиков, использовала неоклассические инструменты, чтобы доказать превосходство одного из вариантов социалистического планирования.

Несколько позже ведущие теоретики неоклассического общего равновесия Кеннет Эрроу и Фрэнк Хан заявили о том, что они разделяют многие положения интервенционистской и социал-демократической экономической политики. Конечно, и Хан, и остальные исследователи обосновывали общее равновесие как теоретический проект, как попытку продемонстрировать *ограничения* рыночного механизма.

Еще позже такие аналитические марксисты, как Юн Эльстер и Джон Ромер, занимающие выраженные левые позиции, открыто использовали неоклассические инструменты экономического анализа. Безусловно, многие экономисты-неоклассики придерживаются консервативных и прорыночных позиций. Но сама неоклассическая теория распространяется на весь традиционный политический спектр, на одном краю которого находятся ратующие за планирование левые, а на другом – прорыночные правые. Таким образом, неоклассику невозможно определить с точки зрения политических пристрастий приверженцев этого направления экономической теории.

Возможно ли, хотя бы частично определить институционализм в терминах особого внимания к проблемам большего равенства и богатства? Нет, институционалисты не обладают монополией на эгалитарные чувства. И точно так же в ядре неоклассической теории нет ничего, что с необходимостью вело бы нас к неэгалитарным выводам.

В чем сущность институциональной экономики?

Конечно, в начале XX в. некоторые экономисты рассматривали неоклассическую теорию полезности как основу политики, направленной на перераспределение доходов и достижение большего равенства. Если предельная кардинальная полезность дохода отдельных людей является убывающей, то выравнивание доходов способно привести к увеличению общей полезности. И тем не менее эгалитарная политика не нашла идеологической поддержки у многих экономистов – выбор был сделан в пользу критерия Парето. Политика, предусматривающая изъятие дохода и/или богатства у богатых и передачу его бедным, не является Парето-эффективной. Учитывая это вспомогательное допущение, политические выводы неоклассической теории благосостояния изменились с эгалитарных на консервативные. В действительности ключевые исходные допущения неоклассической теории являются в высшей степени гибкими с политической точки зрения и во многом определяются выбором дополнительных допущений.

Вообще говоря, неоклассическая теория основывается на идее данного индивида. Поэтому она представляет собой весьма удобную основу для идеологии политического индивидуализма. Однако само по себе допущение о заранее данных, стремящихся к максимизации полезности индивидах, не содержит нормативной идеи, хоть как-то связанной с максимизацией человеческой свободы или минимизацией роли государства. Одно дело – говорить о том, что аналитические и нормативные идеи могут быть легко совмещены друг с другом. Но это не означает, что одна идея с необходимостью логически вытекает из другой.

Тот факт, что неоклассическая теория легко может быть представлена как в прорыночном, так в антирыночном ключе, служит симптомом того, что ей не удалось предложить адекватное объяснение принципов функционирования рынка. И действительно, предположение о том, что неоклассика предлагает адекватные основания для создания любой про- или антирыночной политики, оказалось бы для этого направления экономической теории неподъемным бременем. В сущности, неоклассическую теорию нельзя охарактеризовать ни как прорыночную, ни как антирыночную, потому что она вообще не может рассматриваться как адекватная теория рынков. Если мы на секунду забудем о ее связи с рынками, то правильнее будет сказать, что неоклассическая теория *закрывала глаза* на реальные рынки, а значит и на их достоинства и недостатки.

Было бы серьезной ошибкой отвергать экономический мейнстрим исходя из политических оснований, особенно если нас волнуют политические проблемы. Ошибка может стать еще более серьезной, потому что она порождает неоправданное доверие

Джеффри Ходжсон

к главенствующему теоретическому направлению как средству создания политики, имеющей прочные основания. В действительности неприятие теории из-за связанной с нею политики непреднамеренно ведет к упрочению позиций теории, порождая куда больше доверия к ней как жизнеспособной движущей силе политики, чем она того заслуживает.

Кроме того, превращение науки в идеологию лишает смысла любые попытки получения более убедительных научных объяснений социальных и экономических результатов, которые мы, возможно, хотели бы изменить. Стоит ли убеждать научное сообщество в том, что мы обнаружили истинные причины бедности или безработицы, если у нас имеется возможность прикрыться «щитом» своей идеологической позиции? Тем самым мы отказываемся от роли ученых и слагаем с себя научные обязанности. Это в свою очередь ведет к определенному ограничению нашей способности изменять и улучшать мир вокруг нас. Любой альтернативный господствующему в экономической науке теоретическому направлению новый подход обязан, прежде всего, предъявить доказательства того, что он основывается в большей степени на тщательном анализе того, что есть на самом деле, а не на суждениях относительно того, что должно быть.

Другие критерии: междисциплинарность, институты, эволюция и открытые системы

В этом разделе мы рассмотрим определяющие характеристики институционализма, перечисленные в приведенном выше списке под пунктами 2, 3 и 4. По моему мнению, они являются необходимыми для определения институционализма, но далеко не достаточными.

Обратимся к такому достойному атрибуту как междисциплинарный характер. Благодаря междисциплинарности старая институциональная экономика успешно развивается, не отставая от антропологии, социологии, политологии и психологии.

В то же время установление природы междисциплинарности — довольно трудная задача. Неоклассическая экономика также имела все основания для утверждений о том, что она опирается на другие научные дисциплины. По словам чикагских экономистов Гэри Беккера и Джека Хиршлейфера, они использовали в своих научных изысканиях данные о биологических открытиях. Неоклассические подходы, основанные на теории рационального выбора, использовались в политологии и социологии. Воззрения экономистов-неоклассиков во многом подтверждались данными исследований некоторых индивидуалистических школ в антропологии и психологии.

В чем сущность институциональной экономики?

Впрочем, далеко не все междисциплинарные предприятия оправдывают затраченные на них силы и средства. Во многих научных дисциплинах приняты индивидуалистические и другие допущения, неприемлемые для институционализма. В антропологии или психологии можно найти и более комплексные концепции личности. Однако рядом с ними соседствуют совсем скудные и неподходящие идеи. Возможно, институционалисты могли бы более полно, с большей заинтересованностью использовать междисциплинарные ресурсы. Однако сама междисциплинарность отнюдь не определяет институционализм.

Старый институционализм делал особый акцент на важнейшем значении институтов в экономической жизни, направляя усилия на понимание их роли и их эволюции. В 1940–1975 гг. экономисты, принадлежавшие к основному течению экономической науки, отвергали любые попытки изучения институтов. Сегодня положение изменилось. Появление нового институционализма привело к тому, что большинство экономистов анализируют институты наравне с результатами решений рациональных, максимизирующих агентов. Старые институционалисты больше не имеют оснований утверждать, что они принадлежат к единственной школе в экономической науке, занимающейся изучением институтов.

Обратимся к идее об эволюционном характере институциональной экономической науки. Содержащаяся в ней доля истины заключается в том, что в своих научных трудах институционалисты уделяют особое внимание процессам структурных трансформаций, зарождения и изменения, то есть проблемам, которые очень часто игнорируются в литературе, принадлежащей к мейнстриму экономической науки. Однако проблема состоит в том, что прилагательное «эволюционный» является в высшей степени расплывчатым. Сегодня оно широко используется даже теми экономистами, которые применяют неоклассические методы. Например, очень модной сегодня является «эволюционная теория игр». И даже Вальраса называют эволюционным экономистом (Jolink, 1996). Наконец, само слово «эволюционный» стало сегодня настолько модным, что его вставляют буквально везде. При этом оно может нести с собой очень немного смысла или вовсе ничего не значить. Одни прибегают к нему, чтобы указать на использование биологических аналогий; другие самопровозглашенные «эволюционные экономисты» не видят в этом ни малейшего смысла. Нам еще предстоит выработать и принять более узкое и более точное значение слова «эволюционный», что позволило бы провести четкое разграничение между институционализмом и другими подходами (Hodgson, 1993b, 1999).

И наконец, мы переходим к принятому в институционализме пониманию экономики как «открытой системы». Очевидно, что

Джеффри Ходжсон

это является одним из важнейших научных достижений старой институциональной экономической теории, по крайней мере в том смысле, что экономика признавалась частью естественной среды, воплощенной в системе социальных отношений и испытывающей воздействие технологических и других изменений. Пока все хорошо. Но проблема использования понятия «открытая система» в качестве разграничительного критерия заключается в необходимости большей содержательности идеи «системы» и более подробного объяснения такого ее свойства, как «открытость» в противоположность «закрытости». Идея системы — это важное, но сложное понятие. Оно связано с идеей хорошо структурированных взаимодействий между взаимозависимыми компонентами. Однако границы системы могут быть слишком расплывчатыми и установить их бывает очень непросто.

Что такое *открытая* система? Вероятно, имеется в виду система, которая открыта материальным, энергетическим или информационным потокам — система действительно или потенциально взаимодействующая с внешней средой. Является ли национальная экономика, субъекты которой участвуют в торговле с другими странами, открытой системой? Если мы положительно отвечаем на этот вопрос, то стандартная неоклассическая макроэкономика тоже занимается открытыми системами. В той мере, в которой неоклассическая экономика имеет дело с внешними воздействиями на экономическую деятельность, мы можем говорить, что она имеет дело с открытой системой.

Узкий вариант доктрины «открытой системы» означал бы исключение из сферы нашего анализа значительной части литературы по проблемам институционализма, а более широкий потребовал бы признания значительной части неоклассической теории. Таким образом, проблема требует дальнейшего изучения, а пока мы вынуждены признать «открытость» важным, но не совершенным критерием. Подводя промежуточные итоги, отметим, что первые четыре характеристики (пункты 1–4), являются важными, но недостаточными для определения старого институционализма. Нам придется обратиться к пятому критерию.

Институционализованный индивид

Прежде всего, мы должны определить в этом разделе общую тему, которая пронизывает институционализм от научных трудов Веблена начиная с 1890-х гг. до Гэлбрейта и наших дней. Идея о том, что индивид не является заранее данным, но может меняться благодаря институтам, проходит через весь старый институционализм

В чем сущность институциональной экономики?

от его предшественников, принадлежавших к исторической школе, до их наследников, живущих в наши дни. Например, Веблен писал:

Сегодняшняя обстановка формирует институты завтрашнего дня вследствие процесса принудительного отбора, действуя на привычные взгляды людей на вещи и таким образом изменяя или укрепляя точку зрения или духовную позицию, унаследованную от прошлого (Veblen, 1899, 190–191; Веблен, 1984, 202).

По Веблену, это служило основой для фундаментальной критики мейнстрима экономической науки. В 1919 г. он более полно изложил свои доводы:

Потребности и желания, цели и задачи, пути и средства, масштаб и смысл поведения индивида суть функции институциональной переменной, то есть чрезвычайно сложны и весьма нестабильны (Veblen, 1919, 242–243; Веблен, наст. изд., 167).

Подобным образом охарактеризовал «наиболее важный» недостаток неоклассической экономики и Гамильтон: «она пренебрегала влиянием, которое оказывала на поведение индивида система институтов, при которых он живет и должен стремиться к своей выгоде» (Hamilton, 1919, 318; Гамильтон 2007, 116). Несколько позже он развивает эту тему, характеризуя каждый институт как «распространяющий свою форму поведения на деятельность людей», что согласуется с идеей, согласно которой институты обладают каузальной властью, превосходящей власть отдельно взятых индивидов. Гамильтон продолжал: «Институты и человеческие действия дополняют и в то же время противостоят друг другу, беспрестанно переделывая друг друга в бесконечных частицах социального процесса» (Hamilton, 1932, 89).

В написанной в 1899 г. работе Коммонс считал, что институты «формируют индивида» (Commons, 1965, 3). Через некоторое время он пояснил свою мысль, утверждая, что «отдельные личности, с которыми мы имеем дело, представляют собой институционализированный разум... Отдельные люди ... встречаясь друг с другом ... более или менее подготовлены к этому привычкой, сформировавшейся под давлением обычая...» (Commons, 1934, 73–74).

Схожую точку зрения высказывал в своей более ранней статье Митчелл:

Социальные концепции образуют ядро социальных институтов. Институт представляет собой преобладающий образ мышления, ставший общепринятым в качестве нормы, регулирующей поведение. В такой форме социальные концепции приобретают определенное влияние на индивида, связанное с их предписывающим характером.

Джеффри Ходжсон

Каждодневное соблюдение их всеми членами социальной группы постепенно обуславливает постоянное следование этим индивидом соответствующим распространенным схемам поведения, о которых он может и не знать, а также периодически создает определенные препятствия для людей, стремящихся поступать нестандартно (Mitchell, 1910, 203; Митчелл, 2010, 100).

В своем исследовании эволюции денег как института Митчелл описал их влияние на изменение человеческой природы и ментальности.

Современная денежная экономика ... в действительности является одним из наиболее сильных институтов нашей культуры в целом. При трезвом взгляде на нее мы видим, что она оставляет свой отпечаток и на своенравной человеческой природе, принуждая всех нас стандартно реагировать на предлагаемые ею стандартные стимулы и воздействуя на наши идеалы, наши представления об истине, добре и красоте (Mitchell, 1937, 371).

Схожим образом высказывается и Кларенс Эйрс:

... «желания» отнюдь не первичны. Это не врожденные физические механизмы; определено, они не являются и духовными атрибутами. Это социальные привычки. По отношению к каждому отдельному человеку источником их происхождения являются нравы его общества; и даже эти традиции имеют естественную историю и подвержены видоизменениям в ходе общего процесса социальных преобразований (Ayres, 1944, 84).

Идея о том, что индивидуальные вкусы не являются раз и навсегда данными, но формируются под влиянием сопряженных с деятельностью институтов обстоятельств, а также под влиянием других специфических факторов, например рекламы, – важнейшая тема научных трудов Гэлбрейта. Например, в работе «Общество избытка» Гэлбрейт настаивал на том, что «желания могут быть синтезированы рекламой, усилены торговлей и окончательно оформлены посредством незаметных манипуляций мастера уговоров» (Galbraith, 1958, 158). Эта тема присутствует во всех его работах. Безусловно, ни один из авторов не доносил эти идеи до современного читателя более ясно и решительно, чем Гэлбрейт. Особое внимание ученый уделял анализу воздействия рекламы на желания отдельных людей. Это один вариант основной институционалистской истории. Вообще, институционалисты признают потенциальное влияние множества институтов на индивидуальные привычки, представления и предпочтения.

Эти идеи пронизывают институционализм в целом. Отличие институционализма и от мейнстрима экономической науки, и от «новой институциональной экономики» в том и состоит, что

В чем сущность институциональной экономики?

первый не допускает существования заранее данной отдельной личности с уже определенными намерениями или функциями предпочтения. Отрицая такую основу, как заранее данный индивид, на которой построены и экономический мейнстрим, и новая институциональная экономика, старый институционализм крепко держится за идею интерактивных и в определенной мере податливых агентов, «вплетенных» в сеть довольно прочных и самоупрочивающихся институтов (Hodgson, 1988; Ходжсон, 2003). Ни один другой критерий не позволяет провести столь четкую границу между старым институционализмом, с одной стороны, и новым институционализмом и экономическим мейнстримом — с другой (Hodgson, 1993a).

Заметим, что принятие положения об институционализированном индивиде отнюдь не отменяет тезис о том, что институционализм и неоклассическая экономическая наука могут взаимодополнять друг друга. И хотя еще Веблен намеревался очистить экономическую науку от классических и неоклассических ошибок, усилия других институционалистов были направлены на поиск мест, в которых неоклассика и институционализм могли бы выступить своего рода дополнениями. В эту группу входили такие ведущие институционалисты, как Коммонс, Митчелл, Дж. М. Кларк, Пол Дуглас и Артур Бернс. Все они считали институционализм теорией, согласующейся со многими аспектами маршалловской теории цены. Особое внимание комплементарности двух научных школ уделял Коммонс (Commons, 1931; Коммонс, 2007). Его позиция, вне всяких сомнений, была спорной. Но она показывает, что полное исключение неоклассической экономики из институционализма привело бы к тому, что нам пришлось бы исключить из институционалистского канона и Коммонса, и других ученых.

Восходящая и нисходящая каузальность

После того как мы определились с наиболее важной общей темой старого институционализма, нам необходимо подробнее рассмотреть ее содержание. Тем более что за прошедшие годы учеными было предложено несколько вариантов этой доктрины. И кроме того, хотелось бы более тщательно рассмотреть некоторые возможные заблуждения и возражения.

Наиболее часто встречающаяся критика идеи, согласно которой индивидуальные вкусы и предпочтения формируются под влиянием обстоятельств, заключается в утверждении о том, что она ве-

Джеффри Ходжсон

дет к специфическому структурному или культурному детерминизму. Имеется в виду, что человек становится «игрушкой» в «руках» социальных или культурных обстоятельств.

Как известно, некоторые старые институционалисты действительно придерживались подобных детерминистских воззрений. Очевидно, что слова Эйрса о том, что «индивида не существует» (Ayes, 1961, 175), лили воду на мельницу детерминистов (Rutherford, 1994, 40–41). Опасность подобного подхода состоит в том, что его приверженцы рассматривают общественное устройство как, прежде всего, «нисходящий» процесс формирования индивидов под влиянием «сладких речей» институтов, пренебрегая индивидуальной автономией и способностью к самостоятельному действию. В эпоху после Второй мировой войны эйрсовская концепция институционализма получила настолько широкую известность, что многие исследователи считали ее образцом институционализма в целом.

Но подобные преимущественно «нисходящие» варианты основной идеи институционализма разделялись далеко не всеми представителями этого направления экономической науки. Очевидно, что в их число входили и Веблен, и Коммонс. Например, Веблен утверждает, что, хотя институты и влияют на индивидов, сами они являются результатом индивидуального поведения и приспособления:

Рост и мутации институциональной структуры являются результатом поведения индивидуальных членов группы, поскольку институты зарождаются именно из опыта индивидов, через выработку привычки; и именно в этом опыте институты напрямую воздействуют на поведение, определяя его цели и задачи (Veblen, 1919, 243; Веблен, наст. изд., 167).

Во многом схожих взглядов придерживался и Коммонс, рассуждая в 1899 г. о зависимости институтов от убеждений людей:

Социальные убеждения... образуют основу чувств каждой отдельной личности; они, и только они, делают возможным привлечение других людей, с которыми человек должен будет объединить свои усилия. Институт, в котором он себя обнаруживает, одновременно является и причиной, и следствием его убеждений... Общие убеждения и желания являются живой, действующей силой в рамках института (Commons, 1965, 6–8).

Очевидно, что исследователи, высказывания которых приведены выше, действительно признавали и зависимость институтов от отдельных людей, и формирование индивидов под влиянием институтов. В своих научных трудах Веблен и Коммонс рассма-

В чем сущность институциональной экономики?

тривали и восходящую и нисходящую линии причинно-следственных связей; отдельные люди создают и изменяют институты, а институты формируют и ограничивают индивидов. Таким образом, несмотря на раздающиеся время от времени утверждения о неразрывной связи институционализма с нисходящим культурным и институциональным детерминизмом, в действительности она отнюдь не является необходимой.

Огромное значение институционалистской идеи о том, что институты формируют поведение отдельных людей, заключается в том, что она способствовала принятию экономическим анализом новой идеи власти. Власть – это не просто принуждение. По мнению Стивена Льюкса, чрезмерное внимание к «принудительному» аспекту власти ведет к игнорированию того обстоятельства, что она очень часто применяется в относительно мягких формах и нередко без каких-либо открытых конфликтов (Lukes, 1974; Льюкс, 2010). Ученый подчеркивает, что высшая власть осуществляется посредством «дирижирования» мыслями и чувствами других людей.

Магистральное направление экономической науки об этом даже не задумывается. Функции предпочтения не подвержены преобразующей нисходящей причинно-следственной связи. Это становится очевидным, когда мы сталкиваемся с попытками «объяснения» вкусов людей. Так Беккер (Becker, 1996) пытается показать, что культурные и иные влияния способны изменить предпочтительные результаты, добавляя к аргументам этих функций культурный и другие факторы. В то же время он игнорирует воздействие культуры на сами функции предпочтений.

В данном случае проблема состоит в том, что такого рода анализ не способен учитывать действительную эволюцию и фундаментальное развитие индивида. Исследователи пытаются свести все объяснения рассматриваемого социального феномена к заранее данному индивиду, но при этом функция индивидуальных предпочтений делается неизменной. Функция предпочтений должна уже быть «здесь», должна быть «готовой» к непредсказуемым и неизвестным обстоятельствам. В сущности, мы уже знаем то, что еще предстоит узнать.

Как правило, обучение происходит посредством и в рамках социальных структур, и, по крайней мере в этом смысле, преобразующая нисходящая каузальная связь играет очень важную роль. Неоклассическая экономическая наука с большим трудом принимает понятие обучения, поскольку сама идея «рационального обучения» является не слишком ясной. Обучение рассматривается как постепенное открытие заранее данной информации, как стимулы и реакция, или как байесовское обновление субъективных

Джеффри Ходжсон

оценок вероятности в свете поступающих данных. Однако, не будучи простой передачей «фактов» данным индивидам, обучение представляет собой процесс развития и преобразования. Обучение включает в себя адаптацию к изменяющимся обстоятельствам, что предполагает изменение участвующих в нем индивидов. Более того, важнейшую роль в определении представлений и норм процесса обучения играют институты и культура (Hodgson, 1988; Ходжсон, 2003). Таким образом, преобразующая природа обучения, по крайней мере частично, связана с преобразующей нисходящей каузальностью. Грубо говоря, если социальная теория полностью принимает идею обучения, она должна принять и идею преобразующей нисходящей причинно-следственной связи.

Заключение

Мы постарались обосновать положение, согласно которому внимание к политическим вопросам может быть атрибутом институциональной экономической науки, но не может быть ее определяющей чертой. Необходимые черты институционализма включают в себя признание важности открытий, сделанных в других научных областях, научных достижений в исследовании институтов, а также открытых и эволюционирующих систем.

И тем не менее важнейшей характеристикой институционализма является идея о социальной и институциональной обусловленности индивида. Данное положение подтверждается тем, что все представители старой институциональной экономики, от Веблена до Гэлбрейта, соглашались с идеей, согласно которой отдельный человек формировался в определенных культурных и институциональных условиях. Впрочем, в институционализме существует большое количество интерпретаций этой точки зрения.

В то же время и в господствующем в экономической науке течении, и в новом институционализме отсутствовала идея о «преобразующей нисходящей каузальности». В экономической науке индивид традиционно воспринимается как некая данность. И точно так же как имманентно заданная воспринимается и функция его предпочтений, пусть даже она включает в себя в качестве аргументов те или иные культурные переменные (Becker, 1996). Основное внимание уделяется «рациональному выбору» с заданными предпочтениями в указанных обстоятельствах. Суждения о благосостоянии основываются на допущении, согласно которому в заданных обстоятельствах отдельный человек делает «наилучший» выбор.

Отказ от этой точки зрения и переход на позиции старого институционализма имел бы огромное научное значение. В центр

В чем сущность институциональной экономики?

экономического анализа переместились бы концепции социальной власти и обучения. Это означало бы расширение возможностей институционализма с точки зрения исследования проблем структурных изменений и экономического развития. Новый импульс получили бы научные изыскания в таких областях, как долгосрочное экономическое развитие, проблемы слаборазвитых экономик или процесс трансформации в странах бывшего советского блока. С другой стороны, это повлекло бы за собой необходимость применения более сложных аналитических методов и приемов формального моделирования. С нормативной точки зрения, индивид больше не должен рассматриваться как наилучший судья своему благосостоянию. Неизбежно возникает вопрос о распознавании и оценке человеческих потребностей.

В этом, включая вопросы власти, обучения и благосостояния, и состоит теоретическая программа институционализма. Она остается столь же насущной и захватывающей, как и сто лет тому назад.

Литература

- Веблен Т. Ограниченность теории предельной полезности // *Наст. изд.* С. 158.
- Веблен Т. *Теория праздного класса*. М.: Прогресс, 1984.
- Гамильтон У. Институциональный подход к экономической теории // *TERRA ECONOMICUS*. 2007. Т. 5. № 2. С. 110–117.
- Коммонс Д. Институциональная экономика // *TERRA ECONOMICUS*. 2007. Т. 5. № 4. С. 59–70.
- Льюкс С. *Власть: радикальный взгляд*. М.: ГУ – ВШЭ, 2010.
- Митчелл У. Рациональность экономической деятельности (продолжение) // *TERRA ECONOMICUS*. 2010. Т. 8. № 1. С. 96–108.
- Ходжсон Д. *Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории*. М.: Дело, 2003.
- Ayres Clarence E. *The Theory of Economic Progress*. 1st ed. Chapel Hill, N. C.: University of North Carolina Press, 1944.
- . *Toward a Reasonable Society: The Values of Industrial Civilization*. Austin: University of Texas Press, 1961.
- Becker Gary S. *Accounting for Tastes*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.
- Commons John R. Institutional Economics // *American Economic Review* 21, no. 4 (December 1931): 648–57.
- . *Institutional Economics – Its Place in Political Economy*. New York: Macmillan, 1934.
- . *A Sociological View of Sovereignty*, edited with an introduction by Joseph Dorfman. New York: Augustus Kelley, 1965.
- Galbraith John Kenneth. *The Affluent Society*. New York: The New American Library, 1958.
- Hamilton Walton H. The Institutional Approach to Economic Theory // *American Economic Review* 9, Supplement (1919): 309–318.

Джеффри Ходжсон

- Hamilton Walton H. Institution // *Encyclopaedia of the Social Sciences*, vol. 8, edited by E. R. A. Seligman and A. Johnson, 84–89. New York: Macmillan, 1932.
- Hodgson Geoffrey M. *Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics*. Cambridge and Philadelphia: Polity Press and University of Pennsylvania Press, 1988.
- . Institutional Economics: Surveying the ‘Old’ and the ‘New’ // *Metroeconomica* 44, no. 1 (February 1993a): 1–28.
- . *Economics and Evolution: Bringing Life Back Into Economics*. Cambridge, U. K., and Ann Arbor, Mich.: Polity Press and University of Michigan Press, 1993b.
- . *Evolution and Institutions: On Evolutionary Economics and the Evolution of Economics*. Cheltenham: Edward Elgar, 1999.
- . Structures and Institutions: Reflections on Institutionalism, Structuration Theory and Critical Realism. Unpublished mimeo, University of Hertfordshire, 2000.
- Jolink Albert. *The Evolutionist Economics of Leon Walras*. London and New York: Routledge, 1996.
- Kapp K. William. In Defense of Institutional Economics // *Swedish Journal of Economics* 70 (1968): 1–18.
- Lukes Steven. *Power: A Radical View*. London: Macmillan, 1974.
- Mitchell Wesley C. The Rationality of Economic Activity. Part II // *Journal of Political Economy* 18, no. 3 (March 1910): 197–216.
- Mitchell Wesley C. *The Backward Art of Spending Money and Other Essays*. New York: McGraw-Hill, 1937.
- Myrdal, Gunnar. *Value in Social Theory*. New York: Harper, 1958.
- Rutherford, Malcolm H. *Institutions in Economics: The Old and the New Institutionalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Tsuru Shigeto. *Institutional Economics Revisited*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Veblen Thorstein B. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions*. New York: Macmillan, 1899.
- . *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays*. New York: Huebsch, 1919

18

Риторика этой экономической науки¹

Дейдра Маккლოსки

ДЕЙДРА МАККЛОСКИ (Deirdre N. McCloskey) (род. 1942) окончила Гарвардский университет, а затем в течение многих лет преподавала в Чикагском университете и Университете Айовы. В настоящее время Д. Маккლოსки занимает должность заслуженного профессора экономической теории, истории, английского языка и коммуникаций в Иллинойском университете в Чикаго. До 1995 года Маккლოსки носила имя Дональд. Она описывает процесс своего перехода в новое состояние в книге «Переход: воспоминания». Длительное время основной сферой научных интересов исследователя была экономическая история. Но в 1980-х годах Маккლოსки переключилась на изучение способов, используемых экономистами, для того, чтобы убедить других в правильности своих идей, бросив в своей работе, посвященной риторике экономической науки, решительный вызов традиционным воззрениям на экономическую методологию. Д. Маккლოსки, как автор двадцати книг и более чем трехсот научных статей, пользуется огромным влиянием.

✿

В начальной сцене фильма «Выпускник» (*The Graduate*) мистер Макгуайр, покровительственно возложив руку на плечо героя, которого играет Дастин Хоффман, говорит:

- Хочу сказать тебе всего лишь одно слово. Только одно.
- Да, сэр?
- Ты меня слушаешь?
- Да, конечно.

---

1. Deirdre N. McCloskey. *Knowledge and Persuasion in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 38–52. С разрешения автора из этого эссе были изъяты три параграфа (располагавшиеся ближе к концу), посвященные уже утратившей актуальность политической проблеме.

Перевод с английского Ю. Каптуревского.

Дейдра Макклоски

- Пластмасса.
- [Пауза.]
- Что вы имеете в виду?
- Пластмассу ждет великое будущее. Подумай. Ты подумаешь об этом?
- Обязательно.
- Отлично. Это настоящее дело.

Сегодня добродушный мудрец одарил бы нас словом «риторика». Риторике ждет великое будущее. Но в отличие от пластмассы у нее было и великое прошлое. На Западе в течение двадцати веков молодых людей обучали риторике, а также вели исследования в рамках теории речи. Филолог-классик Вернер Йегер охарактеризовал риторику как «первый гуманизм», как «риторическую пайдейю». Но три с половиной столетия назад, во времена Бэкона и Декарта, в развитии риторики наступил перерыв. «Мы по-прежнему пребываем в замешательстве, – замечает историк риторики Ричард Ланем, – хотя с Великого Ньютоновского Упрощения, когда слово „риторика“ стало едва ли не ругательством, прошло вот уже 300 лет. И все же мы начинаем избавляться от него» (Lanham, 1993, ch. 2, p. 27; см. также Lanham, 1992). Английский эмпиризм и французский рационализм прошли долгий и славный путь. Возрождение риторики, благодаря исследованиям в области литературы и речи, стало очевидным в 1960-х годах. Сегодня поиски нового понимания того, как следует обращаться со словами, распространились и на другие научные дисциплины. Так, философы погружены в размышления о речевых актах, а лингвисты – о прагматике разговора.

Риторика была практически заново открыта в конце XX века людьми, пребывавшими в неведении о ее прошлом. К числу практикующих риторов относятся математик, стремящийся соответствовать стандартам доказательств в топологии, или экономист, отмечающий, что совет управляющих Федеральной резервной системы выступает как оратор, преследующий определенную цель, или политолог (если политика будет, в конце концов, сведена к опросам общественного мнения), который ломает голову над уравнениями регрессии (Barry, 1965; J. Nelson, 1983). Если бы они размышляли о рефлексиях по поводу своих действий, им достаточно было бы сказать вам всего три слова: «Ты меня слушаешь?» («риторика научных изысканий»).

На вопрос Джорджа Фейвела о критерии, используемом для оценки конкурирующих экономических теорий, Кеннет Эрроу ответил:

Убедительность. Соответствует ли теория нашему пониманию экономического мира. Было бы глупостью сказать, что мы полагаемся

Риторика этой экономической науки

исключительно на неопровержимые эмпирические факты. Очень важная часть этого – наше восприятие экономического мира. Если вы обнаружили новый концепт, вопрос заключается в том, действительно ли он «проливает свет» на ваше восприятие. Возникает ли у вас чувство, что вы правильно понимаете происходящее в повседневной жизни? Впрочем, я отнюдь не пытаюсь умалить важность соответствия этого концепта эмпирической проверке и другим тестам (Feiwel, 1987, p. 242).

Удивительно, но Марк Блауг приводит эту же цитату, чтобы показать, что Эрроу – последователь Лакатоса (Blaug, 1991, p. 505). В действительности этот отрывок означает, что Эрроу, как и все мы, является ритором. Он ищет способы убеждения посредством интроспекции, посредством понимания социального мира ну и посредством лучших линейных несмещенных эконометрических тестов тоже.

Современным людям довольно трудно понять, о чем, собственно, идет разговор, поскольку первая проблема возникает в момент употребления самого слова «риторика». Подобно тому как «анархизм» используется для обозначения действий бомбометателей, а «прагматизм» – беспринципных политических махинаций, риторика представляет собой прекрасное слово, переживающее не самые лучшие времена.

Как я уже упоминала, слово «риторика» изначально определялось в узком и широком смыслах. Узкая дефиниция принадлежит Платону. Особенно популярной она была в XIX веке благодаря романтизму, провозгласившему главной человеческой добродетелью искренность. «Риторика» же, согласно Платону, определяется как косметическое средство, призванное скрыть, замаскировать болезнь, а не вылечить ее. Журналисты используют это «косметическое» определение риторики в сообщениях о происходящих событиях, а философы – на своих семинарах. Если газеты намереваются сообщить о невразумительном пустословии или делают тридцатисекундный репортаж о сжигании государственного флага, новость подается под заголовком типа «Сенатская кампания утонула в трясине риторики». На философских семинарах словом «риторика» характеризуют нарочитые красоты, затемняющие изначально ясную четкую идею. Даже У. О. Куайн в довольно наивном введении к статье «Риторика» в своем философском словаре характеризует ее как «общий для рекламистов, адвокатов, политиков и участников дискуссионных групп принцип» (Quine 1987, p. 183), не замечая, что в этом презрительном и платоновском определении он позабыл упомянуть философов.

На языке Платона «риторика» ассоциируется прежде всего с демократическими институтами, такими как народное собрание

Дейдра Макклоски

или суд, презируемыми наделенными истинным вкусом людьми. «Милый мой, ты пытаешься опровергать меня, — говорит Сократ в „Горгии“, — по-ораторски, по образцу тех, кто держит речи в судах... Но для выяснения истины такое опровержение не дает ровно ничего». Или в «Федре»: «...тому, кто собирается стать хорошим оратором, совершенно излишне иметь истинное представление о справедливых и хороших делах или о людях, справедливых и дорогих по природе либо по воспитанию. В судах решительно никому нет никакого дела до истины, важна только убедительность» (Горгий, 471e; Федр, 272d). Сравните с «Горгием», 473e–474a: «Пол, я к государственным людям не принадлежу... Свидетельства большинства в расчет не принимаю» (сравни 471e, 502e о риторике как чистой лести), и «Федрой», 260a, 261c–d, 262c, 267a–b, 275e, 277e, — места, в которых Платон выражает свое презрительное отношение к судам и демократическим ассамблеям. Очевидно, что атака на риторику осуществляется под флагом, цвета которого являются скорее более, чем менее антидемократическими.

Если риторика определяется исключительно как украшение, ее не задумываясь отдают на откуп «чертовым профессорам английского» или рекламным агентам. «Ледниковый» для риторики период начинается в XVI веке. Губительным для нее оказалось выступление на стороне Платона французского философа Пьера де ла Рамэ, повторившего тезис о том, что риторика как чистое украшательство не имеет ничего общего с глубокой философией. Ланем замечает: «Если вы разделяете дисциплину дискурса на сущность и украшение, на философию и риторику, а затем превращаете их в самостоятельные дисциплины, тем самым вы облегчаете процесс их осмысления. Отсюда и берет начало долгая история современных исследований, когда потерянные ключи искали не там, где их обронили, а под фонарным столбом, где их легче всего искать» (Lanham, ch. 7, p. 6–7). Об опасности презрительного отношения к «чистой» риторике предупреждает и другой профессор английского языка: мы должны «скептически относиться к сенсационным заявлениям о том, что слова — это только слова, поскольку истинные слова и образуют наиболее существенные коллективные реальности» (Petrey, 1990, p. 37). Например, наши политики представляют собой не более чем совокупность речевых актов и речей о речевых актах; они легко усваивают методы коррупции, но плохо обучаемы риторике. «Только слово делает нас людьми, — писал Монтень, — только слово дает нам возможность общаться между собой» (Монтень, Опыты, кн. I:9).

Другое, широкое определение риторики принадлежит Аристотелю. В «Риторике» (I.II.1) великий философ определяет ее как «способность в каждом [отдельном случае] видеть доступные сред-

Риторика этой экономической науки

ства убеждения». Безусловно, греки, даже ораторы и борцы, четко различали «убеждение» (*peitho*) и насилие (*bia*), противоположность которых четко показана Кирби (Kirby, 1990). Греческая литература изобилует речами, цель которых состоит в том, чтобы убедить в чем-то другую сторону, когда альтернативой выступает насилие. Троянский царь Приам падает ниц перед Ахиллесом, умоляя врага отдать обезображенное тело погибшего сына, связывая в последних своих словах инструменты убеждения и насилия: «Вот я целую твою руку, от которой пали мои дети» (Гомер, Илиада, XXIV, строка 506). Афиняне, одержав победу в Пелопонесской войне, насмеялись над «огромным множеством слов, которым никто не поверил бы» (чистая риторика). Побужденные мелосцы услышали, что реализм во внешней политике заключается в том (сравните с риторикой Генри Киссинджера и движением за «реализм» в международных отношениях в 1960-х годах), что «при равенстве сил обе стороны признают общую для той и другой стороны необходимость. В противном случае более сильный требует возможного, а слабый вынужден подчиниться» (Фукидид, V, 89). Афиняне перебили всех мужчин, а женщин и детей продали в рабство — отказ от добросердечного убеждения привел к тому, что впоследствии они долго раскаивались.

Следовательно, все не сопряженные с насилием действия являются убеждением, *peitho*, пространством риторики, естественного согласия, взаимовыгодного интеллектуального обмена. Оно включает в себя логику и факт, равно как метафору и историю. В прошлом веке логики убедительно доказали, что «логика» отнюдь не является принимаемым без возражений пространством. Логика может быть аристотелевской, схоластической, предикатов первого порядка, деонтической, модальной, релевантной, многозначной, неформальной, интенциональной, контрфактуальной, эпистемологической, параконсистентной, релевантного следования, нечеткой и т.д. И в такой последовательности можно было до бесконечности перечислять различные способы, используемые людьми для формализации своих слов. Лингвист и логик Джеймс Макколи говорит, что «только высокомерие или невежество позволяет логикам представлять любую единичную полную систему логики как неизменяемую» (McCawley, 1990, p. 378). Схожим образом и «факт» не определяется единственно тем, что вы пнули ногой камень или побарабанили пальцами по столу. Факт является фактом относительно более не противоречивой, если она когда-то была таковой, концептуальной схемы. Если это было известно Канту, то и мы должны знать об этом. Проводившиеся в последние десятилетия исследования в сфере научной методологии неоднократно подтверждали, что факты строятся посредством слов.

Дейдра Макклоски

В этой логике научной риторики и в ее отношении к фактам нет ничего постыдного. По словам Нильса Бора, «идея о том, что задача физики состоит в том, чтобы открыть устройство природы, представляется мне ошибочной. Физика занимается тем, что мы можем сказать о природе... Мы полностью „погружены“ в язык... Слово „реальность“ – всего лишь слово, слово, которое мы должны правильно использовать» (Moogge, 1966 [1985], p. 406). Однако приведенное выше положение распространяется отнюдь не на всех людей; например, сам Бор, предложивший эту метафору, не успевал следить за сюжетом своих любимых американских вестернов и просил кого-нибудь из знакомых посидеть рядом и шепотом объяснять происходившие на экране перипетии. Великому датскому физическому вторит Гейзенберг: «Естествознание не просто описывает и объясняет природу; оно является частью взаимодействий природы и нас самих: описание природы осуществляется в зависимости от того, как мы задаем вопросы» (цит. по: Berger, 1985, p. 176). Таким образом, и апелляция к эксперименту, и апелляция к положительным чертам натуры оратора в равной степени являются частями широкого определения риторики. Логика строгой импликации Милля не менее риторична, чем анафора в поэзии Уитмена. Виттгенштейн говорит: «Произнесение слова подобно нажатию клавиши на клавиатуре представлений» (Wittgenstein, 1945 [1958], p. 4). Согласно этому определению, наука не менее «риторична», чем литература.

Когда экономисты рассматривают некую проблему, например охраны детства, в действительности они размышляют о рынках. Для других людей слова «охрана детства» ассоциируются с частной сферой социального контроля, или комплексом зданий, или проблемой социальной помощи. Экономистам же на ум приходит нечто вроде сертификатов на ценные бумаги, торгуемых на Нью-Йоркской фондовой бирже. Выбор этой метафоры означает необходимость идентификации кривой спроса, кривой предложения и цены. Если экономисты принадлежат к магистральному, неоклассическому течению в экономической науке, они сосредоточат усилия на изучении «рационального» поведения на рынке «охраны детства». Соответственно, марксисты, институционалисты или представители австрийской школы будут рассматривать нечто другое. Но в любом случае они будут воспринимать свои наблюдения как нечто обычное, как способ изучения действительно существующих вещей.

Однако ритор непременно заметит, что этот «рынок» представляет собой «всего лишь» фигуру речи. Конечно, серьезный ритор или серьезный философ науки обойдется и без добавления «всего лишь», поскольку метафора – это сама по себе серьезная фигура аргумента. Упоминание метафор представляет собой не просто

Риторика этой экономической науки

еще один способ доказательства приблизительности или несовершенства экономической науки. Экономисты уверены, что метафора приходит к ним со скрытого завесой «тумана», гуманистического «берега» модернистского мира. С этой точки зрения, «если утверждение может быть проверено только приблизительно» (Gordon, 1991), метафорой может быть названа и экономическая модель. Впрочем, и закон обратных квадратов гравитационного притяжения тоже метафора, равно как и его обобщение Эйнштейном. Хорошо известно, что представители романтизма относили метафору к сфере искусства, отделяя воображение от научных способностей, так как будто за них отвечают особые отделы мозга. Но литературный критик Фрэнсис Макграт доказывает, что подобное различие никак не может быть устойчивым (McGrath, 1985). Одна и та же метафора объединяет закон Бойля и 73-й сонет Шекспира. Тем самым Макграт обосновывает положение о том, что для науки метафора является такой же фундаментальной категорией, как и для искусства.

Модели – это метафоры, вот и все. Аналогично обстоит дело и в других областях науки: «механистическая... органическая, рыночная, драматургическая и следования правилам метафоры – в последние десятилетия все они играли важную роль в психологических исследованиях» (Gergen, 1986, p. 146). «Рынок» – это общее место, *locus communis*, *topos* – место, где работают экономисты. В данном случае риторической метафорой здесь является местоположение. В риторическом способе разговора, начиная с древних греков, метафорой «беседы», «диалога» является *topos* языковой игры на всех игровых площадках экономической науки (очень тщательно, привлекая множество не только философских источников, исследуют метафоры в экономике А. Кламер и Т. Леонард: Klamer and Leonard, 1993; см. также McCloskey, 1985).

Диалоговая фигура речи предлагает аргумент о сходстве, согласно которому экономическая беседа имеет множество черт, сходных с особенностями диалогов, которые ведутся в самых разных сферах. Любой научный диалог имеет много общего, скажем, с поэтической беседой (тщательное их сравнение потребовало бы времени, которое далеко выходит за границы рациональности). Лингвист Соломон Маркус приводит исчерпывающий перечень 52 предполагаемых различий между научными и поэтическими коммуникациями (рациональное против эмоционального, поддающееся истолкованию против необъяснимого и т. д.), после чего отвергает их все до одного как слишком грубые (Marcus, 1974). Одновременно он замечает, что в рамках самих научных и поэтических коммуникаций можно выделить никак не меньше различий, чем между научными и поэтическими диалогами.

Дейдра Макклоски

Попытки установить различия между использованием метафоры в науке и искусстве основываются на предположении, что где-то в 1860-х годах общее их пространство было разрезано по швам с помощью категориального аппарата европейской мысли. Профессор английского языка Ричард Ланем очень обстоятельно показывает, что «попытки провести границу между поэзией и прозой всегда заканчивались не чем иным, как всеобщей неразберихой» (Lanham, 1974, p. 65). Как представляется, усилия, направленные на проведение разграничительной линии между искусством и наукой, пока не приводят к успеху, хотя решить эту задачу пытались лучшие в своих областях специалисты. Например, Томас Кун справедливо замечает, что «только сейчас мы начинаем открывать для себя все выгоды подхода, когда наука и искусство рассматриваются как единое целое» (Kuhn, 1977, p. 343), невзирая на усилия разъединить их. По словам этого философа, красота в науке (скажем, дифференциальное уравнение с поразительно простым решением) представляет собой «вход» в решение технической проблемы, в то время как в искусстве решение технической проблемы (скажем, контрапост в изображении вертикально стоящей фигуры) — «вход» красоты. Однако на различных уровнях искусства и науки должна быть проделана разная работа. Ученый-экономист, подобно скульптору, будет работать над решением технической проблемы для достижения красоты, но на другом уровне красота будет работать для решения технической проблемы. И тогда, справившись с задачей, ученый будет поражен тем (как это обычно происходит с физиками, использующими математику для решения своих собственных задач), насколько непостижимо эффективными с точки зрения науки являются эстетические стандарты. Однажды физик Туллио Реджи в разговоре с химиком и писателем Примо Леви заметил: «Мне понравилось ваше высказывание о том, что периодическая таблица — это поэзия, пусть даже в ней нет ни единой рифмы» (Levi and Regge, 1992, p. 9). Леви ответил: «Возможно, вы воспримете мои слова как парадокс, но в таблице есть и рифма... Способность различить или создать симметрию, „поместив нечто в отведенное ему место“, — это умственное приключение, общее для поэта и ученого» (там же, p. 9–10).

И я согласна с Куном в том, что одним из действительно существующих различий между искусством и наукой является то, что первое поддерживает диалог с уже умершими художниками. Физики, как известно, практически игнорируют прошлое своей науки. В то же время биологи и по сию пору полемизируют с Дарвином, а экономисты — с Адамом Смитом. Но даже эта наиболее убедительная демаркационная линия выглядит довольно расплывчатой и бесполезной. Так что же ответить на вопрос о критерии разде-

Риторика этой экономической науки

ления? Мы видим, что многие виды деятельности представителей искусства и науки накладываются друг на друга. В чем же тогда заключается сравнительная полезность проведения разграничительной линии между искусством и наукой?

Например, логика отнюдь не является исключительной прерогативой счетных машин. В XVII веке английские поэты метафизической школы увлекались логическими формами. Последние рассматривались литераторами, все еще хорошо образованными в сфере риторики, как фигуры речи. Джон Донн начинает свою «Песню» (1633) с *reductio ad absurdum* (Трудно звездочку поймать, / Если скажится за гору, / Трудно черта подковать, / Обрюхатить мандрагору.. / И, старея, / Все труднее / О прошедшем не жалеть), затем обращается к дедуктивному аргументу (Если ты, мой друг, рожден / Чудесами обольщаться, / Можешь десять тысяч ден... / И поймешь, объездив свет: / Много разных / Дев прекрасных, / Но меж ними верных нет), а заканчивает тем, что экономист мог бы оценить как вероятность, для которой установлен низкий приоритет (Коли встретишь, напиши... / Или, впрочем, не спеши: / Никуда я не поеду. / Кто мне клятвой подтвердит, / Что, пока письмо летит / Да покуда / Я прибуду, / Это чудо устоит?).

Произведение Э. Марвелла «К стыдливой возлюбленной» (1681) относится к числу стихотворений, построенных на системе аргументов. И конечно же, речь идет об экономических доводах: сударыня, будь вечны наши жизни, кто бы стыдливость предал укоризне, не торопясь, вперед на много лет продумали бы мы любви сюжет; но время (прежде всего жизнь) относится к числу ограниченных ресурсов; следовательно, норма дисконтирования (как сказали бы современные экономисты) является положительной; тем самым оптимальный план потребления ограничивается одним днем. Марвелл безжалостно и самодовольно заявляет о своем влечении к даме: он выбирает традицию рационального выбора и насмехается над ней в полном соответствии с тенденцией, характерной для языковых игр. (Поэтому литературный критик Кеннет Берк характеризует иронию как «троп тропов».) Экономисты точно так же играют с традицией, делая выводы (N = десять тысяч дней и ночей), осуществляя дисконтирование (t = мрак небытия, пустынные, печальные края), подшучивая над коллегами по поводу «островов» на рынке труда или манипулирования данными. Честно говоря, и у экономистов, и у поэтов недостает чувства иронии по отношению к аргументам. Поэтому они пишут нечто вроде «Коэффициент является достоверным с точностью 0,00 000 001» или «По мне и лучшие стихи / В сравненье с деревом плохи».

Сходство не означает идентичности. Экономическая наука может походить на поэзию в рассматривавшемся нами или некоем

Дейдра Макклоски

другом важном отношении, но они (и это предельно ясно) далеко не одно и то же. На другом уровне сходство между ценными бумагами и охраной детства позволяет рассматривать их с точки зрения функционирования рынка. Однако имеющиеся между ними различия рано или поздно дадут о себе знать. И вновь, если мы перейдем на еще один уровень, тот диалог, который ведут академические поэты, существенно отличается от «разговоров» поэтов, сочиняющих четверостишия для поздравительных открыток. Но взятые все вместе поэты в самых разных отношениях отличаются от экономистов, какими бы поэтичными ни казались специалисты по экономике.

Экономическая наука, например, до такой степени *не* является поэзией, что значительная часть ее приглашает к тому, что критик Луиза Розенблатт назвала «эфферентным» чтением (от латинского *effero* – «выносить»), представляющим собой противоположность чтению эстетическому (Rosenblatt, 1978, p. 25–28). Это означает, что некто ожидает «вынести» нечто полезное из статьи, описывающей проводившийся в Нью-Джерси эксперимент по поддержанию уровня доходов. То есть он читает статью не для себя (впрочем, не следует спешить с такого рода выводами; вспомним о результатах эксперимента Маркуса: чтение некоторых экономических трудов приносит истинное наслаждение, которое едва ли можно получить из других источников). Как заметил Оукшотт, «поэтическое высказывание... не является „выражением“ того или иного опыта; это и есть опыт, и это единственное, что в нем содержится» (имея в виду голос поэзии) (Oakshott, 1959 [1991], p. 525).

Некоторые исследователи, соглашаясь с тем, что экономика, как и другие науки, обращается к метафорам, указывают на то, что метафоры в них используются иначе, чем в поэзии. Например, философ науки Кристина Биччиери в проникательном комментарии по поводу моей «поэтики» экономической теории утверждает, что «хорошая литературная метафора должна быть неожиданной, должна удивлять... Напротив, научные метафоры *обязаны быть общеизвестными*» (Vicchieri, 1988, p. 113, *курсив мой*). Сравните с высказыванием Оукшотта о том, что поэтические «метафоры не имеют укоренившегося значения; их единственное значение придается поэтом» (Oakshott, 1959 [1991], p. 528).

Ну что ж, и да, и нет. Экономист Арнольд Харбергер вспоминает о вечеринке с коктейлями, состоявшейся у него в доме в начале 1960-х годов. В то время Гэри Беккер был блестящим чикагским студентом, работавшим над диссертацией, на основе которой впоследствии была написана известная книга «Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ» (1964). Вечеринка длилась довольно долго, но Гэри был, как всегда, трезв и серьезен и, как всегда, говорил и говорил об экономике. Подойдя к Хар-

Риторика этой экономической науки

бергеру и заметив, что хозяин держит в руке голубую банку с газировкой, Гэри обратился к нему: «Ты знаешь, Ал, *дети – они как потребительские товары длительного пользования*». Это был довольно поэтический момент, совершенно неожиданный для Харбергера (специалиста по товарам длительного пользования, которому и в голову не приходило, что к этой категории можно отнести деторождение). На самом деле, как утверждает Биччиери, молодой Беккер намеревался «перегрузить» метафору, что, вообще говоря, отводило ей место в области мертвых метафор (в конечном счете так и получилось). Но в момент «рождения», как это происходит с поэтическими строками, со временем превращающимися в клише, метафора была какой угодно, но только не мертвой.

Что касается литературной стороны, то Биччиери и другие философы, стремящиеся «наградить» научные метафоры специальной «когнитивной» целью, не имеющей ничего общего с поэзией, переоценивают поэтическое своеобразие. Сами того не осознавая, они принимают основное положение романтической литературной критики, согласно которому поэт находится вне сферы повседневного диалога, когда стихотворение становится «спонтанным потоком ярких чувств», в качестве источника которых рассматривается «вновь вспомнившаяся в состоянии безмятежности эмоция». В действительности поэты, и даже Вордсворт, более всего, конечно же, говорят о самой поэзии, цитируя метафоры своих собратьев. «Монета» поэтической традиции совсем истерлась. В некоторых хороших стихотворениях можно встретить даже такие клише, как «монета поэтической традиции совсем истерлась». Вследствие этого стихи выполняют свою функцию «деятельности, направленной на получение удовольствия от развлечений с помощью своих собственных созерцательных образов» (Oakeshott, 1959 [1991], p. 527) благодаря тому, что они делают с клише (подобно тому, как я чуть выше использовал клише «истершейся монеты», или, как в этом предложении, соблюдая договоренность не ссылаться на свои собственные клише в научных трудах, или, как в этом предложении как части более сложного, используя клише для утомительной рефлексивности, или, как в последней части предложения, для того чтобы не вызвать раздражение у читателя, признавая, что оно слишком «утомительно», и т. д.). Но хорошая наука может быть и такой. Хорошая наука, подобно хорошей поэзии, способна, как любит говорить Харбергер, «заставить звучать как песня» самые рутинные, давно всем приевшиеся метафоры. Периоды классицизма, когда поэт или ученый ищет оригинальность с помощью давно укоренившихся метафор, не являются ни непоэтичными, ни ненаучными. Вспомним хотя бы Александра Поупа или лорда Кельвина.

Дейдра Макклоски

Впрочем, для того чтобы несколько снизить «градус» провокативности, обратимся к диалогу на тему, существенно более близкую (возможно, в какой то степени правы те, кто считает ее эфферентной, «выносящей») экономической науке, — теме экономической журналистики. Было бы полезно задуматься об используемых в ней метафорах, противопоставляя их собственно экономической науке. В рассматриваемой нами сфере работают и журналисты без каких-либо академических претензий, такие как Леонард Силк, Роберт Самуэльсон, Джон Гринвальд, Луис Рукейзер и Дэвид Уорш, и известные академические ученые, наделенные литературным даром, как, скажем, Милтон Фридман, Дж. К. Гэлбрейт и Лестер Туроу, или ученые, ставшие журналистами (Питер Пассел). «Средний читатель» склонен думать, что все принадлежащие этим авторам публикации представляют собой научные статьи, «переведенные» на «понятный» английский язык (как в случае со всей остальной научно-популярной литературой). Без какой-либо предвзятости я должна разочаровать «среднего читателя». Он ошибается. (Я отнюдь не имею в виду, что экономическая журналистика является простым и легким делом. И я совсем не хотела сказать, что на научных семинарах экономические дискуссии ведутся на гораздо более высоком уровне. Например, любой, кому удалось бы стать автором таких же книг, которые публикует финансовый журналист, пользующийся псевдонимом Адам Смит, был бы очень богатым человеком. Сравниться с ним в этом отношении удалось бы очень немногим ученым-экономистам.)

Журналистика требует соблюдения особых, драматических конвенций. Она покоится на таких «китах», как зло, напряженность и индивидуальность. По словам обозревателя *The Wall Street Journal* Уильям Бландела, «первая и она же единственная заповедь» газетного репортажа звучит как «ради всего святого, это должно быть интересно. Расскажите мне *историю*» (Blundell, 1988, p. xii). В качестве иллюстрации приводится старая шутка об идеальном заголовке для журнала *Reader's Digest*: «Как я вступил в плотские отношения с медведями по заданию ФБР и нашел Господа». В описаниях своей работы люди рынка характеризуют ее как «возбуждающую» или «вгоняющую в депрессию», как битву против «быков» или «медведей», как удачное избавление от наброшенной конкурентами «удавки». «Как я вступил в деловые отношения с IBM по заданию Комиссии по ценным бумагам и биржам и нашел конкурентоспособность». В историях, рассказываемых Сэмюэлом Смайлом или Луисом Рукейзером, деловые люди изображаются как отважные первопроходцы, как созидатели, расширяющие границы экономических возможностей. И наоборот, в историях Линкольна Стеффенса или Роберта Каттнера они предстают перед нами в об-

Риторика этой экономической науки

личье тиранов, жестоко угнетающих бессильных мира сего. «История» в том и состоит, что она преподносится на газетных страницах. Если какая-то зарубежная страна начинает демпинг, подрывая позиции «наших» товаров, или обгоняет нас по производительности труда, она тут же зачисляется в разряд «мальчишей-плохишей». Используя всепроникающие спортивные и военные метафоры, «мы» и «они» — это герои и злодеи, «наши» и «соперники». Персонализация образов носит всеобщий характер, как в разговоре при случайной встрече на улице двух давно не видевшихся знакомых.

Показательный пример — книга прекрасного экономиста, декана Школы бизнеса Массачусетского технологического института Лестера Туроу «Решение с нулевой суммой» (1985). Ее отличает истинно спортивный дух: «Игра в конкуренцию далеко не всегда заканчивается победой — в каждой такой игре есть свои проигравшие. Она лишь предоставляет возможность выигрыша... Разворачивающиеся на свободном рынке баталии и проигрываются, и выигрываются. Что касается США, то страна проигрывает на мировых рынках» (Thurow, 1985, р. 59). Одна из глав называется «Создание эффективной команды». Основная тема разговора — конкуренция Америки с остальным миром, когда в качестве основного оружия победы используется «экономика мирового уровня». Еще одна, вышедшая несколько позже книга Л. Туроу называется «Почти на равных». Автор выражает сожаление, что многие читатели не принимают его любимую метафору: «Для общества, в котором такой любовью пользуются командные виды спорта... удивительно, в какой степени американцы не желают признать существование той же самой реальности в гораздо более важной международной экономической игре» (Thurow, 1985, р. 107). Отметим, что моя «реальность» является вашей «метафорой». Пребывая в более агрессивном настроении, Туроу меняет тренировочный костюм на военное обмундирование: «Время от времени американские фирмы будут терпеть поражения на своей собственной территории, не получая никакой компенсации в виде побед за рубежом» (Thurow, 1985, р. 105). Внешняя торговля рассматривается как эквивалент войны.

«Рельсами», по которым «катится» рассказываемая Туроу история, выступают метафора международной «игры» с нулевой суммой, метафора внутренней «проблемы» и метафора «мы». Мы столкнулись с *проблемой* продуктивности, которая обуславливает проигрышные позиции в международной *игре*. Туроу уделяет довольно много времени интерпретации мира с помощью этих связанных друг с другом метафор. Метафоры мы/проблема/игра не слишком часто используются в экономической теории. Противникам экономики с самого начала пришлось по нраву мета-

Дейдра Макклоски

фора обмена как игры с нулевой суммой. Однако субъектом обмена являются товары и услуги. Если обмен – это «игра», не следует ли рассматривать ее как одну из тех, в которых выигрывает каждый, как в случае с аэробикой? Никаких проблем. С точки зрения мейнстрима экономической науки торговля отнюдь не является игрой с нулевой суммой. Конечно, глядя из заводского цеха, торговля действительно выглядит как игра с нулевой суммой, что позволяет видеть в метафоре Туроу проявление здравого смысла. Для делового американца, вынужденного сражаться с японцами на поле конкуренции в производстве автомобилей, его потери, безусловно, зеркально отражают выигрыш компании *Toyota*. Но метафора конкуренции – это взгляд на торговлю лишь с одной стороны – со стороны продающего. Экономисты же рассматривают экономику со всех сторон, а также стремятся выяснить, что скрывается под ее внешними проявлениями. Внешне все выглядит так, что Джим Бурбон из штата Айова торгует с Тацуро Саки из Токио (как сказали бы экономисты, используя свою излюбленную метафору). Деньги, которые приносит продажа Японией автомобилей *Toyota*, идут на оплату 2 тысяч тонн соевых бобов, выращенных США. В то же самое время американский и японский потребители приобрели необходимые им автомобиль и соевые бобы. Один ребенок получает любимую лягушку другого малыша в обмен на перочинный ножик. Каждый из них стал богаче. Если мы будем по тому же самому принципу рассматривать отдельные страны, то придем к выводу о том, что в процессе торговли выигрывает каждая из них (пусть и не слишком много).

Торговля и развитие – это экономическая метафора игры не с нулевой, а с положительной суммой. Экономическая метафора предполагает иную установку по отношению к торговле, чем отношение к ней Фридриха Листа, немецкого теоретика Германского таможенного союза (начало XIX века), или американского теоретика протекционизма позапрошлого века Генри Кэри, или Лестера Туроу и других Иеремий упадка Америки.

Ведя разговор об экономической журналистике в подобном риторическом, рассчитанном на то, чтобы произвести определенное впечатление ключе, я отнюдь не намеревалась «атаковать» предмет нашего внимания с помощью искусства риторики. Я хотела лишь подчеркнуть, что все диалоги носят риторический характер, поскольку, как упоминалось выше, ни один из них не может быть выбран в качестве точки опоры для приложения рычага Архимеда, необходимого, чтобы раз и навсегда избавиться от всех остальных. Не согласные с Туроу экономисты-неоклассики, такие как его коллега по Массачусетскому технологическому институту Пол Кругман, точно так же используют метафоры (например, ме-

Риторика этой экономической науки

тафоры людей как счетных машин и как субъектов, совершающих рациональный выбор). Неоклассики характеризуют положение человека как ситуацию рационального выбора, максимизации целевой функции с учетом имеющихся ограничений. Используемая ими метафора вызывает не столь сильный страх и трепет, как сравнения экономики с борьбой между добром и злом или финальным раундом игр на выбывание в Национальной баскетбольной ассоциации, но от этого она не становится менее метафоричной. Модель рационального выбора – главенствующая метафора мейнстрима экономической науки, побуждающая к мыслям о том, что «как если бы» люди действительно так и принимают свои собственные решения. Эта метафора дисциплинирует диалог экономистов-неоклассиков. Дисциплинирует в том смысле, что если вы не желаете говорить на ее языке, то я не буду вас слушать. Рассматриваемая нами метафора принесла с собой много добра. Благодаря ей были сделаны открытия в самых разных направлениях – от исследований процесса огораживания земель в XVIII веке до функции потребления в XX веке. И вновь повторим, что речь идет о метафоре.

Неоклассики (и я как одна из них) очень любят свою метафору, представляющую людей как счетные машины. Проблема в том, что они приписывают этой метафоре «позитивный» и «объективный» статусы. Но так было далеко не всегда. Триумф просчитанного выбора как определения экономической науки, равно как и триумф компьютерной аналогии в психологии, был одержан в атмосфере неопределенности и разногласий. Тем более что они ни в коей мере не рассматривались как чисто аналитический прием. В XIX веке Уильям Стенли Джевонс воспринял идею счетной машины как весьма убедительную с точки зрения неопозитивистских оснований, соответствовавших бентамовским исчислениям удовольствия и боли. В начале XX века эта метафора благодаря ее психологическому значению была положительно принята и Вильфредо Парето.

Несмотря на центростремительное воздействие общедоступной математики, неоклассический диалог о логике выбора сам по себе дробится на относительно мелкие группы. Новый классический макроэкономист опутал своими чарами многих жаждущих уверенности молодых экономистов. Энергичный по природе неокейнсианец научился сдерживаться, находя утешение в сказках Акерлофа или высказываниях Сена (Klamer, 1983, 1984). Другие наследники Адама Смита не столь привержены вере, даже в тех случаях, когда они получили полное неклассическое образование. Например, экономисты-марксисты будут возражать против неоклассической редукции социального к индивидуальному, а представители австрийской школы, наоборот, – против агрегирования индивидуального к соци-

Дейдра Макклоски

альному. Марксист предпочитает разговор о классовом базисе труда, «австриец» — о неопишуемой индивидуальности предпринимателя. Взаимное пересечение этих диалогов существенно выше, чем стандартное их пересечение с неэкономическими темами. Вы можете попросить любого экономиста рассказать вам о входе новых фирм в экологические ниши, например, или о степени адекватности денежной теории инфляции, однако уровень пересечения, особенно по сравнению со стандартным, с тем, каким он должен был быть, будет весьма низким.

Разговоры более или менее похожих, но основанных на различных идеях о способе убеждения диалогах приведут мониста в негодование. Чувствительное устройство, предназначенное для обнаружения монизма, мгновенно сообщит ему, что «истина плюралистична», а также позволит еще раз увидеть, какого цвета его собственный нос. Впрочем, монист прошел долгий путь, вступая то в одну, то в другую беседу и пытаясь убедить людей в своем собственном законе. «Уровень умственного развития, — говорит он, — может быть измерен одним-единственным показателем, который должен использоваться для разделения школьников на потоки». «Для того чтобы написать историю, достаточно покопаться в архивах». «Экономическая наука должна отказаться от использования опросных листов, поскольку, как известно любому исследователю поведения, люди могут давать заведомо ложные ответы». «Экономика превратится в настоящую науку только тогда, когда в ней будут использоваться эксперименты, такие же, от которых когда-то зависело давно „закрытое“ за бесперспективностью психологическое направление».

Во время новой плюралистической, и прагматической, и герменевтической, и риторической беседы о беседе вокруг разговора экономистов, говоря словами Клиффорда Гирца, «сплетается смысловая сеть». Однако новый диалог в экономической науке лишь только имитирует актуальные действия экономистов, связанные с их историями и метафорами, используемыми в разговорах о совете управляющих Федеральной резервной системы или о торговом дефиците с Японией. Великий экономист-практик сэра Алек Кернкросс выразился так:

Когда приходит черед действовать, то экономическая теория рассматривается как один из многих источников входящей информации. Нельзя полагаться исключительно на логику. Соответствующие данные должны быть сопоставлены с оценками политической и административной выполнимости и дополнены преимуществом опыта и наблюдений. Хорошо известно, что во многих случаях, следуя исключительно логике, мы уверенно встаем на неправильный путь (Cairncross, 1992, p. 20).

Риторика этой экономической науки

Экономической науке следовало бы сойти с пьедестала, на котором она, как хотелось бы грезить (как и женщинам в 1950-е годы), находится. Ведущийся в современной экономической науке разговор отличается, но имеет сходство с диалогом, одним из участников которого является экономическая журналистика. И точно так же он отличается, но схож с диалогом в литературе, отличается, но схож с диалогом в поэзии, отличается, но схож с диалогом в математике, отличается, но схож с диалогом в философии. В них отсутствует какая бы то ни было иерархия, и ни один монистический философский король не вмешивается в разговор и не испортил его тон. Я рекомендовала бы экономистам риторически сложную культуру, в которой, как говорит Ричард Рорти, «ни один священнослужитель, ни один физик, ни один поэт, ни одна партия не рассматриваются как более „рациональные“, или более „научные“, или более „глубокие“ по сравнению с другими. Ни одна отдельная часть культуры не была бы избрана в качестве образцового (или, наоборот, очевидно неприемлемого) условия, к которому должны были бы стремиться все остальные». По словам лингвиста Д. Макколи, «ни одна отдельно взятая традиция не имеет права выступать от лица человечества в целом... или руководствуясь некоей „причиной“, выделяющей ее из всего разнообразия рассуждающих индивидов и традиций рассуждений» (McCawley, 1990, p. 380). Напротив, современная установка, присущая по крайней мере тем, кто еще не испытал сомнений, характерных для фрустрированного ученого и других, игнорирует разнообразие течений в экономической науке и сходство ведущихся в них «разговоров». Невежество это питается презрением.

В качестве более близкого нашей жизни примера рассмотрим развернувшийся в начале 1990-х годов общественный диалог по поводу бюджетного кризиса в США. Последний благодаря Грэмму-Рудмену-Холлингсу был и остается самой что ни на есть реальной вещью. Но, как выразился бы президент Буш, кризис был и словесной вещью. Ну что же, слова тоже ведут к кризису...

Другими словами, риторика – это выступление с речью перед аудиторией. Все речи, предназначение которых состоит в том, чтобы убедить других, являются риторическими, имеем ли мы дело с высшей математикой или с низшей рекламой. В 1991 году цель риторики республиканцев по поводу бюджетного кризиса состояла в том, чтобы убедить аудиторию, состоявшую из налогоплательщиков со средними доходами, жертв пузыря налоговых ставок, крепких йоменов, в том, что они, оказывается, принадлежат к числу тех 5% населения США, кто получает самые высокие доходы. Предполагалось, что риторика демократической партии будет направлена на ту же самую обеспеченную аудиторию, так как

Дейдра Макклоски

высшие по доходам 5 % населения пользуются немалым политическим влиянием. В 1991 году и во время избирательной кампании в 1992 году риторика демократов состояла в том, чтобы убедить американцев: предлагаемое повышение налогов на очень (очень) богатых позволит спасти «средний класс». «Нет налогам с него, нет налогам с меня, обложите ими парня, заказывающего фуа-гра». Однако оказывается, что залатать дыры в бюджете только любителями фуа-гра не удается.

Минуточку. Эксперты в области экономики предлагают нам выход. Наше спасение в отказе от риторики, не так ли? Да, публика и политики любят играть словами. Эксперты – совсем другое дело. Они сообщают нам голые факты и предлагают простую и ясную логику.

Отнюдь нет. И эксперты стремятся убедить свою аудиторию, а значит, должны заниматься словотворчеством в хорошем смысле этого слова. Используемая ими риторика согласуется между собой в нескольких пунктах. Например, экономисты согласны в том, что «кризис» вызван самими «пострадавшими», а в качестве «запа-ла» выступил Фил Грэм, экономист, ставший сенатором. Имеются в виду его попытки привлечь внимание «упрямых ослов». Однако эксперты в области экономики расходятся во мнениях относительно того, насколько серьезной является «истинная проблема» дефицита. Эти разногласия вызваны не столько идиотизмом или злонамеренностью, сколько зачастую неосознанным риторическим выбором.

Предположим, что экономист использует метафору, согласно которой США являются лишь частью мировой экономики, точно так же как штат Айова – частью Среднего Запада. Исходя из этого, он никак не поверит в историю о том, что дефицит бюджета США был вызван высокими процентными ставками. Он скажет, что величина процентной ставки определяется мировым спросом на деньги. Стоит ли волноваться о небольшой части этого спроса, которую называют дефицитом федерального бюджета США? Предположим, что экономист выберет историю скользкого пути к социализму. В этом случае ослабление бюджетной дисциплины ведет к наращиванию выпуска бомбардировщиков B-1 и увеличению субсидий фермерским хозяйствам за счет 5 % получателей самых высоких доходов.

Экспертные знания проявляются в риторике, хотя многие высококвалифицированные специалисты и не признают свою собственную риторику. Экономист – поэт, не знающий об этом. И он же – писатель, счастливый во веки веков. Он – философ, не осознающий себя таковым. Федеральный бюджет в кризисе? Все зависит от прекрасно известного уже в Древней Греции и называвшегося риторикой умения правильно использовать слова.

Риторика этой экономической науки

Литература

- Аристотель (2000). *Поэтика. Риторика*. СПб.: Азбука.
- Barry Brian (1965). *Political Argument*. London: Routledge Kegan Paul.
- Becker Gary S. (1964). *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. National Bureau for Economic Research. New York: Columbia University Press.
- Berger John (1985). *The Sense of Sight: Writings by John Berger*. Ed. L. Spencer. New York: Pantheon.
- Bicchieri Cristina (1988). Should a Scientist Abstain from Metaphor? // Klammer Solow, and McCloskey (eds). *Consequences*. P. 100–114.
- Blundell William E. (1988). *The Art and Craft of Feature Writing*. New York: New American Library.
- Cairncross Alec (1992). From Theory to Policy-Making: Economics as a Profession // *Banco Nazionale del Lavoro Quarterly Review* 180 (March): 3–20.
- Feiwel George R. (1987). *Arrow and the Ascent of Modern Economics*. Basingstoke: Macmillan.
- Gergen Kenneth J. (1986). Correspondence versus Autonomy in the Language of Understanding Human Action // Fiske and Shweder (eds). *Metatheory in Social Science*. P. 136–162.
- Gordon David (1991). Review of McCloskey's, „If You're So Smart“ // *Review of Austrian Economics* 5 (2): 123–127.
- Kirby John T. (1990). The „Great Triangle“ in Early Greek Rhetoric and Poetics // *Rhetorica* 8: 213–228.
- Klammer Arjo (1983). *Conversations with Economists: New Classical Economists and Opponents Speak out on the Current Controversy in Macroeconomics*, Totawa, N. J.: Rowman and Allanheld.
- (1984). Levels of Discourse in New Classical Economics // *History of Political Economy* 16 (Summer): 263–290.
- Klammer Arjo and Thomas C. Leonard (1993). So What's a Metaphor? // Philip Mirowski (ed.). *Natural Images in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Klammer Arjo, Robert M. Solow, and D. N. McCloskey (eds) (1988). *The Consequences of Economic Rhetoric*. New York: Cambridge University Press.
- Kuhn Thomas (1977). *The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lanham Richard A. (1974). *Style: An Anti-Textbook*. New Haven: Yale University Press.
- (1992). The Extraordinary Convergence: Democracy, Technology, Theory, and the University Curriculum // Darryl J. Gless and Barbara Herrnstein Smith (eds). *The Politics of Liberal Education*. Durham, N. C.: Duke University Press. P. 33–56.
- (1993). *The Electronic World: Democracy, Technology, and the Arts*. Chicago: University of Chicago Press.
- Levi Primo, and Tullio Regge (1992). *Conversations*. Trans. R. Rosenthal. Harmondsworth: Penguin Books.
- McCawley James D. (1990). The Dark Side of Reason [Review of Feyerabend's Farewell to Reason] // *Critical Review* 4 (3, Summer): 377–385.
- McCloskey D. N. (1985). *The Rhetoric of Economics*. Madison: University of Wisconsin Press.

Дейдра Макклоски

- McGrath Francis C. (1985). *How Metaphor Works: What Boyle's Law and Shakespeare's 73rd Sonnet Have in Common*. Department of English, University of Southern Maine, Portland, Maine.
- Marcus Solomon (1974). Fifty-two Oppositions between Scientific and Poetic Communication // C. Cherry (ed.). *Pragmatic Aspects of Human Communication*. Dordrecht, Holland: Reidel. P. 83–96.
- Moore Ruth. 1966 (1985). *Niels Bohr: The Man, His Science, and the World They Changed*. Cambridge, Mass. and London: MIT Press.
- Nelson John (1983). Models, Statistics, and Other Tropes of Politics: Or, Whatever Happend to Argument in Political Science? // Zarefsky D., Sillars M. O., and Rhodes J. (eds). *Argument in Transition: Proceedings of the Third Summer Conference on Argumentation*. Annandale, Va.: Speech Communication Association.
- Oakeshott Michael. 1959 (1991). The Voice of Poetry in the Conversation of Mankind // Oakeshott, *Rationalism in Politics and Other Essays*. Indianapolis: Liberty Classics. P. 488–541.
- Petrey Sandy (1990). *Speech Acts and Literary Theory*. New York and London: Routledge & Kegan Paul.
- Quine W. V. (1987). *Quiddities: An Intermittently Philosophical Dictionary*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Rosenblatt Louise M. (1978). *The Reader, the Text, the Poem: The Transactional Theory of the Literary Work*. Carbondale: Southern Illinois University Press.
- Thurow Lester (1985). *The Zero-Sum Solution: Building a World-Class American Economy*. New York: Simon and Schuster.
- Wittgenstein Ludwig. 1945 (1958). *Philosophical Investigations: The English Text of the Third Edition*. Trans. G. E. M. Anscombe. New York: Macmillan.

Реализм¹

Ускали Мяки

Ускали Мяки (род. 1951) — академический профессор Академии Финляндии. У. Мяки получил докторскую степень на факультете общественных наук Хельсинкского университета. Его перу принадлежит более ста экономических и философских публикаций. Какое-то время У. Мяки был редактором *The Journal of Economic Methodology*, и его научные интересы распространяются на всю сферу экономической методологии. Предметом постоянного внимания У. Мяки является реализм в экономической теории. Анализ результатов исследований в данной области посвящены многие публикации ученого. У. Мяки сыграл ключевую роль в становлении экономической методологии как самостоятельной научной дисциплины.

24

Когда экономист рассуждает о «реализме допущений», он использует понятие «реализм» вовсе не в том смысле, в каком его принято употреблять в философии. Еще одна трудность, связанная с применением этого термина, заключается в том, что он обладает множеством легитимных в философии, взаимосвязанных значений, которые тем не менее не сводятся друг к другу. «Реализм» используется как обозначение целого ряда доктрин, имеющих отношение к таким вещам, как наука, чувственное восприятие, универсалии, другой разум, прошлое, математические объекты, истина, моральные ценности, возможности и так далее. Это находит отражение в том факте, что мы не можем «наклеить» на оппонентов реалистов по названным выше вопросам общий ярлык. В зависимости от обсуждаемого вопроса, не-реалисты подписываются под такими позициями, как идеализм, феноменализм, эмпиризм, номинализм, конвенционализм, инструментализм, операционализм, фикционализм, релятивизм и конструктивизм. Это

---

1. Uskali Mäki. Realism // John Davis, D. Wade Hands, and Uskali Mäki (eds). *The Handbook of Economic Methodology*. Cheltenham: Edward Elgar, 1998. P. 404–409.

Перевод с английского Ю. Каптуревского.

Ускали Мяки

многообразие — одна из причин отсутствия условного определения понятия «реализм» или его единой непротиворечивой, сколь угодно краткой или пространной дефиниции. Ниже рассматриваются не претендующие на исчерпывающую полноту онтологическая, семантическая и эпистемологическая формулировки реализма.

Как *онтологическая* доктрина реализм принимает общую форму заявления «X существует» или «X'ы реальны», где X — переменная, которая может обладать различными спецификациями. Для каждой спецификации имеется соответствующий вариант онтологического реализма. Наиболее общей и слабейшей его разновидностью является замена X словом «мир», поскольку она не предусматривает никаких дальнейших описаний составляющих и природы этого мира. Рассматриваемая форма онтологического реализма не включает в себя никаких идей по поводу способа существования мира. Здесь присутствует только идея о том, что мир существует.

Подставляя вместо X слово «универсалии» мы получаем такие доктрины как *платоновский* или *аристотелевский реализм*, согласно которым существуют именно общие понятия; то есть универсалии (сами по себе или вместе с чем-то еще) и образуют мир. Существуют не только (или не) различные партикулярии, вроде предметов круглой формы, коммерческих предприятий и рациональных людей, но и (или только) округлость и сущность предприятия, рациональность и сущность человека. Исходно в этом и состояло использование понятия «реализм» в связи с дебатами по поводу универсалий между реалистами и их оппонентами, номиналистами. Номинализм может выступать и как форма реализма, поскольку в этом случае на место X подставляются «партикулярии» и провозглашается, что в мире нет ничего, кроме них.

Если место X занимают «среднеразмерные материальные объекты» или «предметы чувственного восприятия», мы получаем стандартные формы онтологического *реализма здравого смысла*. В общем случае согласно относящимся к этой категории реалистическим теориям реальным является воспринимаемый при посредстве нашего здравого смысла мир; другими словами, такие объекты, как облака и часы, лошади и здания, горы и мармелад, считаются существующими — объекты, воспринимаемые здравым смыслом как существующие, действительно существуют в такого рода объективной форме, которую здравый смысл принимает как существующую. К оппонентам реализма в теории восприятия относятся идеалисты (для них мир состоит из «идей») и феноменалисты (пытаются истолковать мир на основе того, что они называют «чувственно воспринимаемыми объектами»). Реализм здравого смысла может быть принят и для того, чтобы ввести идею ментальных сущностей, в терминах которых концептуализируют наши жизни и поведение

Реализм

«психология здравого смысла» или «народная психология». Соответственно, речь идет о том, что мы намерены делать, чего хотим, во что верим, что мы подразумеваем, на что надеемся и чего боимся; таким образом, реально существуют лишь наши намерения, желания, убеждения и понимание (даже в тех случаях, когда они возникают по поводу вещей, которые, скорее всего, не существуют, таких как русалки или северный олень Рудольф). В число оппонентов реализма здравого смысла по проблеме ментальных сущностей входят элиминативные материалисты (элиминативисты).

Если место X займут «(часто ненаблюдаемые) сущности как объекты (большинства или лучших, существующих или будущих) научных теорий», такие как электроны, фотоны, кварки, электромагнитные поля, искривленное пространство-время, гены, вирусы, состояния головного мозга и так далее, мы получим онтологическую декларацию *научного реализма*. Теперь реальным становится мир, постулируемый в научных теориях. Оппонентами реализма по вопросу онтологии научных теорий выступают фикционалисты и (онтологические) инструменталисты. В случае радикального физикалистского научного реализма, согласно которому существуют только те сущности, что постулируются естественными науками, круг его оппонентов пополняется сторонниками реализма здравого смысла. Относительно умеренные формы научного реализма могут признавать существование воспринимаемых материальных сущностей мира здравого смысла и даже ментальных сущностей (по крайней мере некоторых из них) психологии здравого смысла.

В других и более спорных вариантах (известных как *модальный реализм*), X замещается «возможными мирами». К числу его сторонников относится, в частности, Дэвид Льюис. Согласно модальному реализму существование не ограничивается действительным миром, поскольку он рассматривается как один из числа многих других существующих возможных миров.

Весьма важным является вопрос о *квантификаторе*, который мог бы использоваться в перечисленных выше формах реализма в отношении сущностей, которые, как утверждается, существуют. При вопросе «сколько?» такой квантификатор выполняет функции индикатора таких ответов, как «все», «ни одного» и «некоторые». Ни один из реалистов не готов настаивать на существовании *всех* постулируемых универсалий, партикулярий, объектов здравого смысла и/или научных объектов (иначе пришлось бы признать, что Дед Мороз, кентавры и флогистон не менее реальны, чем чайные листья или молекулы ДНК). В то же время многие другие реалисты признают существование по крайней мере некоторых такого рода сущностей. Многие научные реалисты согласились бы с заявлением, согласно которому *большинство* объектов,

Ускали Мяки

постулируемых в известных развитых научных теориях, существует. И тем не менее ни один из этих квантификаторов не является необходимым с точки зрения онтологического реализма; ни один из них не рассматривается как обязательный для определения реализма. Для реализма достаточно утверждения, что X может существовать, что понятие существующего X является разумным и логически непротиворечивым. Отсюда возникает ключевой вопрос, касающийся соответствующих понятий существования.

Для полного понимания онтологического реализма еще недостаточно одной спецификации типов и количества сущностей, объявляемых существующими. Необходимо определить, что понимается под выражениями «существует» и «является реальным». Первое решение должно касаться того, существует ли онтологическое понятие «существования» и «реального», которое является концептуально не зависимым от эпистемологических соображений и особых концептуальных рамок, в которых появляются спецификации X ; то есть существует ли в дополнение к концепту «существования в определенных рамках» понятие значимого и «независимого от рамок X » для выражения идеи существования (или не существования) X . Например, вопрос может заключаться в том, может ли значение «существования» в предложении «фотоны существуют» пониматься независимо от значения термина «фотон» и от рамок определенной теории, в которые включен «фотон», и независимо от эпистемологических утверждений, которые могут понадобиться для обоснования существования фотонов (таких как «имеющиеся свидетельства позволяют предположить существование фотонов»). Если мы утверждаем, что независимым является само онтологическое понятие существования, наше понятие является беспроблемно реалистическим. В то же время есть те, кто называет себя реалистами, но отрицает не зависимое от определенных рамок понятие «существования» и «реального»; иногда они называют себя «внутренними» или «эпистемологическими» реалистами, прибегая ярлык «внешнего» или «метафизического» реализма для тех, кто «подписывается» под тезисом о независимости.

Второе решение имеет более непосредственное отношение к значениям «существования» и «реального». Традиционно используются следующие формулировки: «*существует независимо от сознания*» или «*существует независимо от человеческого сознания*». При таком подходе исключается реализм в отношении ментальных сущностей и сущностей, зависимых от сознания, вроде личностей, материальных артефактов и социальных институтов, которые рассматриваются в дуалистическом или неэлиминативном физикалистском ключе; тем самым сфера реализма ограничивается материальным или физическим миром. Следствием такого

Реализм

подхода становится материалистический или физикалистский реализм. Очевидно, что при такой формулировке реализм оказывается не применим к общественным наукам, постулирующим сущности, вроде намерений, ожиданий, ролей, конвенций или институтов; для материалистического реалиста экономическая наука – безнадежный случай. Однако существуют и другие спецификации «существования», позволяющие избежать описанного выше следствия. Например, можно использовать следующие формулировки: *«существующий независимо от признания»*, или *«существующий независимо от исследования»* или *«существующий независимо от любого отдельного акта его отображения»*. Они открывают возможность для дальнейшего обоснования положения, согласно которому эти ментальные и/или социальные сущности существуют в одном или более указанных выше смыслах, причем смыслы эти, вне всяких сомнений, являются реалистическими.

Кроме того, «реализмом» все чаще называют группу *семантических* воззрений, связанных с такими вещами, как референция и истина. В частности, в приведенных выше формулировках невозможно полностью избежать понятия референции; например, научный реализм как онтологический тезис о существовании определенных объектов определялся в терминах теорий по поводу этих объектов, то есть теорий соотносящихся с ними. Утверждение, что научные теории и термины, которые они включают, *соотносятся с реальными сущностями* – часть семантического тезиса научного реализма. Еще одной частью семантического реализма является тезис о том, что предложения, содержащиеся в научных теориях, являются действительными, *истинными или ложными*, утверждениями о реальном мире, а также о том, что они обладают истинностной ценностью, независимо от нашей способности определить ее. Некоторые философы, например Даммит, считают определяющей чертой реализма бивалентность – принцип, согласно которому каждое суждение является либо истинным, либо ложным. К числу оппонентов понятого таким образом реализма относятся сторонники стандартных форм инструментализма. Они рассматривают научные теории как простые средства расчета или совершения умозаключений, не имеющие никаких семантических связей с реальностью; в тех же случаях, когда они обладают семантическими свойствами, например свойством ложности, таковые свойства считаются не имеющими отношения к нашей их оценке. Различные эпистемологические концепции истины (например, идея истины как гарантированной утверждаемости или истины как идеализированной рациональной приемлемости), оспаривают представление о том, что истина может ускользать даже от находящегося в идеальных

Ускали Мяки

условиях идеального субъекта познания; эта истина не зависит от наших способов и вероятности ее обнаружения. Различные виды прагматизма отрицают эту реалистическую идею. Вопреки подобным воззрениям, реалисты придерживаются той точки зрения, что ошибочной может оказаться даже методологически совершенная теория, полностью удовлетворяющая всем условиям, которые мы только можем себе представить.

В некоторых случаях эти идеи дополняются другими представлениями, приписываемыми реалистическому подходу к науке, согласно которым большинство современных научных теорий являются истинными (по крайней мере, в первом приближении) и/или по мере развития науки они постепенно приближаются к истине. Однако, если исходить из наиболее базисных и простых реалистических тезисов, эти идеи не являются необходимыми; реализм может быть вполне верным, даже если большая часть достижений современной науки является ложной, а наука не приближается к истине. То же можно утверждать и в случае с популярной нормативной идеей, приписываемой реализму относительно науки; речь идет о положении, согласно которому наука должна стремиться к истинному объяснению мира.

«Реализм» используется и в связи с особой точкой зрения на то, чем является истина. Имеется в виду теория соответствия истине. Известно множество разновидностей этой теории, но общей для них является идея, согласно которой, предложения (утверждения, убеждения или высказывания) каким-то образом, отчасти вследствие способа существования мира, являются истинными или ложными, что в этом смысле истина является объективной и что она равнозначна соответствию между тем, что, как утверждается, представляет собой мир, и тем, каков он есть. Корреспондентные теории отличаются друг от друга своими взглядами на отношение соответствия и связываемые этим отношением два полюса. Многие реалисты хотели бы связать этот подход к истине с самим понятием реализма. Многие другие оспаривают существование этой связи. Некоторые из них рассматривают корреспондентную теорию истины как самостоятельную идею, никак не следующую из реализма. Другие вновь пытаются игнорировать корреспондентную теорию истины, отдавая предпочтение дефляционным или минималистским теориям истины; эти теории предполагают, грубо говоря, что утверждение «представляется истинным, что свободная торговля ведет к выравниванию цен факторов производства» ничего не добавляет к словам «свободная торговля ведет к выравниванию цен факторов производства».

Онтологическое значение «реализма» традиционно рассматривается в качестве основного. В то же время оно может быть допол-

Реализм

нено эпистемологической точкой зрения, согласно которой объявленные существующими X являются также и познаваемыми. Различные формы *эпистемологического реализма* предполагают некоторые варианты онтологического и семантического реализма, дополненные идеей уже полученных знаний или познаваемости. По поводу некоторых уже существующих X эпистемологический реализм говорит, что факты об этих X известны или могут быть узнаны, то есть что субъекты познания имеют эпистемологический доступ к X, что не существует «завесы», разделяющей познающего субъекта и существующий объект. В зависимости от подходов к самой идее знания, к средствам их приобретения и к релевантным X возможно большее количество различных форм эпистемологического реализма. Можно быть сторонником научного эпистемологического реализма, полагаясь на то, что наука в настоящее время объявляет существующим, или на потенциальную способность науки устанавливать факты о мире. В любом случае они опираются на когнитивные возможности теоретических и эмпирических процедур (а также институциональной организации), используемых в науке.

Подобным образом можно быть реалистом, полагаящимся в вопросе воспринимаемых знаний на здравый смысл. Традиционно главенствующую роль в реалистических эпистемологиях играли теории восприятия. Обычно реалистические доктрины восприятия подразделяются на две основные категории – прямой и косвенный реализм. *Прямой реализм* утверждает, что восприятие непосредственно относится к существующим материальным объектам (является прямым осознанием их), и никаких промежуточных звеньев между восприятием и воспринимаемыми объектами не существует. Не пользующийся сколько-нибудь заметной философской поддержкой, но постулируемый, прежде всего, в качестве объекта критики *наивный реализм* представляет собой вариант прямого реализма и основывается на утверждении, согласно которому мы воспринимаем объекты такими, какие они есть в действительности; это означает, что чувственные данные или воспринимаемые качества рассматриваются как свойства, внутренне присущие материальным объектам, и что все эти объекты обладают всеми воспринимаемыми качествами. Кроме того, все эти свойства не могут быть изменены ни теми, кто их воспринимает, ни условиями восприятия. *Непрямой реализм* утверждает, что восприятие напрямую связано с ментальными отображениями (такими как телесные ощущения и последовательными образами) и лишь косвенно – с внешним миром и что существуют прямые и непрямые объекты. Различные варианты непрямого реализма включают в себя *репрезентационистский реализм* Локка и получившее известность в первые десятилетия XX в. в США движение *критического реализма*

Ускали Мяки

(Лавджой, Сантаяна, Р. В. Селларс и другие). Вообще говоря, ярлык «критический реализм» был принят философами для того, чтобы обозначить позицию, проводящую различие между тем, что дано в опыте, и тем, что существует независимо от этого опыта. Если говорить еще более абстрактно, сторонники подобных философских воззрений стремились подчеркнуть возможность искажения процесса познания благодаря самому познающему субъекту.

Данное положение непосредственно связано с идеей подверженности ошибкам. Фаллибилизм как философское направление основывается на положении, согласно которому все утверждения о тех или иных знаниях принципиально неокончательны (что открывает возможность их корректировки, пересмотра в свете новых свидетельств и доводов). Следовательно, мы никогда не можем быть полностью уверенными в своих знаниях. Как правило, реалисты являются фаллибилистами, противостоя как догматизму, так и радикальному скептицизму. Более того, реализм часто определяется таким образом, что он изначально предполагает фаллибилизм. Имеется в виду упоминавшаяся выше идея, согласно которой ошибочными могут быть даже эпистемически безупречные теория или утверждение.

В кругу философов-реалистов широкое распространение получило представление о том, что разрешение или по крайней мере приближение к решению вопросов, связанных со многими упоминавшимися выше темами, такими как «из чего состоит мир» или чему эквивалентны референция, истина и знание, необходимо оставить науке будущего. Другими словами, спецификации понимаются как *апостериорные* по отношению к прогрессу отдельных наук, вроде биологии, когнитивной науки и — осмелюсь предположить — экономической науки. С этой точки зрения, задача философии состоит не в том, чтобы принимать *априорные* решения о существовании тех или иных видов сущностей, о структуре мира, об отношениях языка и лингвистической реальности, о том, что может быть познано и воспринято и так далее. Как *апостериорное* занятие, философия продуцирует утверждения, которые могут быть подвержены ошибкам в том же самом смысле, в каком неверными могут быть любые другие утверждения.

Совместимы ли друг с другом реализм и экономическая наука? Этот вопрос представляет интерес и для экономистов, и для специалистов по экономической методологии, и для философов науки, и для политиков, и для широкой общественности. Ответ на вопрос зависит от того, что мы понимаем под «экономической наукой» и «реализмом». Например, говоря об «экономической науке», мы можем иметь в виду любую ее форму, или такую экономическую науку, как мы хотели бы ее видеть или какой она могла бы быть. Соответ-

Реализм

ственно будет изменяться и ответ на вопрос. Что касается реализма, то приведенный нами выше перечень отнюдь не является исчерпывающим. В любом случае нам приходится иметь дело с самыми разными его формами, и ответ, очевидно, будет зависеть от того, какую из них мы выберем. Например, если мы остановим выбор на радикальном естественнонаучном реализме, то в настоящее время экономическая наука не отвечает его требованиям. Аналогичный ответ мы получим и в том случае, если избранная форма реализма будет требовать истинности всех компонентов экономических теорий.

В то же время ряд экономистов «подписались» или могли бы «подписаться» под той или иной формой реализма. В их число входят И. Г. фон Тюнен, Дж.С. Милль, Карл Маркс, Дж.Э. Кэрнс, Карл Менгер, Лайонел Роббинс, Николас Калдор, Милтон Фридман, Рональд Коуз, Джордж Ричардсон, Оливер Уильямсон и другие. Несмотря на существенные различия между ними, все эти исследователи едины во мнении о том, что экономическая реальность является объективно (хотя в определенной степени она зависит от сознания) существующей структурой, а экономические теории, даже частично незавершенные и включающие в себя ложные элементы, способны верно отображать некоторые важнейшие аспекты реальности. Наиболее выраженной чертой реализма в экономической науке можно назвать реализм здравого смысла. Дело в том, что в большинстве случаев в экономических теориях рассматриваются те же самые объекты, которые находятся в центре внимания нашего обыденного понимания экономики: домохозяйства и коммерческие фирмы, деньги и цены, покупки и продажи, желания и ожидания. Еще одной, очень важной в эпистемологическом отношении чертой является то, что упрощенные и изолированные условия, теоретически описываемые экономистами, как правило, не могут быть воспроизведены эмпирически, что делает эмпирическую проверку истинности утверждений особенно непростым занятием. Поэтому исключительно важную роль в экономической науке должен играть фаллибизм.

Как особый исследовательский проект, реализм лишь недавно стал изучаться экономической методологией. Двумя важнейшими реалистическими проектами стали исследования, проводившиеся под руководством Ускали Мяки (первое сообщение в печати датируется 1982 г.) и Тони Лоусона (например, проект 1997 г.). Между этими проектами имеется множество различий, но среди них можно выделить два особенно важных «метаметодологических» отличия. Первое состоит в том, что проект Лоусона в значительной степени является приложением одной философской системы (Роя Бхаскара), в то время как Мяки опирался на различные философские источники, а также пытался разработать новые концепту-

Ускали Мяки

альные инструменты, позволяющие отразить некоторые особенности экономической науки. Другое отличие заключается в том, что проект Лоусона изначально предполагал наличие более или менее прямых критических выводов относительно бедности того, что принято называть магистральным направлением экономической науки, в то время как проект Мяки носил более нейтральный характер: ожидалось, что нормативные выводы будут более косвенными и потребуют множества фактических допущений, выходящих за рамки реализма как философской доктрины. Описание и критика этих двух проектов содержится в работе Бойлана и О'Гормана (Boylan and O'Gorman, 1995). Конечно, изучение реализма в контексте экономической науки отнюдь не исчерпывается этими двумя проектами. Большой вклад в осуществление реалистического проекта внесли многие другие специалисты по экономической методологии и философы экономики (такие как Алекс Розенберг, Алан Нельсон, Дэниел Хаусман, Дон Росс, Нэнси Картрайт и другие). Заметим, что, покоряя научные вершины, эти исследователи далеко не всегда водружали на них знамя «реализма».

Литература

- Патнэм Хилари (2002). *Разум, истина и история*. М.: Праксис.
- Armstrong David (1978). *Universals and Scientific Realism*. Vols I–II. Cambridge.
- Boylan Tom and Paschal O'Gorman (1995). *Beyond Rhetoric and Realism*. London: Routledge.
- Devitt Michael (1984). *Realism and Truth*. Princeton: Princeton University Press.
- Lawson Tony (1997). *Economics and Reality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leplin Jarrett (ed.) (1984). *Scientific Realism*. Berkeley: University of California Press.
- Mäki Uskali (1989). On the problem of realism in economics // *Ricerche Economiche* 43, 176–98; reprinted in Bruce Caldwell (ed.). *The Philosophy and Methodology of Economics*. Aldershot: Edward Elgar, 1993.
- Mäki Uskali (1992). On the method of isolation in economics // *Idealization IV: Intelligibility in Science*. Craig Dilworth (ed.), special issue of *Poznan Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities* 26, 319–54.
- Mäki Uskali (1993). The market as an isolated causal process: A metaphysical ground for realism // Bruce Caldwell and Stephan Boehm (eds). *Austrian Economics: Tensions and New Directions*. Dordrecht: Kluwer.
- Mäki Uskali (1996). Scientific realism and some peculiarities of economics // *Boston Studies in the Philosophy of Science* 169, 425–45.
- Putnam Hilary (1981). *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Searle John (1995). *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press.
- Sellars Wilfrid (1963). *Science, Perception and Reality*. London: Routledge & Kegan Paul.

Что может предложить реализм?¹

Тони Лоусон

Тони Лоусон (род. 1950) защитил диплом по математике в Лондонском университете и получил докторскую степень по экономике в Кембриджском университете. Лоусон был основателем Кембриджского реалистического семинара и Кембриджской группы по социальной онтологии (просуществовали относительно долгое время). В настоящее время он является исполнительным директором Кембриджского центра гендерных исследований. Научные интересы Лоусона сосредоточены в пограничных областях между философией и экономической теорией. При этом особое внимание исследователь уделяет вопросам онтологии. В течение 25 лет Т. Лоусон работал редактором журнала *Cambridge Journal of Economics*, а также был членом редакционных советов многих других изданий, включая *Feminist Economics*. Как автор большого числа книг и статей, Лоусон сыграл ключевую роль в продвижении неортодоксальной экономической теории и перемещении социальной онтологии в центр внимания исследований современной экономической науки.

✻

На протяжении нескольких лет я вместе с несколькими коллегами (см., например: Fleetwood, 1999) участвовал в проекте, связанном с исследованиями в сфере экономической теории, который часто называют реалистическим. Но в своей недавней статье в журнале *Economics and Philosophy* Дэн Хаусман поставил под сомнение обоснованность этой его характеристики (Hausman, 1998). На самом деле Хаусман идет еще дальше, говоря, что ссылки на реалистический аспект проекта не только бесполезны, но и могут ввести в заблуждение. Автор перечисляет все вызывающие его беспокой-

---

1. Tony Lawson. What Has Realism Got to Do With It? // *Economics and Philosophy*. 1999. Vol. 15. No. 2. P. 269–282.

Я хотел бы поблагодарить Клайва Лоусона, Пола Льюиса, Стивена Праттена и Йохена Рунде за полезные комментарии одного из первоначальных (и более пространного) вариантов статьи.

Перевод с английского Ю. Каптуревского.

Тони Лоусон

ство обстоятельства в заключительном разделе статьи, в котором он пишет:

Наклеивание на одну из программ по экономической методологии ярлыка «реалистическая» с неизбежностью заставляет высказать предположение, что другие конкурирующие программы таковыми не являются или их участникам не удалось сделать их достаточно реалистическими. В случае экономической методологии это предположение вводит нас в заблуждение, потому что в данной области не существует антиреалистических школ, и лишь немногие специалисты по методологии (в отличие от экономистов) являются еще и инструменталистами. Отличительной чертой программ Лоусона и Мяки служит не реализм (эта черта присуща экономической методологии в целом), а что-то еще. Конечно, это «что-то еще» может быть и особой формулировкой реализма, такой как критический реализм Лоусона. Однако было бы лучше, если бы эта отличительная черта описывалась в терминах того, что отличает ее от альтернатив, а не в терминах того, что является общим для всех них (Hausman, 1998, p. 208–209).

Из этого фрагмента я делаю вывод, что Хаусмана беспокоит не то, что данный проект *интерпретируется* как реалистический (Хаусман признает, что проект таковым и является), и не обязательно (или главным образом) то, что он *опознается* или *определяется* как *особая формулировка* реализма (в конце концов Хаусман признает, что «что-то еще», отличающее эту программу от остальных, «может быть и особой формулировкой реализма, такой как критический реализм Лоусона»). Хаусмана беспокоит то, что этот проект иногда *опознается* или *определяется* просто как *реалистический*. Ведь именно эта практика «с неизбежностью» заставляет высказать предположение, что другие конкурирующие программы не являются реалистическими или их участником не удалось сделать их достаточно реалистическими» (выделено мной. — Т. Л.). Я убежден, что в сложившихся обстоятельствах даже эта последняя практика является более чем оправданной. Моя основная задача здесь заключается в том, чтобы кратко разъяснить, почему я в этом так уверен. В процессе ее решения я воспользуюсь возможностью выделить важные различия между программой Хаусмана и моей собственной.

Реалистический как противоположность не-реалистическому

Прежде всего отметим, что в том случае, когда проект явным образом определяется как «реалистический», по мнению Хаусмана, возможны два вывода: либо конкурирующие программы «не являются

Что может предложить реализм?

ся реалистическими», либо «их участникам не удалось сделать их достаточно реалистическими». Рассмотрим каждый из этих выводов по очереди.

Сейчас я, конечно, готов признать, что все мы в том или ином смысле являемся реалистами хотя бы в силу множественности интерпретаций этого термина. И я всегда неустанно подчеркивал многообразие его толкований. В «Экономической теории и реальности», например, я признавал, что «...реализмом (в философском смысле этого слова) можно объявить любую позицию, которая утверждает существование некоей спорной сущности» (Lawson, 1997a, p. 15). А затем добавлял, что «согласно этому определению, все мы в той или иной степени являемся реалистами; и кроме того, существует множество разновидностей реализма» (p. 15). И наконец, я полагаю, что большинство ученых являются научными реалистами, по крайней мере относительно некоторых из постулируемых ими объектов исследований, признавая их независимое существование.

Разумеется, обычно я использую термин «реализм» особым способом прежде всего для того, чтобы указать на онтологическую ориентацию. В то же время я в равной степени готов признать, что все мы являемся реалистами даже в этом особом смысле занимаемой (или по крайней мере предполагаемой) онтологической позиции. В своих работах я всегда признавал, что все методы, критерии и т. д. предполагают не выраженную явно онтологию, подразумеваемое представление о реальности (см., например: Lawson, 1997a, p. 49). Даже выраженные явно попытки подавить онтологию завершаются лишь созданием новой, неявной, как я подчеркивал в дискуссиях об эмпиризме Юма или формах постмодернизма (см., например: Lawson, 1997a, ch. 6).

Итак, все мы в каком-то смысле (и возможно, во многих смыслах) являемся реалистами. Следует ли из этого, что ориентированный на экономическую науку социально-теоретический проект не должен определяться как реалистический? Вовсе нет. Специфические проекты, программы и виды деятельности, принадлежащие к различным сферам жизни, регулярно определяются в соответствии с отдельными фундаментальными аспектами и чертами, которые присутствуют также и в других проектах и т. д., но играют в них не самую главную роль.

Например, Хаусман рассматривает свой собственный проект как методологический. И я, и Мяки, и другие, о ком прямо говорит Хаусман, — все мы (а Хаусман подтверждает это своей интерпретацией) включаем в свои проекты методологию. Точно так же поступают и остальные экономисты. Все используемые экономистами, а также другими людьми подходы, методы, технические приемы, цели, критерии и т. д. предполагают представление о на-

Тони Лоусон

учном или правильном методе. Тем самым все экономисты и, конечно же, все ученые или исследователи не отделяют себя от методологии. Означает ли это, что Хаусман должен воздержаться от того, чтобы открыто называть свой собственный особый проект методологическим в случае, если он ошибочно посчитал под-разумеваемым, что все остальные проекты не являются методологическими? Действительно ли нам не следует называть поваров поварами, потому что всем нам приходится время от времени стоять у плиты? Или певцов певцами, бегунов бегунами, экономистов экономистами, учителей учителями, студентов студентами и т. д.?

Реалистический: скорее более, чем менее

Причина, по которой большинство из нас не называют себя поварами, певцами, бегунами, уборщиками и т. д., заключается не в том, что мы не участвуем в этих видах деятельности, но в том, что мы не стремимся заниматься этим со всей душой или серьезно, на регулярной, достаточно постоянной основе. Это, я полагаю, имеет большое значение. Тем самым мы переходим ко второму моменту, вызывающему беспокойство Хаусмана, — к эксплицитному обозначению проекта как реалистического, что «с неизбежностью заставляет высказать предположение, что другие конкурирующие программы... не удалось сделать достаточно реалистическими». Именно об этом я и говорю.

Определяя своей проект как реалистический, я прежде и более всего хотел показать *осознанную* и *устойчивую* ориентацию исследования и *явным образом* сформулировать позиции, имеющие отношение к природе и структуре социальной реальности, а также к изучению природы и оснований онтологических (и других) исходных допущений наиболее известных или других, значительных и интересных научных достижений. Именно такой *явно выраженной озабоченности* вопросами онтологии как раз и не хватает (не хватало) современной экономической науке. Я убежден, что отсутствие должного внимания к этим вопросам сегодня является серьезным «недугом» нашей научной дисциплины. И в этом смысле большинство проектов, направленных на развитие современной экономической теории, являются недостаточно реалистическими.

Однако по крайней мере есть еще один смысл, в котором многие проекты в рамках экономической науки являются недостаточно реалистическими и в котором мне бы хотелось определить свой собственный проект. Я имею в виду характерную для большинства экономических проектов тенденцию имплицитно смешивать реальность с тем, что может казаться очевидным (или

Что может предложить реализм?

«наблюдаемым») и оказываться несостоятельным при любых содержательных, систематических или устойчивых попытках выйти за пределы видимости и перейти к исследованию (в равной степени реальных, но далеко не всегда полностью очевидных) основополагающих структур, сил, механизмов и тенденций, порождающих или определяющих поверхностные феномены реальности.

Конкурирующие программы

Прежде чем перейти к более тщательному рассмотрению очерченного выше круга проблем, я должен еще раз обратиться к тому, что описывает в качестве предмета своего беспокойства Хаусман. Речь идет о том, что окружающие могут прийти к выводу, что, по моему мнению, «другие конкурирующие программы не являются реалистическими или их участникам не удалось сделать их достаточно реалистическими». Особенность, к которой я хотел бы привлечь ваше внимание, – упоминание Хаусманом «конкурирующих программ». Из достаточного пространного отрывка, в котором содержится это положение (приведено в самом начале статьи), следует, что Хаусман имеет в виду исключительно программы, осуществляемые специалистами по методологии, явным образом противопоставляя методологов и экономистов. Я обязан немедленно возразить и заявить, что Хаусман ошибается, если он допускает, что, принимая такую реалистическую ориентацию, «конкурирующими программами», к которым я обращаюсь, являются только или главным образом те, что явным образом называют себя методологическими. Я действительно обращаюсь к этим программам. Но я ни в коем случае не рассматриваю участников этих программ в качестве своей основной аудитории, своих главных оппонентов или «конкурентов».

Например, очевидно, что основной аудиторией книги «Экономическая теория и реальность» являются экономисты в целом, принадлежащие и к магистральному течению экономической науки, и к другим ее направлениям. Я считаю свою книгу вкладом в экономическую науку как социальную теорию. Названные «оппонентами» исследователи – это те, кто вносит или еще внесет значительный научный вклад в современную программу в рамках мейнстрима экономической теории (Lawson, 1997a, p. xvii). Я с неизбыточным оптимизмом считал (и считаю) себя самого ученым, пытающимся внести свой вклад в плодотворную трансформацию нашей научной дисциплины. И я считал и считаю *эксплицитно* реалистическую ориентацию важным шагом на пути к этой цели (p. 15).

И все же так получилось, что большинство научных достижений *эксплицитно* обозначенных программ в экономической ме-

Тони Лоусон

тодологии являются (или были) недостаточно реалистическими. Ниже я еще вернусь к этому вопросу. Пока же я хотел бы сконцентрировать внимание на программе мейнстрима в экономической науке. Поэтому еще раз повторю: я убежден, что эта программа не является достаточно реалистической в тех смыслах, о которых мы упоминали выше. И противоположность между этим проектом и моим собственным является единственным существенным оправданием (хотя и не единственной причиной) эксплицитного определения второго как реалистического.

Проблема современного мейнстрима в экономической науке

Перейдем к деталям. Во-первых, любому, кто проявляет интерес к метафизике, совсем не обязательно быть хорошо знакомым с нашей дисциплиной, чтобы согласиться с мнением, согласно которому современные экономисты раз за разом терпят провал в своих попытках рассмотреть природу, последовательность и т. д. онтологических и иных предпосылок различных своих утверждений и решений по поводу теории и метода. Как мне представляется, непосредственным следствием этого является то обстоятельство, что любой проект, направленный на систематическое изучение этих онтологических вопросов, может быть объективно и явным образом *определен* как реалистический. И в этом смысле к числу реалистических следует отнести и мой собственный проект.

Однако я иду гораздо дальше в направлении, которое (также) вполне обоснованно может быть охарактеризовано как реалистическое. Точнее, я, как и многие другие, принимал участие в целом ряде исследований, преследовавших цель создания устойчивой социальной метафизики, теории социальной реальности, необходимой для разработки новых методов социального, включая экономический, анализа. Фундаментальной составляющей этого проекта был поиск ответов на вопрос о природе социальной материи, исследование способа ее бытия, ее структуры и особенностей, условий и т. д.

Таким образом, ориентация этого проекта довольно значительно отличалась от доминирующего подхода, основанного на (бездумном) принятии методов, которые, как предполагается, успешно использовались в естественных науках или, как априорно считалось, характеризовали настоящую науку. Неотъемлемой составляющей позиции мейнстрима является его акцент на работе с формалистическими моделями. Согласно традиции мейнстрима, его главной задачей является создание теорий, обеспечивающих ма-

Что может предложить реализм?

тематические решения. И наоборот, я считал своей основной целью, как бы наивно, по мнению некоторых, это ни звучало, разработку истинных теорий или по крайней мере теорий, обладающих объяснительной силой.

Я обнаружил, что эти два вида целей (теории, обладающие объяснительной силой, и теории, основывающиеся на математических моделях) чаще всего являются несовместимыми хотя бы в силу природы социального мира. Последний рассматривался как в основном открытый и позволяющий выделять лишь локальные участки для проведения научных исследований. В то же время общее использование формалистических экономических методов предполагает, что социальный мир полностью закрыт. В данном случае под закрытостью я понимаю систему с регулярно (детерминистски или вероятностно) происходящими событиями.

Рассматриваемая нами несовместимость позволяет объяснить по крайней мере два набора наблюдений. Во-первых, формалистические модели лишь изредка (если это вообще когда-либо происходит) демонстрируют эмпирическую успешность. Во-вторых, сущности, постулируемые в теориях мейнстрима (определенные на основе наличия математических решений и других, преимущественно прагматических критериев), обычно рассматриваются как нереалистические во многих важных отношениях.

Представляется, что принадлежащие к мейнстриму экономисты даже не задумываются о возможности другого способа действий. Большинство, если не все, специалистов по эконометрике, которые заботятся о «соответствии» реальности (каковая, как предполагается, находит отражение в данных об измеримых событиях и положениях вещей), надеются, что со временем эмпирически успешные модели будут открыты. Некоторые чаяния связываются и с тем, что использование теоретических сущностей, признаваемых совершенно нереалистическими, носит временный характер. Однако многие действуют так, словно это не имеет никакого отношения к делу. В этом и состоят некоторые *элементы* антиреализма позиции, занимаемой представителями мейнстрима экономической науки. Часть исследователей *эксплицитно* проявляет свой антиреализм, когда говорит о предполагаемом статусе «теоретических сущностей», используемых для обоснования моделей (хотя и не в их представлениях о событиях и положениях вещей, которые, как считается, находят отражение в «данных»). Они открыто заявляют, что философская теория, затрагивающая экономические теории или модели, либо не имеет значения для обсуждения истинности моделей, либо истинные модели невозможны (Lawson, 1997a, p. 325).

Мне представляется, что главной проблемой или ошибкой мейнстримовского проекта является не антиреалистическая по отно-

Тони Лоусон

шению к формалистическим моделям *per se* ориентация многих его участников (позиция, которая выглядит в определенной степени оправданной), а решение продолжать (к тому же настаивая, что экономисты не должны интересоваться ничем, кроме этого) проект моделирования, несмотря на отсутствие в течение длительного времени очевидных эмпирических успехов. Его участники не желают признать, что почти полная сфокусированность на моделировании закрытых систем (процедура, в большей степени подходящая определенным естественным – экспериментальным – контекстам) сама по себе спорна и нуждается в обосновании. Я убежден, что ключевой недостаток мейнстрима состоит в пренебрежении изучением природы социальной реальности в поиске основы потенциально более плодотворных альтернатив (включая более общее стремление избегать явным образом выраженной озабоченности онтологией). Короче говоря, основная ошибка современных экономистов заключается в пренебрежении онтологией. Именно в этом специфическом смысле, на мой взгляд, большинство экономистов и не являются достаточно реалистичными.

Реалистическая альтернатива

Конечно, описанные ответы сторонников моделирования призваны обеспечить непрерывность осуществления проекта моделирования в экономической науке. Словно забывая о всякой необходимости эмпирической оценки моделей, некоторые представители этого проекта обращаются к различным критериям отбора моделей, делая акцент на прагматичности или логической последовательности (элегантность, экономичность, комплексность, совместимость с идеей равновесия).

Подобные ответы представляются весьма сомнительными. Как я уже говорил, моя альтернативная стратегия заключается в последовательном и эксплицитном изучении природы социальной реальности и соответствующей разработке методов социального исследования. Отсюда у меня возникли обоснованные сомнения в том, что методы формалистического анализа действительно релевантны в социальной сфере. В процессе исследований я пришел к пониманию необходимости защиты концепции социальной сферы как возникающей в процессе человеческого взаимодействия, но не сводимой к нему. Я выступил с обоснованием теории социальной онтологии, включающей в себя различные формы социальной структуры, в том числе социальные отношения, правила, позиции, процессы, совокупности и т. д., образующие относительно автономную область, которая, будучи зависимой и возникающей в резуль-

Что может предложить реализм?

тате человеческого взаимодействия, обладает несводимыми к нему свойствами и оказывает на него обратное воздействие. В «Экономической теории и реальности» я утверждаю, что эта социальная онтология включает в себя как «вертикальный реализм», предполагающий необходимость изучения основополагающих социальных структур, сил, сущностей и т. д., так и «горизонтальный реализм», распространяющийся на трансфактическое действие каузальных механизмов в открытых и (любых мыслимых) закрытых системах вне зависимости от их результатов. Отсюда я делаю вывод, что оказывающие каузальное воздействие (и нередко в значительной степени ненаблюдаемые) социальные структуры, механизмы и т. д. действительно существуют независимо от осуществляемых нами исследований и индивидуально и коллективно образуют собой объекты исследований в социальных науках.

Ситуация в «экономической методологии»

До сих пор я рассматривал главным образом пренебрежение онтологией (в смысле неспособности эксплицитного онтологического обоснования и отсутствия онтологической глубины) и его последствия для методологических практик экономистов, принадлежащих к мейнстриму. По сравнению с преимущественно априорно бездумными редукционистскими и наукообразными программами, осуществляемыми экономистами мейнстрима, я убежден, что мой проект в сфере социальной теории может быть с полным на то основанием назван реалистическим.

И все-таки, как представляется, Хаусмана в большей степени интересуют любые подразумеваемые отличия от других проектов, эксплицитно определяемых методологически. Если бы сейчас мы имели дело со случаем, когда методологические проекты в сфере экономической науки явно использовали бы социальную метафизику, они, на мой взгляд, тоже наверняка *эксплицитно определялись бы как реалистические*. Конечно, я считаю такое обозначение уместным везде, где подобные проекты *в таком ключе* противостоят и в конечном счете способствуют трансформации преимущественно априорным наукообразным практикам современного мейнстрима (и потому неизбежно отличаются от них). Более того, если в ходе такого критического предприятия будет выработан и обоснован определенный взгляд на природу природы, науки и общества, любой такой проект также наверняка будет признан *особой формулировкой* реализма.

В то же время я полагаю, что эти эксплицитно определяемые в качестве методологических проекты в рамках современной эко-

Тони Лоусон

номической науки в большинстве своем (за некоторыми исключениями) также не уделяли должного внимания вопросам онтологии или метафизики. В основном речь идет о вопросах эпистемической оценки (то есть эпистемологических вопросов, касающихся рациональной основы принятия или отвержения теорий), оказавшихся в центре внимания при обсуждении экономической методологии (подробнее см.: Lawson, 1997a, p. xiii–xvi; Fleetwood, 1998, p. 127–135).

В данной статье я не имею возможности рассмотреть научные достижения, полученные в рамках этих проектов. Но для того, чтобы впоследствии обратиться к некоторым другим поднятым Хаусманом важным вопросам и продолжить дискуссию в надежде прояснить различия между нашими позициями, я мог бы добавить, что сомневаюсь, что даже в его собственной программе – весьма продуктивной и глубокой – вопросам метафизики уделяется должное внимание. Да, они рассматриваются более тщательно, чем в других проектах, и, как представляется, со временем эта ориентация становится все более четкой. И все же мне кажется, что программе Хаусмана, по крайней мере пока, не удалось оспорить релевантность (включая онтологические предпосылки) программ, принадлежащих к современному магистральному (впрочем, и любым другим) направлению экономической науки или разработать онтологию, которая не ограничивалась бы текущими событиями или положениями вещей. Я полагаю, что все эти утверждения в целом справедливы по отношению к работам Хаусмана. Однако в данный момент я хотел бы обратить внимание на его статью в журнале *Economics and Philosophy*, в которой автор явным образом выражает намерение обратиться к вопросам, на которых сосредоточено внимание реалистов.

Хаусман и экономическая теория

В различных разделах статьи в *Economics and Philosophy*, обосновывая ту или иную точку зрения (например, что «по большей части дебаты между реалистами и эпистемологическими антиреалистами нерелевантны для экономической науки» (Hausman 1998, p. 185)), Хаусман утверждает, что «экономическая теория постулирует ненаблюдаемые объекты совсем не так, как это делается в физике» (Hausman, 1998, p. 185). Основной тезис автор формулирует следующим образом:

...онтологические, семантические и эпистемологические вопросы, которые отделяют реалистов от антиреалистов и некоторых инструменталистов, в значительной степени нерелевантны для экономической науки. Причина тому проста: по большей части экономические теории не постулируют новых ненаблюдаемых сущностей (Hausman, 1998, p. 196).

Что может предложить реализм?

Конечно, я хотел бы услышать ответ на вопрос: о каких экономических теориях мы говорим? Обо всех возможных? О тех, которые были сформулированы приверженцами неортодоксальных подходов? Экономисты, которые участвовали в проекте критического реализма в экономической науке (или вдохновлялись им), разрабатывали в своих наиболее важных работах экономические теории, постулировавшие целый ряд новых, по большей части ненаблюдаемых сущностей. Имеются в виду особые социальные отношения (гендерные, расовые, между работодателями и работниками, студентами и преподавателями, денежные), иные структуры власти, социальные процессы, социальные позиции, социальные правила, развивающиеся тотальности, особые институты и т. д. (см., например: Lawson, 1997b, ch. 18). В этом исследовании, как и во многих других, посвященных промышленным округам, регионам, процессам коллективного обучения и т. д., непрерывно постулируются новые категории, процессы, тотальности и т. д. Многие из них, хотя и не все, обладают важными чертами, которые с неизбежностью относятся к числу ненаблюдаемых. Ведь о том, что само человеческое общество существует, можно только знать, но никак не наблюдать это. Таким образом, Хаусман очевидным образом ошибается, высказывая предположение о том, что я «не стал бы... оспаривать утверждение, что экономические теории достаточно редко постулируют существование новых ненаблюдаемых сущностей» (Hausman, 1998, p. 202). (О моих взглядах на природу экономической науки см.: Lawson, 1997b.)

Почему Хаусман, несмотря ни на что, должен был прийти к заключению, что «по большей части экономические теории не постулируют новых ненаблюдаемых сущностей»? Возможно потому, что по крайней мере на соответствующем этапе своего обсуждения он неявным образом и без малейших сомнений сводит экономическую теорию к результату текущего проекта в рамках господствующего в экономической науке направления (или, что еще хуже, к особому его ответвлению, чему-то вроде «теоретической» микроэкономики мейнстрима). Такова стратегия Хаусмана, явным образом выраженная в его недавней книге «Неточная и обособленная наука экономика» (Hausman, 1992). Аналогичным образом мы можем легко интерпретировать его статью, опубликованную в журнале *Economics and Philosophy* и сосредоточенную почти исключительно на вопросе о том, действительно ли «объясняющие и предсказывающие решения о выборе предпочтения и ожидания являются ненаблюдаемыми» (Hausman, 1998, p. 196). Только в рамках современного мейнстрима допускается, что такого рода вопросы играют главную, едва ли не исключительную роль.

Конечно, даже если наше внимание будет сосредоточено на этой ограниченной области, у нас остается право задать вопрос: почему

Тони Лоусон

или в каком смысле имеет значение, что ненаблюдаемые сущности являются или не являются *новыми* (очевидно, подразумеваются незнакомые или непривычные сущности)? В какой-то момент Хаусман признает, что убеждения, предпочтения и т. д., безусловно, являются *ненаблюдаемыми* и даже соперничающими. Но он, по-видимому, предполагает, что любые дебаты о реализме/антиреализме, которые могли бы разворачиваться в экономической науке, являются менее значимыми, чем споры в физике, просто потому, что отмеченные ненаблюдаемые сущности нам известны:

Я настаиваю на иной точке зрения. Антиреалисты стремятся провести черту между относительно непроблематичными заявлениями по поводу повседневной жизни и проблематичными теоретическими постулатами науки. Физика постулирует новые ненаблюдаемые объекты, по поводу существования которых реализм здравого смысла не позволяет принять однозначного решения. И хотя экономическая наука точно так же ссылается на ненаблюдаемые сущности, она, в отличие от физики, не постулирует существования таких же новых объектов. Ее ненаблюдаемые объекты — убеждения, предпочтения и т. д. — пребывают в весьма почтенном возрасте. Они на протяжении тысячелетий были частью понимания мира, основывающегося на здравом смысле (Hausman, 1998, p. 197–198).

Несколько ниже Хаусман добавляет:

Ни одна из имеющих отношение к противостоянию реализма и антиреализма в экономике проблем не относится к числу тех, которые имеют отношение и к обыденному пониманию мира (Hausman, 1998, p. 198).

Я согласен с последним замечанием. Но из него я делаю более или менее противоположный хаусмановскому вывод. Конечно, я даже не пытаюсь, подобно Хаусману, утверждать, что нам следует воздерживаться от вопросов по поводу реальности и сущности определенных аспектов социальной сферы просто в силу существования их понимания, основывающегося на здравом смысле (что в этом смысле ненаблюдаемые не являются «чем-то новым»). И я не предполагаю, что «обыденное понимание мира» является неизменным. Скорее я полагаю, что мы должны постоянно переоценивать даже давно знакомые нам обыденные категории. Например, я рассматриваю деньги (черта современной повседневности, понимание которой, вероятно, основывается на здравом смысле) как систему социальных отношений (что позволяет объяснить, почему этот кусок металла/бумаги/пластика функционирует иначе, чем другие). Является ли эта интерпретация частью понимания в рамках здравого смысла? Обесценится ли она в случае (и только поэтому) отрицательного ответа на предыдущий вопрос?

Что может предложить реализм?

Как быть с повседневными, различающимися в зависимости от пола или классовой принадлежности и т. д. практиками, правами, обязательствами и т. д. в каждом данном месте, а также с их структурными условиями? Даже хаусмановские столы и стулья частично образуют общественные отношения. Когда я отправляюсь, например, в поход, то потенциальными столами или стульями могут выступать самые разные вещи (пеньки, камни с гладкой поверхностью, перевернутые верх дном ведра). Какие именно предметы будут использованы, частично зависит от нас самих и нашего отношения к ним. В конечном счете все то же самое относится и к находящимся в нашем доме артефактам, именуемым столами и стульями.

Другими словами, я предполагаю, что, поскольку Хаусман допускает, что «физика постулирует новые ненаблюдаемые объекты, по поводу существования которых реализм здравого смысла не позволяет принять однозначного решения», точно так же способны «поступать» — и часто «поступают» — и общественные науки, включая экономическую теорию. И эту точку зрения нельзя отбрасывать только потому, что она предполагает, что мы можем и часто должны выходить за пределы здравого смысла или менять его. Поскольку это означает необходимость интерпретации или признания повседневной жизни как внутренне связанной с большей частью ненаблюдаемыми основополагающими структурами (включая более широкие тотальности), я полагаю, что эта устойчивая перспектива гарантирует более реалистическую интерпретацию, чем хаусмановские здравомыслие и квазиактуальность (сводящие реальность к действительному ходу событий).

Впрочем, эти соображения не являются ни единственной, ни даже главной моей задачей. Я возвращаюсь к основной теме предпочтений и ожиданий. Хаусман неявным образом показывает нам, что его интерпретация экономической науки не слишком отличается от текущего, хорошо всем известного комплекса научных достижений в рамках мейнстрима. Конечно, в работе Хаусмана имеется подраздел, многообещающе озаглавленный «Другие ненаблюдаемые объекты в экономической науке». Но в нем речь идет, в сущности, всего лишь о двух элементарных группах — «общественно-необходимом рабочем времени», с одной стороны, и «человеческом капитале» и «атрибутах» — с другой, — исследования которых, по мнению автора, действительно открывают новые возможности. Однако каждая из этих групп довольно быстро отвергается только на тех мнимых основаниях, что они не являются «экономически значимыми» (Hausman, 1998, p. 200) или «не представляют особой важности для экономической науки» (p. 202). Однако у нас остается право на еще один вопрос о том, что же это за экономическая наука, в которой эти (и другие ненаблюдаемые) рассматриваются как несущественные? Это может

Тони Лоусон

быть только современный экономический мейнстрим. Именно этот проект я критиковал за пренебрежение онтологией. Поэтому я опасаюсь, что Хаусман, возможно, сам того не желая, участвует в «заговоре», цель которого состоит в том, чтобы «освятить» результаты в значительной степени обанкротившегося проекта.

Возможно, кто-то заметит, что в ответ на мой последний критический выпад Хаусман мог бы возразить, что его сосредоточенность исключительно на проекте мейнстрима оправдана хотя бы тем, что последний представляет собой на сегодняшний день основной результат экономической науки. Но этот довод представляется мне неудовлетворительным. Хаусман открыто сомневается в том, что проект, в котором участвую я и другие исследователи, следует называть реалистическим. Избранная им стратегия состоит в том, чтобы показать, что дебаты, дискуссии и т. д., в которых, как представитель одного из течений в экономической науке, принимаю участие и я, не предполагают постулирования новых ненаблюдаемых сущностей и т. д. Но в этом случае Хаусман должен проанализировать все дебаты и т. д., в которых я выступаю одной из сторон, на предмет того, относятся ли они к мейнстриму или нет. Поэтому фокус внимания должен быть гораздо шире. Он должен быть наведен на более сложные концепции, чем те, в которых рассматриваются в основном предпочтения и ожидания.

Конечно, Хаусман не мог утверждать, что реалистический аспект проекта, в котором я принимал участие, не является его отличительной чертой в контексте современной экономической науки, и одновременно, что его не следует считать частью современной экономической науки только потому, что он настолько отличается от других.

Хаусман и критический реализм

В последней части своей статьи, озаглавленной «Трансцендентальный реализм», Хаусман идет дальше, рассматривая мой собственный проект. Он отмечает, что вопрос о существовании ненаблюдаемых в социальном контексте не может быть разумно ограничен на априорной основе даже в дискуссиях о сущностях и свойствах. В конце концов Хаусман признает возможность того, что в числе правомерных объектов экономического исследования я могу постулировать основополагающие структуры, механизмы и т. д. Впрочем, в конечном счете в этом разделе содержатся различные, местами ошибочные, а зачастую и не имеющие прямого отношения к рассматриваемой теме замечания или утверждения, в основном отражающие безусловную поддержку Хаусманом традиции мейнстрима.

Что может предложить реализм?

Например, Хаусман высказывает предположение, согласно которому я предлагаю «экономистам ложную дихотомию. Они могут либо принять точку зрения, согласно которой наука представляет собой преимущественно поиск не допускающих исключений упорядоченностей между наблюдаемыми событиями... либо они могут принять критический реализм» (Hausman, 1998, p. 204). Почему эта дихотомия является ложной? В конце концов, критический реализм утверждает, что мир является открытым и сложным образом структурированным. Это обусловлено тем, что упорядоченности события, строгие или частичные (то есть «полуупорядоченности»), могут быть достигнуты при определенных условиях. Таким образом, критический реализм априорно признает возможность изменения степеней строгости упорядоченностей событий. Экономическое моделирование в рамках мейнстрима (дедуктивистское), напротив, предполагает, что строгие упорядоченности событий (включая те, что подчиняются четко определенным вероятностным законам) являются универсальными. Поэтому реальный выбор, реальная дихотомия состоит в том, рассматриваем мы или нет науку «исключительно как поиск не допускающих исключений упорядоченностей среди наблюдаемых событий», соглашаемся ли мы с редуccionистскими заявлениями дедуктивизма или принимаем нередуccionистские утверждения критического реализма.

Хаусман исходит из предположения, что обсуждаемый тезис, согласно которому экономисты должны отказаться от дедуктивизма (как универсализирующего притязания) ради критического реализма, каким-то образом вытекает из «противоречивой метафизики», которая (1) четко описывает деление в метафизических категориях на наблюдаемые и ненаблюдаемые, а также (2) предполагает, что опыт и различные аспекты механизмов сами по себе не могут быть событиями. Я не знаю, почему Хаусман предполагает, что эти утверждения можно или нужно защищать. Лично я этим никогда не занимался и не хотел заниматься (хотя я не отрицаю, что *ex posteriori* социальные структуры, силы, механизмы, процессы и тенденции и т. д. оказываются в значительной степени ненаблюдаемыми).

Далее Хаусман спрашивает: «В чем выгода уподобления вопросов о статусе, например, социальных норм (предположим по отношению к другим социальным структурам) вопросам о существовании электронов?» (Hausman, 1998, p. 205). Однако я уже указывал, что никакого уподобления не происходит; это просто вопросы одного и того же рода. Оба этих вопроса отражают постулирование существования неких спорных видов сущностей, и оба набора постулатов требуют исследования. Как представляется, тем самым Хаусман пытается ошибочно редуцировать все аспекты

Тони Лоусон

всех структур и механизмов к уровню «понимания в рамках обычного здравого смысла», как если бы все эти аспекты возможно было рассматривать не с реалистических или антиреалистических позиций.

Хаусман также предлагает краткое рассмотрение фирм и предполагаемого «закона убывающей отдачи», чтобы показать, что «акцент Лоусона на реализме отвлекает внимание от реальных проблем» (Hausman, 1998, p. 205). При этом Хаусман, по-видимому, полагает, что моя критика экономической науки, если применить ее к дискуссиям о фирме и «отдаче от затрат», едва ли сможет предложить что-то большее, чем предположение о том, что в анализ должно быть включено большее количество переменных или факторов («...закон убывающей отдачи... учитывает лишь один фактор, порождающий наблюдаемые сложные феномены. Чтобы признать этот важный момент, совсем не обязательно быть критическим реалистом» (Hausman, 1998, p. 205)). Тот факт, что я утверждаю, что социальный мир, *включая фирмы*, частично конституируется внутренне динамичными (в значительной части ненаблюдаемыми) и тесно взаимосвязанными структурами возможностей или способностей и т. д., несводимых к какому-либо действительному их осуществлению, остается неосознанным Хаусманом.

Кроме того, Хаусман ссылается на другие «фундаментальные „принципы“ экономической науки» (Hausman, 1998, p. 211), для обсуждения которых у нас не остается места. Представляется, что все приводимые им примеры, такие как уже упоминавшийся выше предполагаемый закон убывающей отдачи, основываются на некритическом принятии основных положений экономической науки. Более всего в работе Хаусмана (и в работах многих других «методологов») меня поражает неспособность признать ограниченную релевантность выделенных ими «принципов» для социальной области. На мой взгляд, это можно объяснить только сохраняющимся нежеланием обсуждать вопрос о релевантности всей (дедуктивистской) традиции мейнстрима и в особенности практикой пренебрежения онтологией.

Заключительные замечания

В недавней статье Хаусмана в журнале *Economics and Philosophy* (Hausman, 1998) содержится ряд утверждений, направленных на то, чтобы показать релевантность или нерелевантность некоторых вопросов и проблем с точки зрения экономической науки. Представляется, что за каждым таким утверждением стоит пред-

Что может предложить реализм?

положение, в соответствии с которым для квалификации вопроса или проблемы в качестве релевантного или «насущенного» они должны находиться в центре внимания или быть предметом обсуждения экономистов, принадлежащих к мейнстриму. Эти рассуждения, по-видимому, основываются на более общем допущении, согласно которому экономическая наука сводится к тому, чем занимается сегодня большинство экономистов, включая специалистов по методологии.

Моей собственной, несколько иной отправной точкой был (широко признанный) феномен: неспособность современной экономической науки прояснить мир, в котором мы живем. Наука переживает период разброда, усугубляемого пониманием необходимости изменить ситуацию или по крайней мере дополнить доминирующие стратегии другими, более полезными и успешными. Мне представляется, что обращение к подобным вопросам должно быть таким же релевантным или насущным, как и к любым другим проблемам современной экономической науки.

Что касается моего проекта, то его основная задача состояла в обнаружении причин неудач нашей научной дисциплины. Оказалось, что проблемы связаны не столько с вопросами, которые волнуют сегодня экономистов, включая специалистов по методологии, сколько с теми, которым они до сих пор уделяли слишком мало внимания. В частности, я утверждал, что проблемы современной дисциплины связаны с пренебрежением онтологией. Одним из результатов предпринятой мною попытки изменить положение вещей стали эксплицитные последовательные онтологические разработки, прикладное значение которых состояло в объяснении закономерностей социальной сферы. В схожем ключе работали и другие исследователи.

Результатом является проект, который не только более эксплицитно и систематически в сравнении с другими ориентирован на онтологические исследования в экономической науке, на разработку социальной метафизики для социальных наук, но еще и имеет гораздо более богатое и значительно более «глубокое» представление о социальной жизни, чем большинство конкурирующих концепций в экономической науке.

Конечно, отстаиваемая нами концепция будет довольно спорной. Независимо от ценности этого проекта и его результатов очевидно, что наш вклад неизбежно будет обусловлен соответствующими практическими соображениями, подвержен ошибкам, частичен и, скорее всего, недолговечен. Но что бы ни говорилось об обсуждавшемся нами проекте, на вопрос о том, что отличает его в контексте современной экономики, я отвечаю: реалистическая ориентация в указанных нами смыслах.

Тони Лоусон

Литература

- Fleetwood S. (1999). *Critical Realism in Economics: Development and Debate*. Routledge.
- Hausman D. M. (1992). *The Inexact and Separate Science of Economics*. Cambridge University Press.
- Hausman D. M. (1998). Problems with realism in economics // *Economics and Philosophy*, 14:185–213.
- Lawson Tony (1997a). *Economics and Reality*. Routledge.
- Lawson Tony (1997b). Economics as a distinct social science? On the nature, scope and method of economics // *Economie Appliquée* L:5–35.

21

Феминизм и экономическая наука¹

Джули Нельсон

Джули Нельсон (род. 1956) занимает должность старшего научного ассоциата в Институте глобального развития и окружающей среды при Университете Тафтса. Докторскую степень по экономике она получила в Университете Висконсин-Мэдисон. В ее работах рассматриваются методологические вопросы феминистской экономической теории, а также результаты эмпирических исследований семей и потребления домашних хозяйств. В настоящее время Нельсон является ответственным редактором журнала *Feminist Economics*. Не так давно у нее вышла книга «Экономика для людей».

В статье, опубликованной в номере журнала *The Chronicle of Higher Education* от 30 июня 1993 года, говорилось, что «спустя два десятилетия после начала пересмотра и переоценок» во многих других научных дисциплинах «феминистское движение довольно неожиданно распространило свое влияние и на экономическую науку». Впрочем, прибывающий поезд встречали не очень много экономистов, возможно, потому, что состав несколько задержался в пути. Многие из тех, кто слышал о его прибытии, так и не познакомились с новыми доводами в пользу феминизма или с перспективами его влияния на профессию. Цель этого эссе — облегчить читателям возможность установления более близких отношений с феминизмом².

-
1. Julie A. Nelson. *Feminism and Economics* // *Journal of Economic Perspectives*. 1995. Vol. 9. No. 2. P. 131–148.

Я хотела бы выразить благодарность за полезные предложения Робин Барлетт, Джоан Комбс Дерсо, Марианне Фербер, Нэнси Фолбре, Глории Гельфанд, Линде Лукас, Констанс Ньюмен, Джин Шеклфорд, Карлу Шапиро, Майре Стробер и Тимоти Тейлору.

Перевод с английского Ю. Каптуревского.

2. Хотя отдельные феминистские вызовы неоклассическим теориям восходят по крайней мере к 1970-м годам (например: Bell, 1974), предметом этой ста-

Джули Нельсон

Большинство людей ассоциируют феминизм с политической программой. Конечно, в нем есть и эта составляющая. Сегодня существует множество разновидностей феминизма, но все его направления объединяет общее стремление устранить препятствия, все помехи, которые на протяжении длительного времени вынуждены преодолевать женщины. В рамках экономики как научной дисциплины эта озабоченность проявлялась в форме усилий, направленных на улучшение положения женщин в профессии (примером может служить деятельность Комитета по статусу женщин в экономической профессии), а также в довольно редких попытках применения экономического анализа к исследованию целей феминистского движения. В то же время многие экономисты, возможно, даже не слышали о последних достижениях феминистской теории в исследованиях сексизма и науки и их приложениях в экономической науке. Исследователи, придерживавшиеся феминистской ориентации, предоставили свидетельства о том, что убеждения относительно гендера (то есть убеждения по поводу характеристик и социальных ролей мужчин и женщин) имеют большое значение и в интеллектуальном, и в социальном плане. Современная феминистская теория ставит под сомнение многие основные допущения и ценности, лежащие в основе нашей экономической практики.

Феминистская теория поднимает вопрос об адекватности экономической практики не потому, что экономическая наука, в общем, является слишком объективной. Наоборот, экономическая теория недостаточно объективна. Тем самым различные ценностно-нагруженные и предвзятые (в особенности маскулинные) воззрения на субъект, модель, метод и преподавание ошибочно воспринимались в экономической теории, как и в других научных дисциплинах, как беспристрастные, свободные от оценочных суждений. Традиционно в центре внимания экономической науки в качестве ее предмета рассматривались действия мужчин, а модели и методы отражали исторически и психологически маскулиный подход, ценящий автономию и обособленность, а не взаимозависимость и взаимосвязи.

ты является «вторая революция» (Coughlin, 1993), набравшая силу в последние несколько лет. Это более сильное течение представлено публикациями феминистских исследователей (Ferber and Nelson, 1993), обсуждением достижений феминистской экономической науки на встречах Американской экономической ассоциации (Bartlett and Feiner, 1992; Shackelford, 1992; Strassmann, 1994; Strober, 1994), а также созданием в 1992 году Международной ассоциации феминистской экономики.

Феминизм и экономическая наука

В то же время, предлагая альтернативу, мы отнюдь не имеем в виду «феминную» экономическую науку, в которой маскулинная предвзятость заменяется феминной, или «женскую» экономическую теорию, когда проводимые женщинами научные исследования, предметом которых являются женщины, осуществляются иначе, чем соответствующие исследования, проводимые мужчинами. Описываемая в этой статье альтернатива предполагает развитие экономической науки в целом, независимо от того, осуществляется ли оно учеными-мужчинами или учеными женщинами.

Гендер и ценности научной дисциплины

Если кто-то считает, что принятые сегодня в экономической науке определения и методы были «рождены» за пределами человеческих сообществ (благодаря божественному вмешательству или использованию чего-то вроде фридмановского вертолета), то идея гендерной предвзятости таких стандартов, безусловно, покажется ему бессмысленной. Однако в том случае, если мы допускаем, что экономическая практика относится к сфере человеческой деятельности, что она развивалась и совершенствовалась в рамках человеческих сообществ, то нам придется признать и возможность того, что человеческие ограничения, интересы и различия в восприятии будут оказывать воздействие на культуру экономической науки. Феминистский анализ экономической теории, который будет обсуждаться в этой статье, начинается с исходного допущения, согласно которому экономика, как и любая другая наука, создавалась и развивалась в обществе. Не следует допускать ошибки, считая, что признание социального конструктивизма означает согласие с заявлениями о том, что «сгодится все», или об отсутствии стандартов истинности или надежности. Речь идет просто о том, что такие стандарты задаются изнутри определенного научного сообщества, а не извне его.

Как именно гендер может повлиять на экономическую науку? Исторически женщины были исключены из экономического общества. Прежде чем перейти от вопроса об исключении женщин к выводам относительно механизмов укоренения гендерных различий, следует сделать одно замечание. Нам необходимо прояснить тонкое, но важное различие, проводимое феминистскими учеными между *полом* и *гендером*. В общем случае в феминистских исследованиях термин *пол* используется для обозначения биологических различий между мужчинами и женщинами. Понятие *гендер*, в свою очередь, применяется в отношении ассоциаций, стереоти-

Джули Нельсон

пов и социальных механизмов, конструируемых культурой на основе актуальных или воспринимаемых различий между мужчинами и женщинами. Например, в среднем меньший, чем у мужчин, вес головного мозга — это биологическая характеристика женщин. Но распространенная в XIX веке интерпретация этого факта, согласно которой меньший вес мозга означает и меньшую рациональность женщин, является примером социального убеждения, то есть принадлежит гендеру (Bleier, 1986).

Большинство феминистских исследователей считают маскулинный «уклон» в науке проблемой гендера, а не пола. Увеличение количества женщин-ученых в самых разных областях науки рассматривается как одна из причин трансформации научных дисциплин не потому, что женщины «привносят с собой нечто иное» благодаря своей женственности, а скорее потому, что выявление гендерных различий на уровне социальной структуры науки способствует повышению внимания к такого рода отличиям и на других уровнях³. Слова о том, что «современная экономическая наука является мужественной», означают, что она отражает социальные убеждения относительно маскулинности, а не традиционную принадлежность исследователей к числу мужчин (Keller, 1986). Слова о том, что экономическая наука с меньшим маскулинным уклоном была бы более адекватной, означают необходимость изменения социальных убеждений по ее поводу. Призывы к увеличению разнообразия среди экономистов-исследователей означают стремление к обогащению научных результатов, а не к превращению экономической науки в вотчину евнухов или кастратов.

Анализу взаимосвязей между современными западными социальными убеждениями по поводу гендера и науки были посвящены первопроходческие работы различных феминистских ис-

---

3. Мы отнюдь не игнорируем современные научные (и общественные) дебаты относительно степени того, насколько мужчины и женщины вследствие генетических и гормональных факторов могут «мыслить по-разному». Заметим лишь, что этот вопрос не является центральным для настоящей статьи. Например, в дискуссиях о психологических различиях между мужчинами и женщинами часто цитируется работа Кэрол Джиллиган (Gilligan, 1982). Однако более тщательное изучение и этого труда, и результатов более современных научных изысканий позволяет сделать вывод о существовании значительных общих для мужчин и женщин зон в рассматривавшихся измерениях. В данном случае для нас важно лишь то, что, как было показано в ряде исследований, существует определенный способ, посредством которого люди, принадлежащие к американской и европейской культуре, демонстрируют склонность ментально ассоциировать определенные характеристики с мужественностью и женственностью. Обзор литературы на эту тему представлен, например, в книге Джейн Менсбридж (Mansbridge, 1993).

Феминизм и экономическая наука

следователей начиная с 1980-х годов (Bordo, 1987; Harding, 1986; Keller, 1985; Merchant, 1980). В течение долгого времени объективность, обособленность, логическая последовательность, стремление к индивидуальным достижениям, отсутствие эмоций, способности к классификации, математике, абстрактному мышлению и вообще к науке как таковой ассоциировались в нашей культуре со строгостью, твердостью и мужественностью. В то же время субъективность, стремление к установлению связей, кооперации, «интуитивное» понимание, умение вести качественный анализ, конкретность, эмоции и естественность часто ассоциировались со слабостью, мягкостью и женственностью. Как когда-то заявил самый первый секретарь британского Королевского общества, одно из его намерений состояло в том, чтобы «способствовать подъему мужской философии... посредством которой человеческий разум может быть облагорожен знанием истины» (Keller, 1985, p. 52).

Простое признание того, что наиболее ценимые в экономической науке характеристики оказываются связаны прежде всего с мужским гендером, отнюдь не предполагает какого-то определенного отклика со стороны исследователей, заинтересованных в качестве экономических исследований. Отклик может заключаться в весьма положительной оценке этой связи, и все сохранится, как и прежде. Если экономическая наука – мужское дело, то так тому и быть. Наш обычный способ мышления о гендере говорит нам, что единственная альтернатива маскулинной экономической науке – выхолощенная, импотентная экономика.

Другой вариант реакции может заключаться в возвращении за письменные столы и поиске способа замещения строгой, объективной, активной, андроцентричной экономической науки мягкой, субъективной, пассивной, гиноцентричной экономикой. Последняя могла бы сосредоточиться, например, не на конкуренции, а на кооперации, отказавшись от всех количественных методов в пользу качественных. Возможно, тем, кто считает, что современная экономическая наука ответственна за все болезни нашего мира, этот вариант и покажется привлекательным. Но в реальности это будет означать лишь замену одного набора предубеждений другим.

Третий вариант действий, связанный в первую очередь с интеллектуальными течениями постмодернизма, может заключаться в «деконструкции» дуализмов, от которых зависят современные определения экономической науки. В теории деконструкции все человеческие проекты рассматриваются как простые тексты или дискурсы, в отношении которых могут применяться технические приемы литературной критики. С этой точки зрения ни различия

Джули Нельсон

между наукой и не-наукой, ни различия между мужским и женским не отражают какую-то глубинную лингвистическую реальность. К сожалению, с точки зрения оценки качества текущей научной практики этот подход для нас малополезен⁴.

Четвертый подход используется в этой статье. Он не требует ни выбора той или иной стороны в дуалистическом отношении маскулинный/феминный, ни отказа от каких бы то ни было оценок. Ключ к этому подходу лежит в разъединении наших суждений о ценности (о том, что в экономической практике заслуживает большего или меньшего одобрения) и наших восприятий гендера.

Представление о том, что маскулинная экономическая наука является «хорошей» экономикой, зависит от общей культурной ассоциации мужественности с превосходством, а женственности — с более низким достоинством или, другими словами, от ментального связывания дуализма и ценности (превосходство/более низкое достоинство) и гендера (маскулинность/феминность). Однако любой читатель, который может поставить под сомнение асимметрию этой связи, предпочитая, предположим, размышлять о гендерных различиях в терминах более мягкой взаимодополняемости, должен задуматься о некоторых более очевидных проявлениях асимметрии в социальной сфере. Общество полностью принимает и даже одобряет диковатых девчонок-«пацанок», но отрицательно относится к кротким от природы мальчикам, навешивая на них ярлык «неженок»; женщины давно носят брюки, но мужчины не рискуют появляться в юбках. В подобных оценочных суждениях имплицитно проявляются сексистские ассоциации женственности с меньшей ценностью. Следует заметить, что в данном случае мы имеем дело не столько с изолированными индивидуальными убеждениями, сколько с культурной и даже когнитивной привычкой.

Результаты исследований процесса человеческого познания позволяют высказать предположение о том, что такие дуалистические отношения, как высокое/низкое и мужественное/женственное, играют существенно важную роль в структурировании нашего понимания (Lakoff and Johnson, 1980; Лакофф и Джонсон, 2004; Nelson, 1996, ch. 1). В то же время человеческое познание не огра-

---

4. Некоторые феминистские экономисты занимают сугубо постмодернистскую позицию, а число сторонников гиноцентричных воззрений совсем невелико. Это эссе сосредоточено на тех направлениях феминистской теории в сфере экономики, которые, как представляется, имеют наибольшее количество приверженцев. К тому же мне хотелось бы, чтобы ответы на рассматриваемые вопросы убедили принадлежащих к мейнстриму экономистов в необходимости реформ.

Феминизм и экономическая наука

ничено такого рода простейшими двусторонними ассоциациями. Рассмотрим различные интерпретации, возможные в том случае, если мы размышляем о гендере и ценности, расположенных не в одном и том же пространстве, но в ортогональной системе координат. Тем самым мы получаем возможность одновременно рассмотреть ценные и вредные аспекты качеств, ассоциирующихся в культуре с маскулинностью, а также ценные и вредные черты, связываемые с феминностью (Nelson, 1992).

Рассмотрим, например, идею о том, что «строгая» экономическая наука имеет очевидные преимущества перед «мягкой» экономикой. Это суждение основывается на ассоциации строгости и жесткости с ценной, мужественной силой, в то время как мягкость принято связывать с имеющей более низкое достоинство слабостью как неотъемлемой чертой женственности. Однако строгость и жесткость могут означать и отсутствие гибкости, которая предполагается мягкостью. Стремление к маскулинной жесткости, отвергающее все ассоциации с феминностью (и тем самым с гибкостью), может привести к излишней твердости, равно как и стремление к женственной мягкости (в отсутствие проявлений силы) ведет к слабости. «Специализация» на одной из сторон гендера не дает никакой пользы: нежелательными являются и отсутствие гибкости, и слабость как два предельных значения жесткости и мягкости. В то же время, используя гендерную взаимодополняемость, мы получаем существенные выгоды. Сила, сдерживаемая гибкостью, позволяет получить сбалансированную и эластичную экономическую науку. Это только один абстрактный пример того, как новое гендерное мышление способно изменить наше восприятие научной дисциплины. Ниже мы рассмотрим и другие, более конкретные примеры.

Четыре аспекта экономической науки

Применение феминистского подхода к экономической науке предполагает, что критерий, использовавшийся для оценки того, насколько «хорошей» является экономика, был не самым объективным. Применение менее тенденциозного критерия привело бы к более адекватной практике. Рассмотрим «уклоны», возникающие в четырех различных аспектах экономической науки: в моделях, методах, темах и преподавании. Хотя критика новых направлений в экономической науке и преподавании может быть знакома некоторым экономистам, такие более тонкие области, как моделирование и метод, будут рассмотрены сначала, поскольку они больше оказывают влияние на экономическую практику.

Джули Нельсон

Экономические модели

В центре мейнстримного экономического моделирования находится рациональный, автономный, преследующий собственные интересы агент, успешно оптимизирующий свои решения относительно выбора с учетом экзогенно наложенных ограничений. Принятая экономистами концепция человеческой природы была сформулирована еще Томасом Гоббсом, предлагавшим «вернуться снова к естественному состоянию и рассмотреть людей такими, какими они были в тот момент, когда они только что, подобно грибам, появились вдруг из земли уже взрослыми, не связанными никакими обязательствами друг с другом» (Гоббс, 1989, с. 361). Экономический человек предстает перед нами полностью сформировавшимся, с полностью развитыми предпочтениями, как активная и самодостаточная личность (England, 1993). Как и в случае с Робинзоном Крузо, у него не было детства и не будет старости, он независим и несет ответственность за свои действия только перед самим собой. Внешняя среда не оказывает на него ни малейшего воздействия; скорее, он представляет собой пассивный материал, с которым «играет» его собственная рациональность. Экономический человек взаимодействует в обществе, не испытывая ни малейшего влияния со стороны социума: способ взаимодействий – идеальный рынок, на котором единственной и единственно необходимой формой коммуникаций выступают цены.

Нельзя сказать, что все практикующие экономисты разделяют убеждение в том, что люди – это не более чем *homo economicus* (впрочем, среди них есть и немногочисленные «истинно верующие»). Но только эта модель человеческого поведения воспринимается как наиболее полезная и строго объективная исходная точка экономического анализа. Рассмотрим, однако, влияние гендера, проявляющееся в принятии «подобного грибам» человека как представляющего наиболее важные черты человеческих существ. Человек приходит на Землю отнюдь не в «готовом виде». Женщины рожают детей, вскармливают их, воспитывают, ухаживают за ними во время болезней. Затем происходит социализация индивида в семье и в различных сообществах. Мы видим, что дети полностью зависят от матерей с точки зрения как питания, так и «крыши над головой», необходимых для жизни. Отказ от рассмотрения этих аспектов человеческой жизни очень часто обосновывается тем, что они якобы несущественны, не представляют ни малейшего интеллектуального интереса или просто относятся к числу естественных проявлений. Мы же считаем, что эти аспекты совсем не случайно полностью совпадают с теми областями человеческой жизни, которые принято считать «женским делом».

Феминизм и экономическая наука

И вновь нам необходимо проявить осторожность в проведении границы между анализом на уровне пола (биологическое отличие) и анализом на уровне гендера (социальные убеждения). Одна из возможных интерпретаций описывавшихся выше различий может заключаться в том, что на смену *homo economicus* (автономный, преследующий собственные интересы мужчины) должна прийти *femina economica* (поддерживающая взаимосвязи, ориентированная в своем поведении на других женщины). Однако подобное разделение мира на мужской и женский полностью противоположно феминистскому анализу, когда гендерные различия рассматриваются как социально обусловленные, а не биологически детерминированные. Возможно, модель *homo economicus* не совсем верно описывает женщин. Но точно так же она не подходит и для описания мужчин. И маскулинная (автономный, рациональный, объективный), и феминная (зависимая, эмоциональная, ориентированная на родственные связи) проекции в равной степени являются мифическими, искажающими действительность. Традиционная, выставляемая напоказ автономность мужчин всегда является плодом длительной незаметной работы матерей и жен; те, кто убежден в пассивности женщин, просто закрывают глаза на то, сколь большим количеством разнообразных видов деятельности наполнена их жизнь. Следовательно, нам необходима концепция поведения, в которой не смешивались бы гендер и ценностные суждения, не смешивались бы гендер и пол. Нам нужна концепция *человеческого* поведения, включающая в себя и автономию, и зависимость, и индивидуализацию, и ориентацию на взаимоотношения, и интеллект, и эмоции, так как они проявляются в жизни экономических агентов любого пола.

Феминистам не нужно заново изобретать колесо в поиске способов построения более удовлетворительных моделей. Один из примеров обогащенной модели человеческого поведения, вероятно, хорошо знаком многим экономистам. Это теория справедливой эффективной заработной платы Джорджа Акерлофа и Джанет Йеллен (Akerlof and Yellen, 1988). В предложенной ими модели действуют не столько гиперрациональные, изолированные монады, сколько человеческие существа, способные на «такие эмоции, как стремление к справедливости» или ревность (р. 45), и проявляющие повышенный интерес к сфере своих индивидуальных взаимосвязей. Ученые подчеркивают, что источниками идеи о высокой заинтересованности работников в справедливом отношении к результатам их труда стали эмпирические психологические исследования в рамках теории справедливости и социологические исследования в рамках теории социального обмена. Рассматриваемая ими модель основывается на предположении о том, что величи-

Джули Нельсон

на заработной платы определяется не только рыночными силами, но и соображениями справедливости. Она позволяет объяснить сохранение нерыночных зарплат и существование безработицы.

Предположение о том, что представление о справедливой заработной плате играет важную роль в установлении цен на товарных рынках, высказывают и другие ученые (Kahneman, Knetsch, and Thaler, 1986). Разрабатывая теорию инвестиций, Ли Левин также использовал научные достижения психологии и социологии, что позволило ему глубже понять отдельно взятый экономический феномен (Levin, 1995). Левин предполагает, что представление Кейнса о «жизнерадостности» (*animal spirits*) может быть конкретизировано с помощью заимствованных из других научных дисциплин теорий конвенций, слухов, социальных сравнений, моды, когнитивного диссонанса и заразительности. Более широкие модели коллективного и индивидуального экономического поведения человека также разрабатываются такими экономистами, как Нэнси Фолбр (Folbre, 1994a), Амартия Сен (Sen, 1977) и Роберт Франк (Frank, 1988). Читатели непременно вспомнят и другие примеры. Очевидно, что при отказе от простой модели рационального выбора или при тех или иных заимствованиях из других дисциплин, необходимо соблюдать осторожность. Например, если мы отвергаем модель автономного выбора в пользу модели чистого социального детерминизма, то у нас нет никаких оснований рассчитывать на существенные улучшения. В то же время феминистский анализ предполагает, что пренебрежение социальными и эмоциональными измерениями человеческого поведения должно рассматриваться не как признак научной строгости, а как серьезный недостаток.

Проблема экономических моделей накладывается на вопрос об определении экономики как научной дисциплины. Например, модель Акерлофа и Йеллен (Akerlof and Yellen, 1988) объясняет отдельно взятый макроэкономический феномен эмпирически проверяемым способом. Казалось бы, какие могут быть сомнения в том, что в данном случае мы имеем дело с экономической моделью? И все же некоторые исследователи придерживаются мнения, что экономическая наука сама по себе *определяется* моделью *homo economicus*. Поэтому им никак не удастся классифицировать модели, подобные той, что была предложена Акерлофом и Йеллен, — они оказываются либо слишком «мягкими», либо «слишком запутанными», либо излишне «социологичными». Например, по словам Гэри Беккера, отличительной характеристикой экономической науки является модель индивидуального выбора на рынках (Becker, 1976, p. 5; Беккер, 2003, с. 32). Роберт Лукас провозглашал, что допущения о моделировании рационального выбора — это един-

Феминизм и экономическая наука

ственное «средство постижения истины», которым обладает экономическая наука (Lucas, 1987, p. 108). Что касается феминистского анализа, то его приверженцы придерживаются мнения о том, что подходы Беккера и Лукаса свидетельствуют не столько о требованиях высокой научной точности (как об этом часто говорят), сколько о попытке оправдать андроцентричный уклон.

Такое определение экономической науки, основывающееся не на предмете, но на модели (с жесткими ограничениями), было действенной риторической стратегией, направленной на избавление от альтернативных точек зрения (Strassmann, 1993). Таким примером может служить возникновение и принятие большей части программы неоклассического макроэкономического моделирования, отвечающего лукасовскому определению дисциплины. Однако эта стратегия сохраняет свою эффективность только до той поры, пока сохраняется эмоциональная и когнитивная сила ассоциации маскулинности с высокой ценностью. Феминистский анализ предполагает использование не одной, а целого ряда экономических моделей в зависимости от полезности различных технических приемов моделирования в различных обстоятельствах. Многие из этих моделей по-прежнему будут делать основной акцент на индивидуальном выборе и преследующем определенную цель поведении, но некоторые модели все же будут строиться иначе. Утверждать, что экономисты и впредь должны специализироваться на одном-единственном специфическом типе модели, поскольку именно этому их когда-то учили, равноценно тому, чтобы настаивать на необходимости учета безвозвратных издержек в процессе определения текущего, ориентированного на максимизацию прибыли выбора, — ошибка, на которой мы пытаемся учить студентов второго курса бакалавриата. Эффективный бизнес не предполагает, что в условиях страдающего от чрезмерного предложения или изменяющегося рынка наемному работнику будет позволено использовать навыки, которые приносят низкую отдачу только потому, что для приобретения этих умений ему пришлось затратить немало сил и времени.

Хотя феминистская экономическая теория не требует, чтобы выводы, полученные в результате осуществления научных исследований, соответствовали требованиям феминистской политики, можно заметить, что такое расширение диапазона экономического моделирования открывает новые возможности анализа дискриминации на рынке труда. В рамках модели рационального автономного индивидуального поведения и равновесных рынков более низкая заработная плата женщин и ограничения на их участие в некоторых видах трудовой деятельности могут быть объяснены только посредством обращения к внерыночным ресурсам,

Джули Нельсон

таким как решения о женской карьере и образовании, или трудовым вкладом женщин (см. обзор в Bergmann, 1986). Если верить истории Беккера, то на конкурентных рынках дискриминация со стороны работодателя не может продолжаться слишком долго, поскольку потакание своему личному вкусу обходится слишком дорого. Фирмы, практикующие дискриминацию, проигрывают конкурентную борьбу соперникам, сделавшим выбор в пользу максимизации прибыли. Как иногда говорят, сопоставимая ценность — вопрос политический, а не экономический, поскольку идея о том, что виды деятельности, в которой заняты преимущественно женщины, систематически получающие более низкую заработную плату, полностью противоречит положению, согласно которому зарплата определяется рыночными силами. В то же время влияние подобных позиций на экономистов базируется отнюдь не на собранных ими эмпирических подтверждениях: их привлекательность для экономистов основывается исключительно на соответствии узкой теоретической модели выбора. Игнорирование стандартным неоклассическим анализом более широких моделей, включающих в себя социальные и эмоциональные факторы, оставляет широкое пространство для дискриминации как потенциальной проблемы.

В тех случаях, когда сами работодатели подвергаются широкому и систематическому социальному давлению, им, возможно, придется платить очень высокую цену и за потакание таким личным вкусам, как, например, *недискриминация*. Работодатели, постоянно нарушающие широкие гендерные и расовые нормы при приеме на работу или выплате вознаграждения, рискуют столкнуться не только с протестами других рабочих, но и с остракизмом со стороны равных себе, и даже со стороны друзей и членов семьи (Strober and Arnold, 1987). Если теория Акерлофа и Йеллен верна (Akerlof and Yellen, 1988) и заработная плата отражает восприятие справедливости, то с точки зрения определения размеров денежного вознаграждения восприятия относительной ценности труда мужчин и женщин в достаточной степени релевантны. Если, как полагают феминистки, некоторые виды деятельности и профессии, традиционно ассоциировавшиеся с женщинами, систематически недооценивались, возможно, это было связано с тем, что меньшая заработная плата за определенные навыки считалась справедливой (England, 1992).

Феминистское понимание экономического моделирования отнюдь не требует, чтобы в каждом исследовании рынка труда ученые находили новые и новые подтверждения несправедливости в отношении женщин. Однако мы не должны отклонять возможность того, что заработная плата может зависеть не только от пре-

Феминизм и экономическая наука

дельных продуктов, но и от других факторов просто потому, что используемые нами модели не позволяют увидеть «лес» за «деревьями» своих собственных допущений.

Экономические методы

Хотя модели индивидуального рационального выбора могли быть представлены и подвергнуты анализу в чисто вербальной манере, утверждение, что в экономической науке качество метода определяется прежде всего в зависимости от его математической строгости, воспринимается едва ли не как тавтология. Строгая приверженность правилам логики и математики, формализованное представление исходных допущений и моделей, изощренность в применении эконометрических методов — вот факторы, отделяющие в сознании многих людей экономическую теорию от таких менее «строгих» научных областей, как социология или политология. Во многих случаях использование формальных и математических методов (особенно в форме ограниченной максимизации) рассматривается как гарантия объективности экономических результатов. Зачастую абстрактный формализованный анализ оценивается гораздо выше, чем конкретное детализированное эмпирическое исследование, поскольку первое отличают логически безупречные доказательства и независимый от контекста всеобщий характер. Не то что бы хорошее письмо и устный анализ воспринимались как неполноценные, скорее они рассматриваются в значительной степени как дополнение к реальному анализу.

Феминистские исследователи полагают, что столь ограниченные представления о знании и рациональности представляют собой последствия кризиса маскулинности, характерного для первоначального этапа развития современной науки, проявившиеся прежде всего в установлении господства картезианской философии (Bordo, 1987; Easley, 1980). Присущая последней концентрация внимания на строгости и независимости суждений никак не способствует защите экономической науки от различных уклонов, но ограничивает диапазон используемых нами методов анализа. Повышенное внимание к точности, логике, научности и определенности служит благородной цели — это правда. Таким образом мы защищаем науку от слабых, нелогичных, ненаучных, расплывчатых аналитических результатов. Но что если в нашей экономической практике мы ценим используемые в ней методы *только* за их перечисленные выше достоинства? Тем самым мы становимся легкой добычей присущих им недостатков.

В отсутствие гибкости акцент на мужественной твердости, как обсуждалось выше, превращается в чрезмерную жесткость. Акцент

Джули Нельсон

на логике в отсутствие должного внимания к общей картине может привести к пустым, не имеющим отношения к действительности упражнениям в бесцельной дедукции. Если действующие лица научного прогресса не обращают внимания на человеческие ценности, то полученные ими результаты могут быть использованы для достижения бесчеловечных целей. Аргументы, выдвигаемые теми, кто готов пожертвовать всей полнотой картины ради точного конечного результата, не слишком убедительны. С другой стороны, включение маскулинных и феминных положительных качеств открывает возможность гибкой, внимательной к контексту, гуманистической, всесторонней и в то же самое время сильной, логической, научной и точной практики.

Неудовлетворенность узкими границами, затрудняющими поиск новых экономических знаний, следствием чего становится неадекватное образование и неадекватная практика в более богатом, в более содержательном анализе, выражают не только феминистски ориентированные, но и многие другие экономисты. В то время как феминистские теоретики предлагают единственное в своем роде объяснение психологической и социальной устойчивости картезианских воззрений (связывая их с неудачами в моделировании, темах и преподавании), феминистским экономистам приходится едва ли не с чистого листа разрабатывать более адекватный методологический инструментарий. Например, Дональд Маккლოსки опубликовал множество работ, посвященных повышению риторических стандартов в нашей профессиональной области. Маккლოსки приводит доводы в пользу того, что «феминной» аргументации посредством метафор и историй должен быть придан научный статус, равный тому, которым пользуется «маскулиная» аргументация, основанная на фактах и логике (McCloskey, 1993). Более того, ученый даже опубликовал практическое руководство для тех, кто хотел бы улучшить стиль письма (McCloskey, 1987).

Не так давно комиссия по последипломному образованию в экономике Американской экономической ассоциации выразила озабоченность тем чрезмерным вниманием, которое уделяется сегодня контекстно-независимому анализу. В докладе выражается опасение, что следствием осуществления экономических «программ последипломного образования может стать поколение, в котором будет слишком много *idiot savants*, мастерски владеющих различными техническими приемами, но ничего не понимающих в реальных экономических проблемах» (Krueger, et al., 1991, p. 1044–1045). Указанная проблема рассматривается в отчете как один из ряда источников дисбаланса между методами (математическими, техническими), с одной стороны, и содержанием — с другой. В то же время участники комиссии оставляют без внима-

Феминизм и экономическая наука

ния методологический подход сам по себе, поскольку приводимые ими аргументы позволяют предположить, что знание «фактов, институциональной информации, данных, реальных проблем, практического применения знаний и политических проблем» (р. 1046) может быть получено путем непосредственного участия. Конечно, знания, полученные в результате тщательного и систематического поиска информации, и хорошая неформальная осведомленность о реальных экономических проблемах могут быть лишь дополнены в процессе овладения дополнительными навыками, такими как (с этого все начинается) методы библиотечного поиска и технические приемы критического чтения. Если мы признаем, что такого рода навыки точно так же действенны и доступны, как и формальные технические приемы и абстракции, то проблема, безусловно, заключается в нахождении методического баланса. Что касается практических вопросов, то в докладе комиссии содержится ряд конкретных предложений относительно предварительных условий, учебных программ, содержания и заданий, принятие которых способствовало бы повышению степени компетентности студентов последипломных курсов в сфере анализа актуальных экономических проблем.

Призывы к повышению внимания к азам эмпирической работы, с которыми выступили такие известные экономисты, как Томас Майер (Mayer, 1993) и Лоуренс Саммерс (Summers, 1991), означают стремление к изменению ценностной системы экономической науки, которое следовало бы поддержать и феминистским исследователям. Как правило, экономисты обладают высокой научной квалификацией в сфере математической и статистической теории. Но при этом мы, как правило, демонстрируем существенно менее развитые навыки в таких аспектах научной эмпирической деятельности, как поиск новых источников данных, усовершенствование методов сбора сведений, надежная выверка данных и оценка их качества, повторная проверка, проверка чувствительности, проведение различий между статистической и содержательной достоверностью, а также архивирование данных (см., например: Dewald, Thursby, and Anderson, 1986). Эмпирические исследования характеризуются тем, что полученные результаты используются для последовательного уточнения абстрактной теории, что сопровождается вопиющим пренебрежением к конкретным деталям. Майер описывал этот процесс как «езду на „Мерседесе“ вслед за коровой» (Mayer, 1993, p. 132). В последние годы некоторым журналам и финансирующим организациям удалось добиться существенного повышения профессиональных стандартов, используя, например, тесты на чувствительность и архивирование данных. В то же время редакторы журналов, финансирующие организации и научные

Джули Нельсон

руководители аспирантов должны еще более активизировать усилия в указанных направлениях. Научные студенческие и аспирантские общества могли бы организовать изучение опыта лучших учащихся и обобщение материалов курсовых работ и практики использования передовых методов исследований. Феминистская критика предполагает, что весьма полезным было бы изменение баланса между техникой отстраненного «созерцания и размышления» (Bergmann, 1987a) и техникой «дружеских отношений с данными» (Strober, 1987) в пользу второй.

Несомненно, заслуживают пересмотра и ценностные суждения относительно соотношения «строгих» и «мягких» данных. Экономисты испытывают настолько сильное недоверие к опросам людей относительно движущих их действиями мотивов, что Алан Блиндер посвятил целый раздел своей недавней статьи о жесткости цен оправданию практики использования данных, полученных в ходе проведения опросов. Если исходить из картезианского стандарта «доказательства», такие данные действительно могут считаться неприемлемыми. Однако в том случае, когда мы смотрим на проблему более широко, учитывая практические стандарты изучения механизма функционирования экономики, мы приходим к выводу, что потенциально подобные сведения представляют собой очень ценную информацию. На недавней конференции Международной ассоциации феминистской экономики, например, прозвучали доклады историков и социологов о технических приемах проведения исследований по устной истории. Экономисты, которым удастся преодолеть свои предубеждения в этой области, возможно, будут удивлены тем, насколько сложными являются новые технические приемы, и тем вниманием к вопросам достоверности и воспроизводимости, которое проявляют специалисты, владеющие «мягкими» и качественными методами исследований.

В числе используемых нами осознанно или почти бессознательно методов сбора данных не следует недооценивать личный опыт исследователя. Вспомним хотя бы ироничные комментарии феминистских экономистов по поводу того, что для того, чтобы убедить коллегу-мужчину в существовании дискриминации по полу, совсем не обязательно приводить данные, полученные посредством 10 000 «объективных» наблюдений. Достаточно, чтобы он провел единственное наблюдение — за своей собственной дочерью.

Конечно, те, кто убежден, что объективность научных изысканий достигается только в том случае, когда исследователь наблюдает за предметом изучения через «стеклянную перегородку», или уверен в том, что объективность гарантируется только тогда, когда ученый строго привержен определенным методам, принимают в штыки идею о возможности влияния на результаты научной

Феминизм и экономическая наука

работы личной, «субъективной» позиции и мнений исследователя. В феминистском анализе (равно как и в значительной части современной философии науки) это представление об объективности считается еще одним следствием картезианских иллюзий. В действительности к исследованию того, как влияют на проведение и результаты научных изысканий свои собственные убеждения, сформировавшиеся в процессе приобретения индивидом жизненного опыта, следует подходить как к практической составляющей стремления к объективности. Сандра Хардинг называет объективность, когда некто осознает собственную точку зрения, «сильной объективностью» (Harding, 1995). Последней противопоставляется «слабая объективность», когда проблема перспективы остается под покровом тайны. Аналогично Амартия Сен утверждает, что объективность начинается со «знаний, основанных на позиционном наблюдении» (Sen, 1992, p. 1). Движение от субъективных воззрений к (сильной) объективности происходит не посредством жесткого разделения исследователя и объекта изучения, а скорее посредством связи ученого с более крупным критическим сообществом. Согласно феминистскому философу Хелен Лонгино, «объективность отдельных личностей формируется в процессе их участия в критических дискуссиях, проходящих в атмосфере терпимости, а не как некое их особое отношение (обособленность, трезвый взгляд) к осуществляемым наблюдениям» (Longino, 1990, p. 79). В то время как важнейшее значение все так же имеет достоверность результатов, критерий, на который ориентируется исследование, является не внешним, а внутренним по отношению к сообществу исследователей. Формализация рассматривается не столько как отражение объективности, сколько как один из инструментов исследований. По словам Кнута Викселля, роль логики и абстракции заключается в том, чтобы «поддерживать аргументы, прояснять результаты и своевременно выявлять возможные ошибки в рассуждениях — и не более того» (цит. по: Georgescu-Roegen, 1971, p. 341).

Экономические темы

В образцовой экономической статье используются экономическая модель и экономические методы, соответствующие экономической теме. Полезность расширения в первые две области обсуждалась нами выше. Не менее важное значение имеет и третья область. Большинство экономистов согласны с широкой дефиницией ключевой темы экономической науки как науки о рынках. Довольно часто ее определяют и как исследование процессов обмена различных благ, таких как товары, услуги и финансовые активы. В соот-

Джули Нельсон

ветствии с этим определением большая часть традиционных нерыночных видов деятельности женщин – работа по дому, забота о детях, больных и престарелых родственниках и т. д. – рассматривалась как «внеэкономическая», не входящая в предмет экономических исследований. И действительно, складывается впечатление, что в мире экономистов такого феномена, как семья, просто не существует. Согласно одному из учебников, «в качестве аналитической единицы экономическая наука рассматривает отдельную личность... [хотя] индивиды, образуя группы, формируют различные коллективные организации, такие как корпорации, профсоюзы и правительства государств» (Gwartney, Stroup, and Clark, 1985, p. 3)⁵. По мнению авторов этого учебника, значение семьи настолько невелико, что она не заслуживает даже простого упоминания.

Наиболее известное исключение из общего правила пренебрежения – Гэри Беккер и другие представители так называемой *новой домашней экономики*, а также исследователи, специализирующиеся на разработках приложений теории игр к проблемам семьи. Однако феминистские исследователи считают подобную литературу палкой о двух концах. С одной стороны, благодаря этим работам в принадлежащих к экономическому мейнстриму журналах появляется обсуждение вопросов семьи. С другой стороны, упомянутые экономисты жестко придерживаются рассматривавшихся нами выше узких стандартов метода и модели. Вероятно, только благодаря этим критериям они продолжают считаться экономистами. Еще одна проблема заключается в том, что, по мнению феминистских исследователей, работы представителей «новой домашней экономики» часто основываются на традиционных допущениях или ожиданиях относительно полов. Несмотря на то что Беккер действительно разработал новые модели семейных взаимодействий, он, по словам Барбары Бергман, «объясняет, оправдывает и даже прославляет ролевую дифференциацию по признаку пола... поэтому слова о том, что представители „новой домашней экономики“ не придерживаются феминистской ориентации, следовало бы рассматривать как такое же преуменьшение, как и заявление о том, что бенгальские тигры не относятся к числу вегетарианцев» (Bergmann, 1987b, p. 132–133).

Да, по поводу предложенных Беккером моделей и возможностей использования моделей индивидуального рационального выбора в феминистских целях развернулась дискуссия. Однако эти баталии происходили на задворках экономической науки. Ожидания значительной части экономистов, что феминистское движе-

---

5. Я благодарна Марианне Фербер за возможность использовать этот пример.

Феминизм и экономическая наука

ние сосредоточится на обсуждении идей Беккера, были связаны прежде всего с тем, что это позволило бы избежать необходимости ответа на феминистскую критику. Те, кто высказывают подобную точку зрения, стремятся ограничить феминистский критический анализ областью, удаленной на безопасное расстояние от интересующих их вопросов.

По Беккеру, семьи являются настолько «экономическими», что их поведение может моделироваться в терминах выбора и рынков. Однако для женщин семья традиционно являлась «экономической» в гораздо более непосредственном смысле этого слова. Исторически (в определенной степени до сих пор) экономическая защищенность многих женщин в гораздо большей степени зависела от «удачного замужества», а не от их собственных доходов. Если экономисты и те, кто разрабатывал опросные листы для переписчиков населения, классифицировали неоплачиваемое ведение домашнего хозяйства то как свободное время, то как трудовую деятельность (Folbre, 1991), женщины, занятые чисткой кухни, не испытывали ни малейших сомнений в том, к какой категории следовало бы отнести этот род занятий.

Проведение границы между тем, что является «экономическим», а что нет, ровно по линии порога дома обуславливает возникновение в экономическом анализе все новых тупиков и бифуркаций. Почему в тех случаях, когда услуги по уходу за детьми, больными и престарелыми предоставляют рынки (иногда государство), они рассматриваются как «экономические», а в тех случаях, когда они предоставляются в частных домах, эти услуги не являются предметом экономических исследований? Было бы целесообразно использовать для определения предмета исследований экономической науки ее широкое определение (как изучения «обеспечения», «предоставления»), а не такой критерий, как «рыночный характер», или обсуждавшуюся выше модель рационального выбора. Это позволило бы избежать сексистских допущений о том, что является важным, а что не имеет значения (Nelson, 1993b).

Адам Смит, например, выделял в качестве предмета экономической науки не только выбор и обмен, но производство и распределение всех «необходимых для жизни товаров и удобств», делая акцент на необходимых для выживания и процветания человека благах. Последние могут включать в себя различные виды деятельности, например осмысленный труд, а также такие товары и услуги, как продукты питания и врачебная помощь. Взрослые люди имеют возможность свободного выбора некоторых товаров и услуг на действующих рынках. Однако многие из благ предоставляются людям в детстве родителями или другими членами семьи. Кроме того, блага могут распределяться на безвозмездной основе

Джули Нельсон

сообществом или в рамках государственных программ. Назначение многих «необходимых для жизни товаров и удобств» в значительной степени зависит от традиций и возможностей использования принуждения.

Принятие определения предмета экономической науки как сферы «обеспечения», «предоставления» означает стирание разграничительной линии между «экономическими» (преимущественно рыночно ориентированными) видами деятельности и политики, с одной стороны, и семейными или социальными видами деятельности и политики – с другой. Иллюстрацией того, каким образом данная бифуркация структурирует экономический анализ, является игнорирование домашнего производства в системе счетов национального дохода и национального продукта. Относительно хорошо известно, что столь пренебрежительное отношение к проблеме является предметом озабоченности многих феминистских исследователей (например, Waring, 1988). Впрочем, далеко не все они разделяют мнение, согласно которому вопрос об учете результатов деятельности домашних хозяйств в таком показателе, как валовой внутренний продукт, должен носить приоритетный характер. Некоторые ученые считают, что повышение внимания к домашнему труду будет служить единственно прославлению роли хозяйки дома, в то время как большинство интересуют скорее денежные оценки результатов домашнего труда, которые, скорее всего, окажутся заниженными в силу текущей низкой ценности таких видов деятельности, как, например, уход за детьми (Folbre, 1994b). Одновременно может быть поставлена под сомнение та значимость, которая придается сегодня показателям ВВП самим по себе. Феминистски ориентированные ученые могут прикнудить к коллегам, критикующим методологический редукционизм, заключающийся в использовании столь грубого показателя рыночной и государственной экономической деятельности в качестве мерила экономического благосостояния. Представляется, что более адекватной основой экономического анализа, разработки государственной политики и оценки ее результатов были бы многомерные показатели, включающие в себя показатели распределения и устойчивости, а также результатов развития человека, связанных с уровнем образования и состояния здоровья (Nussbaum and Sen, 1993). Например, особенно большую роль в феминистских работах, посвященных исследованиям развивающихся и переходных экономик, а также экономик в условиях структурных реформ, сыграл учет разделения труда и производства различных материальных благ в домашних хозяйствах (Sen, 1985; Bakker, 1994).

Менее известно, что феминистская критика затрагивает не только проблему ВВП, но и такие вопросы, как необходимость аде-

Феминизм и экономическая наука

кватного внимания к инвестициям в детей, а также распределение связанных с ними издержек. Например, программы по улучшению питания детей или развитию дошкольного и начального образования обычно рассматриваются как «социальные», когда в центре внимания оказывается проблема деления налогового «пирога», а не экономические меры, разрабатываемые с целью увеличения количества и повышения качества инвестиций в человеческий капитал. Очень часто программы, ориентированные на повышение качества платных услуг по уходу за детьми, рассматриваются как потребительские товары для родителей, а не инвестиции в детей и необходимую инфраструктуру для участия родителей (особенно с учетом стереотипных паттернов разделения труда в домашнем хозяйстве) в жизни сообщества. Стандартный экономический анализ и преподавание демонстрируют тенденцию к усилению такой тривиализации. Вспомним хотя бы о мифическом экономическом человеке, вырастающем «подобно грибам», который выходит на первый план всякий раз, когда речь заходит об обеспечении условий для роста подрастающего поколения и о том, что прилагаемые женщинами на протяжении всей истории человечества усилия по созданию соответствующих условий не рассматриваются как «экономические».

Рассмотрим в качестве примера раскрытие темы человеческого капитала в стандартном учебнике по экономике труда. Анализ начинается не с вопросов питания, социализации и неформального и формального образования детей в семьях и государственных школах, а с принятия молодыми людьми решения о выборе колледжа (Ehrenberg and Smith, 1994). Конечно, с точки зрения преподавания учебник и должен начинаться с примеров, представляющих непосредственный интерес для студентов. Но мне представляется, что нет никаких педагогических причин, оправдывающих столь узкую сфокусированность авторов учебника на высшем образовании. Преподавая этот предмет, я считаю необходимым предложить студентам источники, в которых рассматриваются вопросы раннего развития человеческого капитала, и прошу их, изучая литературу, постоянно вспоминать о том, как формировались их собственные способности и устремления.

Вопрос об экономических темах непосредственно связан с упоминавшимися выше проблемами моделей и методов. Гендерные перекосы в моделях и методах оказывают негативное влияние на исследовательскую программу, которая изначально была ориентирована на анализ вопросов, связанных с ведением домашнего хозяйства. Рассмотрим его на примере экономической литературы по проблеме «шкал эквивалентности для домохозяйств». Такие шкалы используются для корректировки данных о доходе домохо-

Джули Нельсон

зайств в зависимости от их размеров и состава. Они применяются в текущей политике, например, для установления справедливых уровней социальной помощи домохозяйствам различных размеров, а также в научных исследованиях распределения доходов.

С течением времени экономическая литература, посвященная различным вопросам, связанным со шкалой эквивалентности для домашних хозяйств, все дальше и дальше уходит от проблем политической релевантности (Nelson, 1993a). Во-первых, хотя в центре внимания политики чаще всего находятся проблемы благосостояния детей (например, установление уровней помощи в рамках «Программы помощи семьям с несовершеннолетними детьми»), принудительное помещение проблемы в рамки подхода, основывающегося на полезности (когда шкала рассматривается как отношение функций расходов), приведет к тому, что благосостояние домашних хозяйств с помощью тех или иных моделей будет рассматриваться прежде всего как благосостояние *взрослых людей*. Некоторые, наиболее высоко оцениваемые модели предполагают, что взрослые члены семьи будут воздерживаться от товаров, потребляемых преимущественно детьми. Во-вторых, если ранние эмпирические оценки с помощью шкал эквивалентности в значительной степени зависели от прескриптивных бюджетных исследований, в которых перечислялось, сколько «потребуется» домохозяйствам в зависимости от их размеров для приобретения продуктов питания, оплаты жилья и т.д., то поздняя эмпирическая практика характеризовалась большей тонкостью и сложностью. К сожалению, оценки шкал, использовавшиеся в теоретических моделях специфической полезности, какое-то время назад ставшие нормой, по большей части оказались глубоко неопределенными (поскольку одни и те же уравнения спроса могут соответствовать любому количеству функций расходов).

Тенденции, выразившиеся в повышенном внимании к теории выбора и развитой эконометрике, захватили многих экономистов. В то же время недавняя работа Труди Ренвик и Барбары Бергман (Renwick and Bergmann, 1993) показывает нам, сколь многого можно добиться, если сосредоточить внимание на политических вопросах, а не на отдельных моделях и методах. Ренвик и Бергман, опираясь на предшествующий прескриптивный подход к оценке доходов и расходов, предложили концепцию бюджетов «основных потребностей» домохозяйств различного состава. С течением времени величина бюджетов изменяется в зависимости от расходов, связанных с заботой о детях. Используя этот технически очень простой подход, мы благодаря непосредственным (если быть честным, то довольно приблизительным и прескриптивным) свидетельствам получаем возможность получить действительно новые

Феминизм и экономическая наука

данные об издержках. Более технически сложные, но расфокусированные и косвенные технические приемы оказались гораздо менее информативными.

Преподавание экономики

Если оставить в стороне некоторые факты, то экономика как научная дисциплина, основанная на формальной модели рационального выбора, вероятно, может быть адекватно сохранена посредством стиля преподавания, сосредоточенного исключительно на передаче ранее полученных знаний. Если же экономическая наука определяется более широко, то подобный подход может оказаться не слишком эффективным. Развитие способности критического, аналитического и творческого осмысления экономических вопросов требует иного подхода к преподаванию. В то время как желаемый образ мышления может быть таким же доступным, как и текущие методы (как упоминалось выше), совсем не обязательно, что он будет легкодоступным или что ему можно будет обучать с помощью уже используемых методов преподавания. Более того, условием его распространения может оказаться изменение состава студентов.

Феминистские экономисты предполагают, что желаемая трансформация могла бы быть осуществлена не только посредством изменения содержания учебных курсов, но и стиля образования (Strober, 1987; Bergmann, 1987a; Bartlett and Feiner, 1992; Shackelford, 1992). Некоторые специалисты делают акцент на использовании экспериментального обучения и лабораторных занятий, на которых студенты получили бы возможность заниматься моделированием, сбором и/или анализом необходимых им данных посредством интервью, что открыло бы обучающимся больше возможностей «двигать вперед экономическую науку» и находить свои собственные ответы на вопросы (Bartlett and King, 1990). Другие исследователи высказывают предположение о том, что феминистский подход к преподаванию требует изменения отношений между профессором и студентами (уменьшение дистанции и более активный диалог между всеми участниками процесса обучения). По мнению третьих, следует уделять самое пристальное внимание эмоциональным аспектам обучения (Strober, 1987).

Конечно, в повышении степени интерактивности обучения и интенсификации сотрудничества преподавателей и студентов заинтересованы не только феминистские преподаватели, но и многие другие представители сферы образования. Однако многие из них, как показали исследования реального обучения студентов, стремятся лишь к «хорошему преподаванию». В то же время феминист-

Джули Нельсон

ские теоретики рассматривают корни сопротивления реформе преподавания в общих культурных ассоциациях, связанных с гендером и ценностью. Предполагается, что эти педагогические открытия будут использоваться на протяжении всего процесса обучения, а не только в курсах «Женщины и экономика». Технические приемы активного обучения могли бы способствовать усовершенствованию практики более привычных форм экономического анализа. Способность к критическому мышлению, вероятно, имеет важнейшее значение с точки зрения вынесения правильных суждений относительно выбора статистических методов или использования тестов для проверки достоверности (например, при написании эссе об антидискриминационной политике).

Еще один весьма интересующий многих исследователей феминистской ориентации вопрос касается роли преподавания экономики в постепенном изменении демографического состава будущих экономистов. Хорошо известно, что установившийся в аудитории климат, включающий в себя, в частности, формы взаимодействия преподавателей со студентами и студентками, а также содержащиеся в учебниках половые стереотипы способны отрицательно повлиять на степень уверенности женщин в том, что они могли бы добиться успеха в ряде определенных областей (Hall and Sandler, 1982; Ferber, 1990). К перечню способов незаметных воздействий, способствующих формированию у студенток убеждения о том, что «экономическая наука не для меня (или не обо мне)», относятся и стандартные андроцентрические перекосы в экономических темах, моделях и методах. К самоотбору только тех студентов и студенток, которым хорошо дается абстрактный анализ, ведет и характерное для наших дней повышенное внимание к математике в экономике. Однако те же самые студенты и студентки могут демонстрировать весьма слабые склонности к более широкому аналитическому мышлению. Одновременно возможно самоисключение тех, кто, вероятно, обладает прекрасными аналитическими навыками, но не видит перспектив в их применении в современной экономической науке. Подобный отбор ведет к возникновению порочного круга, когда и студенты, и преподаватели способствуют сохранению статус-кво.

Заключение

Еще раз повторим, что феминистски ориентированная экономическая наука не является ни женской экономикой, которой занимаются исключительно женщины, ни феминной экономикой, в которой применяются только мягкие технические приемы и ко-

Феминизм и экономическая наука

оперативные модели. По мнению феминистских исследователей, неявное отражение искаженного идеала «мужественности» в моделях, методах, темах и преподавании негативно отразилось на результатах исследований в экономической науке. Использование более полного диапазона инструментов исследований и преподавания на более широкой территории экономической деятельности позволило бы добиться и ученым-мужчинам, и ученым-женщинам более высоких научных результатов.

Возможно, многие читатели пришли к выводу, что они уже сейчас так или иначе занимаются «феминистской экономической наукой». При этом они предпочли бы рассматривать себя как исследователей, просто занимающихся «хорошей экономикой». Если кто-то ощущает потребность в том, чтобы оградить свою работу от эпитета «феминистский», вероятно, полезно было бы выяснить источник этого дискомфорта. Возможно, такого рода защитная позиция отражает культурные убеждения относительно маскулинности и феминности, а также превосходства и неполноценности, которые следовало бы подвергнуть более тщательному изучению.

Литература

- Беккер Гэри С. (2003). *Человеческое поведение: экономический подход*. М.: ГУ—ВШЭ.
- Гоббс Томас (1989). *Сочинения в двух томах*. Т. 1. М.: Мысль.
- Лакофф Джордж и Марк Джонсон (2004). *Метафоры, которыми мы живем*. М.: Эдиториал УРСС.
- Akerlof George A., and Janet L. Yellen (1988). Fairness and Unemployment // *American Economic Review*. May 78:2, 44–49.
- Bakker Isabella (ed.) (1994). *The Strategic Silence: Gender and Economic Policy*. London, Zed Books.
- Bartlett Robin L., and Susan F. Feiner (1992). Balancing the Economics Curriculum: Content, Method, and Pedagogy // *American Economic Review*. May, 82:2, 559–564.
- Bartlett Robin L., and Paul King (1990). Teaching Economics as a Laboratory Science // *Journal of Economic Education*. Spring, 21, 181–193.
- Becker Gary S. (1976). *The Economic Approach to Human Behavior*. Chicago: University of Chicago Press.
- Bell Carolyn Shaw (1974). Economics, Sex and Gender // *Social Science Quarterly*, 55:3, 615–631.
- Benhabib Seyla (1987). The Generalized and the Concrete Other: The Kohlberg-Gilligan Controversy and Moral Theory // Meyers Diana, and Eva Feder Kittay (eds). *Women and Moral Theory*. Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield. P. 154–177.
- Bergmann Barbara R. (1986). *The Economic Emergence of Women*. New York: Basic Books.
- Bergmann Barbara R. (1987a). Measurement, or Finding Things Out in Economics // *Journal of Economic Education*. Spring, 18:2, 191–203.

Джули Нельсон

- Bergmann Barbara R. (1987b). The Task of a Feminist Economics: A More Equitable Future // Farnham Christie (ed.). *The Impact of Feminist Research in the Academy*. Bloomington: Indiana University Press. P. 131–147.
- Bleier Ruth (1986). Sex Differences Research: Science or Belief? // Bleier Ruth (ed.). *Feminist Approaches to Science*. New York, Pergamon Press. P. 147–164.
- Blinder Alan S. (1991). Why Are Prices Sticky? Preliminary Results from an Interview Survey // *American Economic Review*. May, 81:2, 89–96.
- Bordo Susan (1987). *The Flight to Objectivity: Essays on Cartesianism and Culture*. Albany: State University of New York Press.
- Coughlin Ellen K. (1993). Feminist Economists vs. „Economic Man“: Questioning a Field’s Bedrock Concepts // *Chronicle of Higher Education*. June 30, 39:43, A8–A9.
- DeWald William G., Jerry G. Thursby, and Richard G. Anderson (1986). Replication in Empirical Economics // *American Economic Review*. September, 76:4, 587–603.
- Easlea Brian, Witch Hunting (1980). *Magic and the New Philosophy: An Introduction to Debates of the Scientific Revolution, 1450–1750*. Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press.
- Ehrenberg Ronald G., and Robert S. Smith (1994). *Modern Labor Economics: Theory and Public Policy*. 5th ed. New York: Harper Collins Publishers.
- England Paula (1992). *Comparable Worth: Theories and Evidence*. New York: Aldine de Gruyter.
- England Paula (1993). The Separative Self: Androcentric Bias in Neoclassical Assumptions // Ferber Marianne A., and Julie A. Nelson (eds). *Beyond Economic Man: Feminist Theory and Economics*. Chicago: University of Chicago Press. P. 37–53.
- Ferber Marianne A. (1990). Gender and the Study of Economics // Saunders Phillip, and William B. Walstad (eds). *The Principles of Economics Course: A Handbook for Instructors*. New York, McGraw-Hill. P. 44–60.
- Ferber Marianne A., and Julie A. Nelson (1993). *Beyond Economic Man: Feminist Theory and Economics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Folbre Nancy (1991). The Unproductive Housewife: Her Evolution in Nineteenth-Century Economic Thought // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Spring, 16:3, 463–484.
- Folbre Nancy (1994a). *Who Pays for the Kids? Gender and the Structures of Constraint*. New York: Routledge.
- Folbre Nancy (1994b). Domesticate the Gross Product // *Dollars and Sense*, March/April, 192, 7.
- Frank Robert H. (1988). *Passions within Reason: The Strategic Role of the Emotions*. New York: W.W. Norton.
- Georgescu-Roegen Nicholas (1971). *The Entropy Law and the Economic Process*. Cambridge: Harvard University Press.
- Gilligan Carol (1982). *Different Voice: Psychological Theory and Women’s Development*. Cambridge: Harvard University Press.
- Gwartney James D., Richard Stroup, and J.R. Clark (1985). *Essentials of Economics*. New York: Academic Press.
- Hall Roberta M., and Bernice R. Sandler (1982). *The Classroom Climate: A Chilly One for Women*. Washington D. C.: Association of American Colleges.
- Harding Sandra (1986). *The Science Question in Feminism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Harding Sandra (1995). Can Feminist Thought Make Economics More Objective? // *Feminist Economics*, Spring, 1:1, 7–32.

Феминизм и экономическая наука

- Kahneman Daniel, Jack L. Knetsch, and Richard Thaler (1986). Fairness as a Constraint on Profit Seeking: Entitlements in the Market // *American Economic Review*, September, 76:4, 728–741.
- Keller Evelyn Fox (1985). *Reflections on Gender and Science*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Keller Evelyn Fox (1986). How Gender Matters: Or, Why It's So Hard for Us to Count Past Two // Harding Jan (ed.). *Perspectives on Gender and Science*. London: Palmer Press. P. 168–183.
- Krueger Anne O., et al. (1991). Report of the Commission on Graduate Education in Economics // *Journal of Economic Literature*, September, 29:3, 1035–1053.
- Lakoff George, and Mark Johnson (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- Levin Lee B. (1995). Toward a Feminist, Post-Keynesian Theory of Investment: A Consideration of the Socially- and Emotionally-Constituted Nature of Agent Knowledge // Kuiper Edith, Jolande Sap, Susan Feiner, Notburga Ott, and Zafiris Tzannatos (eds). *Out of the Margin: Feminist Perspectives on Economic Theory*. London: Routledge.
- Longino Helen (1990). *Science as Social Knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry*. Princeton: Princeton University Press.
- Lucas Robert E., Jr. (1987). *Models of Business Cycles*. Oxford Basil Blackwell.
- Mansbridge Jane (1993). Feminism and Democratic Community // Chapman John W., and Ian Shapiro (eds). *Democratic Community: NOMOS XXXV*. New York: New York University Press. P. 339–395.
- Mayer Thomas (1993). *Truth vs. Precision in Economics*. Brookfield. Vt.: Edward Elgar.
- McCloskey Donald N. (1987). *The Writing of Economics*. New York: Macmillan.
- McCloskey Donald N. (1993). Some Consequences of a Conjective Economics // Ferber Marianne A., and Julie A. Nelson (eds). *Beyond Economic Man: Feminist Theory and Economics*. Chicago: University of Chicago Press. P. 69–93.
- Merchant Carolyn (1980). *The Death of Nature: Women, Ecology and the Scientific Revolution*. San Francisco Harper & Row.
- Nelson Julie A. (1992). Gender, Metaphor and the Definition of Economics // *Economics and Philosophy*. Spring, 8:1, 103–125.
- Nelson Julie A. (1993a). Household Equivalence Scales: Theory vs. Policy? // *Journal of Labor Economics*. July, 11:3, 471–493.
- Nelson Julie A. (1993b). The Study of Choice or the Study of Provisioning? Gender and the Definition of Economics // Ferber Marianne A., and Julie A. Nelson (eds). *Beyond Economic Man: Feminist. Theory and Economics*. Chicago: University of Chicago Press. P. 23–36.
- Nelson Julie A. (1996). *Feminism, Objectivity, and Economics*. London: Routledge.
- Nussbaum Martha C., and Amartya Sen (eds) (1993). *The Quality of Life*. Oxford Clarendon Press.
- Renwick Trudi J., and Barbara R. Bergmann (1993). A Budget-Based Definition of Poverty: With An Application to Single-Parent Families // *Journal of Human Resources*. Winter, 28:1, 1–24.
- Shackelford Jean (1992). Feminist Pedagogy: A Means for Bringing Critical Thinking and Creativity to the Economics Classroom // *American Economic Review*. May, 82:2, 570–576.

Джули Нельсон

- Sen Amartya (1977). Rational Fools: A Critique of the Behavioral Foundations of Economic Theory // *Philosophy and Public Affairs*. Summer, 6, 317–344.
- Sen Amartya (1985). Women, Technology, and Sexual Divisions // United Nation Conference on Trade and Development, Trade and Development: An UNCTAD Review, 6. P. 195–223.
- Sen Amartya (1992). *Objectivity and Position*. The Lindley Lecture, The University of Kansas.
- Strassmann Diana L. (1993). Not a Free Market: The Rhetoric of Disciplinary Authority in Economics // Ferber Marianne A., and Julie A. Nelson (eds). *Beyond Economic Man: Feminist Theory and Economics*. Chicago: University of Chicago Press. P. 54–68.
- Strassmann Diana L. (1994). Feminist Thought and Economics: Or, What do the Visigoths Know? // *American Economic Review*. May, 84:2, 153–158.
- Strober Myra (1987). The Scope of Microeconomics: Implications for Economic Education // *Journal of Economic Education*. Spring, 18, 135–149.
- Strober Myra (1994). Rethinking Economics Through a Feminist Lens // *American Economic Review*. May 1994, 84:2, 143–147.
- Strober Myra, and Carolyn L. Arnold (1987). The Dynamics of Occupational Segregation among Bank Tellers! // Brown Clair, and Joseph A. Pechman (eds). *Gender and the Workplace*. Washington D. C.: The Brookings Institution. P. 107–148.
- Summers Lawrence H. (1991). The Scientific Illusion In Empirical Macroeconomics // *Scandinavian Journal of Economics*, 93:1, 129–148.
- Waring Marilyn (1988). *If Women Counted: A New Feminist Economics*. New York: Harper & Row.

Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке¹

Роберт Сагден

РОБЕРТ САГДЕН (род. 1949) – профессор экономики Университета Восточной Англии, использующий в своих исследованиях (экономика благосостояния, выбор в условиях неопределенности, просоциальное поведение, зарождение и развитие конвенций и норма, экономическая методология, философская экономика) теоретические, экспериментальные и философские методы. Пожалуй, наибольшую известность получили разработанная Р. Сагденом (совместно с Грэмом Лумсом) «теория сожаления» и работа («Экономическая теория прав, кооперации и благосостояния»), в которой впервые были изложены результаты применения эволюционной теории игр к социальной теории и этике. В настоящее время Р. Сагден сотрудничает с Советом по экономическим и социальным исследованиям в работе над исследовательским проектом, призванным примирить поведенческую и нормативную экономическую теорию.

Краткий обзор

Исходя из анализа примеров «рынка лимонов» Акерлофа и модели расовой сегрегации Шеллинга в статье ставится вопрос о способности применяемых экономистами абстрактных теоретических моделей объяснять особенности реального мира. Основывается точка зрения, согласно которой подобные модели не являются абстракциями или упрощениями реального мира. Они лишь описывают созданные разработчиком контрфактуаль-

---

1. Robert Sugden. Credible worlds: the status of theoretical models in economics // *Journal of Economic Methodology*. 2000. Vol. 7. No. 1. P. 1–31.

Перевод с английского Ю. Каптуревского.

Роберт Сагден

ные миры. Разрыв между миром модели и реальным миром может быть заполнен лишь посредством индуктивного умозаключения. Чем большее доверие мы испытываем к подобным умозаключениям, тем более правдоподобна модель с точки зрения возможной истины.

1. Введение

Я пишу этот текст не как специалист по методологии или по философским основам социальных наук (у меня нет ни малейших оснований «выдавать» себя за него), а как экономист-теоретик, посвятивший значительную часть своей жизни созданию экономических моделей и изучению моделей, разработанных другими экономистами. Я уверен, что разумно использовал свои таланты для того, чтобы попытаться понять социальный мир. Я не принадлежу к числу ученых, которые в кулуарах семинаров и конференций признают, что они лишь разыгрывают ту или иную «партию» в игре с другими теоретиками. Если их модели не стоит воспринимать слишком серьезно, почему я должен тратить свое время на то, чтобы выслушивать предлагаемые описания (когда я настроен достаточно воинственно, то задаю этот вопрос выступающим)? В этом случае считайте, что я вышел из игры. Однако на периферии моего сознания постоянно присутствует «червь сомнения». Действительно ли модели, которые я сам пытаюсь создать, помогают нам понять окружающий мир? Или я тоже просто играю в игру, но не желаю признать это в силу не самого критического отношения к самому себе?

Моя отправная точка состоит в том, что создание моделей в экономической науке может рассматриваться как серьезное занятие только в том случае, если они в конечном счете позволяют нам узнать нечто о реальном мире. Используя выражение «реальный мир» — как это я буду делать на протяжении всей статьи, — я немедленно раскрываю себя как экономиста-теоретика. Ведь чаще всего оно необходимо для того, чтобы провести границу между миром внутри модели и «реальным» миром за ее пределами. Когда теоретики работают исключительно в мире моделей, теория становится игрой. В качестве аналогии вспомним хотя бы о шахматах. Когда-то они были моделью войны, но со временем превратились просто в игру — замкнутый самодостаточный мир, никак не связанный с тем, что находится вне его.

Избранная мною стратегия заключается в том, чтобы сосредоточиться на двух моделях — «рынке лимонов» Джорджа Акерлофа и «шахматном городе» Томаса Шеллинга. Это пример созда-

Правдоподобные миры

ния моделей такого типа, к которому стремлюсь и я сам. Конечно, их никак нельзя отнести к числу типичных экономических моделей – перед нами лучшие образцы теории. И тем не менее, по крайней мере на первый взгляд, этим моделям свойственно множество недостатков, которые критики приписывают экономической теории: абстрактный характер, нереалистичность, невозможность построения на их основе однозначно проверяемых гипотез. Поэтому с точки зрения игр, в которые играют экономисты-теоретики, мой выбор примеров было бы легко подвергнуть осмеянию. Действительно избранные мною модели отличаются образностью, а с математической точки зрения – неформальный характер. Именно поэтому они и представляются мне наиболее подходящим «материалом», который я использую для обоснования необходимости построения моделей в экономической науке.

Я убежден, что каждая из этих моделей несет в себе некую важную и правдивую информацию о реальном мире. Моя задача состоит лишь в том, чтобы раскрыть, что именно они сообщают нам и какими именно способами.

2. Акерлоф и рынок «лимонов»

Опубликованная в 1970 г. статья Акерлофа «Рынок „лимонов“» принадлежит к числу наиболее известных в экономической теории научных работ. С ней принято связывать введение в экономику понятия «асимметричности информации» и последующее развитие целой ветви экономики: экономики информации. Важность этой теоретической работы сегодня признается всеми экономистами, даже теми, кто в большей степени занимается практическими вопросами. К тому же статья Акерлофа принадлежит к числу тех, какие хотел бы написать каждый теоретик. Поскольку ценность статьи не подвергается сомнению, статья Акерлофа полностью отвечает моим задачам. Она представляет собой важный вклад в экономическую науку². Моя задача состоит в том, чтобы показать,

---

2. Работа Акерлофа получила должное признание отнюдь не сразу: прежде чем статья была принята к публикации, ее три раза отправляли на доработку. Исходя из этого Марк Блауг высказывает предположение, что статья Акерлофа относится к числу исключений, подтверждающих правило – правило, согласно которому современная экономическая наука превращается в «интеллектуальную игру, в которую играют ради собственного удовольствия, а не практической пользы», а создаваемые исследователями модели являются «скандально нерепрезентативными с точки зрения любой узнаваемой экономической системы» (Blaug, 1997, 2–4). В то же время Блауг

Роберт Сагден

в чем именно он заключается. Действительно ли Акерлоф сообщает нам нечто о реальном мире? И если это так, то что именно?

Прежде всего, обратимся к структуре работы. Она открывается следующим абзацем:

Настоящая работа связывает два понятия — качества и неопределенности. Наличие многочисленных разновидностей одних и тех же товаров ставит интересные и важные проблемы теории рынков. С одной стороны, анализ различий в качестве в условиях неопределенности может объяснить природу многих важных институтов рынка труда. С другой стороны, в данной работе предпринята попытка конкретизировать утверждение, согласно которому «делать бизнес в слаборазвитых странах — задача не из легких»; в частности это относится к определению экономической цены недобросовестного поведения. Другие прикладные аспекты теории касаются структуры денежных рынков, понятия «страхуемости», ликвидности товаров длительного пользования и использования фирменных знаков (Акерлоф, 1994, 91).

Очевидно, что в соответствии с намерениями Акерлофа, эта статья должна сообщить читателям новую информацию об удивительно широком круге феноменов реального мира. Как мы и обещали, автор статьи намеревается сообщить нам нечто об институтах рынка труда, о ведении бизнеса в слаборазвитых странах, о страховых возможностях и так далее. Но какого рода вещи он собирается сообщить? В этом отношении Акерлоф не спешит «раскрывать карты». Что касается рынка труда, то он вроде бы обещает объяснить некоторые черты реального мира. (Выполнит ли он обещание? Увидим позже). Но в случае с бизнесом в слаборазвитых странах автор всего лишь намеревается *конкретизировать утверждение*, которое часто используется в отношении реального мира. В этом случае, как представляется, модель Акерлофа будет использована для того, чтобы неким образом переформулировать эмпирическое допущение, которое в общем случае воспринимается как истинное (хотя в действительности оно может быть ложным). И наконец, нам обещают комментарии, которые должны рассматриваться как практические приложения теории, предлагаемой автором.

Несмотря на то что, по словам Акерлофа, его теория имеет указанные выше очень общие приложения, он предлагает сосредоточить внимание на рынке подержанных автомобилей:

никак не объясняет, почему аналогичные обвинения не распространяются на Акерлофа.

Правдоподобные миры

Чтобы проиллюстрировать и развить эти положения, рассмотрим простейший пример, связанный с рынком автомобилей. Следует подчеркнуть, что такой выбор продиктован соображениями скорее большей конкретности и лучшего понимания проблемы, чем важности или реалистичности рассматриваемой ситуации (Акерлоф, 1994, 91).

При первом прочтении возникает соблазн интерпретировать выражение «автомобильный рынок» как рынок, на котором реальные люди покупают и продают реальные автомобили, и сделать вывод, что Акерлоф собирается представить нечто вроде разбора практического случая из жизни. Каждому было бы понятно, что автор намеревается сосредоточить внимание на некоем конкретном, простом для понимания рынке, даже если с точки зрения экономики в целом этот рынок играет не самую важную роль. Однако что имеет в виду Акерлоф, когда говорит, что его рынок не является *реалистичным*? Предмет разбора практического случая может быть нерепрезентативным. Но он никак не может быть нереалистичным. Чтобы этот пассаж приобрел смысл, я полагаю, мы должны рассматривать его как «соединительное звено» между реальным миром и миром моделей. Акерлоф использует реальный автомобильный рынок в качестве примера. Но он намеревается представить читателям не пример из практики, не эмпирический случай, а модель автомобильного рынка. И хотя нам вроде бы представляют реальный рынок, который может быть не слишком значимым, одновременно это модель, которая может быть нереалистичной.

Центральная часть статьи Акерлофа так и называется — «Модель автомобильного рынка». Переход от реальности к модели происходит в самом начале второй части:

Пример с подержанными автомобилями позволяет уловить самую суть проблемы. Время от времени можно слышать рассуждения или недоуменные замечания по поводу значительной разницы в ценах на новые автомобили и автомобили, которые только что покинули витрины торговых залов. Обычное объяснение этого феномена сводится к тому, что указанная разница представляет собой плату за удовольствие от обладания «новым» автомобилем. Мы предлагаем иное объяснение. Предположим (ради простоты, а не реалистичности), что автомобили классифицируются всего по двум признакам: с одной стороны, новые и подержанные, с другой — хорошие и плохие (в Америке последние называют «лимонами») (Акерлоф, 1994, 92).

В первых четырех предложениях описывается наблюдаемое свойство реального мира: значительная разница в ценах на новые и почти новые автомобили. Акерлоф высказывает предположе-

ние, что, по крайней мере «из-за обеденного столика», объяснить это наблюдение довольно трудно. Если мы выдвинем допущение, согласно которому Акерлоф обычно обедает вместе с другими экономистами, то получим основания для вывода о том, что экономисты не имеют возможности легко и просто объяснить наблюдаемое явление; в то же время «шуточная» гипотеза звучит как *ad hoc* уловка, необходимая для спасения традиционной теории цены. До сих пор способ аргументации мог быть попперианским: имеется общепризнанная теория, на основе которой делаются определенные предсказания относительно рыночных цен; наблюдения на рынке подержанных автомобилей противоречат этим предсказаниям; следовательно, необходима новая теория³.

Однако начиная со слова «предположим» в процитированном выше отрывке из статьи мы переходим из реального мира в мир модели. Акерлоф создает воображаемый мир, не претендуя на описание ни одного из реальных рынков. В этом его мире все продавцы подразделяются на две группы – продавцы первого и второго типа. Все продавцы определенного типа схожи между собой. Количество автомобилей на рынке равно n ; между собой они различаются только «качеством». Последнее измеряется в денежных единицах и равномерно распределяется в некотором диапазоне. Каждая группа продавцов максимизирует агрегированную функцию полезности. Для первой группы полезностью является сумма качества принадлежащих ее участникам автомобилей и денежная стоимость других потребляемых благ. Для второй группы функция полезности является той же самой по составу, однако качество умножается на коэффициент $\frac{3}{2}$. Таким образом, для автомобиля любого данного качества его денежная стоимость для продавцов первого типа всегда меньше, чем его денежная стоимость для продавцов второго типа. Первоначально все автомобили принадлежали продавцам первого типа. Качество автомобилей распределяется единообразно. Качество каждого автомобиля известно только его владельцу, но среднее качество всех продаваемых машин общеизвестно.

Акерлоф признает, что эти допущения нереалистичны: их нельзя рассматривать даже как близкое приближение к характери-

---

3. Здесь возможно альтернативное прочтение. Акерлоф никогда не утверждает напрямую, что исключительно «развлекательное» объяснение является неправильным или что его собственное объяснение верно. Он говорит лишь о том, что это другое объяснение. Возможно ли, что он просто не желает выступать с подобными утверждениями? В разделе 3 я выдвигаю, а затем опровергаю предположение, что Акерлоф не притязает на объяснение каких-либо черт реального мира.

Правдоподобные миры

кам реального рынка подержанных автомобилей. Автор оправдывает их как упрощения, позволяющие сосредоточить внимание на тех чертах рынка, которые он стремится проанализировать. Например, он защищает допущения относительно полезности (имплицитно приписывающие нейтральное отношение к риску) в сравнении с более реалистичной альтернативой избегания риска. Акерлоф заявляет, что он не желает «излишних алгебраических усложнений»: «Использование линейной функции полезности позволяет сосредоточить внимание на последствиях асимметричности информации; если бы мы использовали вогнутую функцию полезности, нам пришлось бы иметь дело одновременно и с обычными эффектами вариации уровня риска, возникающими в условиях неопределенности, и с теми особыми эффектами, которые мы намерены здесь обсудить» (Акерлоф, 1994, 93).

Далее Акерлоф изучает происходящее в созданной им модели мира и приходит к простому, но удивительному выводу. Он показывает, что, если на продажу одновременно выставляются все автомобили, на рынке должна установиться единая рыночная цена p . Тогда:

...при цене p среднее качество равно $p/2$, а следовательно, при любом уровне цен не состоится ни одной сделки, несмотря на то что *при любой данной цене* [в определенных границах] найдутся рыночные агенты первого типа, желающие продать свои автомобили по цене, которую готовы уплатить рыночные агенты второго типа (Акерлоф, 1994, 94).

И наконец, Акерлоф показывает, что произошло бы на том же самом рынке, если бы информация носила симметричный характер, когда ни покупателям, ни продавцам неизвестно качество отдельных автомобилей, но и той и другой стороне известна вероятность распределения качества. В этом случае на рынке, в полном соответствии со стандартной теорией, устанавливается равновесная цена и разворачивается процесс торговли. На этом заканчивается вторая часть статьи Акерлофа. Давайте и мы подведем промежуточные итоги.

Нам продемонстрировали в высшей степени нереалистичную модель рынка подержанных автомобилей, на котором просто отсутствует торговля – даже если каждый автомобиль представляет для его собственника меньшую ценность, чем для потенциального покупателя. Кроме того, мы узнали, что, по мнению автора, основной причиной такого положения дел является критически важное свойство его модели мира, заключающееся в том, что продавцы обладают большим объемом знаний, чем покупатели. Заметим, что если воспринимать текст буквально, то полученный Акерлофом ре-

Роберт Сагден

зультат является слишком сильным и не вполне соответствует феномену, который автор намеревался объяснить (разнице цен между новыми и подержанными автомобилями)⁴. По-видимому, Акерлоф рассматривает свою модель как описание предельной формы *тенденции*, существующей на реальном рынке подержанных автомобилей. Имеется в виду асимметричность информации, которая, по мнению автора, является свойством этого рынка. Рассматриваемая тенденция представляет собой модификацию закона Грешема в применении к специфическому рынку, когда плохие машины вытесняют хорошие. Согласно Акерлофу на реальном рынке подержанных автомобилей следствием этой тенденции становится снижение среднего качества продаваемых машин, но никак не полное исчезновение торговли самой по себе; тем самым низкое качество продаваемых автомобилей объясняет их низкие цены.

Примечательно, что более Акерлоф ничего не говорит о *реальном* рынке подержанных автомобилей. Его единственное эмпирическое заявление об этом рынке было процитировано выше (объяснение ценовой разницы платой за удовольствие от обладания «новым» автомобилем). Однако Акерлоф не приводит никаких фактических данных, подтверждающих значительную разницу в цене на новые и почти новые машины. Возможно, он считает это различие очевидным, так как выдвигает однозначное допущение, согласно которому разница в ценах является общеизвестной. Но что еще более удивительно, он не представляет никаких данных, подтверждающих, что владельцы почти новых автомобилей обладают значительно большей информацией об их качестве, чем потенциальные покупатели. Впоследствии Акерлоф говорит о рыночных институтах, способных преодолеть проблему асимметричности информации, но не приводит никаких теоретических или эмпирических аргументов, которые опровергали бы гипотезу о существовании подобных институтов и на рынке подержанных автомобилей. Ведь в этом случае его объяснение ценовых различий, было бы поставлено под сомнение.

В то же время Акерлоф уделяет достаточно много внимания реальным рынкам в третьей части статьи, которая называется «Примеры и приложения». В четырех ее параграфах, озаглавленных как «Медицинское страхование», «Проблема занятости среди предста-

---

4. В какой-то степени Акерлоф пытается решить проблему с помощью модели для автомобилей четырех различных типов (см. абзац, начинающийся со слова «Предположим...»). В модели для автомобилей четырех типов рассматривается рынок интенсивно, а не нормально эксплуатировавшихся автомобилей. Перед нами лишь набросок, призванный возбудить интерес к основной модели, отличительной чертой которой является отсутствие торговли.

Правдоподобные миры

вителей национальных меньшинств», «Издержки недобросовестного поведения» и «Кредитные рынки в развивающихся странах», Акерлоф представляет краткий разбор практических рыночных ситуаций. Из него мы узнаем, что рынок медицинского страхования представляет собой «полную аналогию с нашим примером автомобильного рынка» (с. 96), что «Принцип „лимонов“ проливает свет и на проблему занятости среди представителей национальных меньшинств» (с. 97), что «Модель „лимонов“ позволяет сделать ряд замечаний относительно издержек недобросовестного поведения» (с. 98), и что «Функционирование кредитных рынков в развивающихся странах часто служит ярким примером действия принципа „лимонов“» (с. 100). Эти рассуждения ведутся в стиле, который экономисты называют «поверхностным эмпиризмом». Как и в случае с примером с подержанными автомобилями, они заставляют нас думать, но их никак нельзя назвать проверкой гипотезы на достоверность. Собственно, отсутствует и сама гипотеза. Акерлоф нигде не определяет «принципа лимонов»; единственный достоверный вывод, который мы можем сделать, состоит в том, что этот термин относится к модели рынка подержанных автомобилей. В конечном счете к нему нас подводит и содержание третьей части работы Акерлофа: во всех четырех случаях мы имеем дело с рынками, имеющими определенное сходство с исходной моделью.

Последняя, четвертая, часть статьи (если не брать в расчет очень короткое заключение) называется «Противодействующие институциональные механизмы». В ней содержится рассуждение (и вновь в стиле «поверхностного эмпиризма») по поводу некоторых функционирующих в реальном мире институтов, противодействующих разрастанию проблемы асимметричной информации. Рассматриваются такие примеры, как гарантии, марочные наименования, сетевые гостиницы и рестораны, а также практика сертификации на рынке труда (применяемая в частности в отношении врачей и парикмахеров). На последний пример, как представляется, Акерлоф ссылаясь еще во вступлении к статье (слова о том, что его подход «может объяснить природу многих важных институтов рынка труда»). Представляется, что автор хочет сказать, что ему известны рынки, которые были бы очень похожи на модель рынка подержанных автомобилей, если бы не их специфические институциональные особенности; тем самым модель объясняет эти их черты.

Если смотреть с попперианской точки зрения, то части III и IV рассматриваемой нами статьи обладают всеми признаками «псевдонауки». Акерлоф не предлагает ни одной гипотезы в форме, которая могла бы быть подвергнута проверке в процессе наблюдений. Единственное, что он представляет на суд читателей, — эмпирически неопределенный «принцип лимонов». В третьей части статьи

Роберт Сагден

собраны случайные свидетельства, которые вроде бы подтверждают этот принцип. В четвертой части Акерлоф утверждает, что довольно часто реальный мир не похож на его модель, но предлагает рассматривать этот тезис не как ее опровержение, а как ее подтверждение. И какой в этом научный смысл?

3. Шахматная модель расового разделения Шеллинга

Другой пример используемой в экономической науке теоретической модели не столь знаменит, как рынок «лимонов», но мне самому он очень нравится⁵. К тому же он заслуживает признания как один из самых первых образцов широко используемого сегодня теоретического метода, известного как эволюционная теория игр с локализованными взаимодействиями в пространственной структуре. Он содержится в главе «Разделение и смешивание: по расе и по полу» книги Т. Шеллинга «Микромотивы и макроповедение» (Schelling, 1978).

В центре внимания автора книги находится одна из классических для экономической науки тем: непреднамеренные социальные последствия нескоординированных действий отдельных людей. Используя большое количество новых поразительных примеров, Шеллинг показывает, что спонтанные человеческие взаимодействия чаще всего ведут к возникновению на социальном уровне непреднамеренных паттернов; в одних случаях эти паттерны желательны, но во многих других — нет.

Интересующая нас глава книги открывается широкой неформальной дискуссией по поводу сегрегации по цвету кожи и полу в различных социальных условиях. Шеллинга интересуют, прежде всего, паттерны сегрегации, возникающие в результате добровольного выбора отдельных людей. Он утверждает, что одним из важнейших примеров такой самосегрегации является рынок жилья в американских городах. Черные и белые американцы⁶ склонны

-
5. После представления этой статьи я узнал, что модель Шеллинга известна гораздо шире и вызывает гораздо большее восхищение, чем я мог себе представить. Ее прямое влияние на экономическую теорию было существенно меньшим, чем воздействие статьи Акерлофа. В то же время очевидно, что она привлекла повышенное внимание экономистов, специализирующихся на вопросах научной методологии.
6. К слову, я был весьма удивлен тем обстоятельством, что двухвидовая классификация по «цвету кожи» или «расе» стала в Америке общественным фактом, несмотря на очень широкий реальный спектр цветов кожи, типов волос

Правдоподобные миры

селиться в обособленных районах; со временем границы этих районов изменяются, но сама сегрегация сохраняется. По мнению Шеллинга, ситуация, когда почти все население Америки стремится жить в таких в высшей степени сегрегированных районах, весьма маловероятна. Поэтому он задается вопросом: не является ли такая наблюдаемая на социальном уровне жесткая сегрегация непреднамеренным следствием индивидуальных действий людей, в основе которых лежит исключительно предпочтение к отказу от жизни в районе, где люди с другим цветом кожи составляют подавляющее большинство? В контексте столов в кафетерии, которые занимают игроки бейсбольной команды, Шеллинг формулирует свою гипотезу следующим образом:

Игроки могут игнорировать, принимать и даже предпочитать столы смешанного состава. Но в тех случаях, когда состав сотрапезников неравномерен, они чувствуют дискомфорт или стеснение или думают, что другие ощущают дискомфорт или испытывают чувство стеснения. Присоединение к столу с черными и белыми игроками — дело случая. Но ситуация, когда игрок оказывается седьмым за столом с шестью игроками противоположного цвета кожи, становится своего рода порогом, после которого возникает чувство стеснения, негативно влияющее на атмосферу и способное привести к полному и устойчивому разделению (Schelling, 1978, 144).

Обсудив целый ряд случаев самосегрегации как по цвету кожи, так и по полу и применяя к каждому из них гипотезу, согласно которой жесткая сегрегация является непреднамеренным следствием гораздо более мягких предпочтений, Шеллинг представляет «модель самоформирующегося соседства». Он с ходу обезоруживает читателя: «Одно из наиболее ярких представлений о динамике явления может быть получено, если вы выделите полчаса своего свободного времени, запасетесь двумя столбиками монет в один и десять центов, письменным столом, большим листом бумаги, духом научного сомнения или, в его отсутствие, любовью к игре» (р. 147).

Согласно инструкции, необходимо расчертить лист бумаги сеткой 8×8 квадратов (шахматная доска). Монеты в 10 и 1 цент: «представляют членов двух однородных групп — мужчин и женщин, черных и белых, франко- и англоговорящих людей, офицеров и солдат, студентов и преподавателей, серферов и пловцов, хорошо и плохо одетых граждан. В общем, необходима любая полная и узнаваемая дихотомия» (Schelling, 1978, 147).

и других возможных расовых признаков. Для удобства я допустил, что дети смешанных браков африканцев и европейцев относятся к «черным», хотя они могут восприниматься как чистые европейцы.

Роберт Сагден

Затем мы распределяем монеты по клеткам сетки. Каждая клетка должна быть либо «закрыта» монетой, либо оставаться пустой (важно, чтобы на доске оставалось определенное свободное пространство). Затем мы постулируем условие, определяющее, является ли монета «довольной» своими соседями. Например, мы можем установить, что монета считается «довольной», если, по крайней мере, одна треть ее соседей (то есть монет, занимающих смежные с ней по горизонтали, вертикали или диагонали квадраты) принадлежат к тому же самому типу, что и она сама. Затем мы начинаем поиск «недовольных» монет. Где бы мы ни обнаружили такую монету, мы передвигаем ее на ближайшую пустую клетку, в которой она будет «довольной» (даже если при этом другие монеты переходят в число «недовольных»). И так продолжается до тех пор, пока на доске не останется «недовольных». Шеллинг предлагает нам «проиграть» различные варианты, изменяя первоначальное распределение монет и правила. По его словам, в результате мы обнаружим очень сильную тенденцию к формированию жестко сегрегированных образований монет, даже если условия «довольства» являются относительно слабыми. Я выполнил все инструкции Шеллинга (правда, бумагу и монеты мне заменила компьютерная программа) и могу подтвердить его правоту. Очевидно, Шеллинг ожидает, что после того, как мы на собственном опыте узнаем, как работает его модель, мы будем больше доверять и приведенным им ранее аргументам о сегрегации в реальном мире.

Примечательно, что общая стратегия рассматриваемой нами главы из книги Шеллинга имеет большое сходство с той, с которой мы познакомились в статье Акерлофа. Каждый из авторов утверждает, что в некоем экономическом или социальном феномене может быть выявлена некая повторяемость, закономерность R (плохие товары вытесняют хорошие, расовая сегрегация, сохраняющаяся несмотря на изменение географических границ). Каждый из них утверждает, что R может быть объяснена посредством комплекса каузальных факторов F (продавцы лучше информированы, чем покупатели; общее предпочтение заключается в том, чтобы избегать чрезмерного количества соседей отличного от своего собственного типа). Имплицитно каждый из авторов делает три утверждения: о том, что R имеет место (часто имеет место); о том, что F оказывает воздействие (часто оказывает воздействие); и о том, что F является причиной, вызывает R (или склонно вызывать). Ни одно из этих утверждений не выдвигается как проверяемая гипотеза, но для каждого из них предлагается неформальное свидетельство, источником которого служат специально отобранные практические ситуации. Эти свидетельства, как представляется, подтверждают первые два утверждения. Каждый

Правдоподобные миры

автор использует для подтверждения своего утверждения о причинно-следственной связи формальную модель. В каждом случае формальная модель является очень простым, полностью описываемым и самодостаточным миром. В описание модели встроены и предполагаемые каузальные факторы F . В модели мира R обнаруживается в своей экстремальной форме. Предполагается, что в этом случае утверждение о том, что в реальном мире F вызывает R , воспринимается как более правдоподобное. Но как сделать это утверждение более правдоподобным?

4. Концептуальное зондирование

Прежде чем мы продолжим, необходимо рассмотреть альтернативное прочтение Акерлофа и Шеллинга, в соответствии с которым их модели не следует рассматривать как подтверждение каких бы то ни было утверждений о реальном мире⁷. Как подчеркивает Дэниел Хаусман, в экономической науке теоретическая работа довольно часто связана, скорее, с «концептуальным зондированием», чем с «эмпирическим теоретизированием» (Hausman, 1992, 221). Цель концептуального зондирования состоит в изучении внутренних свойств моделей, в то время как взаимоотношения между миром модели и реальным миром остаются в стороне.

Такая работа может рассматриваться как весьма полезная даже теми, кто настаивает на справедливости положения, согласно которому главная цель создания моделей заключается в том, чтобы сообщить нам нечто о реальном мире. Например, она может быть признана полезной уже потому, что позволяет найти более простые изложения существующих теорий или сформулировать связанные с ними новые теоремы. (Вспомним доводы Пола Самуэльсона о том, что значительная часть общепринятой теории спроса может быть выведена из нескольких простых аксиом о непротиворечивом выборе). Или она может быть признана ценной в силу того, что позволяет вскрыть не замечавшиеся ранее теоретические противоречия. (Например, теорема о невозможности Кеннета Эрроу может быть истолкована как демонстрация непоследовательности экономики благосостояния Бергсона-Самуэльсона⁸).

---

7. Во время представления своей статьи я был весьма удивлен тем, что сторонниками этой интерпретации являются очень многие экономисты.

8. Эрроу намекает на эту интерпретацию, когда во введении к своему изложению теоремы он говорит, что специалисты по экономике благосостояния должны убедиться в том, что высказываемые ими ценностные суждения являются взаимно совместимыми. Далее он пишет: «Бергсон считал, что можно

Роберт Сагден

Известно множество случаев, когда в процессе разработки теории в одной из научных областей были получены результаты, впоследствии нашедшие применение совсем в других сферах. (Задумайтесь хотя бы о том, сколь много пользы принесли стратегические разработки Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна игрокам в покер). Таким образом, характеристика моделей Акерлофа и Шеллинга как концептуального зондирования отнюдь не означает, что кто-то стремится их опорочить.

Итак, попытаемся понять, что мы могли бы узнать в том случае, если бы мы интерпретировали эти модели как концептуальное зондирование и ничего более. Сначала об Акерлофе. Мы могли бы сказать, что научный вклад ученого состоит в демонстрации того, что некоторые приложения стандартных поведенческих допущений экономической теории в высшей степени чувствительны к отдельным упрощающим допущениям о знаниях⁹. Точнее, обычные результаты эффективной, по Парето, равновесной рыночной торговли могли бы радикально измениться, если бы мы рассматривали покупателей и продавцов не как одинаково информированных субъектов, а допускали бы определенную степень информационной асимметрии. Тем самым статья Акерлофа несет в себе важнейшее сообщение: некоторые общепринятые теоретические суждения о рынках являются не столь достоверными, как об этом принято было думать. Следовательно, необходимо очень осторожно относиться к выводам, которые делаются на основе рассмотрения моделей, основывающихся на допущении о симметричности информации. Кроме того, необходима разработка новых теорий, которые учитывали бы эффекты асимметричной информации. При таком прочтении, дискуссия о подержанных автомобилях воспринимается не более как «история», прилагаемая к формальной модели для того, чтобы облегчить ее изложение и понимание. Однако при необходимости от этой истории можно было бы легко избавиться¹⁰. Рассматриваемая статья посвящена не подержанным автомобилям, а теории рынков.

установить упорядочение социальных состояний, основанное на картах безразличия индивидуумов, с чем соглашался и Самуэльсон» (Эрроу, 2004, 10). Теория коллективного выбора Эрроу призвана ответить на вопрос о возможности этого.

9. Эта интерпретация модели Акерлофа была предложена Дэниелем Хаусманом. Кроме того, Хаусман привел контрпример интерпретации модели Шеллинга, который будет рассмотрен в следующем параграфе.
10. Я использую термин «история» в том смысле, который Макклоски справедливо называет стандартным для специалистов по экономической теории: «расширенный пример экономического обоснования с помощью математи-

Правдоподобные миры

Что касается Шеллинга, то мы можем сказать следующее. Он предлагает критику общепринятой точки зрения, согласно которой сегрегация должна быть продуктом либо целенаправленной государственной политики, либо сильных сегрегационных предпочтений. Шахматная модель — контрпример, направленный против подобных утверждений. Она демонстрирует, что сегрегация может возникать и в отсутствие двух названных выше факторов. В рассматриваемом нами прочтении Шеллинг вносит важный концептуальный вклад в дебаты о сегрегации в реальном мире: он подчеркивает, что в существующей теории имеется ошибка. Пользуясь символами, которые были введены в разделе 3 этой статьи, Шеллинг отнюдь не утверждает, что « R имеет место, F оказывает воздействие и F вызывает R ». Он говорит только, что: « R могло бы иметь место, F могло бы оказать воздействие и могла бы сложиться ситуация, когда F вызвало R ».

Следует сказать, что существуют, по крайней мере, некоторые текстуальные свидетельства, в соответствии с которыми и Акерлоф, и Шеллинг были довольны описывавшимися выше интерпретациями своих моделей. Я уже высказывал предположение о том, что Акерлоф довольно часто пытался не допустить перенесения выводов, полученных в рамках изучения его модели, на реальный мир. Например, несмотря на его утверждение, согласно которому модель предлагает объяснение ценовых различий на реальном рынке автомобилей, остальные его ссылки на «объяснение» более нюансированы. Заметим, что в абзаце, с которого начинается статья, Акерлоф избегает утверждения о том, что его модель объясняет роль важных институтов рынка труда: возможно (совсем не обязательно), она объясняет «взаимодействие между качественными различиями и неопределенностью». Схожая формулировка используется и в заключительном предложении статьи: «трудность определения качества... возможно, позволяет объяснить природу многих экономических институтов» (Акерлоф, 1994, 103) Кто-то может высказать мнение, что, используя «возможно», Акерлоф берет на себя ответ-

---

ческого аппарата [теории], зачастую упрощенный вариант реальной ситуации, которую математика призвана охарактеризовать» (McCloskey, 1983: 505). Аналогичной точки зрения придерживаются Гиббард и Вариан (Gibbard and Varian, 1978) (см. раздел 6). Иначе понимает «историю» Морган, для которого модели являются инертными механизмами. Чтобы привести их в движение, необходимо некое внешнее событие. История — это описание собственно события и того, как его воздействие передается посредством модели (Morgan, 1997). Предлагаемый Морганом подход предполагает объединение двух различных измерений — статике/динамики и модели/истории, — которые я предпочитаю рассматривать раздельно.

Роберт Сагден

ственность за участие исключительно в концептуальном зондировании: он рассматривает возможные теории, а не их способность объяснять феномены реального мира. В то же время, как мне представляется, более правильное прочтение состоит в том, что Акерлоф пытается сказать примерно следующее: я убежден, что экономисты получают возможность использовать содержащиеся в этой статье идеи для того, чтобы предложить теории, способные *действительно* объяснить функционирование важных экономических институтов.

Шеллинг высказывается о своем методе более развернуто:

Какие выводы мы можем сделать из подобных упражнений? По крайней мере мы получаем возможность опровергнуть несколько представлений, базирующихся на рассуждениях не более сложных, чем те, которые потребовались от нас при использовании «шахматной доски». В некоторых случаях утверждения, начинающиеся «Очевидно, что...» могут быть поставлены под сомнение очень простыми демонстрациями того, что они, несмотря на то что, возможно, и являются истинными, не совсем «очевидны». По крайней мере, мы можем убедить самих себя в том, что могут действовать определенные механизмы. Соответственно, у нас есть основания для сопоставления наблюдаемых агрегированных феноменов с «молекулярным движением» различных типов, имеющих лишь отдаленное сходство с теми агрегированными результатами, которые они, собственно, и определяют (Schelling 1978, 152).

Шеллинг не уточняет, какие именно представления он опровергает. Возможно, он имел в виду представления, согласно которым необходимым условием сегрегации того типа, который он наблюдал в американских городах, являются либо четко выраженная политика, либо сильные сегрегационные предпочтения. Таким образом, Шеллинг утверждает, что посредством контрпримера он поставил под сомнение эти представления.

Независимо от выводов, которые мы делаем из рассматриваемых пассажей, ни одна из взятых в целом статей не может быть удовлетворительно прочитана только лишь как концептуальное зондирование. Наиболее очевидным препятствием на пути к такой интерпретации является то обстоятельство, что и Акерлоф, и Шеллинг отводят очень большое пространство обсуждению феноменов реального мира. Даже если допустить, что обращение Акерлофа к рынку подержанных автомобилей несло с собой некоторые признаки теоретической «истории», в чем заключается смысл всех приведенных в части III «примеров и приложений», или дискуссии о «противодействующих институтах» в части IV, если не в том, чтобы сообщить нам нечто о реальном мире, этот материал может быть поверхностным эмпиризмом. И тем не ме-

Правдоподобные миры

нее он остается эмпиризмом. Это не просто способ, облегчающий читателю понимание внутренней логики модели. Аналогично, очевидное намерение Шеллинга состояло в том, чтобы обсуждение тренировочного лагеря бейсбольной команды воспринималось как описание реального мира. Конечно же, с помощью этой правдоподобной гипотезы он пытается убедить нас, что реальных людей (таких людей, как мы, намекает он) отличают мягкие сегрегационные предпочтения. Если бы всем нам был предложен только контрпример общему теоретическому утверждению, такой материал был бы избыточен.

Очевидно, что ни Акерлоф, ни Шеллинг не рассматривают свои работы как полностью завершенную теорию. Представляется, что нам демонстрируют предварительные теоретические наброски. Возможно, представленные модели и уже завершенные теории соотносятся друг с другом примерно так же, как «концепт автомобиля» и только что сошедшая с конвейера серийная модель или одежда, демонстрируемая на модном показе, и дизайнерская коллекция в модном магазине. Таким образом, эти модели представляют собой предложение о том, как можно было бы начать объяснение некоторых феноменов реального мира. Если подойти к ним с иной точки зрения, то перед нами эскизы процессов, которые по замыслу их создателей могут объяснить феномены, наблюдаемые нами в реальном мире. Однако здесь смысл слов «могут объяснить» состоит не только в том, что имеется в виду определенная логическая возможность, которая могла бы быть раскрыта посредством концептуального зондирования. (Или, если перефразировать: «В принципе, существует возможность того, что процессы, обладающие особой формальной структурой, способны генерировать закономерности с этой особой формальной структурой»). Теоретик декларирует свою уверенность в том, что предлагаемый им подход, скорее всего, позволит дать объяснение, даже если до сих пор потребность в этом отсутствовала.

Если бы Акерлоф и Шеллинг настаивали на том, что их оговорки должны были быть прочитаны в том смысле, что «Эта работа представляет собой концептуальное зондирование и ничего более», они, конечно же, покривили бы душой. Нам предлагают потенциальные объяснения феноменов реального мира. Нас побуждают отнестись к этим потенциальным объяснениям всерьез и даже приложить дополнительные усилия по превращению черновых набросков в «серийные модели». Однако для решения этой задачи одной нашей уверенности в технической осуществимости внутренне непротиворечивой теории недостаточно. Конечно, уверенность имеет очень большое значение и мы можем приобрести ее в процессе концептуального зондирования формальных моде-

Роберт Сагден

лей. Однако нам необходима дополнительная уверенность в том, что «серийная модель», скорее всего, способна справиться с задачей, для решения которой она создавалась (вероятно, для объяснения феноменов реального мира). Другими словами, нам необходимо увидеть набросок *действительного* объяснения, а не просто логически непротиворечивую формальную структуру. Мы должны убедиться, что модели Акерлофа и Шеллинга предлагают объяснения (пусть даже предварительные и несовершенные) закономерностей реального мира. В дальнейшем я исхожу из допущения, что оба ученых исходили из того, что эти модели создавались для того, чтобы служить такого рода объяснениями.

5. Инструментализм

Тем самым мы вплотную подходим к вопросу о том, как именно нереалистичные экономические модели объясняют феномены реального мира?

Инструменталистская позиция привлекает хотя бы потому, что она предполагает оценку теории исключительно исходя из ее предсказательной силы в отдельной области, в которой она, как предполагается, будет использоваться. Согласно одному из вариантов инструментализма правильно понятые теоретические «допущения» имеют не большее значение, чем краткое описание, в котором суммируются теоретические предсказания; таким образом, вопрос о степени реалистичности допущений даже не возникает. Альтернативная форма инструментализма, возможно более подходящая для экономической науки, исходит из того, что теоретические допущения *относятся* к субъектам реального мира; однако положение о том, что истинность или ложность этих допущений не имеет отношения к делу, сохраняет свою силу. В любом случае теоретические допущения *функционируют* исключительно как отображение предсказаний, полученных с помощью теории.

Довольно часто инструменталистские аргументы используются в интересах защиты неоклассической ценовой теории, основывающейся на таких допущениях, как максимизирующие полезность потребители, максимизирующие прибыль фирмы и мгновенное приспособление цены к равновесным уровням. В инструменталистской интерпретации задача неоклассической теории состоит в предсказании изменений цен, а также совокупных объемов торгуемых благ как результата экзогенных изменений (таких как изменения в технологии или налогах). С этой точки зрения агрегированная экономическая статистика играет в экономической науке ту же самую роль, которую в давние времена играли в астрономии

Правдоподобные миры

небесные тела¹¹: это единственный феномен, который мы хотели бы предсказать и единственные (или единственные доступные) данные, которые мы могли бы использовать¹². Тем самым неоклассическая теория представляет собой не более чем краткое описание набора предсказаний. В этом случае вопрос о реалистичности допущений может рассматриваться либо как категориальная ошибка (поскольку допущения не относятся к чему-то реально существующему), либо упущение сути (даже если допущения относятся к реальным вещам, вопрос об их истинности или ложности не влияет на ценность теории).

Однако возникает вопрос о том, возможно ли инструментальное понимание моделей Акерлофа и Шеллинга? Конечно, они очень похожи на неоклассические модели рынков в том смысле, что в них используются в высшей степени упрощенные допущения, которые, если понимать их буквально, являются в высшей степени нереалистичными. Однако, если предполагалось, что эти модели будут «прочитаны» с инструменталистской точки зрения, мы обязаны ожидать, что они будут использоваться для продуцирования однозначных предсказаний о реальном мире. Кроме того, должно быть проведено четкое различие между допущениями (которые либо вообще не имеют истинной ценности, либо могут быть ложными) и предсказаниями (которые, как утверждается, являются верными).

В действительности ни Акерлоф, ни Шеллинг не предлагают нам ни одной эксплицитной и проверяемой гипотезы о реальном мире. При этом ни один из теоретиков не поддерживает присутствие инструментализму проведение различия между допущениями и предсказаниями. Как представляется, практические примеры Акерлофа предназначались для того, чтобы убедить нас скорее

-
11. Классический пример конфликта инструментализма и реализма – начальный период развития астрономии, когда единственно доступными были наблюдения за движением точек и областей света. В то же время на основе теорий, базирующихся на фантастических и абсолютно непроверяемых (на тот момент времени) допущениях о том, как может выглядеть вселенная при взгляде со стороны, исследователи делали очень точные предсказания относительно движения небесных тел. Теперь мы знаем, что среди этих фантастических допущений были и истинные (голос в пользу реализма), и ложные (довод в пользу инструментализма).
  12. Возможно, что в 1950–1960-х гг., в период наибольшей популярности инструменталистских доводов в защиту неоклассической теории, идея о возможной ценности предсказаний решений о потреблении отдельных потребителей просто не рассматривалась экономистами хотя бы в силу отсутствия инструментов, необходимых для сбора и анализа данных на индивидуальном уровне. Новые достижения в информационных технологиях и технологиях розничной торговли открывают возможность полезного использования предсказаний относительно решений индивидуальных потребителей.

Роберт Сагден

в правдоподобности его допущений по поводу асимметричности информации, чем в субоптимальности объема торговли. Как я уже говорил, все выглядит так, что цель обсуждения Шеллингом выбора столиков членами бейсбольной команды в тренировочном лагере заключалась в попытке убедить нас в правдоподобности его допущений по поводу предпочтений. При самом естественном прочтении, я полагаю, что Акерлоф и Шеллинг были уверены, что рассказывают нам о силах и тенденциях связывающих *реальные* причины (асимметричная информация, мягкие сегрегационистские предпочтения) и *реальные* следствия (субоптимальные объемы торговли, жесткая сегрегация). Предполагается, что нереалистичные модели Акерлофа и Шеллинга поддерживают их утверждения о реальных тенденциях. Это никак не инструментализм. Используемый авторами метод, как бы его ни назвали, представляет собой форму реализма.

6. Метафора и карикатура

Аллан Гиббард и Хал Вариан предлагают интерпретацию экономических моделей, в которой основное внимание уделяется не предсказанию, а объяснению (Gibbard, Varian, 1978). Они характеризуют модель как «союз» двух элементов: остающейся без интерпретации формальной системы, в рамках которой могут делаться логические выводы, и «истории», предлагающей некий вариант интерпретации формальной системы. Очевидно, имея в виду шахматную модель Шеллинга, они описывают форму моделирования, в которой соответствие модели реальному миру является *случайным*:

Цель случайного приложения в том, чтобы объяснить те аспекты мира, которые не могут быть выявлены или относительно которых не может быть высказана догадка, в отсутствие эксплицитных технических приемов измерений. В некоторых случаях, может быть выявлен некий аспект реального мира (разброс цен, сегрегация жилья и тому подобное), который, как представляется, может быть объяснен определенными аспектами микроситуации; на этой основе создается модель, предлагающая объяснение. В других случаях, когда был выявлен определенный аспект мира, модель используется для исследования последствий, к которым мог бы привести такого рода фактор (Gibbard, Varian, 1978, 672).

Представляется, что данная цитата — честное объяснение того, что делают Акерлоф и Шеллинг. Однако, к огромному нашему сожалению, Гиббард и Вариан уделяют слишком мало внимания рас-

Правдоподобные миры

сказу о том, как случайные модели объясняют аспекты реального мира, или как они позволяют нам исследовать наиболее вероятные следствия воздействия факторов реального мира на феномены реального мира.

Гиббард и Вариан признают (более того, приветствуют) тот факт, что случайные модели нереалистичны; однако предлагаемые ими доводы в защиту отсутствия реализма сами носят, скорее, случайный характер:

Когда экономические модели используются для объяснения случайно наблюдаемых «деталей» нашего мира, очень важно наличие субъекта, способного понять объяснение. Следовательно, в высшей степени желаемой особенностью таких моделей является простота. Если усложненность, позволяющая возможно более тесно соответствовать реальности, затрудняет понимание модели, она рассматривается нами как нежелательная. Более того, такие усложнения, возможно, не являются необходимыми, в силу невозможности точно измерить те аспекты мира, ради достижения понимания которых, используется модель (Gibbard, Varian, 1978, 672).

Все выглядит так, будто, по мнению авторов, основное предназначение модели состоит в том, чтобы донести ее идею до аудитории; простота является достоинством, так как она облегчает коммуникацию. Однако в этом случае мы ставим телегу впереди лошади. Предметом коммуникации является не просто идея, но утверждение о том, что в действительности представляют собой вещи, а также обоснования, позволяющие принять это утверждение как истинное. Простота коммуникации имеет значение только в том случае, если есть о чем сообщить. Допуская, что мы можем легко воспринять модели Акерлофа и Шеллинга, остается ответить на вопрос, что именно мы поняли? Какую роль эти модели играют в процессе объяснения? И что они объясняют?

Один из возможных ответов дает Дейдра Макклоски (McCloskey, 1983, 502–507), по мнению которой модели представляют собой метафоры. Согласно Макклоски создатель модели утверждает только лишь, что реальный мир в некотором существенно важном отношении подобен предлагаемой модели (р. 502). Оценивая модель, мы должны задать несколько вопросов так, как будто мы оцениваем метафору: «Проливает ли она должный свет, насколько удовлетворительной она является, насколько она удачна?» (р. 506). Я полагаю, что и само утверждение «модели — это метафоры» должно восприниматься как метафора. Как метафора, оно, безусловно, является удовлетворительным и удачным; однако действительно ли оно проливает свет на проблему нашего исследования моделей Акерлофа и Шеллинга?

Роберт Сагден

Очевидно, что Акерлоф и Шеллинг утверждают, что в некоторых существенно важных отношениях реальный мир подобен предложенным ими моделям. Вопрос в том, к чему именно относятся эти утверждения и как они могут быть (если это вообще возможно) обоснованы? В переводе на язык Макклоски: какой вопрос освещают эти модели и насколько удачными являются метафоры Акерлофа и Шеллинга? Однако этот перевод вопроса отнюдь не приближает нас к ответу.

Шаг вперед к ответу на интересующий нас вопрос (пока я воздержусь от правильного ответа) делают Гиббард и Вариан, характеризующие модели как *карикатуры* (Gibbard and Varian, 1978). Концепт карикатуры не столь широк, как концепт метафоры, поскольку составляющие первой должны быть заимствованы из соответствующей реальности. (Вспомним изображения Джона Булля – толстого любителя бифштексов, мелкого землевладельца. Первоначально это было карикатурное изображение истинного англичанина. Сегодня эта карикатура уже не является достоверной, но она по-прежнему узнаваема как символ или метафора всего английского). Согласно Гиббарду и Вариану, создавая модель, мы можем выбрать такие допущения, которые «не приближают нас к реальности, но гиперболизируют или обособляют некоторые ее черты» (р. 673). Цель состоит в том, чтобы «деформировать реальность так, чтобы высветить определенные ее черты» (р. 676).

Идея, согласно которой модели представляют собой карикатуры, основывается на предположении о том, что модели, возможно, способны объяснить реальный мир, поскольку допущения, на которых они основываются, описывают определенные свойства мира, пусть в изолированной или гиперболизированной форме. Гиббард и Вариан предложили эту идею, но не стали развивать ее. Новые импульсы ее развитию, хотя и в несколько иных направлениях, были приданы Хаусманом (Hausman, 1992, 123–151) и Ускали Мяки (Mäki, 1992, 1994), к обсуждению работ которых мы и переходим.

7. Экономика как неточная дедуктивная наука и метод изолирования

Я высказал предположение, что и Акерлоф и Шеллинг обратили внимание на некие тенденции реального мира, которым, по утверждениям исследователей, можно дать объяснение с помощью моделей. Одна из возможностей наполнить смыслом идею «тенденций» состоит в том, чтобы использовать инструмент, который Хаусман называет «имплицитными условиями *ceteris paribus*». Имеется в виду, что феномены реального мира являются продуктами взаимодействия

Правдоподобные миры

большого количества каузальных факторов. В этом случае тенденция (некоторые авторы предпочитают термин «способность») понимается как действие небольшого подмножества этих факторов.

Для того чтобы описать тенденцию, мы должны каким-то образом выделить релевантное подмножество факторов из числа всех остальных. Таким образом, описание, выраженное в контрафактуальных терминах, будет звучать как «в отсутствие других каузальных факторов, L » или «если мы примем за константу все остальные каузальные факторы, то L », где L — некое законоподобное суждение о мире. Хаусман утверждает, что в экономической науке условия *ceteris paribus*, как правило, являются имплицитными и довольно расплывчатыми. Поэтому для обозначения обобщений, основанных на имплицитных условиях *ceteris paribus*, он использует понятие «неточного обобщения».

По Хаусману в экономической науке обобщения осуществляются посредством того, что он называет «неточным дедуктивным методом», укладывающимся в следующую схему:

1. *Формулирование* правдоподобных (*ceteris paribus*) и прагматичных удобных обобщений по поводу действия релевантных каузальных переменных.
2. *Дедуцирование* на основе обобщений и заявлений о начальных условиях, упрощениях и т. д., предсказания относительно релевантных феноменов.
3. *Проверка* предсказаний.
4. В случае, если предсказания оказались корректными, сочетание в целом рассматривается как прошедшее проверку, подтвержденное. В противном случае проводится сравнение альтернативных объяснений неудачи на основе объяснительного успеха, эмпирического прогресса и прагматической полезности (Hausman, 1992, 222).

Для Хаусмана эта схема является «и допустимой, и совместимой с текущей теоретической практикой экономической науки, поскольку эта практика предполагает эмпирическую оценку теорий» (р. 221)¹³. Следуя предложенной схеме экономисты могут получать неточные обобщения относительно мира. Однако они получили право рассматривать эти генерализации как прошедшие провер-

---

13. Хаусман добавляет, что «в экономической науке значительная часть теоретической работы связана не с эмпирическим теоретизированием, но с концептуальными исследованиями» (Hausman, 1992, 221). В разделе 4 рассматривается и отвергается предположение о том, что модели Акерлофа и Шеллинга могут интерпретироваться как концептуальное объяснение.

Роберт Сагден

ку. Рассматриваемая нами схема является адаптацией точки зрения Джона Стюарта Милля на «логику нравственных наук» (Mill, 1843, Book 6, Ch. 1–4). (Наиболее существенная поправка состоит в том, что согласно схеме Хаусмана исходные предпосылки, на основе которых делаются выводы, являются просто «правдоподобными обобщениями», которые могут быть поставлены под сомнение, если выведенные из них предсказания окажутся ложными. И наоборот, как представляется, идея Милля состояла в том, что в экономической науке неточные предсказания могут быть дедуцированы из испытанных «законов разума».)

У. Мяки придерживается во многом сходной с Хаусманом точки зрения на то, как экономические теории объясняют реальность. Подобно Хаусману, Мяки считает, что теоретические допущения должны рассматриваться как утверждения о том, что в нашем реальном мире является истинным. Однако в тех случаях, когда Хаусман говорит о *неточных* умозаклучениях, Мяки рассуждает об *изоляции*. Экономическая наука, согласно Мяки, использует «метод изолирования, посредством которого некое множество элементов, в данной ситуации теоретически отделяется и защищается от влияния других элементов» (Mäki, 1992, 318). С этой точки зрения, теория просто отображает ряд действующих в реальном мире факторов; потенциальное влияние других факторов полностью «перекрывается» (р. 321). Подобная «герметизация» означает, что теория становится нереалистичной; однако утверждение о том, что она может по-прежнему описывать некий аспект реальности, рассматривается как правомерное.

Как замечает Мяки, открывается возможность провести параллель между его концептом теоретического изолирования и идеей *экспериментального* изолирования (р. 325). В лабораторных экспериментах изолирование используется для изучения отдельных элементов мира; в процессе эксперимента контролируется механизм, посредством которого другие элементы «герметизируются». Тем самым лабораторная среда становится нереалистичной, в том смысле, что она является более «чистой», чем внешний мир; однако эта нереалистичность является существенно важной чертой экспериментального метода. В соответствии с этой аналогией, модели являются *мысленными экспериментами*¹⁴.

Однако для того, чтобы мысленный эксперимент мог принести нам хоть какую-то информацию о реальном мире (а не просто данные о структуре наших собственных мыслей), процесс рассу-

---

14. Сходство и различие моделей и экспериментов подробно рассматривается Гуалой (Guala, 1999).

Правдоподобные миры

ждений должен каким-то образом воспроизводить функционирование мира. Например, задумаемся о том, как инженер-строитель мог бы использовать теоретическую модель для проверки надежности новой конструкции. В инженерном деле такое моделирование вполне возможно, поскольку теория, описывающая общие свойства соответствующего класса структур, уже известна. У инженера отсутствует лишь информация о ее применении к структуре нового вида. Исходя из истинности предсказаний общей теории он проделывает мысленный эксперимент, в котором воспроизводится возможный физический эксперимент.

В этой интерпретации модель объясняет реальность исходя из истинных допущений, которые делаются по поводу изолированных каузальных факторов. Изолирование само по себе может быть нереалистичным; в буквальном смысле отображающие его допущения могут быть (и чаще всего являются) ложными. Главное, чтобы истинными были допущения, отображающие действие изолированных каузальных факторов. Поэтому, как я предполагаю, в широком смысле применение метода изолирования в теоретическом моделировании во многом напоминает первые два шага схемы Хаусмана. Имеется в виду, что создатель модели должен сформулировать правдоподобные обобщения относительно действия изолированных факторов, а затем использовать дедуктивные умозаключения для того, чтобы определить, какие именно воздействия этих факторов будут иметь место в определенных контролируемых средах.

Так ли действуют Акерлоф и Шеллинг? Несмотря на то что ни один из авторов не предлагает явным образом поддающиеся проверке гипотезы, мы, возможно, могли бы интерпретировать их тексты как имплицитно предлагаемые *ceteris paribus* гипотезы. (Несколько позже я выскажу предположение о том, какими могли бы быть эти гипотезы.) Однако если бы мы попытались понять модели Акерлофа и Шеллинга, рассматривая их как примеры неточного дедуктивного метода, каждая из них должна была бы интерпретироваться как дедуктивный механизм, генерирующий релевантные гипотезы. Для того чтобы такая интерпретация стала возможной, мы обязаны идентифицировать упрощающие допущения модели, а также распространяемые на гипотезы оговорки *ceteris paribus* и о невмешательстве. Так, если мы обозначим гипотезы как X , оговаривая отсутствие вмешательства типа $i_1, \dots, i_n$, то модель обязана дедуцировать X из системы двух наборов допущений. Первый набор содержит в себе «правдоподобные и прагматичные удобные обобщения» – предпочтительно те, которые уже успешно использовались в предыдущих приложениях неточного дедуктивного метода. Второй набор допущений, который Мяки назвал бы «изолированными», постулирует несуществующие $i_1, \dots, i_n$.

Роберт Сагден

Возьмем модель Акерлофа. Позволяет ли рассматриваемый нами способ достичь понимания используемых допущений? По крайней мере, некоторых из них. Например, Акерлоф имплицитно допускает, что каждый торговец максимизирует ожидаемую полезность. Корректно или некорректно, но большинство экономистов рассматривают максимизацию полезности как хорошо обоснованное обобщение по поводу человеческого поведения; известно (если об этом задуматься), что имеют место редкие исключения, справиться с которыми позволяют имплицитные оговорки о невмешательстве. Аналогично, Акерлоф допускает, что в том случае, когда на рынке существует равновесная цена, она обязательно будет установлена, что приведет к установлению равновесия. И это обобщение относится к числу тех, которые экономисты считают хорошо обоснованными. В экономической науке принята устоявшаяся исходная посылка, согласно которой эмпирическое утверждение, которое выводится из стандартных допущений, таких как ожидаемая максимизация полезности и установление рыночного равновесия, рассматривается как достоверное: теоретик не обязан обосновывать эти допущения в каждой новой публикации.

Что касается примера допущений иного типа, заметим, что модель Акерлофа исключает все «противодействующие институты», которые обсуждаются в части IV. По-видимому, если Акерлоф предлагает эмпирические гипотезы, это должно выглядеть следующим образом: «Если продавцы знают о качестве товара больше, чем покупатели, а также в отсутствие противодействующих институтов, то среднее качество этих торгуемых товаров ниже, чем качество материальных благ в общем». Отсутствие противодействующих институтов — это оговорка о невмешательстве рассматриваемой гипотезы, являющаяся также легитимным свойством модели, из которой эта гипотеза выводится.

Трудность, возникающая в случае использования нами интерпретаций, подобных тем, которые предлагают Мьяки или Хаусман, заключается в том, что модели Акерлофа и Шеллинга включают в себя много других допущений, которые не относятся к числу хорошо обоснованных обобщений и не корреспондируются с оговорками о невмешательстве или *ceteris paribus* в предлагаемой создателем модели гипотезе. Акерлоф исходит из допущений о существовании лишь двух типов продавцов, о том, что все продавцы нейтрально относятся к риску, о том, что все автомобили различаются только индексом качества и так далее. Согласно допущениям Шеллинга, все индивиды идентичны, за исключением цвета кожи, проживают в ячейках прямоугольной сетки и так далее. Определенно, такого рода допущения не относятся к числу хорошо обоснованных эмпирических обобщений. Возможно ли прочитать их как оговорки *ceteris paribus*?

Правдоподобные миры

Если мы попытаемся интерпретировать эти допущения как оговорки *ceteris paribus*, необходимо помнить о том, что выводимые из моделей гипотезы должны сопровождаться корреспондирующими ограничительными оговорками. То есть мы должны интерпретировать модели Акерлофа и Шеллинга как предлагаемые ими контрфактические эмпирические гипотезы относительно того, что наблюдали эти исследователи, когда принимаемые ими допущения являются истинными. Но в том случае, когда мы будем следовать логике этого подхода, то закончим устранением из приложений модели едва ли не всего их эмпирического содержания, что не позволяет достичь предполагаемой цели неточного дедуктивного метода. Взять хотя бы модель Шеллинга. Предположим, что мы прочитаем ее следующим образом: *если* люди живут в шахматных городах, и *если* они имеют только два цвета кожи, и *если* каждый человек был бы доволен только в том случае, когда по меньшей мере треть его соседей принадлежала бы к той же расе, что и он сам, и *если* ..., и *если* ... (проходим по всему списку условий модели), то *тогда* в наших городах царил бы сегрегация. Это вообще не эмпирическое утверждение, а теорема.

Возможно, для того чтобы привести модели Акерлофа и Шеллинга в соответствие со схемой Хаусмана, необходимо интерпретировать выдвигаемые ими и доставляющие массу хлопот допущения как «упрощения и т.д.» (см. шаг 2). Однако в этом случае мы лишь уклоняемся от обсуждения проблемы, поскольку сразу же возникает вопрос о том, насколько законным является введение такого рода упрощений в дедуктивный аргумент. Выводы дедуктивного аргумента не могут быть более строгими, чем его исходные предпосылки. Таким образом, любая генерируемая посредством дедуктивного метода гипотеза должна иметь имплицитные условные оговорки, корреспондирующиеся с используемыми в качестве исходных предпосылок допущениями. В применении к гипотезам Акерлофа и Шеллинга это положение едва ли является верным.

Для того чтобы понять, что именно делают Акерлоф и Шеллинг, мы должны осознать, что дедуктивно выводимые ими из моделей результаты отнюдь не тождественны предлагаемым учеными гипотезам. Что показывают нам Акерлоф и Шеллинг, используя модели? Акерлоф демонстрирует, что в определенных условиях (два типа торговцев, различающиеся исключительно уровнем качества автомобиля, оценка продавцами автомобилей данного уровня качества составляет $\frac{2}{3}$ от их оценки покупателями и т. д.) рыночная торговля «замирает». К числу условий Акерлофа относится и допущение об асимметричности информации: продавцам, в отличие от покупателей, известно об уровне качества автомобилей. Кроме того, Акерлоф показывает, что для возобновления торговли достаточно

Роберт Сагден

единственного изменения в наборе условий – введения допущения о симметричном характере информации вместо допущения об ее асимметричности. Акерлоф получает результат, но только для четко определенной совокупности других условий. Если не вдаваться в подробности, то результат *ceteris paribus* может быть сформулирован следующим образом: если значения всех остальных учитываемых в модели переменных остаются постоянными, то повышение асимметричности информации ведет к сокращению объема торговли.

Что можно сказать о Шеллинге? Ученый показывает – или, строго говоря, приглашает нас продемонстрировать самим себе, – что в определенных условиях (люди подразделяются на представителей двух рас, каждый человек имеет свое место на шахматной доске и т. д.) независимый индивидуальный выбор места проживания генерирует сегрегированные городские районы. В число условий входит, в частности, отдельное допущение относительно индивидуальных предпочтений по поводу состава жителей района в зависимости от цвета их кожи: люди предпочитают, чтобы доля их соседей из числа людей с другим цветом кожи составляла определенную пропорцию p . Шеллинг приглашает нас рассмотреть различные значения p . Мы обнаруживаем, что состав сегрегированных районов постоянно изменяется безотносительно используемого нами значения p , при условии, если его значение меньше 1. Если $p = 1$, то людям абсолютно безразличен цвет кожи их соседей, а значит, состав сегрегированных районов остается неизменным. (Шеллинг не упоминает об этом результате, однако секундного размышления над его моделью достаточно для того, чтобы сделать самостоятельный вывод). Таким образом, мы приходим к результату *ceteris paribus*, аналогичному тому, который был получен Акерлофом: мы обнаружили, что при условии неизменности определенных в модели значений других переменных, изменение значения p оказывает воздействие на состав жителей сегрегированных районов.

Если рассуждать на более абстрактном уровне, обозначим x переменную, значение которой мы пытаемся объяснить, а $(v_1, \dots, v_n)$ – круг переменных, которые могут оказывать некое влияние на x . И Акерлоф, и Шеллинг успешно выводят истинное суждение о форме: если значения $v_1, \dots, v_n$ остаются постоянными и составляют $v_2^*, \dots, v_n^*$, то отношение между v_1 и x составляет .... Значения $v_2^*, \dots, v_n^*$ «встроены» в релевантную модель. В случае если мы рассматриваем номинальные значения, эта исходная предпосылка говорит нам не об отношении v_1 и x в действительном мире, но об их отношении в контрфактическом мире.

Однако и Акерлоф, и Шеллинг стремятся убедить нас если не в истинности, то по крайней мере в правдоподобности выдвигаемых ими определенных, гораздо более общих исходных предпосылок.

Правдоподобные миры

Когда Акерлоф говорит о «принципе лимонов», он имеет в виду существенно более широкое обобщение. Одна из его возможных формулировок могла бы звучать следующим образом: для всех рынков, если все остальные их свойства остаются неизменными, повышение степени асимметричности информации ведет к сокращению объема торговли. Аналогично, формулировка предлагаемого Шеллингом обобщения могла бы звучать примерно так: во всех многоэтнических городах, в тех случаях, когда люди избегают, с точки зрения проживания, районы, в которых преобладают представители другой этнической группы, будут формироваться жестко сегрегированные районы проживания. В более абстрактной записи, обобщения, подразумеваемые Акерлофом и Шеллингом, принимают следующую форму: если значения $v_2, \dots, v_n$ остаются постоянными при любом данном значении, то отношение между v_1 и x составляет ....

Если мы интерпретируем эти обобщения как гипотезы, предполагается, что модели дают нам все основания относиться к ним как к истинным. Если мы интерпретируем эти обобщения как наблюдаемые закономерности, предполагается, что модели позволят нам объяснить, почему они являются истинными. Однако дедуктивное обоснование не позволяет нам устранить разрыв между специфическими суждениями, которые как мы видим, являются истинными в мире модели (речь идет об истинных суждениях, при условии что $v_2, \dots, v_n$ имеют постоянные значения $v_2^*, \dots, v_n^*$), и общими суждениями, которые нам предлагается учитывать (имеется в виду, что они являются истинными при условии, что $v_2, \dots, v_n$ остаются постоянными при любых значениях). Следовательно, необходимо осуществить переход от отдельной, истинной в мире модели, гипотезы к общей гипотезе, которая, как мы ожидаем, останется истинной и в реальном мире.

8. Индуктивный вывод

Как осуществить этот переход? Выше (см. раздел 3) мы уже обозначили некую закономерность (плохие товары вытесняют хорошие, расовая сегрегация, сохраняющаяся несмотря на изменение географических границ), которая может проявляться, а может и не проявляться в реальном мире, как R . Для обозначения комплекса каузальных факторов (продавцы лучше информированы, чем покупатели, общее предпочтение заключается в том, чтобы избегать излишнего количества соседей отличного от своего собственного типа), которые в реальном мире могут оказывать, а могут и не оказывать воздействие, сохраним F . Представляется, что ход размышлений Акерлофа и Шеллинга заключался в следующем:

Роберт Сагден

Схема 1: Объяснение

E_1 – в мире модели R вызвано воздействием F .

E_2 – F оказывает воздействие в реальном мире.

E_3 – R имеет место в реальном мире.

Следовательно, у нас есть основания полагать:

E_4 – и в реальном мире R вызвано воздействием F .

При альтернативном прочтении Акерлофа и Шеллинга, согласно которому авторы выдвигают эмпирические гипотезы, последовательность их умозаключений может быть представлена следующим образом:

Схема 2: Предсказание

P_1 – в мире модели R вызвано воздействием F .

P_2 – F оказывает воздействие в реальном мире.

Следовательно, у нас есть основания полагать:

P_3 – R имеет место и в реальном мире.

Третье возможное прочтение Акерлофа и Шеллинга предполагает абдуктивный ход мысли (когда причины выводятся из следствий)¹⁵.

Схема 3: Абдукция

A_1 – в мире модели R вызвано воздействием F .

A_2 – R имеет место и в реальном мире.

Следовательно, у нас есть основания полагать:

A_3 – F оказывает воздействие в реальном мире.

В каждой из этих трех схем переход «тем самым» предполагает осуществление индуктивного «скачка». Под «индукцией» я понимаю любой способ рассуждений, который позволяет нам перейти от специфических умозаключений к более общим. В данном случае, в применении к модели, специфическое умозаключение состоит в том, что R вызвано воздействием F . Для того чтобы обосновать каждое «тем самым», мы должны обосновать, что R вызвано воздействием F и в более общем случае. Если имеет место общая причинно-следственная связь между F и R , тогда мы наблюдаем совместное существование F и R в некоем отдельном случае (то есть в случае реального мира) и у нас есть основания полагать, что отдельное R вызвано отдельным F (объяснение). Аналогично, когда мы в отдельном случае наблюдаем F , у нас появляются некоторые основания ожидать и возникновения R (предсказание).

---

15. Эта интерпретация была предложена Мартенем Янсенем.

Правдоподобные миры

Если же мы в отдельном случае наблюдаем R , то у нас есть некоторые основания ожидать, что будет обнаружено и F (абдукция). По-видимому, метод Акерлофа и Шеллинга не относится к числу чисто дедуктивных, поскольку он зависит как от дедукции, так и от индукции. Насколько обоснованными являются эти индуктивные выводы?

9. Обоснование индукции: разложимость

Один из возможных ответов предполагает обращение к одной очень общей гипотезе относительно причинно-следственных связей, которая впервые (насколько мне известно) была высказана Миллем. Милль определяет феномен как механистический, если общий эффект всех каузальных факторов может быть представлен как сумма воздействий этих отдельных факторов по аналогии со сложением векторов сил в ньютоновской физике. Принимая эту гипотезу соединения каузальных факторов, мы получаем основания для истинных суждений *ceteris paribus*, которые были сделаны относительно модели, к более общим суждениям *ceteris paribus*, которые могут применяться и в отношении реального мира¹⁶. Используя обозначения, введенные в разделе 6, мы сразу же устраняем разрыв между суждением, которое является истинным, если переменные $v_2, \dots, v_n$ остаются постоянными, имея специфические значения $v_2^*, \dots, v_n^*$, и суждением, согласно которому является истинным, если что $v_2, \dots, v_n$ остаются постоянными при любых своих значениях: если суждение является истинным в первом случае, тогда (если гипотеза по поводу объединения воздействий каузальных факторов истинна) оно справедливо и во втором случае. Однако есть ли у нас основания использовать эти гипотезы сами по себе?

В некоторых случаях могут иметься законные основания для того, чтобы рассматривать гипотезы как полностью доказанный научный закон – как в случае парадигмы о соединении сил в физике. По-видимому, Милль рассматривает как априорно истинное утверждение о том, что «сложение причин есть всеобщий закон общественных явлений» (Mill, 1843, Book 6, ch. 7, p. 573; Милль, 2011, с. 653). В то же время аргумент, приводимый Миллем в обоснование этого утверждения, представляется неадекватным. Он просто декларирует, что «в общественной жизни люди обладают лишь такими свойствами, которые вытекают из законов природы отдель-

---

16. Роль аргументации данного типа в научном методе Милля исследует Н. Картрайт (Cartwright, 1998).

Роберт Сагден

ного человека и могут быть к ним сведены». Но даже в том случае, если мы принимаем это утверждение, единственное, что из него следует, – разложимость социальных фактов на факты об индивидах. Но мы не установили разложимость *каузальных факторов*. Таким образом, тот факт, например, что общество представляет собой совокупность индивидов, не позволяет нам сделать дедуктивный вывод о том, что если в определенных обстоятельствах увеличение цены на некое благо становится причиной уменьшения его потребления, то та же самая причина вызовет тот же самый эффект и в других обстоятельствах.

В защиту метода Милля в экономической науке высказывается, например, Хаусман (Hausman, 1992: 138). Он утверждает, что предположение Милля о механицизме экономических моделей «имплицитно присутствует в большинстве приложений экономических моделей», и продолжает: «Это единственная основа их успешности». Другими словами, это предположение является индуктивным выводом на основе анализа общего опыта экономического моделирования.

Однако этот аргумент, как представляется, уводит нас в сторону от предмета дискуссии. В интересах нашего обсуждения, допустим, что экономическое моделирование достаточно часто бывает успешным – успешным с точки зрения предложенного Хаусманом критерия, заключающегося в выступлении с правильными предсказаниями относительно реального мира. Даже в этом случае объяснение успеха может заключаться в том, что экономисты достаточно осторожны и не используют модели до тех пор, пока не получают некие независимые доводы в пользу того, что некий *отдельный* феномен, который они пытаются объяснить, является механистическим, или, если говорить в общем, до тех пор пока они не получают некие независимые подтверждения, необходимые для того, чтобы сделать отдельные индуктивные выводы, позволяющие перейти от мира модели к реальному миру. Учитывая *prima facie* невероятность допущения о том, что все экономические феномены являются механистическими, было бы удивительно обнаружить, что это допущение было главным основанием для индуктивных выводов из теоретических моделей. Мы обязаны найти иные основания.

10. Обоснование индукции: устойчивость

Один из способов обоснования индукции заключается в демонстрации *устойчивости* результатов, полученных с помощью модели к изменениям в описании этой модели. Гиббард и Вариан, обращаясь к такому критерию, как устойчивость, высказывая пред-

Правдоподобные миры

положение о том, что подобные карикатурам модели помогают нам глубже понять реальность. Они пишут, что «выводы [должны] быть устойчивыми, сохраняя свою силу и в случае внесения изменений в карикатуру» (Gibbard, Varian, 1978, 675). К аналогичному заключению приходит и Хаусман, рассматривающий условия обоснованного использования упрощений (т. е. суждений, не являющихся истинными в реальном мире) на второй стадии предложенного им неточного дедуктивного метода (Hausman, 1992: 149). Хаусман предлагает набор условий, которые он характеризует как «разумный критерий вынесения суждения об ошибочности упрощений в случаях, когда они нерелевантны полученным с их помощью выводам».

Одно из важнейших приложений данного подхода заключается в выводе о том, что упрощения не нуждаются в изоляции. Взять хотя бы шахматный город Шеллинга. Простота шахматного города заключается в том, что его паттерн повторяется: если бы мы игнорировали края доски, то каждое местоположение было бы идентично всем другим. (Более склонные, чем Шеллинг, к ярким эффектам теории, вероятно, нарисовали бы шахматную доску на торе, так чтобы у нее вообще не было границ; тем самым мы получили бы город, расположенный на планете, имеющей форму бублика). Это свойство «повторяемости» существенно облегчает анализ модели. Однако мы не можем сказать, что шахматная доска *изолирует* некоторые аспекты городов, посредством «герметизации» других реально действующих факторов — задумайтесь хотя бы над тем, удалось бы нам «герметизировать» реальный город, такой как, например, Норидж, до состояния шахматной доски? Заметьте, чтобы следовать плану шахматной доски, недостаточно предположить, что все места жительства идентичны друг другу (то есть использовать «родовую» концепцию места жительства): нам необходимо использовать *отдельную форму* родового места жительства. Поэтому, мне представляется, что было бы более естественным сказать, что шахматный план представляет собой нечто, что Шеллинг *построил* для самого себя. Если мы полагаем, что результаты Шеллинга демонстрируют устойчивость к изменению шахматного допущения, значит, оно может быть обосновано даже в том случае, когда не является изолированным¹⁷.

---

17. В данном случае возможна аналогия с экспериментальным методом. Мы знаем, что для проверки и уточнения гипотез относительно биологической эволюции биологи-экспериментаторы используют мух-дрозофил, хотя эти гипотезы могут относиться к самым разным видам живых существ (и даже к человеку). Популярность мух-дрозофил объясняется простотой их содер-

Роберт Сагден

Аргументы об устойчивости дают нам основания полагать, что результат, полученный с помощью некоей специфической модели, может быть достигнут и на основе широкого класса моделей или на базе некоей общей модели, включающей в себя исходную как особый случай. Экономисты-теоретики отдают предпочтение общим моделям и прилагают значительные усилия для обобщения полученных результатов. Исходя из своего опыта, теоретики предчувствуют, какие результаты могут быть обобщены, а какие нет. Основной способ проведения этого различия, как я полагаю, состоит в том, чтобы изучить связи между допущениями модели и полученными результатами и попытаться обнаружить, какие из допущений (как говорят теоретики) «делают свое дело». Если модель уже была представлена неким обобщенным способом, довольно часто бывает полезным свести ее к простейшей форме, а затем попытаться выяснить, какие из допущений наиболее тесно ассоциируются с выводом релевантного результата¹⁸.

Возвращаясь к моделям Акерлофа и Шеллинга, заметим, что у нас есть все основания полагать, что используемые в них упрощающие допущения «перпендикулярны» измерению, в котором «работают» модели: это упрощающие допущения, которые могли быть изменены или обобщены без какого-либо воздействия на качественные результаты. Во многих случаях об этом говорит и сам Акерлоф. Вспомним, например, место, в котором обсуждается нейтральность по отношению к риску. Если бы Акерлоф ввел допущение о несклонности к риску, работа с его моделью была бы существенно более трудной; в то же время, как представляется, допущения о нейтральности по отношению к риску никак не влияют на важнейшие качественные выводы. Аналогично, в случае с моделью Шеллинга, собственно шахматная доска никак не влияет на тенденцию к сегрегации. Шеллинг чувствует себя достаточно уверенно, чтобы пригласить читателя использовать его модель в применении к другим игровым доскам. Для него не имеет значе-

---

жания в лаборатории и очень высокой скоростью размножения. Однако никто не рассматривает дрозофил как упрощенный вариант человека, полученный посредством изоляции некоторых его ключевых свойств. Напротив, биологи утверждают, что определенные фундаментальные эволюционные механизмы являются общими и для людей, и для дрозофил.

18. Акерлоф и Шеллинг ведут себя не типично, предлагая простые, образные модели и оставляя задачу обобщения специалистам по экономической теории. В отличие от них, большинство теоретиков представляют свои модели в как можно более общей форме. Если я правильно оцениваю важность сведения модели к простейшей форме, что позволяет судить о возможности обобщений, то избранный Акерлофом и Шеллингом способ представления моделей является более информативным.

Правдоподобные миры

ния ни количество клеток на доске, ни форма ее клеток (они могут быть, например, треугольными или шестиугольными).

Заметим, что этот способ рассуждений сохраняется и в мире моделей (это объясняет, в частности, почему он так нравится теоретикам). Он позволяет распространять индуктивные выводы, полученные с помощью одной или небольшого количества моделей, на *модели* в общем. Например, экспериментируя с моделью Шеллинга и изменяя значения различных ее параметров, я обнаружил, что описываемые ее создателем закономерности действительно имеют место. Читая Шеллинга и размышляя над результатами, мне показалось, что у меня возникло некоторое понимание причин этих результатов; однако я не могу привести никаких доказательств, подтверждающих, что эти результаты *должны* быть получены (или, что они должны быть получены с высокой вероятностью). Моя уверенность в том, что я получил бы сходные результаты, используя различные значения параметров, является индуктивным выводом. Я уверен (хотя и в меньшей степени, чем в предыдущем случае), что получил бы во многом схожие результаты, если бы доска состояла не из квадратов, а из треугольников или шестиугольников. И этот вывод также является индуктивным.

В то же время очевидно, что мы не сможем навсегда остаться в мире моделей. Если теоретик должен что-то сказать и о реальном мире, значит, между этими двумя мирами должна быть какая-то связь. Например, недостаточно быть убежденным в том, что показанное Шеллингом для шахматных городов справедливо и для других модельных городов. Мы должны быть убеждены и в том, что выявленные закономерности распространяются и на реальные города. Мы должны думать примерно так: если продемонстрированное нам Шеллингом истинно для шахматных городов, это вероятно будет истинно и для городов вообще. Что делает наши индуктивные выводы правдоподобными?

11. Обоснование индукции: правдоподобные миры

Процесс индуктивных умозаключений предполагает, что определенный набор наблюдений $x_1, \dots, x_n$ позволяет обнаружить некую закономерность R и прийти к выводу, что та же самая закономерность, вероятно, будет обнаружена и в общем наборе феномена S , содержащего не только $x_1, \dots, x_n$, но и другие элементы, которые не удалось обнаружить в процессе наблюдений. Например, различные варианты шахматного города Шеллинга, с которыми я экспериментировал, могут быть представлены как $x_1, \dots, x_n$, зарождающаяся сегрегация в модельных городах – как R , а множество всех шахматных горо-

Роберт Сагден

дов — как S . Обнаружив R в n отдельных городах, я прихожу к выводу, что это свойство является общим для всех шахматных городов.

Индуктивные рассуждения с неизбежностью зависят от предыдущих представлений о сходстве: мы должны интерпретировать S как определение некоего *релевантного* или *характерного* отношения, в котором $x_1, \dots, x_n$ являются схожими. Многие из философских загадок, связанных с индукцией, коренятся в трудностях, связанных с обоснованием любого критерия сходства¹⁹. Очевидно, что я и не думал решить все эти сложные задачи к концу статьи, посвященной экономическим моделям²⁰. Для меня здесь важно, что, если мы распространяем выводы, сделанные в мире моделей на реальный мир, мы обязаны признать существование значительного сходства между этими мирами.

В том случае, когда мы интерпретируем Акерлофа и Шеллинга, используя схему 1 или схему 2 (см. раздел 8), мы имеем основания утверждать, что это сходство обусловлено набором каузальных факторов F : общее между двумя мирами заключается в том, что в каждом из них присутствует набор этих факторов. Можно взглянуть на проблему иначе. Реальный мир эквивалентен бесконечно сложной модели: мы имеем дело с предельным случаем процесса замещения упрощающих допущений исходной модели все более реалистичной детализацией. Чтобы (см. обоснование в разделе 10) иметь возможность законным образом распространить индуктивные выводы, полученные на основе анализа простой модели, на несколько более сложные варианты, мы должны иметь *некоторую* гарантию относительно справедливости выводов и для существенно более сложных вариантов, а значит и для реального мира. Однако огромная разница в степени сложности реального мира и любой модели, которую мы хотели бы проанализировать (а значит, и очевидное отсутствие сходства между ними), требует особой осторожности, когда мы распространяем выводы, истинные для модели, на реальный мир.

Что могло бы упрочить нашу уверенность в справедливости такого рода выводов? Полагаю, что мы испытывали бы большую уверенность в том случае, если бы мы могли относиться к релевантной модели как к описанию того, каким *мог бы быть* мир.

---

19. Особенно важной (и трудной) является проблема «зелубого», поднятая Нельсоном Гудменом (Goodman, 1954).

20. Что касается моего мнения, то здесь я склонен согласиться с исходным диагнозом Давида Юма: индукция основывается на ассоциациях идей, которые человеческое сознание находит естественными (Юм, 1998, кн. 1, ч. III). Если этот диагноз правилен, то концепции сходства, основывающиеся на индуктивных умозаключениях, могут объясняться в терминах психологии, что, впрочем, не означает, рационального их обоснования.

Правдоподобные миры

Поясним, о чем идет речь. Чаще всего индуктивные выводы используются для того, чтобы «перенести» нас из одной части реального мира в другую. Например, предположим, что мы наблюдаем расовую сегрегацию на рынках жилья в Балтиморе, Филадельфии, Нью-Йорке, Детройте, Толедо, Буффало и Питтсбурге. Отсюда мы можем сделать индуктивный вывод о том, что сегрегация – это характерная черта крупных индустриальных городов на северо-востоке США. Отсюда формируется ожидание, что сегрегация не обошла стороной и такой город, как, скажем, Кливленд. Вероятно, что этот вывод основывается на мысли о том, что воздействующие на рынок жилья в Кливленде силы, независимо от того, какой именно характер они носят, в широком смысле сходны с теми, действие которых мы наблюдаем в других крупных промышленных центрах на северо-востоке США. Истинное для этих городов свойство в общем, скорее всего, останется истинным и для Кливленда. Один из способов описания умозаключения, к которому мы пришли, состоит в том, чтобы сказать, что рынки жилья в Балтиморе, Филадельфии, Нью-Йорке и т. д. представляют собой *модель* сил, воздействующих на крупные города на северо-востоке США. Конечно, в данном случае мы будем иметь дело с естественными моделями, рассматриваемыми как противоположность *теоретическим* моделям, рождающимся в головах исследователей. Однако если мы способны сделать индуктивные выводы из естественных моделей, что мешает нам сделать точно такие же выводы из теоретических моделей? Неужели география Кливленда в большей степени ближе к географии Балтимора или Филадельфии, чем к географии шахматного города Шеллинга?²¹

Что делает Шеллинг? Он создает набор воображаемых городов. Понимание принципов жизни в них не вызывает у нас ни малейших проблем. Расовая сегрегация развивается в них только в тех случаях, когда у жителей имеются определенные предпочтения относительно расового состава соседей. При этом жесткая сегрегация возникает даже тогда, когда эти предпочтения являются относительно мягкими. Кроме того, мы обнаруживаем, что со временем в случае сохранения сегрегации пространственные границы между расами в этих

---

21. Одно из приложений рассматриваемого нами способа мышления заключается в том, что закономерности реального мира (в данном случае присущие городам, которые отличаются друг от друга в самых разных аспектах) способны упрочить уверенность в возможности перенесения индуктивных выводов, полученных в процессе анализа модели, на реальный мир. Тот факт, что расовая сегрегация является общей для множества различных городов, позволяет предположить, что ее причины никак не связаны с измерениями, по которым города отличаются друг от друга.

Роберт Сагден

воображаемых городах начинают изменяться. В сущности, нам предлагают сделать индуктивный вывод, согласно которому схожие причинно-следственные процессы имеют место и в реальных многонациональных городах. Присмотримся, что в действительности происходит в таких городах? Мы обнаруживаем, что в них имеет место жесткая пространственная сегрегация этнических групп, границы между которыми со временем изменяются. Поскольку в реальных и воображаемых городах мы наблюдаем одни и те же последствия, предположение о том, что они были вызваны одними и теми же причинами представляется, по меньшей мере, правдоподобным. Таким образом, у нас появляются некоторые основания полагать, что сегрегация в реальных городах вызывается предпочтениями их жителей по поводу этнического состава соседей, а степень сегрегации инвариантна изменениям в силе этих предпочтений.

Обратимся к Акерлофу. Он создает два варианта воображаемого рынка подержанных автомобилей. Согласно одному из них покупатели и продавцы располагают в равной степени несовершенной информацией о качестве автомобилей, а торговля осуществляется в «нормальном режиме». Во втором случае продавцы имеют информационное преимущество перед покупателями, а торговля сходит на нет. Когда мы начинаем размышлять о том, как работают эти рынки, у нас возникает вполне правдоподобное предположение о возможности создания большого количества вариантов воображаемых рынков, общая черта которых состоит в том, что *ceteris paribus* по мере снижения степени симметричности информации объем торговли уменьшается. В сущности, нам предлагают сделать индуктивный вывод, согласно которому на реальных рынках происходят во многом схожие каузальные процессы, характеризующиеся одними и теми же последствиями. Таким образом, и на реальных рынках *ceteris paribus* объем торговли положительно связан с информационной симметрией.

Я полагаю, что степень нашей уверенности в такого рода индуктивных умозаключениях повышается, благодаря тому, что мы получаем возможность рассматривать релевантные модели как примеры в некоей категории; при этом часть относящихся к ней примеров относится к числу существующих в реальном мире. В результате мы рассматриваем шахматные города Шеллинга как *возможные города* в числе реально существующих Нью-Йорка и Филадельфии. Мы рассматриваем рынок подержанных автомобилей Акерлофа как *возможный рынок* в ряду других реальных рынков, таких как реальный рынок бывших в употреблении машин в одном из городов или рынок страховых полисов определенного типа. Мы признаем всю важность сходства между модельными и реальными городами, или между модельными и реальными рынками, соглашаясь с тем,

Правдоподобные миры

что мир модели *мог бы быть* реальным. Это означает, что исходя из того, что мы знаем (или полагаем, что нам известно) об общих законах, направляющих развитие событий в реальном мире, мы рассматриваем мир модели как *правдоподобно* описывающий состояние дел. С этой точки зрения модель является не столько абстракцией реальности, сколько параллельной реальностью. Нельзя сказать, что мир модели создается на основе реального мира посредством устранения усложняющих его факторов – хотя мир модели проще, чем реальный мир, первый не является *упрощением* второго.

Правдоподобность моделей, как я полагаю, в чем-то сродни правдоподобности «реалистических» литературных произведений. Герои и места, в которых происходит действие реалистического романа – плоды воображения писателя, которому тем не менее удалось убедить нас в их правдоподобности, в том что такие места и люди могли бы существовать. По мере чтения романа у нас возникает ощущение, что происходящие в нем события являются естественными результатами того, как думают и ведут себя герои, и того, как существует наш мир. Если мы находим, что герой ведет себя не так, как это должно было бы быть, исходя из его характера, у нас складывается мнение, что автор ошибается. То же самое ощущение возникает и в случае, если мы обнаруживаем в историческом романе некий анахронизм, – мы знаем, что эти вещи никак *не могли* произойти. Но мы ведь не требуем, чтобы описываемые в романе события происходили на самом деле. Мы не рассчитываем даже на то, что это будет упрощенное представление того, что произошло в реальной жизни. (Конечно же, упрощение и изоляция рассматриваются как вполне допустимые; мы не ожидаем, что нам будет предложено полное описание того что делают или думают герои. При этом упрощению подвергается не мир действительных событий, но мир придуманный писателем). Мы можем превозносить роман за «правду жизни», одновременно соглашаясь с тем, что каждое событие в нем является выдуманным. В то же время мы признаем, что те или иные черты героев романа являются типичными, присущими и тем людям, с которыми мы лично знакомы. Если роман воспринимается нами как правдивый, мы даже задаем вопросы «Что произошло бы в том случае, если..?» (во многом сходным образом поступают экономисты, использующие модели). Когда мы следим за реакциями героев на события, в отношении которых мы не имеем собственного опыта, то очень часто размышляем над тем, как мы вели бы себя в схожих обстоятельствах²².

---

22. Помню, что в юности на меня произвел очень глубокое впечатление роман Стэна Барстоу «Любовь... Любовь?». Его главный герой – типичный для ре-

Роберт Сагден

Впрочем, читатель имеет право ожидать от меня большего, чем простой аналогии. Очевидно, что я обязан ответить на вопрос о том, что обеспечивает правдоподобность экономических моделей. Но все что я могу сказать по этому поводу, — весьма далеко от исчерпывающего ответа; лучшее что я способен предложить — это несколько критериев, которыми я сам руководствуюсь в процессе создания моделей и которые представлены в вызывающих мое восхищение экономических моделях.

Для меня лично одним из важнейших измерений правдоподобности является *связность и непротиворечивость* модели. Тезис о том, что теоретическая модель должна быть *логически* связной, признается всеми. Но я имею в виду нечто большее. Допущения хорошей модели должны быть связными в более широком смысле, чем их естественное соответствие друг другу. Например, в некоторых экономических моделях допускается, что агенты хорошо информированы и ведут себя рационально, в то время как другие основываются на допущениях о том, что агенты плохо информированы и руководствуются преимущественно житейскими соображениями. Ответ на вопрос о том, какой тип модели окажется наиболее полезным для объяснения некоего феномена, требует оценочного суждения. Однако создатель модели, в которой используется явно случайная «смесь» из двух видов допущений — допущение о гиперрациональности в одном контексте и ограниченной рациональности в другом, — делает ту же самую ошибку, что и автор романа, когда он «заставляет» героя поступать так, как тому совершенно несвойственно. В отсутствие связности результаты модели не могут рассматриваться как естественным образом вытекающие из четкой концепции возможного мира; это вызывает подозрения, что допущения были «сколочены» друг с другом на скорую руку, только для того, чтобы получить заранее ожидаемые результаты. Описания таких *ad hoc* моделей часто встречаются на страницах экономических журналов; впрочем, их распространенность никак не может служить оправданием.

Для того чтобы модель воспринималась как правдоподобная, достаточно, чтобы используемые в ней допущения были связными и не противоречили друг другу; кроме того, они должны соответствовать тому, что нам известно о каузальных процессах в реальном мире. Так допущение Акерлофа, согласно которому рыночные цены стремятся к равновесному уровню, обосновывается

листических произведений писателей северной Англии молодой человек, вынужденный жениться на девушке, которая вынашивает их ребенка. Читая эту книгу, я очень глубоко осознал гипотетические последствия действий, возможность которых со своей стороны я даже не мог вообразить.

Правдоподобные миры

множеством фактических подтверждений, полученных на «естественных» и лабораторных рынках. Допущение Шеллинга о том, что многие люди имеют, по крайней мере, мягкие сегрегационные предпочтения соответствует психологическим и социологическим свидетельствам, а также подтверждается общей интуицией и опытом. В то же время допущения, на которых основывается модель, совсем не обязательно (даже с учетом упрощения) должны соответствовать некоей *отдельной* ситуации в реальном мире. Таким образом, у нас нет никаких оснований возражать против допущения Акерлофа о том, что функции полезности автомобилей для продавцов подразделяются на денежную и качественную, или посылки, в соответствии с которой ценность автомобилей для продавцов одного типа ровно на 50% больше, чем для продавцов другого типа. В данном случае мы имеем дело с *ограничительными* допущениями, однако они кажутся достаточно *репрезентативными* по отношению к людям, которые продают автомобили в реальном мире. Схожим образом автор романа может назвать своего главного героя Фрэнком, заявить, что ему 48 лет отроду и поселить в Ипсвиче. Это в высшей степени ограничительное описание полностью оправданно, если логика романа требует, чтобы его главным героем был англичанин средних лет. Ведь герою требуется *какое-то* имя, он должен прожить *какое-то* количество лет в *каком-то* городе; поэтому приведенное писателем описание адекватно представляет англичанина средних лет (в отличие от ситуации, если бы героя звали Утконосом).

Акерлоф прилагает особенно большие усилия для того, чтобы его модель воспринималась как правдоподобная в том смысле, о котором мы говорим. Мир его модели гораздо более однороден и постоянен, чем реальный мир. Однако Акерлоф пытается убедить нас, что и в реальном мире *мог бы* существовать рынок подержанных автомобилей подобный тому, что описывается в модели. Его «автомобили» и продавцы далеко не столь примитивны, как того требует формальная дедуктивная система. Я полагаю, что мир, который вообразил себе Акерлоф, «населяют» автомобили, похожие на реальные машины, и продавцы, напоминающие реальных торговцев. Он настолько близок реальному миру, что мы легко можем представить себе, что он реален. Вспомним, что в своей статье Акерлоф, как представляется, то и дело «соскальзывает» с разговора о своей модели на разговор о реальном рынке подержанных автомобилей. Это еще одно подтверждение того, что Акерлоф думает о своей модели так, как будто она является реальной.

На первый взгляд, Шеллинга гораздо меньше волнует вопрос о том, воспримут ли читатели мир его модели как возможную реальность. В отличие от стратегии Акерлофа, представляющего

Роберт Сагден

свою модель как один из типичных случаев из практики, Шеллинг постоянно называет два типа действующих в модели лиц «даймами» (монета в 10 центов) и «пенни» (монета в 1 цент). Но это, возможно, обусловлено стратегией Шеллинга просить читателя совершать действия в модели: он говорит «теперь переместим этот дайм», а не «этот дайм теперь перемещается». Возможно, это также отражает нежелание Шеллинга рассматривать вопрос о расовых предрассудках напрямую. Однако, когда он описывает законы движения этих монет, становится очевидным, что Шеллинг ожидает, что мы будем думать о них как о людях. Например, согласно одному из его предположений, «мы можем постулировать, что каждый дайм желал бы, чтобы по крайней мере половина его соседей была даймами, а каждый пенни хотел бы, чтобы по крайней мере одна треть его соседей была из числа пенни; поэтому каждый дайм или пенни, для которого эти условия соседства не выполняются, собирается и уходит» (Schelling, 1978, 147–148). Или место, где он прямо говорит о дайме или пенни в мире даймов и пенни: «Он доволен или недоволен своим местом жительства в зависимости от того, какого цвета его соседи, занимающие эти восемь соседних квадратов (р. 148). Даже с учетом того, что использование «он» и «цвет» вместо «она» и «тип монеты» — это, скорее всего, просто оговорки автора, не вызывает сомнений, что Шеллинг стремится к тому, чтобы мы разглядели за даймами и пенни две группы людей, испытывающих определенное смущение от того, что им приходится жить по соседству друг с другом. Очевидно, что автор ожидает от нас и того, что мы будем воспринимать шахматную доску как город (или иное социальное пространство, такое, например, как зал кафетерия). Более того, он побуждает нас к восприятию установок этих людей по отношению друг к другу как правдоподобные и понятные, и даже извинительные (вспомним предшествующий модели шахматной доски его пассаж о распределении мест за столиками в кафетерии). Шеллинг предлагает нам модель города, жители которого *похожи* на настоящих людей.

12. Заключение

В этой своей статье я несколько раз упоминал об удивившей меня общей черте работ Акерлофа и Шеллинга. У меня создалось впечатление, что оба автора хотели выступить с эмпирическими утверждениями о некоторых свойствах реального мира, обосновывая их с помощью моделей. Однако при более тщательном изучении текстов, мне не удалось обнаружить явным образом выраженную связь между моделями и реальным миром. Оба автора обсужда-

Правдоподобные миры

ют феномены реального мира, но ни один из них, как представляется, не готов предложить хоть какой-то определенный вывод из рассматриваемых моделей. Неудивительно, что они не предлагают и ни одной явным образом сформулированной гипотезы, которая могла бы быть подвергнута проверке.

Я полагаю, что объяснение загадки в том, что Акерлоф и Шеллинг увлеклись теоретизированием, полезность которого зависит от возможности распространения полученных с помощью модели индуктивных выводов на реальный мир. К индуктивным умозаключениям может прийти каждый, но далеко не все способны убедительно обосновать полученные выводы. Поэтому неудивительно, что в тех местах, где необходимы индуктивные умозаключения, экономисты оставляют явные пробелы в эксплицитном обосновании, надеясь, что их устранят сами читатели, прибегнув к помощи интуиции. Не удивляйтесь, если вы заметите, что в стремлении скрыть эти разрывы от посторонних глаз, экономисты обращаются к арсеналу риторики.

И тем не менее, разрыв между моделью и реальным миром должен быть устранен. Если модель, пусть даже в ограниченных масштабах, действительно сообщает нам нечто о реальном мире, она не может быть *простым описанием* самодостаточного воображаемого мира. В то же время используемые в экономической науке модели часто *являются* описаниями самодостаточных и воображаемых миров. Эти миры были получены не просто посредством абстрагирования от ключевых свойств реального мира; в важнейших отношениях они были *построены* самими авторами.

В статье утверждается, что разрыв между миром модели и реальным миром может быть заполнен с помощью индуктивного умозаключения. В этом отношении модели не являются внутренне последовательными наборами не получивших интерпретации теорем; они не являются и упрощенными, абстрактными или гиперболизированными описаниями реального мира. Модели описывают правдоподобные контрфактические миры. Их убедительность дает нам определенные гарантии, позволяющие распространить полученные в процессе анализа модели индуктивные умозаключения на реальный мир.

Благодарности

Первоначальный вариант этой статьи был подготовлен для конференции «Факт или вымысел? Перспективы реализма и экономика», организованной Институтом философии и экономики Эразма Роттердамского в ноябре 1997 г. Обсуждение статьи на конференции

Роберт Сагден

позволило мне существенно улучшить ее. Прежде всего, я благодарен за ценные советы Нэнси Картрайт, Стивену Хартманну, Дэниелу Хаусману, Мартену Янсену, Ускали Мяки, Мери Морган и Крису Стармеру. Большая часть работы над новым вариантом статьи была проделана в Центре прикладной этики Университета Британской Колумбии, которому я весьма признателен за проявленное гостеприимство. Последующая работа над статьей осуществлялась при поддержке Благотворительного общества Ливерхалма.

Литература

- Акерлоф Дж. (1994). Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // *THESIS*. Вып. 5: 91–104.
- Милье Дж. С. (2011). *Система логики силлогистической и индуктивной*. М.: ЛЕЛАНД.
- Эрроу К. (2004). *Коллективный выбор и индивидуальные ценности*. М.: ГУ-ВШЭ.
- Юм Д. (1998). *Трактат о человеческой природе*. Минск: Попурри.
- Akerlof G. A. (1970). The Market for „Lemons“: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // *Quarterly Journal of Economics* 84: 488–500.
- Arrow K. J. (1963). *Social Choice and Individual Values*, 2nd edn, New Haven, CT: Yale University Press. (1st edn 1951.)
- Blaug M. (1997). Ugly currents in modern economics, paper presented at conference *Fact or Fiction? Perspectives on Realism and Economics*, Erasmus University, Rotterdam, November 1997, and in Uskali Mäki (ed.) *Fact and Fiction. Foundational Perspectives on Economics and the Economy*, forthcoming.
- Cartwright N. (1998). Capacities // forthcoming *The Handbook of Methodology*, Aldershot: Edward Elgar.
- Gibbard A. and Varian H. (1978). Economic Models // *Journal of Philosophy* 75: 664–677.
- Goodman N. (1954) *Fact, Fiction, and Forecast*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Guala F. (1999). Economics and the Laboratory. Ph. D. thesis, London School of Economics and Political Science.
- Hausman D. M. (1992). *The Inexact and Separate Science of Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McCloskey D. (1983). The Rhetoric of Economics // *Journal of Economic Literature* 21: 481–517.
- Mäki U. (1992). On the Method of Isolation in Economics // *Poznań Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities* 26: 316–351.
- Mäki U. (1994). Isolation, Idealization and Truth in Economics // *Poznań Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities* 38: 147–168.
- Mill J. S. (1843). *A System of Logic*, page references to 1967 edn, London: Longman.
- Morgan M. S. (1997). Models, Stories and the Economic World, paper presented at conference *Fact or Fiction? Perspectives on Realism and Economics*, Erasmus University, Rotterdam, November 1997, and in Uskali Mäki (ed.) *Fact and Fiction. Foundational Perspectives on Economics and the Economy*, forthcoming.
- Schelling T. C. (1978) *Micromotives and Macrobehaviour*. New York: Norton.

Научное издание

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ
Антология
под редакцией Дэниела Хаусмана

Главный редактор издательства Валерий Анашвили
Научный редактор издательства Артем Смирнов
Выпускающий редактор Елена Попова
Художник серии Валерий Коршунов

Верстка Сергея Зиновьева · *Корректоры* Любовь Агадулина,
Ольга Герасенкова

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Подписано в печать 03.07.12. Тираж 1000 экз.
Формат 70×100/16. Гарнитура ITC New Baskerville.
Заказ № . Отпечатано в типографии
ООО «Балто Принт» Utenos g. 41A, Vilnius LT-08217